

В.Н. Профимов

САБОТАЖ

Москва
Де'Либри
2018

УДК 82-311.4
ББК 84(2)
Т99

Трофимов Владимир Николаевич

Т99 Саботаж / В.Н.Трофимов – М.: "Де'Либри", 2018. – 768 с.

ISBN 978-5-4491-0134-1

Книга посвящена некоторым внешнеполитическим событиям из истории Советского Союза, а также современной России. Автор рассказывает о том, как он, государственный чиновник, в ряде случаев занимался саботажем решений руководства страны, при этом претворял в жизнь собственные идеи, противоречившие официальной внешнеполитической линии. Автор также подробно и с определенным чувством юмора описывает свои встречи и конфликты с теми, кто занимался саботажем и шпионажем, но уже в интересах других государств. Возможно, читателю будут интересны характеристики отдельных государственных и общественных деятелей СССР и России с точки зрения их лояльности интересам страны.

ISBN 978-5-4491-0134-1 © Трофимов В.Н., 2018

Оглавление

Предисловие.....	11
Глава 1. ОБСЕ	14
Плохая повестка дня.....	14
Злодейский план.....	21
"Цирк"	26
Вербовка или западня?.....	29
Вольфрамыч.....	38
Глава 2. Каспийская нефть.....	42
Красная Дума.....	43
Лукин.....	46
Шурик.....	53
Координатор.....	64
Нефть	76
Слушания	81
Новое соглашение	93
Страховочка.....	94
Глава 3. Путь в яблочный "Сатурн".....	99
Обман	101
Роковое голосование	105
Трудовой кодекс	108
Развязка.....	112
Сомнительное предложение	113
Глава 4. Нехороший комитет.....	116
Взяточник	116
Раскольник	121
Подрывник.....	129
Торговец детьми	141
Китаец и китаист.....	148

Глава 5. Казахстан. Ядерное оружие.....	151
Специалисты новой волны	151
"Невыгодная" командировка	152
Бомба.....	155
Интеллектуал	159
Ненужные склады.....	163
Итог.....	164
Глава 6. Морское право.....	166
Комиссия.....	166
Плохой начальник	167
Паспорта.....	170
Шифровочка.....	176
Подарочный фонд.....	184
Бордель	187
Наркотики	189
"Заматывать хвост"	191
Покушение	200
Травма.....	207
Коробка номер десять	210
"Утечка".....	215
Офицер безопасности	219
Красная морда.....	220
Шпион.....	224
Глава 7. Австралия и Антарктика.....	232
Необычная командировка.....	232
Погорелец.....	233
ДПО.....	239
Аэрофлотчик.....	240
Покойник.....	242
Криль.....	245
Убойное досье.....	249
Перелет.....	250

Переговоры.....	259
Известный ученый.....	264
Привилегии и иммунитеты.....	268
Роковой визит к американцам.....	275
Овцы.....	277
Попойка.....	278
Невозвращенец.....	279
Глава 8. Анти-НАТО. Альянс России, Китая и Индии	281
Два Сергея. "Пятая колонна".....	281
Глотов.....	282
Мирза и Аверчев.....	284
Запрет.....	286
Основополагающий акт.....	287
Общие цивилизационные ценности.....	290
Враг у порога!.....	291
Агитатор.....	291
БРИКС.....	293
Вербовка.....	297
Глава 9. "Кузница".....	301
Будущий министр у Лукашенко.....	301
Язык.....	302
Общага "подфаковцев".....	303
Подводник, который утопил "американца".....	307
Обитатели большой комнаты.....	310
Первая катастрофа.....	319
Вторая катастрофа.....	322
Глава 10. Первые жизненные уроки.....	329
Небесная канцелярия.....	330
Первый урок: тайный клан.....	341
Второй урок: власть.....	350
Третий урок: преступление и наказание.....	357
Четвертый урок: саботаж.....	361

Пятый урок: ненависть, подлость, зависть.....	369
Глава 11. Курилы.....	373
Андронов.....	374
Браконьеры.....	377
Законопроекты.....	380
Лукин и Митрофанов.....	384
Рыболовное соглашение.....	388
Глава 12. Козырев.....	392
Дружба.....	392
Первый номер.....	396
Мастер-класс.....	398
Интересная идея.....	404
Специалист по манипуляциям.....	407
Статейка.....	409
Страсбург.....	410
Фотография.....	413
Последствия.....	414
Рядовой депутат.....	416
Глава 13. Хачилаев.....	418
Руководитель Союза мусульман России.....	418
Подкомитет по вопросам Ислама.....	421
Постановление по лезгинам.....	422
Членство России в ОИК.....	424
Похищение Валентина Власова.....	428
Перестрелка.....	431
Захват здания Госсовета.....	433
Нервная реакция.....	435
Обращение генпрокуратуры.....	437
Предложение воспользоваться тоннелем.....	440
Заседание фракции КППРФ.....	443
"Пирамида" Мавроди.....	446
В бегах.....	448

Арест.....	449
Убийство.....	450
Рыжий Абдулла.....	451
"Хвост".....	455
Так кто же заказчик?.....	456
Глава 14. Прибалтика.....	460
Секретные архивные материалы.....	460
Агрессивная статья.....	462
Переговоры о компенсации за "оккупацию".....	468
Знак судьбы.....	472
Срыв ратификации.....	481
Уход из министерства.....	482
Глава 15. Европейская энергетическая безопасность	485
Европейская энергетическая хартия.....	486
Михеев.....	490
Отрицательное заключение.....	497
Лоббист Володя Рыжков.....	497
Попытка реванша.....	501
Тщеславие и благодарность.....	503
Глава 16. Крым.....	506
Территориальные споры.....	506
Отдать или забрать?.....	507
"Локомотив".....	509
Проект постановления и умные юристы.....	511
"Жульническое" голосование.....	516
Попытка сунуться в Конституционный суд.....	518
Договор о дружбе. Тихонов "сливает" Крым.....	520
"Украинские коммунисты".....	523
Сомнительная аргументация России.....	524
Глава 17. Парламентская ассамблея Совета Европы	527
Плюсы и минусы.....	527

Посещение Купцова	534
Визит американского посла.....	537
Первое знакомство. Дудаев.....	540
Есть ли выход? Амнистия и свой суд.....	541
Глава 18. СНВ-2.....	544
"Утечка".....	544
Перепроверка.....	546
Первое письмо.....	547
Секретный ответ из МИДа.....	551
Служебное расследование.....	552
Идеология разоружения.....	553
Второе письмо.....	554
Скажите "спасибо" Диме.....	562
Звонок в "Правду".....	564
Третье письмо. Силовые модели.....	568
После расстрела.....	573
Глава 19. Химическое оружие.....	577
Конвенция.....	577
Ратификация. Гарантии целостности.....	579
"Хитрые" слушания.....	581
Технологии.....	585
Разделить на две части.....	587
Разведчики обмениваются опытом. "Вилтон Парк"...	589
Рекомендации.....	597
Мирзаянов.....	597
Публикация.....	605
"Так я же – умный!".....	607
"Бронтозавр".....	609
Лоббисты среди депутатов. ОЗХО.....	611
Двадцать миллиардов сюда.....	612
Ротозейство: двадцать миллиардов туда.....	619
Кому все это нужно?.....	625

Глава 20. Некоторые итоги визита Ельцина в США в 1992 году. Хранение и уничтожение ядерного оружия. Защита капиталовложений	626
Любитель подписывать договоры.....	626
Защита капиталовложений по-американски.....	628
Уничтожение российского ядерного оружия.....	632
Солдаты с дипломатическим иммунитетом.....	633
Схватка на Съезде народных депутатов.....	635
Глава 21. Чеченская Республика.....	638
Делегаты из ПАСЕ.....	638
"Чкаловский".....	639
Мюллеман.....	640
Моздок. "Гроб".....	641
На живца.....	645
Прекрасная мишень.....	646
Следы боев.....	648
Доку Завгаев.....	649
Анатолий Романов.....	651
Романов и Масхадов.....	653
Ядерные ракетноносцы.....	656
По закону подлости... ..	658
Хасавюртовские соглашения.....	665
Признание независимости и целостность России... ..	670
Глава 22. Государственный военный переворот.....	671
Валерий.....	671
Буйнопомешанный.....	677
Реакция.....	679
Апофеоз.....	679
Начало пугча.....	682
Цена западной демократии.....	689
Голосование по кадровым вопросам.....	691
"Туземцы".....	693
Реакция населения.....	695

Прорыв.....	697
В осаде.....	699
Охрана.....	701
Диверсант.....	702
Буфетчицы.....	705
Мясник и головорез.....	706
Инфаркт.....	709
Дефиле.....	712
Макашов.....	713
Будни.....	716
Сопричастие.....	718
Прорыв блокады. Уражцев.....	719
БТР.....	721
CNN.....	723
Пленный полковник милиции.....	726
Балкон.....	728
Пленарное заседание. Победители.....	729
Прелюдия.....	730
"Останкино".....	733
Трудное решение.....	734
Американское посольство. Чуркин.....	736
Телецентр "Останкино" после стрельбы.....	738
Улица Горького.....	742
Штурм здания "Правды".....	744
После расстрела.....	747
Внутри Белого дома.....	750
Американец в форме "Альфы".....	753
Поиски Ильи Константинова. Предатель.....	754
"Над всей Испанией чистое небо".....	757

Индекс имен	761
--------------------------	------------

Предисловие

Теоретически все тайное когда-нибудь становится явным.

Но сколько надо ждать, когда наступит это неопределенное "когда-нибудь"? Наверное, есть смысл уже сейчас рассказать о некоторых интересных событиях, в свое время имевших место в СССР, а затем и в России, участником которых я оказался.

Министерство иностранных дел, как, впрочем, и другие государственные органы, с настороженностью относятся к сотрудникам, которые проявляют инициативу и при этом имеют собственное мнение относительно политики своего государства. "Тебе дали задание, вот и выполняй, да побыстрей! А думать и выдвигать идеи будет начальство!" - это обычная идеология государственной службы. Чиновник должен воплощать в жизнь умные мысли руководства, а рассуждать, что хорошо или плохо для государства, это уже дело второе. Или даже третье. Слишком умный чиновник неудобен, он видит промахи своих боссов и, не дай бог, может об этом где-нибудь неудачно рассказать, а то и написать.

В общем-то, я говорю о самых тривиальных и хорошо известных истинах: если хочешь сделать карьеру чиновника, будь любезен выполнять то, что тебе скажут, и при этом поменьше рассуждать. В качестве исключения можешь как-нибудь так довести до сведения руководителя свои умные мысли, чтобы он мог выдать их за свои. И желательно почаще заглядывать ему в глаза по-собачьи, снизу вверх, при этом не скупиться на комплименты, похвалу и даже неприкрытую лесть. Конечно, не бывает правил без исключений, карьеру можно сделать и иначе: через родственные связи, через подарки и даже взятки. Бывает, что в карьере принимают участие различные предметы мебели, например постель. Иногда помогает нетрадиционная ориентация. В общем, список длинный. Но все это не отменяет общего правила: "Поменьше рассуждай и побыстрей выполняй!".

Однако чиновники, как и все остальные люди, бывают разные: кто-то действительно делает карьеру, кто-то просто просиживает на работе штаны, а кто-то втихую лезет в большую политику со своими идеями, хотя никто его об этом никогда не просил.

Я оказался именно таким персонажем, который не ограничивался простой реализацией поручений от начальства, а совершенно нагло, хотя и незаметно, занимался реализацией собственных идей, в основном в области внешней политики. То есть мои президент и правительство стремились проводить свою определенную внешнеполитическую линию, как это и предусмотрено конституцией, а я нередко им в этом изрядно-таки мешал, при этом пытался воплотить в жизнь собственное понимание того, что хорошо или плохо для моей страны. На понятном языке такие действия называются простым словом "саботаж" и по большому счету могут попасть даже под действие уголовного кодекса. Поскольку вся эта книжка посвящена подробному описанию различных ситуаций, в которых я действовал подобным образом, она и названа "Саботаж".

Конечно, формально я сам себя оправдываю, полагая, что всегда действовал из лучших побуждений, но на самом деле, если быть объективным, по крайней мере, некоторые ситуации были довольно-таки спорные и, мягко говоря, допускали разное толкование. Это касается, например, уничтожения химического оружия, вопросов нераспространения ядерного оружия, налаживания сотрудничества со странами Запада, освоения нефтяных и газовых ресурсов, энергетической безопасности, отношений с радикальными исламистами.

Есть один хороший вопрос, который надо обозначить с самого начала. Читателю придется поверить мне на слово, что я не являлся шпионом какой-либо страны и не действовал по указанию из-за рубежа (хотя "Лефортово" мне в конечном итоге не удалось избежать). Так вот, саботажом нередко занимаются именно иностранные шпионы и диверсанты. Соответственно,

мне подчас приходилось сталкиваться с подобной публикой, и этим встречам посвящено немало места в данной книге. По сути, ее в результате можно было назвать и иначе, например: "Шпионаж и саботаж". Или так: "Иностранные агенты влияния в российской внешней политике". Но я, в конце концов, остановился на самом кратком варианте.

В заключение выражаю надежду, что мои откровения не приведут опять к ограничению моей свободы, хотя я понимаю, что определенный риск тут в любом случае присутствует, все зависит о того, с какой точки зрения оценивать мою деятельность. Я, однако, полагаю, что указанный риск все-таки более или менее оправданный, а потомки должны знать правду.

Глава 1. ОБСЕ

*П*ожалуй, эпизод с ОБСЕ - один из самых безобидных, описанных в этой книге. Тут не случилось конфликта с уголовным кодексом, не было прямого саботажа, идеологических диверсий, и тем более противостояния с представителями силовых структур России с оружием в руках. В истории, которую мы сейчас расскажем, просто удалось немного вмешаться в формирование внешней политики собственной страны, не выходя слишком уж нагло за пределы служебных полномочий. Наверное, читателю будет также интересно узнать, какие именно технологии саботажа при этом удалось использовать.

Плохая повестка дня

Итак, за окном стоял жаркий московский июль 1994 года. Наслаждаясь кондиционированным воздухом, я сидел в углу собственного кабинета, откинувшись в кожаном кресле у журнального столика. Однако полностью насладиться моментом мешала одна бумага, которая лежала у меня, что называется, перед носом. Это была уже утвержденная повестка дня предстоящей сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ. Повод обратить на нее внимание был вполне весомый: среди чуть ли не сотни рекомендаций, которые планировалось принять, было несколько таких, что даже мне, человеку, выдавшему виды, оставалось только с удивлением покачать головой. Как выяснилось, члены Парламентской ассамблеи ОБСЕ собирались принять несколько рекомендаций, прямо касавшихся России. Но рекомендации были такие, что во времена Советского Союза они вряд ли даже просто пришли бы в голову составителям подобной бумаги.

Уж как-то так случилось, наверное, по недосмотру, но руководство Думы почему-то вдруг включило меня в состав российской парламентской делегации, отправлявшейся в город Вену для участия в очередной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ, а потому ко мне и попала упомянутая повестка дня. На самом деле нужды отправлять меня с этой делегацией не было абсолютно никакой. Обычно в делегацию включали сотрудников управления межпарламентских связей, они помогали депутатам как переводчики, а также решали всяческие бытовые вопросы, заказывали билеты, помогали разобраться с гостиницей. Однако, поскольку я в указанном управлении не числился, то от меня, в отличие от таких сотрудников, никто ничего подобного не требовал, техническими поручениями не неволил и не надоедал назойливыми просьбами о билетах и гостинице. Я хоть и состоял в составе делегации, но никакими формальными обязанностями не был обременен и мог на полном законном основании ничего не делать, а просто гулять по Вене, наслаждаться хорошей ресторанной едой и спиртным за казенный счет и не заморачивать себе голову никакими проблемами. Парламент в этом отношении - особое место, он сильно отличается от министерств и ведомств, где сотрудников обычно держат "на коротком поводке".

Здесь, для того, чтобы был понятен возникший далее сюжет, самое время сказать пару слов о том, что это за штука – ОБСЕ. Это Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Мне эта организация представлялась в лучшем случае бесполезной, а скорее даже вредной для России. ОБСЕ (а если быть точным, то СБСЕ) создали в 1975 году, якобы, для вовлечения СССР в "общеевропейский процесс". Как тут не вспомнить хорошую русскую поговорку: "Дружил волк с кобылой, оставил хвост да гриву"? Похоже, именно так и получилось с Советским Союзом. Хельсинский акт предусматривал много разных хороших принципов межгосударственных отношений, но ключевыми были принципы свободы слова и соблюдения прав человека. Именно

они и стали тем остриём, которое было направлено против Советского Союза. Смысл был в том, чтобы дать возможность отдельным сомнительным личностям под видом осуществления своих гражданских прав на самом деле заниматься в СССР подрывной деятельностью, злоупотребляя все той же свободой слова.

Вообще-то, я не имел и не имею ничего против прав человека, однако вполне резонно полагал и до сих пор полагаю, что сначала надо было навести порядок с благосостоянием граждан, наладить нормальное производство ширпотреба, а уж потом устраивать эксперименты со свободой слова. А то любое более или менее свободное сравнение стран Запада с СССР по бытовым вопросам показывало в те времена такие диспропорции, что дальше было ехать совершенно точно совсем некуда.

Итак, я не без оснований полагал, что западные страны создавали ОБСЕ именно для разрушения СССР, в чем они в конечном итоге вполне и преуспели. Но после развала Советского Союза на Западе возник законный вопрос: что дальше-то делать с этой организацией? Разрушать дальше, вроде, нечего, Советского Союза и социализма больше нет.

Тогда, что делать дальше, придумали сами чиновники ОБСЕ. Повод для спасения собственной организации у них точно был. В первую очередь, вся эта ненасытная орава не хотела расставаться со своими очень даже не нищенскими зарплатами и работой, которая по всем меркам тянула на критерий - "не бей лежачего". Поэтому усилиями этой публики ОБСЕ окончательно превратилась в своеобразную кухню европейской внешней политики, направленной против стран постсоветского пространства. На этой площадке стали особо активно проговариваться различные идеи, которые потом иногда превращались во что-то материальное и не всегда даже вредное, например: в какое-то международное соглашение, миссию наблюдателей (Донбасс!), рекомендации по актуальным международным проблемам или во что-то ещё в том же духе.

Я в чем-то даже сочувствовал этим чиновникам. Им было непросто доказать в Вашингтоне и Лондоне, что нужно платить десятки миллионов долларов в бюджет этой организации для того, чтобы выпестовать какую-то полудохлую инициативу, якобы, полезную для Запада. Ясно, что все эти миссии наблюдателей, как правило, не стоили затраченных на них денег. А двигать западные "ценности" дальше на Восток не очень-то и получалось.

Отметим, однако, что ОБСЕ ещё жива до сих пор, и Россия, кстати, продолжает тратить на её содержание приличные миллионы. Надо ли говорить, что эти деньги используются против России? Скажите кому-либо, что нужно использовать возможности ОБСЕ для решения проблем такого её участника, как Франция, и человек будет долго смеяться. Да такое там даже близко никому в голову не приходит! Даже про вмешательство ОБСЕ в североирландскую проблему говорить не стоит, хотя она, конечно же, затрагивает вопросы европейской безопасности и прав человека. Да и турки, избивая курдов, не слишком подпускают туда ОБСЕ со всеми её наблюдателями.

Итак, ОБСЕ после распада СССР занялась самыми разными делами по границам НАТО, в основном обращая внимание на Восточную Европу и пытаясь оправдать свое существование. А тут еще возникла идея привлечь ко всей этой работе депутатов из национальных парламентов. Так возникла Парламентская ассамблея ОБСЕ, куда и собиралась теперь заглянуть делегация Думы. Вот тут сложилась еще более аморфная политическая кухня. Понятное дело, что депутаты по определению выступают и говорят, кто во что горазд. Решения там принимались и принимаются простым большинством голосов, так что в этой мутной водице можно было придумать и реализовать совсем уж немыслимые по зловерности идеи.

Мне казалось и до сих пор кажется, что суть работы сотрудников секретариата ОБСЕ, а также членов западных делегаций можно вполне справедливо охарактеризовать, как "ловлю рыбы в мутной воде". Я хорошо знал дипломатическую

службу собственной страны и беру на себя смелость утверждать, что перед российскими представителями подобные задачи никто даже в приблизительном виде не ставил. Во-первых, потому что "ловля в мутной воде" не осознаётся как дипломатическая задача теми людьми в МИДе, кто должен этим заниматься. Наши сотрудники, в том числе и в секретариате, в лучшем случае получали из Центра отдельные бессвязные поручения. А на осознание общего подхода своего ума, как правило, не хватало. Может быть, тут мои оценки слишком уж резкие, но за четверть века работы на дипломатической службе я не встречал людей, которые могли что-либо членораздельно промямлить на эту тему. Может быть, мне просто не повезло, и я случайно так и не встретил умных специалистов? Может быть. Во всяком случае, в секретариате ОБСЕ таких точно не было.

Отметим, однако, одно очень важное обстоятельство. Изначально при создании СБСЕ в 1975 году западные страны не могли совсем уж неприкрыто развернуть эту организацию в свою пользу и поэтому вынуждены были сделать Советскому Союзу большую уступку в одном вопросе – в процедуре принятия решений. В итоге при голосовании на высшем уровне ни одно решение в рамках СБСЕ нельзя было принять без согласия СССР (так называемое правило консенсуса). В принципе, это было хорошее оружие. Но наступило время, когда Россия, заменившая Советский Союз, оказалась в ОБСЕ, по сути, в одиночестве, в окружении только враждебных ей государств. Почему так получилось – понятно. Но в результате сложилась ситуация, когда Россия была вынуждена выступать на этой площадке в одиночку против более чем пятидесяти государств. Российские представители попали под сильное давление. Одновременно другие страны постарались создать в ОБСЕ органы, где Россия права "вето" не имела, и в их число попала уже упомянутая выше Парламентская ассамблея. Решения тут принимались голосованием простым большинством, соответственно, можно было протаскивать решения, которые хоть и не являлись обязательными, но, тем не

менее, были весьма весомы и могли в конечном итоге повлечь существенные негативные последствия.

Итак, попав в делегацию, направлявшуюся в Вену, я для начала уселся изучать повестку дня предстоящей сессии. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что на сессии планировалось ни много ни мало, а вовсе ликвидировать право "вето", которое имела Россия. Это была потрясающая наглость – пытаться ликвидировать то право, за которое СССР по большому счету заплатил своей целостностью.

Конкретно речь шла о голосовании на совещании глав государств и правительств государств-участников ОБСЕ. Это совещание называлось торжественным словом "саммит". Именно там и существовал принцип консенсуса. И в этом мероприятии в то время принимал участие сам Борис Николаевич Ельцин, который славился своей "добротой" по части раздачи направо и налево интересов России. Иными словами, сложились очень благоприятные для Запада условия, чтобы разрушить правило консенсуса.

Повестка дня ассамблеи представляла собой довольно длинный документ почти на тридцати страницах. В ней убористым шрифтом излагались те или иные вопросы. Под номером 65 содержался следующий "скромный" проект рекомендации: одобрить процедуру принятия решений, которая больше не базируется на принципе консенсуса или на консенсусе минус один.

Были там и другие радикальные предложения, например: развивать сотрудничество с НАТО, которая будет обеспечивать силовую реализацию решений ОБСЕ (рекомендация номер 62). Предлагалось также опираться на неправительственные организации, которые могли бы наблюдать за деятельностью соответствующего государства и информировать ОБСЕ обо всем, что могло угрожать миру. То есть, по сути, предлагалось легализовать такие неправительственные организации в качестве шпионских контор, которые нельзя будет запретить. Имелось и предложение прекратить практику ежегодных встреч

на высшем уровне. А действительно, зачем регулярно проводить такие встречи, если на них у России есть право наложить "вето" на нежелательные решения?! Была также рекомендация установить особый механизм контроля ОБСЕ за "поведением" именно России.

В общем, идеи, заложенные в этом документе, были понятны: западные страны старались воспользоваться моментом, пока в России еще не развеялся дым после расстрела Белого дома. Прошло меньше года после стрельбы из танков по парламенту. Понятно, что в российскую парламентскую делегацию вошли совсем еще неопытные депутаты, откуда им было знать тонкости работы в международных организациях?! И как они могли понять содержание проекта, написанного не просто на английском языке, а с использованием специфических юридических терминов? И могло ли у них хватить терпения дочитать до пятнадцатой страницы и 65-го пункта рекомендаций?

Насколько я знал по документам, которые получал из МИДа, российские дипломаты вопреки здравому смыслу никак не возражали против ликвидации правила консенсуса. Не получили депутаты никаких рекомендаций от дипломатического ведомства и на эту сессию. Наверное, тут не обошлось без министра иностранных дел России Андрея Козырева. Впрочем, представителей "пятой колонны" в МИДе и без него было более чем достаточно. Еще чуть-чуть, и Россия могла запросто расстаться со своим правом блокировать нежелательные для нее решения в ОБСЕ.

Итак, стало ясно, что готовится рекомендация Парламентской ассамблеи, призванная "прикончить" правило консенсуса. Точно так же было ясно, что Парламентская ассамблея в любом случае примет эту рекомендацию, и никакие возражения членов российской делегации не смогут этому помешать. Как быть? Как сорвать эту затею? Ведь рекомендация парламентариев неизбежно попадет на саммит, и там Ельцин, конечно же, с ней согласится, поскольку ее одобрили на сессии,

где участвовали депутаты только что созданной Государственной думы!

Злодейский план

И тут у меня появилась идея, даже, можно сказать, злодейский план, как влезть во всю эту историю и поломать зловредные намерения Запада. Дело в том, что к этому моменту наметилась линия на сближение председателя Думы Ивана Петровича Рыбкина с Ельциным. Это сближение было не явным, но я кое-что все-таки знал по этой теме. Похоже, коммунист Рыбкин готовил себе то, что называется "запасным аэродромом" (и приготовил – стал потом секретарем Совета безопасности). Иван Рыбкин стал налаживать неформальные связи как с ельцинским окружением, так и с самим Борисом Николаевичем. Ельцин это ценил и даже стал по мелочам поддерживать председателя Госдумы. Получался парадокс: Дума была "красной" и критиковала Ельцина и его политику, а председатель Думы тем временем занимался политиканством на грани предательства.

Мой план был прост: по итогам сессии обязательно придется писать отчет российской делегации. Точнее, это должна была быть секретная шифрограмма, которую делегация через посольство направит в Москву, причем за подписью Ивана

Петровича Рыбкина. В отчете должно было содержаться краткое изложение решений, принятых на сессии.

В Москве такие шифровки в обязательном порядке отправляют в секретариат президента страны. Конечно, сам Борис Николаевич такие бумажки никогда даже и не думал читать. Но в секретариате шифровку непременно должны были разметить дальше, в том числе и в министерство иностранных дел лично Козыреву.

Когда подобные телеграммы размечаются, то на них указывается список адресатов и формулируется поручение. Но поручение – это не обязательный атрибут. Скорее всего, в данном случае могло быть просто написано "А. Козыреву", вот и все. Такая телеграмма, вроде бы, "не тянула" ни на какое конкретное поручение президента.

Однако представьте себе, что эта шифровка попала именно в секретариат Андрея Козырева. Там возникает вопрос: что с ней делать дальше? Никаких указаний не было. Но не исключено, что ее все-таки читал либо руководитель аппарата президента, либо его помощник и никаких возражений не написал. Получается, надо без рассуждений принимать эту телеграмму к исполнению! Если, конечно, из документа следует какая-то позиция государства.

Я хорошо знал этот механизм внутренней канцелярии и прекрасно понимал, как именно в результате формируется внешнеполитическая линия по тем или иным вопросам. Если это будет просто отчет делегации об участии в сессии, то никаких особых последствий он, скорее всего, не повлечет. Съездили и съездили. Что могли, то и сделали.

А что, если в конце отчета написать выводы и предложения? Такое в принципе допускается, если у главы делегации на это хватает ума. При таком раскладе получится, что в аппарате президента не просто приняли отчет к сведению, но и согласились с предложениями. Во всяком случае, не сочли, что эти предложения носят какой-то крамольный характер.

Я задумался и представил себе, как все это будет выглядеть на практике. Ведь в отчет можно вписать предложение делегации жестко выступить на саммите глав государств как против попыток поломать консенсус, так и против всех остальных поползновений, направленных против России. И получится, что тот, кто будет пытаться действовать иначе, покусится на хорошее отношение Ельцина к Ивану Петровичу Рыбкину.

Да и Козырев, когда получит отчет, прошедший через аппарат президента, несмотря на всю свою любовь к Западу, будет вынужден следовать рекомендациям, содержащимся в отчете. Иначе ему придется отдельно докладывать Ельцину, почему он не согласен с депутатами (лично с Рыбкиным!) и почему он хочет похоронить консенсус и легализовать в своей стране шпионско-диверсионные конторы в виде неправительственных организаций. Нет, на такое Козырев явно не мог пойти, тут можно было не сомневаться. При всех своих прозападных настроениях Андрей Владимирович не пошел бы на прямой конфликт с собственным президентом, вздумавшим заигрывать с председателем Госдумы.

Получалось, что в результате Козырев будет вынужден определиться по консенсусу и дать соответствующие указания своим сотрудникам, которые будут участвовать в подготовке саммита (так называемые "шерпы"). А потом и на самом саммите он как министр иностранных дел должен будет рекомендовать Ельцину жестко возражать. И все, вся эта затея поломать консенсус, а заодно протянуть остальные невыгодные России идеи будет похоронена! Ведь без согласия России решения принимать нельзя!

План был всем хорош, но еще надо было придумать, как его реализовать на практике. Для начала надо было попросить кого-то из российских депутатов выступить против этих зловредных резолюций ассамблеи и содержащихся в них предложений. Конечно, на такое выступление никто из других делегаций и внимания не обратит, но это и не важно. Главное, что в

результате будет как бы формализована позиция российской делегации – она возражала! А если есть позиция, то ее можно на полном законном основании и в отчет вписать. Это уже будет не самодеятельность какого-то неизвестного Володи Трофимова, а точное, хотя и формальное, отражение того, что происходило на сессии.

Оставался последний элемент плана: надо было как-то так подвернуться под нужную руку, чтобы получить поручение написать этот самый отчет. Это было сложной, но тоже выполнимой задачей. Как известно, депутаты – мастаки поболтать, но редко горят желанием что-то написать. Тем более что речь шла о подготовке проекта отчета, который подпишет Рыбкин. Была охота работать на чужого дядю!

Уже в Вене я подошел к еще одному члену нашей делегации. Фамилия его была Юров. И звали его Юрой. Получалось: Юра Юров, почти в рифму. Это был старейший сотрудник парламента, он в свое время работал с высшими должностными лицами еще в президиуме Верховного Совета СССР. Юров знал всех! И пользовался совершенно бесспорным авторитетом.

Конечно, я мог и сам подойти к Рыбкину, тот знал меня даже по имени-отчеству. Но через Юрова было надежнее, он был с Рыбкиным совсем на короткой ноге.

- Юра, а что если мы с тобой напишем отчет делегации?

Юра глянул на меня как-то с сомнением, ведь речь шла о дополнительной работе. Но это длилось всего лишь мгновение. Идея была слишком хороша, чтобы ее отвергнуть. Получалось, что Володя напишет отчет, Юра прочитает его, исправит в нужных местах и отдаст председателю Госдумы прямо в белые руки. Тот будет рад, что отчет подготовлен так быстро (пусть в Кремле почитают!). И Юре с Володей тоже будет хорошо (опытные сотрудники, которые не зря едят свой хлеб).

- Пиши! Только не затягивай! Как только напишешь – сразу отдадим Рыбкину!

Не то, чтобы Юров был малоопытным сотрудником. Конечно, нет. Он мог и сам написать такой отчет. Но зачем надо напрягаться и вникать в детали, если нашелся человек, готовый взять на себя эту работу? Ерунды и халтуры в отчете точно не будет. А какие-то там детали – это Трофимову виднее, потому он и работает в Комитете по международным делам Думы, у самого Владимира Петровича Лукина, причем аж руководителем аппарата.

Тем временем члены российской делегации проводили свое время кто как мог: встречались с членами других делегаций, участвовали в обсуждении тех или иных вопросов, просто слонялись по зданию, где проходила сессия. Мне пришлось проявить некоторое проворство и попросить пару депутатов озвучить возражения как против планов поломать консенсус, так и против других "плохих" рекомендаций. Те тут же взяли слово и сказали, что надо. Конечно же, другие делегации их там как бы и не заметили. И чего замечать, резолюция-то принимается простым большинством!

Утверждение документа пошло своим чередом. Скорее всего, его авторы уже предвкушали, как Борис Ельцин своими руками уничтожит право "вето" России в ОБСЕ, а заодно загонит эту

организацию под "зонтик" НАТО и установит особый механизм контроля за самой же Россией.

Дальше я поступил очень просто: взял блокнотик, сел в сторонке и стал набрасывать черновик отчета. Конечно, сессия еще не закончилась и результаты голосования по тем или иным вопросам были еще неизвестны. Но я уже заранее примерно представлял себе, что скажет та или иная делегация по соответствующим пунктам повестки дня. Оставалось заранее написать это на бумаге и потом лишь проконтролировать ход дискуссии и внести исправления, если это понадобится. Как выяснилось в итоге, я понимал ситуацию вполне правильно – правка была совсем небольшой.

Конечно, мне не было известно, кого именно изберут в руководящие органы Парламентской ассамблеи ОБСЕ. Но тут пришлось проявить определенную изобретательность и оставить в черновике отчета свободные места для фамилий вновь избранных должностных лиц и для отражения результатов голосования.

"Цирк"

В самом конце сессии должны были пройти выборы. На освободившийся пост заместителя председателя Парламентской ассамблеи ОБСЕ было три кандидата, в том числе и Иван Рыбкин. Но кто же будет голосовать за коммуниста?! И тут произошел удивительный случай, который стоит того, чтобы описать его поподробнее. Дело в том, что Жириновский традиционно выступал и выступает против коммунистов. Наверное, какой-то бес толкнул Жириновского в бок и в тот раз, а только Владимир Вольфович вдруг попросил слова при обсуждении тех самых трех кандидатур.

Вообще-то, желавших выступить было более чем достаточно, но Европа уже немного знала Жириновского и его эпатажные выходки, и ему без очереди дали слово. И не зря дали: шоу получилось по высшему разряду. Владимир Вольфович вдруг разразился речью, в которой проклинал коммунистов за развал СССР и просил всех участников ассамблеи проголосовать против(!) Рыбкина.

Зал просто обомлел: неслыханное дело – совсем не рядовой член российской делегации выступал против избрания в руководящие органы ОБСЕ собственного председателя парламента! Надо было видеть лица сидевших в зале! Жириновский хотел всех удивить. И он этого добился!

Совершенно оторопевшими выглядели сами российские парламентарии, особенно коммунисты. Не исключено, что если бы у них была возможность, они поколотили бы своего коллегу. В любом случае, явно наклеывался жесткий разговор за пределами зала заседаний.

Сказать честно, я тоже разинул рот, поскольку такого оборота дел никак не ожидал, однако тут же сообразил, что результат речи Жириновского может оказаться совсем неожиданным. Ясно, что вся "цивилизованная" Европа была рада - радешенька, что СССР развалился. И если к этому был причастен Рыбкин, то, конечно же, его надо было поощрить и поддержать!

Почти так и произошло. После речи Жириновского за Рыбкина проголосовало огромное число депутатов. Однако он занял всего второе место, первым все-таки оказался канадец. Но тут вульгарные корыстные соображения победили желание сделать выпад против бывшего Советского Союза. Дело в том, что следующая сессия должна была проходить в Канаде, и в знак благодарности многие отдали свой голос за представителя именно этой страны. (Вообще, что делает Канада в организации, занимающейся безопасностью в Европе? Давайте тогда пригласим туда и Китай!).

Хоть Рыбкин и оказался всего вторым, радости его не было предела. Главное, что он не попал в положение презираемого всеми изгоя. Да что там не попал - чуть не победил!

Надо отметить, что всего этого балагана при голосовании сам Рыбкин к счастью не видел, а то еще неизвестно, чем бы все это для него закончилось. Он сильно нервничал и потому предпочел сидеть где-то в кулуарах, где ничего не было слышно и видно. Оно и понятно: Иван Петрович вполне справедливо и обоснованно ожидал, что его "заголосуют", и ему в результате придется ежиться от позора под взглядами других депутатов. А если бы Рыбкин присутствовал в зале, когда выступал Жириновский, то его, чего доброго, и вовсе могла хватить кондрашка.

Однако цирковое представление закончилось, заместителя председателя Парламентской ассамблеи избрали, и я немедленно кинулся претворять в жизнь свой коварный план, то есть тут же выскочил из зала и на казенной машине стремглав полетел в посольство. Там заскочил в референтуру, в "темную комнату", где писались шифровки, и самыми ударными темпами

переписал свой отчет в шифроблокнот, внося по ходу соответствующие изменения. Нельзя было допустить, чтобы исходный текст точно совпадал с окончательным, так и недолго было позволить врагу расколоть используемый шифр. Кто знает, вдруг нашелся бы умник, который скопировал то, что рисовал в своем блокнотике Володя в зале заседаний?! Скопировал, а потом сравнил оригинальный текст с зашифрованным.

Вскоре появился Юров, почитал отчет и согласно закивал головой. Текст был достаточно четкий и лаконичный, ни прибавить, ни убавить. Центральное место занимало описание триумфальной почти победы Рыбкина на выборах. В конце красовалась рекомендация решительно выступить против любых попыток сломать на саммите правило консенсуса, а также против сближения ОБСЕ с НАТО и введения специального режима наблюдения за Россией.

Не успел Юров дочитать, как в посольство прикатил Иван Петрович Рыбкин собственной персоной. Увидев Юрова, он тотчас же кинулся к нему: "Надо срочно писать телеграмму в Москву!". Юров без лишних слов протянул ему мою писанину. "Как?! Уже готово? Ну, вы – молодцы!!!". Рыбкин выхватил листки и впился глазами в текст. Через пару минут он облегченно вздохнул, текст был подходящий, как раз то, что надо. Рыбкин взмахнул ручкой, оставив на последнем листке свою размашистую подпись. Сказалась хватка бывшего первого секретаря обкома: Иван Петрович все ловил на лету.

Все, дело было сделано! Теперь никто не сможет поменять текст шифровки! Снять подпись самого Рыбкина можно было только по очень весомым основаниям. Я вздохнул с облегчением: "Дело сделано, теперь можно и австрийского пивка отведать!", - и отправился развлекаться и отдыхать.

Вербовка или записка?

Наверное, у читателя уже созрел законный вопрос: зачем надо было спешить как на пожар с подготовкой отчета? Зачем

были нужны такие сложные финты, как написание отчета еще до начала мероприятия, а также составление текста будущей шифровки на обычной бумаге, а не в шифроблокноте? Кому там еще была охота опережать Владимира Николаевича Трофимова и писать черновик отчета? Депутаты по определению – лентяи. Тем более они не станут работать на какого-то там Рыбкина, чтобы тот побыстрее отчитался перед Ельциным!

Если бы все было так просто! На самом деле я имел все основания полагать, что у меня есть конкуренты, которые понимают цену этого отчета и которые постараются написать его совсем не так, как это было сделало мной.

Мои предположения оказались небеспочвенными. Видимо, кое-что я все-таки понимал в разведке, саботаже и диверсионной деятельности. На выходе из посольства, где сочинялась шифровка, я столкнулся нос к носу с одним из депутатов, а именно с Вячеславом Никоновым. Тот приветливо улыбнулся и мгновенно юркнул внутрь. Казалось бы, чего ему тут делать? Все депутаты в здании, где проходило заседание, участвуют в заключительных мероприятиях, а он вдруг прикатил сюда, в посольство.

А еще через пару часов в ресторане гостиницы Юров с удивлением рассказывал мне о серьезном инциденте, который с ним вдруг приключился. При этом он никак не мог взять в толк, по какой причине попал в неприятность. А дело было так: зашедший в здание посольства Никонов направился не абы куда, а напрямик к референтуре, где все еще стоял Юров.

- А мы уже написали отчет! И Рыбкин уже подписал! – радостно отрапортовал ему Юров, ожидая похвалы от депутата за подобную расторопность.

Но не тут-то было! Довольно сдержанный и воспитанный Слава Никонов вдруг разразился руганью и криками: "Почему меня не подождали? Почему мне не показали? Да кто ты такой, чтобы писать отчеты вместо депутатов?!".

Юров стал оправдываться как мог. Делегация состояла чуть ли не из дюжины депутатов. Почему надо показывать проект

отчета одному из них? Тем более что Никонов никого не предупредил, что он претендует на роль автора или редактора. Как справедливо полагал Юров, Вячеслав Никонов не обладал никакими специальными правами по сравнению с другими членами делегации. Может, Слава боялся, что отчет написан некачественно? И Юров для солидности тут же упомянул, что отчет писал сам Владимир Николаевич Трофимов, очень опытный и знающий сотрудник! Но, услышав про Володю, Слава вовсе не успокоился, а еще больше расхотелся, не ограничивая себя парламентской лексикой, что было очень на него непохоже.

- Да вы сходите, посмотрите, там все в порядке! Все события описаны точно! А что касается вас, то ведь вы нигде не выступали, вас никуда не выбирали, поэтому лично вы в тексте и не упомянуты, – Юров полагал, что Слава хотел как-то упомянуть себя в отчете, потому и злился, что это не получилось. Но тут Никонов понял, что, как говорится, "поезд уже ушел", и распекать явно ничего не понимавшего Юрова было просто глупо. Слава вдруг резко замолчал, только взмахнул рукой, повернулся и отправился восвояси. Что должно было, видимо, означать: "Куда вам, дуракам, понять мою тонкую душу!".

Юров с удивлением пересказывал мне этот эпизод, не упуская мельчайшие детали и пытаясь понять, что именно он сделал не так. Причина истерики Никонова была ему совершенно непонятна: ведь за депутатов сделали их работу, написали отчет, все существенные события упомянули, всех, кого надо, похвалили. Чего ему еще надо? Хотел, чтобы его фамилия тоже фигурировала в шифровке? Тогда надо было выступать на сессии, а не отмалчиваться.

Я, конечно, высказал предположение, почему все так получилось, и Юрий Иванович, помолчав, не стал оспаривать сказанное, видимо, сопоставив мои слова с собственными наблюдениями. Я же про себя отметил, что смог опередить не абы кого, а аж самого Славу Никонова!

Кто же он такой, этот Вячеслав Никонов, который так горевал, что не смог написать черновик отчета для коммуниста Рыбкина, то есть представителя совсем другой фракции? Слава был особым персонажем, и на его личности есть смысл остановиться чуть подробнее. В российской политике он был и остается достаточно приметной фигурой. Почти красавчик, среднего роста, аккуратно одет, всегда вежлив и воспитан. Иногда не может скрыть цинизма, но это только в особых ситуациях. А так Никонов – само воплощение интеллигентности, добра, вежливости и эрудиции. Родственники у Славы были более чем известные – дедушку звали скромно и просто: Вячеслав Михайлович Молотов. То есть внук, как мы видим, носит имя своего знаменитого предка.

У Вячеслава Никонова карьера тоже была, что называется, нехилая. Например, он входил в группу, которая писала выступления для президента СССР. Если быть точным, то не для какого-то там президента, а для Михаила Сергеевича Горбачева, того самого, который развалил Советский Союз.

В дальнейшем Вячеслав стал помощником председателя КГБ, причем тоже не абы кого, а небезызвестного Вадима Бакатина, передавшего американцам всю систему прослушивания в их посольстве и дружившего с Олегом Калугиным, заочно осужденным за измену родине. Как говорили злые языки, на самом деле операцию с американским посольством провел не

столько сам Бакатин, сколько его помощники. В общем, как мы видим, Никонов был вполне успешной личностью по советским и особенно по перестроечным меркам.

А при Ельцине Вячеслав без проблем был избран в Думу, при этом выбрал себе Комитет по международным делам и возглавил подкомитет по разоружению. Так что мне он был знаком не понаслышке: наши пути нередко пересекались по тем или иным важным внешнеполитическим вопросам.

Насколько Вячеслав Никонов был влиятельной политической фигурой? Вел он себя довольно скромно, говорил тихо, но весомо. Однако однажды я стал свидетелем одной достаточно необычной сцены. Что-то там Никонову не понравилось по части разоружения применительно к США, и он, вдруг вспыхнув, прервал беседу со мной и несколько бесцеремонно вошел в кабинет к Лукину. А тот, между прочим, занимал пост председателя Комитета по международным делам, сидел под государственным флагом России и был старше Никонова, пожалуй, не меньше, чем вдвое. Вдруг этот старый лис, прошедший огонь, воду и медные трубы, вскочил со своего места и вытянулся перед Никоновым в струнку. Это перед рядовым-то членом своего комитета! И достаточно долго так стоял, молча выслушивая, как Слава довольно-таки раздраженным голосом отчитывал того. Именно отчитывал!

Став невольным свидетелем этой сцены, я был изумлен до глубины души и вдруг понял, что этих двоих связывали какие-то иные отношения, помимо служебных. И, судя по всему, очень не пустяшные отношения. Что-то тут было особое, иначе Лукин не стоял бы навтыжку перед Славой, как нашкодивший школяр.

Истории с Жириновским и Никоновым каждая имели свое интересное продолжение. Вечером следующего дня я мирно сидел в ресторане гостиницы и поглощал свой ужин. Работа на сессии закончилась, самолет был заказан на следующий день. Спешить было совершенно некуда, тем более что австрияки действительно прилично кормили и поили.

Вдруг за мой столик подсел Слава Никонов. Это уже само по себе было необычно. Вячеслав был о себе высокого мнения и раньше не отличался тем, чтобы якшаться в столь неформальной обстановке с каким-то там руководителем аппарата комитета. А тут вдруг такая честь! Конечно, внешне я, понятное дело, и глазом не моргнул, но внутренне слегка напрягся. Тем более что в памяти еще был вполне свеж живописный рассказ Юрова о том, как внук героя крыл автора отчета с использованием ненормативной лексики.

Однако Никонов ни словом не обмолвился об отчете, а был сама доброжелательность и любезность, охотно поддакивал, смеялся над моими шутками и всеми прочими доступными ему способами демонстрировал свое расположение.

Ужин уже подходил к концу. Однако Вячеслав Алексеевич никак не показывал, что ему надоела моя компания. Он продолжал поддерживать разговор, как с давнишним и очень хорошим приятелем. Я отвечал ему полной взаимностью, но при этом резонно предположил, что вся эта доброта и хорошее расположение – очень даже неспроста.

Наконец ужин закончился, я встал, Слава – тоже.

- А что если мы пойдем вдвоем прогуляемся по вечерней Вене? Не составишь мне компанию? - Слава был само добродушие, помноженное на искренность.

Мне же все это нравилось все меньше и меньше. Конечно, можно было запросто сразу отказаться, сославшись на усталость. Но будет ли это лучше? Если не получился план "А", то твой оппонент пустит в ход план "Б". И уже этот новый план будет осуществляться без согласования с тобой, если ты такой умный и отказываешься от прямого предложения. А вдруг план "Б" окажется успешным? А если этот план носит условное название "ликвидация"? В общем, имело смысл хотя бы понять, в чем состоял план "А", и я решил пренебречь народной мудростью из пословицы "Любопытство сгубило кошку".

Мы гуляли уже достаточно долго. В центре Вены было несколько довольно больших площадей, плотно заставленных

столиками. Все они были заполнены то ли туристами, то ли местными жителями. Наверное, все-таки это были не туристы, те обычно не очень стеснены деньгами. А столики, которые я видел, почти повсеместно были без посуды, совершенно пустые, за исключением пары-тройки стаканов или чашек. Люди явно не стремились потратить свои деньги на ужин.

Слава продолжал безмятежно болтать, не акцентируя внимания на какой-то конкретной теме, что называется, просто ни о чем. Когда надо, я ему поддакивал, а сам старался найти какую-то систему в нашем вечернем походе. Ведь что-то Никонову было нужно от меня, если он вдруг решил исполнить такую сложную комбинацию с внезапно вспыхнувшей дружбой и вечерней прогулкой по темным закоулкам чужого города. Может, просто искал себе партнера, чтобы не бродить одному? Мало ли что может случиться с одиноким туристом, даже в цивилизованной Вене в самом ее центре? Кто знает, вдруг подойдут местные жители, невоспитанные австрияки, и отберут кошелек?

Наконец, Слава прервал свой безмятежный разговор и предложил пойти вместе "поразвлекься". Словосочетание было использовано другое, но суть его была именно такая: поразвлекься.

Слава произнес эти слова и хоть и искоса, но пытливо глянул на меня. Затем решил подкрепить свое предложение и разразился довольно-таки содержательной речью, из которой следовало, что дело это хорошее и для мужчин даже полезное.

"Ах вот оно что!" – подумал я, а вслух скромно вполголоса произнес: "Что-то я себя не очень хорошо чувствую, в последнее время здоровье подводит". При этом я постарался выглядеть как человек, который все-таки колеблется.

Никонов резко замолчал, а потом как ни в чем не бывало продолжил беседу про австрийскую архитектуру и местных владельцев недвижимостью. Как будто слов про "развлечения" никогда и не было. А может, их и правда не было? Мало ли что может померещиться человеку, злоупотребляющему

алкоголем?! Вскоре как-то само собой получилось, что наша сладкая парочка подошла к отелю. Вячеслав предельно вежливо откланялся и исчез в глубине холла.

А я отправился к себе в номер, с интересом анализируя этот эпизод. Вообще-то, всякие нестандартные истории с "развлечениями" нередко используются спецслужбами для шантажа. Иностранцы на этом вербуют простодушных и морально неустойчивых россиян, предъявляя красочные фотографии. В нашем же случае мог случиться и иной сюжет: допустим, зашли мы "поразвлечься", тут же нагрянула полиция, меня отконвоировали в участок, там предъявили обвинение, например, в избииении несчастной девушки. И вот тебе альтернатива: либо подписывайся на сотрудничество, либо завтра в газетах будет подробное описание твоих "подвигов". И как результат – "до свидания" работа в Думе и написание зловредных отчетов!

Кстати, отечественные спецслужбы тоже не гнушаются подобными методами. Так что же, интересно, предполагалось в данном случае? А может, вообще я страдал паранойей и манией преследования? Может, уважаемый депутат не имел за душой никаких тайных планов? Может быть, кто его знает! Хотя тут явно обнаруживалось несколько нехороших совпадений. Первое – неадекватное желание Славы написать проект отчета в Москву, при том, что сам он на сессии не выступал. Второе – неадекватная реакция на то, что отчет уже написан. Третье – нехарактерная для Никонова попытка наладить дружественный контакт с сотрудником аппарата, чем этот уважаемый депутат раньше (и никогда потом) никак не страдал. Четвертое – странная форма беседы со мной за ужином. Если причина ярости по поводу написанного отчета не имела тайной подоплеки, любой нормальный человек на месте Никонова обсудил бы этот эпизод со мной за ужином или в ходе прогулки. Но вот не обсудил же! Пятое – Никонов явно не производил впечатления гуляки и любителя "развлечений". А тут вдруг такая вспышка страсти! И почему не спросил перед прогулкой?

Боялся, что сразу получит отказ? Хотел предварительно создать более доверительные отношения? Почему вообще меня позвал? На такие приключения ходят без свидетелей.

Однако имелось и шестое обстоятельство, которое на самом деле было более весомое, чем все пять уже перечисленных. Дело в том, что я очень хорошо знал и знаю как себя, так и возможности своего организма. Но в этот последний день командировки я почувствовал какой-то совсем необычный прилив чувств. Очень странно! Никакого повода для этого точно не было. Более того, все эти переживания на сессии, напряженная работа и спиртное должны были подействовать как раз ровно наоборот. И, надо же, какое совпадение - прямо очень кстати возникло предложение "поразвлечься...".

Нет необходимости посвящать читателя во все тонкости этого последнего обстоятельства. Отметим только, что оно имело место совершенно точно. На сто двадцать процентов. Доказательства были совершенно неоспоримые.

Неужели что-то подсыпали в еду? Но такая версия выглядела совсем плохо. Получалось, что вокруг меня исполнялась какая-то хорошо спланированная операция, причем не с одним, а с несколькими участниками. И если один из них - местный официант, то вряд ли он работал на ФСБ. Все это не предвещало ничего хорошего. Если затевается такая сложная игра, тут можно и головы лишиться.

В общем, в этом месте вполне уместно закончить свободные рассуждения и подвести промежуточный итог моих взаимоотношений со Славой. Как известно, один из литературных героев Яна Флеминга, а именно тайный агент СМЕРШа Аурик Голдфингер однажды выразился очень определенно:

- Мистер Бонд, в Чикаго говорят: "Однажды – это случайность, дважды – совпадение. Трижды – враждебные действия".

Вольфрам

Однако и с участием Жириновского тем вечером также произошли некоторые события, но уже скорее комические. Уж так случилось, что Владимир Вольфович жил в соседнем со мной гостиничном номере. Кстати, вел он себя там довольно шумно, постоянно на кого-то истошно орал, слышно было хорошо даже через стену. Воспитывал своих подчиненных?

На самой же сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ Жириновский отличался своеобразным поведением. Конечно, у него тогда не было никакого опыта работы в международных организациях. Да и откуда такому опыту взяться? Ведь описываемые события происходили летом 1994 года, то есть всего через полгода после избрания Жириновского в Государственную думу. А до этого он был просто одним из российских политиков, ни на какие международные конференции не ездил и ни в каких официальных сессиях международных организаций не участвовал, тем более в качестве представителя государства.

Видимо, у Владимира Вольфовича не хватило духу признаться кому-нибудь из сотрудников Думы, что он не знает, что должен делать на сессии. Если бы признался и попросил помощи, конечно, ему все объяснили бы и подсказали. Вместо этого, чтобы скрыть свое незнание и неумение, Жириновский избрал следующую тактику: важно и задумчиво молчал, стоял, где ни попадя, многозначительно прохаживался и как бы примерялся. Но меня было не провести: наметанным глазом я видел все эти манипуляции и хорошо понимал, в чем тут дело. Например, иногда ситуация в ходе того или иного обсуждения складывалась так, что у Жириновского явно возникала возможность что-то удачно сказать. Но Владимир Вольфович так ни разу подобными возможностями не воспользовался, за исключением, конечно, уже упомянутой речи на пленарном заседании, когда он призвал не голосовать за Рыбкина. А если Жириновский не использовал такие удобные моменты, то это

означало только одно – он просто не знал, где что-то можно было сказать, а где – нельзя.

Итак, Владимир Вольфович призвал депутатов голосовать против ненавистного коммуняка Рыбкина, олицетворения тоталитарного зла. (Кстати, он именно так в своей пламенной речи и сказал: "Коммуняка". Интересно, как это перевели синхронисты?). Однако сессия закончилась, все отправились в свои гостиницы. Рыбкин ликовал, и после подписания шифровки в Москву сказал Юрову, что вечером намерен организовать "обмыв", при этом добавил, что можно пригласить всех членов делегации.

Конечно, используя слово "все", Иван Петрович имел в виду в первую очередь технических работников. Депутаты должны были прийти как бы само собой. Но как бы там ни было, а слово "все" все-таки было произнесено, хотя и без какого-либо акцента.

Однако мне хотелось интересного продолжения с выступлением Жириновского. Написав отчет и вернувшись в гостиницу, я расположился в холле и стал ждать. Вскоре появилась и дичь, на которую я вздумал поохотиться, а именно: Владимир Вольфович.

Жириновский вошёл, как всегда гордый и неприступный, как азиатский властелин. Я вскочил, направился ему наперерез и произнес следующие слова:

- Владимир Вольфович! Мы все понимаем, что вы вели тончайшую дипломатическую игру, глубоко просчитав реакцию парламентариев. В результате они проголосовали за Рыбкина. Иван Петрович вечером устраивает обмыв. И приглашает на него всех", - слово "всех" я, понятное дело, акцентировал.

Реакция Жириновского оказалась совершенно неожиданной. Вольфрамыч был, судя по всему, готов к конфликту, к ругани, к остракизму, но только не к приглашению на попойку. Услышав доброе слово ("Доброе слово и кошке приятно!"), он весь преобразился и вдруг заговорил со мной крайне заискивающим

тоном, сбивчиво пытаясь подтвердить, что именно такой план у него изначально и был.

Мало сказать, что я растерялся, ведь передо мной лебезил сам "фюрер". Сказать честно, я, в конце концов, не выдержал напряжения ситуации. Терпеть долго столь явное униженное поведение известного политика было сложно и даже опасно. Вдруг кто-нибудь это увидит? Потом обыграют, расскажут в СМИ. И на ровном месте приобретешь себе врага. Поэтому я прервал излияния лидера ЛДПР, сославшись на занятость, и тут же удалился восвояси. Оставалось посмотреть, что получится на попойке. Драка? Взаимные оскорбления? Метание котлет?

Однако драки не получилось. Жириновский действительно явился на пьянку. Но не пил и против обыкновения не острил, хотя обычно очень отличался по этой части. Он весь вечер сидел неподвижно, словно застыв, не проронив просто ни единого слова.

Рыбкин, судя по всему, воспринял приход Жириновского как своеобразную попытку загладить мерзкое поведение, и ни словом, ни жестом того не упрекнул. Иван Петрович как будто

не замечал Жириновского. Наконец я понял, что продолжение конфликта не получается, и просто занялся пьянкой, не сильно себя отягощая соображениями меры. Тосты прерывались исполнением комсомольских песен. Я был рад, что сессия заканчивалась так замечательно, и не имея никакого музыкального слуха, все равно горланил так, что, в конце концов, заслужил от Рыбкина весьма неодобрительный взгляд. Потом мне было стыдно за свое поведение, но я оправдывал себя тем, что на сессии достаточно напакостил кому надо и потому имел право на законный отдых.

Вскоре прошел и саммит глав государств. Консенсус устоял, несмотря на рекомендации, высказанные Парламентской ассамблеей ОБСЕ. А НАТО не превратилась в военное крыло ОБСЕ. Такие порядки сохраняются до сих пор.

Глава 2. Каспийская нефть

Заявившись в тот день на работу, я первым делом вытащил из стола невзрачного вида картонную папку, на которой красовалось всего одно слово, написанное красным толстым фломастером, – "Каспий", и с некоторыми колебаниями положил ее перед собой. Надо было принимать какое-то решение... Может, вообще ничего не делать, засунуть назад в ящик и забыть?

В картонной папке поверх других бумаг лежал документ, озаглавленный достаточно банально: "Рекомендации парламентских слушаний". Как известно, документы бывают разные. Иногда бумага может вызвать очень большие денежные потери. Упомянутые рекомендации парламентских слушаний были именно такой бумагой. Но подобную разрушительную роль эти рекомендации могли сыграть только в том случае, если они были бы преданы гласности. А публиковать их было никак нельзя, документ носил гриф "не для печати".

Конечно, формально это был несекретный документ. За предание гласности того, что не предназначалось для печати, в тюрьму вряд ли посадят. Во всяком случае, не за разглашение государственной тайны. Однако в данном случае публикация этой бумажки почти наверняка повлекла бы для меня всевозможные личные неприятности. А так рисковать своей головой мне в тот момент не очень хотелось. Передача документа в СМИ выглядела бы, как самый настоящий саботаж решения Комитета по международным делам Госдумы. Тот ведь совсем неспроста решил присвоить бумаге именно гриф "не для печати". Речь шла о решении органа государственной власти, которое было формально обосновано определенными причинами и формально проголосовано депутатами. Нарушение запрета на публикацию запросто можно было квалифицировать как саботаж работы парламента, тем более что в результате могли возникнуть серьезные последствия для страны в целом.

Вот я и раздумывал: совершать такой акт саботажа или нет. И если совершать, то в какой форме и в какие сроки. С одной стороны, сделать это мне хотелось сверх всякой меры. С другой стороны, весь риск, связанный с подобной затеей, был более чем очевиден.

На самом деле упомянутые рекомендации были результатом многоходовой операции, которую до этого я сам задумал и последовательно претворял в жизнь. Но первоначально предполагалось, что рекомендации будут открытыми, без каких-либо грифов, и станут доступными широкой публике автоматически. А теперь ситуация изменилась. И мне надо было делать тяжелый выбор между желанием серьезно напакостить американцам и их друзьям в российском правительстве и не менее сильным желанием не "светиться" и не ввергать себя во всевозможные неприятности.

Красная Дума

Однако отвлечемся на время ото всех этих сомнительных размышлений и осмотримся вокруг. В том самом здании на Охотном ряду, по коридорам которого мне приходилось тогда гулять, находилась не просто Дума, а так называемая "красная" Дума, которая представляла собой довольно интересное политическое явление того времени. Корнями она уходила в события, которые принято называть расстрелом Белого дома. В 1993 году Ельцин совершил государственный военный переворот и отдал приказ уничтожить законный орган власти – Верховный Совет. Что и было сделано: на мост выехали танки и прямой наводкой ударили по парламенту. Конституция была растоптана.

Население, в общем, промолчало, но, видимо, не всем это понравилось. В результате, когда через несколько месяцев были проведены выборы в Думу, часть избирателей решила отдать свои голоса не за ельцинистов, а за их противников. Понятное дело, Центризбирком подтасовывал результаты голосования как

мог. Но, несмотря на подтасовки, все равно в Думу прошло немало оппозиционеров, причем, как правило, левой ориентации. Основной костяк составили коммунисты, но были там также аграрии, жириновцы, масса одномандатников, и еще кто-то по мелочи.

В результате в нижней палате парламента сложилась следующая довольно шаткая и неопределенная, но интересная ситуация: компартия не имела даже простого большинства, то есть ее голосов не хватало для принятия Думой даже самого простого решения. Но если удавалось соединить все голоса оппозиции, то получалось на несколько голосов больше простого большинства, составлявшего 225 голосов. Это было и много, и мало. Мало, так как для вынесения импичмента президенту или для того, чтобы опрокинуть "вето" президента на какой-либо законопроект, надо было набрать квалифицированное большинство в 300 голосов. Но квалифицированного большинства как раз и не было. Однако простое большинство позволяло не пропускать законопроекты, которые не устраивали оппозицию. Правда, и это было нелегко, депутаты все время были в каких-то разъездах, и собрать всех вместе было очень непросто. Когда рассматривались принципиальные вопросы, предварительно проводились специальные мероприятия, для того чтобы собрать всю оппозицию и набрать те самые злополучные 226 голосов.

Кстати, это фокус с простым и квалифицированным большинством, судя по всему, вдруг осознал не кто иной, как небезызвестный миллиардер Михаил Ходорковский. Он понял, что если иметь в Думе квалифицированное большинство, можно рулить страной не из Кремля, а из парламента. Даже поперек воли президента! Поняв такой арифметический парадокс, следовавший из содержания новой конституции, указанный гражданин предпринял попытку вложить в очередные выборы хорошие деньги и обеспечить, чтобы количество его твердых сторонников среди думских депутатов как раз эти две трети и составляло. Конечно, мы с вами не можем проникнуть в мысли

высших должностных лиц нашей страны. Но очень не исключено, что именно это так и не реализованное на практике поползновение захватить высшую власть в России через Думу и послужило причиной уголовного разбирательства вокруг преступлений "Ходора" и его последующей неприятной отсидки в далекой зоне.

Впрочем, мы отвлеклись. Эта так называемая "красная" Дума просуществовала достаточно долго. В декабре 1995 года, через два года после первых выборов в Думу, были проведены новые выборы, однако ситуация с раскладом голосов практически не изменилась. Возможно, избиратели отдали больше голосов за левых оппозиционеров. Но и Центризбирком не дремал. Так что после второго раунда схватки за власть все участники остались примерно "при своих".

Я никаким депутатом не являлся, а был руководителем аппарата одного из думских комитетов, если точнее - Комитета по международным делам. Формально должность была одновременно и высокая, и низкая. Руководителя аппарата комитета приравнивали по зарплате к заведующему отделом, то есть он был по деньгам и льготам ниже заместителя начальника управления, начальника управления и начальника главного управления.

Одновременно мне как руководителю аппарата комитета указом президента присвоили ранг государственного советника Российской Федерации первого класса. Этот ранг позволял занимать должность, четвертую по счету после министра, то есть даже должность заместителя министра (министр, статс-секретарь, первый заместитель министра, заместитель министра). Кстати, кое-кто из Думы так и перешел с должности руководителя аппарата комитета на должность заместителя министра, например, из комитета по бюджету в Министерство финансов России.

Фактически же должность руководителя аппарата комитета по международным делам позволяла мне так влиять на международную политику, как это вряд ли было возможно даже

с высших должностей в министерстве иностранных дел. Впрочем, подробнее об этом мы расскажем чуть ниже.

Как я попал на эту должность, это вообще самостоятельная история, заслуживающая того, чтобы ее рассказать в другой, отдельной главе. Но все-таки попал, точнее, проник и внедрился, причем вопреки воле председателя комитета Владимира Лукина. Данное обстоятельство – важное, и его надо иметь в виду, чтобы понимать суть моих взаимоотношений с этим человеком. Я работал в Комитете по международным делам не с согласия Лукина, а вопреки его желанию. Но он меня мог и уволить, если бы доказал другим депутатам, что я совершаю какие-то проступки, не соответствующие этике, а тем более закону.

Итак, формально я был по статусу все-таки чиновником и в соответствии с установленным порядком выполнял обязанности по организации эффективной работы депутатов. Конечно, у меня при этом было под рукой почти двадцать сотрудников аппарата комитета. Но формально мои полномочия не могли пойти дальше того, чтобы дать поручение написать проект какого-то документа или ответа на письмо. И не более того!

Лукин

Казалось бы, как, имея зависимый статус чиновника, пусть даже достаточно высокого уровня, можно было влиять на какие-то вопросы внешней политики? Формально – никак. Тем более что Комитет по международным делам возглавлял, как уже было упомянуто выше, не кто иной, как Владимир Петрович Лукин. Кто-то сгоряча называл его американским агентом влияния. Не будем, однако, тут торопиться со скоропалительными и обидными ярлыками, а попытаемся разобраться подробно и по порядку.

Для начала отметим, что в те времена многие оглядывались на американцев. Похоже, что в тот период в России без их санкции не происходило ни одно назначение на высшие

государственные посты. Например, как-то раз мне пришлось наблюдать следующее довольно странное явление. Министром иностранных дел тогда был Примаков. И вот как-то депутаты уломали его зайти в Комитет по международным делам и рассказать о российской внешней политике. Прийти-то Примаков пришел. Но перед своим выступлением выдвинул одно жесткое условие: он будет выступать только в том случае, если ни у кого из депутатов, находящихся в комнате, не будет при себе никаких электронных устройств. Примаков сказал очень жестко: "Никаких!" Ни телефонов, ни пейджеров, ни иной электроники! И никаких вопросов по выступлению, что расскажу, на том и спасибо!

Сами депутаты так себя в Думе, в том числе и на официальных заседаниях, не ограничивали, таскали с собой и телефоны, и пейджеры, и иные устройства. Но если уж сам министр просит, почему бы и не уважить пожилого человека? И вся электронная техника действительно перекочевала ко мне на временное хранение. Я, как, впрочем, и все остальные, при этом полагал, что такие предосторожности были нужны для того, чтобы американцы не смогли проведать о секретных планах, о которых собирался рассказать министр.

А дальше было выступление. И чем дольше говорил Примаков, тем больше я удивлялся. Нет, Евгений Максимович ни о каких секретных планах даже и не думал рассказывать. Просто ни о каких! Все его выступление было одним непрерывным перечислением фактов из уже прошедших периодов истории внешней политики страны. При этом Примаков тщательно подчеркивал свою ключевую роль в тех или иных внешнеполитических делах, когда речь шла о противодействии другим странам.

Зачем тогда Примаков потребовал изъять всю электронику? По какому такому поводу? Какие секреты он пытался скрыть? По логике, он должен был на всех углах трубить о своих достижениях на посту министра. А он вместо этого стремился сделать так, чтобы об этом не узнал никто за пределами

Комитета по международным делам. Кстати, кто именно? Кто мог подслушать выступление министра через пейджеры? Очень было похоже, что на самом деле Евгений Максимович изрядно боялся, чтобы американцы не проведали, как он им время от времени тайно вредил (кстати, не очень-то и вредил, судя по его выступлению). Никакое другое объяснение феномену с изъятием пейджером мне не идет в голову.

Итак, вернемся к Лукину. Биография у Владимира Петровича была довольно примечательная. Для начала он закончил московский пединститут. Трудовую деятельность начал как сотрудник Государственного исторического музея. Потом перебрался в Государственный музей революции СССР. Оттуда – в журнал "Проблемы мира и социализма" и переехал в Чехословакию, в Прагу. Не исключено, что именно там и была заложена основа будущей головокружительной политической карьеры Владимира Петровича. Дело в том, что в 1968 году произошли события, которые получили название "Пражская весна" или "События в Чехословакии". Лукин позволил себе кое-какие вольные оценки, немного расходившиеся с линией КПСС. В результате с журналом пришлось расстаться. Лукин, однако, "приземлился" в Институте США и Канады, где просидел почти двадцать лет, вплоть до 1987 года, и, в конце концов, получил степень доктора исторических наук.

Карьера до этого момента у Владимира Петровича выглядела очень невзрачной, по советским меркам, конечно. Какой-то

научный сотрудник в каком-то богом забытом научном институте. Сидел себе, писал статьи, защищал диссертации, однако важные государственные вопросы не решал, все было очень скромно и совсем не статусно. Однако не исключено, что жизнь Владимира Петровича в ИСКАНе протекала уже не сама по себе, а под невидимым покровительством тех, кто его заметил еще в Праге. Никто этого, понятное дело, утверждать не может, однако имеются некоторые интересные совпадения. Не успел Михаил Сергеевич Горбачев, которого не без оснований считают тайным агентом Запада и коллаборационистом, стать генсеком Коммунистической партии, как и Владимир Петрович совершил необыкновенный по советским меркам карьерный прыжок: из научного сотрудника института враз скакнул на должность аж заместителя начальника Управления анализа и прогноза МИД СССР.

Поясним для тех, кто не знает систему МИД: в этом самом управлении рядовыми сотрудниками работали только послы или, в крайнем случае, посланники. Послы ведь тоже не все время сидят в своих посольствах за границей, иногда им приходится возвращаться на родину и ожидать очередного

назначения. Вот для такой временной пересидки и было создано это управление. Ничего там делать было не надо. Но если уж так неприятно сидеть без дела, то можно было взяться за какой-нибудь вопрос и писать бумажки аналитического характера, которые никому не были нужны.

Однако безделье сотрудников этого управления не меняло их статуса – они все подряд были в ранге послов или посланников. Над этими послами имелись свои начальники, в первую очередь несколько заведующих отделами. А уж ими руководил один из заместителей начальника управления. Этот заместитель был уже приличной величиной по дипломатическим меркам и мог претендовать на должность посла не в мелкой, а в достаточно серьезной стране. Понятно, что подавляющее число карьерных МИДовских дипломатов даже не мечтало дорасти до такого уровня. На пенсию уходили советниками, в крайнем случае, заведующими каким-нибудь отделом.

Вот именно на такую должность и "приземлился" выпускник пединститута и вчерашний простой научный сотрудник Владимир Лукин. При том, что в советские времена в МИД даже на самые низшие рядовые должности крайне неохотно брали людей со стороны. Ведь предполагалось, что в этом министерстве сотрудник должен был не просто просиживать штаны, а что-то там делать, писать, организовывать. А для этого надо было иметь соответствующее образование, глубокие практические знания, опыт работы за рубежом. Человек со стороны, без образования, полученного в МГИМО, без опыта работы в посольстве, конечно же, был для дипломатической службы просто бесполезен. Нужны были годы и много испорченных и разваленных дел, чтобы научиться чему-то путному на своем опыте.

Но вот вопреки всей этой логике Лукина вдруг взяли на одну из высших дипломатических должностей с образованием, полученным в пединституте, а вовсе даже не в МГИМО, без опыта работы в каком-либо посольстве, вообще без какого-либо

опыта практической дипломатической работы. Настоящее волшебное превращение Золушки в принцессу.

Но на этом чудеса не закончились. Через пару лет Лукин совершил еще один карьерный прыжок: стал руководителем Группы анализа и прогнозирования Секретариата Верховного Совета СССР. А дальше началась уже собственно политическая карьера: Лукин был избран народным депутатом РСФСР и стал членом Президиума Верховного Совета РСФСР, а заодно и председателем Комитета по международным делам.

Крутая карьера? Позволю себе разъяснить, что значит быть председателем международного комитета в любой стране, а не только в СССР или в России. Депутат в силу своего статуса может без ограничений публично излагать свою точку зрения по любым вопросам. А председатель комитета – тем более. В международном комитете – вопросы тоже международные. И они, как правило, попадают в СМИ и достаточно широко обсуждаются. То есть председатель международного комитета, по сути, может без ограничений критиковать международную политику своего правительства, при этом формально являясь не менее авторитетной персоной, чем министр иностранных дел.

Мало того, в Комитете по международным делам предварительно обсуждаются вопросы ратификации международных договоров. И если такой комитет не рекомендует ратифицировать договор, очень велик шанс, что ратификация провалится. А без международных договоров, грубо говоря, вся внешняя политика сводится лишь к устным заявлениям президента или министра иностранных дел. То есть президент страны без парламента может только устно поговорить на международные темы. А если захочет что-то зафиксировать на бумаге, то должен идти на поклон в парламент, а конкретно – в Комитет по международным делам.

Именно поэтому стать председателем комитета по международным делам в самых разных странах считают не зорным бывшие премьер-министры, а то и президенты. А с

должности председателя такого комитета можно стать, например вице-президентом США.

Вот именно на такую должность и угодил Владимир Петрович Лукин. Конечно, тогда было смутное время, на вершину политического Олимпа выплывали совсем неожиданные персоны. Но все равно, согласитесь, восхождение Лукина к вершинам власти впечатляло.

На этом карьере Владимира Петровича не завершилась. Он с 1992 по 1994 год был послом в США. Вас ничего в этой сказочной истории не удивляет? Ведь, как известно, в 1991 году Советский Союз распался, к власти пришел Ельцин и вся сопровождавшая его шатия-братия. Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что в тот момент американцы чувствовали себя в России как полновластные хозяева. Или не так? Конечно, так! Как вы думаете, кого в такой ситуации они хотели видеть на посту посла России в США: случайного человека или персону, на которую можно было спокойно положиться? Наверное, второе. Могли они повлиять на такое назначение? Ха! Они могли просто выбрать кандидатуру предполагаемого посла, а не то что повлиять!

Побывав в послах, Лукин вернулся в Россию, вновь избрался депутатом и вновь стал председателем комитета по международным делам, но только уже не в Верховном Совете, а в той самой описываемой здесь "красной" Думе. Казалось бы, что за странная трансформация? Человек отказывается от гарантированного места посла в крупнейшей стране мира и рискует потерять все, если после этого не изберется в парламент. Наверное, тут была какая-то подстраховка? Очень даже может быть, что такая подстраховка имелаась, и сейчас мы об этом расскажем поподробнее.

Для начала Лукин вместе с Явлинским и Болдыревым создали свое избирательное объединение, которое по первым буквам их фамилий стало называться "ЯБЛОКО". И финансировалось это самое Объединение "ЯБЛОКО" Группой "Мост", которую возглавлял известный олигарх и миллиардер

Владимир Гусинский. А откуда брал деньги он? Попробуем рассказать и об этом.

Шурик

Шуриком я звал своего приятеля Сашу Одинцова. Саша был очень интересной личностью, но раньше рассказывать про него было никак нельзя. Однако, к сожалению, в 2008 году он умер. Поэтому теперь можно и раскрыть кое-какие тайны, связанные с его личностью. Всю свою жизнь Шурик работал в МИДе Советского Союза, занимался Европой, в конце восьмидесятых отправился в посольство в одну из стран Бенилюкса. Формально Шурик считался дипломатом, а на самом деле был сотрудником совсем другой организации и пользовался МИДом как "крышей". Что там случилось в посольстве – неизвестно, а только в один прекрасный день Одинцов вынужден был покинуть не только страну пребывания, но и министерство иностранных дел. Если бы его разоблачили местные контрразведчики, это было бы еще полбеда. Ну, выслали и выслали. С кем не случается? Просто "персона нон грата". Какое дело! Однако случилась вовсе не "персона нон грата". По словам самого Шурика, там он злоупотреблял спиртным и к тому же в один прекрасный момент оказался "не в то время и не в том месте". В результате невесть откуда возникшего скандала "крыша" не только отправила его назад на родину, но и изгнала из дипломатов.

Если говорить на профессиональном жаргоне, Шурик был погорельцем по "соседской" линии ("соседями" на том же жаргоне называли представителей спецслужб, работавших в МИДе под видом дипломатов). И вот Шурик, весь такой понурый, с поджатым как у побитой собаки хвостом, пришел наниматься на работу в Верховный Совет России. Кто-то из депутатов даже было согласился взять его в качестве помощника. Но тут как на беду депутаты вступили в схватку с Ельциным, а тот взял да и устроил военный переворот. Здание

Верховного Совета оказалось в окружении. Казалось бы, сама судьба гнала Одинцова подальше от депутатов. Но Шурик был, что называется, "не из таких", и решил любой ценой остаться внутри здания.

Конечно, не исключено, что Одинцова заставило там остаться не только желание найти работу. В конце концов, он имел специальную подготовку, и вполне возможно, что кто-то хотел иметь внутри парламента свой надежный источник информации. Но последнее предположение – просто ни на чем не основанные домыслы, так прямо это здесь и обозначим.

Как известно, внутри осажденного Белого дома кроме депутатов находились и простые сотрудники. В Комитете по международным делам был аж целый один сотрудник. Мятежные депутаты назначили его руководителем аппарата комитета. Но подчиненных у этого "руководителя" не было никаких. Он сам был и руководителем, и подчиненным. Этим самым сотрудником был я. И для меня было приятной новостью, что в логово "мятежников" заявился Одинцов. Вдвоем в осаде под прицелами снайперов сидеть было явно веселее.

Одинцов производил впечатление очень добродушного и одновременно веселого человека. Зайдет, обязательно расскажет анекдотик, пошутит, вспомнит какую-нибудь байку. То есть в

контакт с людьми он входил легко, что нередко достаточно, чтобы прилично устроиться в этой жизни. А по виду он, скорее, напоминал Хрущева, только в молодости. Такой же невысокий, коренастый, с блестящей лысиной. Глаза живые, но одновременно острые. Свой интеллект Шурик не мог спрятать, даже если бы и захотел.

За пару часов до начала стрельбы из танков мы оба вышли из Белого дома и тем самым избежали кровавой расправы. Потом я в результате определенных манипуляций просочился в Государственную думу и даже ухитрился попасть опять в руководители аппарата Комитета по международным делам. Причем, как еще раз отмечу, вопреки воле уже описанного выше Владимира Петровича Лукина.

Через какое-то время Шурик нашел меня на новом месте и стал опять примеряться к трудовой карьере. Но тут в его жизни произошло серьезное изменение. Дело в том, что Одинцов в свое время, как и все другие советские дети, учился в школе. А одного из его одноклассников звали Володей Гусинским.

Гусинский, окончив школу, со временем стал миллиардером и помимо всего прочего начал поддерживать и финансировать Объединение "ЯБЛОКО", которое в результате избралось в Государственную думу. При этом один из лидеров "ЯБЛОКО" стал председателем Комитета по международным делам.

Кажется, сама судьба подсказывала Одинцову, как поступить дальше.

На самом деле, как поступить дальше, подсказали ему компетентные товарищи по месту бывшей службы. Однажды они сообщили Шурику точное время прибытия миллиардера Володи Гусинского из-за границы в аэропорт "Шереметьево". Дальше все было делом техники: Одинцов заранее поехал в аэропорт и стал слоняться туда-сюда у выхода из зала для особо важных персон. Наконец, оттуда в толпе помощников, охранников и прочей челяди вывалился и Володя Гусинский.

"Володя! Володя!" – заорал во все горло Шурик и кинулся к Гусинскому. Охранники среагировали мгновенно и сомкнули свои ряды. Еще секунда, и Саша был бы повержен на землю ловким ударом по неразумной башке. Но Гусинский услышал этот отчаянный вопль (Шурик старался как мог) и повернул голову. Что-то похожее на попытку припомнить давно забытое лицо промелькнуло на его челе, и Гусинский жестом приказал охранникам пока не калечить неизвестно откуда взявшегося крикуна. Еще мгновение – и Гусинский, наконец, узнал товарища по школе и тут же расцвел, заулыбался, протянул руку. Шурик был сам не свой от счастья. Это была полная победа.

Беседа продолжалась меньше минуты, но это было и не важно. А важно было то, что Гусинский небрежно бросил под конец: "Ну ты там зайди ко мне на днях на работу, поговорим о жизни". На этом рандеву закончилось, и олигарх удалился восвояси со всей толпой своих прихлебателей.

Легко сказать - "зайди"! Как к нему зайдешь?! Он же олигарх! Но уж тут Одинцов пустил в ход все, чему его учили в МГИМО и еще неизвестно где. Он стал ломиться в здание бывшего СЭВа, где и заседала вся банда Владимира Гусинского. Его останавливали на каждом посту, а он объяснял, что сам Гусинский попросил его "зайти". Когда звучало слово "одноклассник", охранники переглядывались, начинали куда-то

звонить и в результате пропускали Сашу через очередной кордон. Но на следующем посту история повторялась.

Наконец, Одинцов добрался до зала, где шло какое-то заседание. Когда оно закончилось, о нем доложили. И, в конце концов, распахнули перед ним заветную дверь. Шурик ринулся внутрь. Там он увидел довольно-таки неутешительное зрелище: Гусинский сидел в кресле, а вокруг плотной толпой его обступили заместители, просто сотрудники, охранники и еще не пойми кто. Какая уж тут беседа по душам!

Однако дальше произошло примерно то же, что и в Шереметьево. Гусинский заметил Александра и жестом подозвал его к себе, расчистив рядом с собой свободное место. На этот раз беседа продолжалась подольше. Гусинский явно раздумывал, куда бы пристроить неизвестно откуда взявшегося дружка. И, похоже, уже было решил. Наверное, Одинцов мог рассчитывать на какое-то непьющее, но одновременно денежное место в отделе международных связей или еще где-то в том же духе. Но тут Саша упомянул про свои похождения в качестве Джеймса Бонда. И это, судя по всему, решило все дело: "Будешь работать у Бобкова, подойдешь к нему и сошлешься лично на меня!". Беседа тут же закончилась, к Гусинскому приникли другие просители. А Одинцов отправился восвояси, получив именно то, что и хотел. Он хорошо знал, кто такой Бобков.

Филипп Денисович Бобков был на самом деле вовсе не такой личностью, чтобы его не знать. Родился в 1925 году. Служил в

КГБ. С приходом Андропова Бобков занял пост начальника так называемого 5-го управления, то есть возглавил борьбу с идеологическими диверсиями и антисоветскими элементами (читай – диссидентами). А потом дорос аж до первого заместителя председателя КГБ, то есть был вторым человеком в этой организации, и слыл, кстати сказать, довольно ярким противником либералов. В конце концов, в январе 1991 года Горбачев вызвал его на ковер и просто уволил.

И куда же подался опальный генерал? Он для начала отдохнул в "райской группе" при Генштабе. А с распадом СССР напрямик направился в логово тех, кого успешно ловил и шельмовал в советские годы. То есть прямо к Гусинскому, в его Группу "Мост". Где и создал подразделение, которое называлось аналитическим управлением. Думаете, там сидели какие-то широколобые аналитики? Ха-ха! Филипп Денисович создал там ни много ни мало, а самый настоящий аналог КГБ. Аналитическое управление выполняло функции как разведки, так и контрразведки. Туда косяком потянулись все те сотрудники, которых выперли из настоящего КГБ в годы Горбачева. То есть туда пришли, по сути, лучшие кадры разведчиков и контрразведчиков. И структура эта при Гусинском занималась не просто шпионажем и контрразведкой. Это была ударная сила, которая могла организовать кое-что и посерьезней. Например, государственный переворот.

Значило ли все это, что Бобков ловко маскировался в КГБ, а на самом деле симпатизировал своим диссидентам? Очень может быть. Специфика работы спецслужб такова, что если сам о себе не подумаешь, никто о тебе не подумает. Например, собрался ты бороться с террористами. И как же ты это будешь делать? Нередко схема выглядит следующим образом: сам выбираешь себе жертву и начинаешь ее агитировать на совершение теракта. Конечно, не сам агитируешь, а через "прокладку". Делаешь так, чтобы у этой "прокладки" возник имидж крутого руководителя террористического подполья, что не очень сложно: надо пару раз как бы случайно упомянуть эту

персону в эфире, снабдив ее соответствующими характеристиками, – и дело сделано. Рядовые балбесы, которые вдруг решили стать террористами, потянутся к этому липовому отцу всех террористов. Там их подучат, снабдят оружием, поставят задачу. А потом спецслужбы его сцапают как бы случайно, в самый последний момент, не дав совершить теракт. А иногда и дают совершить, иначе начальство не оценит антитеррористическую службу. Точно так же и Бобков создавал и пестовал своих диссидентов. А потом сам же с ними яростно боролся.

Впрочем, все это – наши досужие домыслы, отчасти отражающие содержание известного кинофильма "Операция "Трест". А не домысел только то, что Филипп Денисович создал аналог КГБ при Гусинском. И именно туда и угодил наш Шурик. Бобков с ним лично побеседовал и определил направление – работа в Государственной думе. Нет, Шурик не был главным координатором такой работы в Думе, общее руководство там осуществляла одна симпатичная девушка. Но Шурик был таким исполнителем, с которым приходилось считаться. Ведь он был одноклассником самого Володьки Гусинского!

Если бы не эта связь, недолго бы Шурик проработал у Бобкова! Пьянство, любовь к вальяжной жизни, работа с прохладцей были плохими помощниками в деле. Но из-за Гусинского Шурика там терпели и прощали недостатки в работе, без которых никак не обходилось.

В Думе Шурик первым делом пришел ко мне и все как на духу выложил про Гусинского и Бобкова. Потом Шурик предложил следующее: он не будет требовать от меня никаких расписок ни в каких документах, никакой секретной информации, а также не будет пытаться давать мне поручения от своих покровителей. Шурик хотел только одного: отчитаться перед Бобковым, что он завербовал меня в информаторы.

Расчет Одинцова был прост: Бобкову он говорил, что завербовал аж самого руководителя аппарата Комитета по

международным делам. На самом же деле Шурик ходил по Думе и собирал всяческие сплетни и слухи. Потом пытался их перепроверить. И то, что выглядело не совсем уж глупо или одиозно, он и тащил к Бобкову, заявляя, что получил эту информацию лично от Володи Трофимова.

На практике это мое "сотрудничество" с Шуриком выглядело обычно так: Шурик заявлялся в Думу где-нибудь часам к одиннадцати утра, поскольку раньше вставать было совсем сложно, и напрямик шагал в мой кабинет. Осторожно стучал в дверь, и если я был не слишком занят, заползал внутрь.

Дальше все шло по отлаженной процедуре: я лез в шкаф, вытаскивал бутылку водки и наливал Шурику граненый стаканчик. Шурик бережно ставил этот стаканчик перед собой на край стола. Но не выпивал! Сразу выпить означало поломать весь кайф. Нет, весь смысл заключался именно в том, чтобы не выпить стакан сразу, а подержать его перед носом минут десять. Организм Шурика в этот период предвкушал дозу водки и в соответствии со всеми законами физиологии обильно выделял эндорфин, так называемый "гормон удовольствия", а на самом деле просто наркотик, близкий к морфию.

Пока тянулись эти десять минут, Шурик выкладывал мне все, что успел разузнать. А знал он многое. Когда он приходил в свою контору к Бобкову, чтобы доложить о результатах работы в Думе, там можно было много чего узнать из досужих разговоров сотрудников, которые при Шурике не особо-то и стеснялись, считая его даже не то чтобы своим, а персоной, приближенной к Филиппу Бобкову, а то и к самому Володе Гусинскому. Не исключено также, что они шли на откровения, потому как полагали, что Шурик может пересказать их подвиги лично руководителю Группы "Мост".

Рассказы Одинцова про деятельность Гусинского были очень даже интересными. "Мост" финансировал и поддерживал всю структуру Объединения "ЯБЛОКО". Причем использовал для этих целей вовсе не свои кровью и потом заработанные денежки. Схема была следующей: крупнейшие мировые

нефтяные монополии, в основном ориентирующиеся на США, в ту пору вознамерились наложить лапу на нефтяные ресурсы Каспийского моря, и для начала выделили несколько миллиардов долларов на подготовительную работу и нефтеразведку.

Работа велась под эгидой Азербайджана, который видел в развитии нефтедобычи свою непосредственную выгоду. Ведь часть этих миллиардов сразу же оседала в карманах азербайджанских высших должностных лиц.

Но американцы поставили жесткое условие: все финансовые операции с Россией Азербайджан должен был осуществлять через Гусинского и его "Мост-банк". Вот таким образом под прикрытием Азербайджана американцы и финансировали "ЯБЛОКО", расплачиваясь при этом деньгами нефтяных консорциумов.

Одинцов еще много чего интересного рассказывал: про систему финансирования отдельных лиц на НТВ, про компании в прессе против того или иного российского политика, которые организовывались через Бобкова. Организовать такие компании было несложно, сначала Филипп Денисович и его ребята по своим каналам "накапывали" компромат на соответствующего деятеля, а потом реализовывали его, устраивая публикации в прессе через достаточно случайных лиц и за вполне скромную плату. То есть концов внешне не было никаких. А политический результат – налицо!

Я слушал все это с большим интересом. А Шурик выкладывал все без утайки. Наконец наступал момент, когда надо было выпивать стакан. После этого следовала небольшая пауза. Потом Одинцов, жалостливо скривив лицо, просил добавки, и, выпив еще грамм пятьдесят, а то и все сто, наконец, отправлялся гулять по Думе и собирать свежую информацию.

Тут нужно отметить, что в кармане у Одинцова имелась особая кредитная карта "Мост-банка". Лежавшие на ней деньги можно было использовать для оплаты ресторана, если это было необходимо для работы с тем или иным агентом. Так что

возможности у Одинцова для сбора информации были хорошие. Иногда Шурик предлагал сходить в ресторан и мне, врать не стану. Таким образом убивались сразу два зайца: это была работа со своим важнейшим "агентом" и одновременно возможность приятно и без напряжения провести вечер за деньги Гусинского. Понятное дело, что никакой информации при этом Шурик не добывал. Просто пересказывал наутро у Бобкова очередную думскую сплетню, вот и все.

Мог ли Одинцов сам купить бутылку водки и выпить ее где-нибудь за углом? Шурик мог купить сто таких бутылок, платили ему у Гусинского просто круто! Но дело было не в том, чтобы грубо упиться. Так и до белой горячки недалеко! Нет, все должно было обставляться культурно, изящно, интеллигентно. И тогда можно было как-то регулировать количество выпитого. В результате, хоть Шурик и был на бровях уже с одиннадцати часов утра, суточная доза, в общем, варьировалась в пределах от ста до двухсот грамм, что можно было считать умеренным количеством, не влекущим плохих последствий.

Тем не менее Шурик нередко попадал в неприятные ситуации, связанные с выпивкой. Жил он в Ясенево, совсем рядом со Службой внешней разведки. И добирался домой сначала на метро, а потом несколько остановок на троллейбусе. Местные милиционеры как-то вдруг заприметили его и сцапали прямо на выходе из троллейбуса. Они тут же залезли в бумажник, вытащили оттуда все деньги, заодно отняли и достаточно дорогие часы. А для того, чтобы Шурик не "дергался", его сразу же свезли в ближайший вытрезвитель. Там Одинцов честно провел всю ночь. Его рассказ про эту ночь и про порядки, царившие в вытрезвителе, действительно брал за душу! Но особо Шурик горевал по поводу своих часов, которые он добыл за границей каким-то необыкновенным способом.

И что было делать дальше? Так и до дома теперь не доберешься! Ведь выпивка – каждый день! Одинцов немного посидел, подумал. И придумал! Он купил самые дешевые часы. И перед выходом из метро переложил все деньги из кошелька в

задний карман брюк. Милиционеры опять ждали его на том же самом месте. Но Шурик гордо, как это может сделать вдребезги пьяный человек, сунул им под нос дешевые часы, потом сам вытащил и предъявил кошелек с парой мелких купюр. Милиционеры поняли, что товарищ больше не представляет для них интереса. В результате очередное посещение вытрезвителя отменилось само собой.

Конечно, я и сам знал, кто и как финансировал "ЯБЛОКО". Ближайшие соратники Гусинского без стеснений заходили в кабинет к Владимиру Петровичу Лукину в гости. Но рассказы Одинцова помогали более точно понимать, как именно работала эта схема.

Понятное дело, что я никаким тайным осведомителем Группы "Мост" не являлся, никаких документов там не подписывал и никаких отчетов туда не отправлял. Но благодаря усилиям Шурика, судя по всему, я там числился как тайный осведомитель, который знал, на кого именно он работал. Плохо ли это было? Формально это меня никак не связывало и не обязывало. Конечно, с моральной точки зрения было немного некрасиво. А если, паче чаяния, государственные органы до этого докопались бы, то такое сотрудничество можно было поставить и в вину. Сидим на государственной службе, а на самом деле работаем на постороннюю структуру! Да еще на какую! На тайный аналог КГБ, существующий на американские деньги!

Однако во всей этой истории с Бобковым имелся и один жирный плюс, который перевешивал все остальное и во многом побудил меня не отвергать предложений Шурика. Ведь Лукин, мой непосредственный начальник, был одним из лидеров Объединения "ЯБЛОКО". И у него время от времени возникали ко мне те или иные претензии. Если бы эти претензии выросли до непримиримого антагонизма, всегда можно было задействовать Бобкова, через Шурика попросив его повлиять на Лукина. Бобков в этой ситуации выступал как замечательная

"крыша" и страховка, которой в моем положении никак не следовало пренебрегать.

От общения с Одинцовым был и другой, не менее важный плюс, поскольку от него я получал почти такую же информацию о положении в стране, как Гусинский от Бобкова. В конце концов, на Филиппа Денисовича действительно работали лучшие кадры бывших советских разведчиков и контрразведчиков, которые много чего знали и поддерживали отношения с самыми разными людьми.

Координатор

Пора теперь сказать пару слов и о том, что представлял собой этот самый уже не раз тут упомянутый нами Комитет Государственной думы по международным делам. То, что это был важный и престижный орган парламента, я уже говорил. А как именно он работал, как там принимались решения? Что мог сделать Лукин как председатель комитета по своей личной инициативе? Вообще, как работают подобные органы власти? Такие технические детали – скучная штука. Но если вы хотите реально влиять на власть, а тем более мешать этой власти (то есть, по сути, заниматься саботажем), то механизм принятия решений надо знать и понимать досконально. Все должно отскакивать от зубов, как у школьного отличника.

Итак, вот прошли выборы в Думу. В здание на Охотном ряду со всей страны приехали вновь избранные депутаты. Где им работать, в каком комитете? По этому поводу в Думе нет никаких ограничений, теоретически в один комитет могут записаться хоть все депутаты. Кстати, примерно так и происходило на практике. Например, в Комитет по бюджету записывались, как правило, более полусотни депутатов. Причина понятна: там можно было более эффективно лоббировать те или иные финансовые интересы заинтересованных лиц.

В другие комитеты записывалось разное количество депутатов. Например, в Комитет по молодежной политике могло записаться всего четыре депутата, потому как молодежный вопрос не очень интересный, тут трудно найти способ заработать деньги или популярность.

В Комитет по международным делам обычно записывались порядка двух десятков депутатов. Как известно, по линии этого комитета возможны всяческие зарубежные поездки. Кроме того, вопросы тут интересные, их постоянно обсуждают в СМИ, то есть имеется шанс покрасоваться на экране. А вдруг в дополнение ко всему этому удастся как-нибудь изловчиться и уехать в качестве посла в какую-нибудь не самую заштатную страну?

В общем, принцип понятен, количество депутатов в том или ином комитете складывалось стихийно. Иными словами, как бог на душу положит.

Другое дело – председатель комитета! Вот тут шла самая настоящая рубка. Многие из вновь избранных депутатов претендовали на пост председателя какого-нибудь комитета. Такая должность автоматически влечет предоставление большого кабинета с кремлевскими телефонами, персональной автомашины и большого аппарата сотрудников. Дележ постов председателей комитетов идет жестко и бескомпромиссно на уровне фракций тех партий, которые смогли пройти в парламент. И тут нет места жалости или благородству.

Наконец наступает момент, когда депутаты определились с комитетом. И вот они собрались на его первое заседание. Тут выясняется, что порядок принятия решений уже определен в Регламенте Госдумы: решение принимается голосованием, причем большинством от присутствующих депутатов, а не от всех членов комитета. То есть, кто явился на заседание, тот и голосует. Явились три человека, они и будут все решать.

Но голосование – это еще не все! В Комитете по международным делам старый хитрый лис Лукин пользуется тем, что новые депутаты еще совсем зеленые и неопытные, и на

первом же заседании произносит примерно следующую речь: "Внешняя политика – очень важное дело! Внешней политикой по нашей Конституции ведает сам Президент! Мы не должны мешать ему в этом! Позиция нашего комитета должна быть единой. Будет плохо, если мы все будем выступать в СМИ в разноречивой. Давайте твердо договоримся, что впредь в СМИ будет выступать с консолидированной позицией председатель комитета, а все остальные будут воздерживаться от публичных заявлений".

Простофили, приехавшие из провинции, слушают Лукина, развесив уши. Ну как же, ведь Лукин – очень опытный дипломат и политик, он понимает, как надо организовать работу! И эти провинциалы согласно кивают головами: "Да, Конституцию мы уважаем. Да, недопустимо мешать президенту проводить правильную внешнюю политику. Да, разноречивая быть не должно, этим воспользуются наши недруги!".

Все, если провинциал кивнул головой в знак согласия, он упустил свой шанс! Международный комитет тем и хорош, что тут есть темы, которые интересны широкой публике, и комментарии по которым могут показать по телевидению. Международный комитет – это шанс стать популярной, узнаваемой личностью, не делая для этого практически ничего. Достаточно просто владеть даром красноречия.

Итак, Лукин легким движением отнимает у остальных членов комитета право выступать перед журналистами. Заметим себе, отнимает не просто право, а конституционное право! И ему этого по большому счету достаточно. Вся остальная внешняя политика – это уже дело десятое. Все остальное – скучная и сложная текучка, на которую жалко тратить свое личное время. Иная работа в комитете для него – просто обуза.

Текучка! Что же это за штука такая? По названию больше похоже на ручей, а то и на реку. На самом деле это нескончаемый поток документов, которые приходят в соответствующий государственный орган. Не является исключением и Комитет по международным делам. Часть бумаг

не представляет интереса и не требует никакой реакции. Эти бумаги идут либо прямым в корзину, либо в архив.

Но не все бумаги такие безвредные. На некоторые из них надо отвечать, обозначая свою позицию. Но для того, чтобы отвечать, надо владеть проблемой, надо обладать соответствующими знаниями. Мало того, надо тратить свое личное время, чтобы вникнуть в детали. А если вопрос принципиальный, то проект ответа надо выносить на заседание комитета. А там – проклятое голосование! Надо защищать свой проект, надо переубеждать депутатов. То есть надо понимать, о чем ты говоришь! И если не можешь защитить, твой проект с позором провалят.

И тут вдруг, откуда ни возьмись, появляется Володя Трофимов, который долго работал в министерстве иностранных дел, где сталкивался с самыми разными международными проблемами. У Володи – фундаментальное образование. Мало того, он готов сидеть с утра до ночи с проклятыми бумажками, а потом выступать на заседании комитета и объяснять депутатам, почему надо написать именно так, а не иначе. Короче, такой Володя – исключительно ценное приобретение. Если текучка – это абсолютное зло, то Володя – это абсолютное благо.

В результате председатель комитета поручает такому Володе возиться с ненавистными бумажками, а сам получает массу свободного времени, которое можно потратить на очень приятные дела. То есть на интервью и выступления по телевидению, дипломатические приемы, на встречи с нужными и интересными людьми, на зарубежные поездки. На любовницу или любовника, наконец, если позволяет здоровье.

Казалось бы, что тут может сделать Володя, какая тут возможна самостоятельность вопреки воле начальства? В конце концов, Лукин – тоже достаточно тертый калач. Он тоже кое-что понимает в международных делах. Его на мякине, небось, не проведешь! Если Володя подготовит какой-то проект, который идет вразрез с убеждениями самого Владимира Петровича, тот запросто заставит переписать бумагу, вот и все!

Эх, если бы все было так просто! Как правило, международные вопросы – специфичные. Никто не будет вас спрашивать, дружить с Америкой или нет. И нужно ли двигаться по пути демократии или, наоборот, диктатуры. Чаще всего возникают вопросы сложные и запутанные. Например, построили космодром в Плесецке. А орбита запускаемых космических аппаратов в результате проходит над Шпицбергом, который имеет особый международный статус. А потом прямо над Сан-Франциско, над головами изумленных американских граждан. Ракета сбрасывает ступени, они падают вниз по траектории запуска. Да и сама ракета может рухнуть по этой самой траектории. Как быть? Можно запускать или нет? Не будет проблем с другими странами? Разрешает ли такое использование космоса современное международное право? Что случится, если отработавшая ступень упадет прямо на Шпицберген?

Или, к примеру, другой вопрос: что делать с японскими шхунами, которые нагло заплывают в российскую рыболовную зону около Курильских островов и демонстративно браконьерствуют, не признавая российскую юрисдикцию? Конвенция ООН по морскому праву запрещает стрелять по таким нарушителям. А иначе отогнать их никак нельзя, ведь Япония платит страховым компаниям, которые возмещают японским нарушителям потерю лодки, конфискованной пограничниками.

Хотите еще вопросик? В Дубне, на Волге уже давно существует международная организация – Институт ядерных исследований. Члены – целая куча европейских стран. И эти страны готовы безвозмездно выделить пятьдесят миллионов долларов на научные исследования, если Россия признает международный статус организации и ратифицирует соглашение о ее штаб-квартире. Но тут выясняется, что российские власти, хоть и готовы на такую ратификацию, намерены взыскать с этого самого Института ядерных исследований налог с оборота со всей полученной суммы. То

есть тут же на месте забирают десять миллионов долларов в казну. Но страны-участники не согласны с этим. Они не хотят дарить российскому бюджету эти десять миллионов долларов. Как быть? Институт несколько лет ищет выход, обращается в правительство, в администрацию президента. Никто никакого выхода не подсказывает. Осталась только Дума, Комитет по международным делам. Может, тут найдутся умные головы?

Не надоели вопросы? Приведем и еще один пример. В России, как известно, применяется так называемое континентальное право. То есть все законы предельно универсальны, носят общий характер и более или менее понятны пользователям. А в Америке и Великобритании другое право - прецедентное. Там тоже есть законы и кодексы. Но отдельный источник права – судебное решение. И разобраться в этом хаосе судебных прецедентов очень трудно. Не зря там адвокаты зарабатывают миллионы. И вот вдруг в закон, регулирующий российскую судебную систему, предлагается внести следующее изменение: предусмотреть, что разъяснения Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда имеют обязательную силу для нижестоящих судов. "Это недопустимо!– тут же закричит въедливый читатель.– Мы же тем самым своими руками ломаем свою систему права и создаем тут прецедентное право, как в США!". Но это неграмотный ответ. Почему? Потому, что жизнь многограннее любой самой умной универсальной нормы права. И время от времени возникают новые жизненные ситуации, которые нельзя разрешать в точном соответствии с универсальной нормой. В прецедентном праве суд тут же, на месте это выясняет и выносит решение, которое может формально идти вразрез с нормой права. Такое решение само теперь - норма права.

Континентальное право не допускает такого варианта. И тут для того, чтобы высшая власть дозрела и уточнила норму права, сотни и тысячи людей должны заплатить в суде своими судьбами или даже жизнями. А в прецедентном праве таких жертв не нужно, тут достаточно одного случая.

В общем, как уже понял читатель, я в свое время помог принять поправку, позволявшую высшим судебным органам толковать закон. И в результате по такому внешне сомнительному правилу уже какой год успешно живет вся Российская Федерация.

Ответ на любой из подобных вопросов влечет для страны определенные последствия. Для человека непосвященного в лучшем случае будет понятно, что произойдет завтра. А что будет послезавтра? А послепослезавтра? Слегка понимающий в международных делах Лукин может просчитать такие последствия на три - четыре хода вперед. А вот такие занудно-взедливые товарищи, как Володя Трофимов, которые не только знают всю подоплеку, но и могут потратить на раздумья пару часов, а может быть, и дней, способны рассчитать последствия еще дальше. То есть они могут предвидеть, что может случиться в достаточно отдаленной перспективе, если будет избран не тот, а другой вариант решения. А другие люди, формально участвующие в принятии решения, этого предвидеть не могут по определению. Иначе им пришлось бы бросить все дела и сидеть над данным вопросом столько же времени, сколько сидел я. При том, конечно, условии, что у них тоже имеется соответствующее образование, практический опыт, а также степень доктора юридических наук. Тут ситуация как в шахматах. Выигрывает только тот, кто способен заглянуть дальше противника, за горизонт.

Вся международная политика, грубо говоря, состоит из таких вот вопросов-ответов. Они, как своеобразная мозаика. И какая картина сложится из этих частичек мозаики потом, через много лет, способен понять далеко не любой специалист. А уж про простого депутата и говорить не приходится, для него все эти штучки – совершенно темный лес.

Конечно, вопросы бывают не только сложные, но и простые. Однако в любом случае в отношении всех них действует единственное непреложное правило: если вопрос существенный, он должен быть вынесен на обсуждение членов Комитета по

международным делам, и по нему должно быть принято соответствующее формальное решение. А решение, как я уже упоминал, принимается простым большинством голосов депутатов, которые участвуют в заседании. Это значит, что мнение председателя комитета равняется одному-единственному голосу простого депутата. Если члены комитета по какой-нибудь причине решат, что председатель подготовил неправильный проект ответа, они проголосуют против и поддержат только тот вариант, который их устраивает.

Тут мы с вами подошли вплотную к очень важному механизму принятия решений в любом комитете Государственной думы, в том числе и в Комитете по международным делам, к принятию решений голосованием. Голосование является таким волшебным средством, с помощью которого, если действовать с умом, можно оставить председателя комитета без каких-либо существенных властных полномочий. Более того, с помощью голосования можно обеспечить проведение соответствующим думским комитетом даже такой политики, которая в корне противоречит убеждениям самого председателя этого комитета. Напомню, в нашем случае председателем международного комитета в Думе являлся Лукин, один из лидеров Объединения "ЯБЛОКО", ориентированного идеологически и финансово на Соединенные Штаты Америки.

Владимир Петрович Лукин, может быть, не очень разбирался в тонкостях международного права или в хитросплетениях международных отношений. Но уж во всех нюансах, связанных с принятием решений в его собственном комитете он разбирался вполне безукоризненно. Однако подчас даже он ничего поделать не мог. После первых выборов в Госдуму в Комитет по международным делам пришло довольно много депутатов патриотической ориентации. И Лукину было сложно лоббировать интересы своей партии. Поэтому, наученный горьким опытом, сразу после вторых выборов в Госдуму Лукин

отложил все дела и бросился агитировать депутатов близкой к нему политической ориентации стать членами его комитета.

Расчет у Лукина был прост: набрать к себе побольше своих сторонников. Пусть даже их в целом мало прошло в Думу, главное, что в его комитете их должно быть большинство! И надо отдать должное Владимиру Петровичу, он старался не напрасно и смог сагитировать немало депутатов. Центральной фигурой среди них оказался небезызвестный Сергей Адамович Ковалев, "правозащитник" ярко прозападной ориентации.

Увидев на этаже Ковалева, я только хмыкнул себе под нос: "Ишь чего удумал этот Лукин, старая перечница! Уже давно на пенсию пора, а он все туда же, пригласил Ковалева, собрался лоббировать иностранные интересы!". Но ничего подобного вслух я, ясное дело, не произнес, а, наоборот, подошел к Сергею Адамовичу и вежливо представился. Поинтересовался, чем можно помочь. И тут же демонстративно бросился решать какие-то мелкие организационные вопросы, которые никак не получались у помощников известного борца за права человека.

На самом же деле у меня были дела поважнее, чем отношения с каким-то там Ковалевым. Я отправился по вновь избранным депутатам с той же миссией, что и Лукин: агитировать их стать членами Комитета по международным делам. Однако я, в отличие от Лукина, посещал депутатов совсем другой ориентации.

Дело оказалось непростым, у депутатов уже были свои планы. Кто-то собирался лоббировать сельскохозяйственных производителей, кто-то настроился изменить судебную систему. Другие горели желанием что-то там исправить в правоохранительных органах. Но я был настойчив и старался быть убедительным. Я рассказывал, как важна для интересов россиян адекватная внешняя политика, какую роль в ее формировании играют международные договоры, подлежащие ратификации. Депутаты отнекивались, ссылаясь на то, что ничего в этой сложной материи не понимают. А я клялся и божился, что брошу все дела, но буду помогать им во всем, все

разъясню, все объясню, все выступления напишу, все законопроекты подготовлю.

И мои усилия не пропали даром. Мне действительно удалось убедить несколько человек изменить свои планы и пойти именно в Комитет по международным делам. Причем я приложил в этом деле больше усилий, нежели вальяжный Лукин. И когда состав комитета сформировался окончательно, мне стало ясно, что я имею там больше сторонников, чем мой начальник Владимир Петрович Лукин.

Я не обманывал депутатов, когда обещал свою помощь, и впоследствии действительно не жалел времени и сил на то, чтобы объяснять "своим" депутатам тонкости международного права и внешней политики. В конечном итоге после выборов в Госдуму 2-го созыва, прошедших в декабре 1995 года, в комитете сложилась следующая ситуация: депутаты левой ориентации, которые оказались в большинстве, договорились между собой, что назначают координатором их работы в

комитете именно меня. Центральную роль тут играл космонавт Севастьянов, но не только он.

Мне поручалось внимательно следить за всем, что именно происходит в комитете, какие вопросы решаются, какие бумаги сюда приходят. И если возникала необходимость вмешательства депутатов, я должен был сделать следующее: как можно быстрее обзвонить всех депутатов этой группировки и оповестить, что предстоит заседание комитета, которое они не должны пропускать ни при каких обстоятельствах.

После этого я должен был обойти всех этих депутатов и объяснить, в чем заключалась проблема. При необходимости я излагал суть проблемы на бумаге, а также формулировал, что конкретно должны были требовать депутаты на заседании комитета.

Конечно же, эта договоренность была предельно конфиденциальной. Лукин и его сторонники не должны были даже догадываться о моей истинной роли. Поэтому для маскировки я мог в мелких вопросах помогать Лукину, Ковалеву или еще кому-то из этой прозападной шайки-лейки. Но в крупных и принципиальных вопросах я должен был либо действовать сам, либо, если самому не удавалось обвести Лукина вокруг пальца, то организовать обсуждение на формальном заседании комитета, где можно было задавить председателя вульгарным большинством голосов.

Такая тайная договоренность была очень выгодна всем ее участникам. Помощникам соответствующих депутатов не надо было тратить силы и вникать в сложные вопросы, а тем более готовить выступления для своих руководителей. Сами депутаты получали массу свободного времени. Им не надо было больше беспокоиться, что в их отсутствие комитет примет какое-то политически неверное решение. Более того, они пользовались моими подсказками и в публичных дискуссиях выглядели достаточно компетентными.

А уж меня самого эта ситуация и вовсе устраивала на все сто десять процентов. Я делал вид перед Лукиным, что занимаю

предельно нейтральную техническую позицию. А на самом деле, что называется, "варил всю кашу" в комитете. Для этого надо было просто внимательно работать с бумагами и не жалеть своего личного времени, а также хорошо соображать, чтобы находить нужные решения.

По сути, в Комитете по международным делам сложилась ситуация, когда формированием депутатских решений занимался сотрудник аппарата. Этот сотрудник мог запросто повернуть дело так, что комитет принимал нужное ему решение. Учитывая формальную роль комитета в системе государственного управления страны, приходилось признать, что этот сотрудник в определенной мере получил реальную возможность прямо влиять на формирование внешней политики России. Грубо говоря, без его согласия ни один международный договор не мог быть ратифицирован. Координатор превратился во влиятельного игрока. Я преувеличиваю? Отнюдь. Без положительной рекомендации Комитета по международным делам Дума никогда не принимала никакого решения, затрагивавшего международные отношения. Только так и никак иначе! Полагаю, что эта практика существует и поныне.

Мало того, не будем забывать, что я получал ценную информацию из структуры Бобкова и хорошо знал весь политический расклад на текущий момент. И это еще не все! К Лукину как к председателю Комитета по международным делам шел примерно такой же набор секретных бумаг, как и к министру иностранных дел. Конечно, Владимир Петрович жалел свое время и читал из этого потока только то, что ему приносил я. Скорее всего, не было на прочтение всех этих бумаг времени и у министра. А документы-то были очень интересные и содержательные! Из самых разных источников, в том числе документы, украденные нашими шпионами за рубежом, а также различные информационные и аналитические материалы. И я изучал их, не считаясь со временем. В общем, не исключено, что по части международных проблем, да и не только, я на тот

момент был одним из наиболее информированных людей в стране.

Несфть

"Да разве технический работник, пусть даже высокого ранга, может повлиять на решение серьезного вопроса? Начальник вмиг вправит ему мозги, если заметит самодеятельность!" – скажет, наверное, любой достаточно въедливый читатель. Попробуем доказать, что это не так. Что это совсем не так! Все зависит от сообразительности этого работника.

Итак, однажды я, как обычно, сидел и разбирал только что пришедшую почту. Там были обращения простых граждан, которые просили, чтобы внешняя политика страны стала более патриотичной. Было несколько писем из МИДа. Отдельной пачкой шли законопроекты. Каждый из них в обязательном порядке попадал на заключение в Комитет по международным делам. Ведь регулируемый законопроектом вопрос мог быть связан с внешней политикой. Значит, по такому законопроекту надо было писать проект заключения комитета.

Но в этот раз мое внимание привлек внешне ничем непримечательный документ. Правительство России, как обычно, присылало для сведения те свои постановления, которые хоть как-то затрагивали международные отношения. Такие постановления были именно "для сведения". Решения по ним уже были приняты, постановления исполнялись, а правительство лишь информировало об этом. Разве можно было тут что-то изменить? Поезд, как говорится, уже ушел. Да и в любом случае, как может повлиять какой-то отдельный человек, сидящий в аппарате Думы, на решения такого весельного политика, как премьер-министр Виктор Черномырдин?

Я тем временем внимательно разглядывал постановление правительства. Этим постановлением одобрилось заключение соглашения с прибрежными к Каспийскому морю государствами о свободе транзита товаров этих стран по Волге.

Казалось бы, это было хорошее, благое дело. Прибрежные государства брали на себя обязательство выплачивать России немалые деньги за такой транзит. Соглашение оговаривало безопасность подобных перевозок. Россия шла навстречу этим государствам, избавляя их от лишних расходов на перевозку таких товаров железнодорожным или иным транспортом, и тем самым создавала атмосферу сотрудничества и взаимопонимания в Каспийском регионе. Что же тут плохого?

Плохого тут было очень много. Даже через край! История современного правового статуса Каспийского моря начиналась еще в девятнадцатом веке. Еще тогда царская Россия сначала отвоевала часть побережья у Персии, а затем заключила с ней несколько договоров. Из этих договоров, а также из дипломатической переписки следовало, что Каспийское море можно было считать совместным российско-персидским. То есть получалось, что Россия и Персия (современный Иран) могли им пользоваться на равных.

Надо отдать должное Сталину и его внешнеполитической службе: советские дипломаты "не проспали" права на Каспийское море, а даже слегка их укрепили. Еще при Иосифе Виссарионовиче было решено, что для СССР более выгодно претендовать не на все Каспийское море, а только на его часть, ту, которая примыкала к советскому побережью. Поскольку у Советского Союза побережье было несравненно длиннее, чем у Ирана, получалось, что и права СССР должны были простираться почти на весь Каспий.

Конечно, такое деление имело не только плюсы, но и минусы. Как известно, такая рыба, как осетр мигрирует по всему Каспию и в какой-то определенный сезон подплывает к иранскому берегу. Иранцы их там нещадно ловили (и продолжают ловить) и добывали черную икру. Получалось, что СССР выращивал осетров, тратил на это деньги и время, а иранцы бесплатно их потрошили. Но это была потеря хоть и неприятная, но не такая уж и большая. Намного важнее для СССР были права на нефть.

Раздел моря предполагал, что иранцы не могли претендовать на каспийскую нефть, которая добывалась в Азербайджане.

Каспийское море только называется морем. А на самом деле это вовсе даже и не море, а озеро. Ведь оно никак не связано с Мировым океаном. Значит – озеро! А если не море, значит, на него не распространяются нормы международного морского права, в конечном итоге нашедшие свое отражение в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Отказ от статуса моря означал, что в Каспийское море не могли свободно заходить гражданские суда и военные корабли каких-либо иных государств, кроме прибрежных. Кроме того, на Каспий не должен был распространяться принцип разграничения морских пространств по равноотстоящей от берега линии.

Именно к отказу от принципа равного отстояния и вели советские дипломаты. СССР пытался затвердить принцип разграничения не по равноотстоящей линии, а по прямой. Такая "трогательная" забота о принципах объяснялась очень просто: если делить Каспий по прямой линии, то Советскому Союзу доставалась его более существенная часть.

Указанная прямая линия называлась по имени населенных пунктов, которые находились на берегу Каспия, там, где кончалась советская сухопутная территория. Это была так называемая линия Астара – Гасан-Кули. Советские пограничники ее ревностно охраняли. Линия имела статус государственной границы СССР.

Читателю кажется, что все тут было очень просто? Черта с два! Иран эти прямые линии не признавал ни в каком виде! И вполне обоснованно считал, что СССР пошел дальше договоров, заключенных Персией с царской Россией, нагло и незаконно прихажывая себе то, что ему не принадлежало.

Как в таком случае охранять эту проклятую линию Астара – Гасан-Кули? Стрелять по иранским лодкам? Пограничники выкручивались как могли. Всеми способами старались не пропустить нарушителей, а если задерживали, то пытались представить это задержание не как действия по охране

государственной границы, а как что-то иное. Иранцы возмущались, писали дипломатические ноты протеста. Наши дипломаты потели, сочиняя такие ответы, чтобы и отношения с Ираном не испортить, и эту свою треклятую прямую линию Астара – Гасан-Кули защитить. Это продолжалось десятки лет!

Отношения с Ираном могли по этому поводу стать совсем напряженными. Но на стороне Советского Союза было одно важное географическое обстоятельство. В Каспийское море по воде можно попасть только транзитом через Волгу. И если хочешь занять на Каспии большой корабль, то либо будь любезен сам его построить на своих верфях, либо упрашивай Советский Союз пропустить его через Волгу.

Иранцы своих крупных кораблей на Каспии не строили, это было и дорого, и невыгодно. А СССР придерживался одного совершенно непреложного правила: не пропускать через Волгу на Каспийское море чужие корабли ни под каким видом! Правило было предельно жесткое. И за всю историю существования Советского Союза из этого правила было сделано всего два исключения. На Каспий через Волгу были пропущены всего два судна: землечерпалка и персональная яхта иранского шаха. Все! Больше туда не было пропущено ни одно чужое судно.

Такая жесткая политика приносила свои плоды. Во-первых, у иранцев физически не было судов, чтобы плавать по всей акватории Каспийского моря. И, во-вторых, что самое главное, иранцы не могли претендовать на добычу нефти на Каспии. Почему? Потому что оборудование для разведки и добычи нефти очень громоздкое и тяжелое. Его можно завезти на Каспий только по воде и нельзя завезти никаким другим транспортом, в том числе и железнодорожным. Эмбарго на транзит чужих судов по Волге означало, что СССР твердо держал в своих руках ключ от добычи нефти на Каспии.

А тут вдруг соглашение о свободе транзита! Я тогда, кажется, даже рот разинул от удивления. Ничего себе поворот в отечественной внешней политике! При этом соглашение не

подлежало даже ратификации! Хотя полностью разрушало право России контролировать Каспийское море.

"Да, круто Борис Николаевич Ельцин с Виктором Степановичем Черномырдиным командуют страной!" – в изумлении только и подумал я тогда. Историю с линией Астара – Гасан-Кули и транзитом через Волгу знал в СССР даже начинающий юрист-международник. Какой же специалист работал с этим соглашением, кто допустил такой просчет? Если честно, то на самом деле тут я употребил слово "козел", а не "специалист". Но ведь это непарламентское выражение. Поэтому мы выражаемся более деликатно. Хотя именно слово "козел" лучше всего и подходило к автору этого самого международного соглашения.

А может, никакой не "козел", а самый настоящий предатель? Кто это, интересно знать, насоветовал председателю правительства заключить такое соглашение? Кто насоветовал не выносить его на ратификацию? Или Виктор Степанович и сам хорошо понимал, что делает? Скорее всего, именно так дело и обстояло. Тогда предателем был именно он.

Самое ужасное, что соглашение было уже подписано. И, надо полагать, уже в полной мере выполнялось всеми теми, кто был заинтересован оттяпать каспийские нефтяные и прочие ресурсы у России. Что тут можно было сделать?! Как можно было поломать постановление правительства, подписанное лично премьером Черномырдиным? Это были уже действующее постановление и действующее международное соглашение. Это была уже утвержденная линия российского правительства, а по сути, и государства. Противодействовать этой линии означало заняться саботажем и подрывной деятельностью, которую вполне могли квалифицировать как враждебную (речь шла об очень больших нефтедолларах), а значит, могли засадить соответствующего саботажника куда надо на хорошие пятнадцать лет строгого режима. Во всяком случае, по уголовному закону все именно так и выходило.

Сидеть мне в тюрьме никак не хотелось. Но еще больше не хотелось просто так взять да и выпустить из рук Каспийское море. Хотя я понимал, что уже многое упущено. Если кто-то в российском государстве и пытался сопротивляться этому соглашению, то в любом случае его сопротивление было уже сломлено. Похоже, что я тогда в своей Думе оставался последней инстанцией и надеждой тех, кто хотел дальше бороться за Каспийское море и его нефть.

Слушания

А что, если затеять по вопросу о Каспии парламентские слушания? Через слушания можно было попробовать как-то обозначить принципиальную позицию парламента по вопросу об эксплуатации каспийских ресурсов, в том числе нефти. И попытаться как-то дать понять правительству, что они совершают ошибку, разрешая свободный транзит к Каспийскому морю. Однако тут я еще раз призадумался. Ошибка?! Не очень-то все это было похоже на ошибку. Ведь на Каспии вовсю заправляли международные нефтедобывающие консорциумы. Конечно, они там еще не начали полноценной добычи, а только примерялись, вели предварительную оценку запасов нефти. Но все равно интерес они проявили и деньги вложили. Миллиарды долларов, между прочим! И часть этих денег уже попала в "ЯБЛОКО". Нет, Лукин ни за что не даст покуситься на интересы своих американских друзей!

Я ясно понимал, что должен был найти какой-то такой вариант, чтобы не просто обойти Лукина, но и не насторожить его раньше времени. Ведь если сразу будет ясно, что в рекомендациях будет содержаться требование немедленно закрыть транзит через Волгу к Каспию, то Лукин тотчас сообразит, что к чему, и попытается придушить всю эту затею в самом ее зародыше.

В конце концов, я как опытный специалист по саботажу решил действовать следующим образом: для начала отправился

к депутату Севастьянову. С ним у меня были особые отношения. Виталий Иванович был известным советским космонавтом, дважды Героем Советского Союза. А у меня отец был "сталинским соколом" и тоже Героем Советского Союза. Севастьянов это знал и испытывал ко мне вполне объяснимую симпатию и доверие.

Я вкратце обрисовал ситуацию с Каспийским морем и черномырдинским транзитным соглашением и попросил на заседании комитета как бы между прочим поставить вопрос о необходимости проведения парламентских слушаний. Однако упоминать Черномырдина и транзит по Волге при этом было никак нельзя, надо было найти какие-то другие, более безобидные основания.

Потом я прошелся по всей группе левых депутатов, которых координировал, и попросил поддержать предложение Севастьянова. Основа для дальнейших действий была заложена. Оставалось ждать.

На очередном заседании, которое проходило, как всегда, в среду, все прошло как по маслу. Виталий Севастьянов дождался пункта повестки дня под названием "разное", попросил слова и предложил провести парламентские слушания по Каспию. Мол, к нему обратились избиратели, а также известные ученые и юристы. Просят поговорить на эту важную тему. Члены комитета, с которыми я предварительно договорился, тут же, прямо с места, сказали что-то такое положительное. Лукин было напрягся. Но все выглядело настолько естественно, что хитрый лис так и не разглядел заговора. И, пожав плечами, согласился: "Только вы сами там все готовьте!". Вот и все, что он нашел уместным сказать. Решение прошло без голосования.

На следующий день я, как всегда, зашел с утра к Лукину с ворохом текущих бумаг. И в конце рандеву дал на подпись запрос зарезервировать зал для парламентских слушаний. Бумага была техническая, она никак ничего по существу не предreshала. Все выглядело, как простая дисциплинированность.

Вчера решили, а сегодня уже началась организационная работа, не более того. Лукин опять ничего не заподозрил и подписал.

После этого я пару дней выждал и не беспокоил Лукина разговорами о Каспии. А после очередного утреннего доклада как бы между прочим сказал: "Владимир Петрович, а нельзя ли нам в целом упростить работу с парламентскими слушаниями? Зачем мы возимся с расшифровкой стенограммы? А если кто-то что-то не успеет сказать? Или неудачно сформулирует? Потом трудно будет понять, что именно было сказано. А что, если мы в письмах в соответствующие министерства, которые приглашаем на слушания, сразу предварительно зададим пару-тройку общих вопросов? Придут ответы, это будет официальная позиция государственных органов. Нам будет намного легче писать проект рекомендаций!".

К этому моменту Владимир Петрович уже успел подзабыть про Каспийское море. И внешне ему идея показалась достаточно разумной и безобидной. Если этот въедливый Трофимов так хочет облегчить себе работу, черт с ним, пусть спрашивает у министерств, что хочет, ему виднее! И Лукин, кивнув в ответ, переключился на более приятные размышления. Днем ему предстояло сходить на обед к британскому послу. Там надо было быть в полной форме, блистать остроумием и познаниями в международных делах. А тут какие-то технические детали по парламентским слушаниям! Что, Трофимов сам не может все это решить, без начальства?

Прошло еще несколько дней. И вновь поутру, вместе с докладом по другим бумагам я как бы между прочим сообщил, что подготовил вопросы министерствам к предстоящим слушаниям по Каспию. Но хотел бы их предварительно показать Лукину. Владимир Петрович вопросительно на меня глянул. По формальной процедуре я, скорее, должен был начинать с Севастьянова, который просил провести слушания. Именно Севастьянову полагалось первоначально решать, как проводить слушания.

Я в этом эпизоде вроде бы нарушал субординацию. Но это было выгодное для Лукина нарушение. Ведь если бы с уже подготовленными бумагами к Лукину заявился сам космонавт Севастьянов, тут было бы трудно что-либо оспорить или изменить. С одним из самых влиятельных депутатов фракции коммунистов особо не поспоришь! Но я принес свой проект не Севастьянову, а Лукину, и он имел возможность исправить вопросы так, как считал нужным. Лукин помолчал, подумал и, сообразив, что смотреть проект прежде Севастьянова явно выгодно, не стал спорить, а потянул к себе бумажку с вопросами.

Вопросы были под стать теме: "Какой, по вашему мнению, в настоящее время сложился правовой статус Каспийского моря? Какой правовой статус Каспия в наибольшей степени отвечает интересам России? Существует ли возможность для России отстаивать и дальше раздел Каспия по прямой линии Астара – Гасан-Кули? Применимы ли к Каспию принципы разграничения морских пространств, закрепленные в Конвенции ООН по морскому праву? Как соотносится статус Волги со статусом Каспийского моря?".

Остальные вопросы были примерно в том же духе. Они были понятны специалистам, но внешне не несли никакой политической окраски. Министерские юристы были вольны ответить так, как они считали уместным и правильным. Никакого очевидного подвоха вопросы явно не содержали.

Ближе к концу списка шли вопросы, касавшиеся транзита: "Какой режим использования Волги как транзитного пути в наибольшей степени отвечает интересам России? Какие имеются у России возможности по регулированию транзита на Каспий?".

Среди этих вопросов затесался и еще один: "Как следует поступать России в случае, если другие прибрежные каспийские государства не будут соглашаться с ее подходом в отношении правового статуса Каспия?".

Ну, разве можно было тут заметить подвох или двусмысленность, которая могла бы повредить политике США в этом регионе? По моему мнению, подготовленные вопросы внешне были вполне лояльными и нейтральными и вовсе не выглядели, как попытка навязать какое-то особое мнение участникам парламентских слушаний.

Лукин поморщился, покрутил бумажку туда-сюда. Подумал, прикинул. И, наконец, пожав плечами и не обнаружив никаких вредных идей, вернул ее мне со словами: "Действуйте, как считаете нужным!".

Я положил документ в папку и, не проявив никаких эмоций, стал докладывать следующий вопрос. Основная задача по подготовке разрушения линии правительства России по Каспийскому морю была решена. Бдительность Лукина удалось обмануть в очередной раз, тот явно ничего не заподозрил. Похоже, в пединституте лекций по вопросу о линии Астара – Гасан-Кули студентам не читали.

Уже на следующий день перед Лукиным лежало более тридцати проектов писем самым разным министрам. Там было указано время слушаний и содержалась просьба прислать представителя для участия в них, а также по возможности ответить на несколько вопросов. Дальше шли те самые вопросы, которые я накануне докладывал Лукину. На экземпляре, который должен был подшиваться в дело, красовалась размашистая подпись космонавта Севастьянова.

Лукин взял ручку, а я приготовился исполнять уже отлаженную процедуру. Обычно для нее требовался еще один сотрудник. Я клал перед Лукиным документ на подпись, Лукин подписывал, другой сотрудник тут же выхватывал уже подписанный документ, а я клал на его место новый. Такой "конвейер" позволял достаточно быстро подписать даже сотню писем. Технология была хорошо отлажена и отрепетирована. Только подписывай!

Но в данном случае писем было всего около тридцати, так что я справился и без помощника, одной рукой подкладывал

новое письмо, а другой рукой выхватывал уже подписанное. Вы скажете, что при такой процедуре Лукину можно было подsunуть на подпись что угодно? Не совсем. Конечно же, Лукин мог в целом оценить структуру письма. И если бы она вдруг изменилась, он бы это, несомненно, заметил.

Но в письмах все-таки был один элемент, который должен был меняться. Это был адрес. Министерства были разные и министры – тоже. Понятное дело, что Владимир Петрович Лукин на эту часть письма точно не обращал никакого внимания.

А зря не обращал! Адреса были достаточно интересные. Как бы вы, например, запросили министерство обороны? "А как его еще можно запросить?! Разве тут могут быть какие-то варианты? Письмо министру – вот и все!" – воскликнет искушенный читатель. Нет, как раз тут-то и имелись варианты. Конечно, одно письмо адресовалось лично министру, тут деваться было некуда. Но в дополнение к этому письму было еще два письма: к начальнику генерального штаба и к начальнику главного разведывательного управления того же самого генерального штаба. Казалось бы, зачем совершать очевидную глупость, ведь отдельные подразделения министерства обороны не могли иметь иное мнение, чем министр?

Так рассуждают люди, плохо знакомые с устройством российского государства и с процедурой принятия в нем решений. На самом же деле, засылая три письма в разные подразделения одного и того же министерства, я хорошо понимал, кому именно они попадут на исполнение и какой от них ответ может прийти.

Ответы действительно пришли самые разные. Сам министр обороны ответил коротко, не утруждая себя ответами на какие-то вопросы. Генштаб и ГРУ ответили пространно. Их ответы, конечно же, в общем, не противоречили друг другу. Но отличались по степени жесткости тех мер, которые они предлагали использовать.

Отдельное письмо пошло в Службу внешней разведки, в ФСБ, отдельное – в МИД и в министерство рыбного хозяйства. Получили письма и некоторые научные институты, в которых тоже сидели люди с определенными взглядами.

Тут надо сделать крошечное отступление и сказать пару слов о том, что именно представляли собой парламентские слушания в Государственной думе. Как можно заключить из названия, там кто-то выступал, а кто-то слушал и потом писал рекомендации по итогам того, что услышал. На практике мероприятие, как правило, получалось (и получается!) довольно-таки бестолковым и бессистемным. Выступающих много, время ограничено. Кто-то выступить не успел. Кто-то немного неверно выразил свою мысль. Кто-то выступал первым, его слова запомнились. А кто-то последним, когда у слушателей уже слипались глаза.

На самом деле от таких слушаний мог быть толк только тогда, когда организатор уже заранее знал ответы на все вопросы и то, что мог сказать тот или иной выступающий. Вот тогда можно было составить разумный список выступлений и задать выступающим хорошие наводящие вопросы, а рекомендации написать еще за неделю до слушаний!

Бестолковость парламентских слушаний была не просто их уязвимым местом. Допустим, вы даже располагаете стенограммой таких слушаний. И прямо по стенограмме составляете проект рекомендаций. А как их защитить на заседании комитета? Те, кто в принципе не согласен с вашей постановкой вопроса, будут придираться к каждому слову, будут оспаривать каждый вывод. И будет очень трудно их переубедить, ссылаясь на что-то, сказанное устно. Тем более что на слушаниях один сказал одно, а следующий выступающий – совсем другое. В результате рекомендации парламентских слушаний в Думе получались, как правило, компромиссными по содержанию и умеренными по выводам. То есть, если выражаться простым человеческим языком: беззубыми, а потому почти бесполезными.

Так было, но только не у меня! Самое смешное, что я действительно писал проект рекомендаций, как правило, заранее, до их проведения и потом лишь слегка исправлял текст по итогам обсуждения. Понятное дело, у меня и выводы, и рекомендации были обычно жесткие и целенаправленные.

Наконец, стали приходиться ответы из министерств и ведомств по Каспию. И ответы поразили даже меня, человека, что называется, выдавшего виды. Я понял, что со своими вопросами попал в точку даже больше, чем предполагал. Во всех министерствах в юридической службе засели, судя по всему, такие же, как и я сам, юристы старой школы еще из советского времени. И они точно так же хорошо знали каспийскую эпопею с транзитом, разграничением, яхтой иранского шаха и землечерпалкой. Несомненно, все они поняли скрытый смысл заданных мной вопросов. И ответили так ясно, что дальше, как говорится, ехать было некуда.

Все министерства в один голос написали, что свободный транзит других государств по Волге противоречит интересам России, подрывает основы государственной политики в отношении Каспия. Неопределенно высказалось только одно министерство. Все остальные высказались очень четко.

Но позиция по транзиту – этого было мало! Весь силовой блок однозначно написал, что если другие государства будут действовать на подрыв позиции России по принципам разграничения, то в таком случае нужно без колебаний применять силу.

Иными словами, если какое-то прибрежное государство или его компании вздумали бы, например, заниматься бурением нефтегазовых скважин в спорных районах Каспия, то против них следовало применять оружие, то есть, попросту говоря, стрелять на поражение. Точно так же, если бы кто-то пытался свободно ходить по всей акватории Каспийского моря, тем самым настаивая на применимости принципа свободы судоходства, с ним точно так же следовало поступать предельно жестко – стрелять!

Удивительное дело, но письма были подписаны на достаточно высоком уровне, министрами или, в крайнем случае, их заместителями. Вряд ли они предварительно не прочитали то, что подписывали. А ведь в письмах говорилось о необходимости применения силы в отношении других стран!

Возникал законный вопрос: если все министерства придерживались такой точки зрения, то откуда же взялось это самое соглашение о свободе транзита через Каспий? Его что, ни с кем предварительно не согласовывали и не обсуждали? Личная инициатива Виктора Степановича Черномырдина?

Я, однако, на время отбросил все эти вопросы и занялся непосредственной подготовкой к слушаниям. Это была довольно противная рутинная работа. Надо было заказать пропуска, перепроверить бронирование зала заседаний, пригласить стенографисток. Нужно было также оповестить депутатов о точном времени и месте проведения слушаний.

Наконец, наступил день слушаний. В зале заседаний было не протолкнуться. Заявилась и вся команда юристов-международников, которых я хорошо знал. Я не успевал пожимать руки и кивать в знак приветствия. Список желающих выступить не имел конца.

Наконец пришел и Лукин, уселся в президиуме, оглядел всех пришедших и, видимо, тоже поразился возникшему ажиотажу. Он, похоже, думал, что мало кто вообще интересуется каким-то там Каспийским морем. А тут такое горячее желание поучаствовать и выступить!

Регламент был утвержден довольно жесткий: по десять минут на выступление и самый минимум на вопросы. На трибуну взобрался первый выступающий...

Через четыре часа непрерывных выступлений, разговоров, вопросов-ответов Лукин понял, что конца-края всему этому делу точно не будет. Тема была явно плодотворная. Каждый блистал своими познаниями, пытался подойти к проблеме основательно и аргументированно. Наконец, Лукин устал

слушать, объявил последних трех выступающих и через полчаса завершил мероприятие.

На следующий день мне принесли расшифрованную и распечатанную стенограмму. Листов в ней было, наверное, не меньше сотни. Я уселся их изучать. Впрочем, это была почти бесполезная работа. Обсуждение шло довольно сумбурно, время было ограничено, в результате из выступлений только с большим трудом удавалось вычленивать что-то определенное и конструктивное. Если бы не предварительно заданные вопросы, я вряд ли смог бы обосновать соответствующие выводы. Как это ни удивительно, никто, решительно никто не отважился с высокой трибуны заявить, что без применения силы или хотя бы угрозы ее применения интересы России на Каспии защитить не удастся. Выступавшие то ли стеснялись, то ли не успевали это сказать. Но факт оставался фактом: ничего на эту тему так и не было сказано. Вот и полагайся после этого на стенограмму и устные выступления!

Я потратил какое-то время на уточнение проекта рекомендаций слушаний (сам проект я, как обычно, написал заранее), потом перечитал весь текст с начала до конца и тяжело вздохнул. Наступил момент, когда надо было идти к Лукину и предъявлять проект на утверждение. Было件нятно, что тот будет резко против любых радикальных выводов, тем более ущемлявших интересы иностранных нефтяных корпораций. Вся надежда была только на письменные ответы из министерств.

Беседа с Лукиным оказалась даже более тяжелой, чем я ожидал. Лукин дочитал проект до выводов о запрещении свободного транзита и до применения оружия и просто с размаху хлопнул бумагой об стол. При этом он столь выразительно глянул на меня, что сразу стало件нятно: сейчас будет буря!

Лукин действительно не очень стеснялся в выражениях. Идея утвердить на Каспии права России и приструнить другие государства ему явно не нравилась. Может быть, только теперь он понял, что вся деятельность международных нефтяных

компаний на Каспии оказалась под угрозой. Угроза нависла над американцами, которые уже вложили в разведку нефти на Каспийском море даже не сотни миллионов, а миллиарды долларов! Лукин весь кипел. И при этом очень недвусмысленно поглядывал на меня: "Это ты, подлая сволочь, всю эту катавасию заварил?!". Я хорошо понимал смысл этих взглядов и старался никак себя не выдать.

– А что тут можно было еще написать?! Вот посмотрите сами, что нам написали министерства!– и я стал выкладывать перед Лукиным одно письмо за другим. Тот читал и постепенно менялся в лице. Гнев и ярость постепенно сменялись растерянностью. Даже Лукин понимал, что против написанной на бумаге позиции соответствующих министерств и ведомств (Министерства обороны, ФСБ, ГРУ!) выступать было совершенно невозможно. Ну, не прятать же от депутатов эти ответы?!

Если бы инициатором и организатором слушаний был кто-нибудь другой, но только не космонавт Севастьянов, Лукин, наверное, не постеснялся бы и просто спрятал от депутатов эти письма. Пусть читают стенограмму и довольствуются тем, что было сказано устно. Но связываться с Севастьяновым было не только бесперспективно, но и опасно. Мог получиться очень неприятный скандал. А скандала Владимир Петрович совсем не хотел.

Лукин еще попытался как-то подправить текст, смягчить его, сгладить острые углы. Но потом бросил эту затею. Мелкие поправки ничего не давали. С их помощью никак не удавалось поставить под сомнение основные выводы. А они были безжалостные: транзит прикрыть и иностранцев из всех спорных районов Каспия турнуть, не стесняясь в средствах!

Лукин повертел проект в руках, еще поразмышлял. И вдруг явно оживился. Что же он еще такое придумал? А придумал Лукин довольно простой ход: навесить на рекомендации гриф "не для печати". Конечно, это был неформальный гриф. Но он

предполагал, что рекомендации этих слушаний публиковать будет нельзя.

Лукин вопросительно глянул на меня: "Что вы по этому поводу думаете?". Я был просто государственным служащим, а не депутатом, но мог настроить других депутатов. И лучше было сразу проговорить со мной эту идею. Я, конечно, чуть скривил губы. Ничего себе парламент! Итоги его работы даже нельзя показать собственным избирателям! Но, наверное, надо было соглашаться с Лукиным. Ведь он мог придумать и вставить другие палки в колеса. Держал бы у себя этот проект сто лет, ссылаясь на необходимость доработки. А тем временем искал бы каких-нибудь ученых или сотрудников министерств, которые помогли бы оспорить предлагаемые выводы. В конце концов, как я решил, гласность тут, наверное, не была ключевым обстоятельством. Рекомендации направлялись непосредственно в правительство. И там от них наверняка не смогли бы отмахнуться, даже если бы захотели. Все-таки консолидированное мнение парламента и всех министерств! Не враги же России засели в этом правительстве! И я тогда согласился с Лукиным: "Не для печати, значит, не для печати, вам виднее".

На заседании комитета Лукин не бушевал и не ругался. Он уже понял, что придется уступить. Но как же бунтовали другие либералы! Слов было сказано немало. Но я ставил протестующих на место довольно просто: вытаскивал и зачитывал соответствующие письма из министерств. Наконец, "пятая колонна" сдалась. Рекомендации были утверждены почти без поправок.

Новое соглашение

Прошло два с небольшим месяца. Я, как всегда, с утра разбираю почту. Вот письмо из МИДа, вот из Совета Федерации. А вот из-за границы, из посольства в Индии. Но глянув еще раз на стопку бумаг, я чуть не ахнул. Там лежало очередное

постановление Правительства России. И этим постановлением утверждалось двустороннее соглашение России с Азербайджаном о свободе транзита по Волге! Под постановлением красовалась подпись лично Виктора Черномырдина.

"Что они там, в правительстве, все с ума посходили?! Мы же только что направили им рекомендации парламентских слушаний по Каспию!" – я был просто вне себя от возмущения. Но немного поостыв, вдруг кое-что осознал. Было ясно, что в правительстве не могли не заметить отправленных туда из Думы рекомендаций. Это было совершенно невозможно. Оппозиционный парламент выступил против свободы транзита по Волге. И вдруг прямо после этого заключается такое соглашение! Нет, тут не могло быть никакой ошибки. Совершенно очевидно, что это было вполне целенаправленное действие.

По всему выходило, что сам Черномырдин, известный советский нефтяник, никак не мог оставаться нейтральной фигурой. Нет, Виктор Степанович явно выступал тут в качестве заинтересованного лица и действовал против интересов своей страны в пользу других прибрежных государств Каспия. А также в пользу иностранных нефтяных компаний, в первую

очередь американских. И ничего другого тут не получалось. Однако точно так же получалось, что линия на обеспечение беспрепятственного транзита по Волге получила определенное подкрепление в виде очередного решения правительства.

Мнение депутатов, конечно, что-то значило. Но, тем не менее, правительство страны своими постановлениями официально закрепило политику свободного транзита по этой реке. И попытки поломать эту политику запросто могли быть истолкованы, как саботаж и подрывная, диверсионная деятельность, направленная против интересов Российской Федерации. Конечно, против депутатов никто не стал бы возбуждать уголовные дела. А вот простые сотрудники аппарата Госдумы могли попасть в неприятности.

Страховка

Сдаться? Признать свое поражение? Нет, Володя Трофимов был не из таких! Тем более что в этой большой игре оставался еще не разыгранным один важный козырь – страховка.

Как известно, разведка и добыча нефти и газа – это достаточно сложный процесс. Нужны квалифицированные специалисты, особое оборудование. Но и этого мало. Как правило, подобные работы страхуются, ведь существует вероятность аварий, загрязнения, колоссального ущерба. Поэтому существуют соответствующие страховые фирмы, которые за определенную плату страхуют компанию, занимающуюся разведкой или добычей нефти и газа, от каких-то рисков.

И вот тут-то мы переходим к самому интересному. Бывает страховка от резкого изменения конъюнктуры на нефтяном и газовом рынке. Бывают страховки на случай аварий и разливов нефти. И, как правило, нефтяная компания в обязательном порядке страхуется от риска потери оборудования и риска запрета разведки или тем более добычи нефти. Вот эта последняя страховка очень зависит от политической и военной

обстановки в районе добычи нефти. Если там все спокойно, если все государства, находящиеся вблизи места разведки и добычи, ведут себя дружелюбно, если там нет видимой угрозы военных действий, то такая страховка будет очень даже разумной по размерам.

А если возникает угроза войны, угроза уничтожения или конфискации оборудования? Тогда такая страховка будет приближаться к стоимости подобного оборудования. Стоимость разведки, а главное, добычи в такой ситуации может возрасти до совсем неприемлемой суммы.

На самом деле на это с самого начала я и бил. Конечно, я рассчитывал именно на то, чтобы испугать страховые компании угрозой перекрытия транзита. Но позиция некоторых министерств, предложивших стрелять, создала еще более серьезные угрозы для нефтедобычи и, конечно же, должна была очень серьезно отпугнуть страховые компании. Ведь угроза исходила как бы от государства. Я не сомневался, что страховые компании не будут разбираться, какие там существуют разногласия между Черномырдиным и различными министерствами. Для заграницы позиция Министерства обороны России вполне сойдет за позицию всей России.

Однако получалось, что иностранные посольства, а также всякие шпионские фирмы плохо выполняли свою работу. Они должны были тщательно следить за всем происходящим в Думе. И должны были отрапортовать своим хозяевам, что в Думе были приняты рекомендации, ставящие под сомнение возможность добычи нефти на Каспии посторонними иностранными компаниями. Поскольку никакого эффекта организованные мной парламентские слушания не произвели, получалось, что посольства и иностранные шпионы со своими обязанностями не справлялись.

Однако шпионы шпионами с их плохой работой, но теперь надо было что-то делать! В общем-то, мне было понятно, что следовало предпринять. Надо было опубликовать рекомендации парламентских слушаний, сделать их доступными для широкой

публики, вот и все. Но это автоматически означало конфликт с Лукиным.

Я призадумался. Даже сильно призадумался. С одной стороны, надо было все опубликовать так, чтобы нефтяные компании Америки точно заметили публикацию. То есть какие-то заштатные газетка или журнал точно не годились. А писать в центральные издания тоже не хотелось. Нельзя ли найти какой-то компромисс? Могут же быть такие издания, которые и Лукин не заметит, и американцы не пропустят?

Какое-то время ушло на поиски подходящего издания. Как всегда, помог случай. В управлении межпарламентских связей Госдумы работал один мой приятель, который в разговоре как-то упомянул, что подрабатывает в нефтяном журнале. Выяснилось, что этот журнал не имел отношения ни к российским государственным органам, ни к Газпрому, а существовал на чисто коммерческие взносы. А нельзя ли его использовать? Может, именно туда и обратиться?

В конце концов, я решил рискнуть, созвонился с редакцией, предложил им интересную статью, рассказал о сути дела.

– А кто подпишет?

Это был очень хороший вопрос. Я до последнего надеялся, что можно будет обойтись псевдонимом. Но редакция была непреклонна. Никаких псевдонимов, слишком острой была эта информация. Редакция хотела, чтобы все возможные вопросы были обращены не к ней, а к автору. Пришлось сдаться. Статья была написана и передана в журнал. Редактор обещал, что она пойдет в ближайший номер.

Итак, я сделал все, что от меня зависело. Оставалось только ждать своей судьбы. Очень хотелось надеяться, что я рискую своей шкурой не напрасно. Ждать пришлось не так долго. Через месяц с небольшим вышел очередной номер журнальчика. Лукин молчал. "Ничего не заметил? – гадал я. – Если бы заметил, уж, небось, не смолчал бы!".

Однако еще через некоторое время в новостях как бы между прочим проскочило сразу несколько заметок. Американские

нефтяники сворачивали свои работы в Каспийском море. При этом никаких особых пояснений не давалось, сворачивали, вот и все. Сочли, что расширение добычи нефти было недостаточно перспективным. Эпопея с освоением американцами Каспия закончилась тихо и бесславно. При этом в никуда канули несколько миллиардов(!) долларов, вложенных в разведку запасов нефти. Американцы утерли морду. В России мало кто вообще понял, что на самом деле произошло. Ушли и ушли. Как пришли, так почему-то и ушли. Конечно же, в газетах никто ни про какие парламентские слушания, рекомендации закрыть транзит и применять оружие на поражение ни в каком виде не говорил.

А еще через какое-то время состоялось и мое объяснение с Лукиным. Вопреки моим ожиданиям, скандала и разборки не случилось. Просто Лукин вдруг на полуслове прервал мой очередной утренний доклад и, глядя как бы в пустоту, произнес следующие слова: "Американцы и так собирались свернуть нефтяные работы на Каспийском море". Сказав это, Лукин продолжил как ни в чем не бывало дальше изучать лежащие перед ним документы. Однако эти слова он произнес не абы как. Он сказал их с такой горечью, смешанной с униженным самолюбием, что стало ясно: американцы высказали ему все, что о нем думали. Наверняка попеняли на то, что он вовремя не уведомил их о готовившихся слушаниях и об их результатах. А также на то, что он плохо работает с собственным руководителем аппарата.

Тем не менее, никаких оргвыводов в отношении меня не последовало. Конечно, Лукин сильно напрягся после этой истории, а особенно после выяснения моей роли в ней. Владимир Петрович был вовсе не дурак, наверняка он припомнил все обстоятельства, сопровождавшие эти слушания, и понял, как дешево его обвели вокруг пальца. Но, на мое счастье, он решил обойтись без публичной расправы. Значит, можно было и дальше строить козни против собственного

думского начальства, а то и против Правительства Российской Федерации.

Глава 3. Путь в яблочный "Сатурн"

Пот, кто взялся читать эту книгу, наверняка задаст себе вопрос: "А как, интересно, этот самый Трофимов со своими сомнительными взглядами левого патриотического толка смог втереться в доверие к одному из лидеров "ЯБЛОКО", к самому Лукину? Не перебрал ли тут автор по части художественного вымысла?"

Нет, не перебрал. Однако путь в комитет, который возглавлял один из лидеров Объединения "ЯБЛОКО", а, следовательно, и в какой-то мере в само "ЯБЛОКО", был непрост, ведь речь шла об организации, в то время ориентировавшейся на США, и, как утверждали знающие люди, вообще существовавшей на американские деньги. По сути, речь шла о проникновении в исключительно закрытую структуру, занимавшуюся лоббированием в России, так осторожно скажем, непонятно чьих интересов. Для того чтобы втереться в доверие, я должен был решить несколько задач: скрыть свое участие в обороне Белого дома, скрыть свои левые политические взгляды, как-нибудь внушить Лукину мысль о том, что уж кому-кому, а мне-то в определенных ситуациях все-таки можно доверять. В довершение ко всему надо было еще доказать, что я – более или менее дельный работник.

В общем, дело было так: после расстрела Белого дома все сотрудники Верховного Совета, в том числе, понятное дело, и я, были уволены. Катись на все четыре стороны, никого твоя судьба не волнует! "Может быть, пробраться в только что созданную Государственную думу?" - эта идея не казалась мне слишком фантастичной, все-таки я уже был знаком со многими влиятельными людьми, а также, как говорится, знал все входы и выходы. Однако для начала надо было найти способ хотя бы проникнуть в здание, которые занимала Дума. Тут мне помог Юров, с ним мы вместе работали еще в Комитете по

международным делам расстрельного Верховного Совета. Он поручился за меня и взял к себе в аппарат управления межпарламентских связей, тогда существовавшего сразу при двух палатах – Думе и Совете Федерации. Если взяли в аппарат, то это предполагало, что человек не был замешан ни в каких сомнительных и даже уголовных делах типа защиты парламента от совершившего государственный военный переворот Ельцина.

Уже как сотруднику этого управления мне и удалось получить доступ в здание Думы ("книжка" бывшего СЭВа) и, главное, ко вновь избранным депутатам. Среди них был и Евгений Амбарцумов, который до этого возглавлял Комитет по международным делам в Верховном Совете. Хотя он и избрался в Думу, тем не менее, не собирався задерживаться в депутатах, ему была интереснее должность посла России в Мексике.

Почему меня заинтересовал именно Амбарцумов? Тут был свой серьезный расчет. Евгений Аршакович знал мое сомнительное прошлое в виде участия в обороне Белого дома, но при этом он был человек, во-первых, отходчивый и не злопамятный, и, во-вторых, не зацикленный на каких-то особо либеральных идеях. Сразу после расстрела парламента я совершенно случайно встретился с ним перед входом в здание, где заседала группа сотрудников, готовивших учредительные документы для будущей Думы. Мне тогда пришлось скромно потупить глаза, как нашкодившему школьнику, а Амбарцумов скривил губы, тем самым показывая свое отрицательное отношение. Но дальше этого дело не пошло, мы слегка поговорили, не касаясь острых тем, и на том и расстались. Губы Амбарцумов скривил потому, что сам он безоговорочно перебежал на сторону Ельцина и остальных путчистов и с презрением относился к тем, кто цеплялся за какую-то там конституцию.

В общем, у меня были основания полагать, что Евгений Аршакович не будет припоминать мне недавнее преступное прошлое и отнесется более или менее благосклонно. Фигура Амбарцумова была интересна потому, что тот формально

являлся членом "ЯБЛОКО", то есть его рекомендация дорогого стоила. С помощью такой рекомендации можно было попытаться втереться в хорошее доверие. При этом было понятно, что Амбарцумов уезжает в Мексику и дальше знать не будет никакого "ЯБЛОКО", значит, не будет слишком заморачиваться по части рекомендации. Кто с него спросит в далекой Мексике, если по его рекомендации в структуры "ЯБЛОКО" вдруг проберется "крот"? Кроме того Евгений Аршакович знал меня как хорошего работника еще по Комитету по международным делам Верховного Совета.

Итак, я, улучив момент, подошёл к Амбарцумову и без лишней скромности прямо попросил представить меня Лукину и порекомендовать на должность руководителя аппарата Комитета по международным делам. Амбарцумов криво ухмыльнулся, но, тем не менее, не счел просьбу нескромной и согласился. Наверное, он учел, что речь шла о человеке, который уже был в штате, то есть это была определенная формальная гарантия по вопросу о причастности к военному перевороту. Дальше мне надо было просто поймать момент, когда Амбарцумов и Лукин пересекутся. На выслеживание обоих пришлось потратить какое-то время. Наконец мне удалось их подловить. Встреча всей троицы была очень короткой, Лукин выслушал Амбарцумова и кивнул в знак согласия.

Обман

Сам Владимир Петрович к этому моменту уже почти формально стал председателем Комитета по международным делам. С этим тоже была связана достаточно непростая история. Началась она с того, что Лукин вовлек в избирательную компанию Объединения "ЯБЛОКО" первого заместителя министра иностранных дел Анатолия Адамишина, пообещав именно ему пост председателя Комитета по международным делам. Сам же Лукин бросил должность посла России в США, рассчитывая избраться аж председателем всей Думы. В

сущности, тут не было ничего невозможного, если уж Иван Рыбкин избрался, то Лукин и подавно мог. Тем более что он в свое время баллотировался на пост председателя Верховного Совета, но набрал меньше голосов, чем Хасбулатов.

Я хорошо знал Анатолия Адамишина ещё по работе в министерстве иностранных дел. Разница в формальном статусе у нас была колоссальная, но у обоих было общее хобби, мы довольно много вместе играли в теннис. Адамишин сидел у стены в холле перед входом в зал заседаний Думы:

- Анатолий Леонидович! Здравствуйте! Я рад вас тут видеть! И искренне поздравляю с избранием в депутаты!

- А, Володя! И ты тут?! Ты что, тут работаешь? Рад тебя видеть! Спасибо за поздравления.

Адамишин встал и крепко пожал мне руку. Отношения у нас благодаря теннису были совершенно неформальные. Настолько неформальные, что я, не дожидаясь приглашения, тут же плюхнулся на стул рядом с Анатолием Леонидовичем.

- Володя, расскажи-ка ты мне, что тут за обстановка,— без обиняков прямо спросил Адамишин. Такой вопрос предполагал, что надо изложить первому заместителю министра иностранных дел всю подноготную вновь избранной Думы.

Меня не надо было просить дважды:

- Анатолий Леонидович, нынешний расклад следующий: на должность председателя Думы Лукин не проходит, это место займет Рыбкин. Поэтому у Лукина два варианта: либо пойти заместителем председателя Думы, либо председателем Комитета по международным делам. Насколько я знаю, он не хочет быть зампредом Думы, и это вполне правильно. Формально должность высокая, а фактически зампред ничего не решает и ни на какие важные вопросы повлиять не может. В общем, чисто декоративная должность. А вот должность председателя комитета, это совсем другое дело! Да вы и сами знаете: в других странах на такие должности уходят даже бывшие президенты и премьер-министры.

Тут надо пояснить, что хоть Анатолий Адамишин и являлся депутатом, это вовсе не означало, что он был в курсе всех последних событий. Дело в том, что распределение постов в Думе проходило неформально, в виде тайного торга между различными партиями, которые успешно прошли выборы. Только после того, как торг заканчивался, список кандидатов на руководящие посты выносился на утверждение всей Думы, и вот только тогда депутаты могли увидеть весь расклад. Анатолий Леонидович был новичком в парламенте и не мог знать, как идет торг за посты. А я через своих людей владел всей этой информацией в полной мере.

Адамишин слушал меня и постепенно менялся в лице. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что Лукин заманил его в "ЯБЛОКО" и вообще на выборы, посулив именно пост председателя Комитета по международным делам. Мой рассказ означал, что Лукин бессовестно обманул своего товарища. А Адамишин влип, как кур в ощиц, ввязался в выборы, поставил под сомнение свою должность первого

заместителя министра. И, скорее всего, теперь останется ни с чем, и из МИДа придется уйти, и тут он будет простым депутатом, а никаким не председателем комитета.

Я был готов и дальше рассказывать обо всех думских подковерных интригах, но, судя по всему, первому заместителю министра хватило и того, что он только что услышал. Он тут же вскочил, остановил меня на полуслове и, поблагодарив, чуть не вприпрыжку кинулся вон в сторону выхода. Куда он побежал, было нетрудно догадаться. Ведь формально после избрания в депутаты он должен был определиться: будет он работать в Думе или сложит с себя полномочия депутата и останется на прежнем месте - в министерстве. Как только Адамишин понял, что он "пролетел" с постом председателя комитета, то сразу же кинулся назад на Смоленскую площадь. Тут все решали минуты! Там скорее всего еще не знали, как складывается обстановка с распределением должностей в Думе, поэтому еще не поздно было разыграть спектакль: сделать вид, что должность председателя Комитета по международным делам уже в кармане, но так и быть, я сделаю вам всем большое одолжение и останусь в родном министерстве! Судя по всему, этот фокус Адамишину тогда действительно удался, поскольку свою должность он сохранить смог.

- Как же, в кармане!— я только усмехнулся, глядя, как Адамишин чуть не бегом помчался на выход.— И какой же скользкий тип, этот Лукин! Как можно было так подло водить за нос своего же коллегу, по сути, даже приятеля! Ведь в результате тот чуть не лишился высокой должности в родном министерстве!

Лукин, действительно, "пролетел" со своими претензиями на пост председателя Думы. Рыбкина поддержало левое большинство, что и сыграло решающую роль. Конкуренции ему не составил даже известный штангист и демократ Юрий Власов. Соответственно, Лукину ничего не оставалось, как претендовать лишь на пост председателя Комитета по международным делам.

Рокное голосование

Через какое-то время мне удалось еще раз подловить Владимира Лукина. Но его удивлению не было предела, когда он услышал, что я готов работать руководителем аппарата комитета! Услышав подобные слова, Лукин изумленно поднял брови, как-то странно глянул на меня, а потом что-то буркнул себе под нос и упорхнул восвояси. Все это означало, что протекция Амбарцумова не возымела должного эффекта. Хотя хорошо было уже то, что Лукин вообще не послал меня на три буквы, а все-таки еще что-то там пытался ответить.

А еще через пару дней мне через своих информаторов удалось узнать, что на ближайший день назначено заседание Комитета по международным делам. Никто меня об этом формально не уведомлял и на заседание не приглашал, значит, Лукин меня в качестве кандидата на пост руководителя аппарата не рассматривал. Но отсутствие приглашения вовсе не означало, что туда не надо идти! Ну, выгонят взащей, это в худшем случае. Скажут еще вслед, что незваный гость хуже татарина. Не убьют же! И вот я наглее наглого без какого-либо приглашения заявился на заседание комитета, зашел внутрь и уселся на стульчик у стены.

Удивительно, но в зале обнаружился еще один претендент на пост руководителя аппарата. Это был довольно молодой пронырливый тип, который в Верховном Совете занимал должность заведующего секретариатом у Олега Германовича Румянцева, ответственного секретаря конституционной комиссии. Конечно, никаким юристом или международником он и близко не был, зато перед каждым членом комитета положил на столе бланк комитета, изготовленный им самим, а также стопочку каких-то абсолютно ненужных бумаг.

Мы оба были представлены членам комитета. Никакого обсуждения кандидатур не было. Решения никакого принято также не было и меня и моего конкурента тотчас же отпустили восвояси. Однако даже такая поверхностная и, по сути,

неформальная процедура все равно возымела какое-то действие. Конкурент, видимо, прикинул свои шансы. И сам снял свою кандидатуру... Самое смешное заключалось в том, что если бы тут на горизонте появился хоть какой-нибудь международник, то Лукин мог запросто турнуть меня куда подальше. Но вокруг не было никого! Дума была совсем новым органом, никто ещё не понимал, о чём именно идёт речь, а претендентов в аппарат комитета не было вообще.

Точнее сказать, один претендент всё-таки был. Речь шла о Васе, первом секретаре в российском посольстве в Вашингтоне, кстати, как выяснилось впоследствии, неплохом работнике и вообще положительном человеке. Там он сумел наладить с Лукиным какие-то отношения, и тот был твёрдо намерен взять именно Васю руководителем аппарата комитета. Однако Василий не спешил из Вашингтона в Москву на работу в непонятно какую Думу! Видно, надо было закончить какие-то более важные дела. Наверное, эти дела были, действительно, важные. Во всяком случае, в результате всего этого он приехал в Москву не в начале 1994 года, а чуть ли не к осени, когда всё, несмотря ни на какие Лукинские ухищрения, уже было кончено. Мне, понятное дело, даже и в голову не приходило торопить Васю с приездом в Москву. Но всё это случилось потом. А главные события развернулись на очередном заседании комитета. Обсуждался вопрос о руководителе аппарата, то есть обо мне. Решалось, давать ли согласие, чтобы я исполнял обязанности руководителя аппарата, или нет. Речь шла именно об исполняющем обязанности, про полноценное занятие должности никто даже и не заикался.

Но и "исполнение обязанностей" вызвало бурю эмоций. Против яростно выступил Аверчев. Это был ближайший дружок Лукина, он тоже избирался по спискам "ЯБЛОКО". Отвратительнейший тип! Замашки примерзкие, при этом делать он ничего не хотел и не умел. Если надо развалить какое-нибудь дело, то приглашайте Аверчева. Это именно из-за него в конце

1995 года "ЯБЛОКО" вообще чуть не отстранили от участия в предстоящих выборах.

Яростно выступал против меня и депутат Айварс Янович Лездиньш. Он был избран от Камчатки, но сам был прибалтом (латышом) и неприкрыто лоббировал интересы этих государств. Наверное, он читал мои статьи по Прибалтике и поэтому был готов чуть ли не вцепиться мне в глотку. Против выступил также Дзасохов и кто-то ещё. Лукин отмалчивался. Неожиданно в мою поддержку выступили два совершенно незнакомых депутата. Видно, они сообразили, что если такие негодяи меня ругают, то речь идет о действительно хорошем, дельном парне.

Обычно Лукин никогда не доводил до голосования, если не был уверен, что победит. А тут он что-то растерялся и по вопросу о моей кандидатуре допустил голосование. Даже, наверное, не растерялся, а скорее, просчитался. Ведь устно против меня, причем довольно жестко, выступило много депутатов, а за меня – всего двое. Он и решил, видимо, что сейчас этот Трофимов "пролетит", утрется, и вопрос будет закрыт навсегда, причем в очень изящной форме. Но вышло по-другому: голоса неожиданно разделились, причём вышло 7:5 в мою пользу. Вот это был сюрприз! Делать было нечего: Лукин и Аверчев были вынуждены дать согласие...

На меня как на "исполняющего обязанности" тут же обрушилась гора дел. Началась текущая работа комитета: переписка, заседания, повестка дня, рассылка документов, ратификации, слушания, утверждение кандидатур послов. А сотрудников-то у меня и не было! Слава богу, что все эти вопросы были мне хорошо знакомы по работе в МИДе и Верховном Совете. Мне было нетрудно написать любой документ, организовать делопроизводство, сориентироваться в структуре органов государственной власти, быть одновременно и юристом, и международником. Кстати, никто из прежних сотрудников аппарата, кто работал в Верховном Совете, в аппарат Комитета по международным делам Госдумы не пошёл. Оно и понятно, дел полно, крутись как белка в колесе, а

зарплата просто издевательская. В общем, мне в таком бешеном темпе, практически в одиночестве пришлось в течение месяца или даже больше того выполнять все те функции, для которых нужно обычно человек десять. И, как ни странно, мне все удавалось успевать. Всё было более или менее хорошо.

Трудовой кодекс

Так в качестве "исполняющего обязанности" я и работал несколько месяцев. Лукин и не собирался назначать меня никаким руководителем аппарата, всё ждал своего человека из Вашингтона. А тот всё не приезжал, наверное, никак не мог решить самые важные дела.

Мир, однако, оказался не без добрых людей. Такие люди оказались и в управлении кадров Думы. Как-то у меня на столе зазвонил телефон: "Владимир Николаевич, вам не трудно заглянуть к нам в кадры? Есть один интересный вопрос...".

В управлении кадров беседа продолжилась:

- Владимир Николаевич, а знаете ли вы, что согласно трудовому законодательству вы не можете бесконечно исполнять обязанности руководителя аппарата? Трудовое законодательство предусматривает, что через некоторое время исполняющий обязанности руководителя автоматически становится руководителем.

Это была интересная новость! Однако кадровики, совершив первый шаг, боялись совершить второй: издать соответствующий приказ. Одно дело давать советы, и совсем другое – стать формальным соучастником операции, которая может очень не понравиться и лично Лукину, и вообще фракции "ЯБЛОКО".

Короче, кадровики просили меня принести письмо от председателя комитета. Если он напишет, что согласен с превращением И.О. в полноценного руководителя, тогда проблем не будет. Тут я только усмехнулся, но ничего объяснять кадровикам не стал. Если бы такое письмо было возможно, не

нужно было бы никаких особых положений трудового законодательства. Хотите письмо? Будет вам письмо, скоро принесу! На том беседа и закончилась и заговорщики расстались.

"А что, если обойтись без Лукина? Ведь Владимир Петрович любит путешествовать, особенно за рубеж по приглашению немцев, французов и американцев. Но нельзя же просто взять и укатить восвояси! В Думу приходит куча всяких важных бумажек, поэтому кто-то должен сидеть в кресле председателя Комитета по международным делам и подписывать документы. И Лукин будет вынужден сам на время передавать свои полномочия кому-то из своих заместителей", - именно так я и задумал обойтись без Лукинской подписи.

Наконец мне удалось дождаться момента, когда вслед за Владимиром Лукиным в зарубежные командировки укатили и все его заместители. Остался только один, которого Лукин не любил всей душой, – Алексей Валентинович Митрофанов. Почему не любил – понятно. Леша был из конкурирующей партии, из ЛДПР. Мало того, Митрофанов работал до этого в МИДе и разбирался в международных делах уж точно не хуже Лукина. Все это выливалось в довольно неприятные перебранки на заседаниях комитета.

Но с судьбой не поспоришь! В этот раз деваться было некуда и Лукин, скрепя сердце, вынужден был оставить вместо себя "на руле" именно Алексея Митрофанова. Только Владимир Петрович за дверь, а я тут как тут уже сижу у Лешки в кабинете, в руке – проект письма:

- Леша, ты тут остался "на руле". Понимаешь, какая получилась со мной история, я ведь до сих пор лишь исполняю обязанности руководителя аппарата комитета. Понятно, что за полгода я себя уже проявил, депутаты мной, в общем, довольны. Но все это очень шатко! Завтра заявится Вася из Нью-Йорка. Лукин сразу же начнет его рекламировать. Все члены комитета, в конце концов, скажут, что именно председатель комитета

должен решать, кто будет руководить аппаратом. И в результате я буду в полной ж- - е!

- Володя, ты так трогательно расписываешь свою несчастную судьбу, что я сейчас расплачусь!

- Плакать еще рано, тут есть один красивый вариант. Дело в том, что я попадаю под действие одного интересного правила из трудового законодательства. Согласно ему нельзя исполнять обязанности бесконечно, после определенного срока исполняющий обязанности автоматически превращается в полноценного начальника. У меня этот срок уже прошел.

- Ну, так и в чем дело? Иди в кадры и скажи им, чтобы оформляли приказ, вот и все. А я с тобой выпью коньяка. Французского!

- Все было бы хорошо. И люди в кадрах – за меня. Но ведь не они же подписывают приказ! Они должны притащить его на подпись руководителю аппарата всей Думы. А он начнет задавать вопросы. И первый вопрос: "Где виза председателя комитета?" Леша, полагаться на то, что руководитель аппарата Думы решит подписать приказ, только исходя из трудового законодательства, и не позвонит Лукину, это наивно!

- Что нужно сделать?

Алексей был совсем не тугодум. И он уже понял, что я не просто так расписываю все эти процедурные тонкости. В конце должна была последовать какая-то просьба. И она последовала:

- Кадры готовы приготовить на меня приказ без визы Лукина. Достаточно, чтобы подписал ты...

Митрофанов эдак искоса, но очень пронизательно глянул на меня. Он сразу понял, что означала такая просьба. Приезжает Лукин. А тут Владимир Николаевич Трофимов – уже полноценный руководитель аппарата комитета! Как такое могло случиться? И получается, что в отсутствие Лукина какой-то наглец Митрофанов своей подписью сам назначил руководителя аппарата у Лукина. Конечно, Лукин сделает два вывода. Первый: Трофимов вконец охамел и лезет в руководители аппарата к Лукину без согласия самого Лукина. Второй: этот Митрофанов вообще не знает края! И ему после такого лучше вообще даже и руки не подавать.

Да, речь шла именно о том, чтобы окончательно рассорить Алексея Митрофанова с Лукиным. Твердо можно сказать, что в подобной ситуации подавляющее число людей послало бы меня со всеми этими подписями куда подальше. Не стоил какой-то Трофимов того, чтобы ругаться со всемогущим Лукиным. А вдруг тот вообще станет министром иностранных дел? А вдруг что-то там скажет самому Ельцину при личной встрече?

Но Леша оказался из тех немногих людей, которые имели совесть и не считали других людей просто средством для того, чтобы строить свою карьеру. Очень редкие в наше время качества! Он помолчал, подумал. Наконец протянул руку за проектом письма, взял его, еще немного подумал, повертел. А потом, опять ни слова не говоря, подмахнул. Мне ничего не оставалось, как с выражением сказать "спасибо" и тут же выскочить вон. В этой ситуации нечего было раскланиваться и многословно благодарить Лешу. И так все было понятно без слов! Он пошел ради меня на серьезный личный риск. И такое отношение следовало ценить по самым высоким меркам.

Через неделю в пачке свежей почты мне удалось выудить свой приказ. Его еще не видел никто в аппарате. И приказ без промедления и без регистрации в канцелярии проследовал в нижний ящик моего стола. Пусть там полежит до лучших времен! И никому ничего по этому поводу лучше не говорить, в том числе и Лукину!

Время шло, и никто в комитете не говорил мне никаких слов по поводу изменения моего статуса, из чего следовало сделать вполне разумный вывод, что никто об этом ничего и не знает. Очень хорошо! Чем больше времени пройдет, тем труднее будет отыграть назад.

Развязка

Наконец Вася закончил все дела в Америке и вернулся в Москву. Он пришел в комитет, довольно небрежно поздоровался со мной и тут же уединился с Аверчевым в его кабинете. Мне, понятное дело, не было охоты за ним следить. Тем более что обо всех передвижениях и телодвижениях Аверчева и Васи я знал со слов других сотрудников аппарата. Те наперебой прибегали ко мне и докладывали то, что видели и слышали. Оно и понятно: того и гляди власть в комитете сменится, к рулю встанет какой-то новый человек. И еще неизвестно, чем все это кончится для каждого из сотрудников.

Вот, наконец, ко мне забежала и Ирина Пасенчук: "Владимир Николаевич! Только что Вася и Аверчев вернулись из управления кадров. Что-то там случилось! На них обоих лица нет! И они сразу же бросились к Лукину. Что произошло? Что-то там не получается? Что, Лукин не может назначить его руководителем аппарата?"

Ирине Пасенчук нельзя было отказать в пронизательности. Однако если эта "двойка" успела сходить к кадровикам, значит, тайна с приказом уже больше не являлась никакой тайной. И мне ничего не оставалось, как немного насмешливо скривив губы, рассказать Ирине про трудовое законодательство и про

установленные в нем правила. Про Митрофанова и подписанное им письмо я рассказывать не стал. Еще неизвестно, что сказали в кадрах Аверчеву. Не исключено, что тоже сослались только на трудовое законодательство.

Я просидел на своем месте допоздна, но никто меня никуда так и не вызвал и никаких объяснений не потребовал. Что означало только одно: Лукин, Аверчев и Василий просто утерлись и смирились с поражением. Ясно, что там было очень бурное обсуждение. Но точно так же было ясно, что ничем плохим в виде оргвыводов для меня это обсуждение так и не кончилось.

Так оно и оказалось на самом деле. На следующий день я, как ни в чем не бывало, зашел с самого раннего утра к Владимиру Петровичу и начал докладывать новые документы. При этом украдкой поглядывал на него. А тот просматривал документы и никак не давал понять, что он думает по всему этому поводу. Было понятно, что Лукин был в ярости. Но какой дипломат! Глазом не повел! Хотя все-таки немного повел. Уж очень он долго рассматривал документы, подготовленные мной на подпись. Он их крутил и так, и эдак. Наверное, Лукин еще раз раздумывал, устроить этому наглецу Трофимову головомойку, или нет. Однако документы, в конце концов, подписал. И молча протянул их назад. Что означало только одно: вопрос о письме Митрофанова был уже заранее закрыт без обсуждения со мной.

Самнительное предложение

Однако история на этом не закончилась. Вновь, как говорится, в один прекрасный день Владимир Петрович вызвал меня к себе в кабинет. Я присел на стульчик, а он все молчал, откинувшись в своем кресле, и лишь внимательно разглядывал своего руководителя аппарата. Я на всякий случай прихватил с собой пачку текущих документов, а то вдруг начальник начнет выяснять судьбу какой-нибудь бумажки? Хотя на это было непохоже, Лукин обычно все-таки предварительно обозначал,

что хочет услышать доклад по какому-то определенному вопросу. А тут он ничего не сказал, просто попросил зайти. Что же это у него в этот раз на уме?

- Владимир Николаевич, а как вы смотрите на то, чтобы вступить в ряды "ЯБЛОКО"?

Да, Лукин иногда мог удивить кого угодно, в этом ему уж точно нельзя было отказать! Не смог назначить своего человека на должность руководителя аппарата комитета, так теперь заманивает меня в свою сомнительную партию!

За "ЯБЛОКО" действительно прочно закрепились репутация сомнительной партии. Злые языки говаривали, что для того, чтобы вступить в ее ряды, мало быть либералом, безоговорочно ориентировавшимся на США. Вторым условием было наличие нетрадиционной ориентации. Учитывая отношения Лукина с Аверчевым, наверное, к тому были какие-то основания. Мало того, мне и самому приходилось страдать из-за этих слухов, поскольку время от времени приходилось выслушивать довольно обидные намеки на то, что гомосексуализм, это не порок. Разве приятное слышать такое, особенно не за собственные, а за чужие нетрадиционные похождения?! Кроме того почему-то считалось, что в "ЯБЛОКО" берут только евреев.

Но дело было не только в гомосексуализме и национальности. Понятно, что приняв в партию, ее руководство не потащило бы Володю Трофимова в койку (хотя кто знает!). Но если бы я дал согласие на "ЯБЛОКО", то меня тотчас же по уши загрузили бы партийной работой. Более того, в такой ситуации я был бы вынужден заставлять заниматься "яблочными" делами и сотрудников аппарата комитета.

Членство в "ЯБЛОКО" означало сильную зависимость от Лукина. Ведь он сразу бы предложил включить меня в партийные списки для следующих выборов. Но можно было не сомневаться, передо мной в списке стояли бы другие фамилии: сначала Лукинского любимца Аверчева, потом сына Лукина, а кроме того еще и близкого помощника Лукина по фамилии Безниско. Включение в списки означало, что я должен был

просто продать душу этому "ЯБЛОКО". А шанс реально пройти в Думу был ничтожно мал. Как показала жизнь, тут мои расчеты меня не подвели, в 1996 году на выборах ни сын Лукина, ни Безниско в Думу не прошли. Проскользнул только Аверчев.

Лукин вопросительно смотрел на меня. А я все молчал и молчал. Слово "нет" произносить совсем не хотелось. Тем более не хотелось объяснять, почему у меня нет желания вступить в "ЯБЛОКО". Но как быть? Как объяснить Лукину, что меня от его "ЯБЛОКО" тошнит, как от морской качки?

Я молчал. А глаза Лукина с каждой секундой этого молчания все больше и больше расширялись от удивления. Он, Лукин, считает свое членство в "ЯБЛОКО" чуть ли не историческим событием. А какой-то мелкий негодяй Трофимов воротит нос от его партии! Какая наглость!

Но ничего подобного Лукин, конечно, вслух не произнес, а только, в конце концов, пожал плечами. Мне стало ясно, что можно откланяться без неприятных объяснений. Что немедленно и было сделано. И, надо сказать, что никогда потом я не жалел, что тогда не сказал Лукину "да".

На следующий день Лукин опять меня спросил, не хочу ли я вступить в "ЯБЛОКО". Он был, видимо, ошарашен моей вчерашней реакцией. Наверное, предполагал, что Трофимов кинется в партию сломя голову. А я опять промолчал. Вопрос был окончательно закрыт.

Такова история, как мне удалось пробраться в руководители аппарата к самому Лукину. Тот, конечно, подозревал, что мне иногда удастся злоупотреблять должностными полномочиями и заниматься саботажем. Но подловить меня на конкретных фактах у него, в общем, не очень получалось. А для того, чтобы снять меня с должности, надо было предварительно получить согласие всего комитета. Но разве его получишь, ссылаясь только на свои подозрения?!

Глава 4. Нехороший комитет

*Т*еперь самое время продолжить рассказ про уже не раз выше упомянутый Комитет по международным делам Государственной думы. Нужно отметить, что это был не просто какой-то там заурядный один из комитетов нижней палаты парламента. О, далеко нет! Это была особая вещь в себе! Несмотря на внешний лоск и респектабельность, комитет таил в себе серьезные угрозы. И не один, и не два человека закончили здесь, что называется, плохо.

Взятки

И в самом деле, комитет оказался довольно-таки злополучным местом. Прямо какая-то "нехорошая квартира" по Булгакову. Одной из первых жертв пал Сергей Борисович Станкевич. Впервые я столкнулся с ним заочно еще в конце 1992 года, до расстрела парламента. Станкевич был тогда советником Ельцина, а в то время как раз начиналось противостояние между президентом и Верховным Советом. Ельцин лез, как всегда, напролом, а Верховный Совет только начал пытаться дать Борису Николаевичу хоть какой-то отпор. У Сергея Станкевича была своя собственная позиция по поводу этого конфликта. При этом он отважился на довольно-таки большую вольность: не только сообщил свои соображения президенту, но и разослал их самым различным политическим силам, в том числе и в Верховный Совет. Эта бумага попала в руки и ко мне и вызывала неподдельный интерес. Сергей Станкевич предлагал, каким образом можно полюбовно урегулировать спорные проблемы между Кремлём и Белым домом. Документ был явно толковый, хотя отдельные его положения можно было сформулировать и иначе, более удачно. Станкевич предлагал кое в чем уступить депутатам.

К сожалению, предложения Станкевича были проигнорированы, и первый, кто ими пренебрег, был сам Борис Николаевич Ельцин. Видно, поэтому Сергей Борисович и ступил на скользкий путь публичного обращения к депутатам. Впрочем, депутаты тоже не сильно заинтересовались этими предложениями. Ведь им предлагали отказаться от некоторых конституционных полномочий.

Потом последовало активное противостояние, расстрел, новая конституция и выборы в Государственную думу. Похоже, либеральные поползновения Сергея Станкевича вышли ему боком. Во всяком случае, должность помощника президента он покинул, но выставил свою кандидатуру на выборах в Думу и успешно прошел в ее состав. А там записался именно в Комитет по международным делам.

Записаться-то он записался. Однако первое время Сергея Борисовича в Думе вообще не было видно. Какими делами он занимался в это время, неизвестно, но только точно не теми, которые рассматривались в Комитете по международным делам. Не ходил он и на пленарные заседания. Видимо, Станкевич

пытался устроить свою судьбу как-то более удачно, нежели пребывать в жалком статусе какого-то там депутата.

Поначалу, как известно, Дума заседала в здании бывшего СЭВа, в так называемой "книжке". После СЭВа Дума перебралась в бывшее здание Госплана, потом в гостиницу "Москва", потом назад, в уже отремонтированное госплановское здание. Комитет кочевал из здания в здание, заседал в самых разных помещениях. Но Станкевич стабильно игнорировал заседания, вне зависимости от места их проведения. Единственно, Станкевич держал в Думе своего помощника, видимо, на всякий случай. И за свой счет переоборудовал служебный кабинет, обставив его черной как смоль мебелью высокого качества. Этого не делал ни один из депутатов, все обходились казенным ремонтом и казенной же мебелью. Среди них было достаточно состоятельных людей, но никто не хотел просто выбрасывать деньги на ветер, ведь на носу по плану был большой ремонт всей Думы и закупка новой мебели. А Станкевич, судя по всему, денег в тот момент вовсе не считал.

Почему начался ремонт в кабинете Сергея Борисовича? Видимо, в какой-то момент Станкевич счел, что место в Думе не является чем-то уж таким совсем бесполезным. Но не может же он, вчера еще всесильный помощник президента, встречаться в Думе с какими-то важными визитерами в казенном кабинете, обставленном казенной мебелью?! Нет, это просто полный позор!

Так прошло уже больше года после выборов, на носу были новые, ведь первый состав Думы был избран не на четыре, а всего на два года. Только тут Сергей Станкевич стал вдруг появляться в Думе. По какой-то причине он точно так же неожиданно вспылал интересом к работе Комитета по международным делам. Мало того, что Сергей Борисович стал регулярно ходить на заседания, он стал там еще и активно выступать!

Люди Бобкова из службы безопасности Группы "Мост" рассказывали мне, что Станкевич, будучи советником

президента, получал на стороне довольно крупные деньги. Самое интересное, что за эти деньги со Станкевича якобы не требовали никаких ответных услуг. Платили так, на всякий случай. Если берет, значит, в нужный момент можно будет попросить и о встречной услуге.

Я к рассказам об этих деньгах относился критически. Не то чтобы им совсем не верил, у Бобкова работали вполне ответственные профессионалы, и они отвечали за свои слова. Просто, в дополнение ко всему прочему, я, немного зная всю эту структуру Владимира Гусинского, сомневался, что, передавая Станкевичу деньги, никто не просил его ни о каких ответных услугах. Не такие это были люди, чтобы заниматься бескорыстным спонсорством.

Итак, Станкевич стал приходить на заседания комитета и при этом решил не отсиживаться и не отмалчиваться. Он стал выступать по каждому поводу, причем с довольно-таки антиамериканских позиций, что было удивительно. Брать деньги от всяких посторонних лиц и при этом критиковать США?! Что-то там такое необычное происходило за кулисами, и оно, судя по всему, находило свое выражение в такой радикальной позиции Сергея Борисовича.

Однако период активности депутата Станкевича в Комитете по международным делам как неожиданно начался, так же неожиданно и закончился. В СМИ вдруг развернулась кампания по поводу десяти тысяч долларов, которые Станкевич якобы получил в качестве взятки. Как я полагаю, эта кампания травли была грамотно и глубоко организована и, скорее всего, была связана с антиамериканскими высказываниями Станкевича. Тот, видимо, и сам понял, что за него взялись всерьёз. Это и понятно, уж кто-кто, а он сам лучше других знал свои дела и свои отношения с теми или иными людьми, организациями и государствами.

В общем, осенью 1995 года Сергей Станкевич вновь бесследно исчез из Думы, и я его больше никогда в комитете не видел. С этого периода до самых следующих выборов в Думу

помощник Станкевича, который продолжал занимать его кабинет в Думе, не переставал рассказывать, что его шеф просто готовится к очередным парламентским выборам, потому и отсутствует. Потом стало известно, что Станкевич даже и не пытался выставить свою кандидатуру ни в одном избирательном округе. Просто он со своим помощником грамотно запутывал следы и готовил хорошую базу за рубежом, чтобы там надёжно и надолго осесть. Так оно в конечном счёте и произошло.

По линии все того же Бобкова мне стало известно, что подпись Станкевича на расписке в получении десяти тысяч долларов, которые ему вменялись в вину, являлась фальшивой. Никто с него никаких расписок никогда не брал. Но когда понадобилось, фальшивку изготовили грамотно и качественно. Надо при этом полагать, что сам Сергей Борисович хорошо знал, какие именно бумаги он подписывал, а какие – нет. Получалось, что в этом инкриминируемом ему случае никаких расписок он не давал. А иначе зачем изготавливать фальшивку? Даже если и взял десять тысяч "на мелкие расходы", то просто сунул в карман и пошел себе дальше. Тоже мне сумма!

Тем не менее, Станкевич предпочел не искушать судьбу и не полагаться на следственную или судебную экспертизу. Видимо, он понимал, что против него работают настоящие профессионалы, которые запросто смогут "доказать" его вину. Не очень Сергей Борисович верил в справедливость и беспристрастность российской следственной и судебной системы и просто удрал в Польшу.

Продолжение всей этой истории известно. Польша отказалась выдать Станкевича, и он так там и остался на несколько лет, якобы занимаясь торговлей продовольствием с российскими фирмами. К этому рассказу о похождениях Станкевича и о волшебных трансформациях его политических взглядов можно добавить лишь следующее. Как только Сергей Борисович был в достаточной мере скомпрометирован и выведен из политической игры, интерес к нему остыл, публикации и

разоблачения враз прекратились. То есть причина гонений крылась явно не во "взятке".

Опала Станкевича со временем все-таки закончилась, про "взятку" следственные органы тихо забыли. И Сергей Борисович опять всплыл на российской политической сцене, сначала примкнув к Юрию Лужкову, а потом, когда тот рухнул, взявшись более или менее успешно изображать из себя весьма умеренного критика Кремля.

Раскальши

Пострадал в своё время и другой член Комитета по международным делам, Александр Дмитриевич Венгеровский. Как известно, с самого основания ЛДПР он был правой рукой Жириновского. Сразу после выборов в Думу в 1993 году я решил посетить штаб-квартиру ЛДПР, располагавшуюся тогда неподалёку от метро "Кировская". Победа Владимира Вольфовича на выборах вышла столь оглушительной, что я никак не мог удержаться от искушения навестить в логово к скандальному политику и лично посмотреть на его людей. Все-таки мне вскоре предстояло работать с этой публикой в парламенте. В таком случае было совсем не лишним заранее наладить кое-какие неформальные контакты.

В штаб-квартире у Жириновского было оживленно. Множество молодых людей, судя по их форме, партийных функционеров, сновало туда и сюда. Впрочем, некоторые из них никуда не спешили, а просто стояли по стенкам и исторгали клубы табачного дыма. Меня несколько раз останавливали и внимательно расспрашивали, но, в конце концов, пустили на второй этаж, где сидело партийное начальство. Там был довольно объёмный холл, полно всяких просителей и всё тех же партийных бойцов. Стоял неумолчный гомон. Одним словом, это был самый настоящий штаб баты Махно.

Сам Жириновский куда-то отлучился. Всех ходяков, просителей, а также однопартийцев вместо него принимали его

заместители - Александр Венгеровский и Виктор Васильевич Кобелев. Последний отвечал за безопасность и организационные вопросы, а Венгеровский – за политику и идеологию. Меня поставили в очередь к Кобелеву, а потом перевели к Венгеровскому. Пока я дождался приема, удалось увидеть, как Венгеровский общается с предыдущими посетителями. Заканчивая беседу, он пару раз выходил из своего кабинета и давал свои последние напутствия и советы. Всё это очень смахивало на сцену общения Ленина с ходоками из глубинки. Венгеровский явно пытался произвести именно такое впечатление. Просители были самые настоящие и, видимо, всерьез полагали, что пришли по адресу. А Венгеровский при этом старательно играл роль вождя всей нации, который способен решить любые проблемы. Высокий, хорошо одетый, он держался уверенно и не без некоторой аристократической небрежности.

У Венгеровского я пробыл недолго. Беседа была короткой, но приятной. Я похвалил себя за то, что смог заранее познакомиться с человеком из верхушки ЛДПР. А

Венгеровский, судя по всему, остался доволен советами, которые от меня получил. Советы касались некоторых организационных вопросов в Думе и были явно не лишними.

Хорошая жизнь в ЛДПР у Венгеровского продолжалась ровно до очередных выборов в Думу, то есть всего два года. Накануне выборов у него, внешне – просто на пустом месте, возник конфликт с Владимиром Вольфовичем. Венгеровский выступал на телевидении в каких-то теледебатах. Выступал уверенно, можно сказать, даже красиво. Но каком-то этапе он что-то там такое провозгласил от имени партии. Кажется, эти слова и были поставлены ему в вину и послужили формальной причиной разрыва. Однако в кулуарных разговорах я слышал немного другую, более глубокую интерпретацию происшедшего. Жириновский не зря в итоге фактически изгонял наиболее заметных своих сторонников: Кобелева, Венгеровского, Лимонова, Кашпиоровского, Митрофанова. Он просто боялся конкуренции, а в конечном счёте и раскола партии. И потому при первом удобном случае избавлялся от тех, кто набирал слишком большой авторитет.

Вообще, Жириновский довольно-таки умело вел двойственную политику: избавлялся от старых кадров и одновременно находил пути не допустить партийного раскола. От Лешы Митрофанова я услышал, например, следующую историю: как-то раз во фракции ЛДПР опять накопились диссидентские настроения, депутаты начали роптать по какому-то очередному поводу. Предстоящее заседание фракции могло перерасти в открытый раскол. Как подавить протест и обеспечить единство? Реальных рычагов в руках у Жириновского было мало. Уступить? Подкупить? Запугать?

Тогда Вольфрамыч придумал специальный план, который предварительно и обсудил с Лешей Митрофановым. А дальше было заседание фракции. Жириновский сразу взял инициативу в свои руки и начал с критического выступления в отношении работы фракционного аппарата. Слово за слово, он начал активно придирается к своему руководителю аппарата, которого

вызвал к себе на сцену. Владимир Вольфович ругал его все круче и жестче, выбирая наиболее непристойные и явно непарламентские выражения. Руководитель аппарата сначала пытался огрызаться, потом понял, что его дела плохи, замолчал, сжался и даже заметно затрясся. И тут Жириновский в запале вдруг схватил со стола блюдце, на котором до этого стоял стакан с водой, дико выпучил глаза и с размаху запустил его прямо в голову руководителя аппарата.

Зрелище было запредельное: ревущий с пеной у рта Жириновский, вдруг от слов перешедший к метанию посуды, и трясущийся руководитель аппарата. Последний дико вскрикнул, когда блюдце скользнуло по плечу и, ударившись об пол, разлетелось вдребезги. Он тут же бросился вон из зала заседаний, а потом и дальше, из здания Думы. "За коим чертом я связался с этим безумным Жириновским?! – скорее всего только эта мысль и сверлила ему мозг. – На волю, подальше от этого сумасшедшего дома!".

Руководитель аппарата выскочил из зала, а Жириновский повернулся к депутатам. Те замерли, даже сжались на своих местах: "Теперь наша очередь получать тарелкой по башке!". Но тут произошло необыкновенное волшебное превращение. Еще секунду назад бесновавшийся Жириновский вдруг успокоился. И как ни в чем не бывало обратился к депутатам со следующими словами, сопроводив их широкой и очень доброжелательной улыбкой: "Да что мы тут с вами обращаем внимание на этот аппарат?! Аппарат никогда не будет работать хорошо. Другое дело – депутаты. Особенно депутаты нашей фракции! Я всех вас люблю, как родных детей! Да что там детей! Я жизнь за вас готов отдать! Так вы мне дороги! Вы – моя единственная опора. Именно вы делаете из ЛДПР партию, за которую голосует весь российский народ!".

Тут Жириновский сделал в своей речи небольшую паузу, глянул куда-то в глубину зала и вдруг призывно махнул рукой, как будто звал кого-то к себе, на сцену. Депутаты заерзали на своих местах. Смена настроения лидера ЛДПР была столь

радикальной и неожиданной, что она полностью сбила их с толку. Они готовились к разносу, к скандалу. Они собирались огрызаться и спорить, грозить, что выйдут из партии. А тут вдруг такая непонятная доброжелательность и даже сердечность! Кстати, а кому это он так приветственно машет рукой?

Объект внимания Жириновского вскоре обозначился. Это были два сотрудника все того же аппарата. У одного был поднос, на котором стояло множество хрустальных рюмок. А другой держал за горлышко четыре бутылки французского коньяка "Мартель", по две в каждой руке. Оба они довольно проворно прошли через зал и поднялись на сцену, прямо к Владимиру Вольфовичу.

– Дорогие мои друзья! Дорогие мои депутаты!– вдруг возобновил свою речь главный либеральный демократ страны.– Давайте выпьем по рюмке хорошего коньяка за наше с вами единство, за нашу идейную сплоченность!

Коньяк тут же был раскупорен и разлит по рюмкам. И поднос поплыл по рядам, его ласково подносил к каждому депутату все тот же сотрудник. Рюмки быстро разошлись по рукам. По залу, кажется, прокатился еле заметный вздох облегчения. Вместо избиения и скандала появился такой замечательный коньяк!

Владимир Вольфович тут же провозгласил тост, все выпили. Потом коньяк был разлит еще раз, на этом четыре бутылки и закончились. Еще один тост, и приятное тепло совсем поглотило членов фракции, которые поплыли по волнам алкогольной эйфории.

Какая уж тут разборка или склока?! Единство фракции было обеспечено еще на какой-то период. Депутаты расходились, оживленно обсуждая происшедшее. Им и в голову не приходило, что все это было хорошо поставленным и заранее задуманным спектаклем. Жириновский совершенно точно рассчитал психологический эффект от своих действий. Для убедительности руководителя аппарата не стали заранее предупреждать, что все это – балаган. Жириновский потом

перед ним очень убедительно и проникновенно извинился, и на том конфликт был полностью исчерпан.

А вот другая история, на этот раз про то, как Жириновский избавлялся от своих старых партнеров по партии. Как-то уже после выборов 1996 года ко мне зашёл один из бывших депутатов от ЛДПР и пожаловался на своего лидера. Тот на выборах провернул следующую комбинацию: всем своим депутатам, входившим в состав фракции, он пообещал, что вновь переизберёт их в Думу очередного созыва. И действительно он почти всех включил в предварительные избирательные списки. Те на радостях бросились в свои округа агитировать за ЛДПР. Эта агитация была довольно важной. Бытовало ошибочное мнение, что все члены ЛДПР такие же эпатажные, как и их лидер, и в чем-то его копируют и никакого самостоятельного авторитета не имеют. Это было не так. В 1993 году Жириновский привлек в депутаты людей, которые и так были хорошо известны в своих округах и пользовались доверием и поддержкой населения.

Именно эти депутаты и отправились в канун 1997 года агитировать своих избирателей за ЛДПР. Специфика же выборов по федеральным спискам была такова, что в каждом округе от партии выставлялся не один, а несколько кандидатов. Если голосов за партию будет получено много, то в Думу проходит не один, а несколько человек от одного округа.

Так вот, Жириновский дал этим своим депутатам с высоким личным авторитетом хорошенько поагитировать за ЛДПР в своих округах. Когда же до выборов осталось меньше двух недель, он за своей подписью от имени партии направил в Центризбирком письмо, в котором почти всех их снял из избирательных списков. В результате на первое место в списках вышли люди, которые стояли вторыми или даже третьими, нигде не выступали и не агитировали и априори считались непроходными. Однако голосование шло не столько по конкретным фамилиям, сколько по названиям партий. В результате проделанной их предшественниками агитационной

работы за либеральных демократов было подано много голосов, и соответствующие "темные лошадки" прошли в Думу. Можно только гадать, почему Жириновский дал возможность этим людям избраться и так некрасиво обманул своих прежних сторонников. Деньги?

Эти две истории мы тут рассказываем не просто для того, чтобы развлечь читателя. А для того, чтобы было понятно, на что был готов пойти Владимир Вольфович для обеспечения единства партии и насколько он мог быть вероломен и коварен. Это пригодится для того, чтобы оценить все, что потом произошло с Венгеровским.

Итак, вернёмся к Венгеровскому. Он в 1996 году переизбрался, несмотря на конфликт с лидером ЛДПР, и пришел в Комитет по международным делам. Тут я узнал, что у Александра Дмитриевича созрел план не просто играть роль независимого депутата, а создать и возглавить свою собственную партию. При этом предполагалось увести у Жириновского часть депутатов. Понятно, что в конце концов Владимир Вольфович прознал про эти планы своего бывшего заместителя. Идея с партией была неплохая. Весь вопрос был в том, как ее реализовать на практике. То есть это была реальная угроза для ЛДПР и самого Жириновского.

В новый состав Комитета по международным делам, помимо Венгеровского, вошел, кстати, и Иван Петрович Рыбкин, который после перевыборов не смог получить пост председателя Госдумы и в результате превратился в простого рядового депутата. Точно так же и Венгеровский, который в предыдущем составе был заместителем председателя Госдумы, пришёл в Комитет по международным делам в качестве простого депутата.

Поначалу Венгеровского, не без моего участия, избрали председателем подкомитета по разведке. Такой подкомитет можно было создать в соответствии с каким-то законом, в котором подобная возможность упоминалась. Мне Александр Дмитриевич был симпатичен, поэтому, когда кулуарно

формировался "пакет" подкомитетов, его кандидатура всплыла и была одобрена большинством членов комитета. Лукин со своими сторонниками в этот момент находился в комитете в меньшинстве, поэтому его мнение, понятное дело, никто не спрашивал.

Работа Венгеровского в комитете неожиданно прервалась. На него было совершено самое настоящее покушение. Неизвестный стрелял в него, когда тот вечером выгуливал собаку рядом с домом. Одна пуля попала в колено. Рана оказалась серьезной, пришлось ставить искусственный сустав. Тогда Венгеровский пролежал в больнице полгода. Прятался, боялся, что добьют? Очень может быть.

Что же произошло на самом деле, кому и зачем надо было стрелять в уважаемого члена Комитета по международным делам, председателя подкомитета по разведке? Сам Венгеровский утверждал, что это было дело рук Жириновского. Якобы Владимир Вольфович таким своеобразным способом предупредил своего бывшего соратника, чтобы тот не смел создавать новую партию на основе фракции ЛДПР.

Теоретически эта версия имела право на существование. Владимир Вольфович поддерживал контакты с самыми разными людьми, в том числе с бизнесменами, легко заработавшими свои капиталы и имевшими хорошие связи с криминальным миром, и вполне мог между делом сказать какому-нибудь воротиле, чтобы тот припугнул Венгеровского.

В этой версии, однако, не все концы с концами сходились. Так припугнуть или убить? Если припугнуть, то тогда не надо было стрелять в убежавшего Венгеровского, рискуя его убить. А если планировалось убить, то покушение было как-то бестолково организовано. Стрелок подошёл к Венгеровскому и, имея фактор неожиданности, открыл стрельбу, но при этом не попал ни разу. Потом начал беспорядочно стрелять вдогонку и попал в ногу. Но добивать не пошёл.

Венгеровский утверждал, что у нападавшего заклинило патрон. Но не первый же! Первым-то выстрелом тот вообще не

попал. И как Венгеровский мог определить, что заклинило патрон в пистолете, из которого по нему велся огонь?

В общем, имелась и другая версия: Венгеровский немного запутался либо в своих делах по линии бизнеса, либо, что самое вероятное, в амурных делах. Мужчина он был симпатичный и совсем не пренебрегал вниманием особ противоположного пола. Вот и получилась плохо подготовленная дилетантская стрельба от конкурентов по бизнесу или по сексу.

Конечно, не исключено, что человек, который должен был просто припугнуть Венгеровского, немного погорячился. Сначала стрелял мимо, а потом, когда Венгеровский, оставив свою собаку на произвол судьбы, бросился удирать, сделал еще один выстрел почти по ногам. Но "почти" оказалось неудачным, пуля, выпущенная мимо, попала точно в ногу. Стрелявший счел, что он слишком уж перестарался, и быстро ретировался. А Венгеровский понял, что жизнь у него одна и расстаться с ней – совершенно плевое дело.

Человека, который покушался на Венгеровского, так и не поймали. А сам Александр Дмитриевич, видимо, вполне понял намек, от кого бы он ни исходил. В любом случае Венгеровский напрочь забросил все свои поползновения всплыть на теме разведки, а тем более создать свою партию. А потом и вовсе поставил крест на публичной деятельности.

Подрывник

Была в составе Комитета по международным делам и еще одна примечательная личность, с которой приключились неприятности – Николай Николаевич Лысенко. Его не следует путать с Владимиром Лысенко, тоже депутатом, часто выступавшим по телевизору, но говорившим довольно картаво. Николай Лысенко относился совсем к другой части политического спектра – он был ярким националистом. По убеждениям Лысенко был близок к людям, группировавшимся вокруг журнала "Молодая гвардия".

Николай Лысенко был симпатичным малым, тут надо отдать ему должное. Лет тридцати пяти, среднего роста, поджарый, с бравыми усами, просто красавец-мужчина. Боец он был тоже яростный: дрался за свои убеждения до конца и этим невольно вызывал к себе симпатию. Другое дело, что был Лысенко, по моим меркам, маленько прямолинеен и подчас бесхитростен.

Разделял ли я политические взгляды Лысенко? Пожалуй, вряд ли. Конечно, мне тоже много чего не нравилось и не нравится в российском государстве. На мой взгляд, слишком много было тут неоправданной социальной несправедливости, глупых решений на уровне высшего руководства, навязанных обществу людьми с большим самомнением, которые прорвались наверх не по уму, а благодаря принадлежности к тому или иному клану.

Несомненно также, что государство должно проводить грамотную и взвешенную национальную политику. Нельзя жить в государстве, если не найден общий язык с двадцатью миллионами мусульман и пятью миллионами евреев. Другой вопрос, как находить этот язык и какими методами, и что получится в результате такой политики через двадцать или даже пятьдесят лет. Короче, Лысенко был очень похож на ярого прямолинейного антисемита. А я к таковым себя не причислял и не причисляю.

В Комитете по международным делам Николай Лысенко формально числился, но не играл заметной роли. Дело было

даже не в том, что у него не хватало сторонников. В конце концов, если вести дело грамотно, всегда можно облечь свою инициативу в удобную и приемлемую для многих форму и найти нужную поддержку. Самое главное, что Лысенко не чувствовал тонкой материи рассматриваемых в комитете вопросов, не мог найти слабое звено и грамотно по нему ударить. Он достаточно часто выступал, но толку от этих выступлений было мало. Никто его, как правило, не поддерживал. К сожалению, Николая Николаевича нельзя было научить привлекать на свою сторону других депутатов. Он был каким-то нигилистом, слушавшим только себя и пренебрегавшим чужим мнением. Может, это слишком жесткая характеристика, но у меня сложилось именно такое мнение.

Итак, дело близилось к выборам в Думу 1995 года. Точнее, на дворе был уже декабрь, а до выборов оставалось всего несколько дней. Я сидел в своём кабинете. Неожиданно здание вздрогнуло, раздался глухой удар. Я не сразу вышел в коридор. Мало ли у кого что упало! Было такое впечатление, что этажом выше на пол свалился тяжеленный сейф.

Однако потом послышались крики, топот. Я, наконец, оторвался от своих бумаг, встал, подошел к двери и выглянул в коридор. Вдали, за залом заседаний комитета толпились люди. В служебном кабинете Николая Лысенко произошёл взрыв...

Лысенковский кабинет находился в другом конце коридора, почти напротив кабинета председателя мандатной комиссии и члена Комитета по международным делам космонавта Севастьянова. В результате взрыва дверь у Лысенко вышибло, по всему полу в коридоре валялись обломки панелей из ДСП, из которых была изготовлена думская мебель. Через несколько минут набегали журналисты с видеокамерами, примчалась думская охрана. Под ногами была грязь: кто-то успел раскрутить пожарный шланг и начал заливать пожар, начавшийся в кабинете.

У меня сжалось сердце. Вообще-то я там, под этой самой дверью кабинета Лысенко, стоял всего десять минут назад! Еще

чуть-чуть – и валялся бы я в этом месиве из грязи и деревянных щепок!

Комната Лысенко представляла собой мокрую кашу из кусков мебели и всяческого барахла. Стекло на улицу было выбито, но не полностью, в середине стекла зияла огромная дыра. На первый взгляд могло показаться, что через окно в комнату влетел какой-то предмет, который тут и взорвался. Потом выяснилось, что это не так: таков эффект от взрывной волны, шедшей изнутри. Все в кабинете разлетелось вдребезги, а вот оконное стекло почти не пострадало, только в середине образовалась дыра. Кстати, целыми остались и несколько бутылок водки, которые лежали тут же, в куче обломков мебели, книг и канцелярских принадлежностей. Как потом выяснилось, осколки от оконного стекла упали вниз на машину депутата Вячеслава Никонова. Тот был в полном бешенстве. Мало того, что машина пострадала. Она пострадала от этого негодяя – националиста и антисемита!

Самого Лысенко видно не было, его уже допрашивала охрана в одной из свободных соседних комнат. Сотрудники толпились, оживленно обсуждали происшествие. Еще бы, тут много чего случалось, но такого еще не бывало!

Так что же произошло на самом деле? Многие упорно говорили, что Николай сам подложил бомбу в свой кабинет. Имитировал покушение на себя и тем самым попытался поднять свой предвыборный рейтинг. Логика тут была простая: конечно же, избиратель решит, что если Николая Лысенко кто-то пытается убить, значит, тот делает хорошее и полезное для народа дело. Значит, надо его поддержать на выборах.

Вообще-то это был уже не первый взрыв в кабинете у Лысенко. Еще один прогремел в 1993 году в Казани, откуда он и баллотировался в первую Государственную думу. Его тогда избрали, и не исключено, что именно благодаря бомбе. Тогда в памяти избирателей еще была свежа стрельба по парламенту.

Лысенко мог запросто переизбраться благодаря и второму взрыву. Но этого не произошло, и Николай сам был в этом

виноват, допустил слишком серьезные промахи, выступая на телевидении. Ведь подобный взрыв – это исключительное событие, которое и так заметит вся страна. Коле Лысенко после взрыва в Думе дали очень много эфира для объяснений. Соглашаться выступать ему, конечно, было надо. Но только не нужно было переигрывать. О взрыве следовало говорить не специально, а так, между прочим. Или вообще не говорить, насколько это было возможно. Грамотнее было выступать по другим темам, при этом лишь косвенно подводить к мысли, что с Николаем Лысенко его враги не могут справиться в честном бою.

Но Лысенко переборщил. Он взялся довольно прямолинейно агитировать сам за себя, упирая на то, что его кто-то хотел убить. В результате избиратель ему не поверил. И я, кстати, тоже не поверил. Неудивительно, что Николай Николаевич на выборах, как говорится, пролетел.

Организовывать на самого себя покушение – это самый обычный приём в политической борьбе в демократическом обществе. Действует он крайне эффективно и почти безотказно, если, конечно, организаторов покушения не удаётся разоблачить. Я многократно наблюдал этот финт на выборах в Индии. Там очень развита демократия, хотя на Западе это не принято признавать. У индийцев полно всяких партий, непрерывно идёт агитация и пропаганда во всех мыслимых и немыслимых формах. На выборах действительно решаются вопросы о власти. Индия при этом довольно мудро долго не развивала своё телевидение. В результате на население не могли повлиять из-за границы, как это нередко происходит в России.

Так вот, как только видишь сообщение в индийской газете про неудачное покушение на какого-нибудь деятеля, то сразу смотришь на технологию взрыва. Если сам политик не пострадал и, главное, ни при каких обстоятельствах не мог пострадать от покушения, то, скорее всего, это лишь инсценировка. Например, выступает какой-нибудь деятель на трибуне, изготовленной из бамбука, и вдруг одна из палок

взрывается. Все живы-здоровы, но трибуна рухнула, митинг сорван, широкое паблисити обеспечено.

Потихоньку покушения на самих себя входили тогда в моду и на постсоветском пространстве. Мне, например, казались довольно-таки неубедительными некоторые террористические акты против Шеварднадзе в Грузии. Когда хотят на самом деле убить, так не поступают. В результате этих взрывов Эдуард Амвросиевич совсем не пострадал, зато получил шикарную рекламу плюс предлог самым жестоким образом расправиться со своими политическими оппонентами.

Так устроил ли Лысенко покушение на самого себя? Было возбуждено уголовное дело, велось следствие, потом был и суд. На этом суде, а также в ходе предварительного следствия помощник Николая Лысенко вроде бы сознался, что именно так всё и было, именно сам Лысенко себя и взорвал. Но, несмотря на эти показания, суд, исследовав все обстоятельства, пришёл к выводу, что убедительных доказательств вины Николая Лысенко нет, а предположений его помощника недостаточно. Лысенко был признан невиновным.

У меня имеется свое собственное мнение по поводу этого взрыва. Дело в том, что за несколько минут до взрыва я был на месте будущего происшествия. Прошёл в ту часть коридора, которая находится за стеклянными дверями. Сразу за ними налево второй по счету – кабинет Лысенко. И вот я вижу – сидит сам Лысенко на диванчике, почти напротив собственного кабинета, но чуть в глубине коридора. Вообще-то у меня имелась хорошая привычка всегда подходить к депутатам из своего комитета, если была такая возможность, и перебрасываться парой слов. Это была вежливость, способ поддерживать личный контакт, а также метод получения полезной информации. А тут сидит одинокий депутат, ничего не делает, да ещё такая интересная персона - сам Лысенко!

Однако в этот раз я к нему не подошёл. Во-первых, у меня было дело к собственным сотрудникам, сидевшим в кабинете сразу за стеклянной дверью, рядом с кабинетом депутата. К ним

я и зашёл. Во-вторых, во всей позе Николая было что-то такое, что не располагало к дружеской беседе. Сидел он как-то сжавшись, напряжённо, мельком глянул на меня и отвернулся. Было явно видно, что это неподходящий момент для дружеской беседы.

Одно дело устроить бутафорский взрыв и использовать это в предвыборной пропаганде. И совсем другое дело – убить невинных людей. Если взрыв организовал сам Николай, то он должен был как-то попытаться предотвратить случайные жертвы. Например, именно так и сидеть в коридоре. И если бы кто-то тут задержался, Лысенко мог его как-то увести от дверей своего кабинета, например, позвать к себе. В общем, такое внешне бесцельное сидение в коридоре за пару минут до взрыва выглядело довольно подозрительно.

Но и это еще не все. Второй раз в этот день я увидел депутата Лысенко уже поздно вечером. Он шёл в окружении каких-то людей, похоже, из спецслужб. Вид у него был тоже довольно необычный. Представим себе ярого националиста, на которого только что было совершено неудачное покушение. Как он будет себя вести? Наверное, будет весь кипеть от злобы, грозить расправиться со своими недругами, в общем, метать громы и молнии. А если кто-то будет подозревать его самого в организации взрыва, то реакция должна быть тоже самой бурной: "Да вы что, с ума сошли?!". Видимо, достаточно трудно изображать из себя пострадавшего, тем более на протяжении нескольких часов и под давлением следователей, если знаешь, что это совсем не так. И наоборот, если на тебя действительно покушались, никакие вопросы следователей не заставят тебя ступешаться. В крайнем случае, можно только поначалу растеряться, но уж потом-то точно будет активное возмущение. Если человек честный, то он будет возмущаться при любых обстоятельствах. А если нечестный, то играть роль "честного" будет непросто.

Так вот, Лысенко совсем не выглядел как человек, который только что избежал смерти от рук злоумышленников. Нет, он

выглядел, скорее, затравленным, уставшим отбиваться от неприятных вопросов. И, увидев меня, он совершенно явно отвел глаза, как будто ему было стыдно. Именно таким я и увидел его в тот вечер. Нет, не выглядел Николай Лысенко как жертва покушения!

Были и другие обстоятельства, которые говорили не в пользу Лысенко. Насколько мне было известно, в кабинете взорвались три гранаты Ф-1, то есть особо мощные гранаты, предназначенные для применения из укрытия. Потом говорили, что это были наступательные гранаты. Я в этом сомневаюсь. Я видел отпечатки от осколков на мебели. Достаточно крупные и угловатые, почти квадратные. Не похоже на наступательные гранаты, от которых образуется масса мелких легких осколков, поражающих на очень ограниченной дистанции. Как потом установило следствие, гранаты лежали в атташе-кейсе, который стоял внутри тумбы у стола.

Так вот, при взрыве необходим так называемый замедлитель. То есть человек, который привел взрывное устройство в действие, должен иметь достаточно времени, чтобы отойти на безопасное расстояние. Таким замедлителем бывает, например, пробирка, которая детонирует, когда кислота разъест стенки изолирующего ее вещества, либо это часовой механизм. Бывают и другие замедлители.

Конечно, после взрыва всё разнесло вдребезги. Тем не менее, в комнате были найдены обломки чего-то, похожего на часовой механизм. Точнее, на таймер. Подобные таймеры используются в парашютах. Если человек в ходе прыжка с парашютом растерялся и вовремя не выдернул кольцо, таймер через несколько десятков секунд сам выдёргивает чеку – эдакую длинную металлическую палочку. Очень удобно её вставить во взрыватели сразу трёх гранат вместо чеки. Тут подойдут любые гранаты: и оборонительные, и наступательные.

Лысенко выдвигал версию, которая предполагала использование злоумышленником радиовзрывателя. По его словам, все произошло следующим образом. Лысенко находился

в приемной перед кабинетом Севастьянова (перед этим он какое-то время сидел в коридоре, где его я и увидел). В это время в его собственный кабинет кто-то позвонил по телефону, спросил Лысенко и в результате попросил помощника сходить и позвать депутата. Помощник вышел из кабинета и отправился за своим шефом. Пока он нашел его у Севастьянова, пока уговаривал вернуться в кабинет и подойти к телефону, и прогремел взрыв. Вроде бы получалось, что кто-то хотел удостовериться, что Николай Лысенко находится в кабинете. А когда его там не оказалось, послал за ним. Но почему в таком случае злоумышленник привел взрывное устройство в действие, не дождавшись Лысенко? Случайный взрыв? В этой версии концы друг с другом явно не сходились.

А вот если там был использован замедлитель от парашюта, то все становилось на свои места. Лысенко выходит из своего кабинета, убеждается, что рядом с дверью никого нет. Еще минутку сидит на диване. Потом идет к Севастьянову в конец коридора. Кто-то подает знак сообщнику за пределами Думы: "Можно звонить!". Знак подает либо сам Лысенко, либо его помощник. Сообщник звонит в кабинет к Лысенко и просит позвать его к телефону. Помощник кладет трубку на стол, включает замедлитель от парашюта, кладет атташе-кейс с гранатами в ящик стола и выходит в коридор к Севастьянову, якобы чтобы позвать депутата к телефону. Через тридцать секунд замедлитель выдергивает чеку и происходит взрыв. Лысенко и помощника рядом нет, в коридоре тоже никого нет. А если бы был, то помощник должен был бы его отвести от двери, вот и все. Понятно, что если Лысенко и его помощник ссылались на такой звонок, то тот действительно имел место. Значит, была и запись этого звонка. Другое дело, что обвинение не могло ее предъявить на следствии и в суде, так как прослушивать телефонные переговоры депутата запрещено законом. Однако в любом случае такой звонок был ключевым доказательством в пользу невиновности Лысенко. Но тут было одно "но"...

Дело в том, что за некоторое время до взрыва я сообщил Николаю Лысенко, что его служебный телефон прослушивался. Так что, зная этот факт, Лысенко вполне мог воспользоваться этой информацией и сам организовать подобный звонок, способный послужить хорошим доказательством в пользу его версии. И в пользу его невиновности!

Конкретно же произошло следующее. Всем было известно, что Лысенко в ходе одного из пленарных заседаний Думы порвал украинский флаг. Так он пытался протестовать против слишком уж уступчивого российского политического курса в отношении Украины. Скандал получился впечатляющий. Встал вопрос о том, чтобы проголосовать и лишить Лысенко депутатского иммунитета, а потом и вовсе отдать его под суд. Вопрос об иммунитете обсуждался в кабинете у Севастьянова, который возглавлял мандатную комиссию, причем обсуждение шло в моем присутствии. И вот в ходе этого обсуждения Севастьянов честно сказал, что к нему в свое время обратился один человек из спецслужб с предупреждением, что Лысенко готовит какую-то провокацию против Украины. Это предупреждение было сделано за три дня до пресловутого разрывания украинского флага.

Мне стало ясно, что у Лысенко имела место "утечка" конфиденциальной информации о его политических планах. Искушение было слишком велико. Тем более что никаких обязательств перед российскими спецслужбами по части Лысенко я не имел. Более того, и в самих-то этих спецслужбах одна часть сотрудников подыгрывала демократам и либералам, а другая – националистам и патриотам. Поэтому я счел, что совесть моя чиста, и напрямик направился в кабинет к Николаю Лысенко.

Лысенко был там не один. С ним сидели его ближайшие помощники и помощницы, всего четыре человека.

– Я хотел бы с вами побеседовать наедине, Николай Николаевич. Есть один деликатный вопрос.

– У меня нет секретов от моих помощников!– отрезал Лысенко, что было очень в его духе.

– Вопрос касается "утечки" информации.

– Говори тут, у меня полное доверие, этим людям я доверяю как самому себе!

"Ну, хорошо!– подумал тогда я. – Только потом не жалуйся, что тебя не предупредили!".

– Николай Николаевич, спецслужбы заранее, еще за три дня знали о том, что вы собираетесь рвать украинский флаг.

В комнате повисло тягостное молчание. Нужно было видеть вытянувшиеся морды самого Лысенко и его помощников! Получалось, что кто-то из этих помощников – предатель. Молчание всё тянулось, а я, будем тут честными, довольно-таки злорадно подумал: "Надо было соглашаться беседовать с глазу на глаз, а не ломаться как девка!".

Наконец, Лысенко нашёлся: "Да я же как раз за три дня звонил по телефону своей помощнице и просил купить два куска ткани соответствующих цветов!". Помощники облегчённо вздохнули. А сам Лысенко, судя по всему, очень хорошо запомнил, какой у него ненадёжный телефон, и решил использовать это обстоятельство в свою пользу.

Есть в истории со взрывом и ещё несколько интересных обстоятельств. Как мы уже упоминали, Лысенко, если бы взрыв организовал он сам, скорее всего, попытался бы не допустить жертв среди случайных людей. Но если так, то было необходимо почти до последнего момента сидеть в коридоре и ждать, чтобы никто не подошёл. Но именно это и имело место! Лысенко именно так и сидел в коридоре. И я чуть-чуть к нему не подошел.

А вот еще одно обстоятельство: зайти в кабинет к депутату с портфелем в руках и незаметно засунуть его в тумбу у стола – непростое дело. Во-первых, могут заметить, что человек вошёл в комнату с портфелем, а вышел уже без него. А наказание за риск крайне велико – терроризм! Кто же на такое отважится?! Кроме того, надо было ещё открыть тумбочку и запихнуть туда этот

злополучный портфель, да так, чтобы никто из присутствующих этого не заметил. Не очень-то это просто.

Может быть, портфель засунули, когда в комнате вообще никого не было? Открыли дверь и залезли? Тоже не самый легкий вариант. Замки на дверях стояли сложные, иностранные. Такие можно открыть только с использованием специальных средств. Более того, в соседних кабинетах все друг друга знают. Увидят незнакомое лицо – запомнят. А в Думу можно зайти только по пропуску. Значит, возможно опознание.

Ну не ночью же мог кто-то залезть в кабинет?! В Думе специальный режим: ходит охрана, проверяет двери. Только если террорист сам действует с санкции очень высокого руководства. Что ж, такой вариант в лихие девяностые тоже не исключался. Тем более что и занести гранаты в здание Думы было непросто: на входах металлоискатели. Значит, либо депутат, либо человек, которого не досматривают, либо сотрудник охраны.

Однако ночное подкладывание портфеля было явно невероятной версией. Взрыв произошел после обеда. Значит, Лысенко или его помощники могли открыть ящик в этой тумбе и увидеть незнакомый портфель. Нет, такое было совершенно невозможно! Только не ночью!

Таким образом, я рассматриваю в качестве реальных только две версии взрыва у Лысенко. Либо сам себя взорвал. Либо покушение было организовано на очень высоком профессиональном уровне. Вторая версия, скорее, теоретическая, но и она имеет какое-то право на существование. В случае политического покушения убивать Лысенко как раз было нельзя. Тогда более активно искали бы настоящего террориста. И возник бы образ мученика, погибшего за идею. А вот имитировать покушение, бросить тень на Лысенко, вывести его из политической игры – в этом еще был какой-то смысл. Но зачем такие сложности с покушением в здании Думы? Ударили бы молотком по голове в переулке и свалили бы все на хулиганов!

Торговец детьми

Неприятные истории приключались в комитете не только с депутатами. История с пресс-секретарем Лукина Витей Паршуткиным была особого свойства, и мы о ней расскажем поподробнее. Вида этот Паршуткин был необычного: росточком под метр шестьдесят, подвижный и очень общительный. Внешне Витя запросто мог сойти за завсегдатая гей-клуба. Во всяком случае, его вид и поведение невольно наталкивали на подобную мысль.

Виктор не просто организовывал пресс-конференции Лукина. Мало кто знал, что Паршуткин также служил связующим звеном между Лукиным и Коржаковым. У Коржакова тоже был свой пресс-секретарь, эдакий красавец с бородой, звали его Андрей Олегов. Вот этот тип нередко заглядывал в Думу в гости к Паршуткину. Они вдвоем крепко выпивали, а заодно решали всякие важные государственные дела.

Но какая пьянка на двоих! А тут рядом вдруг оказался Володя Трофимов, который нередко задерживался после работы в своем

кабинете. И в конце концов "сладкая парочка" перекочевала ко мне в кабинет. Сформировалась классическая компания "на троих".

У меня, понятное дело, имелось и свое спиртное. Но ребята не мелочились. Бородатый как-то появился в Думу с бутылкой водки огромного размера, кажется, литров на семь, а то и все десять. Вместо крышки у бутылки был установлен небольшой насос. Нажимаешь, и грамм пятьдесят – твои! В конце концов бутылка так и осела в моем кабинете и длительное время являлась источником живительной влаги не только для трех заговорщиков, но и для уже упомянутого в этой книге Шурика Одинцова, другого крупного разведчика и диверсанта. Шурик, сам того не подозревая, регулярно пил у меня "коржаковскую" водку.

Нельзя сказать, что бородатый и Паршуткин обсуждали при мне какие-то особые тайны. Политические вопросы, конечно, обсуждали, но самые критические – как правило, нет. Хотя было понятно, что Коржаков через своего бородатого пресс-секретаря пытался не столько наладить политические контакты в Думе, сколько нащупать тут слабые места. Ведь не будем забывать, что то была "красная" Дума, очень даже оппозиционная Ельцину. В конце концов, дело в этой Думе могло дойти и до импичмента. Более того, в один прекрасный момент и дошло! Дума тогда до решения об импичменте, для которого нужно было иметь 300 голосов, не добрала совсем немного - полтора с небольшим десятка.

Коржаков как человек военный мыслил довольно-таки прямолинейно. Одним из вариантов был разгон Думы под предлогом ее минирования. Видимо, тут у Коржакова из головы не шел известный исторический эпизод, когда Учредительное собрание было разогнано матросом, который выдвинул единственный, но железный аргумент: "Караул устал!". А может быть, Коржакову была известна такая историческая фигура, как Гай Фокс.

Кстати, что-то в том же духе в свое время планировалось охраной Ельцина и для разгона съезда народных депутатов. В этих целях в помещение в Кремле, где заседал съезд, были завезены баллоны с каким-то едким газом. Этот план так и не был реализован. Но сам Коржаков впоследствии не стал отрицать, что он задумывал что-то подобное.

Вот и тут прорабатывались варианты, которые начинались изгнанием депутатов из здания Госдумы. Тем самым они в глазах населения должны были как бы лишиться легитимности. А потом с ними можно было проделать какие-то дополнительные манипуляции, в зависимости от их поведения. Например, окончательно скомпрометировать и назначить новые выборы.

В общем, все эти попойки и ночные разговоры бородача Андриюши Олегова, Паршуткина и Володи Трофимова кончились довольно плохо. Когда политическая обстановка в Думе из-за ельцинских выкрутасов особо накалилась, откуда ни возьмись образовался анонимный звонок о заложенной в здании бомбе. Однако разгона Думы не получилось. А получилась довольно-таки тщательное разбирательство. В результате этого разбирательства выяснилось, что звонок был сделан с телефона из здания самой Думы. Причем не просто из Думы, а прямо с телефона, которым пользовался не кто иной, как наш Витя Паршуткин.

Витю взяли за грудки и потребовали объяснений. Но у того была подстраховка, он в момент звонка находился в здании вместе с малолетним племянником. На этого малолетку Витя и свалил злополучный звонок. Несовершеннолетних у нас в тюрьму не сажают, поэтому по линии уголовного кодекса никаких последствий ни для кого не возникло.

Но возник скандал. Одно дело поддерживать на всякий случай связи со всесильным Коржаковым. И совсем другое дело – вляпаться, пусть даже косвенно, в подготовку чуть ли не очередного силового разгона парламента, то есть, по сути, еще одного государственного переворота. Владимиру Лукину всего

этого было совсем не надо. В результате бородатый пресс-секретарь Коржакова вдруг куда-то тихо испарился. А Витя некоторое время имел бледный вид и, проходя по Думе, здоровался со всеми, против обыкновения, особо осторожно и даже заискивающе.

Зачем надо было звонить прямо из кабинета? Неужели нельзя было позвонить из телефона-автомата? Конечно, мне никто деталей этой операции не сообщал. Но было понятно, что племянник возник не случайно, а именно для подстраховки. То есть было необходимо бросить тень именно на Думу и ее обитателей. Возможно, в результате этого звонка в Думе действительно могли быть "найжены" взрывчатые вещества или оружие. Тогда депутатов можно было обвинить в подготовке заговора против Ельцина. Мол, пользовались иммунитетом и создали склад с оружием для штурма Кремля прямо под боком у президента.

Уж как-то так получилось, а только паршуткинские зловключения на этом не закончились, а, наоборот, только начались (Ох, нельзя лишний раз попадаться на глаза спецслужб!). В один прекрасный день он не вышел на работу. Как выяснилось, его арестовали и предъявили обвинение в торговле детьми. Я через какое-то время получил возможность детально ознакомиться с сутью предъявленных Вите претензий. Тут было чему удивиться!

На самом деле Витя Паршуткин никакой торговлей детьми и не думал заниматься. Он помогал американским семьям усыновлять российских сирот. Американцы за эти услуги платили довольно щедро – до сорока тысяч долларов за ребенка. Это в середине-то девяностых! Тогда за такую сумму вполне можно было купить приличную квартиру.

Усыновление шло исключительно туго. Ключевая проблема заключалась в том, что российские федеральные органы не давали на такое усыновление своего разрешения. Может, вымогали деньги. А может, просто упрямылись. Витя нашел простой и одновременно гениальный способ, как их обойти. Он

оспаривал отказ этих органов в суде. И суд выносил решение о незаконности отказа. Получалось, что все формальности были соблюдены и ребенок в результате уезжал за океан.

Следственные органы записали довольно-таки вольные переговоры Паршуткина с судьей. Было ясно, что они находились в неформальных отношениях. Но неформальные отношения к делу не пришьешь, это ведь не взятка! Непосредственно на взятке ни судью, ни Витю не поймали, хотя не исключено, что какие-то деньги тут меняли хозяев. Но почему-то без этого ключевого доказательства дело тоже не прикрыли. А как раз наоборот – возбудили. Причем инкриминировали ни много ни мало, а аж торговлю детьми.

Паршуткин честно отсидел в Бутырке целых три года. За это время он имел возможность почувствовать на своей шкуре все прелести репрессивной машины следствия: от пресс-хаты до тяжелых, продолжительных болезней, очень похожих на отравления каким-то химикатом.

В конце концов, Витю из тюрьмы выпустили без какого-либо суда. Никакую торговлю детьми следствие по понятным причинам так и не смогло доказать. Перед ним, конечно, извинились и даже выплатили компенсацию. Но кому нужны извинения за три года жизни?!

Выйдя на волю, Витя сошелся с девушкой, отсидевшей, как и он, некоторый срок в тюрьме. И вдвоем бывшие зек и зечка решили заняться адвокатской деятельностью, благо, что теперь Паршуткин не понаслышке был знаком с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Девушка была достаточно симпатичная, хотя не в меру пугливая, видимо, сказывался негативный жизненный опыт, приобретенный в неволе. В качестве адвокатского кабинета эта парочка решила использовать квартиру девушки вблизи метро "Выхино", где я время от времени и общался со своим бывшим коллегой по Думе.

В один прекрасный день Виктор решил взяться за дело одного своего бывшего сокамерника. Как только он получил

статус адвоката, напрямик направился в Бутырку. Бывший сокамерник не возражал: "Попробуй, если ты такой умный, у других адвокатов пока ничего не получилось!". Статья уголовного кодекса была тяжелая, можно было претендовать на суд присяжных. Что Паршуткин и организовал, полагая, что своим красноречием убедит хоть кого.

Первую коллегию присяжных после нескольких судебных заседаний расформировали. Прокуратура заметила предварительную реакцию присяжных и поняла, что дело идет к оправданию. В результате к Паршуткину придрались, что он якобы давит на присяжных. В вину ему поставили эпизод, когда Витя на выходе из здания суда перебросился с одним из присяжных парой слов. За ним внимательно следили, эпизод зафиксировали и коллегию присяжных тут же и распустили.

Но и новая коллегия присяжных не спасла прокуратуру. Паршуткин блистал красноречием лучше, чем в голливудских фильмах про американское правосудие. Присяжные сидели и слушали его с открытыми ртами. В результате после окончания судебного следствия присяжные единогласно вынесли вердикт: "Невиновен!". А через такое решение не может переступить даже самый ангажированный судья. В результате паршуткинскому подзащитному был вынесен оправдательный приговор, и он упорхнул из клетки на волю прямо из зала суда. Казалось бы, в этом деле можно было поставить точку. Но не тут-то было! Через несколько дней бывшие присяжные собрались в ресторане "Прага" на попойку. Был там и Паршуткин. Вдруг в зале, где они так славно выпивали и закусывали, распахнулась дверь и в помещение вошли люди с видеокамерой. Вся съемка длилась считанные секунды. Затем самозванные операторы сказали, что ошиблись залом и растворились в сигаретном тумане ресторана.

Наверное, действительно эту попойку в ресторане организовал Витя. Но он был стреляный воробей. Его даже на заложенной в Думе бомбе не поймали! Поэтому и в данном случае ресторан был заказан не на его имя. Никаких

формальных концов! Мало ли кто с кем и где пьет горькую! Однако никакие нормы законов уже не могли спасти бывшего пресс-секретаря Лукина. Против него опять возбудили уголовное дело, на этот раз обвинив в подкупе присяжных. Не помогли никакие аргументы: ни то, что суд уже закончился, а пьянка после вынесения приговора никак не доказывала, что имел место сговор в ходе судебного следствия. Нет такой нормы закона, которая запрещает присяжному заседателю пить водку с адвокатом подсудимого после окончания суда и тем более после вынесения оправдательного приговора. Одно дело неформально общаться с присяжными в ходе суда, и совсем другое дело, когда суд уже окончился.

В общем, с Вити взяли подписку о невыезде, что говорило о серьезных намерениях следователя. И тут Витино терпение кончилось. Он понял, что с некоторых пор Родина по какой-то причине решила напрочь отвергнуть своего сына и внесла его в черный список. Если он останется, то хорошо не кончит, опять годы в тюрьме, а потом: "Извините, мы не нашли в ваших действиях состава уголовного преступления!". Короче, Паршуткин решил больше не испытывать судьбу, а просто бросил все и удрал куда глаза глядят, но предусмотрительно за пределы Российской Федерации.

Потом Витя вернулся, опять занялся адвокатской практикой, вел дела с политическим оттенком. И скоропостижно скончался в возрасте 57 лет.

А ведь все так хорошо начиналось: Дума, Лукин, Коржаков, международные дела, Америка! Нет, что-то в этом Комитете по международным делам определенно было не то! Тут явно заправляли какие-то дьявольские силы, которые так и норовили затеять смертельную игру с попавшими им под руку несчастными людьми.

Китаец и китаец

В довершение нужно кратко упомянуть еще пару эпизодов о "нехорошем" комитете. Работал там китаец. Он был женат на русской, но не порывал связей с Китаем. Звали его Ше Мидон, и был он помощником самого Лукина. Как это получилось, было неизвестно, видимо, Владимир Петрович понимал, что неразумно держать все яйца в одной корзине. С Америкой хорошо дружить, но лучше и про Китай не забывать!

Этот китаец, очень доброжелательный и аккуратный, занимался тем, что укреплял российско-китайские отношения. Может, кто и назовет такого персонажа агентом влияния, тут дело вкуса. Я с Ше Мидоном сотрудничал довольно тесно и как мог ему помогал. Дружба с Китаем могла сыграть роль определенного противовеса западным странам, явно стремившимся прибрать Россию к рукам. Никакой шпионской информацией я ни Ше Мидона, ни других китайцев не снабжал. Но активно помогал этому помощнику Лукина в его соответствующих начинаниях, это надо тут признать без каких-либо оговорок.

До какого-то момента все было хорошо, Ше Мидон старался изо всех сил, при этом не скрывал, что поддерживал теснейшие контакты с посольством Китая в Москве. Я пару раз посещал это

заведение по случаю национальных китайских праздников и в полной мере оценил гостеприимство хозяев. Пельмени, которые лепило все посольство, были превосходные. А если их запить водкой "Маотай", то и вовсе все становилось замечательным. Там Ше Мидон познакомил меня со своим куратором в посольстве, молодым хорошо одетым человеком. Тот эдак особо проницательно и оценивающе на меня глянул, а потом состоялась непродолжительная беседа, после которой стало ясно, чем именно этот товарищ занимался в служебное время. Впрочем, будем иметь в виду, что это мои чисто субъективные оценки, которые не подтверждены никакими конкретными фактами.

Деятельность Ше Мидона, однако, вскоре закончилась. И в качестве помощника, и вообще закончилась. У него вдруг обнаружилось заболевание крови, которое вскоре привело к безвременной кончине. Когда Ше Мидон понял, что у него возникли проблемы, то зашел ко мне и довольно-таки откровенно побеседовал. Можно даже считать, что это было прощание. Китаец не сомневался, по какой такой причине он вдруг подцепил свою болезнь.

Однако у меня в аппарате комитета работал еще один китаист. Точнее, китаистка. Звали ее Натальей Новгородской, и она хорошо владела китайским языком. Уж так складывались дела, что Китаем она в Комитете по международным делам особо не занималась, все нити держал в своих руках уже упомянутый Ше Мидон. После его смерти я предложил Наташе взяться за это направление. А тут очень кстати вдруг образовалась служебная командировка в Китай. Понятное дело, я отправил туда именно Новгородскую: "Осмотришься, наладишь нужные контакты, познакомься с заинтересованными людьми!".

Наташа, вернувшись из командировки, заявила ко мне в кабинет вся такая сияющая и вкратце изложила итоги поездки. В результате я счел, что будущее у Новгородской будет впредь содержательным и интересным. При этом Наташа не считала, что чем-то рискует. Оно и неудивительно, ведь она собиралась

работать по китайской теме как сотрудник парламентского комитета. А я, сказать честно, после истории с Ше Мидоном уж даже и не знал, насколько это безопасное дело. Но понапрасну пугать Наташу не стал. В конце концов, Новгородская была взрослым человеком и сама могла решить, чем именно ей нужно заниматься, а чем – нет.

Однако, к сожалению, Наташина работа длилась совсем недолго. Она вскоре заболела примерно тем же, чем и Ше Мидон, и довольно быстро покинула этот мир. Китайское направление вновь осталось в Комитете по международным делам без присмотра.

Вот такой тогда был этот самый Комитет по международным делам. В нем, кстати, плохо кончил еще и депутат Хачилаев. Но эта история заслуживает изложения в отдельной главе. А потом "красная" Дума утратила свою красную (или, скорее, розовую) окраску и превратилась в своеобразное продолжение кремлевской администрации. Неудивительно, что в результате комитет тоже утратил свои злополучные качества и стал обоснованно слыть комфортным и уважаемым местом.

Глава 5. Казахстан. Ядерное оружие

Специалисты новой волны

*Ш*ел 1992 год, только что развалился Советский Союз. МИД СССР превратился в МИД России. Сотрудники министерства, конечно, никуда не делись, но им пришлось существенно потесниться. На дипломатическую службу пришли новые кадры. Это были люди из всевозможных научных институтов, а то и просто активисты "народных протестов". Нельзя сказать, что они были сплошь какими-то особыми либералами или почитателями Запада. Но, конечно же, они не были профессионалами и нередко придерживались романтических взглядов на "дружбу народов", демократию, права человека и вообще на западные "ценности". Здорового цинизма и прагматизма им явно не хватало.

Все бы ничего, мало ли кого раньше брали на работу в МИД! Но на этот раз у вновь пришедших имелись как бы революционные заслуги. Что-то вроде революционного прошлого балтийских матросов. В результате их не просто приняли на работу, а назначили на руководящие должности. И я из заслуженного опытного работника враз превратился в "малоопытного" дипломата, которого надо было постоянно поучать и поправлять. В качестве "учителя" ко мне приставили молодого парня новой демократической волны. К международным делам он до этого имел довольно скромное отношение, а тут вдруг стал заведующим отделом в международно-правовом управлении министерства (до этой должности в Советском Союзе не все дипломаты успевали дорасти до пенсии!) и получил в качестве подчиненного именно меня.

Судя по всему, для солидности этот тип отрастил огромную черную окладистую бороду, которая должна была, видимо, подчеркивать свободу его взглядов, а также символизировать глубокие научные познания. Это была новая мода среди дипломатов. Раньше даже усы считались некоторым отступлением от стандарта. А теперь нормой стала борода в духе таежного старовера.

Я стоически отнесся к таким превратностям судьбы. Только что я защитил докторскую диссертацию и сам мог кого хочешь научить международному праву, а заодно и дипломатической практике. Но я не участвовал в "тусовках" тех лиц, кто вольно или невольно, но помогал Горбачеву и его друзьям уничтожать государство, следовательно, имел серьезное пятно в биографии. Поэтому мне ничего не оставалось, как терпеть, когда бородатый тип, еще вчера оравший на митингах либералов, теперь весело чиркал авторучкой по подготовленным мной проектам: "Это надо переделать! Так не пойдет!". Ничего не поделаешь – революция! А революция не всегда обходится без революционных матросов.

Понятно, что вся эта новая демократическая шатия-братия тут же отстранила старые кадры от участия в каких-либо переговорах с западными странами. Видимо, основным критерием была политическая незрелость. Впрочем, не исключено, что на самом деле решающим фактором было то, что командировки на Запад оплачивались свободно конвертируемой валютой.

"Невыгодная" командировка

Однако дел в стране было много, особенно с бывшими республиками СССР. Командировочные туда были совсем жалкие, никакой свободно конвертируемой валюты, в общем, еле-еле хватало на еду. Но кто-то все равно должен был участвовать в переговорах по линии МИДа, чтобы хоть что-то подсказывать по части международных отношений и

международного права. В результате на одно из таких мероприятий отрядили именно меня. Нечего ездить по Европам и Америкам! Надо поработать и на новую власть, да не за деньги, а за совесть! Отправляйся-ка ты, дружок, в Казахстан, в Алма-Ату!

Я и не возражал. Такая командировка хоть на время освобождала меня от руководящих указаний бородача. К тому же новая власть мало заботилась о каких-то там директивах или указаниях на переговоры. Новые руководители подчас просто не слышали про такое. В результате участники переговоров были довольно свободны в своей позиции и руководствовались, как бы смешно это ни звучало, именно революционным правосознанием.

Новым кремлевским обитателям это самое революционное правосознание подсказывало, что все новые страны СНГ должны были вести себя смиренно и слушаться Дядю Сэма беспрекословно. А как же иначе?! Что прикажут в Вашингтоне, то и должно быть законом для неразумных туземцев, которых теперь будут обучать настоящей демократии! В соответствии с этим правосознанием предполагалось как само собой разумеющееся, что Украина и Казахстан на тарелочке вернут России все ядерное оружие, которое оставалось на их территории. Поэтому была, в частности, сформирована делегация Минобороны России, которую возглавляли военнослужащие более чем среднего звена. Они должны были согласовать с казахами текст соответствующего соглашения, предусматривающего процедуры возврата оружия. В мою задачу входило давать советы, чтобы это соглашение соответствовало нормам международного права.

Поскольку Ельцин и пришедшие вместе с ним к власти люди даже и мысли не допускали, что вновь возникшие государства будут претендовать на какую-то свою самостоятельную линию, изначально предполагалось, что никакого особого соглашения о выводе ядерного оружия не требуется. А будет соглашение, в котором должны быть урегулированы процедуры возврата

вообще всех видов оружия: танков, пушек, снарядов, патронов. И через запятую – ядерного оружия!

Делегация состояла целиком из военных. От всего министерства иностранных дел был только ваш покорный слуга. Да и зачем еще кого-то выделять? Вопрос-то пустячный: всего ничего, просто добиться того, чтобы Казахстан не превратился в ядерное государство и добровольно отдал ядерное оружие! По мнению новых руководителей российской дипломатии, для решения такой задачи было достаточно и одного дипломата среднего звена.

Как выяснилось, представители Генштаба все-таки приготвилились к переговорам, при этом пошли на определенную хитрость: приехали к казахам не со своим проектом договора, а с текстом договора, который им уже удалось согласовать с белорусами.

Хитрость заключалась в том, что наши вояки ссылались на договор как на прецедент: "Вот, видите, такой же договор подписали белорусы, и ничего, все в порядке!". На самом деле состав вооружений, выводимых с территории Белоруссии, был совсем иной, но затея генштабистов, в общем, срабатывала. Казахи слушали их незатейливые аргументы, хмурили брови, но, тем не менее, на что-то соглашались. Им и в голову не приходило, что в этой ситуации было бы неплохо положить на стол свой собственный вариант такого договора.

Переговоры шли на уровне казахстанского генштаба, хотя формально делегацию Казахстана возглавлял министр обороны. Я особо в эти специфические разговоры военных двух стран не лез. Еще вчера они были военнослужащими одного государства, а теперь оказались по разные стороны баррикад. Но в головах все еще оставалась какая-то связь. Поэтому разговор шел, скорее, в ключе еще недавних сослуживцев, а не суверенных представителей.

Бамба

Наконец дошла очередь и до ядерного оружия. И тут вдруг казахи как бы дрогнули. Они не то чтобы выступили против его возврата, но как-то замешкались, стали сомневаться, возиться, оглядываться по поводу формулировок в тексте договора.

Я насторожился. Вопрос был вовсе даже не пустячный. Хотя у российской делегации не было никаких директив на эти переговоры, тем не менее, было понятно, что формальной линией России были возврат ядерного оружия и недопущение возникновения у Казахстана статуса ядерной державы. Во многом именно с этой целью российская делегация и приехала в Алма-Ату.

Однако тут, честно сказать, я придерживался своего собственного взгляда на проблему ядерного оружия. Моя точка зрения совершенно точно противоречила позиции моего собственного государства. Тут мне надо было решать: отстаивать официальную линию России или заняться, по сути, ее саботажем.

Вообще-то, темой моей докторской диссертации была как раз международная безопасность, и уж кто-кто, а я-то точно был хорошо знаком со всеми нюансами политической кухни США в вопросе о ядерном оружии. В частности, мне было хорошо известно, что для американцев нераспространение ядерного оружия всегда являлось одним из центральных приоритетов. Почему так? Наверное, причины надо искать в основах американской внешней политики. Она, эта политика, у американцев опирается на силу, на вмешательство во внутренние дела других стран. Не зря эту политику подчас называют политикой канонерок. Она предполагает, что страна, подвергшаяся американской агрессии, не сможет дать отпор. Если будет отпор, то какая же это политика силы? Тогда с помощью силы не удастся добиться никаких результатов. Тогда теряет смысл сама ставка на силу.

Понятно, что при такой внешней политике Соединенные Штаты Америки очень хотят, чтобы в мире было как можно меньше стран, которые владеют ядерным оружием. Страна с ядерным оружием может дать сдачи. Во многом именно поэтому США и считают важнейшим приоритетом своей внешней политики нераспространение ядерного оружия.

Конечно, кто-то тут может возразить, что американцы борются за мир во всем мире, за стабильность и процветание, за демократию и права человека, и именно поэтому выступают против распространения ядерного оружия. Не будем спорить с такой точкой зрения. Но, тем не менее, факт остается фактом: США прилагают немалые усилия, чтобы ядерное оружие не попадало в руки новых государств.

Никто также не будет спорить, что длительное время государственная политика США была направлена на расчленение СССР, на раскол Советского Союза на несколько частей. Конечно, развал СССР во многом на совести отечественных политиков. Но и американцы уж точно приложили к этому руку.

Понятное дело, что распад СССР не был конечной точкой внешней политики американцев. Процесс должен был пойти и дальше. Тут, в сущности, не было никакой тайны. Кто интересовался этим вопросом, тот знает, что дальше Россия должна была распасться на еще несколько частей поменьше. Например, на пятнадцать.

Конечно, как опытный дипломат и вообще специалист высокого класса я хорошо знал все эти тонкости и нюансы и с кем-то из коллег такие проблемы обсуждал. Но точно уж не с теми людьми, которые пришли в МИД на волне развала СССР и которые меня сюда послали.

Точно так же мне было ясно, что американцы сделают паузу и пока не будут стимулировать процессы распада России именно из-за проблемы распространения ядерного оружия, да и вообще оружия массового уничтожения, химического, бактериологического. Сначала американцы хотели взять это

оружие под контроль, сократить его, локализовать до определенного ограниченного количества военных складов. А уж потом разваливать Россию дальше!

Как разваливать? Так же, как и СССР: признать независимость Чечни, Уральской республики, отдельных национальных республик. И вслед за Америкой таким признанием занялись бы все американские союзники и сателлиты, европейские государства. Конечно же, дальнейший развал России был тогда вполне осязаемой реальностью! Но у этой реальности существовало естественное препятствие в виде оружия массового уничтожения. Пока такое оружие не было взято под американский контроль, до тех пор США не могли активно продвигать вопрос о дальнейшем расчленении России. Это признавалось даже публично, в ходе тех или иных интервью на высоком уровне, в этом нетрудно убедиться, если полистать подшивки старых американских газет того времени. Но кто тогда в России читал заграничную прессу?!

Однако если подходить с таких позиций, то тогда совсем не следовало форсировать ликвидацию ядерного оружия на Украине и в Казахстане! "Чем больше трудностей возникнет с этим ядерным оружием, тем существенней это затормозит процесс развала уже самой России!" – именно так я тогда и рассуждал, слушая сбивчивые аргументы казахстанских военных, вдруг засомневавшихся в соответствующих формулировках лежащего перед ними на столе проекта договора.

Конечно, такие мои мысли полностью шли вразрез с линией собственного государства, и озвучивать их было совсем небезопасно. Точно так же было небезопасно совершать какие-либо действия, которые могли быть истолкованы членами российской делегации как подрыв государственной политики по вопросу о ядерном оружии. Одно их слово в Москве по итогам переговоров – и моя судьба могла стать совсем незавидной. Если уж реализовывать свои замыслы (а речь шла о самом

настоящем саботаже), то мне надо было хорошо подумать об их форме.

Да, явно распад России как ядерного государства мог повлечь совсем иные последствия, чем распад, например Югославии или Чехословакии. Конечно, вопросы распространения ядерного оружия неоднократно обсуждались в рамках тех или иных международных переговоров, в которых мне приходилось принимать участие. В частности, нередко высказывалась такая точка зрения: Советскому Союзу (а потом и России) в любом случае невыгодно, чтобы кроме него возникали новые ядерные государства, тем более у его границ. А вдруг они решат применить ядерное оружие против СССР?

По моим меркам, эта логика страдала определенными пороками. Ни одно из близлежащих государств, особенно на юге, никогда не посмело бы нанести по России ядерный удар, хотя бы только по той простой причине, что это государство через час полностью сгорело бы от ответного ядерного удара. Но от таких государств можно получить ядерный отпор в том случае, если Россия первой решила бы применить против них силу, сама затеяла агрессивную войну.

Другое важное соображение, которым я руководствовался, было то, что распространение ядерного оружия уже невозможно было остановить, в лучшем случае его можно было немного затормозить. Хочет того Россия или нет, новые ядерные государства, скорее всего, все равно будут появляться. Ядерный джинн уже успел выскочить из бутылки. Индия и Пакистан – достаточно свежие тому примеры. А Израиль, КНДР? При этом сообразить, что дело пойдет именно так, а не иначе, советские руководители могли уже тогда, когда бомбой обзавелся Китай. Советский Союз, как мне казалось, да и сейчас кажется, только себе во вред препятствовал китайцам обзавестись собственными ядерными технологиями. И все равно не смог предотвратить неизбежное! В общем, я считал, что ядерное распространение все равно случится, рано или поздно. Другое дело, что не следует его искусственно форсировать.

Что касается Казахстана, то тут у меня были свои дополнительные соображения. Увидев, что казахстанская делегация заколебалась при упоминании ядерного оружия, я стал прикидывать. В любом варианте получалось, что ядерное оружие у казахов отберут. Но отбирать можно было по-разному. Могла отобрать Россия, испортив отношения со своим соседом. А можно было это бремя свалить, например на Америку. Вот пусть американские эмиссары и выбивают из непокорных казахов бомбу, шантажируя их всеми возможными способами. А Россия стояла бы в стороне, хотя бы внешне сохраняя нейтралитет.

Интеллектуал

В общем, когда стало ясно, что на ядерном вопросе переговоры забуксовали, казахи попросили сделать перерыв. А через некоторое время в составе их делегации появился новый участник. Это был казах средних лет, подтянутый, даже, пожалуй, спортивный. Лицо у него было узкое, достаточно красивое и, несомненно, интеллектуальное. Он, в отличие от всех других членов казахстанской делегации, был одет в гражданское – в темный костюм вполне изысканного покроя.

Казахи расселись по местам, но молчали, поглядывая на гражданского. Тот после некоторой паузы заговорил. И не то чтобы он прямо заявил о претензиях на ядерное оружие, но выразался в отличие от военных более определенно. У меня не осталось никаких сомнений: Казахстан собрался побороться за ядерное оружие!

Гражданский тем временем предлагал внести в текст те или иные поправки. Все они сводились к тому, что ядерное оружие без отдельного специального согласия Казахстана возврату в Российскую Федерацию не подлежало. Завязалась дискуссия. Наши военные пытались спорить, приводили те или иные аргументы. А казахи лишь послушно кивали головами, когда выступал этот их гражданский тип. Кто же он был такой?

Скорее всего, кто-то из ближайшего окружения президента страны. Делегацию Казахстана, между прочим, возглавлял сам министр обороны, который сидел тут же, за столом. Но он, пожалуй, кивал головой даже еще энергичнее своих подчиненных.

Я до поры до времени в дискуссию не влезал. Мои же коллеги по делегации распалялись, выдвигали все новые аргументы. А казахи продолжали сопротивляться достаточно упорно, пусть даже и неуклюже. Наконец я попросил слова. Все вопросительно уставились на меня. "Давайте сделаем перерыв минут на двадцать", – только и сказал я. По залу пробежал вздох облегчения. Все как по команде встали с мест и потянулись в соседнюю комнату, где были накрыты столы с кофе и чаем.

А я немного задержался. Притормозил и гражданский. Он без слов понял, зачем был нужен перерыв. Я подошел к нему, подождал, когда все выйдут из комнаты, и без обиняков изложил свою позицию. Я честно сказал, что линия моей страны – на вывод ядерного оружия из Казахстана. Но я лично с этим не согласен, поскольку полагаю, что угроза распространения ядерного оружия заставит американцев сильно притормозить с признанием независимости тех или иных частей России. Борьба Казахстана за ядерное оружие – это, по сути, борьба против дальнейшего расчленения России.

Дальше мое предложение сводилось к следующему: мы вписываем в текст договора формулу достаточно неопределенного содержания. В ней не будет прямо сказано об обязанности Казахстана отдать бомбу. Но из нее будет следовать, что для решения вопроса о выводе ядерного оружия нужно предварительно выполнить несколько условий. Условия будут технические и внешне достаточно справедливые. Но эти условия обязательно потребуют времени. Месяца два, не меньше. Если за это время казахи смогут зацепиться за бомбу, ну и молодцы. Не смогут, пусть не жалуется. А я со своей стороны обещаю, что по итогам этих переговоров никому в

Москве ничего не скажу про притязания Казахстана на ядерное оружие.

Казах слушал молча. При этом по его лицу время от времени пробегала как бы судорога. Было похоже, что этот человек привык, когда говорит он, а другие его только слушают. И ему было совсем неприятно выслушивать длинную речь от какого-то рядового российского дипломата. Но он, тем не менее, терпел, явно делая над собой существенное усилие. Когда я закончил, он скривил губы, но ничего не возразил, а просто пошел на свое место за столом.

Похоже, кто-то из казахов наблюдал издали за нашей беседой. Во всяком случае, тут же, хотя перерыв еще не закончился, из дверей показалась вся казахстанская делегация во главе с министром и довольно быстрым шагом проследовала за стол. Дождавшись, когда вернутся и военные из российского генштаба, я попросил слова и коротко предложил обсудить другие вопросы, пока я попытаюсь набросать компромиссное предложение по ядерному оружию. Если оно всем подойдет, то тогда вопрос будет решен.

Никто за столом спорить не стал, и дискуссия продолжилась по заключительным формулировкам российского проекта. Казахи и тут против чего-то возражали, но не очень настойчиво. Гражданский же сидел молча и разглядывал свои записи.

Минут через десять мой проект был готов. Я для начала показал свой листок главе российской делегации. Тот прочитал и пожал плечами, что, видимо, должно было означать: "Вам в МИДе виднее!". Листок пошел по рукам. Все вчитывались достаточно внимательно, но никаких возражений не высказывали. Наконец я зачитал свою формулировку казахам и передал им свой уже достаточно замусоленный листок. Его взял министр, вскользь глянул и тут же передал гражданскому. Тот вчитывался довольно долго. При этом кривил лицо так, как будто проглотил лимон. Наконец он ткнул пальцем в текст и предложил свою поправку.

Даже на слух было понятно, что поправка носила чисто редакционный, косметический характер. Она ничего не меняла в сути дела. Просто гражданский хотел продемонстрировать, что последнее слово тут в любом случае останется за ним. Не дожидаясь реакции других членов делегации, я кивнул в знак согласия, а потом уже посмотрел на своих коллег. Но те не возражали: кто пожал плечами, кто просто отвернулся. Они явно сваливали ответственность с себя на представителя МИДа. Вопрос-то политический! В результате формулировка была одобрена, и текст тут же был передан машинисткам.

Дальше переговоры и вовсе побежали без особых препятствий. Немного заспорили, как именно нужно в дальнейшем использовать полигон около Балхаша. Это было огромное пространство, сравнимое с территорией хорошей европейской страны. Российский генштаб просил, чтобы ему разрешили еще какое-то время проводить там свои испытания. Казахи немного артачились. В конце концов, карта полигона была разделена на несколько зон. Оставленные для России куски были просто огромными. Российские генштабисты почти неприкрыто ликовали.

Конечно, по формальным правилам я на этих переговорах должен был действовать иначе. Надо было немедленно, до окончания переговоров, известить Москву о том, что возникли проблемы с ядерным оружием. А уж там, несомненно, нашли бы способ быстро сломить сопротивление казахов. Скорее всего, ельцинские дружки тут же пожаловались бы американцам, а уж те не замедлили бы вытряхнуть из казахов всю душу.

Но я так не поступил, а вместо этого встал на скользкий путь саботажа. Более того, фактически сговорился с государством, интересы которого решительно расходились с формальными интересами России. Можно не сомневаться, что если бы я по приезду в Москву честно озвучил, что именно и, главное, зачем сделал в Алма-Ате, то без наказания дело бы не обошлось. Но мне и в голову, понятное дело, не пришло заниматься какими-либо признаниями перед кем бы то ни было. Перед кем? Перед

этими малограмотными деятелями новой волны, готовыми лизать американцам ботинки?

Непущенные склады

Любопытный эпизод произошел сразу после окончания переговоров. Все уже расслабились, заговорили на отвлеченные темы. Тут неожиданно казахский министр обороны заявил, что хочет обратиться к российской делегации с неформальной просьбой. Из его дальнейших слов стало ясно следующее: где-то в казахской степи имеется склад боеприпасов. Это устаревшие артиллерийские снаряды. То есть сами-то снаряды не устаревшие. Но устарел их калибр, теперь таких пушек не делают. Но снаряды приходилось охранять, тратить деньги, а толку от них – никакого. И министр попросил россиян забрать, вывезти этот склад на свою территорию. А сколько же там было этих злополучных снарядов? По словам министра, их там было "всего" двадцать одна тысяча вагонов! Мы с вами за маленькое пассажирское место в железнодорожном вагоне тратим чуть не половину своей пенсии. А тут двадцать одна тысяча таких вагонов! Какой колоссальный человеческий труд! И теперь он никому не был нужен, просто пошел прахом.

Российские генштабисты довольно вяло откликнулись на эту просьбу. Нет, они не отказывались, но так морщились и кривились, что издали было видно их нежелание связываться с вывозом этого склада. Забавно было то, что российские военные ничего не знали об этом складе, хотя в делегацию были специально включены эксперты по оружию и оборудованию, оставшимся на казахской территории. Видимо, доблестная Советская армия просто забыла про этот склад. Двадцать одна тысяча вагонов!

Увидев, что их сразу не послали куда подальше, казахи приободрились и обратились с еще одной просьбой. Как выяснилось, в другом месте вывоз похожих устаревших снарядов уже было начался, но потом его приостановили.

Снаряды были частично погружены в десяток-другой вагонов. Те, однако, после долгого стояния развалились от ветра, дождя и солнца, боеприпасы частично просто рассыпались по путям. Судя по словам министра, их вообще никто не охранял. Запас этих снарядов на этот раз составлял "всего" семь тысяч вагонов. Опять всеми забытый, выкинутый на свалку труд тысяч и тысяч людей.

Итог

Однако надо было собираться назад в Москву.

– А как мы будем с отчетом?– спросил меня руководитель делегации.

– Давайте поступим так. Вы там, если надо, отчитайтесь перед своим начальством в Генштабе. А я прилечу и набросаю общий отчет политического характера. Покажу его начальству. Если его одобряют, я подъеду к вам как к главе делегации прямо в Генштаб. Вам останется только поставить свою подпись. Вам ведь не отчет нужен, а согласованный текст договора?

На том и порешили. Конечно, я нагло хитрил, поскольку лучше других понимал ситуацию в Москве. Никто из новых начальников МИДа не думал о таких формальных процедурах дипломатической работы, как отчеты по итогам переговоров. Тем более что я ведь ездил не в Париж и не в Вашингтон, а в какую-то "захудалую" Алма-Ату. По разумению же новой власти, там по определению не могло быть важных вопросов.

Как я рассчитывал, так оно и получилось. Никто у меня никаких отчетов не попросил. Никто вообще не поинтересовался, что там в Казахстане обсуждали. Демократам и либералам тогда было не до того, они делили между собой должности и заграничные поездки. А тут "какой-то" Казахстан и его ядерный статус!

Конечно, через месяц с небольшим "вдруг" выяснилось, что казахи решили стать ядерной державой. А заодно и украинцы. Вот тут действительно поднялся большой шум. Журналисты и

политики наперебой критиковали Казахстан и Украину и расписывали, какие ужасные последствия может повлечь ядерная война. Наконец, с большими усилиями ядерное оружие у неразумных соседей удалось отнять. Я наблюдал за всей этой возней с плохо скрытым удовлетворением. Все получилось именно так, как я и рассчитывал. За прошедший после описываемых переговоров месяц казахи совсем вошли во вкус, вцепились в ядерное оружие как следует и стали всерьез рассчитывать на ядерный статус. Отнять у них бомбу стало действительно трудно. Американцам пришлось серьезно напрячься, чтобы добиться своего. И в Вашингтоне сделали логичный вывод, что лучше пока не спешить с дальнейшим развалом России, а предварительно договориться о сокращении и уничтожении ядерных арсеналов. А то не факт, что удастся отнять ядерное и прочее плохое оружие у новых государств, возникших на месте распавшейся России.

Самое забавное, что в американской прессе все эти вопросы дальнейшего развала России и предварительного уничтожения оружия массового уничтожения обсуждались довольно открыто. Видимо, предполагалось, что туземцы не догадаются ознакомиться с газетами, издаваемыми в другой стране и на чужом языке. В российской прессе, понятное дело, переводы подобных публикаций не появлялись.

Начались бесконечные переговоры с Ельциным о сокращении и ликвидации всех видов оружия массового уничтожения, как ядерного, так и химического и бактериологического. Что американцы не могли в России уничтожить, то они старались хотя бы загнать в ограниченное количество мест хранения. Вопросы были сложные, переговоры шли не очень быстро. А заключенные соглашения выполнялись с трудом. Более того, эти соглашения надо было еще предварительно ратифицировать. А тут, врать не стану, опять не обошлось без моего саботажа. Впрочем, это уже отдельная история.

Глава 6. Морское право

Комиссия

Дело было в конце восьмидесятых, тогда я работал вторым секретарем в договорно-правовом отделе МИД СССР. А если быть до конца точным, то даже не в самом отделе, а в так называемой межведомственной комиссии по морскому праву. Эта комиссия существовала как раз при договорно-правовом отделе министерства и была не пойми каким образованием: то ли временным, то ли постоянным, то ли частью МИДа, то ли чем-то самостоятельным.

Назначение комиссии заключалось в следующем: в 1982 году была принята Конвенция по морскому праву, которая достаточно подробно регулировала, как можно и как нельзя использовать Мировой океан и его ресурсы. При этом в Советском Союзе имелась целая куча министерств и ведомств, которые занимались использованием Мирового океана. Это были рыбаки, моряки, пограничники, геологи, ученые, военные и много кто еще. Вот для координации деятельности всех соответствующих министерств и была создана упомянутая комиссия. Время от времени, раз в пару месяцев, она собиралась, чтобы обсудить какой-то важный для всех вопрос, касавшийся морских дел.

А мне было поручено исполнять обязанности технического секретаря этой самой комиссии и организовывать ее текущую работу, то есть готовить повестку дня, приглашать экспертов, обобщать итоги обсуждения. Короче, я должен был делать все, а членам комиссии оставалось с важным видом рассуждать на те или иные морские темы.

Однако работа секретаря комиссии не ограничивалась заседаниями в Москве. Хоть Конвенция по морскому праву и была уже принята, некоторые вопросы еще не были до конца

решены. Например, еще не были созданы международный трибунал по морскому праву и международное предприятие по добыче минеральных ресурсов с морского дна. Это предприятие официально называлось так: Международный орган по морскому дну.

Для создания этих самых трибунала и органа надо было ездить за границу и участвовать в разных международных переговорах. Соответственно, из членов вышеупомянутой комиссии по морскому праву формировалась делегация, которая и каталась на все эти встречи и переговоры. В делегацию входили дипломаты, генералы, заместители министров, а также прочие всякие чиновники рангом поменьше из самых разных министерств и ведомств, всего около двадцати человек. А я должен был исполнять функции секретаря делегации, одновременно занимаясь переговорами по учреждению уже упомянутого трибунала.

Делегация в таком широком составе ездил за границу дважды в год, каждый раз сроком почти на месяц. Зимой надо было ехать на Ямайку, а летом – в Нью-Йорк. То есть по советским понятиям это была немисливо блатная работа. Тут платили приличные суточные, почти двадцать долларов в день. Целый месяц зимы можно было провести не в московской слякоти, а на Ямайке. А лето – в Нью-Йорке, городе, где продавалось несметное количество всяческого более или менее привлекательного барахла. Мало того я как секретарь делегации мог подбирать для поездок девушек-машинисток, шоферов и переводчиков. Я также распоряжался казенными деньгами, машинами, гостиницами, приемами, то есть был для членов делегации почти богом.

Плохой начальник

Казалось бы, мечта, а не жизнь. Ямайка – жемчужина Карибского моря, пляжи, коралловые рифы, коктейли, знойные дамы. А Нью-Йорк и подавно был местом, где можно было за

гроши купить что-то такое, про что в Москве еще и слыхом не слыхивали. Однако я был странной личностью и по какой-то причине чаще предпочитал сидеть на переговорах, нежели нежиться на пляже или шляться по магазинам. Впрочем, поехать на пляж очень хочется, когда тебя туда не пускают. А когда можешь получить этот пляж в неограниченном количестве, то не очень-то уже и надо...

Но бочка меда, как всегда, не могла обойтись без ложки дегтя. Главным зловредным элементом, который портил всю картину, был глава делегации посол Игорь Константинович Колосовский. Он был злодеем особого пошиба при этом и по внешнему виду был похож на что-то зловредное. Длинный, худой, весь такой извивающийся как змея. Глаза так и бегают. И видно, что он так и ищет, какую бы гадость тебе устроить. Ведь можно было организовать работу очень культурно: никого из делегации без нужды не беспокоить, а просто время от времени собираться всем вместе, обсуждать проблемы, вырабатывать решения, а в конце командировки сочинить соответствующий отчет, вот и все.

Собственно говоря, именно так подобные мероприятия обычно и проводятся. Члены делегации были люди ответственные и без этого существа, похожего на змею (точнее, на гадюку!), сами знали, в каких переговорах им надо участвовать и что там требуется говорить. Но не таков был этот самый Колосовский! Он требовал, чтобы отчеты составлялись не в конце командировки и даже не еженедельно. А ежедневно! В результате вся делегация сидела целый день на переговорах в разных рабочих группах, а потом до двух часов ночи сочиняла отчеты. Эти отчеты должны были лечь в основу главного отчета. Но, как правило, к концу срока командировки ситуация на переговорах полностью менялась, и то, что сочинялось в начале командировки или даже в середине, к окончанию переговоров шло прямиком в корзину.

Сочинение этих ежедневных отчетов, их перепечатка на машинке, постоянные правки и переделки – это был сущий ад!

Люди не спали, нельзя было отойти ни в магазин, ни просто погулять. Полночи я ходил по гостинице, колотил в двери и будил людей, раздавая им безумные задания Колосовского.

До меня еще пара моих коллег вызывалась ездить в качестве секретарей этой делегации. Казалось бы, командировка в хорошие места, валюта, магазины. Что еще нужно?! Но хлебнув Колосовского, оба наотрез отказались от этой работы. Не надо никаких командировок и валюты, только чтобы не видеть этого гнусного типа!

Впрочем, не исключено, что Колосовский своим зловредством невольно спасал делегацию от неприятностей. Дело в том, что командировки были уж слишком "жирные" по советским временам. Провести месяц зимой на Ямайке за казенный счет – это даже сейчас выглядит неплохо. А тогда, в восьмидесятые, это звучало просто запредельно. В результате у делегации могли появиться многочисленные завистники и злопыхатели, причем такие, которые вполне могли испортить

жизнь любому из членов делегации, не то, что какому-то там Володе Трофимову. А из-за Колосовского никто нам особо не завидовал. За Колосовским тянулась такая отрицательная слава, что многие крестились, что не работают с ним.

Паспорта

Мало того, на меня в этих зарубежных выездах в дополнение к выкрутасам Колосовского подчас сваливались такие "приключения", что впору было стать заикой. Например, как-то раз, когда очередная ямайская командировка подходила к концу, все члены делегации отправились к послу на прием, гулять и выпивать (тогда послом на Ямайке был Евгений Матвеевич Самотейкин, бывший референт Брежнева). А мне как секретарю пришлось поехать в аэропорт готовить отъезд всей нашей компании. Конечно, было немного неприятно ощущать себя черной костью. С другой стороны, мне уже окончательно опостытели все эти морды из делегации и посольства.

Вместе со мной в аэропорт поехал и член делегации Владимир Фесенко, представитель Белоруссии, что-то он там хотел докупить в местном магазине. Фесенко не сел в мою машину, а приехал на своей, но попозже. И как только он прибыл в аэропорт, так сразу же кинулся искать мою персону, поскольку у меня была казенная валюта, а также паспорта. И то и другое было необходимо для банка и магазинов. К тому же к концу командировки иногда получалась небольшая экономия по представительским деньгам, которая распределялась по членам делегации. А паспорт был нужен, чтобы получить в магазине аэропорта соответствующую скидку, точнее, возврат пошлины или налога.

Как раз в это время я зашел в общий зал и прикидывал, какая там обстановка. Впрочем, до отлета была куча времени, регистрация даже и близко еще не начиналась. Зал был большой, он кишмя кишел местными негритосами, туристами со всей Америки, грузчиками, сотрудниками аэропорта. В общем,

настоящая гремучая смесь, сочетание всего самого плохого и неприятного. Местные негры орали, куда-то перли свои пожитки, так и норовили кого-нибудь оттолкнуть и обматерить. Впрочем, и американские туристы от них не очень отставали.

- Владимир Николаевич! Вот вы где! А я вас искал в VIP-зале! Не у вас ли мой паспорт? Где мой паспорт? Отдайте мне мой паспорт! – издав далеко истощающе заверещал Фесенко, как только меня увидел. Фесенко вел себя спокойно и безразлично только на переговорах, где речь шла об интересах государства. А вот когда дело доходило до собственной валюты и покупок, тут нервы у него подчас сдавали.

Я отошел к краю зала, присел на корточки лицом к стене и залез в свой атташе-кейс, где лежали все билеты, казенные деньги и паспорта членов делегации: "Сейчас отдам паспорт, не надо так нервничать!". И тут меня вдруг неожиданно кто-то сильно толкнул в спину! Паспорта, билеты и все остальное содержимое кейса полетело на пол. Я даже не попытался рассмотреть, кто именно меня пнул, а бросился грудью на рассыпавшиеся документы и доллары, раскинул руки и сгреб все в одну кучу. Потом осторожно переложил все назад в кейс. Ситуация была крайне скользкая, в аэропорту наверняка промышляли воры. Вот так толкнут, а потом выхватят деньги или документы, и поминай как звали!

Однако все было собрано, никто к моим вещам не лез и не пытался ничего схватить из рассыпанных предметов. Паспорта, билеты, валюта – все было вроде бы на месте.

Я пересчитал билеты – ровно девятнадцать, сколько и членов делегации. Пересчитал и паспорта. Их было лишь семнадцать! Двух не хватало! Я окинул взглядом место происшествия. Паспортам совершенно некуда было деться. Все было на виду. Все было собрано. Но двух паспортов не хватало! Не могли же они испариться!

Так куда же они делись? Может быть, кто-то из членов делегации оставил свои паспорта у себя? За время командировки эти паспорта все время кочевали туда-сюда. Они были нужны то

для обмена денег, то для получения скидки или возврата налогов. Наверное, кто-то мог и не вернуть?

Я отдал стоявшему рядом Фесенко его валюту и паспорт и отправился в зал для официальных делегаций. Там не было никакой суеты, хорошо работал кондиционер, на столе передо мной тотчас же возник стакан ледяной кока-колы. Но мне было не до напитков. Где еще два паспорта? В конце концов, я взял телефон и позвонил в посольство, попросил позвать кого-то из делегации. Подошел мой коллега по МИДу, советник Владимир Котляр.

– Владимир Семенович! Подойдите к Грузинову и Глумову, спросите, где их паспорта. Они не брали их у меня?

Котляр, будучи сотрудником МИДа, с полуслова понял, что назревает скандал. Если паспорта потеряны, то два человека никуда не улетят. Это дополнительные валютные расходы. К тому же придется объясняться перед кучей инстанций. За такое меня, может, и не выгонят из МИДа, но уж по головке точно не погладят.

Через пару минут он вернулся к телефону и сказал коротко, но емко:

-Нет у них паспортов!- и, помолчав, добавил: - Сочувствую!

Повод для сочувствия точно имелся. Паспорта потерялись. И вряд ли найдутся. Я откинулся на спинку кресла, наконец, взял в руку кока-колу и крепко задумался. Где же они могли выскользнуть из рук? Но сколько я ни думал, получалось только одно: паспорта могли выпасть из кейса только в общем зале, когда меня толкнули в спину. Но ведь я же все там собрал!

Однако с момента происшествия прошло уже часа два. Что делать? Звонить в посольство и просить срочно выписывать вместо паспортов справки? По таким справкам, по крайней мере, можно было улететь. Но сделать такой звонок значило полностью расписаться в собственной некомпетентности, граничившей с преступной халатностью.

Я, наконец, встал и, сам не зная почему, вышел вон. Ноги сами понесли в злополучный общий зал ожидания. Там по-

прежнему стоял шум и гам, тысячи людей рвались навстречу друг другу, волоча за собой свои чемоданы. Даже если паспорта и выпали, то где их теперь тут найдешь!

Однако я все-таки пошел к стене, где все и произошло. Остановился немного вдали от нее и еще раз внимательно огляделся. Вдруг мой взгляд упал на какую-то полоску, которая тянулась внизу вдоль стены и пола. Я пригляделся. Это был довольно толстый угловой металлический швеллер или, скорее, стальной уголок. В общем, массивная и тяжелая железяка. Зачем она тут лежала, было совершенно непонятно. Но лежала она настолько плотно к стене, что фактически выглядела, как какой-то плинтус, тем более что и выкрашена была в тот же цвет, что и стена.

Я подошел поближе. Потом еще ближе. И, наконец, сверху глянул на этот то ли швеллер, то ли уголок. Тот прилегал к стене плотно. Но все равно там была небольшая щель. Ровно такая, чтобы просунуть туда, например, ученическую тетрадку.

Я пригляделся еще внимательнее и вдруг заметил в глубине две небольшие темные полоски. По размеру они были как раз как паспорта. Это они, пропавшие два паспорта? Тут я вцепился в железяку что было сил! Та была невероятной тяжести. К тому же схватиться было почти не за что, щель была почти никакая. Но откуда только взялись силы! Впрочем, я так тянул, что готов был оторвать себе пальцы, чтобы только отодвинуть эту штуку. Я пытался, пыхтел, но ноги скользили по полу. Тогда я лег спиной на пол и уперся ногами в стену. Со стороны зрелище было немыслимое: советский дипломат спятил – улегся на пол и отрывает кусок от стены здания аэропорта. А через него прыгают негры с чемоданами! Надо же так нажраться!

Наконец, железяка немного подалась. Ровно настолько, чтобы просунуть туда палец.

Да, это были те самые утерянные паспорта! Но как же они туда попали? Это было какое-то особое несчастливое стечение обстоятельств. Можно было нарочно кидать паспорта сто раз, чтобы они заскочили в такую узкую щель. И ни разу бы это не

получилось. А случайно залетели как миленькие! И как они тут, в чужой стране, провалялись два часа, по сути, на полу в общем зале?!

Я вдруг понял, что по какой-то неведомой причине Господь Бог решил на этот раз отложить расправу над своим несчастным рабом. Почему? Видимо, к тому в небесной канцелярии имелись более или менее весомые причины. Хорошо это или плохо, а только там меня почему-то вдруг пожалели.

Не успел я отдышаться и насладиться своим волшебным избавлением, как в зал для делегаций ввалился Владимир Котляр. Он бегло оглядел всех присутствующих, увидел меня и решительно направился в мою сторону.

– Ну, как паспорта? Нашлись?

– Нашлись...– нехотя ответил я. Рассказывать детали неприятного происшествия вовсе не хотелось. Получалось, что я как секретарь делегации проявил совершенно недопустимую небрежность. Зачем говорить плохо о самом себе?

Котляр удовлетворенно кивнул и дальше расспрашивать не стал, хотя у него в глазах все-таки проскользнула искра пренебрежения. Если секретарь делегации ищет паспорта, значит, возникли какие-то проблемы с хранением, которые в принципе не должны были возникать. Паспорта и прочие документы должны надежно лежать в одном единственном месте! А если они не лежат, то можно ли в таком случае вообще доверять этому Трофимову важные дела? Или тем более

секретные документы? (Легко так рассуждать, когда ты сам не отвечаешь за эти проклятые документы и паспорта!)

Впрочем, Котляр ничего этого говорить не стал. Да и что говорить?! Профессиональному дипломату и так все должно было быть ясно.

– Владимир Николаевич! – Котляр вновь обратился ко мне. – Владимир Николаевич! – повторил он. – А нельзя ли мне сейчас же отдать мою валюту? Отдайте побыстрее, а то я не успеваю в магазины до самолета!

Конечно, Котляр столь настойчиво попросил валюту не потому, что боялся, что я и ее потеряю. Просто раньше эти деньги не были распределены, поскольку не было ясности с датой отлета. А теперь, когда выяснилось, что имеется экономия, Котляр хотел их заполучить раньше других членов делегации, чтобы успеть потратить в магазинах аэропорта, в дьюти фри.

Выдача валюты предполагала, что человек должен был расписаться в ведомости. Ведь нельзя же раздавать доллары налево и направо без какой-либо расписки. Совершенно невозможно!

– Владимир Семенович! Подождите пару минут! Я сейчас переложу паспорта, разложу документы, вы распишитесь, и все будет в порядке.

– Какие еще расписки?! Дай мне мои доллары! Потом распишусь! – последние слова Котляр произнес даже с угрозой вперемешку с долей презрения. Какой-то там второй секретарь смеет заставлять его, советника(!), ждать несколько минут. Значит, Котляр может не успеть из-за этих двух минут в очень важные и нужные магазины беспощинной торговли. Нет, этот Трофимов – полный наглец! Чуть не потерял паспорта, а теперь еще строит из себя важную персону и заставляет себя ждать!

Скажу честно, смена тона Котляра сильно резанула мне ухо. Я очень хорошо расслышал презрительный тон. И меня взяло зло! Этот хрен прохлаждался в посольстве на приеме, пил коньяк, вел приятные беседы. А я тут метался в поисках

потерянных паспортов. Теперь же этот заносчивый тип еще требует немедленно выдать ему его жалкие доллары с нарушением формальной процедуры.

–Отстань, наконец! Подожди минутку!– неожиданно даже для самого себя выпалил я, тоже перейдя на "ты". Говорить так со старшим товарищем было нехорошо. Но стресс, полученный в результате потери паспортов, сделал свое дело. Я не сдержался и сгрубил...

Мне казалось, что этот инцидент не пройдет даром. Но как это ни странно, Котляр не стал все переводить в формальную плоскость. И обошелся даже без устной разборки. Это лишний раз доказало, что не все люди вокруг нас злобные, завистливые и мстительные.

Шифровка

Впрочем, мои отношения с Котляром выходили за рамки обычных служебных правил. Совместная работа время от времени ставила нас обоих в то или иное нестандартное положение, стирая разницу в дипломатических рангах и в возрасте.

Владимир Семенович Котляр был достаточно амбициозной личностью, с высокой степенью самомнения. Наверное, к тому были достаточные основания, но выше советника он все-таки вырасти не смог. Говорили, что в Лондоне к нему возникли вопросы по линии КГБ по части каких-то несанкционированных контактов с сионистами. Из МИДа он не вылетел, но прочно попал в категорию "погорельцев", после чего о хорошей карьере пришлось забыть. Наверное, для Котляра превратиться в "погорельца" было тяжелым ударом. По всему было видно, что он – человек статусный, сильно заботившийся о впечатлении, которое хотел произвести. Одевался Котляр, пожалуй, даже изысканно. В свои пятьдесят выглядел молодо и спортивно. Роста выше среднего, с короткой стрижечкой, пронзительные зеленовато-серые глаза. Пожалуй, во Владимире Семеновиче

даже чувствовалась порода.

Как-то раз к нему на встречу попросился сотрудник американского посольства в Москве, который занимался проблемами Конвенции по морскому праву. Формально этот сотрудник числился дипломатом, но по всем ухваткам больше походил на сотрудника спецслужб. Он позволял себе вольности в беседе, вел себя даже слишком раскованно, демонстрировал дружеское отношение к советским дипломатам, запросто мог неформально решить какой-то вопрос. Он и внешне выглядел, скорее, как Джеймс Бонд, эдакий рыжеволосый детина под метр девяноста, весь спортивный и атлетический. Носил коричневую шляпу в форме панамы, которую надвигал на лоб так, что лица почти не было видно (По правде сказать, когда я впервые увидел эту панаму, то не выдержал и приобрел себе такую же).

В отличие от этого деятеля, кадровые американские дипломаты вели себя более сдержанно, не демонстрировали никаких симпатий к оппоненту, старались не отходить от формальных процедур. А то ведь, неровен час, возникнет сомнительная ситуация, и можно заработать обвинение в недостаточной лояльности и принижении высокого статуса представителя Соединенных Штатов Америки!

Американец попросился на встречу не просто так, у него имелось поручение из Вашингтона в устной форме изложить позицию США по вопросу о процедуре принятия решений в будущем предприятии по добыче минеральных ресурсов морского дна. Собственно говоря, нужды делать заявление именно в устной форме не было никакой. Но уж такой была манера американских дипломатов – в щекотливых ситуациях не оставлять следов на бумаге.

Котляр попросил меня посидеть с ним на беседе с американцем. Действительно, существовало формальное правило встречаться с иностранцами только вдвоем, а по итогам писать так называемую "запись беседы", в которой излагалось, о чем именно шла речь на встрече. Была ли это своеобразная форма недоверия к советским дипломатам? Чтобы всегда имелся

свидетель, который не допустит предательства? Может быть, в былые времена, действительно, цель этого правила была именно такая. Но в последующем правило превратилось в пустую формальность. Если была возможность, советские дипломаты старались встречаться с иностранцем вдвоем, но если совсем не было никакой возможности, никто претензий не предъявлял. И запись беседы составлялась с единственной целью: зафиксировать на бумаге любую полезную информацию.

Я сел в кресло, вытащил блокнот и приготовился записывать. Владимир Семенович сел в противоположное кресло и приготовился слушать. А американец сел между ними на диван и приготовился диктовать. В руках он держал лист бумаги с плотным машинописным текстом. Записывать надо было дословно. Так что работы тут было не меньше, чем минут на двадцать.

-Джон! – по-русски обратился я к американцу (тот знал русский блестяще). – Ну что мы тут будем разводить пустые формальности?! Мало ли что они там у тебя в Госдепе придумают?! Все равно, в конце концов, у нас будет точно такой же текст, как и у тебя, только рукописный. Ты будешь полчаса диктовать, мы будем полчаса записывать. А может, обойдемся безо всех этих формальностей? Дай нам на минутку этот свой листок, – тут я небрежно кивнул в сторону листа бумаги, который американец держал в руках, – я сбегаю и через минуту сниму копию.

Котляр, услышав мою речь, замер, даже слегка приоткрыв рот. Нарушение дипломатического протокола было налицо. И ладно бы еще его нарушил американец! С какой-то странной инициативой посмел вылезти этот Трофимов, не согласовав ее предварительно со старшим товарищем! Он должен был безмолвно записывать, а право говорить было у Котляра. То есть произошло не просто покушение на дипломатический протокол. Это была попытка поставить под сомнение авторитет самого Котляра, опытного дипломата и аж советника!

Котляр тут же вопросительно глянул на Джона. Но тот,

услышав мое предложение, на миг задумался, а потом пожал плечами и ответил по-английски:

- Why not?- а дальше он просто протянул мне свой лист бумаги. Будет сэкономлено полчаса времени, а это вполне в духе американского рационального образа жизни.

Владимир Семенович поморщился, но возражать не стал, экономия времени была более чем очевидна. Ведь американец не возмутился, хотя наглость молодого советского дипломата перехлестывала через край. В общем, получалось, что формальных оснований предъявлять ко мне претензии не было. Я бросился снимать ксерокопию, а Котляр занялся высокоинтеллектуальной беседой с американским представителем.

Через несколько минут я вернул американцу его листок, и на том встреча успешно закончилась. Все самым разлюбезным образом раскланялись, почти даже расшаркались, и Джон убрался восвояси, заниматься своими важными шпионскими делами. Я, как положено, проводил его до милиционера на выходе и отправился назад в кабинет.

Там меня уже поджидал Котляр:

- Владимир Николаевич! Дипломатический протокол и дипломатические процедуры придуманы не просто так! Если американцы решили продиктовать текст, а не передавать его нам на бумаге, значит, к тому были какие-то основания. И просить сделать то, что не положено,— значит ставить иностранного дипломата в неудобное положение. Ведь в результате он допустил нарушение процедуры, которая была ему предписана. Так, как вы, настоящий дипломат поступать не должен!

Я честно выслушал эту речь. А потом просто ткнул пальцем в верхнюю часть ксерокопии с американского листа. Котляр уставился в текст: "Ну и что?"

- Владимир Семенович!— как можно более миролюбиво начал я свои пояснения.— Видите, что напечатано наверху, вдоль верхнего края?

– И что?– Котляр еще раз глянул на текст.– Какие-то цифры. Обозначено время. Ну и что?

– Я полагаю, что Джон сегодня поленился дважды. Второй раз, когда он согласился не диктовать текст, а просто передать его нам, чтобы мы сняли копию,– тут я сделал небольшую паузу, чтобы подчеркнуть значимость того, что собирался сообщить дальше,– а первый раз он поленился тогда, когда должен был переписать текст телеграммы. Как ему передали текст из Вашингтона? Ясно, как: секретной телеграммой, шифровкой! Переписывать ее Джону было лень. И он снял ксерокопию с телеграммы, заслонив верхнюю часть. Но заслонил не очень аккуратно, и на копии можно прочитать обозначение времени.

Владимир Семенович слушал меня с плохо скрываемым раздражением. Почему этот сопляк пытается еще оправдываться? Совершил ошибку, так будь любезен выслушать замечание старшего товарища до конца!

– А что это за обозначение времени?– продолжал я.– Это время передачи шифровки! Я надеюсь, что советские компетентные товарищи записывают все радиопередачи, адресованные американскому посольству. Если записывают, то теперь они могут сделать следующее: положить на стол с одной стороны наш этот листок,– тут я кивнул на копию, снятую со страницы Джона,– а с другой стороны записанную передачу. И сравнить их. Одна зашифрована, а другая уже расшифрована. Значит, можно попытаться расколоть шифр!

Я еще раз сделал паузу и самым внимательнейшим образом посмотрел на Котляра. Понимает ли тот смысл сказанного? Кажется, что-то уже начало до того доходить... Тогда я продолжил:

– Я сидел в кресле и краем глаза видел листок, который держал в руках Джон. И когда разглядел отпечатанные цифры времени, тотчас сообразил, что можно сильно помочь нашим спецслужбам. Потому и попросил листок, чтобы снять с него копию.

Я, наконец, замолчал. Безмолвствовал и Котляр. С одной стороны, он со своими замечаниями теперь выглядел полным дураком. С другой стороны, Котляр был как раз не дурак. И вдруг понял, что тут можно отличиться. Отличиться перед Родиной!

– Володя! Как это ты только заметил?! И как только сообразил?! – полувопросительно-полуутвердительно сказал вдруг он, без перехода сменив тон с раздраженно-поучительного на доверительно дружеский и даже перейдя на "ты". – Володя! – продолжал он. – Надо сходить к секретчикам, все рассказать!

И он тут же вцепился в заветный листок. Секретчиками он назвал отдел, который в министерстве иностранных дел занимался обеспечением секретности. Ясно, что там на самом деле работали кадровые сотрудники контрразведки, которые не столько занимались обеспечением секретности, сколько приглядывали за дипломатами. Конечно, именно им и надо было отдать лист, полученный от американца. А уж они передадут куда надо! Но кто должен был отдать? Котляр всем своим видом демонстрировал, что туда должен был пойти именно он как старший товарищ.

Я при упоминании секретчиков лишь кивнул головой и вопросительно глянул на своего коллегу. Неужели, тот пойдет туда сам, без меня? Ведь за такое достижение можно будет рассчитывать на какое-то поощрение, может, даже на медаль! Кто придет и доложит, тот и получит награду. Если пойдет Котляр, то ему и достанутся все лавры.

– Володя! – продолжил свою речь Котляр. – Тебе туда незачем ходить! Я там знаю заведующего отделом. Такое дело лучше рассказать в доверительном плане. Зачем нужно ходить туда толпой? Ты тут посиди, подожди меня, а я прямо сейчас туда и пойду. И не сомневайся! – добавил Котляр таким тоном, которым дают торжественные пионерские обещания. – Я там особо расскажу о том, что это именно ты увидел время передачи и смог обмануть американца и выманить листок!

Мне не оставалось ничего другого, как согласиться. Спорить

– означало пойти с Котляром на конфликт. Медаль, может быть, и не дадут. А вот он, если обозлится, то непременно будет потом портить жизнь.

Конечно, я был по натуре человеком, который готов первым броситься на амбразуру. Но потом ходить, выпрашивать себе награду – это было совсем не в моем характере. Вот если сами оценят и дадут, тогда совсем другое дело. А попрошайничать – это дело унижительное. Надо совсем перестать себя уважать, чтобы так поступать.

Через час Котляр вернулся... Нельзя сказать, чтобы он сиял. Вид у него в целом был довольный, но одновременно немного озадаченный. Кажется, он все-таки ожидал немного другого результата от этого похода. Но он не стал касаться никаких деталей, а лишь коротко сообщил, что рассказал там о ловкости и сообразительности своего младшего коллеги. Его там поблагодарили и сказали, что все учтут.

Ни про какую награду или даже простое поощрение в виде "спасибо" Котляр не сказал. А просто сел за свой стол и начал задумчиво переключать какие-то бумаги. Я понял, что тема исчерпана, и тоже сел за работу.

Прошло какое-то время. Но никто никому никого не вызывал, ни о чем не расспрашивал и никаких медалей не вручал. Даже просто "спасибо" не говорил. Из чего я сделал вывод, что наша бумажка пришлась не ко двору. Похоже, никто даже и не думал записывать радиообмен, который вело американское посольство. В результате кто-то в КГБ получил за это по шапке. Какие уж тут медали для Володи Трофимова и его друга Котляра!

Однако через несколько дней история получила продолжение. Мне вдруг позвонил какой-то младший чин из этого самого секретного отдела и попросил показать ему документ, имевший отношение к комиссии по морскому праву. Я возражать не стал. Если надо, то пусть смотрят! Хотя странно, что это они там так вдруг заинтересовались нашей комиссией?

Человек через некоторое время пришел, взял документ, сел за

свободный стол и стал внимательнейшим образом его изучать. Сидел он так довольно долго. А потом попросил еще один документ, связанный с первым. Я дал. Изучение продолжилось до конца дня.

На следующий день человек явился часам к одиннадцати и взялся за прежнее изучение. Потом эдак невзначай попросил еще какие-то документы, взял целую папку и углубился в чтение. Листание документов опять продолжилось до конца дня. Человек вел себя предельно тихо, ни с какими расспросами не лез, работать не мешал. И, в конце концов, я просто перестал его замечать. Человек, по сути, слился с окружающей мебелью.

Все это хождение и листание бумаг продолжалось не день и не два. А аж две недели! Наконец, я отвлекся от своих дел и стал рассматривать секретного человека повнимательнее. Тот сделал вид, что не замечает этого, и продолжил листать очередную папку.

- Я понял!– вдруг громко произнес я. – Я понял, что именно вы тут делаете! Вы заявили сюда из-за этой истории с американской шифровкой!

Я произнес эти слова и вопросительно уставился на представителя контрразведки. Тот бросил листание, наконец, поднял голову и эдак внимательно посмотрел мне прямо в глаза. Он явно обдумывал, что именно можно сказать.

– Да, действительно, я тут из-за шифровки, – произнес он, наконец. И после паузы добавил: Наверху решили, что если американец так небрежно обращается с документами, то и у вас тут, наверное, полный бардак. И прислали меня посмотреть, что и как.

Сказав эти слова, человек не стал дожидаться никакого ответа. А просто встал со стула, взял свой портфельчик и был таков. Никогда больше он сюда не приходил. А я остался сидеть, так мягко скажу, немного озадаченный. С одной стороны, я оценил откровенность чекиста, он не побоялся открыто сообщить то, что выставляло его ведомство в идиотском свете. То есть совершил маленький должностной

проступок, явно выйдя за рамки своих полномочий.

С другой стороны, я был просто потрясен "благодарностью" соответствующих "товарищей". Там никто, судя по всему, никаких медалей раздавать нам даже и не собирался. Мало того, всю ситуацию там интерпретировали так извращенно, что после этого запросто можно было получить не благодарность, а огрести неприятности. Более того, не исключено, что там, наверху, меня, а заодно и Котляра (Оба – "погорельцы" по линии КГБ!), изначально рассматривали как каких-то отрицательных персонажей, которых при удобном случае следовало прищучить, но уж никак не поощрять.

Все это было грустно и печально. Конечно, товарищи, ведавшие в МИДе секретностью, не представляли собой всю Родину в широком смысле, и на них не следовало обижаться. Но это все-таки была своеобразная родина в узком смысле. И такое отношение этой маленькой локальной родины совсем не вдохновляло на новые подвиги.

Подарочный фронт

Еще ладно, если бы за мной охотились только советские спецслужбы! Иностранные чекисты тоже проявляли к моей персоне определенный интерес. И, надо отметить, делали это совершенно напрасно, поскольку я никаких специальных заданий КГБ за границей не выполнял, шпионажем и вербовкой иностранцев не занимался. Однако факт оставался фактом: подчас мне приходилось ощущать повышенное внимание иностранных разведчиков и контрразведчиков. Возможно, определенным поводом к этому были достаточно странные поступки руководителя советской делегации, уже не раз тут упомянутого посла Колосовского.

Дело в том, что советская делегация была довольно большой по составу, почти двадцать человек. И на такую большую делегацию полагались не только значительные денежные

средства, но и представительские продукты и подарки. Не то чтобы эти продукты и подарки были уж очень нужны. Но формально они полагались. И я как хороший секретарь делегации всегда готовил специальное письмо к руководству министерства, в котором просил выделить эти продукты и подарки. Просьбу всегда удовлетворяли, тем более что по сравнению со стоимостью билетов и гостиницы это были сущие копейки.

Однако эти "копейки" все-таки имели реальное материальное содержание. Продукты предназначались для организации и проведения приемов. В этих целях выделялись икра, крабы, а также несколько коробок вина и водки. Подарки были, как правило, совсем уж простые: матрешки, небольшие самоварчики, деревянные ложки, гжель. Отчасти подобные "подарки" можно до сих пор увидеть у лоточных торговцев на старом Арбате.

Кстати, частично все эти подарки выдавал очень симпатичный человек. Имя-отчество были у него запоминающиеся – Павел Энверович Героев. Как раз он и ведал подарочным фондом в хозяйственной службе министерства иностранных дел. Павел Энверович выглядел вполне интеллигентно, что даже немного контрастировало с его работой на складе. Эдакий интеллеktуал, не пренебрегавший спортом и модой. Красивые черты лица, всегда спокоен, вежлив. И, кстати, вовсе не лишен чувства юмора. Он, в отличие от своих коллег, никогда не устраивал искусственных препятствий, не занимался формализмом и вымогательством. Я исключительно высоко ценил дружбу с Героевым, организационные вопросы – это вообще сложная штука, а те, кто помогал решать их быстро и без формальностей, представляли особую ценность.

Давайте запомним этот сюжет с представительскими продуктами. Все это еще пригодится нам дальше, чтобы должным образом оценить изгибы и зигзаги судьбы, которая играет людьми как хочет. Нам еще придется вернуться к

персоне Павла Героева.

Что касается полученных представительских продуктов, а именно: вина, водки и икры, то их было трудно полностью скормить иностранцам – до десятка коробок! Везти назад? Я иногда так и делал. Но чаще Колосовский затевал раздачу подарков представителям иностранных делегаций. Он собственноручно составлял список "хороших" иностранцев. В список попадали те члены иностранных делегаций, которые на переговорах поддерживали позицию делегации Советского Союза. Список постоянно корректировался, поскольку поддержка нередко носила чисто конъюнктурный характер. И вчерашние "друзья" сплошь и рядом через неделю меняли свои взгляды ровно на противоположные.

Однако Колосовский свято верил, что если такому иностранцу преподнести подарок, то он будет более лоялен по отношению к СССР. Теоретически, может быть, так оно и должно было быть. Но на практике все получалось совсем иначе. Иностранец, получив подарок, нередко начинал вести себя так, чтобы заработать еще и следующий подарок. То есть выступал не "за", а как раз "против", но при этом намекал, что может опять изменить свою позицию, если его отблагодарят.

Подарки были все те же: грузинское вино, водка и икра с крабами, то есть на самом деле сущая мелочь. Из-за таких подарков государственную политику не меняют. Но Колосовский искренне верил в свои списки "хороших" иностранцев. А я вынужден был воплощать в жизнь замыслы этого "выдающегося" советского дипломата.

Что касается иностранцев, то они Колосовскому или кому-либо еще из членов советской делегации никаких подарков не дарили. И вообще никто на этих переговорах никаких таких особых подарков никому не раздавал. Приглашали на приемы, угощали чашкой кофе. Но и только. Не было это принято, вот и все.

И получалось, что все время какие-то сомнительные представители советской делегации совали что-то такое

завернутое в красивую упаковку иностранным делегатам. А те все это принимали... Советский Союз дает взятки за изменение государственной политики? А от взятки недалеко и до вербовки! Понятное дело, что спецслужбы Ямайки, в конце концов, взяли всю эту нашу раздачу подарков на карандашик. Ведь информация о взятке иностранному должностному лицу – это ценный компромат.

Бардель

Советская делегация на Ямайке вела себя довольно подозрительно не только по части подарков. Переговоры шли в специальном дворце конгрессов, расположенном прямо на берегу моря. И рядом же был сооружен огромный отель, который вмещал делегации всех стран, а также весь обслуживающий персонал, приехавший на сессию из Нью-Йорка. Это было очень удобно – гостиница через дорогу от места ведения переговоров. И если есть желание, какие-то отдельные переговоры можно было продолжить прямо в гостинице.

Делегации всех стран, понятное дело, именно в этой гостинице и селились. Но только не советская делегация! Представители СССР ни в какую не желали заселяться в эту замечательную и удобную гостиницу! Вместо этого они облюбовали небольшую гостиницу прямо в центре города, среди жилых кварталов. Гостиница была двухэтажная и представляла собой эдакий испанский дворик метров сто на сто. В большинство номеров можно было войти прямо со двора. А в центре дворика был расположен бассейн и ресторан под открытым небом.

От гостиницы до места переговоров надо было ехать на машине минут двадцать. Конечно, это не слишком много, но все равно неудобно. Члены делегации могли попасть на переговоры только на автобусе посольства. Отъезд от гостиницы был в определенное время. Если переговоры заканчивались раньше

времени, никакой возможности вернуться в гостиницу раньше установленного срока не было.

Когда я попал в эту гостиницу в первый раз, сразу обратил внимание на то, что среди обслуживающего персонала было много симпатичных девушек. Они сидели за стойкой регистрации, убирали номера, выполняли роль официанток в ресторане. Девушки были все как на подбор, одеты по последней моде. К тому же они подчас блистали и остроумием, демонстрируя недюжинный ум.

Достаточно быстро я догадался, что это была на самом деле за "гостиница". Рядом с рестораном, во все том же внутреннем дворике имелось достаточно просторное помещение под названием "mingles". Точного перевода этого слова не существует. Но оно близко к словам "смешиваться", "общаться". Формально это помещение считалось вечерним баром и дискотекой. Там, действительно, имелась барная стойка, столы и стулья, играла живая музыка. Самое удивительное, что каждый вечер этот бар был полон до отказа. Неужели местные жители так любили выпить, послушать музыку и потанцевать именно в гостинице? Неужели у них не было иного места развлечься со своими дамами сердца? Местные жители действительно туда приезжали. Но только без дам сердца. Просто к вечеру весь женский персонал гостиницы перемещался в этот самый бар. И приезжавшие туда люди на месте знакомились и проводили с этими девицами свободное время.

Такое времяпровождение очень способствовало налаживанию дружеских отношений. И в ходе дискотеки парочки выходили из бара вместе. А дальше они разбредались по номерам этого отеля, вот и все!

По сути, гостиница была нелегальным публичным домом, борделем, расположенным в самом центре столицы Ямайки. Место это действительно пользовалось популярностью у местных жителей. К вечеру огромная стоянка у "гостиницы" была полностью забита шикарными автомобилями.

Наркотики

Но и это еще не все! Достаточно близко от описанного выше заведения красовалось очень необычное сооружение. Внешне оно было похоже на средневековую крепость. Собственно, самого сооружения видно не было, его скрывали серые бетонные стены высотой метров под десять. На углах красовались вышки, где сидели вооруженные охранники. В железные ворота этого объекта время от времени заезжали бронированные машины, в которых обычно перевозят деньги. По периметру тоже прогуливалась вооруженная охрана.

Увидев это сооружение, я тотчас же решил, что это была местная тюрьма. Всем своим видом крепость походила именно на тюрьму. А в бронемашинах, наверное, перевозят заключенных? Но почему тюрьма находится в центре города? И откуда взялось столько заключенных, ведь броневики то и дело сновали туда и обратно?

Через какое-то время раскрылась и эта тайна. Сооружение не было ни тюрьмой, ни банком, ни военным объектом, ни средневековым замком. Формально это была... табачная фабрика. Да-да, именно так! Эта штука считалась фабрикой, на которой изготавливались сигареты и сигары. Но зачем такая охрана, такие стены и бронированные машины? Ответ не пришлось искать слишком долго. Ямайка, как и прочие страны Латинской Америки, была хорошим поставщиком наркотиков в США. Сам остров был довольно-таки гористым, многие районы были труднодоступны. Ну, как тут не вырастить немного растений, из которых добывается кокаин или что-то еще в том же духе?!

Сырье перевозилось в бронированных автомобилях небольшими партиями. Если попытаешься задержать, то всю партию тут же в машине и сожгут. Примерно такая же схема действовала и внутри "крепости". Наверняка ее штурм занял бы не пять минут, а намного больше. А за это время можно было сжечь весь запас наркотиков.

Конечно, никто на Ямайке штурмовать эту крепость даже и не собирался. Разок я пообщался с местным полицейским руководством. И мне сразу все стало ясно: те сами были больше похожи на наркобаронов, чем на полицейских. А может быть, они и были настоящими наркобаронами. Во всяком случае, ни разу за все время пребывания на Ямайке я не слышал, чтобы кто-то пытался проникнуть на "табачную фабрику" и проверить, что именно там производилось.

Однако соседство с центром по переработке наркотиков сказывалось и на "гостинице". После тяжелого трудового дня туда заглядывали как раз те, кто выбился из сил, перерабатывая "травку" и расфасовывая "порошок". Иными словами, неформальный публичный дом был близким и родным местом для всех тех, кто был занят на наркопроизводстве.

И вот именно в этой гостинице советская делегация и селилась раз за разом! Почему? Местные спецслужбы, несомненно, диву давались, глядя на такой необычный феномен. Для советского человека общение с проститутками, тем более иностранными, считалось недопустимым моральным разложением. А проводить вечернее время в ресторане рядом с цветом местной наркомафии? Это можно? Но именно это и происходило!

В общем, советская делегация ни в какую не желала селиться рядом с местом ведения переговоров и так и лезла прямо в самое логово проституток и наркоторговцев. Этому могло быть только одно разумное объяснение: советская делегация являлась на самом деле группой хорошо подготовленных разведчиков и диверсантов, которые занимались не столько международными переговорами, сколько решали на Ямайке важные государственные задачи. Какие? Поставки оружия наркоторговцам и оказание им помощи в разложении американского общества, а также в подготовке революционного движения в Латинской Америке. Какие же еще?!

Конечно, вся советская делегация была вполне осведомлена о настоящем назначении "гостиницы" и "табачной фабрики". В

курсе были и соответствующие советские компетентные органы, поскольку в составе делегации имелись их представители. Но вопреки всему делегация каждый год расселялась именно так, а не иначе.

Что же это было за такое волшебное обстоятельство, которое позволяло ставить под вопрос моральный облик советских дипломатов и представителей разных министерств и ведомств? На самом деле все объяснялось довольно просто. Если бы делегация заселилась рядом с местом ведения переговоров, то ее члены постоянно имели бы возможность в свободное время гулять по магазинам и просто отдыхать в гостинице. А Колосовский никак не мог такого допустить! Мало того, он, как уже упоминалось, заставлял всех членов делегации ежедневно писать отчеты о переговорах. Но ведь такие отчеты – это большой государственный секрет! Следовательно, для обобщения отчетов, а также для работы машинистки требовалось защищенное помещение. В столице Ямайки городе Кингстоне такое помещение имелось только в одном месте – в советском посольстве. А посольство было расположено очень далеко от места ведения переговоров. При этом как раз точно посередине между конгресс-холлом и посольством и располагалась та самая злополучная "гостиница". Утром делегаты выезжали из нее на переговоры, а вечером отправлялись в посольство строчить свои совершенно бесполезные отчеты.

"Заматывать хвост"

Таким образом, советская делегация вела себя более чем подозрительно. Что в этой ситуации должны были делать местные спецслужбы? Конечно, внимательно следить за советскими "разведчиками" и в случае необходимости пресекать их преступную деятельность. Пресекать – значит задерживать с поличным и препровождать в местный полицейский участок, где держать в "обезьяннике" до выяснения личности и всех

обстоятельств возможного происшествия.

Конечно, члены советской делегации пользовались дипломатическим иммунитетом, но это не было препятствием, чтобы задержать их на какой-то короткий срок. Более того, иммунитет от ареста имелся не у всех. У водителей, машинистки-стенографистки и у завхоза были служебные паспорта. То есть они запросто могли надолго приземлиться в местную тюрьму. А то и навсегда!

Мало того, было и еще одно обстоятельство, которое могло навлечь на членов советской делегации проблемы с местными спецслужбами. Ведь на переговорах советские делегаты, как всегда, выступали за широкие иммунитеты сотрудников будущей международной организации по эксплуатации минеральных ресурсов морского дна. Западные же делегации, как всегда, сопротивлялись этому. И если бы член советской делегации был пойман на Ямайке хоть на каком-то злоупотреблении своим дипломатическим статусом, это стало бы на переговорах хорошим аргументом против СССР.

Конечно, никто из советской делегации никакой слежки за собой не замечал. И внешне казалось, что никаких проблем или провокаций тут никогда не возникнет. Поэтому никто в делегации никаких специальных мер для предотвращения провокаций не предпринимал. Жизнь казалась прекрасной и беззаботной.

И вот в ходе очередной сессии наступил момент, когда глава делегации, все тот же пригнобленный Игорь Колосовский, принял решение раздать остатки представительских продуктов руководителям и членам других делегаций, которые, по его мнению, вели себя на прошедших переговорах достаточно лояльно. Завхоз делегации Леша стал упаковывать подарки. Упаковочная бумага была красивой, коробки – достойные. И никто со стороны никогда бы не догадался, что внутри такой коробки лежали не зеленые доллары, а всего лишь банка черной или даже просто красной икры.

Леша паковал икру, а я разрабатывал маршрут поездки. Оба

шофера, которые приехали из Москвы, помочь тут не могли, один возил Колосовского на посольском "мерседесе", а второй катался с остальной делегацией на автобусе. Оставалась арендованная и выдавшая виды "тойота".

Однако аренда "тойоты" тоже должна была насторожить местных контрразведчиков. Такая аренда – это значительные расходы инвалюты. Причем на "тойоте" ездил вовсе не глава делегации, а завхоз и секретарь, то есть Леша и я. С какой стати такие привилегии? Обычно советские делегации бережно относятся к долларам! Уж не разведчики ли и диверсанты эти двое?

В этот раз оказалось, что развозить подарки будет сложно: часть подарков предназначалась местным послам, а посольства были разбросаны по всей территории, занимаемой городом Кингстоном. Застроен город был крайне бестолково и хаотично. Так что я совсем не напрасно пыхтел над картой, выбирая рациональный маршрут. Карта была мелкая, названия улиц написаны неразборчивым шрифтом. В общем, все предвещало большие проблемы...

Эти проблемы не замедлили сказаться. Уже после четвертого или пятого посольства мы запутались. Где-то мы один раз неверно свернули и сразу же потеряли дорогу. Я попросил Лешу притормозить и склонился над картой. Потом попросил проехать до следующего перекрестка. Кингстон был таким особым городом, где названия улиц имелись только на перекрестках. Мы остановились, я сравнил название с картой и попросил проехать до следующего перекрестка.

Если быть точным, то я вот что попросил: добраться до следующего перекрестка, там свернуть за угол в нужную нам сторону и сразу же остановиться. Мысль моя работала следующим образом: разделить задачу на части; определить путь до следующего поворота; завернуть в этот поворот; остановиться; сравнить название новой улицы с содержанием карты и в зависимости от результата либо продолжать движение, либо откорректировать маршрут. Разумно? Вроде бы,

да.

Но такие внешне логичные рассуждения были целесообразны только в разумной ситуации. Мы проделали эту операцию раз десять, доезжали до перекрестка, поворачивали и тут же останавливались и сверялись с картой. Наконец, меня попутала какая-то нечистая сила, и я вдруг брякнул: "Именно таким образом надо "заматывать хвост"!".

Трудно сказать, почему я так сказал. После каждой остановки сзади из-за поворота выскакивала какая-нибудь машина, которая ехала сзади. И я подумал, что если бы за нами следили, то такая ситуация сильно мешала бы слежке. Ведь у местных спецслужб было не бесконечное количество машин. Каждая выехавшая из-за угла машина преследования неожиданно наталкивалась на нашу стоящую "тойоту" и вынуждена была проезжать мимо. По правилам конспирации она уже не могла участвовать в наблюдении, поскольку формально "засвечивалась". Или меняй на ней номера!

Конечно, я не считал, что за нашей машиной ведется такая интенсивная слежка. В крайнем случае, я допускал, что нас могла преследовать одиночная машина местных контрразведчиков. Но не группа же! Иначе это была целая операция контрразведки! Я точно так же теоретически допускал, что в машине стоит микрофон и все наши разговоры перехватываются. Но мы и не вели в машине никаких сомнительных переговоров. Просто в тот раз я объективно оценил ситуацию с поворотом и немедленной остановкой и высказал мнение, что при других обстоятельствах так могли бы "заматывать хвост" профессиональные разведчики. Ничего более этого я, конечно, не имел в виду.

Сказанные слова никаких практических последствий не повлекли. И я об этих своих неразумных словах через минуту просто забыл. Мы продолжали прокладывать маршрут до очередного посольства. А это, между прочим, было не абы какое посольство, а посольство Северной Кореи! По какой-то причине в той сессии принял участие северокорейский посол, который

получил из Пхеньяна соответствующие указания.

Наконец, искомое посольство было найдено. Оно располагалось в своеобразном коттеджном поселке. Дома там были огорожены непроницаемыми заборами, а между ними вилась узкая дорога.

Леша свернул с основной трассы, метров через двести доехал до первого перекрестка и там свернул налево. Тут дорога шла в гору. Еще через двести метров Леша остановился. Улица по названию была как раз та, какая и требовалась, надо было только определить номера домов. Но тут я вдруг понял, что на противоположной стороне дороги стоит как раз машина северокорейского посла – на ней был установлен государственный флаг КНДР. И из машины вышел водитель и открыл заднюю дверь. Я мгновенно сообразил, что сейчас из автомобиля выберется сам посол. Именно посол, ведь машина была под флагом! Самое время вручить ему подарок! А если промедлить, то придется объясняться в приемной посольства.

Оценив ситуацию, я мгновенно выскочил из машины, перебежал узкую дорожку и протянул послу подарок Колосовского. Это была небольшая симпатичная коробочка, к которой была прикреплена визитка. Посол немного вздрогнул от неожиданного набега. Но надо отдать ему должное, быстро уяснил, что к чему. И взял подарок, мельком глянув на визитку.

Все, поручение было выполнено наилучшим образом! Я повернулся и точно так же бегом кинулся назад в свою машину. И тут краем глаза заметил, что внизу, на перекрестке, где мы только что повернули в эту улочку, стоит какая-то легковая машина. Причем стоит как-то странно. Она выехала на полкорпуса из-за поворота и остановилась. Как будто ее пассажиры тоже заблудились и теперь пытались выяснить, правильно ли они сюда заехали.

Машина замерла всего на несколько мгновений, а потом повернула и достаточно быстро проехала мимо меня и корейского посла. В ней сидело несколько человек, которые вели себя вполне естественно. Казалось бы, ситуация

разрешилась наилучшим образом. Никаких поводов подозревать слежку у меня вроде бы не было.

Но такие подозрения у меня все-таки возникли. Манья преследования? Нет, эта машина и ее пассажиры повели себя немного аномально. Во-первых, это я, иностранец, мог запутаться в кривых улочках Кингстона. Но не местные же жители! Ведь машина-то была местная. Во-вторых, даже если пассажиры этой машины заблудились, они должны были повести себя на этом перекрестке немного иначе: остановились бы так, чтобы удобнее было рассмотреть табличку с названием улицы. А машина встала иначе, лишь чуть-чуть высунувшись из-за поворота.

В общем, основания засомневаться у меня точно появились. Тем более что я и сам повел себя внешне довольно подозрительно. То наша "тойота" ползла еле-еле, останавливалась на каждом повороте. А потом я вдруг выскочил из машины и бегом вручил корейцу какой-то предмет. И сам посол Северной Кореи безоговорочно принял этот предмет прямо на улице! Конечно, все это выглядело более чем подозрительно.

– Леша, кажется, за нами "хвост", – коротко бросил я, садясь в машину.

Леша, услышав о слежке, немного вздрогнул и очень вопросительно на меня поглядел. Но я ничего не стал пояснять, а только добавил:

- Разворачивайся!

Леша стал разворачиваться. Но от услышанных слов он сильно занервничал и в результате не смог развернуться с одной попытки. Ему пришлось раза четыре выкрутить руль туда-сюда. Оно и понятно, дорожка была довольно узкая. Но, в любом случае, такое непонятное маневрирование тоже могло выглядеть крайне подозрительно.

Наконец, Леша развернулся, медленно съехал вниз к перекрестку и повернул направо. Потом точно так же медленно подъехал к основной дороге и опять остановился. Кажется, он

немного испугался, а потому поехал совсем медленно. Я через плечо глянул назад. На перекрестке из улочки, где жил северокорейский посол, вдруг высунулся нос автомобиля. Этот была та самая машина, которую пару минут назад я и заметил. Машина немного высунулась и затормозила. Если это была слежка, то она опять как бы попала в ловушку. Ведь машина, которой управлял Леша, поехала неестественно медленно и вынудила "хвост" засветиться. Неужели это действительно "хвост"?

– Поворачивай!– опять предельно коротко сказал я.

Леша выехал на перекресток и повернул налево. К этому моменту он уже совсем напрягся и, повернув, сразу же уставился на меня, даже отвлекшись от дороги. Я еще раз глянул через плечо. В тот самый момент, когда отдаленный перекресток скрывался из вида, стоявшая на нем машина двинулась с места...

– Точно!– произнес я и лишь вздохнул. "Хвост" – это было неприятно. Но никаких немедленных плохих последствий все это не должно было повлечь. Ну, следят, и на здоровье! Следите себе, сколько хотите, ничего противозаконного мы не делаем!

Однако, судя по всему, в нашей машине все-таки был установлен микрофон. И те, кто нас слушал, пришли к выводу, что слежка раскрыта и операция провалилась. Они это поняли даже из тех коротких отрывочных фраз, которые я произносил. Во всяком случае, дальше произошло следующее. Машина преследователей вдруг поехала довольно быстро, догнала нас. И уперлась сзади почти в бампер! Касания не последовало, но между двумя машинами образовалась дистанция не больше одного метра.

Леша глянул в зеркало заднего вида, и, что называется, опупел.

– Что будем делать? – еле выдавил он из себя, поглядев на меня совершенно безумными глазами. Леша явно не был готов играть в игры с местными чекистами. Тем более что в кармане его лежал не зеленый, а синий паспорт. Этот Трофимов как

дипломат, небось, вывернется! А Леша со своим служебным паспортом сейчас загремит в местную тюрьму за шпионаж на пожизненный срок!

– Езжай дальше. Только спокойно, без резких движений! Едем в конгресс-холл.

В отличие от Леша, я никакого страха не почувствовал. Во-первых, я уже попадал в такие ситуации в других странах. Во-вторых, что было главное, я не почувствовал угрозы. Ну, решили местные люди немного обострить ситуацию, и что с того? Хотели бы арестовать, уже сделали бы это. Значит, просто обозлились, что их миссия раскрыта, и решили немного поиграть на нервах.

Леша поехал по улице со скоростью раза в два медленнее, чем весь остальной транспорт. Благо, других машин было не слишком много. Но дорога была одностроительная, попутные машины вынуждены были нас обгонять, совершая подчас рискованные маневры. А сзади у нас, почти касаясь заднего бампера, тащилась машина наших преследователей. Леша поминутно заглядывал в зеркало заднего вида и каждый раз, увидев жуткую картину преследования, заметно вздрагивал.

Я никак внешне не реагировал, а для того, чтобы не нервировать Алексея, немного развалился, налег плечом на дверь и уставился в боковое окно. Конечно, ситуация была неприятная, но пока она не стала критической. Если Леша сможет спокойно доехать до конгресс-холла, то ничего и не случится. Преследователи, в конце концов, отстанут. Или они хотят устроить аварию? Тогда почему еще не устроили, не подтолкнули машину сзади? Хотят, чтобы авария формально произошла по вине чужой машины?

Ехать надо было минут пятнадцать. Но это если ехать с нормальной скоростью! А с ненормальной получилось не менее получаса. И все это время сзади неотступно ехала злополучная машина, как бы желая подтолкнуть нашу "тойоту" и одновременно не решаясь это сделать.

Вообще-то Леша был человеком с совершенно беззлобным и

исключительно покладистым характером. Он не был склонен к резким спорам, к неприятным высказываниям. Возрастом он был лет под тридцать, невысокого роста, немного полный, с самым обычным круглым лицом рядового советского человека. Одевался в довольно помятый серый костюм, как это обычно и делали все советские государственные служащие. В общем, был самым типичным советским бюрократом, только с большой примесью добродушия.

И вот этого добродушного человека, похожего на небольшого мишку, местные спецслужбы провоцировали самым наглым образом! И из этой провокации пока было не совсем ясно, чем она закончится: аварией или вовсе арестом и тюрьмой. Ничего себе, съездил отдохнуть на Ямайку!

Леша, однако, несмотря на все свои переживания, которые он даже и не пытался особо скрыть, все-таки, в конце концов, дополз до конгресс-холла и даже смог более или менее пристойно запарковать машину не слишком далеко от входа. Но тут его нервы окончательно сдали. Он выскочил из машины, как пробка, почти бегом помчался к подъезду и, не оглядываясь, заскочил внутрь здания. Мало того, как потом выяснилось, он не пошел ни в буфет, ни в общий холл, а направился прямо в один из залов заседаний, зашел внутрь и устроился рядом с нашим представителем. Ход его мыслей при этом был вполне понятен: авось прямо в зале заседаний арестовывать не будут!

Я, напротив, без спешки вышел из машины и внимательно огляделся. Машина преследователей чуть отстала и припарковалась метрах в двадцати от нас. Вдруг там одновременно открылись все двери и наружу вылезли четыре типа. Да, они явно стоили того, чтобы их описать! Это были все как на подбор громилы под два метра ростом каждый с совершенно одинаковыми зверскими гестаповскими рожами. Кое-как выбравшись из своего автомобиля, они встали в один ряд и уставились прямо на меня. При этом они глядели вовсе не абы как! Так, наверное, смотрят на свою жертву людоеды: "Схватить и зажарить прямо сейчас или отложить до завтра?".

Они просто пожирали меня глазами, но, как я и предполагал, не предприняли никаких попыток подойти, а тем более задержать.

Наверное, по уму я тогда должен был миролюбиво подойти к ним и объяснить. Ведь ситуация была явно необычная. И реакция местных контрразведчиков была неадекватная. Соответственно, чтобы потом не возникало проблем, надо было подойти и просто поговорить с этими гориллами, объяснить, что за коробочки я отдавал иностранным послам. Глядишь, в результате напряженность удалось бы снять.

Но я как-то не сообразил так поступить. Мало того, не нашел ничего лучшего, как демонстративно медленно пройти к близлежащему ларьку и начать разглядывать выложенные товары. Тем самым я как бы бросал им вызов: "Ну-ка попробуйте только пальцем меня тронуть! Или руки короткие?". Вряд ли это была правильная тактика. Гориллы-гестаповцы продолжали стоять рядом со своим автомобилем, не сводя с меня глаз. Наконец, я счел, что в достаточной мере продемонстрировал им, что советский человек не боится провокаций, и тоже зашел внутрь конгресс-холла.

Покушение

К сожалению, эта история с гестаповцами имела не слишком хорошее продолжение. Можно даже сказать, что продолжение получилось совсем дрянное. Эх, надо было все-таки поговорить с ними! Через пару дней мы с Лешей опять ехали в конгресс-холл, он рулил, а я развалился слева на пассажирском кресле. Почему слева? Потому что на Ямайке левостороннее движение, и руль у машины был расположен справа.

В этот раз мы подъезжали к конгресс-холлу не как обычно - по широкой дороге, проложенной по набережной, а со стороны города. А по-другому и не получалось. Из магазина, где мы только что кое-что купили, иначе никак и нельзя было подъехать к месту переговоров. С этой стороны подъезд к конгресс-холлу был не то чтобы уж очень сложный, но немного

бестолковый. На коротком участке надо было пересечь сразу несколько поперечных трасс. Движение по ним было односторонним: то справа налево, то слева направо. И при пересечении одной улицы мы ехали под знак главной дороги, а вот при пересечении другой улицы должны были притормозить, чтобы пропустить двигавшийся по ней транспорт. И так знаки проезда по главной дороге и выезда на главную дорогу чередовались два раза.

В общем, ничего сложного для опытного водителя, просто не надо гнать и игнорировать знаки дорожного движения, вот и все. Наконец, Леша подъехал к четвертой дороге. Тут надо было уступить машинам, которые ехали слева направо. Но на перекрестке, как на грех, стоял грузовичок, который загораживал весь обзор слева. А Леше к тому же надо было заглядывать налево через меня, волей-неволей, но загораживавшего часть обзора.

Леша поступил, в общем, достаточно логично: высунул нос своей машины немного за пределы грузовичка и заглянул за него – есть там машины или нет. При обычных обстоятельствах водитель в такой ситуации предварительно глянул бы налево, еще не выезжая на перекресток, посмотрев между грузовиком и стеной дома. Но тут грузовик стоял слишком близко к стене. И даже я, который считал себя опытным водителем, со своего левого места ничего там не увидел.

Итак, Леша чуть высунул нос своей машины и посмотрел налево. Я тоже глянул налево... И вдруг увидел переднюю часть автомобиля, который летел нам прямо в бок! Все произошло в доли секунды. Но я как-то непроизвольно, но все-таки успел оттолкнуться от левой дверцы. Даже не оттолкнуться! Я просто ударил в нее предплечьем со всей силы. Через мгновение последовал жуткий удар...

Авария получилась очень достойная. В нас врезался какой-то здоровенный, но изношенный до предела черный лимузин. Весом он был, наверное, раза в два тяжелее нашей несчастной "тойоты". Удар пришелся в левую часть двигателя. "Тойота" в

результате удара развернулась почти на сто восемьдесят градусов, но, по счастью, не перевернулась и не загорелась. А загореться было от чего! Удар был такой силы, что весь моторный отсек у "тойоты" был свернут направо почти на девяносто градусов. Капот скорчился, и из-под него валили струи пара и хладагента из кондиционера. В общем, полная картина автомобильного апокалипсиса. "Тойота" была похожа на букву "Г", где верхняя черточка должна была обозначать мотор.

Первое, что я понял, это то, что только что чудом избежал смерти. Если бы Леша не так медленно выползал на перекресток и высунул "тойоту" чуть побольше, то страшный удар пришелся бы не в мотор, а прямо в левую переднюю дверь. То есть из меня бы в таком случае получился хороший отбивной бифштекс по-ямайски. Шансов выжить тут не было точно никаких. Но Господь Бог, видимо, решил, что в этот раз еще рано забирать к себе мою грешную душу. И я остался жив. Единственно, сильно болело левое плечо и левая же часть головы. Машина так резко дернулась вправо от удара, что я довольно прилично ударился плечом и головой о левую стойку.

Леша тоже был жив, только держался за кисть левой руки. Впрочем, он делал это инстинктивно, с ужасом разглядывая картину разрушений. Посмотреть действительно было на что. Вокруг уже остановилось несколько автомобилей, подбежали зеваки. Черный лимузин тоже стоял тут же, немного по инерции проскочив перекресток. У него был разбит передний радиатор, решетка, открылся капот, отлетел бампер. Но повреждения были все-таки терпимые. А вот "тойота" точно доехала до своего конца. На ее скорченный кузов было жалко смотреть.

Из лимузина выбрался какой-то помятого вида небольшой негритос. Сразу было видно, что он вообще не пострадал. Но его интересовало состояние "тойоты" и ее пассажиров. Он подошел и оглядел нас. А мы уже смогли выбраться наружу и дико озирались вокруг. Потом негр что-то буркнул себе под нос и, повернувшись, пошел назад к своему черному гробу. Видимо,

он уже увидел все, что хотел.

На самом деле авария формально была идеальной. Леша выезжал на главную дорогу, где он должен был уступить любому транспорту. А если он попал под удар слева, значит, не уступил! Значит, должен нести всю полноту ответственности за эту аварию.

Я все это видел и понимал. Но точно так же я понимал и другое. Во-первых, лимузин летел слишком быстро для такой дороги. И, во-вторых, он ехал не посередине дороги, а прямо по ее правому краю. И получилось, что он как бы даже прятался за грузовичок, стоявший на перекрестке. Мало того, он ухитрился довольно плотно ударить в нос "тойоты", несмотря на то, что Леша высунул его очень даже разумно. Объяснение этого феномена могло быть только одно: лимузин ехал по дороге прямо впритирку со стоявшим грузовиком.

По всему получалось, что авария была несчастная. Формально водитель лимузина-развалюхи был прав, он ехал по главной дороге, и все должны были уступать именно ему. А фактически он ехал так, что обязательно врезался бы в любую машину, которая пыталась высунуться из-за грузовика.

Зачем надо было устраивать такую аварию? Вообще-то, мотивы лежали, что называется, на поверхности. Мы раскатывали по всей столице на своей арендованной машине. А за ней надо было следить. Слежка же была только что с позором вскрыта. Значит, надо было сделать так, чтобы советская делегация никаких машин больше в аренду не брала. Чтобы советские товарищи раз и навсегда поняли, что Ямайка – это не Москва, и тут нельзя свободно раскатывать направо и налево. Тут свои правила, и с ними пришельцы должны считаться! А тем более эти чужаки не должны вести себя пренебрежительно по отношению к местным спецслужбам.

Осознав, что только что чуть не стал жертвой хорошо организованного покушения, я весь похолодел. Причем ситуация была предельно дурацкой. Ясно, что советские дипломаты должны ездить так, чтобы не попадать в аварии и

тем более не разбивать машины на списание. И тут бесполезно говорить, что имела место хорошо организованная провокация. Результат разборки со своими компетентными товарищами мог быть только один: Володе и его дружку Леше настрого запретили бы впредь кататься по Ямайке на арендованных машинах. То есть получалось, что лучше своим товарищам по делегации вовсе не рассказывать про аварию. Но и промолчать нельзя, это тоже серьезное нарушение!

Я ожидал, что тут же подъедет местная полиция, будет разборка, составление протоколов. Но оказалось, что на Ямайке это не принято. Никакая полиция и не думала подъезжать. А довольно быстро, откуда ни возмись, подкатил автомобиль-эвакуатор и забрал разбитый черный лимузин. Его водитель-негритос вообще куда-то испарился без следа, оставив только свою визитку.

Я тем временем заскочил в ближайший магазин и смог дозвониться в компанию, где была арендована машина. Там спокойно выслушали мой жалостливый рассказ про аварию. И предложили, когда у нас будет время, заехать изложить все в письменной форме. И все! Никаких оформлений в полиции. Никакой фиксации обстоятельств ДТП. А как быть с разбитой машиной? Подъедет любой эвакуатор и заберет ее, вот и все.

Все это сильно отличалось от автомобильных правил, установленных в Советском Союзе, где в случае ДТП было запрещено трогать автомобили с места, и следовало дожидаться приезда сотрудника ГАИ. А тут никакого ГАИ, никаких протоколов. Удивительно!

Вскоре подъехал и второй эвакуатор. Его водитель, судя по всему, хорошо знал местные правила. Ничего не стал спрашивать, не стал уточнять, куда надо везти разбитую "тойоту". А просто затащил ее тросом к себе в кузов и уехал восвояси.

Конечно же, мы с Лешей тут же на такси кинулись в компанию, где была арендована "тойота". Что скажут там? Но и там все было предельно спокойно и рутинно. Сотрудник

предложил написать объяснительную записку. Я написал, уложившись в один лист. Сотрудник мельком ее прочитал, но не стал задавать никаких вопросов, а просто положил в папку. Потом предложил заплатить четыре сотни долларов и выбрать себе другую машину.

Мы с Лешей переглянулись. Разбитая по нашей вине машина, и никаких санкций? Более того, нам, таким горе-водителям, предлагают тут же взять машину взамен разбитой?! Ничего себе порядочки! Получается, можно сколько хочешь разбивать машины и даже штраф не надо платить?! Все это было очень необычно для нас, которые, в конце концов, были простыми советскими людьми и по своей душевной простоте полагали, что установленные в нашей стране правила были всегда максимально справедливы и разумны. Не то что в странах капитализма!

Однако надо было откуда-то добывать четыре сотни долларов. Машина была полностью застрахована, потому и не возникло проблем после аварии. Но страхование было с франшизой, которая составляла те самые четыре сотни "зеленых". То есть страховка покрывала любые риски, но страхователь при серьезных происшествиях был обязан вытащить и заплатить из своего кармана четыреста долларов. А все, что было свыше этой суммы, оплачивалось страховой компанией.

Я попросил дать счет на четыре сотни. Получив счет, я вытащил из кармана доллары и расплатился. А счет передал Леше. Тот должен был списать деньги на "транспортные расходы". Собственно говоря, по своей сути это действительно были транспортные расходы. В результате чего они возникли? В результате использования автомобиля? Значит, транспортные!

А дальше мы выбрали себе новую "тойоту". Она по виду была точно такая же, как и прежняя. Но номер-то был другой! Значит, предстояло как-то объяснять членам делегации, куда делась прежняя машина и откуда взялась новая. Однако с момента аварии до момента выезда на новой машине за ворота

компании прошло всего сорок минут. Сорок!

Но тут Леша вдруг попросил меня сесть за руль. "Рука что-то болит!". И попытался пошевелить пальцами. Это у него не очень получилось. Было заметно, как Алексей поморщился от боли. В чем дело? Повредил при аварии? Оказалось, что Леша не успел убрать руки с руля и в момент столкновения получил довольно резкий удар по второй фаланге большого пальца левой руки. Поначалу рука болела не слишком сильно. Но теперь боль стала совершенно нестерпимой.

Переговоры закончились, Колосовский явился в гостиницу на ужин. Надо было как-то с ним объясниться. В любом случае надо было хоть что-то сказать по поводу аварии. Вдруг посольство как-нибудь проведало про происшествие? Позвонят Колосовскому, спросят, а он ничего и не знает! Получается, я скрыл от него такое важное событие!

– Игорь Константинович!– как можно более небрежно обратился я к шефу.– Мы тут немного поцарапали машину (Написание!). И решили ее поменять в компании на непоцарапанную. Никаких за это дополнительных денег платить не надо. Так что теперь у нас машина немного с другим номером.

Я старался говорить так, чтобы представить происшествие как совершенно незначительное. Но Колосовский был стреляный воробей! Он оторвался от своей тарелки и очень внимательно посмотрел на меня. Нетрудно было догадаться, что именно означал этот взгляд. Конечно, Колосовский понял, что речь шла вовсе не о царапине. Иначе я вообще бы ничего не сказал. А о смене номера можно было сообщить водителю Колосовского. Но если уж я решил упомянуть об инциденте, то этот инцидент того явно стоил!

– Игорь Константинович! Проблем не будет никаких. Просто я вас ставлю в известность. А то еще кто-нибудь прибежит к вам, скажет, что у нас была авария, а я это от вас скрываю.

Колосовский еще помолчал. И так ничего не сказав, опять уткнулся в свою тарелку. Если Трофимов обещает, что никаких

проблем не будет, значит, так оно и есть. А там уж пусть он сам разбирается с деталями, кто кому и что "поцарапал".

Надо отметить, что в этом эпизоде Колосовский повел себя не как полный зловредный гад, а как вполне нормальный человек. Впрочем, такое anomальное для него поведение объяснялось довольно просто: я был в его руках инструментом для того, чтобы портить жизнь другим членам делегации. Значит, такой инструмент надо беречь.

Конечно же, сразу несколько членов делегации заметили смену арендованной машины и тут же забросали нас с Лешей вопросами. Ведь просто так машины не меняют! Значит, поломка или того хуже – авария. Но я в детали вдаваться не стал: "Сломалась, поменяли на другую. Колосовский – в курсе...".

Травма

Однако этим дело не ограничилось. Рука у Алексея разболелась так, что дальше, как говорится, ехать было совсем некуда. Надо идти к врачу! Мы улучили свободный момент и записались на прием к местному терапевту. Но Ямайка – она и есть Ямайка! В том числе и по части квалификации врачей. То есть хуже не бывает. Врач даже и не подумал назначать рентген, а просто выслушал жалостливый рассказ об аварии и о сильных болях. Потом осторожно пощупал палец, задумчиво посмотрел на запястье Лешы и вдруг прямо спросил:

- Чем я могу вам помочь?

Лучше бы он этот вопрос не задавал! Я как большой дипломат и специалист по Ямайке тотчас же опередил Лешу и выпалил:

- Было бы хорошо как-нибудь сделать так, чтобы на руке не было никакого гипса. Нельзя ли как-нибудь иначе зафиксировать палец?

Местный эскулап сразу все понял и одновременно не только хмыкнул, но и взмахнул руками:

- Конечно, можно! Да тут и нет нужды ни в каком гипсе! Сейчас зафиксируем палец специальной повязкой из пластыря, вот и все!

Понятно, что я, обращаясь с такой просьбой к врачу, просто хотел избежать излишнего внимания сотрудников собственного посольства, а также коллег по делегации. Что они могут подумать? Только что эти товарищи, Володя с Лешей, почему-то сменили машину. А сегодня уже явились в гипсе. Что-то тут не так! Начнутся расспросы, кто-нибудь сообразит позвонить в компанию, предоставляющую автомашины в аренду. И кончится все позорным разоблачением во вранье, а также лишением возможности кататься на машине.

Но такова была моя логика, а вовсе не Леша. Тот уже не столько беспокоился по поводу разоблачения, сколько не знал, куда деться от боли. Но Леша не стал спорить. К тому же было понятно, что гипс не избавит от боли. Просто надо было как-то зафиксировать травмированный палец. На вид этот палец не выглядел как сломанный. Особой опухоли и посинения не было. Наверное, просто ушиб!

Тем временем врач вытащил рулон пластыря и наклеил две полоски вдоль пальца, зафиксировав на каждом конце еще небольшим колечком пластыря. И выписал обезболивающее типа анальгина, которое надо было купить в местной аптеке. На том лечение и закончилось...

Последняя неделя перед отъездом прошла для Леша совсем кисло. Он не знал, куда деваться от боли. Он ничего не таскал левой рукой, пил местный анальгин, а еще больше налегал на спиртное. Но все это мало помогало. Тем не менее, история с разбитой вдребезги машиной так и не всплыла, пластырь на пальце никто не заметил. И по моим меркам, эта неприятная история закончилась более чем благоприятно.

Через неделю я с изумлением разглядывал Лешу, встретив его в одном из коридоров МИДа. У того на руке красовался толстенный гипс, а сама рука висела на перевязи.

- Ты что?.. Что это ты сделал со своей рукой?

– Володя! Володя! Вот результат наших с тобой развлечений на Ямайке! – с горечью ответил Леша. – За удовольствия-то приходится дорого платить!

Алексей замолчал, и я очень ясно понял, что значили эти его слова: "Развлекались-то вдвоем, а расплачивается-то один Леша!".

– Я сразу же побежал в нашу поликлинику,– продолжил после небольшой паузы Леша.– Там мне тут же сделали рентген. И стало ясно, что вторая фаланга большого пальца – сломана! Мало того, что сломана, она еще и неправильно срослась!

Тут Леша сунул мне под нос свой гипс. То ли он хотел меня пристыдить, то ли показать свой многострадальный палец. Но никакого пальца видно не было. Однако гипсовая култышка красноречивее всяких слов подтверждала Лешины слова, что палец действительно был сломан.

– И знаешь, что дальше сделали эти врачи? Они решили, что сломанная кость не должна срастаться неправильно! И начали эту мою руку крутить и вертеть туда-сюда. "Чего это они ее крутят? – подумал я.– А они вдруг как ударят по пальцу!".

Тут Леша опять приостановил свой рассказ и так пронзительно глянул мне в глаза, что я понял не только всю глубину Лешиних страданий, но и то, что часть вины точно лежала на мне. Во всяком случае, именно так полагал мой товарищ по ямайским похождениям.

– Они, видите ли, решили сломать мне еще плохо сросшуюся кость и зафиксировать ее в гипсе уже как следует!– продолжил Леша.– Но как именно ломать? Представь себе, эти гнусные мясники решили обойтись без наркоза! Они думали, что если сломать неожиданно, то будет не очень больно!

Тут Леша завершил свой скорбный рассказ. А я внутренне содрогнулся, представив, как врачи треснули со всей силы по Лехиному сломанному и неправильно сросшемуся пальцу. Бедный, несчастный Леха! Какие муки он вынужден был терпеть из-за этой командировки! А еще больше из-за того, что я вел себя на Ямайке настолько подозрительно, что вынудил

местных чекистов разбивать чужие машины и ломать пальцы членам советской делегации. В общем, я тут очень сильно посочувствовал Леше, однако немедленно распрощался с ним, сославшись на очень срочные дела. Дальше смотреть в Лешины несчастные голубые глаза у меня не было совершенно никаких сил.

Корабли намер десять

Понятно, что Ямайка – это сомнительная страна, где с любым человеком могут случиться всевозможные неприятности. А как насчет США? Как выяснилось, и там советский человек мог попасть в нехорошую историю. В этом я получил возможность убедиться, как говорится, на собственной шкуре. Ведь, как я уже упоминал, советская делегация, занимавшаяся морским правом, регулярно участвовала в переговорах не только в Кингстоне на Ямайке, но и в Нью-Йорке.

С технической точки зрения поездка в Нью-Йорк ничем не отличалась от поездки на Ямайку. Тот же состав делегации, те же вопросы повестки дня. Единственное отличие заключалось в сроках: на Ямайку надо было ехать в феврале, а в Нью-Йорк – в июле. Соответственно, я примерно одинаково готовил и обе эти командировки. Билеты, гостиницы, автомобили, представительские мероприятия. А также документы и досье. Ведь переговоры нельзя вести без подготовки, но для этого надо время от времени заглядывать в те или иные бумаги!

Собственно говоря, документы комиссии по морскому праву делились на две группы: секретные, в том числе директивы для переговоров, и несекретные. С секретными ситуация была простая: они хранились в секретных портфелях в специальной секретной комнате. Эти документы редко покидали свое место, разве что время от времени я или другие сотрудники брали их в свой кабинет для какой-то работы. За границу эти документы никогда и ни в каком виде не вывозились. По большому счету именно директивы представляли ценность для зарубежных

ШПИОНОВ.

С несекретными бумагами была немного другая история. Частично это были чисто технические документы: переписка с хозяйственниками, согласование сроков поездки, состава делегации, бронирование билетов, гостиниц и транспорта. А частично это были всевозможные справочные документы. Информация, которую они содержали, не являлась секретной. Это была международная судебная практика, позиции других государств по актуальным проблемам морского права, всевозможные тексты международных соглашений, различные географические и геологические сведения. В общем, все то, что могло помочь подготовиться к переговорам.

Я брал все эти справочные бумаги с собой на переговоры как в Кингстон, так и в Нью-Йорк. Получалось около десятка коробок из-под водки. Этих досье и папок действительно было очень много! Наверное, можно было потратить пару дней и сократить их количество до двух водочных коробок. А вдруг выкинешь что-то, что потом понадобится? И я не морочил себе голову, а просто брал все подряд. Так надежнее!

Все эти бумаги сдавались в аэропорту как самый обычный багаж. Если потеряются – будет жалко, но не смертельно. Однако за все многочисленные поездки ничего никогда из этих коробок не терялось и не пропадало. В Кингстоне я вез все эти коробки в посольство, где они и занимали свое законное место на одной из полок. А потом в конце сессии все повторялось в обратном порядке: упаковка в водочные коробки, сдача в багаж, получение в общем порядке в аэропорту и назад, на полку в кабинете.

При поездке в Нью-Йорк схема с перевозкой и хранением документов была примерно такая же. В Нью-Йорке они также хранились в служебном кабинете, но только не в посольстве, а в представительстве СССР при ООН.

Это был специальный служебный кабинет. Именно в нем работали разные советские делегации, которые по тому или иному поводу приезжали в США на мероприятия, проводимые в

рамках ООН. Тут же хранились и документы этих делегаций.

Нужно поподробнее описать упомянутую комнату, это важно для понимания дальнейших событий. Она находилась где-то в середине многоэтажки, которую занимало представительство. Единственное окно выходило на глухую стену соседнего здания. Голубого неба в это окно видно не было, расстояние до стены составляло всего несколько метров.

Площадь комнаты была метров под тридцать. Там стояло чуть не десяток самых простых столов и дюжина стульев. А по стенам располагалось несколько металлических канцелярских шкафов унылого серого цвета. Все они стояли пустые. Но когда приезжали делегации, они оставляли свои бумаги и досье именно в этих самых шкафах.

Обычно члены делегации собирались в этой комнате в свободное от переговоров время и либо писали свои отчеты, либо готовились к предстоящим встречам или в непринужденной обстановке обсуждали самые разные вопросы. Тут же проходили и некоторые формальные совещания.

Конечно, члены делегации хорошо знали и соблюдали правила сохранения тайны. По-настоящему секретные вопросы обсуждались только в специально оборудованных помещениях. А в таких комнатах можно было обсуждать только то, что не составляло государственную тайну. Однако если быть честным, то, конечно, и в этом незащищенном помещении кто-то мог невзначай что-то такое сказать, что могло представлять интерес для американских властей. Несомненно, что если подробно и тщательно анализировать такие полунеформальные разговоры-переговоры, то всегда можно извлечь для себя что-то полезное.

И вот в один прекрасный день произошло следующее. Сессия уже подходила к концу. Я зашел в упомянутую комнату и стал укладывать свои досье в водочные коробки. Ни одного человека в комнате в это время не было. Спешить тоже было некуда, самолет улетал лишь на следующий день, все дела были уже закончены, все покупки сделаны и упакованы в чемоданы. Оставалось собрать только эти служебные досье.

Уж как-то так получилось, но только я сначала выложил все свои досье на два стола, стоявшие вдоль шкафов и прикинул, как буду дальше паковать весь этот бумажный груз. По какой-то необъяснимой причине я вдруг решил предварительно рассортировать досье и разложить их в коробки в определенном порядке. Наверное, я полагал, что так будет легче распаковывать груз в Москве. Открываешь коробку и вытаскиваешь из нее все подряд на соответствующую полку.

Всего коробок оказалось ровно десять. И в десятую, последнюю, коробку я сложил справочные документы, которые касались непосредственно данных геологоразведки морского дна. Коробки я пронумеровал, чтобы легче было контролировать, все ли они на месте, не забыли ли что-то в процессе погрузки и перевозки. После этого коробки были завязаны крест-накрест упаковочной веревкой и составлены вдоль стены. На следующий день сотрудники представительства должны были помочь довести их до аэропорта и сдать в багаж.

Все именно так и произошло, как я планировал. На следующий день под моим присмотром весь служебный багаж делегации был отправлен в аэропорт и там сдан на стойке Аэрофлота. Все, на этом командировка в Нью-Йорк закончилась! Еще через час самолет взлетел и взял курс на Москву.

А в Москве случилось вот что: одной коробки я и не досчитался! Проверил по номерам, не доставало как раз коробки под номером десять. То есть данные геологоразведки морского дна...

Я для порядка подождал коробку еще полчаса, но, в конце концов, махнул на нее рукой. Не сидеть же из-за этого в аэропорту до ночи! Ведь надо еще доехать до Смоленской площади, вытащить из машины весь остальной груз и переправить его в свой кабинет. Никто за меня эту работу делать не собирался. Так что сидеть в аэропорту не было никакого резона. Я написал официальное заявление о потерянном багаже, указал в нем свое имя и служебный телефон и уехал из

Шереметьево прочь.

Для себя я решил, что через недельку наведаюсь в "Аэрофлот" и узнаю судьбу своей потерянной коробки. Ведь она была сдана именно "Аэрофлоту", при этом был выдан отрывной талончик. Не испарилась же она! Наверное, куда-то завалилась при перевозке. Найдут, посмотрят на ярлык и отправят в Москву следующим рейсом. Вот тогда-то мы ее и получим!

Но события меня опередили. Через три дня на моем столе зазвонил телефон, и приятный женский голос поинтересовался, не терялся ли у меня какой-либо служебный багаж из Нью-Йорка. Сотрудница "Аэрофлота" сообщила, что коробка нашлась, и я могу ее забрать из специальной комнаты потерянного и найденного багажа пассажиров.

На следующий день я на служебной "Волге" прикатил в Шереметьево-2. Комната с потерянными вещами нашлась очень быстро. Она была до потолка набита всевозможными чемоданами, узлами и сумками. Видимо, вещи при перевозке терялись не так редко, как это могло показаться.

А вот и та самая коробка под номером десять! Я радостно потянулся к ней, но таможенник строго глянул на меня и сделал предупредительное движение рукой.

– Это ваш груз? Вы утверждаете, что это именно ваша коробка? А что внутри?

Я предъявил свое удостоверение и стал объяснять, что это служебный груз делегации по морскому праву. Внутри нет ничего интересного, только одни официальные бумаги. Но, видно, я говорил как-то неубедительно, или вообще в Шереметьево было принято проверять такой потерянный багаж, а только таможенник попросил коробочку открыть. Спорить было бесполезно, да и нужды в этом не было никакой. Пусть смотрит, если так интересно! Я довольно быстро развязал веревку и распахнул коробку. И обомлел... Внутри лежали те самые досье, которые я укладывал. Но в них явно кто-то рылся. Да мало того, что рылся! Верхнее досье было перегнуто таким образом, что, когда я открыл коробку, оно распрямилось и

раскрылось точно на определенном документе. В верхнем правом углу этого документа зловеще красовались три жирные черные буквы: "ДСП". Это был гриф документа, который обозначал, что бумага предназначалась исключительно для служебного пользования.

Эти три злополучные буквы, как мне казалось, горели ярким огнем. Не заметить их было просто невозможно. Сейчас таможенник вызовет пограничника, они составят акт, направят его мне на работу. И придется иметь очень неприятные объяснения с людьми, отвечающими за секретность. Вообще-то, за такой проступок можно было запросто лишиться и работы. А может быть, и загреметь за решетку. Все зависело от того, что содержалось в этой чертовой бумажке.

Однако по какой-то волшебной причине таможенник не обратил внимания на грифы, а попросил вытащить все досье из коробки. Видимо, тут сработала его обывательская философия: если уж поехал в Нью-Йорк и имеешь возможность отправлять оттуда служебный багаж, то в него обязательно надо запихать что-то совсем запрещенное. Например, порнографию или даже оружие. На крайний случай какие-нибудь магнитофончики или фотоаппаратики.

Но в коробке не было никакой порнографии. Не было там и оружия и патронов к нему. А было только бесконечное количество всяческих разных бумаг. Таможенник, наконец, разочарованно вздохнул и отвернулся. Это означало, что представитель МИДа может убираться со своей коробкой восвояси...

"Умерка"

Я доехал до Смоленской площади, занес коробку в кабинет, сел за свой стол и очень сильно задумался. Ясно было, что американцы в этой коробке успели хорошо порыться. Но этого мало – они ее не просто вернули, а подали мне вполне определенный знак. Они показали, что благодаря моему

разгильдяйству ими был получен доступ пусть не к секретному документу, но все равно к бумаге, которая была ограничена в обращении. То есть я совершил должностной проступок, и американцы могли это доказать. Возникал законный вопрос: не последует ли теперь шантаж?

Я все сидел и размышлял. Все-таки если бы речь шла о шантаже, то для этого не было нужды устраивать подобный цирк с коробкой. Не надо было так изощряться и перегибать досье, чтобы они раскрывались на соответствующих страницах. Просто ко мне подошел бы соответствующий человек и предъявил нужные доказательства. А иначе получалось, что меня заранее уведомяли о том, что на меня имеется компромат. Нет, компромат предъявляют неожиданно, чтобы человек был ошеломлен и не успел придумать, что ему делать!

А какие, собственно говоря, доказательства? Как они стали бы доказывать, что коробку складывал именно я? И что в ней действительно имелся документ с грифом "ДСП"? Всегда можно было бы сказать в ответ, что это наглая фальшивка и провокация в одном флаконе.

Нет, для шантажа тут было маловато материала! Скорее, все это было намеком на то, что коробочка под номером десять может в какой-то момент добавиться к каким-нибудь еще дополнительным фактикам, и глядишь, все в совокупности может и потянуть на успешные шантаж и вербовку.

Да, все выглядело именно так. Конечно, оставался еще один вариант, что американцы досконально знали процедуры в Шереметьево и надеялись, что таким образом они смогут меня скомпрометировать. Глядишь, и удалось бы вышибить из обоймы такого слишком ретивого сотрудника советского МИДа.

Однако теперь надо было понять, как так американцы положили свой глаз именно на эту коробку, а не на другую? Просто случай? Может быть. А если нет? Тогда откуда они знали, что именно в этой коробке лежат более или менее интересные документы? Получается, у них был источник информации. Сам я никому не пояснял, как именно собираюсь

паковать служебные документы. Да никто меня об этом и не спрашивал. Никого из посторонних при упаковке в комнате не было.

Могли ли американцы успеть заглянуть в коробку прямо в аэропорту? На это у них было не так много времени. И надо было распаковывать подряд все коробки, чтобы понять, какая из них самая ценная. Но это было технически слишком сложно, ведь багаж сдавался на рейс "Аэрофлота", а не американской авиакомпании. Вряд ли это было возможно.

Наверное, американцы могли как-то воспользоваться окном в той самой переговорной комнате для делегаций. Видимо, стена противоположного дома была не такая уж и сплошная. Но в таком случае американцы должны были как-то по-особому исхитриться. Ведь я стоял спиной к окну и существенно загораживал обзор. Мало того, упаковка происходила на противоположной от окна стороне кабинета. То есть угол для наблюдения был предельно неудобный. Просто на грани возможного.

Однако что теперь делать? Если рассказать обо всех своих подозрениях, то придется тем самым признать, что ты возил документы, которые нельзя было возить. И эти документы попали в руки к американцам.

Тут я еще раз изучил злополучную бумажку с грифом "ДСП". Этот документ был прислан из министерства геологии. В нем описывались промеры глубин на одном из участков морского дна. Было ли тут что-то такое, что представляло для американцев тайну? Это был участок открытого моря, и там мог работать с эхолотом корабль любой страны. Другое дело, что из бумаги можно было понять, каким именно участком морского дна мы интересовались. В общем, какой-то интерес этот документ для иностранцев мог представлять. То есть рассказать об инциденте советским чекистам означало поставить под вопрос и свою собственную судьбу. Может, именно поэтому американцы и устроили эти фокусы с самораскрывающимся досье? Чтобы я помалкивал себе в тряпочку? Очень может быть.

В общем, я не долго колебался, "засвечивать" "утечку" или нет. Конечно, надо "засветить"! Но как? Не идти же в приемную КГБ. Там на меня посмотрят как на идиота. Ведь в МИДе есть и своя служба безопасности. Но и туда идти не хотелось. Формально у меня было маловато оснований утверждать, что "утечка" действительно имела место. Коробка могла быть выбрана случайно. Коробку вообще могли распаковывать не американцы. Ведь багаж-то сдавался в самолет "Аэрофлота". То есть содержимым могли заинтересоваться и грузчики. Вдруг там внутри что-то интересное? Тогда можно и стырить! Так и напрашивался вывод, что у меня мания преследования, признаки навязчивой или сверхценной идеи. Одним словом – шизофрения.

Тут я еще раз припомнил опыт общения со своими собственными секретчиками из министерства. Когда они получили копию американской расшифрованной телеграммы, вместо благодарности стали подозревать меня в головотяпстве и разгильдяйстве. А тут и подозревать было нечего, я сам признавался в том, что проявил недопустимую небрежность.

Для начала я решил подойти к человеку в своем собственном отделе. Формально это был самый обычный сотрудник. А на самом деле этот товарищ сидел здесь, что называется, "под крышей". Все сотрудники отдела это, конечно, знали, но было принято делать вид, будто никто этого не понимает и не знает.

– Хотелось бы посоветоваться по одному вопросу, – начал издали я свою речь. Товарищ при этих словах немного напрягся, начало не предвещало ничего хорошего. Именно так обычно и кончается спокойная жизнь. Но я не стал его напрягать, а просто рассказал, что именно со мной произошло. Товарищ задумчиво выслушал историю, немного поморщился, потом эдак проникновенно на меня посмотрел:

– Смотри сам! То, что тут имела место "утечка", это совсем не факт. А вот ты можешь запросто заработать неприятности.

Ответ был кратким и исчерпывающим. Из него следовало, что история не выглядит убедительной. Из него также

следовало, что товарищ сам не очень горел желанием двигать ее дальше. И, самое главное, ответ означал, что действительно тут были основания получить не орден, а по шее.

Офицер безопасности

После такого разъяснения у меня совсем отпало желание ходить в какие угодно приемные КГБ. Однако и оставлять дело так, как есть, тоже не хотелось. Случай представился быстрее, чем я того ожидал. Через два месяца получилась служебная командировка опять во все тот же город желтого дьявола - Нью-Йорк. Командировка была совсем короткой, но это было и не важно. Зато появлялась возможность поговорить с местными сотрудниками из представительства!

На второй же день командировки я нашел офицера безопасности и прямо так ему все в лицо и выложил, и про коробку, и про предполагаемую "утечку". Рассказ получился не то чтобы уж очень грубым. Но из него косвенно следовало, что растяпой тут был не только я со своими документами. Растяпой был и офицер безопасности, у которого прямо под носом нагло орудовал враг. Настолько нагло, что даже рядовые сотрудники МИДа это замечали.

– Интересная информация, – промолвил офицер. – Обязательно разберемся, можете не беспокоиться!

Я удовлетворенно кивнул в ответ. Однако уверенности у меня в том, что кто-то тут будет разбираться, совсем не возникло. Если бы товарищ действительно собирался дать делу ход, он не ограничился бы таким ответом, а еще час расспрашивал бы обо всех деталях и нюансах. Но расспросов и уточнений не последовало. Это означало, что меня отослали подальше, чтобы не крутился под ногами! Но сделали это вежливо, чтобы я остановился со своими рассказами и не компрометировал уважаемых людей из службы безопасности представительства Советского Союза при ООН.

Красная морда

Прошло еще несколько месяцев. Никаких сигналов о том, что в Нью-Йорке было проведено разбирательство и была пресечена "утечка" информации, я не получил. Конечно, формально никто и не должен был докладывать мне о таких делах. Но если бы была обнаружена американская камера, с помощью которой фотографировались служебные документы, то про такое я, пожалуй, все-таки узнал бы. Однако никаких историй подобного рода слышно не было.

А тут подвернулась еще одна командировка, на этот раз в Канаду. И не то чтобы там решались какие-то важные вопросы, просто между сессиями выделялись еще дополнительные деньги на ряд поездок, якобы для согласования тех или иных вопросов. Все это называлось громким словом "консультации". Дошла очередь проводить такие "консультации" и с Канадой.

Конечно, как всегда в таких случаях меня кто-то о чем-то просил. Надо было передать в наше посольство в Канаде какие-то вещи, которые требовались родственнику, работавшему там. Другие, наоборот, просили захватить передачку из Канады в Москву. И вот один из таких просителей разоткровенничался и предупредил меня, что в нашем посольстве сотрудник, отвечающий за безопасность, – исключительно зловредный тип. Сам он отчаянный выпивоха, эдакий неприятный персонаж с вечно красной мордой. И то ли в силу пьянства, то ли в силу природной подлости, а только этот товарищ регулярно шлет в Москву доносы как на сотрудников посольства, так и на командировочных. И с этим человеком надо особо держать ухо востро, ни в какие сомнительные разговоры не вступать, а только поддакивать и хвалить советскую власть. И ни в коем случае не садиться вместе выпивать!

Информация эта была вполне своевременной и полезной. На меня уже разок накатали жалобу в партком, что я пришел на переговоры с иностранцами хорошо выпивши. И пришлось ходить и объясняться перед старшими товарищами, что все на

самом деле было не так, а меня просто неправильно поняли. Такие жалобы или кляузы, к сожалению, были не таким уж и редким делом в МИДе. Как-то кадровик при мне немного неосторожно листал мое личное дело. И хотя все бумаги лежали для меня кверху ногами, я вдруг понял, что чуть не через страницу это были какие-то то ли доносы, то ли жалобы на те или иные мои поступки. Формальные анкеты в моем деле регулярно чередовались с листками то из блокнота, то из ученической тетради, на которых текст был написан от руки. Что еще, если не доносы? Видеть такое было крайне неприятно. Вот так пьешь и гуляешь с человеком, разговариваешь с ним, что называется, по душам. А он по итогам такой беседы пишет на тебя донос! Откуда только берутся такие гнилые людишки?! Я сам так не поступал никогда.

В общем, предупреждение насчет слишком бдительного товарища в посольстве было совсем не лишним. Черт его знает, такой человек даже в случае безобидной беседы потом возьмет, да и все перевернет, а то еще и насочиняет! И будешь после этого удивляться, почему в какую-то командировку тебя не послали или почему задержали с продвижением по службе.

В Оттаве советскую делегацию, как всегда, встречали несколько человек из посольства. Самого Колосовского посадили в отдельную большую машину и увезли на встречу с послом. А меня подобрал другой сотрудник посольства и повез прямо в гостиницу. Я глянул на него и сразу понял, кто это такой: лицо круглое и заметно красное. Товарищ вполне подходил под описание, которое я услышал в Москве. А когда подошли к его машине, сомнения и вовсе рассеялись. Это был довольно симпатичный "мерседес".

Дело в том, что сотрудники советских спецслужб, работавшие под крышей посольства, обычно катались на дорогих машинах. Это их заметно выделяло из числа обычных дипломатов, которые довольствовались всевозможными дешевенькими и, как правило, еще и изрядно потрепанными автомобилями. Хорошая машина была почти верным признаком,

что имеешь дело с человеком "под крышей", так называемым "соседом". Откуда взялось это словечко "соседи"? Кажется, еще с тех времен, когда МИД располагался в здании на площади Дзержинского рядом с КГБ. Слово обычно использовалось в МИДе для обозначения разведчиков и контрразведчиков, работавших под прикрытием дипломатического иммунитета. Еще различали "ближних соседей" и "дальних соседей". Но это уже совсем детали. "Ближние" были из упомянутого КГБ, а "дальние" – из ГРУ.

В машине у красномордого мне вдруг пришла в голову интересная мысль: а нельзя ли использовать то, что этот товарищ любит строчить доклады в Москву? Может, подкинуть ему этот вопрос для очередного доклада? И сразу убью двух зайцев: дам тему для депеши и выведу себя из-под удара. Ведь если красномордый перескажет в письменном виде историю про "утечку" информации из представительства Советского Союза в Нью-Йорке, он будет заинтересован в том, чтобы этот рассказ выглядел более убедительно. А значит, он будет не склонен характеризовать в отрицательном свете источник информации, то есть меня.

Да, вот так все и было, я вдруг решил рассказать местному чекисту эту самую историю про пропавшую и вдруг обнаруженную коробку. Конечно, рассказывать эту историю в машине было немного рискованно. Вдруг местные спецслужбы прослушивают автомашину? Передадут все американцам, а те быстренько спрячут все концы в воду. Впрочем, перед выездом я наслушался характеристик не только про людей "под крышей" из собственного посольства, но и про канадскую контрразведку. Характеристики были довольно-таки издевательские. При этом рассказчики, как правило, особо обыгрывали название канадской контрразведки. По какой-то причине, наверное, для того, чтобы сохранить исторические традиции, контрразведка до середины восьмидесятых годов входила в состав обычной полиции, которая называлась Королевской канадской конной полицией. Ну и якобы работала контрразведка так же, как и

называлась.

Отвлекаясь от основной нити повествования, воспользуюсь случаем и расскажу тут, как в реальности действовали канадские спецслужбы в некоторых ситуациях. Как-то мы с приятелями, в том числе с ответственным российским дипломатом Андреем Крутских, поехали за пределы Монреаля немного поразвлечься и там встали в очередь на один из аттракционов в аквапарке. Очередь была длинной, мы стояли и болтали между собой на самые разные темы, но никаких секретов, понятное дело, не разбалтывали. А в той очереди вместе с нами стояли самые разные местные люди. И вот когда очередь уже подходила к концу, человек, который стоял сзади, вдруг обратился ко мне. Обратился на довольно-таки приличном русском языке. А был он самым настоящим черным-пречерным негром, на которого никогда и не подумаешь, что такой может объясняться на твоём родном языке. То есть этот тип тихонько подошел, встал в очередь сзади меня и некоторое время слушал, о чем меж собой переговариваются советские люди. А потом еще решил и похвалиться, как он ловко и незаметно к нам подкрался. Его слова были как раз именно в том самом духе – какой он ловкий. Впрочем, похвальба подобного рода, это не такое уж и редкое явление среди сотрудников спецслужб самых разных стран. Нередко такие люди переходят грань дозволенного, чтобы похвалиться: "Вот я какой! А вы и не подозревали, кто я на самом деле!".

Итак, машина с красномордым сотрудником тронулась, покинула аэропорт и покатила по бесконечным канадским дорогам. Я выдержал паузу, немного поговорил на отвлеченные темы. А потом как бы между прочим рассказал во всех деталях про свои подозрения насчет советского представительства в Нью-Йорке. Красномордый слушал очень внимательно, что меня изрядно порадовало. Значит, запоминает и, скорее всего, действительно накает телеграмму в Москву! А телеграмма – это уже документ, от которого не отмахнешься! Придется проводить разбирательство. Чего, собственно говоря, я столь

настойчиво и добивался.

Шторм

Прошло некоторое время, наверное, месяца два. И вот вдруг ко мне в кабинет заглянул какой-то незнакомый человек. Он назвался моим коллегой и стал что-то такое расспрашивать по долгу службы. А потом как бы между прочим отвлекся от основной темы и рассказал следующую историю. Причем рассказал уверенно, не сомневаясь, что она будет для меня интересна.

Из его рассказа следовало, что бдительные контрразведчики, работавшие в советском представительстве при ООН в Нью-Йорке и занимавшиеся безопасностью, свой хлеб ели не даром, а очень даже блюли эту самую безопасность. И вот однажды они начали внимательно изучать закупки, которые делал завхоз представительства. Одна из закупок привлекла их внимание. Оказалось, что этот самый завхоз регулярно, раз в год, менял мебель в некоторых служебных кабинетах представительства. Это показалось довольно странным и даже подозрительным. Зачем ежегодно менять мебель, если это железные шкафы? Что с ними может случиться за год?

Доказательств, что с этими шкафами что-то было не в порядке, сотрудники не нашли. Но решили на всякий случай отправить завхоза назад в Москву. При этом нашли какой-то благовидный предлог, чтобы завхоз не догадался, что его отправляют в Москву не на неделю, а навсегда. А то еще, чего доброго, расстроится и удерет к американцам!

В Москве завхоз зашел в МИД к своему кадровику выяснить насчет даты обратного вылета. А тот вдруг возьми да и скажи, что к нему имеются какие-то претензии, и пока об обратном вылете говорить рано. Ничего кроме того кадровик не сказал. Но завхозу и такого намека было достаточно:

– Очень жаль, – сказал он. – Ну, если возникли какие-то проблемы, значит, я назад в Нью-Йорк уже не полечу! Пойду

тогда сдавать билет на самолет на обратный рейс, а то "Аэрофлот" еще чего доброго заставит заплатить штраф.

И с этими словами завхоз вышел из родного министерства. Для того чтобы сдать билет, надо было перейти Садовое кольцо, сесть на противоположной стороне на троллейбус "Б" или "10" и доехать до Фрунзенской набережной, где тогда располагался офис "Аэрофлота". Однако завхоз переходить Садовое кольцо не стал, а сел на троллейбус "Б", который ехал в противоположном направлении.

Через две остановки он сошел и только тут перешел на противоположную сторону Садового кольца. Но на противоположной стороне никакого офиса "Аэрофлота" не было. Зато там было посольство Соединенных Штатов Америки. Конечно, это посольство, как и всякое другое, надежно охранялось советскими сотрудниками, переодетыми в милицейскую форму. Но наш герой нашел какой-то способ и все-таки проскользнул в здание посольства...

Через непродолжительное время в московской квартире сына этого самого завхоза раздался телефонный звонок: "Сын! Я звоню тебе из американского посольства в Москве. Пожалуйста, не осуждай меня! Но уж так сложилась жизнь, что теперь я буду жить не в СССР, а в Америке. Не поминай лихом...".

Понятное дело, звонки из здания посольства США отслеживались советскими спецслужбами. И тот, кто перехватил этот звонок, достаточно быстро понял, о чем идет речь. Сотрудники КГБ тут же кинулись в американское посольство: "Немедленно выдайте нам нашего гражданина, который подозревается в шпионаже!".

На что американцы вполне резонно возразили, что они бы и рады выдать. Но, во-первых, хотели бы предварительно увидеть доказательства шпионской деятельности завхоза. А, во-вторых, этот самый завхоз на самом деле является гражданином США, и в любом случае выдать его будет проблематично, тем более по такому поводу.

Доказательств шпионской деятельности, конечно же, у КГБ

не было никаких. А если бы были, то завхоза скрутили бы уже на трапе самолета. И сотрудники КГБ отступились. В результате было заключено джентльменское соглашение и уже через пару дней завхоз с американским паспортом в кармане спокойно улетел в США...

Самое интересное собеседник сообщил мне в конце беседы. Завхоза звали Павел Энверович Героев. А попросту – Паша. Это был мой старый знакомый по представительским продуктам и подаркам. Тот самый вежливый и интеллигентный человек, которого мы уже упоминали в этой главе и который не стремился строить другим людям никаких формальных и необоснованных препон, не мелочился и не вредничал. Мог под честное пионерское слово выдать продукты со склада, а получить подтверждающие документы только потом. В общем, образцовый советский человек. А чего ему, собственного говоря, было мелочиться, если на самом деле он был американским шпионом?!

Итак, попытаемся восстановить цепочку событий, произошедших после утери коробки. Сотрудник КГБ, который работал в МИДе в моем отделе, сразу честно сказал, что ничего делать не будет. Сотрудник той же конторы, но уже в представительстве СССР в Нью-Йорке, пообещал принять меры, но тоже ничего делать не стал. Наконец, я нащупал слабое звено – это был запойный представитель КГБ в Канаде. Алкоголик с моих слов накатал в Москву шифровку. А это был уже документ, от которого было трудно отбиться. Во всяком случае, его переадресовали в Нью-Йорк, во все то же представительство СССР при ООН. А что делать тамошним чекистам? Искать шпиона? Искать пути "утечки" информации? Легко сказать! И там решили найти козла отпущения (Именно так!), в результате остановились на слегка подозрительных действиях завхоза Паши. Такого можно и выслать назад на Родину! Понятно, что он никак не замешан ни в каком шпионаже, но тут самое главное, что в силу своего жалкого положения он не сможет дать отпор и доказать в Москве свою невиновность!

Вот Пашу (Павла Энверовича Героева) и выслали назад в Советский Союз. Конечно, никто в Нью-Йорке даже и мысли не допускал, что Паша – американский шпион, иначе его совсем иначе встречали бы в Шереметьево-2. А так и московские контрразведчики, и их коллеги в Нью-Йорке были уверены, что отправляют досрочно на родину совершенно невиновного, чтобы просто закрыть дело, поломав при этом судьбу первого попавшегося им под руку человека.

Итак, Паша приезжает на родину, и тут кадровик ему намекает, что это не приезд на недельку, а полная отставка. У Паши были разные варианты, что делать дальше. Он мог просто утереться, пойти назад на свою работу в хозяйственную службу МИДа и продолжать шпионить на американцев. Но ведь Паша, в отличие от некоторых других участников этой эпопеи, не был полным дураком. Для начала он понял, что, хотя настоящего компромата на него нет и немедленная тюрьма и расстрел ему не грозят, весь остаток своей жизни он будет под подозрением. А тут особо не пошпионишь!

Был у Паши и другой вариант: немедленно прибежать к американцам, причем так прибежать, чтобы ходу назад не было никакого. И сказать, что его завтра разоблачат окончательно, а вот сегодня он это понял и еле-еле унес ноги от КГБ. Американцам в такой ситуации не оставалось ничего другого, как спасти незадачливого шпиона. Конечно, они тоже понимали, что никто в КГБ не считает, что Паша работает на Америку. Но не выталкивать же назад на улицу из здания посольства своего шпиона?! И они будут вынуждены дать согласие вывезти его в США. А это, судя по всему, и было то самое, чего так настойчиво добивался Паша. В США его обеспечат жильем, непыльной работой. И живи там в свое удовольствие! Если хочешь, можешь писать мемуары.

Вот Паша и пошел по второму варианту. Заявился самолично в американское посольство, там заплакал, что только что еле вырвался из цепких лап КГБ (Как же, очень цепких!) и теперь просит взять его под защиту и вывезти в США, где он будет

вести себя смирно и правильно.

В результате все получилось, как он и планировал. И через пару дней после побега в американское посольство наш герой с американским паспортом в кармане торжественно прошествовал перед носом советских контрразведчиков и вылетел в Соединенные Штаты Америки, причем, может быть, даже первым классом.

Я, конечно, огорчился, что сотрудники КГБ не смогли поймать шпиона, проявив при этом недостаток расторопности. Но, с другой стороны, я похвалил себя за свое умение и настойчивость. Ведь я смог заставить сам Комитет государственной безопасности(!) чуть-чуть дрогнуть и отступить под моим напором. И даже этого небольшого отступления оказалось достаточно, чтобы если уж и не поймать, то хотя бы спугнуть американского шпиона. Я смог в одиночку принудить такое большое и страшное ведомство все-таки заняться его прямым делом – поимкой шпионов. Конечно, в данном случае шпион все равно ускользнул сквозь пальцы доблестных чекистов (Было бы удивительно, если бы он попался при подобном отсутствии прыти с их стороны.). Но, с одной стороны, на одного шпиона в СССР стало меньше. А, с другой стороны, я получил удовольствие от того, как именно смог повернуть эту операцию.

Как же происходила "утечка" информации из советского представительства в Нью-Йорке? Я был недалеко от истины, когда предположил, что в этой "утечке" как-то участвовала стена противоположного дома. Так оно, похоже, и было. Паша заказывал железные шкафы для служебных кабинетов. Американцы снабжали эти шкафы видео- и аудиоустройствами. Те исправно все записывали. Но ведь информацию еще надо как-то передать на волю! Тут самое главное не переборщить. Если снабдишь свою аппаратуру слишком мощным передатчиком, его запросто запеленгуют. Значит, надо использовать маломощную технику, а где-то рядом расположить принимающее устройство. Например, передавать сигнал в

оптическом диапазоне, а приемник установить за окном, на стене соседнего дома. Просто и гениально...

Было в истории с этим Пашей и еще одно запредельно убойное обстоятельство. Кем он работал до Нью-Йорка? Правильно, заведующим складом представительских продуктов и подарочного фонда. И это была исключительно ценная должность для шпионажа.

- Для шпионажа?? – Воскликнет тут искушенный в делах контрразведки и разведки читатель. – Да что может нашпионить какой - заведующий складом, обычный хозяйственный работник? Его и близко не подпускают к секретным бумагам!

Такой работник может нашпионить очень даже много. Напомним, что на упомянутом складе хранились не только представительские продукты, но и подарочный фонд. Продукты в любом случае съедались и выпивались, от них в шпионских целях не было никакого толку. А подарочный фонд, это совсем другое дело! Предметы этого фонда выдавались только для высокого начальства, наша делегация стояла на самой низшей ступени дипломатической иерархии. И вот высокий советский дипломат, в том числе министр иностранных дел, дарит своему зарубежному коллеге или просто какому-то известному политику подарок из упомянутого фонда. Как правило, это какая-то безделица, но символизирующая Советский Союз, гжель, матрешка, письменный набор.

Что происходит с этим подарком дальше? Чаще всего его отдают родственникам, детям, шоферу или уборщице. Но не всегда... Иногда такую вещицу ставят к себе на служебный стол или вешают рядом на стену, чтобы напоминала о доброте советских начальников.

А в вещице заранее установлено подслушивающее или иное устройство, которое с помощью Паши заранее вставили проворные американцы. Получатель подарка и не думает подозревать вещицу. Как же, ее подарил один из руководителей Советского Союза! Небось в этой стране, тотально пронизанной спецслужбами и полицией, никакая иностранная разведка

орудовать не сможет! Небось, в СССР все так пронизано шпиономанией, что комар не пролетит, сразу засекут!

Комар, может быть, и не пролетит. А вот американский разведчик Паша Героев пролетит за милую душу. И запросто всучит подарок, в котором имеется шпионское оборудование. В результате американцы получают возможность красиво шпионить за известным политиком или дипломатом. А если тот обнаружит оборудование, то первый подозреваемый – КГБ.

Красивая операция? Еще какая! Руками советских ответственных деятелей подсовывать интересным фигурам шпионское оборудование, а потом действовать на выбор: просто шпионить; засветить подарок из Москвы и тем самым скомпрометировать СССР; шантажировать и вербовать соответствующего иностранца, ссылаясь на полученную, пусть и в силу небрежности, но все равно с его помощью, ценную информацию. Шантаж можно строить и на угрозе выставить иностранца советским шпионом, вздумавшим таким экзотическим способом передавать в Москву ценные данные.

Самое ужасное, что никто, понятное дело, не вел в МИДе учет, кому и когда был вручен тот или иной подарок. То есть не было никакой возможности предупредить иностранного получателя о том, что подарок может быть с гнильцой. Или мы должны были объявить на весь мир: "Товарищи! Мы тут разоблачили американского шпиона, поэтому рекомендуем немедленно снести на свалку все подарки, которые вы когда-либо получали от советских дипломатов, в том числе от нашего министра!" Конечно, если по совести, то, конечно же, надо было оповестить всех соответствующих иностранцев, чтобы не подставлять их под удар. Но кто же в СССР мог себе позволить такое? Расписаться в собственном ротозействе? А как же престиж великой державы? Нет, пусть уж американцы и дальше шпионят с помощью наших подарков! Престиж державы важнее. Конечно, никто никого и не думал оповещать, иначе я как крупный раздаватель подарков первый об этом узнал бы.

Для того чтобы картина была предельно полной, добавим, что

в Нью-Йорке, в советском представительстве Павел Героев как завхоз имел доступ почти во все служебные кабинеты. Вообще было ли после этого в представительстве такое место, которое не прослушивалось американцами? Кроме того Паша занимался не только закупкой шкафов в служебные кабинеты, он ведал в том числе и подарочным фондом. То есть имел замечательную возможность распространять руками советского представителя при ООН шпионскую аппаратуру среди всех тех, кто удостоивался внимания и чести получить подарок на память. На добрую память!

Глава 7. Австралия и Антарктика

Необычная командировка

Это история - про запрет рыболовства в Антарктике. Дело было в самом начале восьмидесятых, а если быть точным, то в 1982 году. Только что была заключена международная конвенция по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, и в соответствии с ней предстояло создать международную организацию, которая должна была контролировать вылов рыбы в антарктических морях. Штаб-квартира организации была определена в городе Хобарте на острове Тасмания. А остров этот, как известно, располагается прямо на южной оконечности Австралии.

В договорно-правовом отделе МИДа начальство вдруг по непонятной причине включило меня в состав делегации. Поездка была не из рядовых, задачи перед делегацией стояли достаточно сложные. Кроме того Австралия являлась довольно необычным местом, экзотическим, к тому же за тридцать земель, в такое не попадешь просто так. И по статусу страна относилась к числу развитых государств, считай, почти Франция или Великобритания. Обычно к таким командировкам зеленых юнцов вроде меня на версту не подпускали. Тем не менее, факт оставался фактом – именно я должен был поехать в далекую Австралию, то есть туда, на самый край света, где плещется Тихий океан, рядом с коттеджами прыгают кенгуру, а в городах живут вовсе даже не какие-нибудь негры или индусы, а вполне белые люди. В общем, я поначалу решил, что просто в отлаженном механизме министерства иностранных дел что-то дало сбой.

Еще удивительнее было то, что никто от меня ничего в порядке подготовки к этой поездке не потребовал. Просто ничего! Как будто это действительно была не служебная

командировка, а туристическая поездка. Вопреки обычным жестким правилам не было никакого инструктажа у руководства, никаких требований, наставлений или условий. Мало того, от меня не потребовали подготовки проекта директив или хотя бы указаний для делегации, что само по себе уже было более чем необычно.

Вообще-то, по логике вещей послать на такие переговоры совершенно неопытного сотрудника означало, что интересы государства не будут должным образом защищены. А вопросы на переговорах предполагалось решать довольно важные. По сути, речь шла о завершении формирования механизма, с помощью которого другие государства собирались запретить советский рыболовный промысел в антарктических морях. Советский Союз вытесняли из бизнеса на многие миллиарды долларов. Может, именно поэтому меня туда и послали, чтобы моими руками и провалить все дело? Как потом выяснилось, определенные основания для такого, казалось бы, странного предположения, вполне имелись.

Погорелец

Тут самое время сделать небольшое, но важное отступление, перенестись на несколько лет назад и рассказать, откуда и почему я, индолог и специалист по хинди, вдруг вопреки всякой логике появился в юридическом подразделении министерства. На самом деле, я не должен был там работать ни в каком виде. А получилось все так: за некоторое время до описываемых событий я ни о каком договорно-правовом отделе даже и не помышлял, а работал себе в генеральном консульстве Советского Союза в далеком индийском городе Калькутта. И летом 1978 года, как и было положено, поехал в Москву в очередной отпуск. Отгуляв свое, я явился в отдел кадров за билетом назад, в Индию. Но там мне вежливо объяснили, что командировка в Индию закончилась, теперь ждите назначения в центральный аппарат. Никаких пояснений при этом никто мне

давать не стал, а я, совершенно ошарашенный такой новостью, их и не спросил. Разве так должны заканчиваться заграничные командировки? Ничего себе поворот судьбы!

А дальше началось и вовсе непонятное. Время все шло и шло, а в центральный аппарат меня все никак не брали: "Позвоните через неделю!". Наконец, когда прошло уже чуть ли не полгода, кадровик, сжалившись надо мной, по секрету сообщил, что на меня не удастся оформить допуск.

Отсутствие так называемого "допуска" означало, что КГБ не давал согласия на работу соответствующего человека в аппарате министерства иностранных дел. То есть предполагалось, что КГБ не доверял указанному претенденту и не считал возможным зачислять его на работу в МИД.

Получалось, что я по какой-то причине вдруг вышел из доверия у весьма уважаемой в СССР службы – у Комитета государственной безопасности. Что же такое произошло? Я за собой никаких особых прегрешений не припоминал. Не было ни пьяных драк, ни валютных махинаций, ни задавленных автомобилем иностранцев, ни иных подобных скандалов, которые обычно случаются с отечественными дипломатами. Ну, выпивал, конечно, но без мордобоя. Чужих жен не трогал, только незамужних. Болтал, конечно, черт знает что, язык-то без костей! Но Родину не хулил, ни к каким противозаконным делам никого не призывал. Так в чем же дело?

И главное, что теперь делать? К кому я только ни обращался! Что мне только ни советовали! Советы были хорошие, но практически неосуществимые. Но, судя по всему, мои эти трепыхания были где надо замечены. В один прекрасный момент из ниоткуда вдруг нарисовался какой-то знакомый знакомого, работавший в упомянутой выше компетентной организации, который вдруг по непонятной причине вызвался меня выслушать. Встреча мне была назначена на поздний вечер на какой-то непонятной квартире, хозяева которой, якобы, временно отсутствовали. Квартира не была обременена мелкими предметами обихода и сильно смахивала на конспиративную.

Знакомый знакомого был мужчиной средних лет, вполне упитанный и не очень спортивного вида. Лицо круглое, почти интеллигентное. Если и мог существовать обобщенный образ советского чекиста, то вот именно так этот самый товарищ и выглядел.

Незнакомец с интересом оглядел меня. А я лишь рвался скорее поговорить на тему всех этих "допусков" и поделиться всеми своими обидами. Неужели и эта встреча ничего не даст?

- Так что у вас там случилось?

Я принялся рассказывать. Не то, чтобы я горячился. Нет! Но в моем голосе явно звучали нотки обиды. Оно и понятно: ничего плохого, вроде бы, не делал. И вот тебе на – не дадим допуск!

- Да ничего особенного не случилось. Просто приехал в очередной отпуск. Отгулял его. А когда зашел в кадры, там сказали, что никакой Калькутты больше не будет. Попросили зайти через неделю, потом еще через одну. Якобы, все места в центральном аппарате заняты. Под конец сказали, что на меня не дают допуск. Вот и все, что я знаю.

- Так ничего и не пояснили?

- Сначала вообще ничего не сказали. Гуляй свой отпуск, сколько положено. Вот и все. Потом, после отпуска, заявили, что в Калькутту больше не поеду, остаюсь в центральном аппарате, но пока нет вакансий. А потом все это затянулось на несколько месяцев. В конце концов, кадровик по дружбе сказал, что на меня нет допуска.

- А как ты уезжал из Калькутты? Я так понимаю, у вас там не было никаких скандалов, никаких ЧП, конфликтов, пьянки, драки? Может, были какие-то сомнительные контакты с иностранцами?

- Да нет, ничего такого не было. Так, обычные бытовые конфликты, разногласия. Но ничего такого, что выглядело бы как публичный скандал. А иностранцы были, конечно, это же дипломатическая работа, но в разумных пределах.

- Что, совсем никаких происшествий? Может, перед отъездом все-таки случилось что-то примечательное?

- Было только одно событие ровно за неделю до отъезда. Но событие совершенно нескандальное. Рассказывать?

- Рассказывай, рассказывай!— приободрил товарищ с Лубянки.

- Я там ходил в местный теннисный клуб - с разрешения начальства. Туда же заходили и люди из других дипломатических миссий, в том числе и из американского консульства. И как-то раз американский вице-консул что-то мне такое невзначай сказал про наши внутренние дела в консульстве, про которые он совершенно точно не должен был ничего знать. Сказал и сразу осекся, понял, что проговорился. Получалось, что у нас в консульстве возникла какая-то "утечка" информации. Наверное, какое-то прослушивание что ли. Или шпион? Понятное дело, я тут же рысью побежал к нашему резиденту, и все это ему и выложил. Заодно воспользовался случаем и рассказал еще одну историю. Дело в том, что с давних пор на здании нашего консульства висел какой-то провод, который, якобы, остался со времен ремонта фасада. Провод свисал с крыши и был своим нижним концом привязан к решетке окна небольшой каморки перед входом в консульство. Провод никому особо не мешал, а снять его было трудно: слишком высоко. Но я как-то обратил внимание, что параллельно ему на соседнем доме за стеной висел провод от телевизионной антенны. И индусы в соседнем доме демонстративно день и ночь смотрели телевизор, хотя передачи там крайне скучные. Мне это показалось подозрительным: откуда такой жгучий интерес к телевизору? От индийских передач просто тошнило, такие они были дрянные. А тут непрерывный просмотр сутки напролет! А когда же зарабатывать на жизнь? Или уже заработали? Тогда зачем так глупо тратить свое время? В общем, я попросил завхоза открыть для меня эту каморку. Оказалось, что нижний конец провода был не просто завязан на решетке. Он тянулся и дальше и, в конце концов, входил в пучок других проводов, среди которых был и кабель нашего внутреннего телефона. Я, конечно, как

человек, подверженный мании преследования, предположил худшее. А именно: когда мы разговаривали в помещениях консульства, в силу законов физики в проводах внутренней телефонной линии возникал электрический сигнал. Этот сигнал индуцировал такой же сигнал в проводе, висевшем вдоль здания. А тот в свою очередь вызывал точно такой же сигнал уже в антенном проводе у индусов, которые, якобы, так увлеченно смотрели за забором телевизор. В результате индийцы через параллельный провод не просто могли прослушивать наш внутренний телефон, но и вообще все наши разговоры внутри консульства. Все в рамках закона индукции из школьного учебника физики. Провод я, понятное дело, попросил снять.

- Снял и не доложил резиденту?

- Нет, не доложил! Неохота было к нему лишний раз ходить, он меня разок попросил последить за нашими баскетболистами, которые приехали на игру в Калькутту. Мол, не будут ли они спекулировать товарами? Я работал с делегацией, ребята действительно что-то там на рынке продавали левое. Но у меня не было охоты на них "стучать". И получилось, что я не выполнил поручение аж самого резидента! Потому я после этого баскетбольного случая его немного сторонился. А ткнуть его носом в этот провод означало, что он ни черта не умеет работать, а я лучше его слежу за безопасностью консульства.

- А что было дальше?

- Когда американец при мне проговорился, какой-то бес дернул меня за язык рассказать резиденту и про этот индийский провод. Для солидности, что ли, чтобы он поверил мне. На следующий день резидент меня еще раз вызвал к себе в кабинет и попросил медленно и четко все еще раз повторить. Я так понимаю, что он писал меня на диктофон. Я рассказал. Вот и вся история. Я не вижу тут ничего криминального. Или я чего-то не понимаю?

Человек из КГБ внимательно выслушал этот рассказ. Помолчал. Я тоже молчал, вопросительно разглядывая

незнакомца. А тот явно раздумывал, что именно мне сказать в ответ.

- Владимир Николаевич, уж так случилось, что я немного в курсе ваших этих дел. По большому счету, никаких особых претензий к вам нет. Но в Москву на вас пришла бумага из Калькутты. Так, одни домыслы, предположения. Еще там ваш теннисный клуб упомянут. Не надо было вам туда лезть, только одни проблемы от этого. В общем, в этой бумаге товарищи много чего накрутили, навертели, но ничего определенного. Вроде как вы вступили в недопустимо близкий контакт с американцами. Вот и получилась проблема с допуском.

Чекист замолк. Я тоже молчал, переваривая услышанное. Судя по тому интересу, с каким этот товарищ слушал рассказ про американского консула и индийский провод, в бумажке, присланной из Калькутты, либо вообще ничего по этому поводу не было сказано, либо было сказано так, что в результате я выглядел каким-то придурком с манией преследования.

- Что же мне теперь делать? – наконец, прервал молчание я.

- Я вам вот что посоветую. Расскажите о нашей с вами беседе своему папе, и попросите его кому-нибудь позвонить по вашему поводу. Он там сам поймет, кому. Не исключено, что все ваши проблемы в результате будут решены.

На том рандеву и закончилось. Незнакомец растворился в темноте. А я бросился домой воплощать в жизнь полученные советы. Отец внимательно выслушал историю про общение с таинственным чекистом, но прокомментировал ее с горечью в голосе: "Кому я могу позвонить?! Кто там меня будет слушать?!" На том разговор и закончился.

Вообще-то, отец по советским меркам занимал довольно высокую и даже, по сути, блатную должность – был начальником управления кадров одного из видов вооруженных сил Советского Союза. К тому же он был генерал-лейтенантом и Героем Советского Союза. Однако в силу своеобразного характера он не любил никакие блатные дела и всякие подобные разговоры (все члены семьи жестко осуждали эту черту его

характера). То есть, теоретически, позвонить кому надо он мог. Но совершенно точно не умел и не хотел.

Через день отец зашел ко мне в комнату. Вид у него был довольно-таки растерянный: "Володя, я позвонил, как ты сказал. Мне ответили, что тебе надо искать другую работу...".

Все это было очень плохо. Конечно, я сделал вид, что ничего страшного не произошло. Но вид видом, а сказанное отцом означало конец карьеры дипломата. Однако, как вскоре выяснилось, звонок все-таки не остался без последствий. Через несколько дней мне позвонил кадровик и, не скрывая радости, сообщил: "Допуск на вас пришел! Будем решать, куда вас устроить!".

"Устроили" меня в уже упомянутый выше договорно-правовой отдел, а вовсе не в отдел Южной Азии, как можно было ожидать. Видимо, это получилось случайно. Вакансия могла появиться и в любом другом месте. В отделе Южной Азии свободных мест не было, а в договорно-правовом отделе вакансия имелась. Впрочем, поскольку я никаким юристом не являлся, скорее всего, через пару лет меня как бывшего "погорельца" вновь отправили бы во все ту же Индию, Пакистан, а то и в Бангладеш (считалось, что хуже Бангладеш стран в Южной Азии просто не было).

ДПО

Однако в жизни все сложилось иначе. Как говорится, человек предполагает, а Господь Бог располагает. Когда я немного осмотрелся в этом самом договорно-правовом отделе (сокращенно - ДПО), то с удивлением понял, что тут занимаются вовсе даже не мелкими юридическими проблемами, а самыми настоящими глобальными, причем очень интересными делами. Во-первых, без юристов не обходилось ни одно маломальски серьезное внешнеполитическое решение. Во-вторых, в силу каких-то непонятных причин юристам полностью отдали на откуп некоторые глобальные проблемы, например, права

человека, морское право, территориальные споры, космос. Все это оказалось намного интереснее, чем рыться в каких-то деталях индийской политики.

Конкретно я "приземлился" в сектор, который занимался морским правом. Не правда ли, забавные зигзаги судьбы? То человек учит хинди и уезжает в Индию, но в Калькутту, где говорят на бенгальском языке. А то вдруг, став "погорельцем" по линии КГБ, почему-то превращается в юриста, тем более по части какого-то непонятного морского права.

"Морское право", на самом деле, означало очень многое. Человечество столкнулось с тем, что на суше ресурсы стали кончаться. Где взять новые? Может, использовать океаны и полярные области? Но, как известно, борьба за ресурсы нередко чревата войной. В результате умные люди в этот раз решили попробовать договориться без крови и стрельбы и выработали довольно много международных правил, которые хорошо регулировали порядок предстоящего использования морских ресурсов, как живых, так и минеральных.

По большому счету, проблемами использования Мирового океана должны были заниматься специалисты самой высокой квалификации, а не сотрудники договорно-правового отдела, которые мало смыслили в морских делах. Конечно, они понимали проблемы использования Мирового океана получше, чем вчерашний индолог Володя Трофимов, но все равно это было далеко от того, что требовалось. Впрочем, начальство особых претензий ни к кому не предъявляло, не делай грубых ошибок, вот и все. И можешь, если хватает ума, также вносить свой собственный вклад в развитие международного морского права и освоение морей и океанов, никто мешать не будет.

Аэрофлотик

Кстати, чтобы окончательно закончить сюжет с Калькуттой и "погорельцем", отметим, что моя индийская история с "утечкой"

информации в консульстве имела и еще одно интересное продолжение.

Как-то однажды, уже по прошествии многих лет, явившись на работу и рассевшись за столом, я развернул газету, которую по дороге вытащил из своего почтового ящика. На первой странице были всяческие новости, в том числе и международные, с которыми следовало внимательно ознакомиться. Потом я заглянул на вторую, третью страницу... И ахнул! Там красовалась довольно-таки скромная заметочка, из которой следовало, что советская контрразведка пресекла враждебную деятельность других государств, а именно: арестовала американского шпиона по фамилии Гурджиянц.

Володю Гурджиянца я знал очень даже не понаслышке. В мое время это был представитель Аэрофлота в Калькутте. Кстати, очень нужный всем человек, поскольку советские люди могли попасть в этот город только по воздуху. А в самолетах, как известно, есть ограничение по весу бесплатного багажа. И вот ты приезжаешь в Калькутту, получаешь зарплату в валюте, покупаешь на нее всяческие разности, вазочки, одежду, изделия народных промыслов. Все очень красивое и дешевое. А вывезти все это на родину – никак! Потому как на одного пассажира в Аэрофлоте полагается только 20 килограммов бесплатного багажа. А все, что сверху – только за деньги! Но если платить эти деньги, то проще купить все индийские безделушки уже в Москве.

И вот тут на сцене появлялся Володя Гурджиянц. Если его попросить, то он мог по дружбе договориться с экипажем и пропустить на борт без оплаты дополнительный груз. Нужный всем персонаж? Еще какой!

Конечно же, как уже догадался читатель, Гурджиянц был душа-человек, очень обходительный, вежливый, не интриган, не завистник. Но, как следовало из упомянутой заметки в газете, все-таки с некоторым изъясом – американский шпион. Может, именно через него американцы и добывали полезную информацию о внутренней жизни советской колонии в

Калькутте? Впрочем, Володя Гурджиянц наверняка мог рассказать американцам много интересного и о методах финансирования, например, индийских коммунистов, и еще много чего в том же духе.

Может быть, я все-таки не зря страдал манией преследования, не зря обращал внимание нашего резидента на "утечку" информации? Конечно, за свою бдительность я был должным образом наказан, как и положено в подобных ситуациях, поскольку инициатива - наказуема. Но наказание – наказанием, а шпиона-то все-таки поймали!

Покайник

На новом месте работы я увлекся проблемами международного морского права и вскоре твердо решил переквалифицироваться из индолога в юриста. Сказано – сделано! Сдал кандидатский минимум, написал несколько статей, начал работу над диссертацией.

Однако через пару лет меня вызвали в управление кадров, и сотрудник, как сейчас помню, по фамилии Котов заявил, что надо срочно готовиться к отъезду в Индию. Конкретно речь шла о командировке в Бомбей, в генеральное консульство.

Конечно, Бомбей был по климату получше, чем Калькутта. Но все это в любом случае означало, что с морским правом, договорно-правовым отделом и диссертацией надо было кончать, что меня огорчило сверх всякой меры.

Я попытался уломать и разжалобить Котова, но тот был неумолим: "Вот тебе анкета, и чтобы через несколько дней принес ее заполненной! Крайний срок – пятница! И если будешь артачиться, то я гарантирую, что тебя как "погорельца" и отказника в два счета вышибут из МИДа!"

Сказано все это было предельно ясно и жестко. При этом было понятно, что Котов не шутит. Впрочем, мне и без него было известно, что за отказ ехать в плохую страну можно было запросто поплатиться работой. Делать нечего, я счел, что моя

судьба решена, и убрался восвояси. Но тут вдруг подвернулись какие-то девчонки, пьянка-гулянка. И я, вопреки своему дисциплинированному характеру, что называется, с горя загулял. В результате заполнить анкету к пятнице так и не успел.

В понедельник я с заполненной анкетой в руке поплелся в управление кадров к Котову, ожидая предельно неприятного разговора. Постучал в дверь, осторожно заглянул в кабинет. Там сидело несколько сотрудников, но стол моего кадровика пустовал: "Он заболел, позвоните через неделю!". Эта новость означала, что и анкету можно будет сдать через неделю, а то и две. Конечно, эта неделя погоды не делала, но все равно это была неожиданная, а потому приятная отсрочка.

А тем временем работа в договорно-правовом отделе шла своим чередом. Помимо глобальных вопросов нашлись дела и попроще: меня выделили для участия в каких-то похоронах. Поручение это было самое обычное, даже, можно сказать, заурядное и рутинное. Молодых сотрудников все время нагружали подобными делами: то на картошку ехать, то листья на Поклонной горе убирать, то ездить по квартирам и вручать памятные грамоты ветеранам дипломатической службы. А чаще всего непонятно почему приходилось участвовать в похоронах. А что делать?! В МИД приходили новые молодые кадры из института, а место им освобождали старики, которые уходили на пенсию и, в конце концов, умирали. Значит, кто должен был стоять в карауле, держать венки, нести сам гроб? Конечно, молодежь, а кто же еще?

В этот раз меня определили не на кладбище, а на несение караула у гроба. Согласно процедуре надо было надеть на рукав красную повязку и через некоторое время, когда подойдет очередь, выйти из соседней комнаты в зал, медленным шагом подойти к гробу и отстоять там пару минут. Вот и все!

Я честно привязал повязку, дождался своей очереди и медленным торжественным шагом пошел к гробу. Заменял у гроба такого же, как и я сам, дежурного, уже отстоявшего свои

две минуты, и замер в почетном карауле. Люди вереницей шли мимо, глядя на умершего. Я тоже скосил глаза и посмотрел, кого же я хороню. И аж вздрогнул от удивления...

В гробу лежал мой кадровик Котов, который еще пару недель назад пытался отправить меня в Бомбей! Вот так превратности судьбы! Вот так заболел! Так заболел, что через две недели оказался в гробу!

Я все никак не мог прийти в себя от изумления. Такой встречи со своим куратором из отдела кадров я точно не ожидал. Однако что же случилось? Мне тут же рассказали, что Котов в последнее время страдал от сильных головных болей. Взял бюллетень, чтобы провериться у врачей. И тут оказалось, что у него была исключительно агрессивная форма опухоли. Через неделю его уже не стало...

Однако эта трагическая история радикальным образом повлияла на мою судьбу. Попытка явиться к Котову в понедельник вместо пятницы превратилась в поворотный пункт в моей жизни. Видимо, и тут как-то оказались задействованы силы из Небесной канцелярии.

Как бы то там ни было, а только в результате мои документы куда-то капитально затерялись и про меня и командировку в Бомбей забыли еще на пару лет. А когда меня вызвали опять в кадры по поводу все того же Бомбея, то я лишь ухмыльнулся: "Я только что защитил кандидатскую диссертацию! Теперь я не индолог, а юрист с научной степенью. Меня уже нельзя посылать в Бомбей!".

Я сказал кадровику чистую правду. Действительно, в МИДе существовало правило, что специалистов надо посылать в командировку только по формальному профилю. А если вариант не соответствовал специализации, то от командировки можно было отказаться без последствий. Что я с легкой душой и сделал.

Криль

Итак, вернемся к вышеописанной командировке в Австралию. В общем, я решил не бездельничать, а по собственной инициативе хорошо подготовиться, не дожидаясь пинков сверху. Если же начальство начнет задавать вопросы перед поездкой, то вот тогда и можно будет предъявить всю проделанную работу. Я плотно засел за документы, стал подбирать досье, репетировал самые разные варианты своих выступлений, пытался представить, в каком направлении и как именно может пойти дискуссия.

Время шло, а никто из начальства мне никаких вопросов по предстоящим переговорам все не задавал. Тем более никто не требовал репетировать будущие выступления. И ни слова о подготовке указаний или директив! Похоже, все шло к тому, что я должен был просто съездить в далекую страну немного проветриться и отдохнуть, а потом написать стандартный отчет.

Так, о чем же должна была пойти речь на предстоящих переговорах? Как уже было упомянуто, незадолго до описываемых событий была заключена международная конвенция по сохранению морских живых ресурсов Антарктики. А ресурсы эти – просто безграничные! Казалось бы, какая может водиться рыба в таких холодных водах, к тому же полгода покрытых льдом? На самом деле там кое-что очень даже водилось. В морях около Антарктики водился (И продолжает водиться!) так называемый криль – маленькая креветка размером до пары сантиметров. Но уж такие сложились в антарктических морях природные условия, что эта креветка расплодилась там безо всякой меры. Криль питается исключительно планктоном, то есть морскими водорослями. А в антарктических морях бывает не только холодно. Когда там наступает лето, льды тают, солнце за горизонт не садится, в результате начинается стремительное размножение как планктона, так и криля, который им питается. В конце концов, в некоторых местах морская вода напоминает по консистенции

скорее кисель. Рачка этого в свою очередь едят все, кому не лень, начиная от мелкой рыбки и заканчивая китами.

Никто до сих пор точно не знает, сколько в Антарктике этого самого криля. Но достоверно известно, что его там очень много. Считается, что популяция криля не пострадает, если ежегодно вылавливать не более десяти процентов от ее общего количества. Так вот, по некоторым оценкам, эти десять процентов в пересчете на протеин могут составить до полкилограмма в день на каждого жителя планеты Земля. Если объяснить эти цифры простым языком, то получается следующее: одного этого антарктического криля вполне достаточно, чтобы кормить все человечество, забыв про мясо, хлеб, картошку и прочие традиционные виды пищи.

Уж так исторически сложилось, что в двадцатом веке рыбная отрасль в соответствующих странах развивалась разными путями. Кто-то занимался, например, не рыболовством, а разведением рыбы. С одной стороны, это было надежнее. С другой, – рыба стоила дорого, примерно столько же, сколько и мясо.

В пролетарском Советском Союзе, однако, было решено, что намного дешевле рыбу вылавливать в далеких морях, чем выращивать у себя дома (Оно и понятно: охота дешевле земледелия). В результате в СССР постепенно возник довольно мощный промысловый флот. Советские рыбаки ловили рыбу далеко от своих родных берегов, а потом доставляли ее домой. В итоге граждане Советского Союза имели возможность питаться дешевой морской рыбой.

Но как всегда бывает, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Многие прибрежные страны решили наложить лапу на морские промыслы рядом со своей территорией. Возникли так называемые рыболовные зоны шириной аж в двести морских миль. И однажды выяснилось, что советскому промысловому флоту стало нечего делать у чужих берегов. Частично добыча рыбы стала дорогой, ведь прибрежные государства вводили плату за вылов рыбы, которую они теперь

считали своей собственностью. А частично эта самая рыба просто исчезла. Бесконтрольный промышленный лов рыбы привел к тому, что ее запасы стали просто заканчиваться.

В результате всех этих пертурбаций в один прекрасный день сложилась ситуация, когда у СССР оказался огромный промысловый флот, не имевший себе равных. И этому флоту негде было ловить рыбу. А тут вдруг еще нетронутые запасы антарктического криля и всевозможных рыб! Впереди перед Советским Союзом маячила перспектива захватить новый еще неосвоенный рынок и сделать огромный экономический рывок вперед.

Вот тут сразу страны Запада озаботились "защитой" Антарктики и уж как-то так расстарались, что была заключена уже упомянутая конвенция по сохранению морских живых ресурсов Антарктики. Как СССР согласился на эту конвенцию, противоречившую его коренным интересам, – непонятно. Не исключено, что тут хорошо поработали иностранные спецслужбы. В результате бесконтрольный лов Советским Союзом криля в Антарктике был запрещен, а регулированием его добычи и выделением квот занялась специально созданная для этих целей международная организация. Штаб-квартира у этой организации была организована в Австралии, на уже упомянутом острове Тасмания, а если быть до конца точным, то в небольшом городке под названием Хобарт.

Международная организация - это не только абстрактное юридическое понятие, это еще вполне конкретное здание, которое она занимает, а также штат собственных сотрудников, которые в этом здании сидят. Каждая страна-участница, в том числе и СССР, выделяли в состав этой организации несколько своих людей. И эти люди должны были заниматься тем, чтобы отстаивать там государственные интересы, добиваясь выделения для Советского Союза хоть каких-то квот вылова в антарктических морях. Иными словами, от этих двух-трех советских представителей зависели многомиллиардные интересы советской рыбопромысловой отрасли. Обратим

внимание на это обстоятельство, оно важно для понимания сложившейся ситуации.

Согласитесь, у других стран явно могло возникнуть искушение как-нибудь взять этих советских представителей под контроль, подобрать к ним какой-то ключик, чтобы те не очень усердствовали, добываясь для СССР квот на вылов. В таких случаях начинается работа спецслужб: собирать на советских людей компромат, втягивать в какие-нибудь сомнительные дела, чтобы потом шантажировать. В общем, схема-то тут понятна. Но на пути шантажа возникает одно препятствие: наличие у соответствующих служащих дипломатического иммунитета. Ведь служащим международных организаций и представителям государств при таких организациях обычно предоставляется иммунитет от уголовного и прочего преследования. И цель только одна: защитить от шантажа и давления со стороны других государств, особенно страны, где размещена соответствующая штаб-квартира.

Значит, для успешного шантажа надо изначально этот иммунитет максимально сократить! Тогда в определенных ситуациях иностранцу будет грозить арест и тюрьма. Вот вам и возможность для шантажа!

Как нетрудно догадаться из этого предисловия, Австралия и прочие западные государства жестко выступили за максимальное сокращение иммунитетов всех лиц, которые должны были работать в учреждаемой в Хобарте организации, при этом мотивировали свою позицию тем, что иностранцы будут злоупотреблять дипломатическим иммунитетом и займутся тут шпионажем. А в свободное от шпионажа время будут в пьяном угаре избивать местных жителей, насиловать подвернувшихся под руку дамочек, а также давить на дорогах всех тех, кто зазевался и не успел увернуться из-под колес.

Шутки шутками, но, грубо говоря, аргументация была именно такая. Формально западные страны стали выдвигать предположения, что Советский Союз направит в эту самую международную организацию не рыбаков и экологов, а самых

настоящих разведчиков и диверсантов, которые будут заниматься своим бессовестным делом – вербовкой шпионов среди наивных местных жителей.

Если глянуть на географическую карту, то станет понятно, что Хобарт находится на самом краю Земли. Вокруг южной оконечности Австралии на сотни и тысячи километров вокруг нет никакой обетованной земли, за исключением, разве что Новой Зеландии. Какие уж там могли быть секреты, чтобы их выведывать?

Понятно также, что в такой ситуации Советский Союз должен бы насмерть биться за то, чтобы его люди были защищены в далекой Австралии должным образом. Советская делегация должна была получить жесткие директивы. При этом наличие директив или указаний для делегации было обычным и строго соблюдаемым правилом. Но только не в этом случае! К моему удивлению, в Москве вопрос о директивах даже не обсуждался. Никто вообще не ставил передо мной задачу добиваться для российских сотрудников в Хобарте каких-то особых привилегий. Хочешь – добивайся. А не хочешь – не добивайся! Хотя понятно, что лучше, если советские люди будут там защищены как дипломаты. А то ведь, не дай Бог, попадешь под шантаж. Не сидеть же, действительно, в австралийской тюрьме, какой бы комфортной она ни была, если не поддался на вербовку?!

Убойное досье

Мой план подготовки к переговорам по этим привилегиям и иммунитетам выглядел следующим образом: я решил составить предельно подробное досье по основным международным организациям, точнее, по заключенным в их рамках соглашениям по привилегиям и иммунитетам. Но просто собрать соответствующие международные соглашения было мало. Я также составил списки государств-участников этих соглашений и, что самое главное, выписал заявления или

оговорки, которые делали те или иные страны в связи с такими соглашениями. Все это была не такая уж и простая задача, ведь если СССР не участвовал в каком-то соглашении, то раздобыть его текст было совсем непросто. Интернета-то тогда не было!

В то время не было и компьютеров. Значит, досье должно было исполнять роль своеобразной бумажной ЭВМ, с удобным оглавлением, закладками и ссылками. По моему разумению, смысл этого досье должен был быть в следующем: например, какой-то участник переговоров, допустим, англичанин, начинает ссылаться на то, что обычно в таких международных организациях иммунитеты распространяются только на служебную деятельность соответствующих лиц и не касаются их поступков в свободное от работы время. Пока англичанин произносит свою речь и аргументирует ее, я быстро листаю свое досье и открываю соответствующий раздел, касающийся Великобритании. И когда мне предоставляют ответное слово, встречная аргументация должна быть уже готова. То есть я должен быть готов сказать, что правительство Великобритании при открытии международной организации, например, в Вене, как раз занимало ровно противоположную позицию и сделало по этому поводу вот такое заявление. Значит, как для себя, так можно? А как для других, так нельзя? Или вы тут выступаете вопреки официальной позиции своего же собственного правительства?

Перелет

Наконец, волшебное досье было готово, и наступила пора отправляться в путь. Делегация получилась довольно малочисленная, а возглавлял ее посол (или тогда еще посланник, сейчас уж и не помню за давностью лет) Юрий Иванович Павлов, который работал во втором европейском отделе МИДа и занимался бывшими английскими колониями. Надо отметить, что Павлов не имел никакого отношения к юриспруденции, международному праву, а тем более к такому специфическому

вопросу как привилегии и иммунитеты сотрудников международных организаций. То есть формально он числился руководителем нашей немногочисленной команды, но при этом ни черта не понимал в вопросах, которые планировалось обсуждать. Случайность? Проявление какой-то бессистемности или, страшно сказать, бестолковости советского времени? Назначили случайного человека для решения вопросов, завязанных на больших рыболовных интересах и очень больших деньгах? У меня, в конце концов, сложилось иное мнение. Но не будем забегать вперед.

Заместителем руководителя делегации был назначен представитель министерства рыбного хозяйства Вячеслав Зиланов, что было неудивительно, ведь вся эта затея со штаб-квартирой международной организации в Хобарте была направлена на ограничение рыболовства в Антарктике (По сути, только советского рыболовства). Тут не обойтись без представителя рыбаков! Еще в делегацию включили меня, а также двух рядовых сотрудников министерства рыбного хозяйства – для оказания помощи Зиланову, а может, для того, чтобы потом в этот самый Хобарт в создаваемую международную организацию их и направить. Всю командировку они вели себя тихо (если не считать пьянства) и, по сути, ни в какие дела не лезли.

Самолет Аэрофлота пробежался по полосе в аэропорту Шереметьево-2, натужено взревел моторами, в конце концов оторвался от земли и после нескольких маневров развернулся на восток, туда, где всходило Солнце, и где за горизонтом скрывались Сингапур и огромный континент под названием Австралия. Неохота пересказывать все тяготы этого перелета. Мне было положено лететь в туристическом классе, то есть места мало, ни повернуться, ни вытянуть ноги. В обычных условиях я бы не выдержал такой тесноты больше получаса. Но ведь впереди Австралия! Пришлось сжать зубы и дотерпеть, чего бы это ни стоило. Кто-то в салоне ухитрился даже заснуть в сидячем положении. Я им завидовал самой черной завистью, вот

железобетонная психика, горазды же дрыхнуть даже сидя и в одежде!

Наконец, когда я уже потерял чувство времени, наш лайнер стал совершать всяческие маневры и потихоньку снижаться. Это был Сингапур! Тут предстояло сменить самолет и лететь дальше, уже в Австралию. Но до пересадки надо было чуть ли не сутки провести на земле, в гостинице, которую выделила авиакомпания. Ну, и хорошо! Будет возможность пройтись и посмотреть, как тут живут люди.

Нельзя сказать, чтобы Сингапур поразил мое воображение, все-таки мне до этого уже довелось кое-где побывать. Но врать не буду, этот город был, конечно, особого качества. Собственно говоря, впечатления начались уже после выхода из самолета. По "рукаву" мы попали сразу в здание аэропорта. А оно было огромным, что-то похожее на четыре бесконечных коридора со стеклянными стенами, эдакий гигантский квадратище. Вдоль каждого коридора была проложена движущаяся дорожка с перилами, как эскалатор московского метро, только плоский. Хочешь, становись на него и двигайся со скоростью пешехода, а хочешь, иди рядом пешком. В таком случае можно заглянуть в бесчисленные магазины, расположенные тут же: парфюмерия, бижутерия, одежда, обувь. Казалось бы, обычный набор барахла, который встретишь в любом международном аэропорту.

Но тут это барахло было явно высокого качества. А как оно преподносилось! Броская реклама, широкие сияющие витрины. А продавцы! Девушки были все, как на подбор. Нет, несомненно, сингапурцы смогли создать из своего аэропорта достойную витрину собственного государства. При этом не будем забывать, что речь идет о восьмидесятих годах двадцатого века, контраст по сравнению с тогдашней Москвой был, конечно, изрядный.

Я притормозил у магазина теннисных принадлежностей и невольно залюбовался. Ракетки, одежда, сумки, обувь - все было высшего качества, а уж мне, как никому другому, было понятно,

как здорово все это будет выглядеть на корте. Надо бы что-то купить! Но не тащить же все это сначала в Австралию, потом назад в Сингапур, а уже потом в Москву!

Вся делегация отправилась в длинное путешествие по зданию аэропорта. От бесконечных магазинов стало уже рябить в глазах. Но, наконец, закончились и магазины. И делегаты, зарегистрировавшись на рейс до Австралии, все-таки, добрались до гостиницы. Номера были довольно скромного размера, но, тем не менее, вполне пристойные. Тем более что к номерам полагалось еще и бесплатное питание в ресторане, что было явно не лишним.

Прогулка по улицам Сингапура мало чем запомнилась, одни магазины и бесконечные офисы. Хотя весь залив, заполненный тысячами больших и малых судов, выглядел вполне впечатляюще. Вот где уж точно кипела жизнь! Впрочем, тут не было ничего удивительного, ведь Сингапур расположен на самом перекрестке морских путей. Именно через Сингапур идут морские суда из Восточной Азии, из Японии и Китая в Южную Азию и дальше, через Суэцкий канал в Европу. Точно такой же поток судов, только уже с другими грузами, идет им навстречу. А морские перевозки через Тихий океан в Америку? Тоже через Сингапур! И где же, как не в Сингапуре, должны немного передохнуть моряки с этих бесчисленных судов?

Как бы то ни было, но на улицах города никаких особых моряков видно не было. Все это были самые обычные прохожие, которые спешили по своим делам. Они выглядели скорее, как офисные служащие или студенты и школьники. В крайнем случае, как пенсионеры. Но уж точно мало у кого были обветренные красные лица, руки с загрубевшими мозолями или морская форма. Похоже, моряки посещали какие-то другие места, а не офисный центр Сингапура, где гуляла наша делегация.

Сингапур оказался довольно-таки жарким и влажным городом. Солнце палило немилосердно. Воздух был тяжелым и липким. Точно такими же липкими уже давно были и наши

спины. Однако мне вся эта жара не показалась слишком большим недостатком. После Калькутты-то? Я с интересом разглядывал сновавших туда и сюда азиатов. Отчего они все такие озабоченные? Трудно зарабатывать деньги? Или не знают, как потратить?

Тут мое внимание привлекла толпа зевак у края тротуара. Похоже, готовилось какое-то шоу. Непременно надо взглянуть! Мои товарищи нырнули в магазин, а я сам шагнул в сторону толпы.

Действительно, это было шоу. В центре небольшой толпы стоял молодой парень, по виду японец или китаец. Судя по одежде, он изображал из себя специалиста по карате или еще по какой-то азиатской борьбе. Перед ним стоял невысокий столик, на котором красовался кокосовый орех, зеленый и явно прочный, как сталь. Но японец, похоже, решил разбить его одним ударом руки. Точнее, локтя. Он примерялся к кокосу именно локтем, касался его верхушки, потом медленно поднимал руку, замахивался...

Но японец так и не ударил по ореху, а обратился к толпе с жаркой речью. О чем именно он говорил, было непонятно, язык незнакомый, наверное, китайский. Но денег он не просил. Во всяком случае, никто ему денег не давал и никто с шапкой по кругу не ходил. Так о чем же шла речь? Японец закончил свое выступление и опять начал примеряться к кокосу. Но и в этот раз не ударил, а вновь о чем-то громко заговорил, не обращаясь ни к кому конкретно.

Почему-то мне захотелось дожидаться, когда будет разбит этот кокос. Хотя какая мне, в сущности, была разница, жителю Москвы и сотруднику министерства иностранных дел, разобьет какой-то японец или китаец на улицах далекого Сингапура свой кокос или нет? Видимо, просто меня тоже захватила завораживающая магия этого шоу. Впрочем, я такой был не один, зевак собралось немало. Все ждали, когда будет разбит орех.

Однако японец все продолжал свою игру. То примерялся к ореху, то как будто передумывал и вновь начинал свое выступление, громкое, но ни к кому не адресованное. Наконец мне надоело ждать. Похоже, я, как и остальные прохожие, попался на какую-то форму местной рекламы. Что-то там такое этот японец успел наговорить, что оправдывало всю его возню с орехом.

Я шел назад в гостиницу вместе со своими товарищами и как житель социалистической страны предавался философским размышлениям. Вот вся она капиталистическая жизнь такая, как этот японец и кокосовый орех! Много мишуры, разговоров, красивой обертки. Людям, в конце концов, нравится надеяться, что когда-нибудь они получают свое шоу. Какой-то хитроумный предприниматель, как этот японец, пользуется их вниманием и разыгрывает какую-то свою партию. В конечном итоге результат будет, может быть, не слишком значительным. Какое дело, разбили орех, пусть даже и локтем! Но все довольны. Зрители – тем, что дождались своего шоу. Японец – тем, что под маркой ореха сделал свою рекламу. В общем, все как надо.

Из Сингапура в Австралию делегация полетела уже не Аэрофлотом, а на иностранном самолете. Это слегка добавило комфорта, ведь в таком случае рядовым членам делегации был положен бизнес-класс. Это значило, что лететь мы будем в комфортных условиях, а не как селетки в бочке. Кормили тоже получше, к тому же еще и поили спиртным, причем никакого ограничения на этот счет не было.

Ночь в самолете оказалась совсем короткой, ведь лететь надо было почти на восток. По дороге попали в сильную грозу. Как выяснилось, гроза над Тихим океаном сильно отличается от московской. Над океаном силам природы было где разгуляться. Впрочем, все началось достаточно скромно. Просто через пару часов после взлета в темном салоне самолета, где дремали безмятежные пассажиры, вдруг загорелась надпись "пристегните привязные ремни". Появились проводники, загорелся свет. Люди зашевелились, заерзали: "Что еще за

напасть?". Вскоре, однако, выяснилось, о чем именно шла речь. Самолет вдруг сильно тряхнуло. Потом еще и еще. Он вдруг задрожал всем корпусом, затрясся. И неожиданно ухнул в бесконечную воздушную яму.

Вот тут уж все поняли, что шутки – в сторону. Мгновенно защелкали замки привязных ремней. Я кожей ощутил, как напряглись все пассажиры. Разговоры смолкли, движение и даже ерзание прекратились.

Впрочем, может, кто и ерзал, но этого уже не было слышно. Самолет тряся, как в лихорадке, скрипел всеми своими заклепками и швами. Падения в воздушные ямы сменялись резкими прыжками вверх. За иллюминаторами беспросветная чернота озарялась бесконечными вспышками молний. Они были где-то в стороне и внизу, но их белесый свет придавал всему происходящему какой-то мертвецкий оттенок. Похоже, бог погоды решил вытряхнуть из пассажиров всю душу. Вздумали лететь в Австралию? Сначала будьте любезны заплатить мне дань! Бесплатного прохода по моим владениям не бывает!

Испытание самолета на прочность продолжалось не менее получаса. И эти были хорошие полчаса! Я уже не раз представил себе, как вдруг треснул корпус лайнера, как со свистом вырвался воздух из салона, и как, в конце концов, все пассажиры посыпались вниз, в черную жуть, прямо во вздыбившиеся волны Тихого океана.

Наконец тряска прекратилась. По салону пробежал шумок облегчения. Пассажиры завозились. И тут вдруг на горизонте показалось яркое пятно - это были первые лучи восходящего солнца. Стало ясно, что все испытания позади. А впереди только свет, тепло и покой. Впереди была Австралия.

На самом деле австралийский континент появился не сразу. Солнце выползло из-за горизонта и озарило все своими красноватыми лучами. И лишь спустя пару часов, внизу показался край суши. Но эта суша тоже оказалась красного цвета. Даже не красноватого, а именно красного. Это была красная пустыня без конца и края. Самолет уже несколько часов

летел над этой безжизненной краснотой. Тысячи километров выглядели одинаково – красный пейзаж без какой-либо растительности, только холмы и долины, трещины в земле и небольшие горки. Неужели тут может жить человек? Это и есть та самая Австралия, такая зеленая и манящая на фотографиях?

Над этой красной пустыней самолет летел еще довольно долго, а она все не кончалась. Австралия на практике оказалась очень большой, больше, чем можно было себе представить. На карте она выглядела вовсе не таким бескрайним гигантом.

Сидней оказался еще приятнее, чем Сингапур. Да куда там Сингапуру! Сидней можно было без натяжки назвать просто сказочным городом. Ни один из городов, которые мне после того удалось посетить, ни в Старом, ни в Новом свете, ему и в подметки не годился, в том числе и самые известные столицы.

Люди на улицах были исключительно спокойные и модно одетые, даже лошечные. При этом довольно симпатичные, что мужского, что женского пола. Погода тоже радовала, умеренная и приятная. Сам город был чистый и ухоженный. Невысокие, но изысканные по дизайну здания, машины самого модного вида. В общем, лучший вариант цивилизации.

Попутно говоря, и в целом по Австралии разгуливала очень даже симпатичная на вид публика. Точнее сказать, женщины. Высокие, спортивного вида, красавицы, одеты по последней моде. Эта мода тогда пришла в СССР только через несколько лет. Как объяснили мне местные знатоки, такая симпатичная порода женщин – результат скрещивания ирландцев с шотландцами. В свое время и те, и другие вели себя непоседливо, норовили бунтовать. Поэтому их и ссылали сюда из Великобритании. На каторгу. Они же здесь, в конце концов, прижились и создали очень даже приличную страну. Женщины - это была явная достопримечательность Австралии. А мужики выглядели немного хуже, помельче, хотя плюгавыми тоже не назовешь.

В Сиднее имелось советское консульство. Оно по численности персонала было почти такое же, как и посольство в

Канберре. Однако можно было не сомневаться, что работать в таком консульстве было выгоднее, чем в посольстве. Сидней - большой интересный город. Кроме того, тут было море, пляж. А Канберра, это довольно маленький город, расположенный к тому же километрах в двухстах вглубь материка, ровно посередине между Сиднеем и Аделаидой. В свое время австралийцы никак не могли решить, какой из двух городов должен стать столицей. И нашли третье, самое плохое решение. Построили в пустыне специальный городок для правительства, ровно на полпути между двумя гигантами.

Консульские сотрудники, которые встречали делегацию, повезли нас из аэропорта прямо на пляж, по дороге лишь на несколько минут заглянув в гостиницу. У всех местных советских дипломатов имелись новенькие "мерседесы". Морды у всех - лощеные, довольные. То есть ясно, что жизнь - не в тягость. По дороге купили сырого мяса. Зачем? Оказалось, что на пляже имеются специальные плиты для жарки мяса, расположенные внутри деревянных беседок. Опускаешь двадцать центов, и плита на длительное время разогревается. Кидаешь на толстенную стальную пластину свое мясо, и оно довольно быстро зажаривается. Пожалуй, не хуже шашлычка. Хотя вкус, несомненно, складывался не только из качественной баранины, но и из всей экзотической обстановки: пляж, сзади необъятный континент, а перед глазами тихо дышащий океан без конца и края.

Берег в Сиднее высокий, никак не меньше метров пятидесяти, обрыв. Внизу, под обрывом, широченный пляж. Вот на нем и расположилась наша честная компания. Место красивейшее, кругом народ разлегся, отдыхает, но не так плотно, как на черноморском побережье. До горизонта - океан. А в его слегка колышущихся волнах в черных каучуковых гидрокостюмах расположилась большая группа местных энтузиастов на досках-серфах. Они лежат на этих досках на животе лицом к океану и ждут хорошей волны. Пока ее нет, просто общаются между собой. Может быть, они туда заплыли именно для того, чтобы

волю наговориться? Когда волна появляется, часть из них вскакивает на серф и едет на гребне в сторону берега, метров сто, не меньше. А дальше в океане, за этими серфингистами, полным-полно яхт. Белые паруса по всему горизонту. Чем не идиллия, единение океана и человека? Наверное, тут уместно и более прозаическое наблюдение: всем этим австралийцам, качавшимся на волнах в той или иной форме, явно не надо было бежать зарабатывать себе на жизнь.

Наконец делегация вернулась в гостиницу. Конечно, я включил телевизор. И что удивительно, все программы были, по московским меркам, исключительно интересные, просто не оторваться. На одном из каналов передавали новости, толпы австралийцев против чего-то активно протестовали, размахивали плакатами, орали, даже, кажется, дрались с полицией. Я стал прислушиваться, стараясь понять, против чего же они так яростно протестуют. Оказалось, Австралия продавала в Саудовскую Аравию своих овец, а арабы грузили их живьем на какие-то пароходы и несколько дней везли к себе по океану. Конечно же, в это время овец не кормили и не поили, те несколько дней блеяли от голода. Так вот, австралийцы протестовали против такого негуманного обращения с животными.

Сюжет, понятное дело, производил впечатление. Вот беззаботная страна! У жителей нет иного повода ходить на демонстрации и драться с полицией, как только в защиту своих недокормленных баранов, которых через день зарежут.

Переговоры

Через день делегация добралась-таки до Хобарта. Хоть этот город и находился на острове, на самом краю Земли, но совсем не выглядел как глухая провинция. Домишки хоть и невысокие, но все вполне цивилизованного вида. Как это ни странно, на улице невозможно было заговорить по-русски, сразу кто-нибудь пытался окликнуть. Кстати, как выяснилось, во всей Австралии

было полным полно беженцев и иммигрантов изо всего бывшего СССР. Они, конечно, не доминировали на улицах, но их было просто много.

В Хобарте начались сами переговоры. Как мы уже не раз упоминали, речь на них должна была пойти, казалось бы, о технических вопросах, о проекте соглашения о привилегиях и иммунитетах будущей международной организации и о ее правилах процедуры.

Еще раз обратим внимание читателя, что обычно для подобных переговоров в Советском Союзе предварительно готовились так называемые "директивы", если вопросы были серьезные, или "указания", если обсуждаемые темы были мелковаты. В такую бумагу записывалось, какую именно позицию должна была занимать советская делегация. Как правило, директивы имели гриф "секретно" или даже "сов. секретно". Так вот, на эти переговоры в Австралии никакие директивы или указания подготовлены не были. Почему так получилось – мне неизвестно. Может, забыли их подготовить, а может, нарочно не стали. Понятное дело, что я как сотрудник самого низшего уровня никого не спрашивал, куда делись директивы. Раз нет, значит, нет, начальству виднее. Легче будет вести переговоры, нет никаких ограничений.

Итак, советская делегация собралась в номере гостиницы "Четыре сезона" в далеком австралийском городе Хобарте. И, между прочим, это было первое совещание делегации, что тоже было необычно. По логике надо было хотя бы разок собраться уже в Москве. Но Павлов даже не пытался собрать всю делегацию ни дома, ни за день до этого в Сиднее, хотя там было советское консульство и имелись условия для секретных совещаний, а решил поговорить о предстоящей работе только прямо накануне переговоров, да еще и в гостинице. Какие уж тут секреты от австралийцев?!

- Что будем делать? Какие позиции отстаивать? – бодро начал он совещание.

- Надо отстаивать наше право блокировать нежелательные для нас решения, – тут же ответил ему Вячеслав Зиланов, представитель рыболовного ведомства и заместитель Павлова по делегации, – Все-таки у нас огромный промысловый флот, а нас слишком сильно ограничили в Антарктике. Если не будет такого права, нас вообще вытурят из этих вод. Но и этого мало - надо еще предусмотреть хорошие привилегии и иммунитеты для нашего представителя при организации, который будет здесь работать, а также для нашего сотрудника секретариата. Все-таки, речь идет о нормальных условиях. Вы ведь нас понимаете?

Павлов понимающе закивал, но никак комментировать эту речь не стал. И спорить тоже не стал.

- А что вы, Владимир Николаевич, думаете? – повернулся Павлов уже ко мне.

- Конечно, надо бороться за консенсус в научном комитете! Там будут вырабатываться, якобы, научно обоснованные рекомендации, сколько рыбы можно выловить в Антарктике, а сколько – нельзя. Если там будет консенсус, наш представитель худо-бедно, но сможет сопротивляться плохим для нас решениям. А что касается привилегий и иммунитетов, то тут, наверное, лучше не отходить от общей линии, которую обычно отстаивают советские делегации – все по максимуму!

Я замолк, посмотрел на Зиланова. Тот молчал, но было видно, что он согласен. Потом я повернулся и вопросительно глянул на Павлова. Все-таки, он - старший товарищ и к тому же глава делегации! Он-то что думает? Одобряет или как? Не начнет ли сейчас отчитывать за слишком прямолинейный подход?

Но Павлов явно не хотел ни с кем ни конфликтовать, ни спорить. Он выслушал меня и только пробурчал себе под нос: "Да, да...". После этого короткого то ли комментария, то ли просто междометия глава делегации через несколько мгновений, наконец, дозрел до более длинной фразы: "Именно так все и должно быть". После еще некоторой паузы он вдруг перешел на достаточно казенный голос и подытожил обсуждение: "Давайте

будем исходить именно из таких позиций. Есть еще какие-то мнения?"

Других мнений не было. Все поднялись со своих мест и отправились по номерам. Я шел и с некоторым недоумением еще раз возвращался к только что завершившемуся совещанию. Каким бы молодым и зеленым специалистом я в тот момент ни был, но все-таки кое-что уже успел узнать и освоить. Это совещание было самым коротким из всех подобных совещаний, в которых мне до того приходилось принимать участие. Обычно обсуждение было более подробным, подчас на несколько часов, члены делегации излагали свои аргументы, распределяли роли, делились документами, прикидывали запасные позиции. А тут ничего такого вовсе не наблюдалось. Может, у Павлова нет опыта подобных переговоров? Тогда как его назначили главной делегации? Или он просто полагается, что называется, на авось? Спорить с Зилановым и со мной не стал. Но уж как-то все невнятно и неопределенно закончилось! Кто из делегации, где и как будет выступать, какие конкретные доводы будет озвучивать – ничего этого проговорено не было.

Впрочем, сколько ни размышлял я на эту тему, ни к какому определенному выводу так и не смог прийти. Да, мало ли в родном министерстве сомнительных специалистов?! Строят из себя больших знатоков, а на самом деле пролезли наверх благодаря подхалимажу или родственным связям! И на этой глубоко философской мысли я и закончил разбор совещания. Утро вечера мудренее! На переговорах и посмотрим, что там за расклад!

Утром до места переговоров пришлось пройти пешком чуть ли не километр. Можно было, конечно, прокатиться на такси, проблем тут никаких не было. Но почему бы и не прогуляться? Погода стояла самая что ни на есть подходящая для такой прогулки, ни жарко, ни холодно. Как раз чтобы надеть плащ, но не застегивать его. Или вообще не надевать.

Улицы Хобарта были пустынные, где находились с утра все жители, было непонятно. На работе? Или досыпали последние

сны у себя дома? По обе стороны улицы, по которой шли делегаты, стояли домики высотой в два или три этажа. Эдакий английский городской стиль, без излишеств, но и не слишком просто. По улице время от времени проезжали одинокие автомобили. Вот и все. Других признаков жизни не было видно напрочь.

Однако прогулка явно стоила того, чтобы потратить на нее полчаса времени. Воздух был необыкновенный - смесь моря и зелени. К этому очень гармонично добавлялось всеобщее умиротворенное спокойствие. Тишина была почти запредельная, только что в ушах не звенело. Одно слово: край Земли, но исключительно в цивилизованной оправе.

Здание для переговоров ничем особым не выделялось, такой же трехэтажный домик, как и все остальные. Единственно, казенное его предназначение выдавали высокие окна и достаточно большой подъезд с широкой лестницей, как раз для приема официальных лиц.

Внутри к советским делегатам тотчас же подскочил молодой человек и очень вежливо препроводил к стойке, где надо было зарегистрироваться и получить пакет уже подготовленных документов. Это был список членов других делегаций и, как выяснилось, уже заранее подготовленные австралийцами проекты соглашения о штаб-квартире, о правилах процедуры научного комитета и о привилегиях и иммунитетах делегаций и постоянных представителей.

Я тут же, на ходу полистал проекты, вчитался в формулировки. И, не удержавшись, поморщился. От Павлова эта реакция не ускользнула: "Что вы думаете? Нам все это подойдет?".

- Австралийцы совсем обнаглели. Конечно, хорошо, что они проделали большую работу и подготовили такие проекты. Но я сразу вижу, что все это нам не подойдет ни в каком виде. Тут нет консенсуса, кругом – голосование простым большинством. А привилегии и иммунитеты - просто никакие! Причем эти мерзавцы (я тут употребил именно это недипломатическое

слово), так все сформулировали, что мы не сможем обойтись небольшими поправками. Если мы хотим чего-то иного, то надо будет переформулировать чуть ли не половину текста.

- Вам виднее! – промолвил в ответ Павлов, даже не удосужившись глянуть на текст. – Если вы считаете, что это нам не подходит, готовьте свои поправки. Справитесь? Завтра обсуждение, так что у вас меньше суток!

С этими словами глава делегации развернулся и, не дожидаясь моего ответа, отправился в зал заседаний. Но такая его реакция меня вовсе даже не обескуражила. Очень хорошо! Я вам сейчас такие "поправки" напишу, что потом не жалуйтесь!

Я посидел на вступительном заседании, послушал речи глав других делегаций. Павлов тоже что-то такое там произнес, но предельно нейтральное. Антарктика – зона международного сотрудничества, а Австралия – принимающая сторона, большое ей за это спасибо. Я вполуха слушал выступления, а сам тут же, на коленке сочинял свои поправки. Работа шла быстро, формулировки ложились сразу начисто. Ручка так и бегала по листкам. Где-то внутри у меня зрело очень приятное чувство, какая-то смесь зловредства и удовлетворения. Все сочинялось четко и быстро, при этом мое творчество явно ставило тотальный крест на австралийском проекте.

Как выяснилось к вечеру, к проекту Австралии на двенадцати машинописных страницах я сочинил поправок на четырнадцать страниц! Проще было написать свой вариант, но сочинять поправки было даже интереснее и приятнее. Поправки - это повод для спора и критики. И попробуйте-ка меня раскритиковать за формулировки, которые уже имелись в других международных соглашениях!

Известный ученый

Тем временем на пленарном заседании пошла речь о процедуре принятия решений в научном комитете. Я оторвался от своей писанины и вслушался в выступления. Вячеслав

Зиланов выступал за консенсус, но с этой идеей оказался в полном, просто тотальном одиночестве. Западные делегации все, как одна, выступали за принятие решений простым большинством (И их можно было понять!). Чили и Аргентина отмалчивались.

Тут мне вдруг на глаза попался немного необычный член британской делегации, какой-то крупный ученый. Как он туда затесался – непонятно. Похоже, англичане включили его в свой состав для пафоса. Он не был ни дипломатом, ни представителем рыбопромысловой отрасли. Какой-то крупный общественный деятель и ученый, что-то вроде Жака Ив Кусто в британском розливе. Англичане с ним носились как с писаной торбой, всячески его ублажая и гордо демонстрируя другим делегациям. Он же в свою очередь производил впечатление человека, явно помешанного на своих антарктических исследованиях. Сидел с важным видом и всячески показывал, что он – большая величина, имеющая свое собственное мнение. При этом время от времени, как бы между прочим, через губу ронял направо и налево какие-то замечания. Видимо, при этом предполагалось, что все окружающие должны были ловить на лету его умные мысли, запоминать и пересказывать потомкам.

Мне не составило труда улучшить момент и в один из перерывов прямо в зале заседаний завести с ним разговор. Британская делегация поначалу не усмотрела в этом никакого подвоха и никак не попыталась помешать. Хотя по ситуации любые важные вопросы, конечно же, должны были быть адресованы главе делегации, а не ее отдельным членам. Но британцы, судя по всему, сочли, что никакого вреда от подобного отступления от установленного порядка не случится. Ну, что этот советский молокосос может такого спросить, чтобы изменить ход обсуждения? А всякое вовлечение известного британского ученого в дискуссию только поднимало его авторитет.

Я же, как говорится, ничтоже сумняшеся, взял, да и спросил, какое у известного всему миру ученого может быть мнение в

отношении следующей ситуации: допустим, возникла какая-то проблема, и все мировое сообщество придерживается в отношении нее одной позиции, а один-единственный ученый – другой. Может ли в конечном итоге оказаться прав именно этот ученый, а не весь остальной мир?

Британец на миг замер, потом надулся как индюк и важным голосом, с расстановкой, чтобы его все слышали, заявил: "Именно так чаще всего и бывает!". И сделав эффектную паузу, добавил: "Умный человек, как правило, бывает прав, а все остальные, кто с ним спорит, – просто дураки!". Почему он именно так ответил, было понятно – британец примерил, видимо, эту ситуацию на себя и, конечно же, решил, что он всегда был прав, а весь остальной мир, или, по крайней мере, его собственная британская делегация – никогда.

После этих слов в воздухе повисло тягостное молчание. Молчали члены британской делегации. Но они не просто молчали, а так выразительно молчали, что ни у кого из других делегаций не возникло желания прервать эту паузу. Заявление британского ученого означало, что претензии Советского Союза на консенсус имели под собой разумное основание, а не являлись каким-то капризом. Ведь понятно, что использование Антарктики должно было опираться в первую очередь на выводы авторитетных ученых.

Но это еще ладно! Ученый муж без стеснения использовал довольно-таки недипломатичное слово "дураки", и в результате получалось, что оно было адресовано членам его собственной делегации. Снести такое публичное унижение для британцев было тяжело, очень тяжело. Наконец они просто попросили продлить перерыв еще на полчаса.

После перерыва переговоры продолжились. Британцы попытались отыграть назад и даже заставили своего ученого пробормотать какие-то извинения. Но настроение на переговорах уже изменилось, аргентинцы и чилийцы, наконец, отважились и поддержали нашу делегацию. Дело было сделано.

Кстати, как раз тогда, когда шли все эти заседания, всюду развернулась война между англичанами и аргентинцами вокруг Фолклендских островов. Но, как оказалось, война - переговорам не помеха. В одном месте аргентинцы и британцы без жалости топили корабли и сбивали самолеты друг друга, а в другом – вели переговоры.

Однако факт войны все-таки сказывался. Делегации аргентинцев и англичан пытались демонстративно повернуться друг к другу спиной и прямо в дискуссии друг с другом не вступали, но при случае всячески пытались острить и как-нибудь подковырнуть оппонента. Лучше это получалось у англичан, хотя и аргентинцы острили подчас достаточно удачно. Все остальные участники переговоров в точном соответствии с китайской мудростью не вмешивались и с удовольствием наблюдали за бесплатным, но довольно-таки занимательным зрелищем, а при особо удачной остроте от души хохотали.

Наконец на переговорах дошла очередь и до злополучных привилегий и иммунитетов. И вот тут выяснилось, что все остальные делегации, которых было больше десятка, без каких-либо исключений, выступили против предоставления сотрудникам секретариата создаваемой международной организации дипломатических привилегий и иммунитетов. Значит, предстоял тяжелый разговор, в ходе которого советская делегация должна была доказать, что именно она права, а все остальные – не правы.

Вопрос о привилегиях и иммунитетах – это прерогатива юристов-международников. В результате в отдельной комнате за столом собрались дипломаты из всех делегаций, а все остальные специалисты по рыболовству, по научным исследованиям в Антарктике и по прочим вопросам разбежались кто куда. Для меня это означало, что я должен был в одиночку пытаться отстоять свою позицию, вступив в схватку с выдавшими виды иностранными переговорщиками. А у иностранцев были задействованы нешуточные силы. Например,

за спиной главы американской делегации сидело не меньше дюжины помощников и советников. Дюжины!

Привилегии и иммунитет

Конечно, по логике вместе со мной в этой части переговоров должен был обязательно участвовать и глава советской делегации Павлов. Ведь он был дипломатом и тоже мог кое-что произнести по обсуждавшейся теме. Все остальные делегации были представлены именно на уровне глав. Но по каким-то непонятным соображениям мой руководитель не пожелал этого сделать: "Володя!" - самым задушевным и ласковым тоном произнес он. – "Владимир Николаевич! Вы явно хороший специалист по международным организациям! Вот и объясните всем им, что к чему!".

Произнеся эту короткую фразу, Павлов всем своим видом совершенно недвусмысленно дал понять, что он дальше в переговорах участвовать не будет. Я только пожал плечами и ничего на это не ответил. Действительно, Павлов не был юристом. Что-то он мог, конечно, подсказать в ходе дискуссии. Его участие явно добавило бы авторитета и весомости соответствующим аргументам. Но я считал, что и сам вполне могу обойтись без посторонней помощи. Не хочет участвовать, ну и не надо!

Конечно, если вдуматься, то позиция Павлова означала, что он не просто бросал меня на произвол судьбы. Если глава делегации самоустранялся от переговоров, значит, у него не было жесткого указания из Москвы отстаивать соответствующие позиции. А это ставило члена его делегации, то есть меня, в чрезвычайно трудное положение. Не так-то просто убедить другие делегации в обоснованности своих претензий, если заранее известно, что Москва на них не настаивает.

Сказать честно, я в тот момент не очень-то и задумывался над таким странным поведением своего руководителя. Не хочет, ну

и ладно! Без дополнительного контроля сверху будет только легче. Аргументы, которые были подобраны в досье, от этого ведь никуда не денутся! В конце концов, может быть, руководитель делегации просто решил проверить на деле молодого сотрудника, проявив к нему такое доверие?

Делегации расселись за длинным столом темно-коричневого цвета, похоже, из дорогих пород дерева. За такими столами обычно проводят званые обеды. Каждый из гостей может легко услышать, что ему говорит его визави напротив. Наверняка, этот стол именно для подобных мероприятий и предназначался. Но тут австралийцы, которые были хозяевами мероприятия, выделили его именно для переговоров. В результате все участники сидели довольно близко друг от друга. В случае дружеской беседы такая близость создавала доверительную обстановку. А вот когда беседа была не дружеской, противники как бы нависали друг над другом, и в результате близость превращалась в довольно неприятный фактор морального давления. То есть в данном случае – в фактор давления на меня, молодого начинающего дипломата, еще не нюхавшего порошу настоящих переговоров.

Мне досталось место в торце упомянутого выше стола. Вообще-то, такое место должно было занять лицо, которое как бы руководит всем процессом переговоров. То есть это место имело свои преимущества. Но австралийцы, видимо, сочли, что в данном случае никаких преимуществ не будет. Вместо этого подобное обособленное место будет создавать эффект концентрации давления со стороны остальных участников.

Впрочем, я в тот момент не очень-то и напрягал себя всеми этими расчетами, а просто плюхнулся на выделенный мне стул, вот и все, при этом немного отодвинулся от стола. Дело в том, что бумажки, лежавшие на столе, были для меня и так в пределах досягаемости. Но, отодвинувшись, я смог хорошо расположить на своих коленях заветное досье. Конечно, все видели, что досье существует. Но психологически лучше было держать его именно на коленях. Пока кто-то из других делегатов

выступает, можно будет не очень заметно перелистать досье и найти нужную страницу. А потом как-то огрызнуться в ответ. При этом ответ будет выглядеть более естественным, не зачитанным по лежащему перед носом тексту. А это – определенное преимущество в полемике.

Дискуссия сразу приняла предельно неприятную форму. Делегаты высказывались один за другим, при этом складывалась следующая картина: все приехали издалека, чтобы организовать нужное для всего человечества дело. А одна единственная делегация, которая руководствовалась какими-то сомнительными соображениями, пытается помешать конструктивной работе делегатов от других стран.

Все высказались по кругу, обозначив общую позицию. Конечно, я ощутил на себе немалое давление. Но ведь пока это были лишь общие вводные слова! А как насчет конкретики? Впрочем, дело достаточно быстро дошло и до конкретного обсуждения.

Я расположился поудобнее и вполглаза стал разглядывать участников. Британцев было двое. Оба – как братья близнецы. Их роднило какое-то общее выражение лица. Плохо скрытая брезгливость, что ли. Вроде как аристократы вынуждены сидеть за одним столом с малограмотными, к тому же грубыми простолюдинами, и учить их уму-разуму.

Американец, глава делегации, был здоровенным англосаксом, с волосами, отдававшими в рыжину, и такими же соломенно-рыжими усами. Очки на его носу сидели, пожалуй, даже агрессивно. А еще более агрессивными выглядели глаза, которыми он время от времени зыркал вокруг. Позади этого рыжего громилы расположились его многочисленные советники. Впрочем, статус этих людей не был до конца понятен. В ходе переговоров они практически никогда ничего не говорили своему предводителю. А тот их и не спрашивал. Но все в этой компании постоянно что-то строчили в свои блокноты. Было похоже, что они не просто записывали каждое сказанное слово, но пытались даже описать саму ситуацию, в

которой шла дискуссия. Наверное, все это потом анализировалось в Госдепартаменте до мельчайших подробностей. Но был ли толк от такой работы? Или просто американцам некуда было девать деньги, потому они и подключили к работе такую прорву сотрудников?

Аргентинцы и чилийцы сидели вместе. Их можно было узнать издалека. Уже пожилые мужчины, полные, явно пренебрегавшие спортом, но не ограничивавшие себя по части еды и выпивки. Пиджаки помятые, а уж про штаны и говорить нечего. Выступали эти латиноамериканцы нечасто и особыми познаниями по части дипломатических привилегий и иммунитетов точно не блистали.

Особо живописно выглядели австралийцы. Их было аж четверо: две женщины и двое мужчин. Все молодые, спортивные, одеты с иголки, пытаются выступить при первой возможности. Сразу было видно, что уж кому не были нужны в Хобарте дипломатические привилегии, так это точно самим австралийцам. Перед ними высилась гора всевозможных справочных материалов и досье. Представители Австралии явно настроились биться насмерть с ненавистной советской делегацией в моем лице.

Еще за столом сидел француз, довольно пожилой седой мужчина, почти старик, в изрядно поношенном костюме. Он явно не отягощал себя погоней за последней модой. Но и у него перед носом тоже красовалась кипа каких-то бумажек. Рядом с французом сидели представители Норвегии, ЮАР и кто-то еще.

В общем, похоже, что в этот день и за этим столом собрался весь цвет мировой дипломатии, занимавшийся проблемами Антарктики. И все они, кто с удивлением, а кто и с неприкрытой злобой (например, все те же австралийцы и британцы) разглядывали меня. Что еще за тип заявился сюда из Москвы? Что он о себе возомнил, чтобы спорить со столь представительным собранием?

Однако я очень даже был настроен поспорить: без ругани, без повышенного голоса, но с аргументами, которые таились в уже

не раз упомянутом волшебном досье. Если быть точным, то досье уместилось не в одной папке, а аж в трех, слишком много было собрано материала. И надо было как-то управляться со всеми бумажками, чтобы дать достойный отпор всей шайке.

Досье, как уже было сказано, представляло собой определенное инженерное сооружение. Там содержались тексты всех мыслимых и немыслимых международных соглашений по привилегиям и иммунитетам. Причем не просто тексты, а документы, разбитые каждый внутри по смысловым группам. Как известно, существует определенный набор признанных соглашений подобного рода, регулирующих привилегии и иммунитеты. Видимо, можно говорить о количестве от двадцати до сорока. Вот их-то я и разбил по группам. Мало того, весь месяц до переговоров я ползал по дипломатическим архивам и составлял подробные списки, какие из присутствующих государств в этих соглашениях участвовали, какие они делали при подписании оговорки и заявления, и даже что они говорили в ходе предварительных переговоров.

Непосвященному человеку может показаться, что это обычная и достаточно простая работа. Как бы не так! Если СССР не участвовал в каком-либо соглашении, откуда было бы взять его текст? Кто вообще может знать, какие были заключены соглашения без советского участия? А оговорки и заявления? Ведь это еще не текст самого соглашения, их вместе с основным текстом далеко не всегда и публикуют. А уж что каждая делегация говорила при обсуждении того или иного проекта в ходе полемики, это вообще предмет довольно специфических документов, и, чтобы их раскопать, надо было пуд пыли проглотить. По большому счету, все собранные мной материалы к той поездке, правильно обработанные, вполне тянули на небольшую монографию. И такой монографии тогда в Советском Союзе по теме привилегий и иммунитетов не было и в помине, а иначе я не морочил бы себе голову, а просто взял бы ее с собой в поездку, вот и все.

Отвлечемся на минутку. Вообще, что такое юридическая монография? Это не просто книжка, написанная одним автором на юридическую тему. Например, для того, чтобы защитить докторскую диссертацию по истории, надо сочинить не менее двух монографий. А по юридическим наукам по неписанным правилам ВАКа было достаточно одной монографии. Поскольку на юридические темы книжки писать особо трудно.

Итак, всю эту информацию, попавшую в мое досье, было вполне возможно накопить в архивах МИДа. Другое дело, что это была достаточно трудоемкая работа, за которую все равно никто не собирался сказать мне "спасибо". К тому же я не просто собрал всю эту информацию, а определенным образом сложил в досье и снабдил так называемыми перекрестными ссылками. То есть, когда было надо, я брал соответствующие закладки и почти в одно движение мог по любому вопросу открыть досье в нужном месте и процитировать позицию своих оппонентов по аналогичным переговорам в других случаях. У меня тогда на коленях, попросту говоря, был своеобразный бумажный компьютер. Соответственно, спорить со мной было совершенно невозможно. Ясно, что любая страна, делегации которых сейчас сидели за столом, когда-нибудь в каком-нибудь другом месте и при определенных обстоятельствах старалась выбить для себя высокие привилегии и иммунитеты. Другое дело, что теперь в Австралии они подобных целей не преследовали, а как раз наоборот хотели сократить любые иммунитеты и привилегии.

В конечном итоге я замучил просто всех! Как только мне высказывали какой-то аргумент, я тотчас же находил соответствующее место в своих досье и начинал громить собеседника: "Вот вы только что обвинили советскую делегацию в том, что мы требуем для сотрудников секретариата нашей организации немыслимых исключений по части уголовного преследования, которые никогда и нигде не признавались в международном праве. А вот позиция вашей собственной делегации на переговорах по созданию

международной организации (тут я называл соответствующую организацию). Вы там именно таких привилегий и добивались. И добились! Вот как звучала позиция вашей делегации, и вот как это было отражено в итоговом соглашении". Дальше я цитировал соответствующий текст. И после эффектной паузы добавлял: "Вы, что же, теперь не согласны с позицией вашего собственного правительства, которое уже нашло отражение в международных соглашениях?". Ну, разве можно было со мной спорить?

Досталось от меня и американцу, причем пару раз в довольно обидной форме. Это к тому же был редкий случай, когда делегат от США вступил в прямую полемику с советской делегацией. Их стратегическая линия была, судя по всему, не вступать в прямую дискуссию с представителями СССР, не конфликтовать и не полемизировать. Это объяснялось тем, что по Антарктике, в отличие от других международных проблем, позиции обеих стран во многом совпадали, а потому тут американцы ценили сотрудничество с Советским Союзом.

Вообще, как я полагал, в свое время у СССР были шикарные возможности сговориться с США не только по Антарктике, но даже и по Арктике. В конце семидесятых американцы предложили Советскому Союзу заключить договор по Арктике, очень похожий на антарктический, только более подробный, более выгодный для СССР. Предложение было сделано почти тайно, текст был передан в рабочем порядке. Но советские дипломаты, одержимые идеей присоединить к территории СССР почти половину Арктики, это предложение отвергли. Когда я нашел на полке в своем отделе подробное описание этой истории, в том числе фамилии соответствующих советских политиков, то просто ахнул. Впрочем, это сюжет для отдельной истории.

Итак, в результате всех этих моих цитирований по упомянутому досье возникла своеобразная ситуация: и уступать мне никто не хотел, так как это было слишком обидно и противоречило директивам, и дожать советскую делегацию

было трудно, я не просто огрызнулся, а цитировал их собственную государственную позицию по аналогичным переговорам. Наверное, в результате возникла ситуация, когда можно было пойти и на какой-то компромисс. Это могло быть достаточно выгодно для всех, в том числе и для СССР. Но тогда я был молод и тверд, и ни на йоту не хотел уступать. Было только желание дожать всех своих именитых противников до конца. Один, а смог утереть нос всей этой шайке-лейке!

Раковой визит к американцам

"Дожима", однако, не получилось. Вечером американцы пригласили главу советской делегации, уже упомянутого Юрия Ивановича Павлова, к себе на выпивку. Вернулся он с этого мероприятия довольно поздно. Не то, чтобы он напился, но навеселе был, это уж точно. Даже, не навеселе, как это обычно бывает у завязтых пьяниц. Было видно, что у него в жизни что-то очень хорошо получилось. Оказалось, что частью этого "хорошо" был вопрос по привилегиям и иммунитетам. Судя по всему, именно эта тема и обсуждалась американцами с главой советской делегации. Павлов постучался ко мне в номер. Зашел, огляделся, но на кресло садиться не стал, а продолжал стоять, хитро разглядывая меня своими прищуренными глазами.

- Владимир Николаевич! – наконец начал он свою речь, – Владимир Николаевич! Я как глава нашей делегации беру на себя всю ответственность за результаты переговоров.

Тут Павлов на мгновение умолк. А я уставился на своего руководителя с некоторым удивлением. К чему такое торжественное вступление?

- Беру ответственность. То есть в Москве у вас не будет никаких проблем. Никто вам не поставит в вину итоги наших переговоров. Вы хорошо подготовились и хорошо тут поработали, – Павлов опять замолчал, пытаясь, видимо, оценить, насколько я понял сказанное. – Завтра вы на переговорах по привилегиям и иммунитетам сделаете

следующее: по тем вопросам, по которым уже удалось найти общую позицию, надо сформулировать окончательный документ, а по тем вопросам, по которым договориться не удалось, вы больше не настаивайте! Как хочет большинство делегаций, пусть так и будет. Для Советского Союза важен сам международный орган, а не отдельные льготы, которые будут предоставлены сотрудникам секретариата.

Я молчал и с удивлением разглядывал руководителя нашей делегации. К чему такая спешка? До конца переговоров было еще целых два дня! Вполне есть время для того, чтобы уговорить других участников пойти на более серьезные уступки. Ведь у них нет против меня никаких формальных аргументов!

Однако я не стал произносить все эти слова, а только пожал плечами. Если руководитель в такой своеобразной форме просил дальше не настаивать на своей правоте, то, наверное, у него имелись к тому весомые основания. Я еще раз пожал плечами, выражая при этом и удивление, и согласие. Павлов удовлетворился такой реакцией, вежливо пожелал спокойной ночи и вышел вон.

Оставшийся в одиночестве я задумался. Если говорить о "весомых основаниях", то, кроме попойки у американцев, других видно не было. Павлов зашел в гости, выпил и закусил, о чем-то там поговорил, и теперь требует отступить? Ведь до этого требование предоставить дипломатические привилегии и иммунитеты было согласовано на общем заседании нашей делегации. Так по какому поводу теперь такая доброта? И почему Павлов был такой веселый? Чего веселого в том, чтобы уступить на переговорах?

Однако тут я счел, что не следует дальше напрягать свою голову, чтобы найти разгадку этой странной ситуации. В конце концов, Павлов был достаточно высокопоставленным советским дипломатом, и если он что-то в такой форме приказывал, значит, к тому была достойная причина.

На следующий день я зашел в комнату переговоров и сразу почувствовал изменение в общей атмосфере. Похоже,

американцы уже предупредили всех, что дальнейшая дискуссия закончена. Во всяком случае, в поведении делегатов я вдруг почувствовал... презрение. Да, именно презрение. Меня презирали за то, что представители моей страны неспособны защитить свои национальные интересы. Меня презирали за продажность. И это было очень неприятно...

Овцы

Итак, переговоры закончились. Можно было перевести дух и осмотреться. Сотрудники советского посольства устроили нашей делегации еще пару небольших экскурсий по Австралии. И тут мне стало понятно, почему у австралийцев в магазинах такое дешевое мясо. Ведь в Австралии всегда тепло, никакой снег не выпадает, значит, и трава растет круглый год. Этим пользуются австралийские фермеры, которые, как правило, делят свое пастбище проволочной сеткой на некоторое количество огороженных квадратов. В один из таких квадратов фермер запускает своих овец. Через какое-то время, недели через две, овцы съедают всю траву в этом квадрате. Тогда фермер приезжает на пастбище и открывает дверь в другой квадрат. Овцы сами туда перебегают, ведь еды на прежнем месте уже не осталось. Через пару недель процедура повторяется: фермер опять приезжает и открывается дверь в следующий квадрат, и так далее, пока круг не замкнется. Когда очередь доходит до первого квадрата, к этому времени там уже отросла новая трава. Себестоимость овец при таком методе, грубо говоря, - это цена открывания дверей между квадратами, а также стоимость бензина, чтобы раз в две недели доехать до пастбища. При этом следует учитывать, что Австралия – достаточно чистая страна. Здесь относительно мало ядовитых змей или зловредных насекомых типа слепней или комаров. Просто рай! Можно забраться почти в любые заросли, не рискуя, что тебя кто-нибудь ужалит или покусает.

Попойка

Перелет из Сиднея в Москву никакими особыми событиями не ознаменовался. Разве что тем, что рядовые члены делегации выпили немного лишнего. Поначалу ничто не предвещало попойку. Просто кто-то из ребят положил в свою сумку маленькую бутылочку со спиртным, которую дала стюардесса. Дело было в бизнес-классе, и там такие бутылочки полагались бесплатно. Но почему-то эта операция не понравилась стюардессам. И следующую порцию бутылочек они принесли уже открытыми, без крышек.

- Ах, так! Жалко спиртного для пассажира бизнес-класса! Нельзя взять с собой, а можно только выпить на месте? Ну, тогда держитесь!

И делегация, за исключением руководителя и его зама, которые сидели в первом классе, взялась заказывать спиртное и тут же на месте его и выпивать. Дорога была дальняя, бутылок у стюардесс было, судя по всему много. И им даже стало интересно, что случится первым: кончатся бутылки или пассажиры упадут замертво.

Как выяснилось, никто замертво падать даже и не собирался. А через некоторое время пара откидных столиков была полностью заставлена пустыми бутылками. Наконец стюардессы признали свое поражение и выдали на память всем по набору таких бутылок, только уже запечатанных.

В Москве с меня действительно не потребовали никакого специального отчета. Написанную мной по итогам переговоров бумагу начальство прочитало и тут же списало в дело. Никаких вопросов, а тем более критики! Что было тоже довольно-таки странно. Обычная практика была совсем иной – тщательный разбор и критика по всем направлениям. В общем, Павлов не обманул, каким-то образом он смог сделать так, что ко мне никто никаких претензий предъявлять не стал.

Невозвращенец

Самое же интересное произошло через несколько лет. К тому времени упомянутый Юрий Иванович Павлов уехал в Латинскую Америку, кажется, в Чили, в качестве посла Советского Союза. И что-то там такое случилось, а только он вдруг заявил, что с должности посла уходит, но при этом не собирается возвращаться в Москву ни на день, ни на час, а вместо этого поедет только в США, где ему очень даже рады. Кажется, при этом он формально сослался на ГКЧП. В МИДе стали напрягаться, настаивать. Говорили, что так вести себя неприлично. Если уж ты уходишь с поста посла, то должен обязательно приехать, чтобы передать дела. Под конец начали давать гарантии безопасности (С чего бы это вдруг?). Но Павлов не соглашался на возвращение на Родину ни под каким соусом...

Что там произошло на самом деле, не вполне ясно: то ли Юрий Павлов на чем-то в посольстве "прокололся", и советской контрразведке захотелось с ним поговорить накоротке, то ли там произошло что-то иное. Во всяком случае, он так и не поехал в Москву, а успешно перебрался в США.

Я с интересом выслушал эту историю. Потом сопоставил с поведением Павлова на переговорах в Австралии и пришел к выводу, что уже тогда, судя по всему, этот "товарищ" был в более близких отношениях с американцами, чем допускалось по характеру работы. А может быть, именно с тех самых переговоров и начались неформальные контакты американцев с Павловым. В общем, как бы то ни было, а только этот советский дипломат успешно избежал неприятностей и закончил свои дни в относительно комфортных условиях на американской территории.

Надо сказать, что Павлов в ходе той австралийской командировки производил довольно приятное впечатление (если не считать его позиции по предмету переговоров): внимательно прислушивался к чужому мнению, не придирался по мелочам,

хорошо организовал неформальную часть всей командировки. При этом я вовсе не замечал у него каких-то антисоветских или проамериканских настроений. Да и зачем было Павлову вести себя так, как это делал обычный советский служащий? Зачем надо было унижать подчиненных, плести интриги и вообще, делать все то, что обычно делают советские дипломаты, хоть чуть-чуть вырвавшиеся в маломальские начальники? Он и без всего этого чувствовал себя значительной личностью.

Глава 8. Анти-НАТО. Альянс России, Китая и Индии. Неудачная вербовка

Два Сергея. "Пятая колонна"

В самом начале 1997 года в Государственной думе вдруг возникла внефракционная группа под названием "Анти-НАТО". Создали ее два Сергея: Сергей Глотов и Сергей Бабурин. В группу вошло довольно много депутатов. Идейная основа "Анти-НАТО" была простой и ясной – всемерное противодействие Североатлантическому альянсу, в том числе недопущение расширения этой организации на Восток. Собственно говоря, это следовало из самого названия группы.

Нужно отметить, что депутаты тем самым совершили достаточно опасный политический шаг, поскольку бросили вызов официальной политике, которую проводил Ельцин. Он и его окружение как раз стремились представить НАТО в качестве чуть ли не дружественной организации. НАТОвские деятели тоже старались сгладить острые углы и всячески подчеркивали неконфликтный характер отношений с Россией. В результате начался обмен военными делегациями, развитие всевозможного сотрудничества, чуть ли не совместные учения. А тут вдруг вылезают в этой проклятой "красной" Думе со своей вредной затеей какие-то непонятные депутаты, которые пользуются формальными возможностями парламента для того, чтобы подорвать государственную внешнюю политику. Настоящие диверсанты! Прямо оборотни, только не в погонах и не в судейских мантиях, а с депутатскими мандатами!

Понятное дело, сразу же действия этой внефракционной группы попали в поле зрения всевозможных российских спецслужб, и деятельностью этой своеобразной "пятой колонны" заинтересовались очень разные люди, которые стали

собирать информацию как на депутатов, так и на сочувствовавших им лиц. Это выяснилось не сразу, и об этом пойдет речь немного дальше.

Вообще-то, в основном деятельность группы сводилась к подготовке проектов заявлений Государственной думы. Как что произойдет в международных отношениях, касающееся сотрудничества России с НАТО, так тут как тут появляется и соответствующее заявление Госдумы, в котором критикуется политика Ельцина по отношению к Североатлантическому альянсу. Получалось, что Госдума как бы формально фиксировала, что политика президента противоречит коренным интересам России. Так недалеко и до импичмента! Кстати, в конце концов, "красная" Дума действительно предприняла такую попытку и недобрала всего пару десятков голосов.

Глотов

Сергея Глотова был из так называемой фракции "Народовластия" - почти коммунист, но не формально. Из бывших военных, преподаватель Краснодарского военного училища, в первом созыве Госдумы он входил в комитет по делам федерации и региональной политики, но также интересовался международными делами и в этой связи попал ко мне в поле зрения.

Наше более тесное сотрудничество началось после того, как в Думу избрались депутаты второго созыва. Сразу после выборов я заглянул к Глову в кабинет. Сергей сидел за столом, разбирал какие-то бумаги. На звук открывающейся двери он поднял голову и вопросительно глянул на меня.

Вида Глов был самого обычного, типичный русский мужик. На таких, как говорится, земля держится. Единственное, что отличало его от среднего российского человека – въедливый пытливый взгляд.

- Сергей Александрович, поздравляю с победой на выборах! - и я почти без паузы продолжил, - А в какой комитет вы собираетесь идти?

- Как и в прошлый созыв. Я же из Краснодара. Пойду в Комитет по региональной политике.

- А нет ли у вас желания пойти в Комитет по международным делам?

- Ну, какой я специалист по внешней политике?!

Но тут я, уже устроившись на стуле, произнес длинную речь, из которой следовало, что для того, чтобы заниматься международными делами, вовсе не обязательно быть дипломатом. Для начала надо просто исходить из здравого смысла и не желать своей стране вреда, а что конкретно надо будет сказать или сделать в той или иной ситуации, то уж тут найдется, кому подсказать (в первую очередь я имел в виду самого себя).

Мой монолог возымел действие, Сергей Глотов явно заколебался, а потом, видимо, прикинув все "за" и "против",

припомнив свою работу в Комитете по региональной политике, и вовсе согласился. Похоже, мне удавалось привлечь в комитет больше своих сторонников, чем Лукину - своих.

Однако мое сотрудничество с Готовым в Комитете по международным делам началось со скандала. Мне и в голову не могло прийти, что Сережа Готов, опытный депутат, не понимает мою роль – определенный идеологический противовес Лукину. Выходит, надо было растолковывать даже такие элементарные вещи?

В общем, случилось вот что: Сергей Готов тут же сочинил проект постановления Государственной думы, в котором осуждалась роль НАТО в очередном международном конфликте.

"А вдруг я что-то тут такое неправильное насочинял, и в результате надо мной будут смеяться?" - и Сережа решил на всякий случай заглянуть ко мне, посоветоваться.

По моим меркам, текст был более или менее разумный. Кое-что пришлось немного подправить, ну и только. На этом встреча закончилась.

Мирза и Аверчев

На следующий день прямо поутру у меня на столе тревожно зазвонил внутренний телефон. В трубке послышался скрипуче-неприятный голос:

"Владимир Николаевич! Зайдите, пожалуйста, к Владимиру Петровичу!".

Голос принадлежал Наталье Борисовне по фамилии Мирза. Это была женщина средних лет, довольно плотная, но не толстая, с огромной копной волос, которые было совершенно невозможно расчесать. Она сидела в приемной у Лукина на месте секретаря. Однако эта дама была больше, чем секретарь. Она была близким доверенным лицом Лукина.

Вообще, Наталья Мирза, а также Владимир Аверчев были особым явлением в окружении Лукина, о чем стоит сказать пару

слов. Злые языки говорили, что Мирза родила от Лукина внебрачного ребенка, а Аверчев был интимным партнером Владимира Петровича. Я с некоторым скепсисом относился к этим слухам. Лукин действительно таскал за собой эту парочку по всему свету, то есть относился к ним как к достаточно близким себе людям.

Но Аверчев явно не тянул на партнера по интиму. Среднего роста, почти худой, какой-то морально изможденный, он так и источал злобу вперемешку с завистью. При этом часто щерился и тем самым обнажал свои зубы.

О, это было нечто, эти Аверчевские зубы! Гнилее, кривее и уродливее трудно было что-либо придумать! Это были зубы старого шакала, которыми грызли только падаль и отбросы. Нет,

я решительно не мог себе представить, как Лукин занимается с этим гнилым и вонючим типом чем-то интимным.

Не блистал Аверчев и особым умом, к тому же был изрядно ленив. Иными словами, Аверчеву нельзя было поручить никакое более или менее ответственное дело. Одно он мог делать как следует: смотреть на Лукина преданными собачьими глазами и рычать на других людей, отпугивая от хозяина предполагаемых врагов. Наверное, именно за это Лукин и держал подле себя подобный экземпляр.

Наталья Борисовна глядела на Лукина такими же преданными глазами. Единственно, она, наверное, не считала себя обиженной жизнью, а потому вела себя по отношению к окружающим не так злобно, как Аверчев. Может быть, порой она вела себя даже вполне по-человечески, к тому же не была обделена интеллектом. У Мирзы действительно был ребенок. И иногда он даже появлялся в приемной у Лукина. Но каких-либо проявлений отеческой любви со стороны председателя комитета при этом заметно не было. Впрочем, я особо и не приглядывался. А кто тут на самом деле разберет, у кого какие дети, и кто их настоящий отец?

Запрет

Звонок от Мирзы и ее довольно напряженный голос не предвещали ничего хорошего. Я тут же отложил все дела и отправился на randevу. Кабинет Лукина был совсем рядом, следующий за канцелярией. Я вошел в приемную и, глянув мельком на Мирзу, зашел к Лукину. Тот сидел в своем кресле под государственным флагом России и что-то довольно нервно перебирал на столе. Это было признаком надвигающейся бури.

Буря и не замедлила случиться. Оказалось, что за минуту до этого к Лукину заходил Сергей Глотов. Он притащил свой проект постановления против НАТО и решил его показать Лукину, чтобы попробовать заручиться поддержкой. Ведь вряд ли можно было рассчитывать на поддержку депутатов на

пленарном заседании, если Комитет по международным делам вдруг сочтет такой проект плохо подготовленным.

Однако Глотов при этом не нашел ничего умнее, чем сослаться на меня! Мол, он, Глотов, уже показал Владимиру Николаевичу текст, и тот его одобрил, даже кое-что добавил. А если уж сам Трофимов одобряет, значит, проект не такой уж и плохой.

Лукин что-то там буркнул в ответ, но в результате просто взбесился. Он терпит рядом с собой этого Трофимова. А тот не ценит Лукинскую доброту, а вместо этого помогает сочинять проекты, которые могут нанести ущерб такой замечательной организации как НАТО!

Я оправдывался как мог: нельзя же было отказать депутату, когда он прямо ко мне обратился за помощью. Да и не так много там было изменено. Давайте вынесем проект на заседание комитета и там раскритикуем. Но Лукин все бушевал. Наконец его гнев немного поутих. И как точку, завершающую разнос, он отчеканил: "Я вам категорически запрещаю помогать в чём бы то ни было каким угодно депутатам!". Вот так, ни больше, ни меньше! Я кивнул в ответ, всем своим видом демонстрируя понимание и согласие, и вышел вон. Хотя указание было более чем идиотским. Как можно работать с депутатами и отказываться им помогать?

Основательный акт

Кстати, упомянутая группа Анти-НАТО появилась в "красной" Думе в период, когда к Североатлантическому альянсу вознамерились присоединиться четыре восточно-европейских страны: Чехия, Польша, Венгрия и Румыния, то есть все пограничные с Россией государства. В результате пошли активные разговоры о том, что НАТО не является дружественной нам организацией. Видимо, это было не последней причиной возникновения группы Анти-НАТО.

Официально Россия давно заигрывала с НАТОвцами. Были установлены контакты на рабочем уровне, туда и сюда так и сновали военные делегации, проводились совместные учения, с НАТО был заключен и договор о сотрудничестве. Он назывался скромно, но весомо: "Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора".

Исполнительная власть начала лоббировать в Думе вопрос о сотрудничестве с НАТО еще в начале 1994 года. Проводилось что-то типа парламентских слушаний, еще какие-то мероприятия. Я всячески противодействовал этим поползновениям и снабжал депутатов соответствующими аргументами без ограничений. Однако было немало сомневающихся, эдаких романтиков, еще не избавившихся от иллюзий. В результате Дума так и не приняла решение, осуждавшее контакты с этой организацией, хотя, что неплохо, они не были и одобрены, что тоже было достаточно большим достижением. Это сейчас легко говорить про Североатлантический альянс, что это враждебная России организация. А тогда, в 1994 году, многие говорили, что теперь у России нет врагов. Задавали вопрос: "А вы верите, что цивилизованные страны, входящие в НАТО, способны совершить агрессию против какой-либо страны?". И сами же весело хохотали, предвосхищая ответ. Где они теперь, эти весельчаки?

Однако дружба с упомянутой организацией предполагала достаточно серьезную трансформацию российской внешней политики. Если ты дружишь с НАТО, значит, автоматически противопоставляешь себя тем странам, которые считают Североатлантический блок своим противником, хотя бы даже потенциальным. То есть противопоставляешь себя Китаю, Индии, которые находятся явно в ином цивилизационном пространстве. По моим меркам, такой внешнеполитический курс можно было проводить, только предварительно получив одобрение парламента, например, в форме ратификации.

Если бы Ельцин мог протащить упомянутый Основополагающий акт через Думу, он непременно бы это сделал. Но ведь это была не абы какая, а все-таки "красная" Дума, и там сидели люди, которые руководствовались определенным здравым смыслом. То есть шансов на ратификацию было мало. Поэтому в Кремле делали вид, что Основополагающий акт и не надо ратифицировать. Мол, это что-то вроде декларации, совместного коммюнике, не более того. В Думу прибежали толкователи от президента и из МИДа, которые затеяли агитационную работу. Красноречия им было не занимать.

Но красноречия хватало и мне. При этом опять получалось, что речь шла фактически о подрыве внешнеполитического курса, проводимого президентом страны. Кстати, по конституции, принятой по итогам расстрела парламента, как раз именно за президентом и было закреплено право определять внешнюю политику государства. Опять меня судьба заносила на другую сторону баррикад.

Конечно, нашлись у меня и сторонники. Часть депутатов очень даже была не против вставить палки в колеса кремлевскому руководству. Но как? Очень просто! Могла ли Дума принимать свои собственные постановления? Могла. Вот и надо было принять такое постановление, в котором потребовать ратификации указанного злополучного Основополагающего акта. Конечно, Ельцин плевать хотел на такие решения Думы, но его отношение было тут не очень-то и важным. Постановление Государственной думы – официальный документ. И если в официальном документе будет высказано сомнение по поводу уже упомянутого Акта, это будет и сомнение в правильности внешнеполитического курса Ельцина. А от сомнения недалеко и до импичмента, а то и до бунта, это уж точно!

Общие цивилизационные ценности

Вообще-то, так ли уж надо было мне противодействовать сближению с Западом и мешать втягивать Россию в дружбу с НАТО? Если быть честным, это был достаточно неоднозначный вопрос. Все зависело от ценностей, которые рассматривались в качестве ориентиров. Конечно, если занять при НАТО положение Польши, Румынии, Венгрии, то это повлечет определенные последствия. Не надо будет тратить значительные средства на оборону, пусть об этом думают американцы! Скорее всего, упростится доступ россиян на территорию Европы и США, в том числе и для поиска работы. Будет также более активное проникновение Запада на территорию России. Кто-то от этого выиграет, разбогатеет, кто-то проиграет. И еще одно преимущество – близкое сотрудничество с НАТО уменьшает вероятность военного конфликта именно с этим блоком.

Однако сближение с НАТО повлекло бы и отрицательные последствия. Россия лишилась бы собственной самостоятельной политики по важнейшим внешнеполитическим вопросам. Запад использовал бы Россию как источник дешевого сырья и как рынок сбыта своей второсортной продукции. Это значит, что в России хорошо жили бы те, кто был близок к добыче полезных ископаемых или к торговле западными потребительскими товарами. А остальное население? Конечно, сырье вывозилось бы из страны либо по дешевке, либо вообще бесплатно. Значит, основная часть российского населения недополучала бы часть прибылей от такой "торговли".

Так зачем же была нужна Россия западным государствам? Во-первых, как источник сырья и рынок сбыта. Во-вторых, ее можно было использовать в качестве буфера или даже тарана против Китая и мусульманских стран, чтобы россияне превратились в фактор давления и нажима, а то и просто в пушечное мясо.

Именно такие рассуждения и бродили тогда в моей голове. Вот не лежало у меня сердце к сближению с Западом, несмотря

на близость цивилизационных ценностей. Не лежало, и все тут! А это влекло определенные поступки, которые шли вразрез с официальной политикой моей Родины, противоречили линии президента и даже подчас ее подрывали. В общем, полный состав саботажа и, может быть, даже конфликт с уголовным кодексом.

Враг у порога!

Конечно, я не сводил свою деятельность к вульгарному и прямолинейному противодействию сближения с НАТО. Тема Североатлантического альянса была интересна и с идеологической точки зрения. Особенно мне был по душе тезис "Враг у порога!". Куда расширялась НАТО? Правильно, на Восток! При этом приближалась ли она к границам России? Еще как приближалась! Получалось, что, действительно, враждебная военная организация активизировала свою деятельность совсем рядом с территорией России. Настоящий враг! И, несомненно, у порога!

Если возникал внешний враг, то это могло помочь консолидировать российское общество, способствовать формированию какой-то понятной для всего населения общей идеологии. Бесспорно, критика НАТО могла помочь решить задачи подобной консолидации.

Ассистент

Мое сотрудничество с Сергеем Готовым автоматически привело к тому, что ко мне стал заглядывать довольно широкий круг людей. Частично это были депутаты – члены группы Анти-НАТО, частично – близкие к ним люди: помощники, консультанты, эксперты. Иногда обсуждались конкретные проекты документов, а чаще – общая идеология. Понятно, что в ходе таких бесед я в полной мере занимался пропагандой и

агитацией против политики президента, против линии на сближение со странами Запада, и как мог, пытался склонить собеседников к своей точке зрения.

- Вот мы все никак не можем найти общенациональную идею, которая сплотила бы россиян. При этом нередко хотим иметь эту общенациональную идею в таком виде, чтобы она как-нибудь совпадала с курсом на экономическое и социальное развитие общества. В принципе, это правильно. Но ситуация в стране такова, что идея быстрого развития представляется большинству населения недостижимой утопией. В такую идею не верят, и более того, подозревают обман и ловушку.

Полагаю, что я говорил, в общем-то, правильные и разумные вещи, и меня слушали.

- Если российское население не воспринимает идею национального развития как национальную идею, считает ее чуть ли не утопией, то это надо обязательно учитывать. Нужно просто разделить общенациональную идею на отдельные, более реальные задачи. На практике это могло бы означать сначала выдвижение идеи, способной консолидировать и мобилизовать общество, а уж затем говорить об экономическом и ином возрождении. В качестве такой консолидирующей идеи вполне мог бы выступить тезис о внешнем враге. Тем более что НАТО действительно не является дружественной организацией. Перехватить эту инициативу Ельцин не сможет – его окружение активно заигрывает с западными странами...

Вся эта агитация не проходила даром. Кто-то соглашался с аргументами, касавшимися предвыборной стратегии. Кто-то начинал придерживаться более радикальных антиамериканских, антизападных позиций. В любом случае посетители уходили от меня, как правило, вдохновленные и набравшиеся дополнительных аргументов.

Итак, тема противодействия сближению России с НАТО сулила довольно ценные дополнительные последствия. Я настойчиво втолковывал тем, кто ко мне заходил, что тезис об опасности для России расширения НАТО на Восток

политически очень плодотворен. Его можно грамотно обыграть в политической агитации. При этом не мельчить, не уходить в технические детали, а во всех выступлениях использовать один понятный простому народу тезис: "Враг у порога!". Тут очень близкая и понятная всем аналогия с началом Великой Отечественной войны, и реальное отражение доминирующих общественных настроений.

Надо признать, что я совсем не ограничился только устной агитацией, а взялся сочинять те или иные инициативы, которые можно было реализовать через депутатов. Как правило, эти инициативы принимали форму проектов постановлений Государственной думы. Проекты в конечном итоге выносились на голосование и принимались. Сопротивление политике Ельцина на налаживание отношений с НАТО трансформировалось в официальные документы.

БРИКС

В 1997 году должен был состояться официальный визит в Индию председателя Государственной думы Геннадия Селезнева. Обычно такие мероприятия готовились помимо думского Комитета по международным делам. А тут вдруг по какой-то причине из секретариата председателя Думы Лукину прислали проект выступления Селезнева в индийском парламенте. Геннадий Николаевич, судя по всему, хотел, чтобы поездка в эту страну прибавила ему политического авторитета, а потому решил очень тщательно подготовиться к этому мероприятию.

Я полистал проект Селезневской речи. Ничего там такого особо примечательного не было, одни разговоры про необходимость укрепления дружбы и сотрудничества. Грубых политических ошибок в тексте тоже не было, и я совсем уж собрался отложить этот документ в сторону, как вдруг меня посетила интересная мысль: а что, если вписать в этот проект предложение о политическом союзе России, Индии и Китая?

Вот бы был хороший противовес Североатлантическому альянсу!

Тут надо сделать небольшое отступление. Вписывать в 1997 году подобные предложения в проект речи высшего государственного деятеля России считалось грубой дипломатической ошибкой. И вот почему: идея тройственного союза витала в воздухе еще с окончания Второй мировой войны, однако в один прекрасный день между Индией и Китаем разразился вооруженный конфликт, и китайцы захватили часть Тибета, которую Индия считала своей территорией. В результате Индия на многие годы рассорилась с Китаем. Если бы кто-то предложил в те годы политический союз Индии и Китая, в том числе и с участием России, то, несомненно, ему бы в российском МИДе сказали примерно следующие слова: "Вы, что, не знаете, что Китай отхватил у Индии кусок Тибета? Разве вам не известно, что Индия из-за этого не желает идти ни на какое политическое сближение с Китаем, тем более, похожее на политический союз? А если вы все это знаете, то зачем предлагаете заведомую глупость?".

Конечно, я прекрасно знал грустную историю про индийско-китайскую войну и уплывший в Китай кусок Тибета. Знал я и про то, что до этого ни одному советскому политику или дипломату не удалось продвинуть замечательную идею тройственного союза дальше досужих разговоров. Однако я также понимал, что в международной расстановке сил в последние годы произошли серьезные изменения: рухнул СССР, баланс сил радикально сместился в сторону США. По большому счету, возникла общая стратегическая угроза для интересов как Индии, так и Китая. Перед лицом такой угрозы можно было если не забыть, то хотя бы отложить в дальний ящик территориальную проблему в Тибете.

Еще лучше я понимал механизм, как те или иные идеи могли превратиться из слов в реальные дела. Идея должна была получить какой-то значимый импульс. Один из вариантов: озвучить на достаточно высоком политическом уровне, чтобы

она вошла, что называется, в политический оборот. А как только ее начнут обсуждать и прикидывать все плюсы и минусы, вот тут есть хороший шанс, что идея, в конце концов, все-таки будет принята на вооружение.

Однако выступление Селезнева как раз и могло послужить в качестве такого импульса. Ведь Геннадий Николаевич согласно Конституции России считался в политической иерархии страны четвертым после президента. Слова такого высокого должностного лица явно имели особый вес. Нередко именно в такой форме и запускается так называемый "пробный шар" или, иными словами, "проброс". Смысл "проброса" заключается в том, чтобы посмотреть на реакцию другой страны на какую-то неоднозначную идею. Нельзя же ее сразу вкладывать в уста президента! Вдруг она будет отвергнута? Как тогда будет выглядеть высший руководитель страны? Нет, сначала надо прозондировать, насколько идея "проходная", а потом уж предлагать ее на высшем уровне.

В общем, для меня тройственный союз в 1997 году уже не выглядел как дипломатическая ошибка. Однако, как на практике внести исправление в проект выступления Селезнева? Ведь ответное письмо в секретариат председателя Думы должен был подписать не я, а председатель международного комитета Лукин. А уж он-то, конечно, слышал про эту тибетскую

историю и вражду Индии и Китая. Да и против кого такой союз? Против США? Нет, ни за что не подпишет! Я вертел Селезневское выступление и так, и эдак. И, наконец, придумал...

На следующий день я, как всегда, зашел к Лукину с пачкой документов. Сначала показал своему шефу парочку важных бумажек, рассказал, как именно было бы на них лучше ответить. Лукин высказал свои соображения, я их старательно записал. Потом пошли менее важные бумаги. И под конец перед Лукиным на стол лег подготовленный мной проект ответного письма Селезневу, в котором говорилось, что замечаний принципиального характера у нас нет.

- Все в порядке с выступлением?– спросил Лукин.

- Да, все в порядке! Да и какие могут быть вопросы с такими бумагами?! Наверняка советники Селезнева уже показали этот проект в МИДе, а нам теперь прислали просто для проформы. Никаких замечаний. Так, несколько слов поправил карандашом...

Лукин понимающе кивнул в ответ и, взмахнув ручкой, размашисто подписал ответное письмо...

На самом деле я, конечно же, поправил в тексте вовсе даже не "пару слов", а в конце выступления приписал небольшую фразу, в которой содержалось предложение подумать над политическим союзом России, Индии и Китая. Предложение аргументировалось туманной ссылкой на "возросшие общие угрозы для всех трех стран". Вот и все, ничего больше я вписывать не стал. Полагаю, что при этом я не обманул Лукина в одном: приписка была сделана, действительно, именно карандашом.

Как потом выяснилось, помощники Селезнева не посмели вычеркнуть эти слова. Как же, их вписал своей рукой сам председатель Комитета по международным делам Владимир Петрович Лукин! Уж он-то понимает толк в международных отношениях!

Наконец Геннадий Селезнев отправился в Индию, где в своей речи в парламенте озвучил в том числе и мое предложение. Никто его при этом освистывать или хотя бы осуждать не стал. Мало того, в центральной индийской прессе было упомянуто как о самом факте визита, так и именно об этом предложении. Все остальные тезисы про дружбу и сотрудничество, содержащиеся в длинной речи Селезнева, не привлекли никакого внимания индийских политиков, что было вполне понятно и объяснимо. Итак, через Селезнева идея о тройственном союзе была введена в политический оборот, причем именно в той стране, которая и сопротивлялась такому союзу.

Самое интересное, что индийцы тогда не отвергли мою идею. Более того, хорошенько над ней подумали, ведь ее озвучил не абы кто, а аж четвертое лицо в российском государстве! Наверняка он предварительно согласовал ее с президентом Ельциным! В общем, в конце концов, индийцы пришли к выводу, что Тибетскую проблему, действительно, можно на время и отложить в сторону. В результате через несколько лет возник политический союз, который был назван как БРИКС - по первым буквам названий стран в латинской транскрипции: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка. А у истоков этого союза стоял его безвестный автор с карандашом в руке - скромный служащий аппарата Государственной думы Володя Трофимов.

Вербовка

В заключение нужно честно сказать, что вся эта история с Анти-НАТО и прочими инициативами антиамериканского толка, в конце концов, закончилась для меня совсем нехорошо. Просто плохо! В один прекрасный день дверь моего кабинета распахнулась, что называется, настежь. На пороге стоял человек средних лет и среднего роста, довольно-таки спортивного вида, в черном костюме. Взгляд у него был колючий, даже жесткий.

- Владимир Николаевич, можно к вам?

Я глянул на вошедшего. Нет, не знаком! И жестом показал на стул.

Вошедший присел, помолчал, пристально поглядел на меня. Потом полез во внутренний карман и вдруг выложил на стол, прямо мне под нос потертое удостоверение пурпурного цвета.

- Я работаю в ФСБ, – и посетитель назвал свою фамилию, имя-отчество, а также звание. По званию он оказался капитаном.
- Нас интересует депутатская группа Анти-НАТО!

Капитан сделал многозначительную паузу. И еще более многозначительно глянул на меня. Слово "нас" означало, что товарищ действовал не по собственной инициативе, а в интересах своей организации – Федеральной службы безопасности.

- Мы знаем, что вы общаетесь с депутатами из Анти-НАТО. Скажу вам прямо, что именно нас интересует. Мы были бы признательны, если бы вы заранее информировали нас о тех или иных проектах постановлений Государственной думы, которые готовятся по линии этой депутатской группы. Не согласитесь ли вы с нами сотрудничать?

Я чуть не поперхнулся. Я ожидал чего угодно, но только не такой просьбы, причем явно имевшей форму ультиматума. Нет, я был вовсе не против сотрудничества с ФСБ! В конце концов, эта организация по своему статусу должна была беспокоиться о безопасности страны. И там помимо ярых сторонников Ельцина работали и вполне вменяемые люди. Почему бы и не поделиться с ними информацией, которая может помочь обеспечить безопасность страны?!

Но докладывать про Анти-НАТО было совершенно невозможно! На кого докладывать?! Ведь это именно я сам и сочинял все эти проекты постановлений Государственной думы. И сам же продвигал до самого момента их принятия, прикрываясь фамилиями депутатов, которые эти проекты и подписывали. На самого себя "стучать"? Сначала придумать постановление, а потом доложить "куда надо" на самого себя?

Или врать и делать вид, что это не я, а депутаты сочинили проект? А я только подправил? В таком случае надо было вести против ФСБ двойную игру. То есть врать, выкручиваться и водить за нос. Водить за нос Федеральную службу безопасности! И ради чего? А если заврешься и тебя выведут на чистую воду? Что тогда будет за вранье? Сожгут в печи? Я живо представил себе процедуру сжигания предателя в печи, благо, что она была хорошо описана в небезызвестном "Аквариуме".

Параллельно с размышлениями о печке я осознал и еще кое-что. Получалось, что в ФСБ ни черта не знали о реальной организации работы группы Анти-НАТО. И совершенно не имели никакого представления, кто именно являлся тут главным закоперщиком, локомотивом и автором всех гадостей. Однако точно так же было ясно, что российские чекисты рассматривали эту группу как потенциальную угрозу. Угрозу для безопасности страны? Получалось, что именно так! Выходит, что и я – часть такой угрозы? Мало того, было понятно, что капитан действовал не по своей инициативе. Похоже, Федеральная служба безопасности получила соответствующее поручение. Откуда? Из Кремля, откуда же еще!

- Нет, я не могу с вами сотрудничать! – вымолвил я наконец и уставился на капитана ФСБ, пытаюсь угадать его реакцию. Очень хотелось объяснить ему, что именно послужило причиной отказа. Но как можно было это объяснить, не обозначив себя в качестве основного генератора подрывных идей, направленных против политики Кремля? Против самого президента России Бориса Ельцина! И я ничего дальше пояснять не стал. А зря!

Капитан молчал. Но было видно, что он весь просто вскипел. Как посмел этот ничтожный негодяй отказываться помочь аж представителю Федеральной службы безопасности страны? Как посмел не оказать содействие в спасении страны от деятельности депутатов-предателей, покушавшихся на основы внешней политики, проводимой самим Президентом Борисом Николаевичем Ельциным?

Капитан все молчал. Я даже не заметил, в какой момент удостоверение перекочевало назад в чекистский карман. Наконец обладатель черного костюма встал, еще мгновение помедлил. И затем, резко повернувшись, вышел вон, хлопнув дверью, так ничего и не сказав.

Я тяжело вздохнул: открытый конфликт с ФСБ никак не входил в мои планы. Получилось, что чекисты невольно вывели меня, что называется, на чистую воду. Они теперь знали, что я как минимум не желал сотрудничать с государственным органом, который занимался спасением Отечества от зловредных врагов. А не враг ли он сам, этот Трофимов? Было понятно, что теперь мое досье, хранившееся на площади Дзержинского, будет украшено докладной запиской капитана. Было также понятно, что теперь я превратился в объект тщательного наблюдения и изучения, поскольку теперь числился представителем "отрицательной среды" (есть такой термин у спецслужб). Все это не предвещало ничего хорошего. Мне в голову тут же полезли всякие разные пословицы. От сумы, да от тюрьмы не зарекайся. Назвался груздем (диверсантом, саботажником) - полезай в кузов (тюремную камеру).

К сожалению, упомянутые плохие последствия не замедлили случиться. Вскоре я в полной мере смог оценить глубокий смысл народной мудрости. Впрочем, это уже сюжет для отдельного рассказа, даже, пожалуй, романа, при этом я не очень уверен, что мне его дадут опубликовать.

Глава 9. "Кузница"

Поговорим о Московском государственном институте международных отношений, то есть МГИМО. Уж так получилось, что я, окончив школу, поступил именно в это учебное заведение. Поступил не абы как, а в качестве национального кадра. Статус нацкадра предполагал, что его носитель после окончания института должен был вернуться туда, откуда он приехал и где получил соответствующую характеристику и рекомендацию в ВУЗ, и там работать, где прикажут. Можно сказать, что формально речь шла о принудительном распределении, хотя применительно к выпускнику МГИМО это предполагало работу в каком-то приличном месте, может быть, даже в республиканском министерстве иностранных дел. Так что такая принудиловка была вовсе даже не наказанием, а скорее привилегией особой формы.

Будущий министр и Лукашенко

Хоть я и поступал как нацкадр из Белоруссии, однако назад в Минск после окончания МГИМО не вернулся. Пока я учился, отец сам переехал в Москву, поэтому какое уж тут возвращение назад! Но место-то в Минске зарезервировано! И тут случилась забавная история, которая стоит того, чтобы ее кратко упомянуть. Дело в том, что одновременно со мной в МГИМО поступил еще один парень из Белоруссии, но только из Витебска. Поступил он безо всякого блата, просто был умный и прилежный ученик. Этот парень учился в МГИМО со мной в одной академической группе, одновременно изучая африканский язык суахили. Вот как раз он и поехал назад в Минск на это самое зарезервированное для меня место в белорусском МИДе. Звали этого парня Сережей Мартыновым.

Как известно, Сережа, в конце концов, стал министром иностранных дел при батьке Лукашенко. Конечно, дело тут было не в месте, а в человеке. Если бы в Минск вернулся не Сережа, а я, то никаким министром я, скорее всего, не стал бы.

Язык

Итак, в МГИМО мне предложили изучать язык хинди. На этом языке, как выяснилось, говорят в Индии. Кстати, этот язык - второй в мире по распространению, после китайского. На нем в те годы говорило миллионов триста человек, а теперь, видимо, еще больше.

Язык оказался дико тяжелый, хуже китайского. В китайском, как говорят, нет никаких склонений, спряжений и окончаний, а в хинди есть все. Причем часть слов читается не просто слева направо. Например, некоторые буквы, которые написаны в конце слова, надо читать в середине, а то и в начале. То есть единственный способ быстро прочесть текст, это запомнить каждое слово целиком, как иероглиф. А еще лучше запомнить целиком группу слов.

Поначалу в нашей языковой группе было семь человек. Правда, один сразу же сбежал на датский язык. Осталось шестеро. Из них трое были круглые отличники почти с феноменальной памятью, а остальные трое, скажем честно, блатные. Первого за неуспеваемость отчислили через четыре месяца, в аккурат к Новому году. Второй после определенных перипетий перешел на нормальный язык. Я, третий блатной, остался в группе с феноменами и как-то смог дожить до конца обучения, хотя это было очень даже непросто.

Учеба в бешеном ритме мне совсем не нравилась, но деваться было некуда, иначе меня просто вышибли бы из института. А ведь еще надо было учить и сдавать другие предметы! Однако надо отметить, что эти другие предметы были иногда достаточно интересными, поскольку в МГИМО в те времена нередко преподавали незаурядные люди. Дело в том, что в

МИДе и в министерстве внешней торговли среди сотрудников время от времени попадались светлые головы с интересными идеями. Эти люди лезли вперед со своими предложениями. В результате таких "диссидентов" нередко увольняли, чтобы зря не мутили воду, не нарушали привычный и размеренный темп дипломатической и внешнеторговой работы. Но уволенные люди без работы не оставались и достаточно часто вместе со своими идеями шли напрямиком в МГИМО – преподавать, где им, как это ни странно, подчас разрешали свои умные мысли рассказывать студентам. Я потом, в бытность на государственной службе, много раз наблюдал такую картину: дипломаты, посмеявшие слишком настойчиво высказывать свое мнение, с завидной регулярностью пополняли ряды преподавателей МГИМО.

Общига "подфранковцев"

Учеба учебой, а надо было еще где-то и крышу над головой найти! Первый месяц я жил в гостинице, а потом переехал в общежитие подготовительного факультета. И об этой общиге следует рассказать подробнее, она того стоила.

Это было не основное общежитие института, а вспомогательное. И располагалась общига, что называется, у черта на куличках, точнее, в глухих закоулках за метро "Сокол". Теперь "Сокол" считается чуть ли не центром города, а в далеком 1970 году это была хоть и не окраина, но все равно вполне отдаленное место. Формально общежитие числилось по улице Георгиу-Дежа, лидера румынского рабочего движения и руководителя компартии Румынии. Деталей его героической биографии я не знал ни тогда, ни потом.

Очень часто студенческое общежитие это отдельный дом, в котором живут только студенты. А тут не было никакого отдельного строения, но был большой жилой многоквартирный дом, так называемая "сталинка". В этой "сталинке" в своих квартирах жили самые обычные москвичи, но на первом этаже

имелось несколько свободных помещений с отдельным входом в виде бетонной лестницы с перилами. Как правило, в таких помещениях располагалось что-то вроде жилищно-эксплуатационной конторы. Однако в этом случае вместо ЖЭКа тут проживали студенты МГИМО, и все это называлось громким словом "общежитие". Эта общага была необычным местом не только потому, что находилась в жилом доме: в ней обитали не простые студенты, а особые - студенты подготовительного факультета.

Кстати, а откуда КГБ черпал свои кадры? Отовсюду. Но в том числе и из МГИМО, поскольку у части студентов этого ВУЗа родители работали именно в КГБ. Понятно, что дети чекистов нередко шли по стопам своих родителей. Однако КГБ не был бы спецслужбой, если бы опирался только на кадры папиных сынков (это называлось "семейственностью"). Обычно такие детки попадали на хорошие места, занимались непыльной работой и снимали все сливки. Но ведь кто-то должен был ползать по ночам на брюхе по канавам, нелегально внедряться в чужие структуры, а также с помощью всяких прочих способов, рискуя своей жизнью, делать нужное для Родины дело. Папины детки, ясно дело, были не склонны рисковать собственной шкурой. Но кто-то же должен был это делать! Ведь без грязной работы спецслужб не бывает. А значит, должны быть и "грязные" работники.

Одним из источников таких людей была армия. Понятно, что на службу в армию нередко попадали ребята из глубинки. После завершения службы они вовсе не хотели возвращаться назад в свою деревню. Они уже услышали разные интересные рассказы про Москву, а тем более про за границу, и были готовы терпеть разные лишения, лишь бы как-то попасть в этот волшебный мир. Они не считали слишком высокой платой рисковать жизнью на скользком поприще разведчика. Ведь издалека призрачное счастье выглядело таким манящим!

Вот, как раз такие ребята и были нужны для всяких сложных и нехороших дел. Именно из них и вербовали в Советском

Союзе будущих джеймсов бондов. Наверное, завербовать такого парня было совсем несложно, достаточно было даже не предложить, а лишь чуть-чуть намекнуть, и кандидат для особых заданий уже был готов выполнить любое поручение партии и правительства.

Тут требуется пара уточнений. Это в общем говорят - армия. Но Советская армия была большая. А для особых дел котировались не столько ребята из окопа или стройбата, сколько из войск специального назначения. В таких войсках они уже кое-чему успели научиться и кое-что понимали без слов. А главным источником для вербовки служили даже не армейские ребята, а, например, бывшие пограничники или служащие конвойных войск.

Кстати, изо всех этих категорий военнослужащих в Советском Союзе вообще было принято вербовать кадры на самые разные дела, причем не обязательно рискованные. Но нередко деликатные. Я об этом знал потому, что у меня у самого младший брат в силу плохой успеваемости в свое время "загрел" в армию и попал именно в войска особого назначения. Когда он демобилизовался, каких только предложений ему не поступало! Запомнилась должность прапорщика, который должен был обслуживать специальный катер для прогулок начальства. То есть работа предлагалась не слишком обременительная. Но очень ответственная! Это страну можно на своем боевом посту проспять, и ничего за это не будет. А вот начальство подвести в таком деликатном деле, как катание на катере, было совершенно недопустимо! Другие предложения, которые он получал, были подстать этому.

Итак, в разведку и контрразведку в Советском Союзе брали не абы каких ребят, а из особых видов войск. Эти бойцы уже не просто умели стрелять, они могли запросто и застрелить, или даже забить насмерть голыми руками. Но они, как правило, не могли другого – нормально учиться: армейская служба напрочь отбивала склонность к обучению сложным предметам. Но без таких предметов, а главным образом, иностранного языка, в

МГИМО было совершенно точно нечего делать. Советский разведчик в тылу врага без хорошего знания языка – абсолютно неприемлемо!

Вот для того, чтобы выковать из такого материала хотя бы внешне приличных людей, при МГИМО существовал так называемый подготовительный факультет. Или кратко "подфак". Что для человека, знавшего английский язык, звучало смешно или даже издевательски, поскольку на английском языке слово "фак" - это достаточная непристойность. А в сочетании с русским "под" - и вовсе не пойми что. По-русски можно сказать: "Подраздел, подотдел, подзаконный акт". То есть что-то даже не целое, а его часть. Таким образом "подфак", значит, часть "фака".

На этот самый "подфак" вышеупомянутые ребята из армии, или, иными словами, "производственники", поступали в облегченном порядке. И в течение года из них пытались сделать хоть что-то отдаленно похожее на приличных абитуриентов. То есть целый год им "вколачивали" в башку элементарный набор знаний по истории, географии, математике, а, главное, по иностранному языку, чтобы, в конце концов, они могли хоть на троечку сдать вступительные экзамены в сам институт. Причем для них было достаточно сдать все эти экзамены просто без двоек. А обычный абитуриент, между прочим, должен был набрать, как правило, не меньше девятнадцати баллов. Например, одна четверка и три пятерки.

Вот для этих самых "подфаковцев" и существовало упомянутое выше общежитие на улице Георгиу-Дежа за "Соколом". Контингент там был достаточно примечательный. Чуть ниже мы его подробно опишем.

Подводник, который утонул "американца"

Так уж получилось, что и меня записали в это общежитие, хотя я не был студентом подготовительного факультета. Помог начальник курса со странной греческой фамилией Шерварлы. Звали его Федором Георгиевичем. Он участвовал в моем поступлении в институт, был в близких отношениях с одним из советских адмиралов, а тот в свою очередь рекомендовал его моим родителям. Понятное дело, что и у меня с ним отношения были неформальные.

Тут стоит немного отвлечься, и рассказать о Шерварлы поподробнее. Он был особым персонажем: раньше служил на флоте, однако военная карьера завершилась довольно неожиданно, о чем Федор Георгиевич как-то мне и рассказал. Беседа, несмотря на ее довольно-таки специфичный характер, проходила просто в коридоре института. Я, уже студент четвертого курса, бежал по своим делам, увидел Шерварлы, притормозил, вежливо поздоровался. А тот в ответ движением ладони подозвал меня поближе. Я подошел.

- Как дела, как родители?

- Да все, вроде бы, в порядке, не жалуются.

- Ты береги их, они у тебя герои, фронтовики.

Я кивнул в ответ, хотя последние слова меня немного удивили: к чему он вспомнил про военные заслуги моих родителей? Впрочем, через минуту я понял, в чем дело. Похоже, Шерварлы решил поговорить со мной по душам.

- Володя, я уже старик, считай, одной ногой стою понятно, где.

Я внимательнее посмотрел на Федора Георгиевича. Он, действительно, выглядел плохо: постаревший, осунувшийся, весь какой-то поникший.

- Давай перейдем к окну, там будет удобнее.

Я не стал спорить и последовал за ним.

- Я расскажу тебе одну историю, не хочется, чтобы она ушла вместе со мной в никуда, - тут Шерварлы сделал небольшую паузу, потом продолжил, - Я тогда был командиром подводной лодки. Приписаны мы были к Владивостоку и воевали против японцев на Тихом океане. Американцы были нашими союзниками, но с ними была договоренность: они топят японцев южнее определенной параллели, а мы – севернее. И залезать в чужую юрисдикцию нам было строго-настрого запрещено самым высоким военным начальством. Так вот, стоим мы севернее этой параллели, а японцы идут южнее. Открыто идут, ничего не боятся! Но не боевые корабли, конечно, а торговые суда. Тут же и американский корабль стоит, но топить японцев даже и не собирается. Видимо, поскольку дело уже шло к концу войны, американцы стали прикидывать, как будет Япония жить после капитуляции. Получалось, что под покровительством США. Значит, надо будет восстанавливать промышленность и торговлю. Какой же резон в таком случае топить торговые и грузовые японские суда? Решительно никакого!

Тут Федор Георгиевич сделал паузу и внимательно поглядел на меня. Вообще, интересно ли мне то, что он рассказывает? Но тут можно было не сомневаться, мой собственный отец, летчик-истребитель, сам воевал на Дальнем Востоке, однако не против Японии, а против американцев, которые в качестве "голубых касок" ООН участвовали в Корейской войне. Увидев полное понимание с моей стороны, Федор Георгиевич продолжил:

- Так вот, смотрю я на все это безобразие в перископ и просто сгораю от бессильной злобы. Наши солдаты и матросы отдают свои жизни за то, чтобы победить Японию. А американцы у нас за спиной уже сговорились с япошками и играют в поддавки! Причем даже не скрываются, а делают это прямо на наших глазах. В общем, дальше терпеть это было совершенно невозможно, и я дал команду выпустить торпеду... по американскому кораблю.

Ничего себе история! Оказывается, хотя СССР и США формально были союзниками против Японии, однако на самом

деле между ними имели место довольно серьезные инциденты. И я теперь общался с самым что ни на есть активным участником соответствующих событий. Можно сказать, с диверсантом или даже военным преступником, в зависимости от того, как оценивать обстоятельства этого происшествия.

В общем, со слов Федора Георгиевича, дальше события развивались следующим образом. Американцы вполне обоснованно не поверили, что их торпедировала японская подводная лодка, подняли жуткий вой и обвинили СССР во враждебных действиях. Советское военное командование решило все отрицать и заявило, что такого эпизода не было и быть не могло. Пригласили во Владивосток американцев, которые проверяли все советские подводные лодки, возвращавшиеся домой. А Шерварлы получил задание домой вовсе не возвращаться. Что он успешно и делал чуть ли не полгода, если не больше, слоняясь туда и сюда на своей подводной лодке по Тихому океану. А тем временем СССР объявил, что лодка и весь ее экипаж погибли. В газете был опубликован соответствующий коллективный некролог с фотографиями "погибших".

Якобы, на этом инцидент с американцами был исчерпан. А сам Шерварлы тихо демобилизовался и, в конце концов, нашел свою гавань не где-нибудь, а прямо в МГИМО, где я и имел счастье вступить с ним в достаточно близкий контакт.

Конечно, у меня возникли определенные вопросы в отношении всей этой истории с потопленным американским кораблем. Если Шерварлы действовал сугубо по собственной инициативе, он в конечном итоге оказался бы не в МГИМО, а в военном трибунале. Но вот не оказался! Похоже, какая-то санкция сверху на торпедную атаку все-таки имелась. Но на этот счет Федор Георгиевич никаких дополнительных пояснений давать не стал. А смысл отдать ему приказ утопить американца явно имелся: если те поверят, что их торпедировала японская подводная лодка, то удалось бы вбить дополнительный клин

между ними и японцами, повлиять на послевоенные американо-японские отношения.

Обитатели большой комнаты

Однако вернемся к основной нити моего повествования. Этот самый Шерварлы и устроил меня в то самое общежитие на Георгиу-Дежа, поскольку он курировал набор уже упомянутых будущих разведчиков и диверсантов. Несмотря на то, что я был уже студент, а в общежитии числились лишь те, кто учился на подготовительном факультете, тем не менее, соответствующее решение было принято. Возможно, что Федор Георгиевич тогда разглядел во мне какие-то интересные качества.

Итак, общага располагалась на первом этаже жилого дома и представляла собой несколько помещений, соединенных извилистым узким коридором. Все комнаты были довольно небольшие, в каждой проживало по четыре учащихся "подфака", и все места в них были уже давно распределены. Однако в общежитии имелась и еще одна комната – огромная, метров под шестьдесят. Скорее всего, изначально она не предназначалась для проживания никаких студентов, однако туда поставили койки, которых теперь насчитывалось аж одиннадцать. Одна из них была свободна, она стояла прямо у входа, то есть на самом неудобном месте. Как выяснилось, ее до меня занимал один из "подфаковцев", который был только что отчислен за пьяную драку. В любом случае, после довольно неудобной гостиницы я был рад и такому пристанищу и занял койку с нескрываемым удовольствием.

В комнате не было даже обычных тумбочек, все вещи хранились в чемоданах, которые лежали под койками или просто валялись где попало. Обитатели комнаты были подстать своим койкам и чемоданам. Мое внимание сразу же привлек человек совершенно зверского вида. Ростом он был метра под два, если не больше, и, как говорят, косая сажень в плечах. Звали его Севой. Как потом выяснилось, было ему аж 29 лет. То

есть даже среди производственников он явно выглядел, как переросток. Был Сева довольно немногословен, а лицом походил на небезызвестного боксера Валуева. Такого лучше не встречать как в темном, так и в светлом переулке.

Сева не особенно распространялся про свою прежнюю жизнь и не объяснял, как он очутился на "подфаке". Но по его косвенным замечаниям можно было догадаться, что раньше он занимался какими-то единоборствами. После службы в армии он еще несколько лет где-то прослужил в качестве сверхсрочника. Где именно – непонятно. Но, надо полагать, это было какое-то необычное место, если уж у Севы не было никакого желания о нем поговорить (другие рассказывали о своей прежней жизни с удовольствием и без купюр). Волею судеб на каком-то этапе своей службы Сева решил, что международные отношения без него никак не обойдутся. А может быть, его кто-то заметил и счел, что без такого выдающегося кадра ничего толкового в советской внешней политике не получится. А только наш Сева вдруг без особых придинок был зачислен на этот самый подготовительный факультет МГИМО.

Учеба шла у него совсем туго. Сева до глубокой ночи сидел над своими тетрадками, нервно покусывая карандаш. Что-то там у него совсем не получалось. По его меркам, я был настоящим баловнем судьбы. Ну как же! Уже настоящий студент, а не какой-то там сомнительный "подфаковец", которого то ли возьмут в МГИМО, а то ли, в конце концов, вышибут, пнув сапогом под зад. Севе казалось, что я совсем легко учил иностранный язык (как же, очень легко!). Он считал меня каким-то чуть ли не полиглотом и вундеркиндом. Понятное дело, к таким выводам он пришел, сравнивая меня с собственной персоной. Я каждый день долго сидел над своим хинди. Очень долго! Но было видно, что, в конце концов, все-таки что-то там запоминал. А Сева сидел-сидел, зубрил-зубрил, и все было явно без толку.

В короткие перерывы между посещением лекций и зубрежкой английского языка Сева позволял себе развлекаться

походами на городские танцы. Уж где он их там выискал на "Соколе" - неизвестно, наверное, нашел какую-то танцплощадку в близлежащем парке. Вот именно туда он время от времени, совсем обалдев от зубрежки, и ходил. Что его туда влекло? Понятно что – озабоченность по части противоположного пола. Говоря простым языком, Сева страстно желал обрести там взаимность, но не навсегда, а только на текущий вечер. И, судя по его словам, на танцах действительно было полным-полно искательниц подобных приключений. Но что-то там обычно у Севы не получалось. Как говорят, "не срасталось". То есть с девушками он знакомился, чему немало способствовало упоминание о МГИМО. Девушки на это поначалу "велись", вступали в разговор и задавали вопросы, но потом, как правило, не соглашались ни на какие приключения.

Эта история повторялась с завидной регулярностью. Раз в неделю Сева приходил в общагу довольно опечаленный и рассказывал об очередной неудачной любви. Девушки отказывались от отношений с Севой под разными предлогами. Время от времени фигурировала ссылка на разницу в возрасте ("Вы для меня слишком старый, почти тридцать лет!"). Нередко девушки намекали на продолжение отношений, но при условии должной оплаты, и если не наличными, то, в крайнем случае, хотя бы в форме предварительного посещения кафе. Однако у Севы денег было совсем в обрез, и подобная постановка вопроса расстраивала все перспективы близких отношений. На самом же деле, как я подозревал, девиц в конечном итоге отпугивали жуткие размеры этого "подфаковца". Свяжешься с таким, и в результате заработаешь какую-нибудь проблему. Никаких денег не надо.

Было удивительно видеть этого человека в качестве без пяти минут студента МГИМО. Каким образом советская власть собиралась дальше использовать его способности? Поймать где-нибудь в закутке особо несговорчивого иностранца и хорошенько встряхнуть его, чтобы не ломался, а скорее выдавал самые страшные секреты? Впрочем, жизнь – сложная штука.

Например, уже упомянутый выше боксер Валув с успехом работал в Думе в Комитете по международным делам у Пушкина.

Еще в упомянутой большой комнате жил Женя. Ему было чуть более двадцати, среднего роста и довольно крепкого телосложения. В глаза сразу бросался его длинный острый нос (почти клюв!) и черные волосы. До "подфака" Женя служил в пограничных войсках, в Средней Азии. Наверное, на границе бывали и нарушители, которых надо было ловить, в том числе с помощью пограничных собак. Но Женя не рассказывал про нарушителей. Зато он с удовольствием и очень колоритно расписывал жизнь простого пограничника:

- Как-то раз проводили у нас смотр,— начинал он свой очередной рассказ.— Всех выстроили на плацу. Пограничники – в парадной форме, седьмое ноября, всенародный праздник. Загляденье, а не зрелище! Все стоят, глазами едят начальство. А начальник заставы прохаживается вдоль строя, разглядывает своих орлов. И видно, что его просто распирает от гордости за свою заставу. Тут же стоит дежурный, который должен сделать доклад по всей форме. Начальник и к нему подошел, разглядывает, но торжественную часть не начинает, видимо, растягивает удовольствие. Неожиданно по какой-то причине начальника отвлекли на пару минут. Он отошел в конец строя, стал там о чем-то шептаться со своим замом. Вдруг из строя этому самому дежурному кто-то бросает бутылку водки! Самой настоящей водки, поллитровка такая, блестит на солнце, "бескозырка"! Дежурный ловит ее на лету. А дальше-то что делать?! Он тут же в одно движение срывает крышку и прямо из горла начинает хлебать. Меньше минуты - бутылка пуста! Он сразу бросает ее назад в строй и стоит как ни в чем не бывало. Возвращается начальник. Весь такой сияющий, довольный. Тут его взгляд падает на дежурного. А того уже начинает пробирать! Пока он еще стоит на своем месте, но уже неуверенно, слегка покачивается, лицо покраснело, глаза мутные. То есть без сомнения пьяный, причем, что называется, в дрезину. Это в

такой-то праздник! Начальник не знает, что и подумать. Минуту назад перед всем строем стоял нормальный трезвый дежурный. А теперь вдруг пьяный, как свинья! Но как это могло случиться, ведь отошел всего на пару минут? А весь строй хохочет, все довольны – праздник великого Октября удался на славу!

История, согласитесь, предельно глупая. Чем тут было хвалиться или восхищаться? Тем, что прямо под носом у начальства изловчились и смогли напиться до упада? Однако именно такая атмосфера в общежитии на Георгиу-Дежа и царила. И именно такие истории я там и слышал с утра до поздней ночи.

У пограничника Жени были в запасе и другие истории. Как-то его приятель стоял в карауле. Стоять было трудно и нудно, место было совершенно безотрадное. Надо было охранять отдаленный совершенно развалившийся сарайчик, глубоко вросший в землю. Его с заставы и видно-то не было. И чего тут охранять? Издеваются начальники над рядовым составом, что хотят, то и делают! А простой солдат вынужден выполнять все их капризы! Короче, приятелю стало совсем скучно, и он решил для разнообразия немного развлечься, а именно: выпустить по сарайчику очередь из автомата, а потом сказать, что на заставу забрел кабан, а он пытался его отпугнуть. Именно так этот караульный и поступил. Огляделся – никого нет! Стащил с плеча автомат, снял с предохранителя, загнал патрон в патронник и, приложившись, выпустил в сторону сарайчика достаточно короткую, но все-таки очередь.

Дальше произошло то, что никак не должно было произойти. Вдруг раздался еле слышный хлопок, из-под крыши полетела какая-то труха. Потом сарайчик вздрогнул и наконец взорвался с жутким грохотом. Во все стороны полетели какие-то обломки, вверх вырвался огромный язык пламени, который почернел, изогнулся и, в конце концов, превратился в гриб вроде ядерного.

Как потом оказалось, не зря начальство приставляло часового к этому сарайчику. Там на самом деле хранились горюче-смазочные материалы на какой-нибудь авральный и

непредвиденный случай, а также старые боеприпасы. В общем, все рвануло так, что было видно и слышно за много километров. В результате скучные будни пограничников оказались разбавлены небольшим приключением. А начальство не стало поднимать скандал, и просто списало утраченный склад, как будто его и не было никогда. Искатель приключений отсидел свои штрафные сроки на "губе", на этом вся история и завершилась.

Были еще истории с подброшенной в казарму гранатой, сдохшей лошастью и украденными, но потом найденными автоматами. Все они были примерно схожие по духу, хоть и отличались по содержанию.

Пограничник Женя, как считал я, подходил для МГИМО как нельзя лучше. В те времена пограничные войска входили в систему КГБ. То есть Женя формально уже являлся, хоть и с некоторой натяжкой, но все-таки чекистом. Это значит, что после института такой товарищ мог запросто работать как в разведке, так и в контрразведке. При этом он уже имел почти боевой опыт (один его товарищ подорвал склад боеприпасов, другой – упилился вусмерть на глазах начальства). Конечно, взгляды на жизнь у Жени были несколько своеобразные. Добродетелью у него являлись пьянство, невыполнение приказов начальства, всевозможные нарушения дисциплины, неуважение к простым людям (к тем, кто не удостоился чести служить в пограничных войсках), а также корысть и злоба. Уж про зависть и говорить было нечего. С другой стороны, потом за свою жизнь и службу в госорганах я повидал таких молодцов, что этот Женя по сравнению с ними был еще вполне себе ничего. Так что все в жизни относительно...

Имелся в общежитии и еще один студент подготовительного факультета, который стоит того, чтобы его не только упомянуть, но и описать подробнее. Раньше он работал в лагерной охране, стерег заключенных. Таких на жаргоне называют вертухаями. И по возрасту, и по комплекции он был очень похож на пограничника Женю: такой же плотный, плечистый. Было у них

какое-то сходство и в выражении лица. У обоих читалась какая-то напористость, бесконечное желание лезть вперед напролом. Может быть, это и неплохо в жизни, постоянная активность, даже какая-то агрессия. Но прочих обитателей общаги такая активность немного напрягала, чтобы не сказать, раздражала.

Вертухая звали Васей. Он тоже был довольно словоохотлив и с удовольствием рассказывал всевозможные истории из лагерной жизни. Но то ли там жизнь была в основном жестокая, то ли сам Василий был склонен к насилию, а только все его рассказы имели какой-то кровавый оттенок, даже, наверное, еще и с примесью садизма. Вася тоже получил соответствующие рекомендацию и характеристику, из которых следовало, что учиться ему нужно только в МГИМО.

Пару рассказов Василия, видимо, вполне уместно пересказать, чтобы у читателя сложился более или менее объективный образ и этого кандидата в дипломаты или даже разведчики. Так, однажды в лагере случилось восстание заключенных. Почему случилось, даже неизвестно. Со слов Васи, воду мутили местные авторитеты. В ходе беспорядков одного из вертухаев зеки просто зарезали. И еще чуть-чуть, они бы вырвались на волю. Но тут у них на пути встали настоящие героические сотрудники охраны, среди которых был и наш Василий, и начали расстреливать заключенных из автоматов. Кого-то тут же убили, остальные убежали назад в свои бараки.

Уж как-то так получилось, что один из главных зековских авторитетов отбил от основной группы заключенных. Назад он удрать не успел и теперь стоял совершенно безоружный перед несколькими вертухаями, прижавшись спиной к стене барака. У тех даже сомнений не было, что этого авторитета-заводилу тут же надо убить. Вооруженный или безоружный, какая разница! Но вот как убить? Просто застрелить из автомата? Нет, не таковы были героические охранники лагеря! Один из них отбросил свой автомат в сторону, вытащил штык-нож и направился прямо к стоявшему у стены зэку, подошел к нему вплотную, взял одной рукой за грудки, заглянул в глаза, а

другой рукой стал раз за разом всаживать нож тому в живот. После нескольких ударов заключенный упал и через некоторое время умер в луже своей собственной крови, дымящейся на снегу.

Как история? Рассказчик явно восхищался поступком своего товарища, и даже, будто сожалел, что такая героическая роль досталась не ему, а другому. Обитатели общаги слушали молча. А что тут можно было сказать? Спросить, что заставило безоружных заключенных поднять заведомо безнадежное восстание против вооруженной до зубов охраны? Как же надо было над ними издеваться, чтобы люди пошли на почти верную смерть?! Я никаких таких вопросов тогда не задавал. И никто не задавал. Но впечатление от этой истории точно возникло самое тягостное. Что это было: патологическое желание вертухая издеваться над другими людьми? Садизм? Наверное, что-то в этом духе. На такую работу идут, надо полагать, по велению души.

Нехорошая история? Какой рассказчик, такая и история. Для полной картины надо пересказать и еще одну. Хотя лучше предоставлю эту сомнительную честь самому Василию:

- Сам лагерь был огорожен колючей проволокой, там и мышь не пробежит. Но заключенные выходили за его пределы на различные работы. В частности, работали и в каменоломне. Место это было в паре километров от лагеря в низине. За ней была довольно протяженная горка, которая как бы отгораживала низину от остального мира. За этой горкой была долина в пару километров шириной. А за ней – лес без конца и края. Так вот, как-то раз несколько зеков решили устроить побег. Выбрали момент, когда охрана отвлеклась, и перебрались через эту горку. Там их было вовсе не видно, и они припустили бегом к лесу. Минут за десять, пока их хватились, зеки успели уже довольно далеко убежать. Еще несколько минут, и они бы добрались до леса. Но от кого они собрались бегать? От нас?– тут Вася сделал эффектную паузу. Слушатели молчали, ожидая, чем закончится очередная лагерная история.

Василий оглядел всю компанию, удовлетворился видом примолкших ребят и продолжил:

– Начальник охраны выскочил на горку. Было видно, как вдали бегут заключенные. Кто-то бежал быстрее, а кто-то стал отставать. Тут начальник скомандовал охране: "Ты, ты, ты и ты – становись!" - и махнул рукой, выстраивая тех в линию.– Спустить собак! Охранники скомандовали своим собакам: "Фас!", и те огромными прыжками помчались вслед за заключенными. Бежавший последним споткнулся, невольно оглянулся и, увидев догоняющих его собак, жутко закричал...

Тут Василий закончил свой рассказ и вроде даже сделал движение, чтобы покинуть компанию.

- Что же было потом?- невольно одновременно спросили несколько человек.

- Что дальше?! Загрызли их насмерть, вот и все!- Вася, судя по всему, наслаждался произведенным эффектом. Несомненно, он не раз рассказывал эту историю. И концовка была заранее психологически четко рассчитана. Василий хотел потрясти окружающих жестокостью описываемой сцены. Он явно получал дополнительное удовольствие от реакции своих слушателей.

Очевидно, у нормального человека после таких рассказов мороз по спине пробежит. Конечно, заключенные совершили какие-то преступления, за которые они и угодили в лагерь. Понятно, что попытка побега – это крайне серьезное нарушение режима. Но все-таки это были люди, такие же, как и все остальные граждане Советского Союза. У них были свои страсти, интересы, кого-то они любили, а кого-то – ненавидели. И вот так жутко закончили свою жизнь: были насмерть загрызены собаками, охранявшими лагерь. А Василий как бы даже хвалился удалью охранников и уж точно не высказывал никакого сожаления по поводу заключенных. Они у него фигурировали, как безликая масса, как стадо баранов, которых надо резать, когда хочется кушать.

В комнате общаги, где я поселился, была еще пара обитателей, которых следовало упомянуть. Без них советская дипломатическая служба, судя по всему, также вряд ли могла обойтись. Одни из них был худосочный парень, примерно мой ровесник, ну, может, парой лет постарше. Вид у него был действительно довольно-таки изможденный, какой бывает у хронически больных людей. Звали парня Сергеем, он обитал на одной из коек в самой глубине комнаты. У него явно имелись проблемы со здоровьем. Сережа каждый день пил кефир, а пустые бутылки выстраивал рядами под кроватью, намереваясь в один прекрасный день отнести и сдать все скопом.

Сережа пришел на подготовительный факультет не из тюрьмы или погранвойск, как многие, а с какого-то производства. То есть как раз он точнее всего и соответствовал слову "производственник". За какие такие заслуги его рекомендовали в МГИМО и на международную работу? Это было неизвестно. Но чем-то он точно отличился, так просто партийную и производственную рекомендацию на заграничную работу было очень не просто получить.

Сережа был немногословен, все больше прислушивался к чужим разговорам. При этом он немного щурился и кривил лицо, как будто был недоволен услышанным. Особенно это было заметно, когда говорившие ругали советскую власть, КПСС или руководство страны. Может быть, я тут был несправедлив по отношению к этому человеку. Но в моем понимании, если как-то и должен был выглядеть тайный доносчик, то именно таким, как этот самый Сережа. Однако про себя я его прозвал все-таки Хилым, а не Стукачом. Болезненный вид сильно бросался в глаза и перевешивал все остальные черты его характера самым решительным образом.

Первая катастрофа

Еще один товарищ из студентов подготовительного факультета, проживавший в большой комнате, раньше служил в

воздушно-десантных войсках. Выходцы из ВДВ обычно славятся желанием хорошо напиться, а потом всласть искупаться в городском фонтане. А на закуску – еще и подрасться. Десантник не был исключением из этого правила. По виду лет двадцати пяти, довольно полный, с лицом, которое обычно зовут "рязанской рожей". Звали его просто Андреем.

Андрюша тем и отличался, что все время норовил с кем-нибудь побороться. Он будто бы дружески подходил к кому-то, обхватывал его, сжимал в объятиях, а дальше старался повалить. Если человек начинал сопротивляться, то получалась как бы дружеская борьба.

Этот Андрей, в конце концов, "достал" всех со своей борьбой. Причем приставал он ко всем без исключения, кроме гиганта Севы. Тот был явно слишком велик даже для бывшего бойца воздушно-десантных войск. А Андрей стремился не просто побороться. Он тем самым хотел, видимо, показать, что он сильнее, ловчее своего противника. Подходил он и ко мне. Ясное дело, у меня не было никакого желания валяться по полу с этим громилой. Я пару раз довольно злобно огрызнулся, и Андрюша на время отстал.

Хилый не только следил за обитателями большой комнаты и не только внимательно слушал. Еще ему хотелось перестать быть хилым, и потому он держал под кроватью пару довольно увесистых гантелей. Я не мог припомнить случая, чтобы Хилый ими занимался. Но вот гантели держал, это факт. Как-то раз эти гантели схватил упомянутый выше десантник Андрюша, подошел к моей койке и, играючи, стал их крутить туда-сюда. По виду эти гантели весили не менее десятка килограмм каждая, но в могучих руках Андрея они казались невесомой игрушкой. Я только искоса поглядывал на эти упражнения. Вдруг Андрей не удержит одну и уронит на мою несчастную голову? Но Андрей гантелей не ронял, а продолжал их легко перебрасывать туда-сюда, отжимал и поднимал-опускал. В общем, разминался в полной мере. Несомненно, при этом он упивался не только собственной силой, но и страхом, который вызывал у

окружавших его людей. Те не без оснований ожидали, что Андрюша все же не удержит свой страшный груз и заедет по чьей-нибудь башке.

Страхи, действительно, оправдались, но немного неожиданным образом. В какой-то момент десантнику надоело играть чужими гантелями. Он опустил их пониже и вдруг одну за другой с силой катнул в сторону кровати Хилого. Тот мирно сидел на койке, свесив ноги, и что-то писал. Услышав шум гантелей, катившихся по выдавшему виды паркету, он поднял голову и вдруг издал отчаянный крик. Без сомнения, этот жуткий крик, высокий и резкий, был слышен даже на улице. Хилый кричал так, как, наверное, кричит, попавший в смертельную западню заяц. Не переставая кричать, он стремительно запрыгнул с ногами на свою кровать.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять масштабы надвигавшейся катастрофы. Гантели катились совершенно неумолимо, тяжело постукивая по паркету. Так стучит тяжелый поезд на стыках рельсов. Катились они прямоком под койку Хилого. А там стояли бесконечные ряды пустых молочных бутылок! Хилый понял, что к нему в виде этих гантелей неотвратно катится гибель его стеклянного царства. Но сделать он уже ничего не мог. Поймать и остановить тяжеленные гантели было совершенно невозможно. Оставалось только кричать от бессилия, протяжно и горестно.

Как только Андрей выпустил гантели из рук, тотчас сам понял, что поступил очень опрометчиво. На его лице возникло выражение, отдаленно похожее на сожаление. Но ничего изменить было уже нельзя...

Трагедия началась и закончилась в пару мгновений. Обе гантели влетели под кровать и, как шар, пущенный рукой опытного игрока в боулинг, повалили все бутылки. Мало того, что повалили: разбили их вдребезги. Хорошо, если уцелело пяток бутылок. Остальные в секунду превратились в кучу осколков.

Хилый прекратил орать. Он просто замер на койке, всем своим видом выражая скорбь по безвременно утраченному другу. Так выглядит на кладбище женское изваяние, склонившееся надо могилой и называемое Пиетой (если быть точным, то речь идет о скорбящей по Христу Божьей Матери). Хилый все сидел на своей койке и страдал, но уже молча. Лицо его выражало все оттенки самого глубокого горя. Еще бы! Собирает бутылки чуть не два месяца, чтобы их потом расколотил вдребезги этот балбес! Сам балбес прибежал извиняться. Он что-то там такое бормотал и размахивал руками, пытаясь оправдаться ("Я не думал! Случайно получилось! Извини меня, если можешь!"). Но Хилый его будто вовсе не слушал. Он только молчаливо раскачивался вправо и влево на своей кровати. Сережа явно провожал в лучший мир своих верных, но безвременно погибших друзей – армию кефирных и молочных бутылок.

Все присутствующие в комнате громко загалдели. С одной стороны, картина была забавная и смешная. Но смеяться ни у кого не хватило духу, слишком неподдельным было горе Хилого. Он чуть ли не плакал. Все бросились его утешать. Стали помогать сгрести осколки. Поначалу даже начали собирать деньги на кефир. Но Хилый махнул рукой с такой безнадежностью, что стало понятно: ему были дороги не столько пропавшие деньги, сколько разрушенные планы отнести и сдать разом всю кучу этих бутылок.

Вторая катастрофа

Через какое-то время десантник и Хилый смогли устроить всей общаге еще более впечатляющее развлечение. После уничтожения запаса молочно-кефирных бутылок прошло не менее пары месяцев. На улице стояла нешуточная стужа. Как-то уж так случилось, что я в тот день не пошел на занятия. Кажется, заболел преподаватель хинди, а другие лекции показались мне неинтересными. Однако пропущенную учебу

надо было как-то компенсировать, и я раскинулся на своей койке, обложившись учебниками и тетрадками. По счастью, необъятная комната была почти пуста, остальные ее жильцы исправно посещали занятия на своем "подфаке".

Остались только Хилый и десантник Андрюша. Хилый сидел на своей койке и точно так же, как и я, что-то там штудировал. А вот десантника явно не тянуло грызть гранит науки. Он полистал какие-то книжки, потом стал прогуливаться туда-сюда по комнате, явно пытаясь найти точку приложения своим силам. Наконец, его взгляд остановился на Хилом:

- Что ты все сидишь со своими тетрадками! Двигаться надо больше, а то совсем закиснешь!— с этими словами десантник направился прямо к койке своей жертвы.— Давай, вставай, сейчас мы с тобой немного разомнемся!

Я оторвался от учебника хинди и уставился на Андрея. Что ему все не сидится на месте?! Если не хочешь заниматься, так иди, прогуляйся на улице. Но не затевать же опять уже осточертевшую всем возню!

Однако десантник хотел затеять именно возню. И не где-нибудь, а именно тут, в многострадальной общежитьевской комнате. Здесь и немедленно! Он довольно бесцеремонно сцапал Хилого и стащил его с кровати. Сережа барахтался и отбивался изо всех сил, но ничего поделать не мог, десантник был явно сильнее. Он стал давить и мять свою жертву всеми способами. На Хилого было жалко смотреть. Лицо его покраснело от возмущения, а еще больше от напряжения. Он прилагал титанические усилия, чтобы вырваться на волю. Наконец оба рухнули на пол неподалеку от одного из окон. На миг все перепуталось, и я уже не мог понять, чьи именно извиваются в воздухе руки и ноги.

Неожиданно Хилый дернулся особо яростно и невольно нанес ногой достаточно сильный удар по трубе, которая шла к батарее отопления...

Что было дальше, трудно спокойно описывать. Видно, труба была старая, хорошо подъеденная ржавчиной, а только она тут

же лопнула, и из нее ударила сильнейшая струя воды. Вода при этом была не абы какая, а самый что ни на есть крутой кипяток. Комната тут же потонула в клубах горячего пара.

Борцы в одно мгновение вскочили. Что делать??? Заткнуть трубу не было никакой возможности. В первую очередь надо было спасти свое барахло. Оба, и десантник, и Хилый метнулись к койкам и стали поспешно затащить на них свои убогие пожитки. Я почти автоматически сделал то же самое: вытащил из-под кровати свой чемоданчик, сумку с продуктами, портфель с учебниками, обувь и водрузил все это одной большой кучей сверху, прямо поверх одеяла.

Вообще-то, надо было спасти и чужие вещи. Но куда там! Горячая вода была совершенно жуткой струей, и на полу быстро образовался хороший слой кипятка. Тут мне по уму надо было все бросить и просто выскочить вон из комнаты. Но десантник и Хилый сидели с ногами на своих койках. Видимо, они испытывали угрызения совести от содеянного и не посмели удрать с места преступления. По инерции я тоже последовал их примеру и забрался на свою постель.

Наверное, ребята что-то кричали. Во всяком случае, из коридора к нам выскочило несколько человек, которые в этот день тоже не пошли на занятия и сидели в общежитии. Надо было видеть их лица! Это была такая смесь изумления и испуга, которую невозможно описать никакими словами.

Но дальше произошло вот что, эти ребята тут же притащили несколько тряпок, из которых попытались выложить некое русло для кипятка. По их замыслу, вода потекла бы по этому руслу мимо их комнат прямо к выходу, и там дальше по ступеням – на улицу. Но воды было слишком много, она стала захлестывать тряпки. И тут кто-то из этих молодцов не нашел ничего умнее, как захлопнуть дверь в большую комнату и забить под нее одну из тряпок.

Есть общее правило обеспечения безопасности. Все двери из помещений должны открываться наружу. Это делается для того, чтобы в крайней ситуации люди могли беспрепятственно

выскочить из опасного помещения. Так делается во всех нормальных местах. Но в большой комнате нашего общежития дверь была установлена иначе: она открывалась не наружу, а внутрь.

Никто и подумать не мог, что такое неправильное расположение двери может когда-нибудь создать серьезные проблемы. Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает. В общем, дверь успешно захлопнулась. А через некоторое время уровень воды стал подниматься и прижимать дверь все сильнее и сильнее. Через какое-то время открыть ее было совершенно немыслимо. Да и пытаться даже просто подойти к этой двери стало невозможно. Не идти же по колено в кипятке? Именно по колено!

Вода прибывала очень быстро. Все заволочло паром. По волнам поплыл весь немудреный студенческий скарб: чемоданы, бутылки, обувь и тетрадки с учебниками. Мало того, что все это поплыло: все это начало вариться! Вареными становились ботинки и кожаные чемоданы, а также учебные пособия, которые были взяты в библиотеке. Катастрофа потрясала воображение своими масштабами. Было страшно представить себе чувства других обитателей комнаты. Было уничтожено все, что не было изготовлено из стекла или металла.

Я сидел на своей койке, поджав под себя ноги. В таких же позах сидели и Хилый с десантником. Вся наша троица заморожено наблюдала за происходящим. А поток воды из лопнувшей трубы все не утихал! Сначала воды на полу было по щиколотку. Потом еще больше. А потом она стала подбираться и к уровню матрасов на койках. Я вдруг понял, что если кипяток станет заливать койку, мне некуда будет деться. Бежать по кипятку и пытаться открыть дверь? Или выбивать окно и вываливаться наружу, весь изрезанный осколками? Я явно попал в ловушку. Дышать становилось все труднее и труднее. А поток воды все никак не прекращался...

Однако, как верно подмечено умными людьми, все когда-нибудь кончается: и хорошее, и плохое. Наконец наступил

момент, когда поток воды стал иссякать. Можно даже сказать, что это произошло достаточно быстро. Струя стала хлестать не в противоположную стену, а на пол. А потом вдруг враз ослабела и превратилась уже в более или менее безобидную струйку.

Мы перевели дух и огляделись. Наши жизни были уже вне опасности. Но разрушения, вызванные водяным потоком, были просто невообразимые. Все в комнате перепуталось: часть вещей продолжала плавать, а часть уже набухла и пошла камнем на дно. Всю поверхность кипятка устилали отдельные листки каких-то домашних заданий и контрольных работ. Уничтожено было все. Или почти все.

Тряпки под дверью оказались не слишком герметичными, и через какое-то время, наверное, через полчаса, вода понемногу начала убывать. Потом находившиеся снаружи товарищи и вовсе открыли дверь и заглянули внутрь. А что они там ожидали увидеть? Сваренные заживо тела? Может быть. Но ко всеобщему облегчению внутри обнаружили вполне живые люди в виде Володи Трофимова и его товарищей. Начался осмотр имущества.

Вся компания бросилась растаскивать мокрое барахло к углам комнаты, чтобы проделать хотя бы проходы. Не было никакой возможности установить, кому что принадлежало, поэтому сортировку вещей отложили до прихода их владельцев.

Я выбрался из комнаты в коридор. Здесь все еще сохранялось русло реки, выложенное тряпками и полотенцами. Было видно, как потоки воды рвались ко входной двери общежития, и дальше на улицу. С крыльца общежития вода текла широким потоком по дороге. По краям этот поток уже начал подмерзать: на улице было все-таки холодно. А в середине вода слегка дымила, потому что кипяток продолжал остывать, но до конца еще не схватился.

К вечеру с занятий стали прибывать жильцы многострадальной комнаты. Лица их были изумленные, и это еще мягко сказано. Они растерянно ходили туда-сюда по комнате, пытаясь найти свои вещи в кучах хлама,

образовавшегося после потопа. Но найти их было не просто. Для начала надо было хотя бы узнать эти вещи, ведь они потеряли всякий человеческий вид. Ботинки разбухли, неузнаваемо изменили свою форму и цвет, купание в крутом кипятке не прошло даром. Примерно то же самое случилось и с чемоданами. Мало того, что они разбухли, внутри, как выяснилось, все еще стояла вода. Она приобрела черно-бурый цвет, настоявшись в смеси тряпья, еды и учебных пособий. А костюмы, которые лежали в чемоданах для торжественных случаев? А аккуратно сложенные рубашечки?

Разбор вещей с места катастрофы продолжался далеко за полночь. Я был среди тех, кто вообще не пострадал, и просто помогал своим товарищам, а потом бросил это отчасти бесцельное занятие. Чаще всего спасти вареное имущество уже не было никакой возможности. Его было можно только отнести во двор в мусорный бак. Что, в конце концов, многие и сделали.

Виновников потопа никто особо не ругал, хотя десантник сидел очень тихо и явно опасался жестокого наказания. Не исключено, что если бы он отколол подобный трюк у себя в части, то был бы наказан безжалостно и очень болезненно. Но тут в общежитии "подфака", в отличие от десантной части, царили довольно-таки демократические порядки. Ну, затеял возню, в результате перебил трубу отопления! Оставил на несколько дней весь жилой дом, а главное, своих товарищей по общежитию, без тепла в лютый мороз. Лишил их части имущества и учебных пособий, заставил немного поголодать. "Подфаковцы" сочли все это недостаточно серьезным проступком, чтобы ставить вопрос о наказании.

Через несколько дней отопление в доме было восстановлено. Все вздохнули с облегчением. Постепенно студенческий быт налачился, и о происшедшем долго напоминал лишь омерзительный запах сырости и затхлости, который обычно является следствием таких потопов.

Неизвестно, какое следующее испытание ждало меня в этом сумасшедшем доме, который гордо назывался студенческим

общежитием МГИМО. Но уж так получилось, что мне, в конце концов, удалось найти иное место проживания. Я уезжал из общаги на Георгиу-Дежа со смешанным чувством. С одной стороны, я был рад, что обрел более приличное жилище, где можно было заниматься в более спокойной обстановке. С другой стороны, я немного жалел, что жизнь стала скучнее и однообразнее.

Кто знает, как дальше сложилась судьба ребят, с которыми я вместе жил в той общаге! Может быть, кто-то из них не выдержал вступительных экзаменов и просто уехал восвояси из Москвы. А, кто-то, наверное, все-таки доучился до конца и дальше работал там, куда его направила Родина. Многие, скорее всего, дожили до пенсии и до собственной дачи с помидорами. А кто-то сложил голову, занимаясь сомнительными делами в других странах. Не исключено, что некоторые из бывших моих товарищей по тому общежитию до сих пор томятся в иностранных тюрьмах, пойманные за руку на шпионаже или диверсиях, и, сидя в холодной камере, вспоминают те деньки, ныне, через туман десятилетий, выглядящие вполне веселыми и безмятежными.

Кстати, пусть читатель не поймет меня превратно, многие из тех, кто жил в вышеописанной общаге, были вполне нормальные люди. Но уж так получилось, что мне запомнились не они, а другие, аномальные, а потому колоритные фигуры. А то еще кто-то вдруг сочтет, что я патологически не люблю отечественную дипломатическую службу и потому при каждом удобном случае норовлю ее измазать черной краской. Конечно, нет! Я вообще всех люблю.

Глава 10. Первые жизненные уроки

"Когда же все это началось?"

В тот день все срочные дела уже рассосались, можно было спокойно отправляться домой. Но уходить почему-то не хотелось, я все сидел за столом в своем кабинете на восьмом этаже здания Думы на Охотном ряду и бесцельно перебирал бумаги, лежавшие передо мной, а в голове вдруг всплыл этот странный вопрос.

У меня в Думе был угловой кабинет, самый шикарный. За окном моросил осенний дождик, небо хмурилось, как и положено в эту пору года. Вдруг мелкий дождь безо всякой видимой причины превратился в проливной. Без причины? Вообще, бывает что-то на этом свете без причины?

И, действительно, как так получилось, что я, будучи государственным служащим, вдруг стал заниматься какой-то самодеятельностью, а то и просто чем-то, очень похожим на саботаж? Жил бы себе в свое удовольствие, небось, папа – генерал вполне мог пристроить своего отпрыска на какое-нибудь тепленькое местечко, и существовал бы себе безбедно и счастливо, ни о чем не заботясь до конца своих дней. Ан, нет, вот уж как-то так получилось, что вместо этой замечательной жизни, к которой многие, наверное, стремятся изо всех сил, я выбрал себе совсем другое занятие: стал заниматься сомнительным делом, по сути, тайно препятствовать политике собственного государства, если она мне не нравилась. Причем было бы понятно и логично, если бы я работал на другую страну, тем более за деньги. Тогда меня можно было бы спокойно считать иностранным шпионом, "кротом". Но нет, я действовал сам по себе, руководствуясь только собственными соображениями целесообразности и справедливости. При этом, заметим себе, не получал никакой материальной выгоды, более того, как правило, наоборот, рисковал своим положением, зарплатой, а то и головой.

Как же так получилось? Когда и почему это началось? Перед моим взором вдруг сама собой ожила картина из далекого школьного детства.

Небесная канцелярия

- Вова! Вова! Посмотри, что я нашла!— это была Вера Васильевна, моя мать.

Она выглядывала из кухни, держа в одной руке газету, а другой энергично махала, подзывая своего сына. Она звала меня именно Вовой, хотя школьник восьмого класса выглядел совсем не как малыш.

Услышав мать, я довольно неохотно оторвался от занимательной книжки. Как сейчас помню, это был Джек Лондон, заснеженные просторы Аляски, ездовые собаки. Старатели столбят участки, намывают золото. Но кругом их подстерегают опасности! За ними следят злобные и жестокие преступники, а со всех сторон обступили завистливые конкуренты...

Но мне все-таки пришлось оторваться от этого волшебного мира: игнорировать призывы матери было уже никак нельзя. Я сунул под мышку заветную книжку и поплелся на кухню, по дороге втягивая носом запахи уже почти готового ужина.

- Ну, что ты так раскричалась? Что ты там нашла?

Вера Васильевна пропустила мимо ушей эти достаточно невежливые слова и сунула мне под нос местную белорусскую газету: "Вот, сам почитай!".

Читать совсем не хотелось: "Что там, новости из мира моды? Или война американских гангстеров?".

Как это ни странно, я почти угадал. Действительно, это была новая мода. Но не на одежду, а на профессии. При этом статья касалась именно Америки.

- Вот, почитай! – продолжала мать, и, не дожидаясь ответа, стала сама рассказывать:

- У одного американского фермера дела шли совсем плохо, а он никак не мог понять, в чем дело, что он делает неправильно. И вот он пригласил экономиста. Тот в течение нескольких дней внимательно наблюдал за тем, как фермер работает. Все записывал, но ничего не говорил. А потом дал рекомендацию: переделать в сарае дверь, а точнее, перенести ее на другую сторону здания. Иначе получалось, что фермер все время должен был проходить несколько десятков дополнительных метров, чтобы попасть в этот сарай.

Вера Васильевна прервала свой рассказ и внимательно, даже вопросительно посмотрела на меня. Я же вовсе и не подозревал, что в этот самый момент Господь Бог радикально менял судьбу своего раба, а потому просто присел за стол, почти машинально взял из тарелки что-то сладкое, кажется, ватрушку, и отхватил от нее хороший кус. Нельзя сказать, чтобы я слушал невнимательно, но совершенно точно еще не понимал, куда клонит мать. А та продолжала:

- Экономист ушел, а фермер решил, что напрасно заплатил ему деньги. Но совершенно неожиданно его дела поправились,

он стал вылезать из долгов и даже почти разбогател. А все дело было именно в этой двери сарая!

Тут мать вовсе прервала свой рассказ и торжествующе поглядела на сына. Я же все никак не понимал своего счастья и лишь жевал добытую по случаю ватруху.

- Ты должен стать экономистом! – мать просто сияла от своей гениальной идеи. – Экономист - это необычная профессия! Вот так приходишь к кому-то, смотришь и изучаешь, а потом даешь совет. Вот и все!

Несмотря на прошедшие с того момента годы, я очень ясно помнил этот самый сюжет с экономистом и дверью в сарай. Самое интересное: идея насчет экономиста мне тогда действительно понравилась (вот он, переломный момент судьбы!). Я представил себе, как приезжаю куда-то, при этом ничего никому не говорю, а только прохаживаюсь туда-сюда, что-то записываю в блокнотик и важно задумываюсь, а под конец, даю свой сверхценный совет. Вот и вся работа! Такая профессия мне явно начинала нравиться. Никаких тебе начальников, никаких приходов на работу по расписанию. Сначала спишь вдоволь! Потом собрался и поехал куда-то на природу, на воздух, там погулял, посмотрел на все вокруг, под конец понадавал фермерам своих бесценных советов. И все: рабочий день закончен, можно отдыхать!

Видит Бог, именно такие немудреные мысли тогда и крутились в моей юной голове. И фермер, и сарай со злосчастной дверью, и рекомендации экономиста. Почему-то эта идея довольно прочно обосновалась в моем сознании. Почему? Может, ватрушка была вкусной? Или на фоне Джека Лондона мне и самому захотелось сыграть какую-то волшебную роль? Прийти и, как маг и чародей, одним взмахом руки разрешить все проблемы далекого американского фермера? Точно я не помнил. Но, скорее всего, все решилось вовсе не в моей голове, а в небесной канцелярии: там почему-то взяли, да и повернули какие-то свои переключатели. В результате дальше моя жизнь потекла по новому руслу.

Почему по новому? Вообще-то, тогда у меня на горизонте ясно маячила перспектива получить совсем иную профессию, то самое пресловутое теплое местечко под солнцем, а именно: пойти по стопам отца и стать военным. Так делали почти все мои приятели, у кого папа был генералом. А мой папа был не просто генералом, а еще к тому же и Героем Советского Союза, соратником легендарного летчика Александра Покрышкина. В общем, – самым настоящим "сталинским соколом".

Отец, понятное дело, был бы рад, если бы сын пошел в армию, но у него хватило мудрости не лезть с навязчивой агитацией. А я не очень-то и рвался к погонам. Дело в том, что хоть и был я всего лишь школьником, то есть по определению еще ребенком, тем не менее уже не хуже взрослого разбирался в некоторых вопросах, касавшихся Советской Армии.

Во-первых, идти в армию хорошо, когда есть возможность в бою защитить свою Родину. Но на горизонте никакой войны явно не предвиделось, то есть служба в армии означала тихую мирную жизнь без каких-либо подвигов.

Во-вторых, для меня пойти в армию было слишком легко. Даже чересчур легко. Просто скажи "да", и на завтра ты уже в военном училище. А после училища даже и "да" не надо

говорить: только крути в погонах дырки под очередные звездочки.

Вообще-то, армейская жизнь - это довольно специфичная штука. И нередко довольно тяжелая. Самая большая проблема – это скотина-начальник. Начальников, как известно, не выбирают. А в армии – дисциплина и единоначалие. То есть если у тебя появился руководитель, который хочет злоупотребить властью и унижить тебя, то спасения от этого нет никакого. Наешься дерьма так, что больше не захочется! А какие они еще бывают, это начальники?!

В-третьих, служба в армии - это, как правило, удаленный от цивилизации гарнизон, какой-нибудь Богом забытый медвежий угол. И если не участвуешь в боевых действиях (а откуда они могут взяться эти боевые действия, если страна выступает за мир во всем мире?), то можешь выбирать: либо карьера, но тогда изволь служить на краю Земли, там чины и звания идут побыстрее, либо служи поближе к какому-нибудь приличному городу, но тогда карьеры не будет никакой.

В-четвертых (а может быть, и во-первых), армия - это бесконечное, беспробудное пьянство. В гарнизонах – потому что нет других развлечений. А в больших городах – потому что уж так само собой сложилось. Причем пьянство организовано так, что не открутишься. Руководитель созывает на какое-то мероприятие всех ближайших подчиненных. Не пойти, значит, бросить вызов. Вызов тому, от приказов которого может зависеть твоя жизнь. А когда пришел, разве можно пропустить тост, не выпить за Родину, за Сталина?!

Вся эта пьянка идет по бесконечному кругу. Сначала начальник приглашает к себе непосредственных подчиненных, потом всех тех же – его первый зам, затем просто зам... И так до тех пор, пока очередь не дойдет до исходной точки.

Всю эту схему я знал прекрасно. Это постоянно происходило на моих глазах. Понятное дело, генералы не просто занимались пьянством: тут были и разговоры про политику, и игра в преферанс, и соревнование по части модной одежды между

генеральскими женами. Но, по сути, все это все равно было бесконечной вульгарной попойкой.

Многие генеральские детки, кто был меня постарше, все-таки пошли в армию, тем более что в Минске было и соответствующее военное училище. Но их судьба не казалась мне особо завидной. Ясно, что их не допекали начальники, даже с самым наизловреднейшим характером, потому что попытки издевательств над таким подчиненным могли повлечь неприятности от генеральского папаши. Эти ребята не служили в каких-то слишком уж отдаленных гарнизонах и в разумные сроки дорастали до подполковника, а то и до полковника.

Но это был предел! Генеральский сын сам никогда не становился генералом. Почему так - неизвестно. То ли для этого нужны были какие-то дополнительные военные подвиги, то ли особые таланты. Или еще что-то. Но следующий шаг не получался никак, ни у каких генеральских детей. Во всяком случае, я о таком никогда не слыхал.

Если на войне, то можно служить хоть лейтенантом, хоть рядовым, там все равны. А вот если никакой войны нет, и ты в мирное время просто просиживаешь штаны в армии, то тогда очень большая разница, кто ты по чину. Конечно, и генералы подвергаются каким-то издевкам со стороны начальства. Но это все-таки уже совсем другое дело. А с генеральскими погонами можно и потерпеть.

Была и еще одна проблема с детьми генералов на воинской службе. Все окружающие особо стремились напоить именно их. Так делало непосредственное начальство, чтобы сын не нажаловался папе. Так делали подчиненные, чтобы подлизаться к начальству. В общем, я достоверно знал о случаях полной белой горячки некоторых генеральских сынков. И при этом знал всего лишь один случай, когда сын высокого начальника, пошедший в армию, не пил вообще. Но это было немыслимое исключение, какая-то особая блажь, которую не могли себе позволить простые смертные.

Да и кем идти служить? Летчиком, как отец? Это в мирное-то время?! Нет, просто быть летчиком, это была уже давно прошедшая мода. Мои сверстники мечтали стать на крайний случай космонавтами, но уж точно не летчиками.

А я в то время оканчивал восьмой класс и пока еще не имел твердых мыслей по поводу своей будущей жизни. Может, стать авиаконструктором? Все-таки как-то связано с профессией отца. Но тут вдруг появилась такая замечательная идея – выучиться на экономиста!

В общем, я тогда оторвался от своей ватрушки и вдруг проявил какой-то интерес к рассказу своей матери. Видимо, она это заметила и, вдохновившись, решила и дальше развивать тему. Продолжение последовало через пару дней.

- Вова! Экономист - это отличная профессия!– мать завела разговор после обеда, убедившись, что сын пребывает в благодушном настроении.

Я почувствовал, что разговор предстоит серьезный, отодвинул стакан с компотом и весь обратился во внимание.

- Но лучше всего – экономист-международник!– тут Вера Васильевна сделала многозначительную паузу.– Лучше быть и экономистом, и заниматься международными делами! То есть ездить по разным странам. Увидишь весь мир! Но для этого надо поступать в МИМО!

Услышав слово "МИМО", я сильно призадумался. Про Московский институт международных отношений, или сокращенно МИМО (потом его переименовали в МГИМО) я, конечно, слышал, и не раз. Но пытаться поступить туда, приехав из провинциального Минска? Без связей? Это же очевидная авантюра! Мои сверстники не знали, как поступить даже в минские институты. А тут Москва, столица Советского Союза! К тому же не просто Москва, а самый престижный вуз, куда вообще не поступишь без блата. Оно и понятно: за граница, доллары, Мартини, бикини – мини, одним словом - красивая жизнь.

Вообще, в тот миг в моей юной голове начала складываться совершенно парадоксальная картина. Вот, допустим, я выучился на экономиста с международным уклоном. Потом кому-то где-то (где, в далекой Америке?) надо помочь. Тут приезжает наш герой из СССР(!), весь такой важный и значительный. И что он дальше должен делать? Перед ним – международная ферма? А там международный сарай с неправильной дверью? Хотите – верьте, а хотите – нет, но тут у меня в голове сработал какой-то защитно-предохранительный механизм. Я не стал углубляться в рассуждения о том, что именно должен был делать такой экономист-международник. Ясно было, что он будет общаться с иностранцами, будет ездить за границу. И там ему будут платить зарплату. А что конкретно делать – не так уж и важно! Главное, что это будет работа не в сибирской глуши в военном гарнизоне, а в Москве или где-то за границей. Вот это было вполне понятно и в целом мне нравилось.

Здесь не будем забывать, что в то время простой советский человек не мог просто взять, да и выехать за рубеж. А если тебя за границу посылало государство, то это предполагало какую-то особую ответственность, какое-то особое поручение. Почти боевое задание. Может быть, даже шпионское задание! Все это разительно отличалось от перспективы провести всю свою жизнь в военном гарнизоне, оттачивая мастерство на бесконечных фанерных мишенях.

Но было ли на самом деле возможно попасть на работу, связанную с такой почти боевой заграницей? Оказалось, что Вера Васильевна не совсем сама изобрела эту идею. С кем-то она предварительно поговорила, посоветовалась. И кое-что смогла разузнать. Действительно, поступить в МГИМО было трудно. Но иногда из провинции это сделать было даже легче. Надо было только как-то приобрести статус так называемого "национального кадра". А для нацкадров была специальная квота, и был шанс, что такого нацкадра на вступительных экзаменах особо "валить" не будут.

Имелся и соответствующий факультет – факультет международных экономических отношений. Кстати, на него и конкурс был поменьше, всего два с половиной человека на место. Но это соотношение не значило ничего. Просто если поступали два человека, то первый поступал на сто процентов, пользуясь соответствующей протекцией, а второй не поступал никогда, будь хоть семи пядей во лбу. Тут я, конечно, немного утрирую, на самом деле в МГИМО брали не только по блату. Туда попадали некоторые круглые отличники, а также так называемые "производственники". И этот порядок в определенной мере сохранился до сих пор.

Но все это я узнал только потом. А тогда МГИМО представлялся мне совершенно неприступной неприятельской крепостью, которую надо было каким-то образом взять. Но как? Похоже, только чудо и могло помочь. Только чудом, сидя в Минске, можно было нащупать какие-то блатные связи для поступления в такой институт.

Тем не менее, не известно как именно, а только моя мать все-таки нашла человека, который мог если не помочь, то хотя бы что-то вразумительное рассказать про МГИМО. Был в то время достаточно известный советский шахматист по фамилии Суэтин. В какой-то момент он развелся с женой. Жена с сыном остались в Минске. Так вот, сын шахматиста за год до этого поступил как раз в МГИМО и, проучившись там год, приехал домой в Минск проведать свою маму. Короче, мне устроили встречу с этим парнем.

Конечно, по поводу блатных связей он ничего не рассказал, но было понятно, что ему как-то помог папа-гроссмейстер. Но зато парень рассказал общую обстановку вокруг института, порядок подачи документов и сдачи экзаменов. И, что было самое главное, объяснил, что это такое - "национальный кадр". Получалось, что для поступления надо было получить рекомендацию не абы где, а в Центральном комитете компартии Белоруссии, а перед этим - в школе соответствующую рекомендацию, а также очень приличную характеристику.

Потом эту рекомендацию должны были по очереди поддержать райком, горком и ЦК комсомола республики. А далее уже обком компартии и ЦК. То есть последовательно шесть высших комсомольско-партийных инстанций. Мог простой человек пройти всю эту цепочку? Ведь на каждом этапе проходило собеседование, и по его итогам должно было быть вынесено решение, что МГИМО, да и вообще внешняя политика СССР, ну никак не могли обойтись без школьника Володи Трофимова. Еще раз повторюсь: такую рекомендацию в конечном итоге должны были дать аж в ЦК коммунистической партии Белоруссии!

Сам Суэтинский сын поступил не как нацкадр, его папа нашел какие-то другие подходы к институту. Кстати, в качестве небольшого отступления следует упомянуть, что потом судьба этого парня сложилась довольно необычно, даже в чем-то драматично. Поначалу все было хорошо, он закончил институт и как молодой дипломат поехал в посольство в Египет. Там ничего плохого в общем не делал. Но вдруг через какое-то время его срочно отозвали в Москву, а там сообщили, что его увольняют из МИДа, при этом никаких пояснений не дали.

Это нормальный поворот судьбы? Парень немного подергался, но делать-то нечего, надо устраиваться на новую работу! Он пошел по кругу. И самое интересное стало происходить именно тут. Сначала его везде принимали с распростертыми объятиями. Оно и понятно: хорошее образование, весь такой молодой, энергичный, да еще с редким языком. Но когда он приходил на следующий день, ему вдруг сообщали, что передумали и брать не будут. И так происходило во всех конторах, вплоть до самой вшивой. Иными словами, человека не просто выгнали из МИДа, а аж с "волчьим билетом". Но за что, почему? Никто ему ничего не объяснял.

Уж так сложилась жизнь, что в какой-то момент я и сам попал примерно в такое же положение. И тоже начал тыркаться в разные места и выяснять, что же со мной произошло. Наконец

один хороший человек рассказал, что на самом деле случилось с сыном Суэтина.

Эта история любопытна и вполне стоит того, чтобы ее кратко пересказать. А дело было так. Этот парень был спортивного склада (кандидат в мастера спорта по плаванию), и в Каире, будучи сотрудником советского посольства, тоже продолжал заниматься физкультурой и спортом. В частности, не стал копить получаемую им в качестве зарплаты валюту, а записался в местный теннисный клуб. Короче, повел себя не как стандартный советский жлоб, а как нормальный человек. В этом клубе он играл в теннис с разными людьми. В число его более или менее постоянных партнеров попал и один поляк, который был то ли из польского посольства, то ли еще из какого государственного польского учреждения.

И в один прекрасный день вдруг выяснилось, что этот поляк был на самом деле не абы кто, а настоящий иностранный шпион. То ли американский, то ли еще какой. Понятное дело, Суэтинский сын, общаясь с ним на корте, исходил из того, что имеет дело с человеком из дружественной страны, причем допущенным к государственным секретам, и в беседах мог что-то такое невзначай сказать, пусть даже не секретное, но полезное для этого шпиона.

Самое интересное, это то, что наши люди не знали наверняка, был ли младший Суэтин слишком откровенен с этим поляком, или нет. То есть фактов невольной передачи секретов и конкретной несдержанности в беседах выявлено не было. Но зато о Суэтине было известно другое: ведет себя слишком свободно, не копит валюту, а тратит ее на необычные для советского человека цели, в частности, на членство в иностранном спортивном клубе. Почему он так поступает? Гнушается общаться со своими товарищами по работе? Ему поляков иностранных подавай?! Это признак моральной неустойчивости! И наверняка он по недомумию что-то такое секретное наговорил этому зловредному поляку!

В общем, вот все это в совокупности и вылилось в увольнение с "волчьим билетом", которое объяснялось не столько каким-то серьезным проступком (членство в клубе было разрешено начальством), сколько обычной человеческой злобой и завистью. А еще в большей мере перестраховкой (а вдруг польский шпион смог завербовать нашего человека?). Понятно, что такая перестраховка сама по себе аморальна. Ведь она исходила из того, что советские люди (даже дипломаты!) априори морально неустойчивы: любят Запад без памяти, и их только помани пальчиком, они тут же и перебегут на другую сторону.

Тут справедливости ради нужно отметить, что за время своей работы на внешнеполитической ниве я не раз и не два сталкивался с ситуацией, когда советские люди действительно записывались в иностранные шпионы. Список таких людей, кого я по крайней мере лично знал, точно перевалил на второй десяток. Это много! Даже, можно сказать, слишком много. Почему так происходило? Кто его знает...

Но тогда я был еще очень далек от каких-то шпионских историй, разве что только книжки про шпионов читал. В моей буйной голове были одни лишь мысли о том, как доучиться в школе и сдать экзамены на приличные отметки, а также о том, как подготовиться к экзаменам в МГИМО.

Первый урок: тайный клан

Кстати, учился я тогда не в простой школе, а в специальной, физико-математической, номер пятьдесят города Минска. У школы был даже чуть ли не орден Ленина за то, что один из выпусков состоял почти сплошь из отличников. Поскольку школа была специальная, там и дети учились особенные. И в какой-то момент я это очень почувствовал. А дело было так...

Как говорят, в один прекрасный день в школу вдруг заявился академик из белорусской академии наук. Вид у него был предельно научный: в очках с толстой роговой оправой, сам весь

седой. Был он худой, но высокого роста. То ли по этой причине, то ли потому, что много работал, а только академик довольно-таки заметно сутулился. Но нрава мужчина был явно веселого и доброжелательного. Он поглядывал на школьников сквозь стекла очков, и я для себя тут же окрестил его: "Доктор Айболит!". Он и впрямь чем-то смахивал на Айболита из детской книжки.

Цель визита, как выяснилось, была интересная: посмотреть на юные дарования на том этапе, когда их способности были еще не слишком заметны. Академик пришел в мой 5 "Б" класс и попросил разрешить ему немного пообщаться с группой учеников, которые, по мнению преподавательницы, были наиболее перспективны по части математики.

Группа из нескольких учеников была тут же сформирована. Но меня в нее не включили, что несказанно огорчило. Еще бы, в школу пришел настоящий академик! Будет знакомиться с хорошими учениками, будущими математиками. А я, выходит, никчемный, не подхожу для такого собеседования!

Я сидел на своей парте полностью огорченный и поникший, но не протестовал (потому что еще не умел в таких ситуациях протестовать). К тому же я знал, что не являюсь круглым отличником по математике. А, значит, какие могут быть претензии?! Надо учиться получше, тогда и академики будут с тобой разговаривать!

Однако тут произошло нечто необычное (может, опять не обошлось без небесной канцелярии?). Группа показалась академику слишком малочисленной, и он решил ее пополнить: быстро нарисовал на доске простенькую задачку и, обращаясь ко всему классу, спросил, как ее решить. Неизвестно, что уж на меня тогда нашло, а только я мгновенно вскочил, как ошпаренный, и выкрикнул, что знаю решение, и, не дожидаясь позволения, тут же слегка сумбурно, но объяснил, как надо решать.

Академик остался удовлетворен моим ответом и предложил присоединиться к группе избранных, что я и сделал, ликуя всем

сердцем. Ведь теперь я тоже оказался среди тех, с кем сейчас будет беседовать этот академик!

Однако никакой такой особой беседы не получилось. Я думал, что Айболит будет расспрашивать об учебе, о том, что ребята думают по поводу математики, и не хотят ли они стать учеными. Но он просто рассадил всех по партам в соседнем классе и разложил перед нами по листку бумаги, где были написаны условия математической задачи. Было предложено ее решить. Все склонились над своими листками.

Наверное, я все еще продолжал пребывать в каком-то особо возбужденном состоянии ликования, а только, глянув на свой листок, вдруг враз понял, что уже знаю, как решать эту задачу. Собственно говоря, она была вовсе не сложная, но с подвохом. Для решения надо было отойти от стандартных походов, вот и все.

Ну, уж стандарты для меня точно никогда не являлись чем-то таким, через что я не мог переступить. Ни тогда, ни тем более потом! Я вообще изначально начал жить не по стандартам. Например, не пытался запоминать школьные формулы, а запоминал только метод, как именно их надо выводить. И каждый раз, когда меня спрашивали ту или иную формулу, слегка задумывался (все-таки, выведение всегда занимало какое-то время), а потом выдавал результат. И ничего, доучился до конца школы, не выгнали.

В общем, и тут я как-то быстро уловил, что именно требуется, и мгновенно поднял руку, всем своим видом показывая, что уже готов отвечать. Академик подошел, и я тут же на листке бумаги набросал решение. Как выяснилось, решение было верное. Айболит дал другой листок. На нем было уже не одна, а несколько задач. Но и они не показались мне сложными.

Я даже через годы очень хорошо помню это чувство. Условия задачи вдруг как бы отделялись от бумаги и повисали в воздухе прямо перед моим носом. При этом цифры, словно подрагивали, как будто по ним проходила какая-то рябь. Повиснув, условия задачи неожиданно начинали быстро-быстро вертеться. Цифры

так и перескакивали одна к другой, будто примеряясь к очередному математическому действию. При этом я довольно цепко держал в уме и исходные условия задачи.

Повертевшись так мгновение - другое, цифры вдруг сами собой выстраивались в одну или две связанные между собой формулы, а затем превращались в искомое решение, которое я не медля переносил на бумагу. При этом меня не покидало то самое чувство восторга, которое я испытал, попав в группу избранных. Однако этот восторг сделал меня каким-то особенно легким. Я просто порхал по условиям этих задач.

Другие ребята уже закончили первый листок, и Айболит прошелся по всем, проверяя результаты. Кажется, никто ошибок не допустил. Единственно, мои товарищи нашли решение чуть помедленнее. Наконец академик еще раз подошел ко мне. Я с гордостью показал свои решения. Моему счастью не было конца! Ведь я на минуту-другую опережал записных отличников, и это был настоящий триумф. Опять все было решено предельно быстро. В какой-то момент получалось так, что не успевал академик отойти, как я уже говорил ему, как надо решать очередную задачку. Тот возвращался, проверял, и только вознамеривался уйти, как я снова спешил сообщить о решении следующего задания. В результате большой ученый все никак не мог отойти от моей парты. Только отходил, как я уже звал его назад.

Тут надо проявить объективность. Столь подробно пересказывая этот эпизод, я вовсе не хочу сказать, что был весь такой умный, а записные отличники – так себе, среднего качества. Отнюдь! Просто тогда на меня нашел какой-то кураж, вот и все. Я как-то поймал основную нить полученных заданий, вот и выдавал на-гора решение за решением. На самом деле все приличные ученики 5 "Б" класса, в том числе и те, которые не попали в эту привилегированную группу к академику, могли справиться с таким заданием. Все-таки это была школа с физико-математическим уклоном, и в ней даже штатные учителя культивировали поиск решений необычных задач. Другое дело,

что кто-то мог почти сразу понять, в чем соль задачи, а другой просидел бы на несколько минут дольше, вот и вся разница. Так что в то общение с большим ученым все примерно одинаково справлялись с полученными заданиями. Ну, может быть, я чуть побыстрее других.

Наконец представитель академии наук счел, что с него достаточно. Он собрал все листки и удовлетворенный засобиравшись восвояси. К нему тут же подскочила учительница математики.

- Ну, как мои ученики? Они вас не огорчили? Из них могут вырасти большие ученые? Кто-нибудь вас удивил своими познаниями?

Лучше бы математичка никогда не задавала последний вопрос! Он в конечном итоге повлиял на всю мою дальнейшую жизнь. А академик, похожий на Айболита, расслышал, надо полагать, именно последние слова. И, ничтоже сумняшеся, обратил свой взор на меня:

- Наверное, этот ученик у вас лучше всех учится, одни пятерки?

И поправив на носу очки, Айболит счел, что дальше говорить не о чем. Во всяком случае, он не стал ждать ответа математички, а просто вышел вон из класса, сжимая в руке листки с вопросами и ответами. Наверное, понес к себе в академию анализировать, чтобы прийти к каким-то особо умным и важным научным выводам.

Читатель вряд ли сможет догадаться, что именно последовало за этим тестированием на наличие юного интеллекта.

А последовало вот что. До этого момента я жил, как мотылек теплым летним деньком, порхал себе туда-сюда, вовсе не задумываясь над смыслом жизни (генеральский сынок, одно слово). А тут в мою голову как будто забили гвоздь. Я вдруг очень ясно понял, что мне должны ставить по математике именно пятерки, а не какие-то там сомнительные четверки. И я, может быть, впервые в своей жизни поглядел совсем другими глазами на то, что вокруг меня происходило.

Во-первых, я стал следить, какие именно и почему мне ставят отметки по математике. Во-вторых, я стал следить, какие отметки получали ребята из той самой группы, которую тестировал академик. При этом я, понятное дело, сравнивал результаты.

Итоги наблюдения меня просто потрясли. Я вдруг понял, что жизнь вокруг меня течет не просто так, а по определенным тайным законам. Именно тайным! Как выяснилось, я и эта группа учеников существовали в рамках определенной невидимой системы. Именно Системы с большой буквы.

Конкретно же я обнаружил следующее. Учительница математики после визита академика никакой любовью ко мне вовсе не воспыкала. Более того, она при каждом удобном случае снижала мне оценку. Поскольку сами домашние задания или контрольные работы я решал более или менее прилично, она стала цепляться к грамматическим ошибкам. А их было предостаточно! Мысль-то у меня летела, как птица, а рука не успевала так быстро писать. В результате слова, в которых описывалась суть задания или которые сопровождали выведенные формулы, нередко были написаны с ошибками. Я пропускал буквы, подчас не согласовывал слова. А уж про запятые и прочие знаки препинания и говорить не приходилось.

Математичка не пропускала ни одного такого промаха и аккуратно, обязательно красной ручкой исправляла все грамматические ошибки. Грамматические! Тетрадь по математике просто пестрила такими исправлениями. В результате оценка, как правило, снижалась. Я стабильно имел "четверку", пусть даже и с плюсом.

Понятное дело, мои тетрадки по математике выглядели, скорее, как тетради по русскому языку. Любому нормальному человеку это резало бы глаз. Но я еще не очень понимал такие тонкости. А мои родители и вовсе не обращали на это внимания. Самое главное, что сын учился не на тройки, а на четверки. Большого они никогда от меня и не требовали.

А как же мои сотоварищи по классу? Вот у них обычной отметкой была как раз "пятерка", а не "четверка". Может, они писали слова без грамматических ошибок? Тогда я стал обращать внимание на те случаи, которые можно было проверить. То есть на ответы этих товарищей у доски. И вдруг совершенно ясно увидел, что математичка стремилась зависить им оценки. А мне – занижала!

Чтобы не быть голословным, приведу наиболее типичный пример, который я хорошо запомнил. Вот вызывают меня к доске. Суть задания: записать сложную формулу с дробью, а затем последовательно ее преобразовать и упростить. Я послушно записываю это задание в левом верхнем углу доски. Учительница идет вглубь класса и поглядывает направо и налево, как справляются с заданием другие школьники. Я же задумался, почесал себе нос, покрутил головой и, наконец, замахнулся мелком. Но из-под мелка у меня нарисовалась только одна промежуточная формула. Дальше я просто поставил знак равенства и написал ответ. Этот ответ, как нередко случалось, был в чем-то парадоксальным. То есть это была простая единица, которая резко контрастировала с исходной закрученной формулой.

Я стоял у доски и ждал, когда преподавательница дойдет и до меня. Ждать пришлось какое-то время. Ученики старательно возились со своими тетрадками, а она неторопливо шла и наблюдала, как идет ход решения у того или иного школьника. Наконец она дошла и до доски. А я уже извелся стоять и дожидаться, когда же меня отпустят. Математичка глянула на доску:

- А где же твое решение?

В ответ я показал на полученную единицу.

- А где же все преобразования?

Я просто показал на промежуточную формулу.

- А как же ты получил ее? – с сарказмом спросила математичка.

- А что не так? - с наивным удивлением спросил в ответ я.— Вот промежуточная формула, я преобразовал в нее исходную формулу, получил вот это, а потом и единицу.

- А откуда у вас возникла эта промежуточная формула?

Тогда я произнес в чем-то роковую для себя фразу. Искося глянув на математичку, я промолвил:

- Так это же очевидно!

Вообще-то, в математике, да и вообще в точных науках действительно есть такое понятие - "очевидно". Когда математик считает, например, что разница между преобразованными формулами невелика, и всякий средний человек понимает, как именно было проведено преобразование, он так и скажет: "Это очевидно!". Именно так сказал в тот раз и я.

- Очевидно??? Да где же ты тут видишь "очевидность"? Откуда, например, у тебя взялась вот эта цифра? - математичка с негодованием ткнула в какую-то часть промежуточной формулы.

Я не смутился и начал устно объяснять, что и откуда взялось. Говорил я, по сути, правильно, тут нельзя было ничего возразить. Но слов получилось довольно много, это уж точно.

- Нет, ты уж будь любезен развернуть проведенные тобой преобразования в несколько последовательных формул!— тем самым преподавательница как бы давала понять, что мои устные объяснения не выглядят для нее достаточно понятными и убедительными.

Я недоуменно пожал плечами и начал выписывать формулы. Через пару минут закончил - на доске красовалось несколько новых формул. Они даже не уместились в одну строку.

- Ну, и где же тут твоя "очевидность"? Ты считаешь все это очевидным?— сарказм в голосе учительницы был уже острее ножа. Она не стала дожидаться, что я скажу в ответ.— Садись на место!

Я отправился за свою парту и через минуту получил дневник, в котором красовалась жирная "четверка". Видимо, за мою "очевидность"...

В общем, мои наблюдения за математичкой и прочими учениками привели к выводу, что меня она немного, то тут, то там, но осаживала, хотя особой нелюбви или ненависти при этом не проявляла. Просто слегка притапливала, вот все. А нескольких учеников, как раз тех, кого показывала академику, поддерживала и незаметно им покровительствовала. Своим юным умом я постарался постичь этот парадокс и задал самому себе следующий достаточно логичный вопрос: "Почему???". Действительно, почему одних она тянула, а других при случае топила? Просто случайное пристрастие?

И тут я смог совершить не очень характерный для пятиклассника шаг. Я не только заметил необычное явление, но еще смог найти ему объяснение. Я вдруг понял, что это была вовсе не случайность, а очень даже определенная система. Эта группа учеников имела между собой что-то неуловимо общее. Их, а также учительницу явно что-то невидимо связывало. Но что?

Я, точно так же, как и в заданиях, которые давал академик, вдруг увидел систему, смог найти признак, который объединял эту группу людей. Приглядываясь еще внимательнее, я в конце концов обнаружил у всех этих ребят некоторые особенности как формальные, так и в поведении, в оценках, в пристрастиях. В общем, тогда, совсем еще зеленый юнец вдруг своим незрелым умом извлек для себя первый, наверное, важный политический урок. Я неожиданно осознал, что окружавшие меня люди живут не просто так, что они - очень разные, и некоторые из них объединены в свои незримые, тайные кланы, в рамках которых каждый поддерживает друг друга, а всех остальных не очень-то и жалуют и при случае даже незаметно притесняют. Тайное сообщество? Заговор против других людей? Выходило, что именно так.

Получалось, что одни люди, объединенные в тайное сообщество, притесняли других, причем не за какие-то плохие поступки, а просто потому, что их клан должен был быть наверху, а все остальные – внизу. Но как же всеобщее равенство, справедливость? Ведь в социалистической стране про это говорили на каждом углу. Похоже, что для этих людей обычные социалистические порядки были не очень писаны. И никто это не осуждал, за такое поведение никто никого не наказывал. Как будто этого и не было вовсе.

Кстати, ради этой самой справедливости, надо отметить, что как-то раз та самая математичка, фамилия которой была Зыскинд, подобрала группу ребят, в которую почему-то включили и меня. Эта группа должна была ходить по квартирам евреев, пострадавших от нацистских репрессий. Целью визита было оказание помощи по типу тимуровской. Откуда уж математичка раскопала списки этих людей и их координаты – неизвестно. Наверное, она где-то состояла в качестве какой-то активистки. Школьники честно ходили по данным адресам и действительно оказывали тем людям какую-то посильную помощь. Оказывал и я. И считал это добрым и правильным делом, хотя, несмотря на мой юный возраст, хорошо понимал, что от нацистов пострадали далеко не только евреи.

Второй урок: власть

Конечно, раскрытие существования клана, жившего по неписаным тайным законам, было не единственным житейским, а по сути политическим уроком, который я извлек из своей немудреной школьной жизни. Были и другие, не менее интересные, также существенно повлиявшие на становление моего мировоззрения.

У меня, как и у других советских школьников, был свой классный руководитель. Ее звали Марией Мартыновной Семижон. Как-то раз она вознамерилась провести в классе

выборы. Предполагалось выбирать старосту класса, который до этого просто назначался.

Староста должен был следить за порядком в классе, назначать дежурных, помогать тем выгонять всех из помещения на перемене, проветривать класс, вытирать доску. Но как тут можно за кем-то уследить?! Все лезут, никого не слушают, орут как сумасшедшие. Наверное, в голове у Семижон возникла следующая идея: если не назначать, а выбирать старосту, то это как бы прибавит ему авторитета. Если уж проголосовал за него, то будь любезен слушаться!

Понятное дело, что староста – правая рука классного руководителя. Он не только следит за порядком, но и реализует волю школьного руководства среди учеников, поэтому по характеру должен быть послушным и при этом прилично успевающим по всем предметам.

Старосты в моем классе каждый год менялись. Семижон пробовала то один вариант, то другой. Но толку от этого было мало. Никто старосту даже и не думал слушаться. Послать его на три буквы и обозвать доносчиком (староста должен был следить за прогульщиками) – это было самое мягкое, что можно было услышать в его адрес.

Когда было объявлено о предстоящих выборах, в моей голове не пойми откуда, вдруг возникла и сама собой ожила определенная картина, совсем как с цифрами по математике. Только тут были не формулы, а живые люди. Эти люди вдруг появились перед моим взором. И тут я понял, что придуманный училкой план имеет формальный недостаток: что она будет делать, если предложенная ею кандидатура не наберет нужное количество голосов? А если большинство голосов наберет кто-то другой? Куда тогда денется Семижон со своими выборами?

Перспектива поставить училку в глупое положение заставила меня напрячь голову. Пляшущие человечки перед глазами стали почти реальными, они, как в жизни, заняли свои места и стали произносить слова и совершать разные поступки. За мгновение в своей голове я как бы ускорил течение времени. И маленькие

человечки, прототипы окружавших меня людей, за эту секунду прожили сравнительно большой кусок своей жизни. Прожили по моему плану. Став постарше, я узнал, что такая операция называется построением социальной модели.

В перемену перед роковым собранием я пробрался на задние ряды. В любом классе там обычно сидят двоечники, хулиганы и прогульщики. Несмотря на то, что наша школа была специальная с физико-математическим уклоном, там тоже имелись свои двоечники и хулиганы. Сейчас они расселись как попало и неторопливо обсуждали что-то свое. Я учился более или менее прилично, но, несомненно, тяготел к этому почти преступному миру, дрался направо и налево, хулиганил и откалывал всяческие трюки, то есть пользовался в этой отрицательной среде определенным авторитетом.

Группа хулиганов была довольно живописной. В центре ее, несомненно, был долговязый двоечник и второгодник Алферов. Двигался он с ленцой, каждым своим движением демонстрируя презрение как к школьным порядкам, так и к "малькам" - одноклассникам. Говорил он тоже медленно и нередко бессвязно. Но часто дрался, и бил очень больно. Связываться с ним было довольно опасно.

Подстать ему был и Володька Элькин. Хоть и еврей, но он, в порядке исключения из общего правила, учился предельно плохо и тоже презирал школьные порядки. Размером Элькин был поменьше Алферова, и я считал, что в драке могу его одолеть. К этой же группе относился и Эдик Покровский. Папа и мама были у него какими-то выдающимися деятелями. Но сынок пошел не в родителей: изображал из себя пресыщенного жизнью молодца, который уже все видел и слышал, а теперь снизошел до этого сомнительного заведения, которое называлось "школой".

Тут же на "камчатке" сидели Толя Рудович, Коля Полищук, Володя Буров, Сальников и еще несколько балбесов рангом поменьше. В общем, компания подобралась вполне бандитская. Таким лучше в тихом переулке не попадаться под руку: морду

набьют, это запросто. Кстати, я обычно разгуливал по темным улицам города Минска именно с Полищуком и Рудовичем, хотя в светлое время суток больше дружил с Борей Золотоверхим и Сашей Ломако.

- Давайте сорвем выборы старосты!

Компания прервала свои беседы. Все взоры обратились на меня. Алферов даже пересел на крышку парты и уставился на меня, разинув рот. В его глазах читалось полное согласие и желание подыграть. Но как сорвать?

- Семижон предложит свою кандидатуру. А мы предложим свою! И наших голосов будет больше! Вот она тогда попрыгает!

Желание нахулиганить было столь велико, что Алферов просто подпрыгнул на месте:

- Ага! Давайте! Вот она тогда о.....!

Тут этот великовозрастный дубина допустил непарламентское выражение, которое как бы обозначало действия по большой нужде, но вовсе не в туалете.

- Давай тебя выдвинем!– продолжал Алферов.– Пусть она тебя ставит на голосование!!!

Это был решающий момент. Психологически было понятно, что инициатива наказуема. И было понятно, что автор идеи почти автоматически претендовал на центральную роль. Элькин и Покровский скривили губы. Им совсем не хотелось, чтобы я стал более популярным. Но делать было нечего, не выдвигать же себя на должность старосты?! Тем более что мои близкие по хулиганке дружки, Рудович и Полищук, восторженно завопили в мою поддержку. Все! Дело было решено.

Началось собрание. Семижон хоть и недолго, но разъяснила ученикам смысл голосования и его правила. Побеждал тот, кто набирал больше голосов. Я налег грудью на парту и втихаря недобро ухмылялся. Близился миг скандала.

- Я предлагаю кандидатуру Лены Ушакевич. Какие будут по этому поводу мнения?- Семижон была уверена в том, что держит под полным контролем как весь ход собрания, так и саму процедуру голосования.

Лена Ушакевич – ученица нашего класса, вполне симпатичная, не отличница, была достаточно неконфликтного характера. Видимо, предполагалось, что она будет слушать классного руководителя как следует!

Семижон сделала эффектную паузу, видимо, наслаждаясь тем, как умело манипулирует всем классом. Я еще ниже наклонил голову. Все! Сейчас грянет гром!

- Трофимова - в старосты!!! – заорал вдруг с задней парты Алферов. При этом он еще как-то подпрыгнул на своем месте и довольно агрессивно взмахнул рукой.

Тихий ход собрания был катастрофически нарушен. Классный руководитель даже открыла рот от изумления. Такого поворота событий она явно не ожидала. Конечно, Алферов запросто мог что-то отколоть, разбить окно или испачкать стену. Но тут он не просто отколол, а совершил поступок, разрушавший учительский план. Более того, вынуждавший Семижон дальше действовать по чужому плану.

Деваться ей было точно некуда. Заявить, что так не голосуют? А как? Она сама только что объяснила правила голосования. Теперь была выдвинута еще одна кандидатура. Семижон все еще не могла поверить, что в классе среди ее сопливых учеников вдруг завелся вредитель (саботажник!), который мог переиграть ее на ее же поле, к тому же способный еще и организовать школьников против учителя. Нет, в это она точно не могла поверить. Это было просто невозможно. Классного руководителя этим соплякам так просто не одолеть!

И Семижон, помедлив, промолвила:

- Ну, хорошо! У нас есть еще одна кандидатура. Давайте голосовать в порядке поступления...

Ее план даже на этом этапе был неплох. Да, она не смогла ограничить список только своим выдвиженцем, но вполне могла взять в свои руки само голосование. Конечно же, как она полагала, ученики должны были послушно поднять руки за первого кандидата, то есть за Таню Ушакевич, а на этого безобразника Трофимова голосов уже не хватит! Тут Семижон

глянула на меня так, что я вдруг ясно понял, что поднял руку на святое. Наверное, так оценивающе смотрит тигр на свою жертву, прежде чем ею закусить.

- Кто за Ушакевич, поднимите руки!

Все передние парты дружно проголосовали "за". Но задние никаких рук не подняли. Хулиганы замерли в ожидании. Получится или нет? Удастся сорвать выборы старосты?

Поскольку единогласия явно не наблюдалось, пришлось считать голоса. Семижон начала подсчет. Кажется, в этот момент она почувствовала, что что-то идет не так. Но осознание полной катастрофы пока еще к ней не пришло. Голосов получилось десять.

- А кто за Трофимова?

Тут взметнула вверх руки вся "камчатка". Алферов даже вскочил с места и замахал своими огромными ручищами в воздухе, словно давая понять, что не даст пропустить свой голос. Руки были подняты. Надо было считать и их, что Семижон и сделала. Она считала и считала, а ее голос при этом стал каким-то отрешенным.

Двенадцать! Получалось, что за меня проголосовало большинство. Я еще никак не мог осознать, что только что смог победить такого титана, как собственный классный руководитель, и сидел, притихший на своем месте, даже не озирался. Что же будет дальше?

А как же Семижон? На нее было жалко смотреть. Она вдруг как-то вся осела, съежилась и стала поглядывать на учеников, будто ища себе точку опоры, какую-то помощь. Но какая уж тут помощь! Отличники испуганно примолкли на своих партах. Не спорить же с хулиганами! Так и по шее можно схлопотать. А хулиганы просто торжествовали. Меня вдруг стали поздравлять с задних парт. Тут я очнулся, встал, повернулся к "камчатке" и изобразил что-то среднее между полупоклоном и полувзмахом руки, то есть, не спрашивая разрешения классного руководителя, своими действиями показал, что и без ее одобрения принимаю победу.

- Ну, поздравляю, – промолвила наконец Семижон, обращаясь даже не ко мне, а куда-то в пространство позади меня. – Вам теперь предстоит трудная работа. Посмотрим, как вы будете справляться.

Я только ухмыльнулся в ответ, что еще больше добавило веселья на задних партах.

- Он справится, справится! – завопил кто-то сзади.

Ухмылочка была не случайной: было件нятно, что Семижон не посмеет заставлять меня выполнять роль стукача и доносчика. Так что предстоящая работа была априори более легкой, чем у моих предшественников.

На самом деле старостой я оказался довольно неплохим, ведь я был отрицательным персонажем, а тут нашел выгодную и оправданную линию поведения: стал изображать из себя хулигана, который по какой-то непонятной для других блажи вдруг решил навести в классе свои порядки. Стал, например, придирааться к тем, кто не выходил из помещения на перемене, будто искал повод подраться. Ясно, что со мной не связывались и тут же освобождали класс.

Другим же хулиганам я стал как бы покровительствовать. Тем более что пример такого покровительства был у меня перед глазами – математичка Зыскинд и ее любимчики. Я незаметно делал всяческие побрякушки для "камчатки", но иногда все-таки требовал и соблюдения порядка, мотивируя это тем, что так надо "для вида". И это действовало.

Вообще, моей изобретательности не было конца. Как, например, вымыть доску на перемене? Просто взять тряпку и протереть самому? Или бегать за дежурным? Нет, это было слишком тривиально. Вместо этого я подговорил Алферова и Элькина. Они схватили на перемене одного из любимчиков математички – Леню Городецкого. Тот был совсем маленький по размеру, эдакий шарик с круглой мордой и черными, как смоль, бровями. Схваченный Городецкий дальше был использован в качестве тряпки: его подняли в воздух и телом тщательно протерли всю доску. Городецкий вырывался,

трепетал в сильных руках, но ничего поделывать не мог. Спина у него стала сплошь белая, в разводах, а доска – более или менее чистая. Хулиганы хохотали до упада. Затем прижали Городецкого дверью и сверху набросали ему на голову с десятка попавшихся под руку портфелей. Я снисходительно наблюдал со стороны за этой экзекуцией. Роль организатора беспорядков мне без сомнения нравилась.

Жизненный урок с выборами старосты оказался для меня исключительно важным: я понял, что любая власть вовсе не от Бога. Пара ловких манипуляций или просто везение, и вот ты уже сам превратился во власть, устанавливаешь правила для других и караешь за непослушание. Власть можно бояться. Но рассматривать ее как что-то ниспосланное свыше, а потому сакральное? Это уж слишком! В общем, я тогда обрел критическое отношение к власти.

Третий урок: преступление и наказание

В школе я получил и еще один интересный урок. Собственно говоря, для этого оказалось достаточно всего одного хорошего, точнее, плохого случая.

Все начиналось предельно буднично: я в начале большой перемены забежал в школьный буфет перекусить. Купил булочку и стакан чая. Булку дала буфетчица, а чай надо было взять самому с подноса, который стоял на отдельном столике. Я взял свой чай и пошел в угол буфета, присел за столик, откусил кусок от булочки и сильно задумался: "А почему, собственно говоря, я взял именно этот стакан, а не какой-то другой?". Я глянул на свой стакан. Чаем это можно было назвать только с большой натяжкой: коричневато-желтоватая водичка явно не тянула на что-то приличное. Но на дне стакана был хорошо заметен слой не успевшего раствориться сахара: буфетчица не утруждала себя размешиванием.

"А ведь я, пожалуй, схватил именно тот стакан, где было чуть больше сахара!- эта мысль поразила меня, как молния.- Вот оно,

оказывается, как было!". Тут я задумался еще больше. Получается, я выявил механизм подсознательного принятия решений. Теперь надо было как-то им воспользоваться. "Если я сам так поступаю, то, скорее всего, и другие так поступают,- мысль побежала дальше совсем стремительно.- Значит, если в каком-то стакане будет заметно больше сахара, чем в других, его наверняка тут же и возьмут. Его возьмет первый, кто подойдет за чаем!". Это открытие меня потрясло: "То есть, если я как-нибудь добавлю сахара в один из стаканов, я смогу управлять следующим учеником, который возьмет чай!".

Тут я остановился и огляделся. Дополнительного сахара нигде видно не было. Но зато на столе в изобилии стояли солонки, и соль в них была точно такого же цвета, как и сахар! То есть в стакан можно было насыпать вовсе не сахара, а человек, который его выберет, будет думать, что это сахар! Значит, речь уже шла не просто о манипуляции чужим поведением, а о манипуляции с помощью поддельной приманки.

Дальше мои руки и ноги все делали сами. Рука сама схватила солонку и высыпала из нее довольно значительную часть содержимого в собственный стакан. Затем рука схватила стакан, а ноги понесли меня к подносу, где и стоял весь буфетный чай. Там было, пожалуй, стаканов двадцать, а может, и поболее.

"Если поставить мой стакан с краю, это будет слишком просто! Теория должна быть проверена на хорошо организованном опыте!"- и я поставил свой стакан подальше, сбоку от общей группы. Его все равно можно было разглядеть, но он все-таки стоял не в первом ряду.

Я огляделся. Никто не обращал на меня внимания, школьники и школьницы весело болтали между собой, уплетая свои завтраки. В основном это был все тот же чай, а к нему бутерброд или булочка, или даже какой-то салатик.

Я уселся назад на свое место, откусил от булки и стал ждать, что будет дальше, при этом не заглядывал слишком далеко и искренне полагал, что ничего особо плохого не делаю. Ведь я пожертвовал собственным чаем, а не покушался на еще

непроданный товар. Если же план сработает, то мой стакан схватят, потом, когда сядут за стол – попробуют. И отвергнут, вот и все! Кто же будет пить соленый чай?! Пожалуются буфетчице и получат новый стакан, который они уже оплатили. Никакого материального ущерба ни для кого!

Ждать пришлось совсем недолго. В буфет влетел одноклассник Лёня Козлов. Он торопился, перемена уже кончалась. Поэтому он быстро бросил буфетчице пару монет, схватил свой бутерброд и остановился перед подносом со стаканами. Я замер, ожидая, что будет дальше.

А дальше мои теоретические рассуждения получили блестящее практическое подтверждение. Даже слишком блестящее... Лёня орлиным взором окинул стаканы с чаем, подумал мгновение и выхватил именно мой стакан. В глазах его блеснула неподдельная радость, еще бы, чуть не полстакана сахара! Буфетчица видно по ошибке пересыпала!

Лёнина радость была столь велика, что он тут же, рядом с подносом решил отхлебнуть из счастливого стакана. Глоток он сделал просто огромный. Потом замер... И тут же его просто вырвало. Весь проглоченный чай вперемешку со слюной с необычайным шумом вырвался назад из его рта и в виде распыленного в воздухе пенистого облака брызг накрыл все остальные стаканы.

На Лёню обернулся весь буфет. Все бросили свои завтраки и в изумлении уставились на Козлова, который с выпученными глазами и совершенно растерянным лицом замер рядом с подносом, сжимая в руке роковой стакан. Зрелище было совершенно запредельное...

И тут произошло то, чего я совершенно не предвидел и не ожидал. Опыт, поставленный на живом человеке, произвел один побочный эффект, и жертвой этого эффекта стал сам экспериментатор, то есть - я. У меня при виде этой жуткой сцены с выплевыванием чая сначала все сжалось в груди, а в следующий миг я просто закатился в немислимом хохоте. Я не мог остановить этот хохот никакими способами. Меня просто

корчило и крючило от смеха. В конце концов я просто рухнул со стула.

Это мое поведение не осталось незамеченным. Уж неизвестно, кто кого позвал, а только через минуту мое тельце трепетало в цепких учительских руках. Приступ смеха прошел. Но я еще не успел осознать, насколько серьезно влип в неприятности. В общем, доказывать, что все это подстроил именно я, не было никакой необходимости, своим катанием по полу в приступе истерического смеха я сам себя выдал с головой. И отпираться было совершенно бессмысленно.

Меня тут же поволокли к директору, а там сказали очень много всяких разных слов, которых я почти не слышал. Но ругали меня очень прилично, в памяти осталось только то, что меня собирались исключить из школы. В конце концов директор позвонил ко мне домой, и через минут двадцать в школу пришла мать, которой юного злодея и сдали с рук на руки.

Как это ни странно, дома меня в общем не ругали. Но произошло другое. Мать усадила меня перед собой на стул, внимательно посмотрела, помолчала и наконец промолвила:

- Вова! Озорничают все дети, но попадают только дураки. Умные люди – не попадают! У них хватает ума организовать все так, чтобы их не поймали!

На этом внушение закончилось, а я каким-то образом запомнил эту фразу на всю свою оставшуюся жизнь. И с тех пор впредь старался предварительно подумать о том, чтобы не попасться, если уж приходилось совершать какие-то поступки, за которыми могли последовать репрессии.

В школе моим подобным затеям, действительно, не было конца. Но как-то я так сумел, что впредь по-крупному не попадался уже никогда. А по-мелкому - просто делали запись в дневник. При этом я нашел такой стиль поведения, что в глазах учителей сходил за хорошего ученика, который иногда и озорничал, но в порядке исключения, а так вел себя хорошо и примерно. То есть ярлык плохого ученика ко мне как-то не клеился.

В конце концов все это вылилось в довольно забавный результат. Когда школьники уже заканчивали девятый класс, между Володей Элькиным и Эдиком Покровским завязался жаркий спор: кто из них вел себя в этом году хуже. Ребята вытащили свои дневники и стали подсчитывать учительские замечания, у кого больше. Я не выдержал и вмешался. На парту к двум дневникам лег третий дневник. Оба хулигана посмотрели на меня с нескрываемым удивлением. В их понимании я был все-таки приличный школьник. Однако изучение моего дневника повергло их в полный шок. Записи красными и синими чернилами красовались у меня внизу почти каждой страницы. То есть по две, а то и три записи за неделю! Даже без подсчетов было видно, что я намного опередил обоих спорщиков по количеству проступков, за которые полагалась запись в дневнике. "Но почему тебя все равно не считают хулиганом?" - этот вопрос они мне так и не задали, но он легко читался в их удивленных глазах.

Тот дневничок до сих пор лежит у меня на почетном месте. В этой жизни люди всегда гордятся чем-то: кто-то спортивным рекордом, а кто-то - сочиненным романом или полученной за героические поступки медалью. А я помимо прочего горжусь еще и тем самым дневничком: то ли потому, что победил Элькина и Покровского, то ли потому, что столь вдохновенно смог сыграть образ приличного ученика, который не могли разрушить даже регулярные и неоднозначные, мягко сказать, проступки.

Четвертый урок: саботаж

Был в нашей школе преподаватель, который относился ко мне, представьте себе, с симпатией, несмотря на все мои злые проделки. Это был учитель физики. Совсем молодой, чуть старше тридцати, по виду – настоящий ученый: очки, изможденный вид, сумасшедшие горящие глаза. Чего ему не

сиделось в какой-то лаборатории и понесло в школу, общаться с такими балбесами, как я? Звали его Сергей Мохнач.

В общем, физик относился ко мне просто с большой симпатией. А я, к сожалению, не всегда ему отплачивал той же монетой. Тем более, где же еще можно напакастить, как не в кабинете физики, где было навалом всяких интересных приборов?

Вот как-то захожу я в кабинет перед очередным уроком, и вижу на столе прибор, на котором, судя по всему, сейчас ученикам будут демонстрировать какой-то особый физический эффект. В общем, мне, увлекавшемуся тогда радиотехникой, не составило особого труда понять, что именно тут собираются показать. На столе стояла массивная индукционная катушка. Иными словами, обработанная шеллаком (специальным лаком) проволока, скрученная во много витков в кольцо. В середине – дырка. Рядом стоит здоровенный металлический магнит. От катушки тянутся два провода к узкому белому электрическому патрону, в который вкручена небольшая лампочка, вроде тех, которые используют для елочных гирлянд. Патрон находится наверху небольшой вертикальной подставки.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это за прибор. Если уронить магнит в дырку в середине индукционной катушки, то в ней выработается ток, и лампочка на мгновение вспыхнет. Вот и весь немудреный опыт. Сообразив, что к чему, я тут же протянул свои лапы к этому устройству и кое-что в нем подвинтил...

Началось занятие. Мохнач долго рассказывал про индукцию в электрических цепях. Кто-то его молча слушал, другие листали учебник, разглядывая иллюстрации. Еще пара учеников перебрасывалась какими-то записочками. Только я не отрывал глаз от физика и его оборудования, предназначенного для демонстрации индукционного эффекта.

И вот почти к концу урока все объяснения закончились. Физик окинул взглядом всю честную компанию и решительно вызвал к доске Сережу Гольдберга, одного из любимцев

математички. Правда, Сережа и по физике учился довольно прилично (выглядел он тогда, кстати сказать, один в один с известным ныне шахматистом Сергеем Карякиным). Тот вышел к столу, где стояли предметы, приготовленные для предполагаемого физического опыта.

- Сейчас мы сделаем вот что, – начал Мохнач свои пояснения. – Возьмем вот этот металлический магнит и отпустим его так, чтобы он упал внутрь индукционной катушки. Что получится в результате?

- Лампочка загорится, – произнес Сережа Гольдберг даже не для того, чтобы продемонстрировать свои познания. Демонстрировать тут было вовсе нечего, опыт был самый простецкий, и надо было просто ответить, чтобы не затягивать процедуру.

- Да, действительно лампочка на миг вспыхнет. Это произойдет потому, что падающий магнит возбудит в индукционной катушке ток, который пробежит вот по этим проводам и нагреет нить накаливания в лампочке, – подтвердил Мохнач. – Все готовы? Смотрите внимательно! Давай, Сережа! – и Мохнач махнул рукой, санкционируя начало эксперимента.

Гольдберг взял в руку магнит, поднес его к катушке и отпустил, разжав два пальца. Магнит упал с глухим стуком.

Ничего не произошло. Лампочка даже и не думала вспыхивать. Гольдберг не верил своим глазам. Он сгреб магнит уже всей пятерней и еще раз бросил его. Лампочка не подавала признаков жизни...

Мохнач замер и стал внимательнейшим образом разглядывать оборудование. Потом сам взял магнит, поднес к лицу, близоруко сощурился, мгновение поразглядывал его и затем осторожно бросил в середину катушки. Никакого эффекта! Было видно, как по лицу учителя физики побежала тень, которая отражала напряженную работу мысли: "Что не так? В чем тут проблема?".

Весь класс вдруг осознал, что опыт не получается, и очень даже оживился. Ученики с радостными лицами подмигивали

друг другу и отпускали язвительные шуточки по поводу физика. Повод был что надо. Опыт не получился. Отличник Гольдберг не справился с простым поручением и теперь стоял с выражением глупого недоумения на лице. Да и сам Мохнач выглядел не намного лучше. Он тоже никак не мог понять, почему опыт так позорно провалился.

Вообще-то, тут нечему было ломаться. Магнит не мог размагнититься. Катушка была из толстенной проволоки и перегореть никак не могла. Дальше - просто два провода и лампочка. Ну, что тут может не работать?

Но результат был налицо. Точнее, отсутствие результата. Опыт не удался! Наконец взгляд физика случайно упал на меня. Я сидел на передней парте предельно смиренно и всем своим видом пытался показать, что я тут ни при чем. Но, похоже, я слишком рьяно изображал хорошего ученика. Физик начал что-то подозревать. Саботаж? Очень может быть! И он уже с другим выражением лица посмотрел на свое лабораторное оборудование.

Но ломаться явно было нечему. Все детали были предельно простыми и надежными. И все было прямо на виду. Но не работало...

Мохнач стал дотрагиваться руками до каждой части прибора. Он, как будто не верил своим глазам и хотел руками проверить, что та или иная часть его оборудования действительно существовала, а не была каким-то миражом. Со стороны это выглядело довольно смешно. Класс гудел все громче, я же смотрел на Гольдберга и учителя физики со все более заметной усмешкой: "Такая простая неисправность, а вы никак не можете додуматься!".

Наконец очередь дошла до лампочки. Мохнач, уже явно ни на что не надеясь, дотронулся и до нее. И тут его вдруг озарило. Он вцепился в лампочку и с каким-то остервенением сделал резкое движение, закручивая ее в патрон. Лампочка послушно завернулась на пару оборотов.

- Ах вот оно что!!!– воскликнул Мохнач и посмотрел в упор только на одного меня. Взгляд его был при этом не злой, а скорее возбужденный, как у спортсмена, которому никак не удавалось кого-то опередить. И вдруг удалось.

Я даже немного отвернулся и скривил губы. Полчаса искали такую простую неисправность!

Тем временем Сережа Гольдберг схватил магнит и замахнулся над катушкой...

Но тут, как по волшебству, прозвучал звонок. Сережа все равно бросил свой магнит, и лампочка послушно вспыхнула. Но это уже никого не волновало. В этот момент весь класс уже сорвался со своих мест и ринулся вон из помещения. По всему получалось, что опыт надо повторить еще раз в начале следующего часа.

Тут надо напомнить, что школа у меня была не простая, а физико-математическая. В результате, в отличие от простых школ, там уроки физики были не просто по сорок пять минут, а два раза по сорок пять. В институте это называется парой. В школе номер пятьдесят это никак не называлось. Но тем не менее имело место.

Итак, школьники отправились на перемену. А я немного задержался...

Начался следующий урок. Надо было объяснять новый материал. Но ведь опыт-то так и не был поставлен! Мохнач опять вызвал к доске все того же многострадального Сережу Гольдберга.

- Мы не успели показать вам на предыдущем уроке опыт, подтверждающий эффект индукции. Кто-то нам тут "помог!"- тут физик довольно грозно глянул в мою сторону.– Но теперь все в порядке. И сейчас Сергей продемонстрирует вам, как именно проявляется этот эффект. Сережа, давай, показывай!

Гольдберг послушно взял в руки магнит и опустил его внутрь индукционной катушки. Магнит упал, издав все тот же уже хорошо знакомый всему классу глухой стук. Но лампа – не вспыхнула! И Мохнач, и Гольдберг, как по команде, глянули в

мою сторону. Но я изобразил на лице полное непонимание. Гольдберг в ответ немного покривился и уверенным жестом подкрутил лампочку. Выражение его лица было вполне определенное: "Эх, ты, тупица! Опять не нашел ничего умнее, как на переменке открутить лампочку! Что с тебя взять, с убогого!".

Я внимательно наблюдал за своим товарищем по классу. Гольдберг сделал попытку закрутить лампочку. Но та не закручивалась. Точнее, она уже была закручена до упора, и дальше ее крутить было совершенно бесполезно. Надменное выражение сползло с Сережиного лица. Получалось, что он немного поторопился со своими выводами по поводу меня и моего интеллекта.

Мохнач и Гольдберг, каждый по разу, бросили магнит в индукционную катушку. Лампа не желала гореть ни в каком виде. В классе прокатился довольно-таки издевательский смешок. Оба известных "ученых" - преподаватель, и отличник - явно не знали, что делать. Перед ними было предельно простое устройство: катушка, магнит, два проводка и лампочка. И этот самый простейший прибор никак не желал функционировать.

Оба стали еще раз внимательно осматривать все оборудование. Пока Мохнач трогал и шатал каждое соединение, Гольдберг раз пять пытался закрутить лампочку. Но все было безуспешно! Лампочка стояла на своем, и никак не желала подтверждать теоретические выкладки преподавателя. Может, и нет никакого эффекта индукции? Может, учитель физики рассказывает ученикам сказки? Может, все это – что-то вроде алхимии?

Гольдберг даже поднял лампочку вверх и проверил ее на свет. Вдруг она перегорела? Или вдруг этот негодяй Трофимов смог ее как-нибудь испортить? Однако с лампочкой явно все было в полном порядке. Не в порядке было только то, что она не горела.

Я расслаблено откинулся на спинку парты и победоносно оглядел окружающих, по всему выходило, что пакость удалась.

Я смог придумать такое, что в результате два достаточно опытных человека не могли найти неисправность. Наверное, все это напоминало трюки наперсточников. Перед глазами всего три наперстка и шарик. Пара ловких движений руками, и шарик куда-то прячется. А незадачливый прохожий никак не может взять в толк, куда же он заделался.

Сцена поисков неисправности начинала откровенно затягиваться. Мохнач стал заметно нервничать. Надо было объяснять следующий материал. Но если бросить прибор, то придется признать, что простой школьник придумал что-то такое, что он, профессиональный физик, не может никак разгадать. За этим маячила перспектива совсем уж обидных выводов: соревнование интеллектов складывалась не в пользу преподавателя, который только несколько минут назад считал себя самым умным в этой комнате.

Вдруг мне стало жалко Мохнача. Вид у того, действительно, стал совсем уж жалким, губы задрожали, движения стали суетливыми. Еще мгновение, и он был готов признать свое полное поражение. А дальше? Обратиться ко мне с нижайшей просьбой объяснить, почему простейшая штуковина не работает? Это было бы совсем унижительно. Я совсем не желал такого итога истории и уже было подался вперед, чтобы все разъяснить этим бедолагам, но это мое поползновение было прервано самым неожиданным образом.

Пока Мохнач переживал свои бессилие и беспомощность, Сережа Гольдберг предпринимал самостоятельные попытки разобраться, в чем же тут дело. Сначала он разглядывал оборудование. Потом стал его ощупывать. А потом начал чуть ли не обнюхивать и облизывать. Выглядело все это предельно потешно. В результате в классе развернулось настоящее соревнование на самый остроумный и обидный комментарий: "Разве можно доверить этим ученым серьезное оборудование! Они сломают даже самый надежный прибор!"; "С такими мастерами далеко не уедешь!"; "Тоже мне, горе-экспериментаторы!".

Ребята продолжали острить, а тем временем Гольдберг стал обнюхивать лампочку. То ли ему не понравился ее запах, то ли он счел, что лампочка была вовсе бракованная. Однако Сережа полностью вывернул ее и стал рассматривать на свет. Поиски дефекта не дали результата. Тогда Гольдберг обнюхал патрон для лампы, и в конце концов заглянул внутрь.

Надо было слышать, какой радостный рев он издал! Я не мог себе представить, по какому еще поводу стал бы Гольдберг так реветь. Разве что, если бы он нашел на улице десять рублей. Нет, пожалуй, даже целых сто рублей.

Причина рева оказалась довольно простой. Заглянув в патрон, Сережа вдруг обнаружил там небольшой клочок промокашки. Этот клочок изолировал один из контактов, и предыдущие попытки Гольдберга посильнее вкрутить лампочку никак не могли устранить это препятствие.

Я только вздохнул: представление закончилось. А оба незадачливых физика-экспериментатора бросились по очереди опускать магнит в катушку. Лампочка каждый раз исправно загоралась. Наконец до них обоих дошло, до какой степени они глупо выглядели. Точнее, выглядели, как обезьяна, которая, наконец, догадалась, как надо сбить палкой банан и теперь без конца лупила этой палкой направо и налево, издавая радостные вопли.

Физик за эту шуточку не обиделся и не стал записывать мне в дневник никаких замечаний. Он был человек молодой и в силу этого еще мог понять, что хотя по формальному признаку имел место саботаж, а также попытка сорвать как опыт, так и урок, однако на самом деле произошло соревнование интеллектов. И это соревнование, по большому счету, стоило дороже, чем отрицательные последствия школьной шалости. Получалось, что я смог заранее вычислить, что будут предпринимать Мохнач и Сережа Гольдберг, и придумал диверсию, которая была рассчитана на инерцию ума и стремление к шаблонным действиям. А если выразаться почти научно, то я всего лишь продемонстрировал недостатки метода экстраполяции.

Пятый урок: ненависть, погротость, зависть

Учитель физики Сергей Мохнач меня если и не любил, то, по крайней мере мне симпатизировал. А другие учителя? Что за отношение было у них к такому сомнительному типу, как я? Не зря ставлю вопрос именно в подобной плоскости, потому что здесь есть, о чем сказать.

Математичку Зыскинд мы уже упомянули. Она не проявляла ко мне особых отрицательных чувств, но при этом внимательно следила, чтобы я не выбился вперед ее любимчиков. А вот с классным руководителем все получилось совсем плохо. Уж отчего и почему - неизвестно, а только невзлюбила она меня капитально. То ли за унижение, пережитое ею на тех самых выборах, где я сам себя назначил старостой. То ли за то, что папа был генерал, а взятки и подарков ей не приносил. Но только она относилась ко мне с неприязнью, при этом не слишком скрывала свои чувства. В лицо она, конечно, особых грубостей не говорила, но время от времени совершала такие поступки, которые не оставляли сомнений относительно ее отношения ко мне.

Почему так получилось? Тогда я еще не мог сделать каких-то далеко идущих обобщений. Ну, невзлюбила, и ладно. Но потом, уже по прошествии многих лет, я обнаружил, что у меня в жизни на любом ее этапе рядом всегда находился какой-нибудь человек, который вот так же меня открыто и люто ненавидел. Такой человек находился всегда! Откуда они брались, и что такое во мне вызывало у них ненависть? Сказать честно, я не знал и не знаю до сих пор. При этом я не припоминаю каких-то ясных эпизодов, из-за которых меня можно было невзлюбить, тем более, не скрывая этого чувства. Может быть, я всегда вел себя слишком раскованно? Отпускал налево и направо всяческие шуточки, высказывал своеобразные суждения,

которые, как правило, сводились к тому, что я выставял кого-то полным дураком? Может быть. В общем, тут тоже была какая-то своя особая система, которую я так и не смог до конца постичь.

Вернемся, однако, к нашей Семижон. В общем-то, я никак особо не реагировал на ее отношение, просто принимал к сведению, и только. Однако уже в десятом классе выяснилось, что если я собираюсь поступать в МГИМО, то должен получить уже упомянутую рекомендацию высоких партийных органов. Но такая рекомендация была невозможна без характеристики. А откуда должна была взяться характеристика? Ей было совершенно неоткуда взяться, кроме как из родной школы. А если быть точным, ее должна была дать именно классный руководитель.

Когда Семижон об этом узнала, она просто взвыла на весь класс:

- Положительную характеристику? Кому? Этому? Да он еле-еле в школе успевает, с тройки на четверку перебивается! Ведет себя плохо, общественной работой не занимается. Какая еще ему характеристика?! Какую заслужил, такую и дам!

Семижон была неправа по поводу общественной работы, я все-таки был старостой и членом комитета ВЛКСМ школы, не говоря уж про разовые акции типа похода по квартирам пострадавших на войне евреев. А что касается школьных отметок, то у меня были только четверки и пятерки. Единственную тройку я получил лишь по сочинению и то намного позже этой пылкой речи Семижон. Причем тройку я получил при любопытных обстоятельствах, и об этом следует отдельно рассказать.

Я сидел на своей парте и писал выпускное экзаменационное сочинение. Хорошо ли, плохо ли, но только я его все-таки написал и, в общем, был в тот момент доволен своим трудом, поскольку работал по самой простой схеме: сложных оборотов избегал, сомнительные тезисы не использовал. В общем, можно было твердо рассчитывать на хромую четверочку. К тому моменту, когда я уже закончил проверку текста, неожиданно ко

мне подседа сама Семижон. Дамой она была грузной и еле втиснулась в стандартную школьную парту.

Такого я совсем не ожидал. Я просто не мог припомнить, чтобы Семижон когда-либо позволяла себе такую фамильярность, как подсесть на парту к Володе Трофимову. Все это было очень удивительно. Мало того, когда Семижон окончательно втиснулась за парту, на ее лице играла довольно-таки благожелательная улыбочка, которую применительно к себе я до этого не видел никогда.

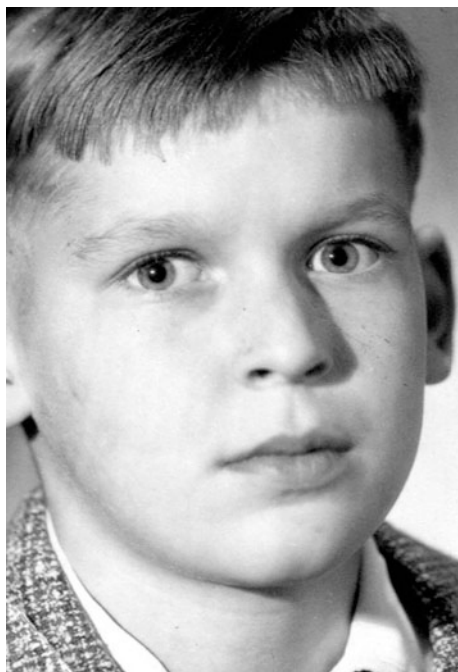
Училка без обиняков взяла мою тетрадь, стала читать текст и тут же начала указывать мне на грамматические ошибки. Все это было очень неожиданно! Откуда вдруг такая доброта? Тем не менее, я не растерялся и начал вполголоса с ней спорить. По моим меркам, она исправляла гарантированно правильное написание на спорное.

- Ты слушай меня, а то получишь тройку, а то и двойку! Ты что, сомневаешься в моих советах? Тогда сам пиши! Я заинтересована, чтобы у моих учеников были хорошие отметки по сочинению!— наконец проговорила она скороговоркой вполголоса.

Последний аргумент на меня все-таки подействовал, и я послушно внес исправления. Каково же было мое изумление, когда я узнал, что получил за это сочинение, предварительно исправленное собственным классным руководителем, преподававшим мне русский язык и литературу, не пятерку, а жирную тройку, граничившую с двойкой. У меня просто не было слов, с такой человеческой подлостью я тогда столкнулся в первый раз в своей жизни. Но не в последний.

С характеристикой тоже вышла целая эпопея. Семижон уперлась насмерть: "Ни за что не дам! Только отрицательную!". В конце концов, дело вышло на общешкольный уровень. Было созвано аж отдельное партийное собрание. На мое счастье Семижон не была членом КПСС. Ее пригласили на это собрание как беспартийную и что-то ей там такое наговорили, что она выскочила вся пунцовая и тут же, еле скрывая бешенство,

подписала хорошую характеристику. И вы хотите, чтобы после всего этого я не любил Коммунистическую партию Советского Союза?

Глава 11. Курилы

Как известно, японцы претендуют на острова южной части Курильской гряды. История с Курилами достаточно давняя и хорошо известная. Изначально давным-давно там жила народность по названию айны. С семнадцатого века эти земли попали в поле зрения как японцев, так и россиян. Составлялись карты, высаживались экспедиции. 7 февраля 1855 года Япония и Россия заключили так называемый Симодский трактат, согласно которому Итуруп, Кунашир, Шикотан и острова Хабомаи отходили к Японии. 7 мая 1875 года между Японией и Россией было заключено еще одно соглашение – Петербургский договор. Согласно ему России отходил весь Сахалин. В обмен на это Россия признавала за Японией права на все Курильские острова.

В 1905 году по итогам Русско-японской войны Россия уступила Японии часть Сахалина, а 20 января 1925 года СССР и Япония подписали Пекинский договор, согласно которому Советский Союз с определенными оговорками, но признавал результаты Русско-японской войны 1905 года.

Наконец, в 1951 году был заключен Сан-Францисский мирный договор, согласно которому Япония отказалась от всех прав, оснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.

Конечно, в Сан-Францисском мирном договоре было бы лучше более четко сформулировать, о каких именно островах шла речь. Собственно говоря, советская делегация и пыталась это сделать, но предложение СССР было отвергнуто. Советский Союз отказался от участия в этом договоре. И тогда, сразу после окончания Второй мировой войны никто не предполагал, что когда-либо побежденная Япония начнет оспаривать ее итоги. Казалось, что Япония повержена безвозвратно, а победа в войне неоспорима. Однако именно это и произошло: теперь Япония

утверждает, что от островов южной части Курильской гряды она никогда не отказывалась, а СССР (а теперь и Россия) занимают их совершенно незаконно.

Понятно, что в таких делах многое зависит не только от буквы тех или иных международных соглашений, но и от экономической, политической и военной мощи соответствующих стран. Если страна сильна, то ее права сложно оспорить. Такая страна может пренебречь притязаниями других государств, даже если они формально обоснованные. Но если страна ослабла, то можно не сомневаться: претензии тут же появятся, пусть даже формально и недостаточно весомые.

Именно это и произошло после распада СССР. Япония не просто стала более настойчиво требовать вернуть ей Курилы. Она стала предпринимать самые различные практические действия, призванные подтвердить обоснованность ее притязаний. Еще чуть-чуть, и, кто знает, японцы могли и вовсе отважиться на захват островов с помощью силы.

Андронов

Однако какой была государственная политика СССР, а затем и России в отношении Курил? Об этом подробно и точно рассказал известный советский и российский журналист, депутат Верховного Совета России Иона Андронов в своей книге "Под огнем от Афгана до Москвы. Мемуары" ("Моя война"). Позволим себе упрощенный пересказ, это будет полезно.

Итак, в марте 1991 года в Москве появился лидер правящей в Японии либерально-демократической партии Итиро Одзава и дважды встретился с Михаилом Горбачевым, Президентом СССР. Одзава сообщил, что Япония готова инвестировать в экономику Советского Союза 28 миллиардов долларов в обмен на передачу ей Кунашира, Итурупа, Шикотана и архипелага Хабомаи. Визит Одзавы был подготовлен. Перед встречей с

Горбачевым он встречался с министром иностранных дел СССР Шеварднадзе, который пообещал передать острова японцам.

В апреле того же года Михаил Горбачев посетил Токио, где обсуждал вопрос о передаче Японии Курильских островов. При этом новый министр иностранных дел СССР Бесмертных заявил буквально следующее: "Между какими островами пройдет советско-японская граница, будет зависеть от наших возможностей и способностей, существующих реалий". Однако содержание тайных переговоров попало в прессу, разразился скандал и передача островов затормозилась. Единственно, Горбачев все-таки успел заявить, по сути, о равных правах СССР и Японии на острова южной части Курильской гряды.

Дальше японцы переговаривались уже с Ельциным. У того имелся план из пяти пунктов по поэтапной передаче Южных Курил Японии. Первый этап – Верховный Совет России признает наличие территориальной проблемы с Японией. Второй этап – учреждение свободной экономической зоны на Южных Курилах. Третий – демилитаризация островов. Четвертый – подписание мирного договора с Японией. А пятый этап – либо совместный контроль над островами, либо

провозглашение их "нейтральной зоной", либо передача островов Японии (Не правда ли, есть сходство этого плана с нынешней позицией России по Курилам? Территориальную проблему признали. Дали согласие на безвизовый въезд японцев на острова. Сказали, что нам зачем-то нужен мирный договор).

В октябре 1991 года министр иностранных дел Японии Накаяма приехал в Москву с предложением сократить время реализации указанного ельцинского плана с пятнадцати лет до одного года. Ельцин в ответ предлагал сократить сроки до семи лет. Была образована специальная группа российских и японских дипломатов, которая должна была заниматься "ускорением" решения вопроса о передаче островов. Группу возглавлял небезызвестный Георгий Кунадзе, тогда занимавший должность заместителя министра иностранных дел России.

В переговорах о передаче островов участвовал и председатель Комитета по международным делам Верховного Совета России Владимир Лукин. Помогала ему в этом, в том числе, и небезызвестная Ирина Хакамада, ставшая министром в правительстве Ельцина, а также сам министр иностранных дел России Андрей Козырев.

Лукин и Козырев направили Ельцину письмо, в котором излагали план передачи островов японцам в течение 1992 года. На документе появилась виза Ельцина: "Надо обсудить". Там же расписался и госсекретарь Бурбулис. План включал визит Ельцина в Японию. Кстати, на документе имелась также подпись Руслана Хасбулатова.

В январе 1992 года Ельцин в Нью-Йорке встретился с премьер-министром Японии Миядзавой, который после встречи объявил, что Япония вскоре приступит к "раздаче российским переселенцам видов на жительство".

В мае 1992 года в Москву приехал новый министр иностранных дел Японии Ватанабэ, который обсуждал с Ельциным уже упомянутый план Козырева и Лукина по передаче японцам архипелага Хабомаи и Шикотан с

одновременным признанием японского суверенитета над Кунаширом и Итурупом.

Благодаря усилиям Ионы Андропова российские документы по передаче островов удалось обнародовать, а злодейский план - поломать. Иона Андронов организовал также коллективный запрос депутатов Верховного Совета России Ельцину, в котором раскрывались намерения по передаче островов Японии. Гласность помогла, возстала российская общественность. В результате визит Ельцина в Японию был отменен.

Незамедлительно после расстрела Белого дома Ельцин все-таки посетил Токио, где подписал Токийскую декларацию о "законности и справедливости" территориального диспута "по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи". Ельцин также распорядился о выводе вооруженных сил России с этих островов.

В ноябре 1997 года Ельцин в Красноярске встретился с японским премьер-министром Хасимото. Было объявлено, что к 2000 году Россия и Япония заключат мирный договор. К этому сроку Ельцин пообещал Хасимото передать южные Курильские острова. Более того, Ельцин разрешил японцам заниматься рыболовством в двенадцатимильной зоне вокруг южных Курил.

Весной 1998 года Ельцин вновь посетил Токио. Осенью того же года в Москве состоялась встреча Ельцина и нового премьера Японии Кэйдзо Обути. Была сформирована российско-японская "подкомиссия по пограничному размежеванию".

Браконьеры

На самом деле японцы браконьерничали у южных Курильских островов еще с шестидесятых годов прошлого века. И этот незаконный промысел изначально являлся частью японской внешней политики. Технология была следующей: Япония поощряла такое браконьерство и страховала рыболовные шхуны. А японские рыбаки плавали к нашим островам на старых, почти списанных судах. Кого-то

пограничники ловили, суда конфисковывали. Японцы возвращались домой, получали там страховку и на нее покупали новое рыболовное судно.

Браконьерство было выгодным, а потому массовым. Ну, разве можно всех переловить? В результате получалось, что Япония своими фактическими действиями постоянно подтверждала свои претензии на острова. Во времена СССР всей этой деятельностью можно было пренебречь. Фактически изменить статус островов японцы были не в силах. Японские рыбаки занимались незаконным промыслом, советские пограничники их ловили. И так продолжалось бесконечно.

Другое дело – после распада СССР. Тут Россия фактически стала утрачивать эффективный контроль над островами. В этот период браконьерство уже стало приобретать новое содержание. Затея японцев была понятна: пусть у России есть формальная власть над островами, но фактическая-то власть всё ослабевает! Японцы стали особо активно поощрять браконьерство. При этом возможности наших пограничников всё больше и больше сокращались: бензина нет, катера старые, опытные кадры уходят. Браконьеры орудовали всё наглее.

Видимо, если бы все это так и продолжалось, то, в конце концов, наступил бы момент, когда пограничники их вовсе перестали ловить. Тем более что Ельцин открыто проводил политику сокращения российского присутствия на островах. В сущности, на горизонте замаячил вполне реальный вариант, когда японцы могли начать фактический захват островов.

Нужно ли говорить, что мне вся эта история с Курильскими островами и японским браконьерством предельно не нравилась? Мне еще в Верховном Совете России, до танкового расстрела, удавалось активно помогать депутатам бороться против передачи островов. И мне было предельно понятно, что хотя линия на передачу островов и являлась предательской, тем не менее, это была официальная линия российского государства. Настолько официальная, что за ее саботаж запросто могли посадить в тюрьму. Так, в один прекрасный день к уже

упомянутому выше депутату Верховного Совета России Ионе Андронову заявился следователь ФСБ. Он пришел в кабинет Андропова в Верховном Совете, представился, показал удостоверение, присел к столу и раскрыл папочку. Немного подглядывая в нее, сообщил, что в отношении Андропова может быть возбуждено уголовное дело, поскольку он подозревается в измене Родине. Вот так, не больше и не меньше, а именно: в измене Родине!

В чем же конкретно состояло это обвинение? Незадолго перед этим Иона Андронов обнародовал уже упомянутый выше пятиэтапный план передачи островов Японии, подписанный Андреем Козыревым и Владимиром Лукиным и завизированный лично Ельциным и Хасбулатовым. И следователь утверждал, что поскольку документ был секретный, то Андронов, обнародовав его, тем самым нанес ущерб интересам своей Родины.

Круто? Тот, кто не дает торговать территорией своей страны, – изменник Родины! Это теперь легко рассуждать про те времена. Кого ни спроси, всяк скажет, что вот он-то голосовал против Ельцина. И кого ни спроси, все были патриотами, спасавшими страну от либералов и американцев. А на самом деле даже из депутатов Верховного Совета, защищенных, между прочим, иммунитетом, нашлось совсем немного тех, которые рискнули открыто выступить против Ельцина и всей его бандитской своры.

Итак, между следователем и депутатом состоялся обмен мнениями. Андронов высказал следователю все, что было надо. По логике следователя получалось, что отдавать острова Японии – это не измена Родине. А публично заявить об этом – измена? К тому же, предъявляя обвинение, следователь тем самым подтверждал, что такой секретный документ действительно существовал. Все это могло звучать комично, если бы не было трагично.

В конце концов, следователь убрался восвояси. Но убрался, конечно, не потому, что ему было стыдно отстаивать интересы

Ельцина и его клики. А потому, что Андронов был защищен депутатским иммунитетом. Только этот иммунитет и спас его тогда от тюрьмы.

Однако я никаким депутатом не являлся, и иммунитетов у меня не было. Саботаж политики президента Ельцина на передачу островов Японии – это было уголовное преступление с самым тяжелым сроком. Так что надо было придумывать какие-то варианты, чтобы не влипнуть в тюремную историю (вместо Андропова!).

Законопроекты

Нежданно-негаданно мне подвернулся шанс совершить очередной акт саботажа против политики собственного государства. В Думе подошла очередь для разработки законов об экономической зоне и о континентальном шельфе. Собственно говоря, проекты были в общих чертах сформулированы ещё в Верховном Совете, но довести их до готовности в силу понятных причин:– развернувшиеся под окнами военные действия, стреляющие танки, не представлялось возможным. После расстрела эти проекты первоначально попали в Думу в Комитет по международным делам, но Лукин не горел желанием ими заниматься. Не рвался и я: было много других интересных дел. Хотя, конечно, вполне мог, все-таки всю жизнь занимался международным морским правом, был доктором юридических наук и к тому же много лет в составе советской делегации участвовал в переговорах по созданию международной организации по эксплуатации ресурсов морского дна на основе Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

На самом деле у меня хватало знаний, чтобы просто сесть и за неделю написать проекты так, чтобы они прошли, по крайней мере, первое чтение. Но вот не хотел я возиться со всеми мелочами, касавшимися рыболовства и континентального шельфа! Неинтересно!

Наконец, в один прекрасный день состоялось совещание у первого заместителя председателя Госдумы Митюкова (а председателем Госдумы был тогда небезызвестный Рыбкин). Стали думать и гадать, какими законопроектами будут заниматься те или иные комитеты. На два указанных законопроекта (об экономической зоне и о континентальном шельфе) стал претендовать Леша Митрофанов, которому дали создать свой собственный Комитет по геополитике. Название, конечно, дурацкое, хоть и довольно-таки расхожее. Геополитика в изначальном смысле предполагала, что географические границы предопределяют и внешнюю политику государства. Какой-то смысл в этой идее имелся, но в целом такой подход был несовременным, устаревшим. Теперь уже изобретены и построены такие технические средства, такое изощренное оружие, что конфигурация границ и их состав (сухопутная или морская) не очень-то сказываются на внешней политике.

Но вот почему-то это словцо понравилось тогда Леше. Его поддержал Жириновский, во фракции которого и состоял Митрофанов. В результате был создан отдельный Комитет по геополитике, который должен был заниматься стратегическими международными вопросами.

И вот Алексей, который был помоложе меня, лично заявился ко мне в кабинет и слезно попросил, чтобы эти два закона отдали именно ему. Я спорить не стал, тем более что Леша был мне симпатичен. А еще симпатичней мне казалась старшая сестра Леша – Эльвира, просто Эля, моя однокурсница по МГИМО. Она тоже избралась в Думу в составе ЛДПР. Короче, мы с Алексеем тогда довольно легко договорились.

В результате на упомянутом выше совещании у Митюкова эти два законопроекта так и были записаны за комитетом по геополитике. Там нашли ученого со стороны, который и стал ими заниматься. Это был Геннадий Михайлович Мелков. Работа над текстами, по моим меркам, была организована ужасно. Для начала проводилось совещание с участием представителей всех заинтересованных министерств и ведомств. А их, этих министерств, было немало, тут и МИД, и пограничники, и ФСБ, и таможня, и геологи, и рыбаки. Дальше обсуждалась какая-то статья законопроекта. Все высказывали свои замечания, Мелков их записывал. Потом через неделю проводилось новое совещание. Мелков давал новый текст с учетом замечаний. Тут оказывалось, что кто-то не согласен. Возникла новая поправка. Ее обсуждали на следующем совещании. Опять кто-то возражал. И так продолжалось до бесконечности...

Конечно, надо было работать иначе. Руководить процессом должен был человек с большим авторитетом и знаниями. Он должен был сам написать единый гармоничный текст, который был бы близок к оптимальному. Потом он должен был убедить всех представителей министерств, что они смогут внести свои замечания между первым и вторым чтением. И после надо было просто выносить проект на Думу, вот и все. Никаких бесконечных совещаний и поправок. Все можно было сделать за месяц – другой.

Наконец, через пару лет оба проекта были более или менее доработаны и встал вопрос о внутридумском согласовании. Оно было необходимо по Регламенту Госдумы. Точнее, поскольку

вопросы затрагивали международную политику, оба законопроекта должны были быть согласованы с Комитетом по международным делам.

А, надо отметить, Лукин сильно не любил Митрофанова! Наверное, тут скорее сказывалась какая-то ревность: что еще за параллельный комитет, который тоже занимается международными делами?! В результате Лукин вредил Алексею при каждом удобном случае. И в данном случае запросто могло случиться так, что Лукин попросил бы меня высказать какие-нибудь такие замечания, чтобы зарезать оба проекта и выставить Митрофанова полным дураком.

В итоге оба законопроекта прислали в Комитет по международным делам на согласование. Я задумчиво листал тексты, просматривал те или другие статьи. И вдруг мой взгляд остановился на статье, в которой описывались полномочия органов охраны. Там было написано, что эти органы охраны (то есть конкретно пограничники) могли вести по нарушителям только предупредительный огонь. При этом ведение огня на поражение не предусматривалось.

Такой порядок – вести только предупредительный огонь – существовал в законодательстве СССР испокон веков. Если речь шла о территориальном море, то там, пожалуйста, стреляй, как хочешь. Но если надо было задержать браконьеров-рыбаков, то тут огонь на поражение был запрещен.

Объяснение такому порядку тоже существовало. Ведь в 1982 году была принята Конвенция ООН по морскому праву. А она не предусматривала ведение огня на поражение в рыболовной (экономической) зоне. Можно было задержать нарушителя (Но как, если он не слушается?), провести разбирательство. Можно было выписать штраф. Но держать экипаж в тюрьме было запрещено. Он подлежал освобождению незамедлительно после получения залога.

Но если ты не можешь стрелять, а нарушитель уходит, пользуясь более мощным мотором? И не боится задержания,

зная, что тюремного срока не будет? Понятно, что при таких правилах японцы вовсе распоясались вокруг Курил.

Итак, введение порядка, предусматривавшего стрельбу на поражение, совершенно определенно противоречило международно-правовым правилам, вот его и не вводили ни в СССР, ни в России, чем в полной мере пользовались иностранные браконьеры. Они были уверены, что их жизнь вне опасности. А судно можно получить и новое. По страховочке!

Лукин и Митрофанов

- А что, если воспользоваться враждебным отношением Лукина к Митрофанову? И под эту марку отогнать японских браконьеров к чертовой матери от Курильских островов?

В общем, через пару дней я сидел напротив Лукина. Тот внимательно разглядывал подготовленный мной проект ответного письма Леше Митрофанову. Письмо было довольно короткое. В нем предлагалось внести в статью о правах должностных лиц органов охраны изменения, согласно которым эти органы могли применять против нарушителей закона оружие на поражение. Формула была более сложной и многословной, но суть дела сводилась именно к этому.

Все! Больше в письме не содержалось ни слова. Там не было слов, что Комитет по международным делам не возражает против проекта закона, подготовленного Комитетом по геополитике. А Лукин именно эти слова и искал. Точнее, Владимир Петрович искал, чтобы такого согласия в подготовленном проекте не было. Их и не было.

- А чего так мало замечаний? Неужели там нет недостатков?— скривился, наконец, Лукин и взял в руки авторучку.

- Владимир Петрович! Они все-таки больше года выработывали проект с участием всех министерств и ведомств! Текст составлен довольно аккуратно, к ним трудно придраться так, чтобы это не выглядело необоснованной придиркой. Но вот

по вопросу об оружии у них серьезные противоречия. И если мы так напишем, у Митрофанова будут значительные проблемы.

После долгих раздумий Лукин удовлетворился таким моим объяснением и подписал. Для него было важно не давать на Митрофановский проект согласия в целом.

Мне того и надо было. Я так и рассчитал, что Лукин будет больше всего заботиться о том, чтобы не дать положительного заключения на проект закона, чтобы не было слов, что Комитет по международным делам не возражает против вынесения законопроекта на первое чтение. И, конечно же, в результате Лукин проглядит вопрос о применении оружия. Откуда ему было знать такие тонкости международного морского права? И как с ходу сообразить, какие это последствия повлечет для каких-то там далеких Курильских островов и зловредных японцев?

Я отправил Митрофанову подписанное Лукиным письмо и, если сказать честно, даже забыл о нем, искренне полагая, что Комитету по геополитике теперь будет некуда деваться и придется вписать формулу о применении оружия на поражение. Каково же было мое удивление, когда через месяц к нам вновь пришел запрос от Митрофанова. Тот опять просил дать согласие на проект. И, что самое удивительное, к письму прилагался проект закона об исключительной экономической зоне, в котором не было ни слова про оружие и его применение на поражение!

- Вот это да! Неужели Леша так ничего и не понял?— я встал, взял полученное письмо и решительно направился прямо в кабинет к Митрофанову, который находился парой этажей выше.

У Лешиного кабинета, как всегда, стояла толпа. Это были в основном деятели, которые хотели дать ход придуманным ими планам по стратегическому переустройству международных отношений. Между ними сиротливо ютились какие-то полубомжиного вида попрошайки.

Я, не глядя на всех этих просителей, решительно открыл дверь и шагнул внутрь. Леша сидел за своим председательским столом под флагом Российской Федерации и что-то горячо обсуждал с посетителями, по виду похожими на бывших военных. Они тут же замолкли и вопросительно обернулись на меня. Я лишь коротко кивнул Митрофанову и протянул ему только что полученное письмо: "Что это?".

- Володя! А почему вы не даете нам положительного заключения? Ты там должен объяснить Лукину, что закон хороший! Пусть ясно напишет, что согласен!

Я в ответ только презрительно скривил губы. Разговор о положительном заключении был просто несерьезным. Алексей сам прекрасно знал, что Лукин никогда ничего подобного не подпишет.

- Леша! Больше, чем это, Лукин не подпишет! Считайте, что это и есть наш положительный ответ. Но вы должны вписать формулу о применении оружия на поражение.

- Зачем вам эта стрельба на поражение?! Мой Мелков решительно возражает против этого! Это противоречит нормам международного права! Он мне сам показывал текст Конвенции ООН по морскому праву. Там нет никакого права стрелять и убивать. Зачем тебе все это нужно?

- Леша, ну, если я это вписал, то, наверное, зачем-то мне это нужно! К чему ломать копыя из-за такого пустяка? Бери наше письмо и рассматривай его как согласие нашего комитета. Но ты должен внести в проект наше предложение без изменений. И получится, что у нас единственное замечание. А вы его учли. Вот и выходит наше согласие. А Мелкова пошли, пожалуйста, подальше, прямо на х...!

Услышав эти слова насчет Мелкова, сидевшие в кабинете посетители слегка вздрогнули. Они тут обсуждают, как обеспечить мировое господство России. Вдруг заявляется какой-то непонятный тип и предлагает председателю комитета Государственной думы послать явно уважаемого человека (доктора наук, профессора) на три буквы!

Митрофанов сильно задумался. Пауза затягивалась. Наконец, Алексей в знак согласия молча протянул мне руку. Беседа была закончена. Судьба японских браконьеров (а может быть, и южных островов Курильской гряды) была решена, по крайней мере, на время.

Мелков, конечно, был формально прав, вписывать в закон формулу про стрельбу на поражение было нельзя. Были некоторые страны, которые пытались стрелять по рыбакам. Такой эпизод случился, в частности, в аргентинской рыболовной зоне. Понятное дело, что аргентинцев склоняли по всем падежам за то, что они продырявили какую-то иностранную посудину. Но разговорами так дело и закончилось.

Я точно так же понимал, что за применение оружия в России выступят все силовики, таможенники, пограничники, рыбоохрана. Им всем противостоял один единственный профессор Мелков со своим международным правом и предполагаемым осуждением "цивилизованного" мира. Но теперь его сопротивление было сломлено. Законопроект должен был пойти на пленарное заседание на утверждение в первом чтении. И уже после этого текст о стрельбе выкинуть было невозможно. Это был принципиальный вопрос, и его после первого чтения по Регламенту Думы было нельзя пересматривать.

Так оно, в конце концов, и получилось, закон об исключительной экономической зоне России был принят и подписан Ельциным. Никто в ельцинской администрации так и не сообразил, какие именно последствия влекла эта формула о стрельбе по нарушителям.

А последствия случились самые определенные. Оказалось, что теперь японские власти должны были страховать не только сети и лодки японских браконьеров. Теперь надо было страховать и их жизни! А это резко меняло всю ситуацию, ведь страховка становилась непомерно большой. Мало того, каждый убитый рыбак – это не только расходы по компенсации семье потери кормильца, это еще и большой политический шум.

Рыболовное соглашение

Браконьерство у Курильских островов прекратилось, что называется, в один день. Кажется, никто у нас так и не понял, что именно произошло. Просто японские рыбаки перестали к нам заплывать и браконьерничать, вот и все. А почему и отчего – кто их поймет, этих странных япошек! Никто ко мне не предъявил никаких претензий за вредительство и подрыв генеральной политической линии президента и правительства, а также за нарушение требований международного права. Не подняли шума и иностранцы. Похоже, они сами удивлялись, отчего россияне не вводят жестких мер и не ставят японцев на место.

Однако на этом борьба вокруг островов, к сожалению, не закончилась. Браконьеры от островов ушли, но претензии никуда не делись. И японцы начали уговаривать Россию разрешить им ловить рыбу у островов на законных основаниях. Предложили за это приличные деньги. Конечно, уважающая себя страна послала бы подальше японцев с такими предложениями. Разрешили бы ловить своим рыбакам и продавать потом улов в Японию, вот и все. Но так могла поступить нормальная страна, но только не Россия, с Ельциным и демократами-либералами во главе.

Итак, японцы провели соответствующую работу. С кем конкретно, трудно сказать. Наверное, действовали через ближайшее окружение Ельцина, а может быть и через премьера Черномырдина или министра иностранных дел Примакова. Только в результате Япония заключила с Россией соглашение, разрешавшее японцам вести промысел у южных Курильских островов. Причем соглашение серьезно отличалось от обычных рыболовных соглашений подобного рода. В тексте содержалась формулировка, из которой явствовало, что правовой статус островов отличается от статуса суверенной российской территории. Россия как бы косвенно признавала, что есть

обоснованные основания сомневаться в нашем суверенитете над островами. У японцев кто-то за это соглашение явно получил медаль или орден. У нас, видимо, тоже. От японцев.

Ясно, что соглашение, затрагивавшее основу фундаментальных прав России на эти острова, без каких-либо сомнений подлежало ратификации. И именно по этой самой причине никогда эту ратификацию не прошло бы. Но именно поэтому соглашение и не предусматривало ратификации и вступало в силу с момента подписания! Конечно, и в правительстве, и в МИДе сидели не малограмотные деревенские парни, которые не понимали, что делают. Очень даже понимали! Потому и не прислали подписанный текст в Думу, хотя бы для сведения. Но, как всегда, все тайное когда-нибудь становится явным. Какие-то доброхоты-энтузиасты нажаловались депутатам, а заодно передали и злополучный текст.

В конце концов, соглашение притащили и ко мне. Решай, что будем дальше делать!

Формально никакой возможности у Думы отменить это соглашение не было. Как заставить правительство вынести его на ратификацию? Никак! Президент и правительство хотели передать острова Японии и делали все, чтобы добиться этой своей цели и не дать проклятой "красной" Думе им помешать.

На самом деле способ помешать правительству все-таки имелся. Надо было принять постановление Госдумы, в котором потребовать от правительства вынести его на ратификацию. Смысл в таком шаге был. Ясно, что такое постановление в правительстве просто проигнорируют, но его принятие все-таки повлекло бы формальные последствия, ведь было понятно, что через какое-то количество лет японцы выложат соглашение на стол и заявят, что Россия сама признала их права на острова, пусть и косвенно. В таком случае можно будет в ответ выложить на тот же стол постановление Госдумы и заявить японцам, что соглашение нельзя принимать в расчет, так как парламент осудил его и потребовал ратификации. Конечно, такое заявление не было бы стопроцентным аргументом. Но хоть каким-то

аргументом "против"! Ход с постановлением был ещё хорош и тем, что мы отмежевывались от рыболовного соглашения юридически, но оно продолжало бы действовать, и японцы по нему продолжали платить нам приличные деньги, а свои права на острова не очень-то и подтверждали.

Так уж получилось, что проект этого постановления был подготовлен одновременно и мной в Комитете по международным делам, и Комитетом по геополитике. Получилось два конкурирующих варианта. Просто Митрофанов как-то прознал про мой проект и подготовил почти такой же свой.

Лукин в это время был в отъезде, его обязанности временно исполнял депутат Столяров. Он был во фракции "правящей" партии, но, если быть честным, международных тонкостей вовсе не понимал. Я, как всегда, руками космонавта Севастьянова внес проект на утверждение на заседание комитета, и все депутаты тут же проголосовали за него как за основу. При этом мне поручили доработать документ.

Тут заявился сам Лукин. Мне казалось, что формально он, вроде бы, уже поделаться ничего не мог, проект был проголосован членами комитета, все аргументы высказаны. Как тут его замылишь? Но я недооценил Лукина. Судя по всему, он руки не опустил, а тут же поставил в известность кого надо. Американцев и японцев, кого же еще?! Те "нагнули" кого-то в администрации Ельцина. И через какое-то время Лукину позвонили по высокому кремлевскому телефону. Звонок был настолько высоким, что Лукин даже не стал собирать комитет, а просто прошелся по ключевым депутатам и объяснил, что проект надо снять. И те согласились! Вот это звоночек!

Я, понятное дело, даже не стал вникать во все эти детали. Не хотите – не надо! Тогда проект постановления внесет Леша Митрофанов! Но Леша через своего руководителя аппарата вдруг уведомил меня, что тоже снимает свой проект. Кто же должен был так на него надавить, если он, достаточно оппозиционно настроенный к власти, согласился отказаться от

вопроса, касавшегося прав России на южные Курильские острова?!

Я собирался на следующий же день зайти к Митрофанову и выяснить все досконально, было очень любопытно, какие такие шестерни государственной машины пришли в движение и вмешались в мою тайную подрывную борьбу против политики президента и правительства Российской Федерации (рыболовное соглашение было межправительственным).

Однако, как известно, люди предполагают, а Господь Бог располагает. "Следующего дня" в силу некоторых особых обстоятельств у меня просто не случилось. Однако, как говорят, это была уже совсем другая история...

Глава 12. Козырев

Дружба

Был у меня приятель - Миша Карпов. Встретились и подружились мы, по сути, случайно. Миша, считай, наугад позвонил и попросил меня сочинить статью в газету на международную тему. А мне и самому хотелось что-то такое написать. Постепенно творческое сотрудничество переросло в дружеские отношения.

А история эта начиналась так: была такая газета под названием "Независимая". Она выходит до сих пор, однако не всегда с ней было все так хорошо. Как-то уж так произошло, а только в "Независимой" случился кризис. Часть журналистов восстала против редакционной политики, которую проводил главный редактор Виталий Третьяков. Конфликт кончился тем, что несогласные ушли и организовали свою собственную газету. Осталось не так много людей, кто поддержал Виталия, среди них был и Миша Карпов. В результате Миша стал заместителем главного редактора и возглавил в газете отдел, который занимался международными вопросами.

Карпов и сам писал на международные темы. Но одного человека – мало. Впрочем, постепенно люди набрались, появились и интересные темы, и статьи. Среди таких людей, которых Миша Карпов привлек для работы в газете, оказался и я.

Мне всегда нравилась журналистика. Но одно дело написать в незнакомую газету и ждать, одобряют или нет. И другое дело – писать в газету, где тебя уже хорошо знают и где тебе доверяют. Доверяют – это очень важно, пишется совсем иначе. Впрочем, я был не абы каким автором, а был близок к реальному механизму формирования российской внешней политики и знал не понаслышке всю эту кухню.

Я, как мог, старался разоблачать всевозможные тайные поползновения ельцинских прихвостней. Публикации в "Независимой" как нельзя лучше подходили для этого дела. Иногда мои статьи содержали информацию, в которую невозможно было поверить, но и Карпов, и Третьяков мне доверяли, а я в свою очередь очень ценил их доверие и ни разу не подвел.

Сотрудничество дошло, считай, почти до уровня профессиональной журналистики. Был случай, когда в одном номере газеты было одновременно опубликовано аж три мои статьи: одна под своей фамилией, а две – под псевдонимами. А разок Третьяков вручил мне майку с логотипом "Независимой" в качестве награды за лучшую статью месяца.

Неудивительно, что наступил момент, когда между мной и Мишей установились неформальные отношения. Мы стали заходить друг к другу в гости, ну, и вообще делать все то, что обычно делают хорошие приятели.

Как-то раз в гостях у Миши мы с супругой застали интересного гостя, это был старший брат небезызвестного Анатолия Чубайса – Игорь Чубайс. Нельзя сказать, чтобы Миша Карпов был уж очень какой-то прозападный либерал, но он в силу своей профессии, понятное дело, выступал за свободу слова и был довольно терпим к убеждениям своих друзей, в том числе и старшего из братьев Чубайсов.

Похоже, что между братьями не было полного взаимопонимания: Анатолий превратился в известного политика, а старший брат таковым не стал, хотя, судя по его словам, на начальном этапе на политическом поприще они работали достаточно тесно. Но вот одного судьба вынесла наверх, а второго – считай, забыла.

Гарик Чубайс на судьбу не роптал, но немного все-таки был недоволен положением вещей. И тут же за столом рассказал, как он однажды пострадал за своего младшего брата Анатолия. Как-то так случилось, что у Игоря вдруг пошел из почки камень. Как известно, дело это довольно болезненное и даже опасное. Игоря

тут же госпитализировали, поставили диагноз и постановили: "Немедленная операция!".

А дело было в так называемой Первой градской. И вот старшего из Чубайсов раздели, взяли необходимые предварительные анализы, положили на каталку и отправили прямо в операционную. Лежит он себе на каталке, корчится от боли. И, кстати, очень боится предстоящей операции.

Наконец, завезли в операционную. А там хирург, руки в перчатках, готовится к своему кровавому делу (он собирался удалять камень). И как-то так уж получилось, а только вдруг кем-то было сказано, что это на столе лежит не просто российский гражданин, а аж старший брат Анатолия Чубайса - Игорь. Наверное, сказавший хотел, чтобы хирург преисполнился важностью предстоящей ему миссии. Однако эффект получился совсем неожиданный и даже противоположный.

- Кто-кто? Брат Анатолия Чубайса? Того самого негодяя, который ограбил всю Россию? – тут хирург аж затрясся от злости (похоже, он пострадал от приватизации).

Сказав это, эскулап сорвал со своих рук перчатки, швырнул их на пол и выкрикнул:

- Не буду его оперировать! Что хотите со мной делайте – не буду! Ни за какие деньги!

Все это было сказано так, что ни у кого в операционной не возникло сомнений, что операция отменяется. При этом осталось неясным, что именно имел в виду хирург, когда сказал: "Ни за какие деньги!". Не исключено, что он полагал, что оба братца поделили между собой награбленные у народа деньги, и теперь старший из двух будет совать их в качестве платы за операцию.

Игорь Чубайс, когда он на квартире у Миши Карпова описывал этот эпизод, даже вскочил со стула и забегал по комнате. Мы с Мишей не отрывали от него глаз.

- Я просто умирал от боли! Но когда этот хирург сказал, что не будет меня оперировать из-за Анатолия и его приватизации, со мной что-то произошло. На меня вдруг нахлынуло что-то

похожее на обиду вперемешку с возмущением. Толик вырвался там себе наверх, устроил не пойми какую приватизацию! Превратился в человека, которого ненавидит вся Россия. При этом лично я никаких дивидендов ото всей этой приватизации не поимел. Я вообще ни копейки не поимел! А в результате меня отказываются оперировать! Бросают умирать прямо на операционном столе! Одни занимаются своими приватизациями, а другие за это должны отдать свою жизнь?!

По словам Игоря, нелепость и противоестественность всей этой ситуации так его потрясла, что боль неожиданно стала стихать. Тем временем медсестры без лишних разговоров перегрузили его назад на каталку и куда-то повезли. Прямо в морг?

Однако Игорька везли вовсе не в морг, а в палату, где его и перегрузили на свободную койку. После перегрузки обе медсестры, ни слова не говоря, повернулись и вышли вон, толкая перед собой свою каталку.

Предоставленный сам себе Гарик лежал некоторое время в полном изумлении. Потом он вдруг понял, что боль прошла. Осторожно пошевелился – боль не появилась. Тогда он сел на кровати. Никакой боли! Вся болезнь куда-то исчезла. Не болела ни спина, ни живот. Старший Чубайс осознал, что он непонятно каким образом, но исцелился безо всяких операций. Видимо, степень его переживаний оказалась столь велика, что организм сам по себе поднапрягся и вытолкнул застрявший камень. Жизнь старшего Чубайса оказалась спасенной!

Теперь вы поверили в судьбу? Казалось бы, все шло к тому, что один из братьев Чубайсов умрет в жутких корчах, извиваясь от боли, всеми брошенный и покинутый, на койке в общей палате городской больницы (Расплата за грехи своего брата?). А в результате все получилось гораздо лучше. Вместо кровавой операции, которая еще неизвестно, чем бы закончилась, он исцелился бескровно и быстро. Отказ хирурга от операции привел к очень положительному результату. Вывод прост: что написано на роду, что суждено человеку, то и случится, и

никакие ухищрения и потуги не способны это изменить. От судьбы не спрячешься! Судьбу не обманешь!

Первый номер

Однако мы отвлеклись. Мое сотрудничество с Мишей Карповым успешно продолжалось. Я строчил свои статьи, а Миша в случае необходимости слегка подправлял их и отправлял в номер. В промежутках мы выпивали и закусывали, что шло делу журналистики только на пользу. Однако в один прекрасный момент в газете грянул уже не кадровый, а самый настоящий финансовый кризис: в 1995 году у "Независимой" вдруг кончились деньги. А без них какая уж тут вам журналистика и свобода слова?! В результате газета месяцев семь или восемь вовсе не выходила. Главный редактор Виталий Третьяков стал искать источник финансирования, а надо было, кстати сказать, найти несколько миллионов долларов. Свои услуги предлагали самые разные люди, но Виталий не спешил с выбором. Он справедливо полагал, что предпочтительнее будет такой спонсор, который деньги даст, а в редакционную политику лезть не будет. Но где же такого найдешь?!

Однако, как это ни странно, такой все-таки нашелся. Им оказался Борис Абрамович Березовский. Не то, чтобы он вовсе никаких условий не поставил, было одно - определенные темы не трогать. Но в остальном, действительно, речь шла о редакционной политике, свободной от навязчивой опеки.

Я про все эти поползновения БАБа не слышал, а просто тихо работал на своем месте в Думе, при этом сочувствовал несчастному Мише Карпову, который уже много месяцев сидел без работы и без зарплаты. За окном был август 1995 года, шумела листва, всю палило солнце. Было тихо и безмятежно.

Вдруг зазвонил телефон. В трубке послышался взволнованный голос того самого Миши, о несчастной судьбе которого я только что размышлял.

- Володя! Готовится первый номер газеты! Давай статью!

- Какую?

- Что-нибудь международное! Что-нибудь достойное первого номера! У тебя времени – до вечера!

Я глянул на часы. Написать что-то стоящее за пару часов? Интересно, кто дал деньги?

- Миша, а кто оказался благодетелем, если не секрет?

- Береза!

- ???

Мой немой вопрос можно было понять: спонсоров хватало, но ни один Третьякову не подходил, а тут вдруг Виталий согласился. С какой стати?

- Володя, ты не поверишь, но Береза пообещал не вмешиваться в редакционную политику!

Тут Миша срочно распрощался, а я очень крепко задумался. Мне не надо было рассказывать, кто такой Борис Абрамович Березовский, и какую роль он играл в российской политической жизни. Березовский мог все! Он снимал и назначал министров, организовывал такие сделки, в результате которых в движение

приходили очень большие миллиарды. Борис Абрамович был на короткой ноге с семьей президента Ельцина, с его дочерью Татьяной. Березовский запросто влиял на внешнюю политику России.

Значит, Березовский купил "Независимую"? Вряд ли он будет при этом скромничать! Скорее всего, обыграет эту покупку так, что все вздрогнут. Борис Абрамович наверняка постарается сопроводить свое приобретение каким-нибудь эффектным шагом.

Однако все мои расчеты означали, что содержание первого номера "Независимой" при новом хозяине будет воспринято как программное заявление лично Бориса Абрамовича. Что будет написано в первом номере, то, считай, будет отлито в бронзе. Или в золоте?

И при этом Березовский никак не обозначил, какую именно публикацию он хотел видеть в международном отделе? Ему все равно? Вряд ли все равно! Просто он не чует под собой ног и потому не утруждает себя какими-то там мелкими расчетами и предварительными указаниями, вот и все. Мол, ну, что там могут нацарапать эти жалкие газетные писаки?

"Жалкие писаки", может быть, действительно не могли ничего такого нацарапать, чтобы удивить весь мир. Наверное, обычно и я не мог. Но тут складывалась очень необычная ситуация, если на ум придет хорошая тема, можно будет ее продвинуть! Березовский сделает вид, что это он все придумал. И от его имени может получиться очень даже интересное продолжение. Но какую взять тему?

Мастер-класс

Тут в нашем рассказе необходимо сделать небольшую паузу и вернуться на несколько месяцев назад, в начало лета 1995 года. Именно тогда у меня случился конфликт с Лукиным, председателем Комитета по международным делам. Как

говорится, в одно прекрасное утро тот вызвал меня "на ковер" и произнес следующую пламенную речь:

- Владимир Николаевич! Вы вообще следите за международными делами?

Я кивнул в ответ, но не очень уверенно. Конечно, я следил, еще как следил! Но сама постановка вопроса предполагала какой-то подвох. Шеф, конечно же, понимал, что я знаю все, что можно и нельзя про международные дела. И все-таки так странно ставил вопрос. Значит, тут есть какая-то каверза! Сейчас он найдет какое-нибудь событие и обвинит, что Володя Трофимов его проглядел!

- А если следите, – продолжал Лукин, – то почему не занимаетесь их глубоким анализом?

Тут руководитель Комитета по международным делам сделал очень многозначительную паузу. Я молчал, ожидая, чем именно закончится это предисловие.

- Надо анализировать нашу внешнюю политику! И если вы видите просчеты во внешней политике, их надо четко фиксировать и докладывать мне! Нужно собрать хорошее досье!

Тут Лукин замолчал, а я незаметно вздохнул: "Вот оно, оказывается, что! Старик решил собрать досье на министра иностранных дел Козырева! А потом выложить компромат, где надо и попробовать свалить Андрея Владимировича!".

Но вздохнул я без облегчения. Легко сказать: "Собери досье!". Вообще Лукин понимал, что именно он просит? И тут вместо того, чтобы просто сказать: "будет исполнено", я попытался поговорить со своим руководителем. Нет, я не рассчитывал отговорить Владимира Петровича! Ни для кого не было секретом, что Лукин хотел сам стать министром иностранных дел, а потому люто ненавидел Козырева. Сам же его в свое время продвинул наверх и сам же теперь возненавидел собственного протеже (просто, когда выдвигал, не думал, что дело примет такой оборот). Впрочем, такое в жизни случается вовсе нередко.

То есть мотивы просьбы Лукина были вполне понятны и объяснимы. Более того, я был вовсе не против, чтобы спихнуть Козырева с министерского кресла. Одним предателем меньше, чего же тут плохого?! Был ли при этом я против того, чтобы место Козырева занял Лукин? Трудно сказать! Лично для меня это было выгодно, поскольку сулило дальнейшую карьеру. А вот для государства – очень сомнительно.

Однако, что касалось составления досье, то это было совсем другое дело. По моему мнению, это была глупая затея в своей основе. Просто было сказать: "Ищите просчеты во внешней политике!". Легко сказать, да трудно выполнить! Для начала нужно было понимать, что внешнюю политику формировал не Козырев, а, между прочим, президент страны Ельцин. Это Ельцин и его ближайшее окружение являлись источником внешней политики, противоречившей интересам России. А сам Козырев – только исполнитель.

Однако допустим на мгновение, что я все-таки собрал досье на те или иные поступки и высказывания Козырева. Лукин берет это досье и идет наверх, к руководителю аппарата президента, а то и вовсе к самому президенту, и начинает Козырева критиковать. А тут выясняется, что Козырев действовал по прямому указанию Бориса Николаевича. В таком случае снимут вовсе не Козырева, а самого Лукина. Как можно определить, когда Козырев действует по своей инициативе, а когда по указанию сверху?

Мало того, внешняя политика, это не точная наука, не химия и не физика. Это там все просто: взял один раствор, налил в другой, жидкость покраснела или посинела. То есть надо совершить простейшие действия и получить очевидный и бесспорный результат. А в политике? Допустим, возникло какое-то нежелательное для России последствие. Как можно доказать, что оно возникло в результате каких-то действий именно Козырева?

В такое досье могли попасть только какие-то совсем очевидные просчеты. Например, Козырев перепил на приеме и

упал в пьяном виде в канаву или с кем-то подрался. Но ведь Козырев же не полный придурок! Он таких вещей не допускает. Это сам Борис Николаевич мог позволить себе дирижировать чужим оркестром, упасть с моста в реку или по пьяной лавочке не выходить на встречу к чужому премьер-министру, ожидавшему его у трапа. Или выйти из самолета и тут же, около шасси сделать то, что надо было сделать в туалете. Это Ельцин мог так поступить. Но не Козырев же!

Короче, я попытался что-то объяснить Лукину, но лучше бы этого не делал! Тот скривился, как будто укусил лимон. Из моих слов косвенно следовало, что Лукин ни черта не понимал ни во внешней политике, ни в придворных интригах. Увидев такую реакцию, я изменил тактику и предложил поискать какие-то личные противоречия между Козыревым и Ельциным.

Но тут Лукин и вовсе взорвался. Он рванулся в своем кресле и взмахнул сразу обеими руками. Видимо, это надо было понимать так: "Не хочешь участвовать, тогда свободен!". Что было тем более глупо. Если уж речь шла о таком деликатном деле, явно выходящем за пределы служебных обязанностей, то в любом случае нельзя было ограничиваться кратким поручением. Любой нормальный человек в такой ситуации поговорил бы с исполнителем, обсудил детали, хотя бы для приличия послушал чужое мнение. Но Лукин был не из таких! Причем это было даже не высокомерие. Лукин лучше других знал, какие хитроумные схемы я был способен сплести. Нет, слишком уж сильно он не любил Козырева. Настолько сильно, что даже небольшой намек на то, что надо было действовать против Козырева не совсем так, как это придумал Лукин, воспринимался как что-то, напрочь разрывавшее тонкую душу Владимира Петровича.

В общем, эта беседа, начавшаяся душевно, окончилась определенным конфликтом. Я вышел от Лукина с чувством, что заработал себе очередные неприятности. Лукин и так меня недолюбливал, а тут еще какая-то попытка поставить под сомнение столь хитроумную затею! Этот мерзкий Трофимов

посмел критично высказаться в отношении столь доверительного поручения от своего гениального руководителя!

Спору нет, Лукин был не ахти какой теоретик и стратег по части внешней политики. Впрочем, в МИДе было пруд пруди таких "специалистов", которым и до этого уровня было далеко. В конце концов, Лукин был историком по образованию. А историк, по крайней мере, способен найти какой-то пример, имевший место давным-давно, и предложить сейчас поступить, как и сто лет назад. Иногда и этого достаточно, чтобы не совершить серьезную ошибку. Но придумать схему, чтобы подловить Козырева на внешнеполитических ошибках, это была задача явно не для уровня Владимира Петровича!

Конечно, Козырева можно было спокойно критиковать за прозападные настроения, за тайную дипломатию с американцами, за продажу национальных интересов. В конце концов, Козырева можно было критиковать даже за жалкий вид, недостойный министра великой страны. Но все это была критика не лично Козырева, а критика политики, которую проводила в жизнь ельцинская камарилья, вознамерившаяся продать Россию на корню. За такую критику никто Козырева с поста министра снимать не стал бы, того гляди, еще как бы орден не дали!

Понятное дело, что я время от времени самыми разными способами пытался поставить под сомнение внешнеполитический курс Ельцина. Это выражалось, например, в том, что те или иные договоры, заключенные с Западом, не проходили в Думе процедуру ратификации. Их и провалить было нельзя, но недостатки, которые удавалось мне раскопать, делали процедуру ратификации полностью бесперспективной. И тогда такие договоры откладывались в долгий ящик.

Кроме того я баловался статьями в уже упомянутой "Независимой", да иногда и в других изданиях, и там тоже наводил определенную тень на плетень. В статьях не обходилось и без критики, переходившей в плохо скрытые издевки. Но все это нельзя было ни в каком виде считать

компроматом лично на Козырева, это был компромат против Ельцина и его политики.

Если бы я после той беседы сделал вид, что ничего не произошло, то, скорее всего, и Лукин никак не стал бы усугублять конфликт. Но я по-настоящему разозлился. Неужели этот Лукин действительно думает, что он - великий стратег и специалист по внешней политике? Выскочил наверх случайно, по сути, за счет своих диссидентских выпадов против Советского Союза! Надо полагать, американцы очень таких любили и оказали Владимиру Петровичу самую активную помощь в карьерном росте. Вот он и всплыл! А без такой помощи сидел бы в своем институте до пенсии и писал статьи, которые никто не читает.

И вот этот самый никчемный Лукин посмел поставить под сомнение компетентность самого Володи Трофимова! Не пожелал его выслушать даже для приличия! Нет, я решительно не желал такое терпеть, сел и тут же написал заявление об отпуске.

Такое заявление было рискованным шагом, уйдешь на полтора месяца, а когда придешь, то выяснится, что кто-то другой уже собрал это злосчастное досье. И тебе потом будут тыкать им в морду, мол, ни на что ты не способен, даже компромат собрать не можешь! Да еще и дезертировал с поля боя!

Но я не просто имел свое мнение по поводу этого досье, а был глубоко убежден, что Лукин придумал довольно глупый план. План был порочен в своей основе, а потому просто невыполним. Взяться за такое поручение означало наверняка его провалить. Нет, было ясно, что ни я, ни кто-либо другой не смогут тут ничего путного сделать. Одно слово – глупое и невыполнимое поручение!

На следующий день после описываемых событий я зашел к Лукину и достаточно вежливо, но твердо положил перед ним на стол свое заявление, что в любом случае означало протест. Лукин взял заявление за нижний уголок и подтянул к себе.

Потом сквозь свои очки глянул на текст. Через секунду вытащил ручку и, так ни слова и не сказав, небрежно черкнул: "Согласен" и оттолкнул листок от себя.

Я взял подписанное заявление, сказал всего одно слово "Спасибо", развернулся и вышел вон. Жребий был брошен. Если вы такие умные, то можете собирать свое досье. Но только без меня! Если соберете, то утрете мне нос. А если ни на что не способны, то тогда сами утретесь!

Отгуляв в июне-июле свой отпуск, я явился назад в Думу. Лукина не было, наступили депутатские каникулы, и все разбежались кто куда, в том числе и сам Лукин. После разговора с оставшимися на работе сотрудниками стало ясно: без меня никаких поползновений против Козырева тут не произошло. Ума на это не хватило ни у Лукина, ни у его приближенных. Идея о досье, полном компромата на министра иностранных дел, оказалась просто глупой.

Интересная идея

И вот не успел я вернуться из отпуска, как случилась эта история с "Независимой". Нашелся спонсор, да не абы какой, а сам Борис Абрамович Березовский. И надо было придумать статью в первый номер купленной им на корню газеты.

Так что же сочинить? Опять критиковать внешнюю политику Ельцина? А что, если ударить непосредственно по Андрею Владимировичу Козыреву? Такая возможность меня увлекла. Но надо было придумать форму. А что, если написать статью о возможных преемниках нынешнего министра? Такой ход выглядел перспективным, вроде бы, в статье не обсуждается сам Козырев и его деятельность, а просто рассматриваются варианты его преемников. А ведь номер газеты-то первый! Получается, что Березовский уже решил вопрос о снятии Козырева и теперь открывает своеобразный конкурс на кандидатуру нового министра.

Конечно, не было никаких гарантий, что Борис Абрамович даст согласие на публикацию такой статьи, одно дело – купить газету, и совсем другое – поменять министра иностранных дел, который вполне устраивал людей в Вашингтоне. Однако статья прямо вопрос об отставке Козырева не ставила, это лишь косвенно следовало из контекста. К тому же я понимал, что Березовскому трудно будет настаивать на том, чтобы снять те или иные материалы, тем более из первого номера, если ключевым условием приобретения газеты было как раз невмешательство в редакционную политику. Не успел купить, а уже занялся цензурой!

Конечно, против такой статьи мог возразить и сам Миша Карпов, а то и главред Третьяков. Но насколько я знал, ни тот, ни другой особых симпатий к Козыреву не питали. А, значит, могли мою статью и пропустить...

Идея отправить Козырева в отставку меня просто захватила. Для России это было бы исключительно полезно. Конечно же, Андрей Владимирович прилагал немало усилий, чтобы угодить американцам. И, глядишь, новый министр будет действовать более сдержанно. Понятно, что кто бы ни пришел на место Козырева, он тоже будет проводить проамериканскую политику и будет выполнять все указания Ельцина. Но, кто знает, может быть, станет это делать не в такой позорной форме?

Сказать честно, у меня не было задачей своей жизни снять Козырева. Какая по большому счету разница, кто именно будет продавать интересы России? Не один, так другой! Таких - пруд пруди! Но отставка министра, ставшего уже притчей во языцах, наверное, все-таки имела какой-то смысл.

Статью я собирался подписать своим собственным именем и был при этом намерен указать свою должность - "руководитель аппарата Комитета по международным делам Государственной Думы". Так было нужно вовсе не для того, чтобы пощекотать самолюбие, а для дела. Получалось, что об отставке Козырева писал человек, близкий к Лукину. А уж Лукин-то наверняка

знает, какая там на самом деле сложилась ситуация с Козыревым!

Нет сомнений, что у меня был и еще один капитальный мотив, чтобы устроить атаку на министра иностранных дел. Уж очень мне хотелось утереть нос своему шефу Лукину! Ведь тот совсем недавно предложил свой способ отстранить Козырева – собрать на него какое-то досье с компроматом. В ответ я высказал мнение, из которого следовало, что идея с досье – глупая в своей основе, в результате получился конфликт с Лукиным. Мало того, я этот конфликт еще и усугубил, демонстративно уйдя в отпуск. За время отпуска никакое "досье" не сформировалось. А теперь получалось, что я, вернувшись на работу, давал Лукину мастер-класс, показывая, как на самом деле должен действовать умный интриган (Конечно же, это была интрига чистой воды!).

Именно в этом и заключался основной мотив моих действий: "Ты попробовал свой метод? И что получилось? Пшик? Ты убедился, что ничего не умеешь, кроме как напускать на себя важный вид и отпускать сальные шуточки? Так вот теперь учись, как надо на самом деле решать такие вопросы!"

Специалист по манипуляциям

Тут для точности нужно сделать небольшое отступление. По большому счету я, конечно, признавал авторитет Лукина. Тот в некоторых отношениях, несомненно, был неординарной личностью. Например, Владимир Петрович был непревзойденным мастером вести какие-то общественные или служебные мероприятия, собрания, заседания, в том числе и заседания собственно Комитета по международным делам. В частности, очень показательным был эпизод, имевший место сразу после выборов в Государственную думу в 1995 году.

Это было одно из первых заседаний Комитета по международным делам в новом составе. Решался вопрос, какие будут созданы подкомитеты, и кто их будет возглавлять. А перед этим часть членов комитета не без моего участия заранее сговорилась по этим вопросам. То есть изначально было понятно, что Лукин не сможет провести задуманные им решения. А планы у него были очень даже не пустяшные, например, создать для известного правозащитника проамериканской ориентации Сергея Адамовича Ковалёва подкомитет по правам человека. То есть создать формальную платформу, с которой этот самый Ковалев мог бы безраздельно заниматься своей подрывной деятельностью. Был у Лукина и план создать подкомитет по организационным вопросам во главе со своим дружкой Аверчевым. Вот тогда бы тот уж накомандовался мной вволю!

Понятное дело, что когда я прознал про эти зловерные планы, то бросил все свои дела и побежал агитировать членов комитета не голосовать за подобные проекты, при этом нашел

понимание у достаточно значительного числа депутатов. Многих из них я сам до этого уговорил войти в состав комитета. Они вполне разделяли мои опасения, и было решено создать совсем не те подкомитеты, которые хотел Лукин. Понятное дело, что и руководить этими подкомитетами должны были вовсе не ставленники Лукина.

Казалось бы, что могло быть проще, чем решить все эти вопросы? Все предложения были озвучены. Все высказались. Лукин понял, что никакого подкомитета по правам человека тут не будет, тем более во главе с Ковалевым. Точно так же он понял, что будут созданы новые подкомитеты, которые он вовсе не планировал создавать. Формально в такой ситуации любой член комитета мог бы встать и сказать: "Владимир Петрович, хватит обсуждений: все уже сказали, что хотели. Я требую поставить моё предложение на голосование". И не садиться, пока тот не проведет голосование.

Но легко сказать: "Встал и поставил вопрос". Однако трудно сделать! Просто Лукин так вел то заседание, что не давал поступить подобным образом. Как только кто-то вносил свое предложение, Лукин тут же вставлял какой-то комментарий, да так вставлял, что приходилось продолжать обсуждение дальше, а не голосовать. И вроде как получалось, что предложение о голосовании было перекрыто новыми предложениями.

Так вот Лукин почти час морочил голову всей этой группе оппозиционных ему депутатов. В конце концов, он, понятное дело, вынужден был уступить, но сопротивление оказал более чем достойное. А ведь ему противостояли в этом эпизоде не школьники, а просто политические титаны: бывший председатель Госдумы Рыбкин, космонавт и дважды Герой Советского Союза Севастьянов, секретарь ЦК КПРФ Шабанов, Готов, Пономарёв, Меремьянин, Подберезкин, Дзасохов, бывший замминистра обороны Громов. В общем, эти за словом в карман точно не полезли бы. А Лукин всех их битый час, как детей, вокруг пальца водил.

Это небольшое отступление показывает, кто такой был Лукин, и что для меня означало противостояние с этим деятелем по вопросу о министре иностранных дел Козыреве. Это была принципиальная схватка, и победа в ней значила немало для моего тщеславия. Был ли я в этом эпизоде тщеславен? Конечно. Зачем отрицать очевидное?

Статейка

В общем, мне, в конце концов, удалось сочинить статью про преемников Козырева. Были подобраны приличные кандидатуры, все эдак аккуратно расписано. В результате у читателя должно было подсознательно укрепиться мнение, что отставка министра иностранных дел не за горами, а потенциальные претенденты уже бросились делить его место. Понятное дело, что как бы между прочим я упомянул среди кандидатов и своего шефа - Лукина. Если бы не упомянул, он, несомненно, расценил бы статью как выпад против себя. Мол, нарочно пишут статьи, из которых следует, что Лукин не дорос до того, чтобы претендовать на пост министра. Конечно, такое упоминание ничего не предвещало, как раз, наоборот, в таких случаях нередко побеждает темная лошадка, которая держится где-то в сторонке и не попадает под огонь уничтожающей критики.

Когда статья была окончательно готова, я передал ее в "Независимую", Мише Карпову, пусть теперь сам решает, хорошая эта статья, или плохая! И если сочтет, что хорошая, пусть распоряжается по своему усмотрению.

Я отдал статью, а сам на следующий день укатил в Страсбург на сессию Парламентской ассамблеи Совета Европы. Командировка была давно запланирована, и если бы Карпов опоздал со своей просьбой о статье на один – два дня, то ничего от меня уже точно не получил бы.

Страсбург

Заседания шли в Страсбурге как надо, депутаты заседали, я им помогал, как мог. Кстати, представилась и возможность отличиться. Проекты документов других делегаций были, естественно, вовсе не на русском языке. Что делать? У депутатов решение нашлось за одну минуту: "Володя, вот, смотри, нам тут раздали проекты документов, завтра надо голосовать. А мы ничего не понимаем. Тебе не трудно будет перевести их, хотя бы в общих чертах, чтобы было понятно, о чем идет речь?".

Я глянул на документы и лишь криво усмехнулся. Документов было несколько, и все страниц по пятьдесят, никак не меньше. И как, интересно, эти депутаты представляли себе процесс перевода? Десять страниц за час? Чтобы как раз успеть к следующему утру?

Но я ничего такого депутатам говорить не стал, а просто сказал:

- Если надо, значит, сделаем!- и протянул руку за документами.

Тут я вдруг уловил, что депутаты как бы искоса переглянулись. Но документы отдали и, не говоря больше ни слова, группой вышли из комнаты. У них было важное дело – не пропустить обед.

Похоже, это было не просто поручение. Формально, действительно, члены делегации должны были помогать депутатам, в том числе и с переводом соответствующих документов. Но одно дело - устно перевести пару страниц, а другое – письменно, причем чуть ли не две сотни. Может, они ожидали, что я стану отказываться? Может быть! Любая работа, а тем более на государственной службе всегда сопряжена с интригами, подводными камнями и столкновениями различных интересов.

Однако меня было не так просто подловить.

- Юра!- обратился я к своему коллеге.– Ты тут знаешь всех и вся! Нельзя ли раздобыть файлы этих самых документов, которые нам надо переводить? Если они существуют в бумажном виде, то должны существовать и в цифровом формате. Может, сходить в секретариат Парламентской ассамблеи? Возьми с собой мою дискету!

Юра Юров схватил дискету и исчез за дверью. Переводить текст попросили не его, а Володю Трофимова. Но шутки плохи с этими депутатами! Если они решат, что перевод идет слишком медленно, то к этой работе придется присоединиться и другим сотрудникам.

Через некоторое время Юров появился, по его сияющему лицу было ясно, что первая часть операции удалась, файлы были на дискете. Но мало получить файлы, их еще надо было перевести. Я взял заветную дискету и вставил в свой компьютер.

Вообще-то, шел 1995 год, Интернет уже существовал, но был еще далек от совершенства. Это сейчас пара движений, и любой текст можно перевести без особых сложностей. Задача для школьника. А тогда? Тогда у меня с собой уже имелся один интересный диск со всевозможными полезными программами. Они были очень далеки от совершенства, но худо – бедно, а работали. Была там и программка, которая переводила с английского на русский.

Я запустил эту программу и охнуть не успел, как она уже выдала перевод. Мы с Юрой склонись над экраном. В общем, было понятно, что это – русский язык. Часть слов программа не распознала. Остальное – кое-как перевела. Качество было омерзительное. Но смысл все-таки можно было понять. Сойдет с горчичкой!

Можно было, конечно, попытаться отдать переведенный текст депутатам уже в таком виде. Но у них, во-первых, не было компьютеров. Во-вторых, они бы решили, что ребята слишком легко справились с таким сложным заданием. А это было бы несправедливо.

Получалось, что полученные тексты надо было как-то распечатать на бумаге. Если бы речь шла о паре страниц, тогда можно было сходить в секретариат и попросить кого-нибудь дать свой принтер. Но тут-то была не пара страниц, а пара сотен!

И тут Юра вспомнил, что в одной из комнат на этом же этаже он видел целую кучу лазерных принтеров. По виду это была уже негодная, списанная техника. А вдруг кое-что еще работает? Мы отправились на разведку.

Вообще-то, в международной организации, а Парламентская ассамблея Совета Европы является самой настоящей международной организацией, нельзя вот так просто шастать по чужим комнатам. Это могут оказаться комнаты других делегаций, и в таком случае может получиться хороший скандал. А если это комната секретариата, то там может стоять дорогое оборудование, могут храниться какие-то документы, и там тоже нельзя вот так, без спроса, копаться в чужих вещах. Но нам было не до соблюдения тонкостей дипломатических правил. Надо было добыть принтер и бумагу, а все остальное - вторично. Как-нибудь выкрутимся!

Только с третьей попытки удалось подсоединить принтер к компьютеру. Лазерные принтеры вообще капризные, но я проявил определенную настойчивость и, в конце концов, подобрал нужную программу. К счастью, в принтере оставался и тонер. Осталось нажать на кнопку "пуск"...

Пачка отпечатанных бумаг получилась довольно-таки толстая. Я полистал их, покачал головой. Перевод, сделанный с помощью машины, конечно, был очень далек от идеала. Местами вообще было невозможно понять, о чем идет речь. Но ведь сами депутаты и не просили дословного перевода, авось не будут слишком уж придираться!

Однако сразу работу отдавать было совсем не резон. Получалось, что перевод был выполнен слишком уж просто, если на него ушло всего пара часов. Мы решили не спешить, к

ужину будет в самый раз! Депутаты устанут от дневной беготни и будут более сговорчивы.

Впрочем, до вечера ждать не пришлось. Вскоре появился один из заказчиков работы и поинтересовался, как идут дела. Пришлось отдать ему все, что было уже распечатано. Депутат устался в бумаги. Пауза затягивалась. Я, в конце концов, поинтересовался, насколько понятен смысл документов.

- Понятно, понятно! Я вполне понимаю, о чем идет речь. Очень хорошая работа. Как вам удалось так быстро справиться? Кто-то помогал? Неужели сами перевели?

Депутат был действительно удивлен, похоже, он вовсе не ожидал такого результата. Неужели, это была не просто просьба, а проверка, насколько я действительно хороший специалист? Что-то мне подсказывало, что тут было не все так просто. Впрочем, разбираться совсем не хотелось. Черт с ними, с интриганами, так всегда бывает: одни работают, а другие – плетут всевозможные козни.

Фотография

Однако наступил вечер, и было пора позвонить в Москву, узнать, как дома дела, что я вскоре и сделал, воспользовавшись служебным телефоном. Мне ответила жена Вера. Голос у нее был немного ошарашенный. Оказалось, в мое отсутствие в Москве происходили интересные события, из "Независимой" позвонили и попросили дать какую-нибудь мою фотографию, при этом сказали, что выходит моя статья, и без фотографии никак не обойтись.

Все фотографии были просто бытовые. Не дашь же фото с пляжа или с дачи! В конце концов, нашлась какая-то фотка столетней давности, на которой я выглядел скорее, как студент, а не как доктор наук. Однако из "Независимой" за фотографией пригнали даже черную "Волгу", что Веру окончательно добило. Она явно не считала своего мужа настолько значимой персоной,

чтобы из-за его фотографии надо было присылать служебную машину.

Кстати, с тех пор все мои статьи в этой газете выходили именно с этой студенческой фотографией. Читатели, наверное, удивлялись: такой молодой, а уже журналист, пишет умные статьи.

Однако новость про фотографию означала только одно: статья была одобрена и вскоре будет опубликована. Оставалось ждать, что из всего этого получится. Скажется ли публикация на судьбе министра? И как отреагирует Лукин? Хоть "спасибо" скажет?

"Спасибо" я, понятное дело, так и не дождался. Но Лукин при встречах всячески улыбался и всем своим видом показывал, что он – доволен. Что означало, что конфликт был исчерпан. Искомая цель – нанести ущерб репутации Козырева – достигнута.

Однако все это произошло лишь потом. А пока я обдумывал все то, что только что услышал от своей жены. И прикидывал, чем вся эта затея кончится. На душе было все-таки беспокойно, запросто хорошее дело могло превратиться в неприятности для его инициатора и исполнителя.

Последствия

Командировка быстро закончилась, вся компания вернулась из Страсбурга в Москву. И как раз тут же вышел и первый номер "Независимой". Моя статья красовалась на почетном месте, тем самым редакция как бы демонстрировала свое отношение: материал интересный и важный, а автор – достаточно авторитетный. Я с утра пораньше заявился на работу, откинулся в кресле и бросил газету на стол. И тут зазвонил телефон...

Брать трубку было никак нельзя, а вдруг это журналисты? Начнут спрашивать, что я имел в виду своей статьей. И что им отвечать? Что все это просто пустая фантазия, а Березовский тут

ни при чем? Или наоборот, всячески намекать, что за публикацией стоит сам Лукин?

В общем, было ясно, что в такой ситуации лучше вообще ничего никому не отвечать и не пояснять. Пусть сами додумывают, что им нравится! И, несомненно, они сейчас так надодумывают, что еще быстрее отправят Козырева в отставку, чем сам Березовский.

По телефону, похоже, действительно звонили именно журналисты, во всяком случае, он трезвонил, не переставая, целый день. Однако кроме этих звонков никаких других неудобств для меня в тот день не возникло. Лукин не вызывал и не беспокоил, сотрудники как обычно готовили свои документы. Но я ясно ощущал, как зреет напряжение в атмосфере, что-то теперь должно было случиться...

И действительно, кое-что случилось. Со следующего дня в российской прессе был опубликован целый ворох домыслов насчет Козырева. Мало того, эти публикации не прекратились и потом. При этом домыслы и предположения становились все более изощренными и даже издевательскими. Публика начала делить шкуру неубитого медведя. В отдельных публикациях упоминался и я. Но в основном журналисты занимались самодеятельностью. Кстати, мало было написано про недостатки в деятельности министра, в основном журналисты напирали на унижительную для России манеру поведения Козырева. Что было на самом деле вполне справедливым упреком.

Уж из-за меня и моего сочинительства в "Независимую", или по каким-то другим причинам, а только к Новому году Козырева действительно сняли с должности министра. Я, конечно, торжествовал. А Лукин – нет. Уж какие он там предпринимал попытки, неизвестно, а только на пост министра его не назначили. То ли он Ельцину не приглянулся, то ли его дочери Татьяне, то ли самому Березовскому, а только остался Владимир Петрович на своем месте председателя Комитета по международным делам. Впрочем, тут я совсем не понимал

своего шефа. Министр, конечно, может назначать и снимать послов, он командует огромным коллективом. Но при этом в каком-то смысле он просто на побегушках у президента. Постоянно извивается, чтобы претворить в жизнь гениальные замыслы своего высшего руководителя. И постоянно думает, как бы что не брякнуть недозволительное, а то ведь в одну минуту уволят! Разве это жизнь? Одно мучение.

Другое дело, быть председателем международного комитета в парламенте! Тебя выбрали на четыре года и до истечения этого срока никуда не уволят. Разве что за отставку проголосует весь парламент, но для этого надо отчебучить что-то такое особенное. А так председатель комитета – вольная птица, ни перед кем особо не отчитывается. При этом может сказать журналистам то, что он сам считает нужным. По сути, с этой должности Лукин имел возможность непосредственно влиять на внешнюю политику России, точно так же, как и сам Ельцин. В чем-то полномочия Лукина были даже выше, чем у Бориса Николаевича. Допустим, задумает Ельцин какое-то международное дело, и даже озвучит его. Но сказать – мало! Слово превращается в дело, если его положить на бумагу, превратить в международный договор и потом ратифицировать. Но вот там, где осуществляется ратификация, сидит Лукин. И он может так повлиять на депутатов, что никакие слова Ельцина так и не превратятся ни в какие дела. Шикарная должность! В общем, хорошо только там, где нас нет.

Рядовой депутат

А Козырев тем временем превратился в рядового депутата Думы и вдруг заявился на пленарное заседание. А там как раз обсуждался какой-то международный вопрос. Бывший министр, а теперь депутат взял слово и с пафосом что-то там такое стал говорить. Говорил он как обычно. Именно так он раньше и говорил, будучи на должности министра, медленно, с расстановкой, с непонятными намеками. И раньше все с

вниманием прислушивались к его словам. Видимо, Андрей Владимирович тогда решил, что это он такой умный, потому и слушают. И решил уже на заседании Думы подтвердить этот свой ум.

Реакция, однако, последовала для него совершенно неожиданная. Половина депутатов вдруг начала хохотать. И делала это в очень обидной форме. Было ясно, что они просто издеваются над Козыревым. Открыто плюют ему в лицо. И это было совершенно непереносимое унижение. Козырев больше никогда в Думе не выступал. Более того, расстался с депутатским мандатом и подался в бизнес. А я остался в Думе и продолжал там всячески мешать президенту страны проводить внешнюю политику.

Глава 13. Хачилаев

Руководитель Союза мусульман России

Как известно, с 1994 года в течение двух лет Иван Петрович Рыбкин являлся первым председателем Госдумы, учрежденной после расстрела предыдущего парламента. Наконец в 1995 году подошел срок новых выборов. Рыбкин довольно легко избрался. Но председателем Госдумы не стал...

Куда деваться, что делать? Иван Петрович решил не спешить расставаться с депутатским мандатом. Значит, надо выбирать себе комитет в Госдуме! Бывший председатель нижней палаты парламента выбрал Комитет по международным делам. Однако через какое-то время Ельцин предложил Ивану Петровичу иную работу, и тот вовсе покинул Думу.

Но освободившееся депутатское место не может пустовать. Поскольку Рыбкин был избран депутатом от Дагестана, то вполне естественно, что на его место в декабре 1996 года пришел именно дагестанец. Звали его Надиршах Хачилаев. А если коротко, то просто Надыр. Он не особенно разбирался в международных делах, но как только получил мандат депутата, то для начала зашел именно туда, где до него работал Рыбкин, то есть именно в Комитет по международным делам.

Так уж получилось, что Хачилаев сразу наскочил на меня, на руководителя аппарата комитета. Мне как человеку опытному не составило труда тотчас затащить Надыра в свой кабинет и тщательно с ним побеседовать. Тот производил впечатление человека образованного и, главное, неглупого, не зацикленного на каких-то там своих религиозных догматах. С ним можно было нормально поговорить почти на любые темы. Он слушал чужие аргументы и пытался разобраться в незнакомых вопросах, да и вообще, как потом выяснилось, оказался интересной личностью.

Хачилаев с неподдельным интересом выслушал мой рассказ о работе Комитета по международным делам. Особенно его заинтересовали вопросы международного сотрудничества с исламскими странами. Он не стал скрывать, что сам является приверженцем исламских идей и, как-то немного помявшись, так, между прочим, добавил, что является председателем Союза мусульман России.

Вот это уже было серьезно! Мой рассказ о возможностях Комитета по международным делам стал еще более красочным. В конце концов, Хачилаев дал себя уговорить остаться именно тут, а не соваться в другие комитеты. Возможно, не последнюю роль сыграло мое обещание помогать разбираться в сложных международных вопросах.

Распроцавшись самым любезным образом с Надыром, я тут же полез в справочную литературу и с некоторыми усилиями, но раскопал, что это за такой "Союз мусульман России". Интересным оказался один справочный материал, подготовленный в США по российским мусульманам. Как известно, всего их в России около 20 миллионов человек. Часть из них живет сама по себе, а часть объединяется под эгидой самых разных организаций, мелких и не очень мелких. Так вот, согласно этой бумажке самой авторитетной считалась организация под названием "Совет муфтиев России", которую возглавлял Равиль Гайнутдин. Как считали авторы документа, эта организация успешно контролировалась Кремлем.

А второй по авторитетности в России был как раз Союз мусульман России, во главе которого и стоял Надыр Хачилаев. Другие мусульманские организации считались на Западе совсем мелкими и перечислялись в этой самой справочной бумажке просто через запятую.

- О-го-го! Ничего себе экземпляр приплыл в комитет! С таким скучно не будет.

Тут меня интуиция не подвела, с Надыром Хачилаевым, действительно, скучно не было. Надыр оказался очень активной личностью. При этом он почувствовал мое желание искренне

ему помогать, в результате через какое-то время между нами сложились довольно доверительные отношения. Так уж вышло, что мне в целом по жизни хотелось в первую очередь заниматься тем, что было интересно. А Хачилаев был очень даже интересной фигурой. Мне в свою очередь оставалось рассказывать много чего интересного про ситуацию внутри комитета, про общий расклад сил в Думе, про все подводные камни при принятии тех или иных решений. В результате Надыр стал запросто заходить в мой кабинет либо посоветоваться, либо просто поговорить о жизни, о политической обстановке в стране, о международных делах.

Хачилаев был особенной личностью. Это был высокий кавказец, скорее поджарый, чем худой, возраста около тридцати пяти. Глаза горят, движения быстрые. В общем, полная противоположность многим другим депутатам, которые чаще были похожи на тюленей или пингвинов (да простят они мне такое нелестное сравнение). К тому же еще он был мастером спорта по карате, а такие персоны на Кавказе, как правило, в большом авторитете.

Подкомитет по вопросам Ислама

Для начала я посоветовал Надыру не просто стать членом Комитета по международным делам, а попроситься в состав подкомитета по международному праву. Для этого не надо было никакого официального решения комитета, просто общее одобрение, вот и все. А этот подкомитет был очень ценной структурой, он был тем хорош, что сидя в нем, можно было попросить закрепить за собой любой договор, пришедший на ратификацию. Если по-честному, то депутаты в комитете были почти все лентяями, никто не хотел заниматься теми вопросами, которые официально спускались сверху. Поэтому если вдруг кто-то из них изъявлял желание заняться конкретной ратификацией, он автоматически становился не только докладчиком по этому вопросу, но и одновременно как бы единственным судьей по соответствующему договору: захочет – протащит ратификацию, а захочет – найдет способ утопить договор. Это, конечно, очень обобщенное изложение порядков, царивших тогда в Комитете по международным делам, но, по сути, они были именно такими. Это когда большинство депутатов представляет собой правящую партию, такие порядки невозможны. Тут как прикажут из Кремля, так и будешь голосовать. А тогда Дума была, в общем-то, оппозиционной к Кремлю и президенту, поэтому была способна самостоятельно что-то решать, не оглядываясь на администрацию президента или правительство.

Однако Хачилаев счел, что он умнее какого-то там руководителя аппарата комитета и на первом же очередном заседании не стал проситься ни в какие подкомитеты по международному праву, а попросил создать для него отдельный подкомитет по международным вопросам, касающимся Ислама. Похоже, так ему насоветовали поступить его многочисленные советники, которых он притащил с собой в Думу. Мол, мало ли что там наподсказывает какой-то Володька! Мы умнее его и сами знаем, что нам выгоднее.

Результат такой попытки было нетрудно предсказать. Соответствующие члены комитета оглянулись на меня. А я только удивленно пожал плечами, ничего подобного Хачилаев со мной предварительно не обсуждал. В результате никто за такой подкомитет голосовать не стал.

И Хачилаев обиделся. Хотя обижаться было точно не на кого, тут он был сам виноват. Решил, что все и так знает и умеет. Подумаешь, какая-то тут Дума, депутаты, принципы демократии, голосование, кулуарные предварительные договоренности! Я и сам с усам, и без вас знаю, как мне надо поступать! В общем, в результате Надыр получил довольно-таки болезненный щелчок по носу и упустил реальную возможность влиять на какие-то процессы через формальные процедуры.

Постановление на лезгин

Впрочем, Хачилаев все равно не остался без дела. Я порасспросил его о Дагестане, о местных проблемах и, в конце концов, предложил двинуть вперед проблему лезгин. Сам Хачилаев был лакец, но, конечно же, лезгинская проблема была ему тоже достаточно близка. Как известно, лезгины разделены примерно поровну между Дагестаном и Азербайджаном. Последний активно их притесняет: не дает организовать политически, всячески ограничивает, в общем, всеми силами борется против идеи самоопределения. Однако в России ни у кого не доходили руки до этих лезгин, хотя понятно, что таким образом можно пугать и шантажировать Азербайджан и, соответственно, ставить его в зависимое положение. При этом совсем не обязательно поднимать вопрос об этой народности на уровень МИДа, а тем более президента. Можно двинуть его, например, на уровне депутатов. Депутаты будут шантажировать Азербайджан, а российские дипломаты будут при этом объяснять своим азербайджанским коллегам, что это не часть официальной политики России. Мол, совсем нет управы на эту Думу, но что же тут поделаешь - разделение властей!

Собственно говоря, Россия уже не раз разыгрывала эту карту в других местах. Например, разделенный народ – осетины. Частью Грузии была Южная Осетия. Как известно, в результате определенных действий Южная Осетия обрела независимость. Та же история случилась и с Абхазией. А Приднестровье, Карабах? Во всех этих случаях именно Россия служила локомотивом и организатором соответствующих преобразований и территориальных изменений. Так что и лезгинская тема могла оказаться достаточно полезной.

Конечно, теоретически, тут был определенный риск: вдруг лезгины вздумают отделиться не только от Азербайджана, но и от России? Но именно что "теоретически". Я хорошо понимал, что у лезгин нет сил для того, чтобы создать свое собственное государство. Уйти из России в Азербайджан? Там лезгин совсем не жалуют. А вот если будет висеть угроза ослабления или даже потери Азербайджаном контроля над лезгинскими регионами, это очень даже будет отвечать российским интересам.

Короче, я отправился в библиотеку, подобрал литературу по лезгинам и сочинил приличный по содержанию проект постановления Госдумы. Надыр прочитал, подумал, и... согласился. Дальше надо было сделать так, чтобы Дума проголосовала за это постановление. Тут нельзя было действовать прямолинейно. Если бы Хачилаев просто предложил этот свой проект, то многие насторожились бы, нет ли тут какого-то подвоха, и, скорее всего, проголосовали бы против. Поэтому я для начала назвал Надыру отдельных депутатов, для которых лезгинская проблема была более или менее близка. Хачилаев прошелся по ним, объяснил ситуацию, показал проект. Те с небольшими поправками поддержали бумагу и согласились записаться в соавторы. Более того, в конечном итоге именно от их имени проект и был вынесен на голосование Думы.

Тут я дал Хачилаеву еще один ценный совет: не вылезать на пленарном заседании с какими-либо своими выступлениями. Вмешательство депутата от Дагестана лишь породило бы

сомнения и подозрения и могло все испортить. А Хачилаев прямо рвался выступить!

Проект постановления был поставлен в очередь на рассмотрение. И, в конце концов, в один прекрасный день, когда до него дошли руки, был вынесен на пленарное заседание и проголосован. Хачилаев торжествовал, постановление было реальным результатом его избрания в депутаты. Азербайджанцы, надо полагать, учли, что Россия может и разыграть лезгинский фактор. Но никаких официальных протестов или просьб не последовало. Во всяком случае, до Думы никакие протесты не дошли.

Следует отметить, что Хачилаев был совсем не бедный человек. Можно даже сказать миллионер. Однако мне не хотелось помогать ему за деньги, тут интерес стоял выше материальной заинтересованности. При этом Хачилаев, как правило, давал деньги тем, кто к нему обращался с просьбой, жалуясь на те или иные проблемы и беды. Понятно, что это были исключительно мусульмане.

Членство России в ОИК

Был и еще один вопрос, которым заинтересовался Хачилаев, - членство России в Организации исламская конференция (ОИК). Конечно, речь шла не о полноправном членстве, а лишь о статусе наблюдателя. На полноправное членство Россия претендовать не могла и не может, слишком мало мусульман в процентном отношении к другим вероисповеданиям являлись и являются ее гражданами.

А почему бы действительно не подать заявку на статус наблюдателя? Я не видел никаких разумных причин, не позволявших это сделать. Слишком радикальная религиозная ориентация ОИК? Ну и что? Российское членство тут ничего не прибавило и не убавило бы. А статус наблюдателя давал возможность внимательно следить за внутренней кухней ОИК и даже, кто знает, лоббировать какие-то решения. Казахстан

вообще стал полноправным членом ОИК, и ни к каким страшным последствиям это не привело.

Однако не все было так просто. Фактически против участия в ОИК выступал лишь один из заместителей министра иностранных дел. Он считал себя (возможно, не без оснований) большим специалистом по части исламских стран и самым резким образом высказывался против участия России в ОИК. Авторитет этого товарища был высоким, с ним считались в администрации президента. Поэтому фактическая позиция одного человека, по сути, превратилась в позицию государства.

При этом формально в российском МИДе ссылались на позицию Индии. Индийцы были в ярости от того, что в свое время ОИК поддержала решение ООН о проведении плебисцита в Кашмире. Более того, Пакистан вообще заблокировал заявку Индии на вступление в члены этой организации. А тут вдруг Россия будет претендовать на какие-то контакты с ОИК в ситуации, когда Индия враждебно к ней относится?! Ведь Россия – друг Индии, или нет? Представители российского посольства в Пакистане поддерживают какие-то рабочие контакты, ну и достаточно!

Таким образом, я в очередной раз попал в положение тайного диверсанта и саботажника, будучи несогласным с официальной линией собственного государства. И мало того, что не согласен, я пытался эту линию поломать! Настоящая диверсия и саботаж, никак иначе и не скажешь.

В общем, способ улучшить отношения с ОИК лежал, что называется, на поверхности. Я для начала посоветовал Хачилаеву обратить внимание на эту организацию. Тот в ответ рассказал, что уже пытался наладить какие-то контакты, но российские официальные власти очень строго его предупредили не делать этого, а то получается подрыв официальной российской политики.

- Надыр, все это было вчера! А сегодня ты – депутат Государственной думы. Ты по статусу приравнен к федеральному министру. Ты – совершенно независимая

политическая величина. Более того, существует особый механизм, чтобы обеспечить эту твою политическую независимость, – иммунитет от уголовного или иного преследования. Ты волен вести себя так, как ты считаешь нужным. Плюнь ты на этот МИД! Давай договоримся с ОИК, чтобы они тебя официально пригласили на свою сессию. И когда ты получишь приглашение – идешь и покупаешь билет. Садись в самолет и вылетаешь куда надо. И очень я хотел бы посмотреть, как тебя, депутата Госдумы, будут останавливать!

- Володя, так может не получиться! МИД установил официальный запрет, и если я его нарушу, прокуратура обратится в Думу с ходатайством о снятии с меня иммунитета. Идти в тюрьму из-за ОИК?

- Вот если ты убьешь человека, украдешь деньги из сберкасс, вот тогда депутаты лишат тебя иммунитета! А вопрос об участии в работе ОИК – не уголовное преступление. Более того, есть ли у тебя полномочия представлять там Россию? Нет! Значит, ты там формально будешь присутствовать не как представитель России, а как частное лицо. Ни МИД, ни прокуратура не смогут ничего вразумительного тебе предъявить. Более того, если они рыпнутся, им придется объясняться перед депутатами, почему они так не любят эту организацию. А сказать-то, по сути, и нечего!

В конце концов, я убедил Хачилаева рискнуть. Никому мы, понятное дело, об этой затее ничего не сказали. Хачилаев было стал порываться обсудить все это на комитете и получить там одобрение, но я его отговорил. Шансов на одобрение не было никаких, ведь речь шла о налаживании отношений с организацией, занимавшейся распространением идей Ислама, а в памяти были еще вполне свежие события в Чечне, где радикальные исламисты показали себя в полной красе. Нет, комитет это дело не одобрит, это уж точно!

Надыр Хачилаев действительно получил приглашение и съездил на сессию ОИК. Там его встретили с распростертыми объятиями. Мало того, что он наладил там хорошие связи. Ему,

по его словам, выделили аж пятнадцать миллионов долларов на сооружение мечетей в России. Именно такого итога от этой поездки я ожидал? Хотел, чтобы по всей России развернулось строительство мечетей? Нет, конечно! Впрочем, эти деньги, скорее всего, в любом случае попали бы в Россию, если не через Хачилаева, так по другим каналам.

Смысл моего сотрудничества с Хачилаевым был иным. Ясно, что в России полным-полно мусульман. Многие из них придерживаются умеренных позиций и более или менее удовлетворены существующими в стране порядками. Но кто-то, как это нередко бывает, не очень доволен. Среди этих неудовлетворенных есть часть, которая строго относится к Исламу. И эта часть готова на какие-то резкие действия под прикрытием идей Ислама.

Можно ли считать этих людей радикальными исламистами? В любом случае это активная часть общества, причем организованная по религиозному признаку. И эта часть общества совершенно определенно не будет бесконечно сидеть и безропотно ждать, как ее судьбу будут решать кремлевские правители. Эти мусульмане запросто могут что-то и сами предпринять.

Хачилаев как раз и относился к этой части людей, он ориентировался на Ислам, был активный, образованный, был способен сформулировать какие-то политические цели, а потом организовать и повести за собой своих сторонников. И как надо было относиться к таким людям? Зарыть голову в песок как страус и ждать, что дальше будет? Или вообще совершать сумбурные бессистемные действия, которые только раздражают мусульман и подталкивают их к протесту? По моему мнению, кремлевские власти нередко именно так и поступали.

Мне казалось, что политику по отношению к активным исламистам можно строить иначе, с ними можно найти общий язык, можно целенаправленно на них влиять, а в конечном итоге находить варианты мирного сосуществования. Иными словами, я верил в возможность диалога с этими людьми. Во всяком

случае, худо-бедно, но лично у меня такой диалог получался. Даже получалась какая-то степень контроля, сдерживания от радикальных поступков.

А какой диалог с исламскими активистами, если ты не участвуешь во внутренней кухне, которая варится в Организации исламская конференция? Низводить контакты с этой организацией до посиделок в ресторане на уровне младших дипломатов российского посольства в Пакистане?

Итак, первым итогом организованного мной контакта на уровне депутата Хачилаева получилось выделение денег и строительство дополнительных мечетей. То есть получилось распространение идей Ислама и усиление роли исламского лидера, не очень поддерживавшего контакты с официальными лицами из Кремля. А если бы Хачилаев не поехал на сессию ОИК? Деньги бы не попали в России? Их не истратили бы на пропаганду идей Ислама? Конечно, попали бы! Только уже подпольно, то есть в формах, создававших угрозу власти.

Кстати, жизнь показала, что именно я тогда был прав. Заместитель министра, не любивший ОИК, в конце концов, помер, и после этого в России началась эпоха налаживания контактов и взаимодействия с этой организацией, которая в конечном итоге завершилась выходом на статус наблюдателя. Россия официально стала в ОИК наблюдателем, и это никак не отравило отношения с Индией. Однако все это случилось уже через несколько лет после описываемых событий.

Похищение Валентина Власова

В один прекрасный день мои взаимоотношения с Надыром приобрели неожиданный оборот. Если быть точным, то дело было в ночь с первого на второе мая 1998 года. Я как раз прохладился в загородном санатории недалеко от Москвы. Впрочем, это было даже скорее лечение, чем отдых. Вдруг ночью в моей палате зазвонил городской телефон. "Кому это понадобилось так поздно мне звонить? Не случилось ли чего?".

В общем, я схватил трубку, ожидая услышать неприятные вести. Но оказалось, что неприятностей не случилось.

- Привет, Володя! Как жизнь, как дела? Ты понял, кто это говорит?

- Да.

Собеседник себя не назвал, но по голосу я легко узнал Хачилаева. Звонил он, судя по качеству связи, не из Москвы, а, видимо, из Дагестана или из какого-то другого, но столь же отдаленного места.

- Володя, у меня к тебе просьба. Срочно найди нашего общего друга. У меня есть к нему совершенно неотложное и важное дело!

Я сразу понял, о каком "общем друге" шла речь, и пообещал его разыскать. На этом разговор закончился.

Звонок разогнал весь сон. Я стал вычислять, чего хотел Надыр. Вырисовывалась такая картина. "Общий друг" - это Борис Геннадьевич Зенков, первый вице-президент Инкомбанка, хороший мой знакомый, даже, может быть, приятель. В свое время я познакомил его с Хачилаевым. Если Надыру был нужен этот "друг", значит, речь шла о финансах, о деньгах, о какой-то крупной операции. По мелочи Хачилаев не стал бы так напрягаться.

То, что дело было крупное, представлялось совершенно очевидным. Надыру не лень было дозвониться ночью моей жене, взять у нее номер телефона, стоявшего в палате, и в середине ночи поднимать меня с постели! Боле того, это все происходило на майские праздники. Впереди несколько дней выходных! Не мог же Хачилаев этого не знать! И тем не менее он меня нашел да еще хотел срочно связаться с "общим другом".

Что же он хотел, этот Надыр? Понятно, что сидя за городом в санатории, я все равно внимательно следил за политической и общественной жизнью России. В это время произошло только одно крупное событие на Северном Кавказе – похищение Валентина Власова, представителя президента в Чечне. Уж не о нем ли шла речь?

Вообще-то, все сходилось. Надыр, как мне было известно, любил заниматься вызволением заложников из Чечни и немало в этом преуспел. Освобождение Власова – это крупная политическая акция, которая очень прибавила бы Хачилаеву авторитета. Заняться этим вопросом он мог запросто, так как был на короткой ноге со всеми чеченскими деятелями, которые хоть как-то упоминались в средствах массовой информации. Причем среди его друзей были не только официальные должностные лица, но и полевые командиры, имевшие репутацию настоящих живодеров и террористов. Надыр без особого стеснения рассказывал мне и о них.

Заложников в Чечне брали для того, чтобы получить выкуп. Речь, как правило, шла либо об освобождении из российских тюрем каких-нибудь чеченских головорезов, либо о получении денег, причем в размере нескольких миллионов долларов. Ясно, что эти миллионы нужно было как-то получить. Наличными? Очень может быть! Впрочем, был не исключен и вариант банковского перевода долларов, иногда это было даже удобнее. Но в любом случае тот, кто организовал освобождение, мог "отщипнуть" из суммы выкупа какую-то часть и себе. Надыр, по моему мнению, хорошо понимал, что перевод денег через банк предполагал, что будет использована такая схема запутывания, чтобы никто и никогда не мог раскопать, кто и где на самом деле получил деньги. "Общий друг" был высоким специалистом по таким запутанным операциям с переводом денег кому надо, и это хорошо знал и я, и Хачилаев. Впрочем, Борис мог организовать и наличные, в том числе и в майские праздники.

Освобождение Власова – это было, действительно, очень срочное и важное дело. Для его реализации вполне можно было позвонить ночью в загородный санаторий и попросить немедленно разыскать "друга", невзирая ни на какие выходные и праздничные дни. Да, кстати, в этом же телефонном разговоре Надыр спросил, как быстро я успею выполнить эту просьбу. Я честно ответил, что впереди несколько дней праздников. В разговоре возникла пауза, и я решил добавить, что постараюсь

справиться в течение одного дня. Выходило, что Хачилаев очень хорошо понимал, что речь шла именно о праздниках.

Как я ни прикидывал, выходило, что все это дело, скорее всего, касалось освобождения Валентина Власова из плена. Пришлось мне на следующий день разыскивать своего "друга". А если он за границей, как всегда на сафари в Северной Африке? Из своей палаты я звонить не стал. Не хотелось использовать и общественный телефон на первом этаже. Конечно, это была не гарантия конфиденциальности, если уж за мной следили, то никакие такие мелкие ухищрения не помогли бы. Но вдруг я все-таки еще не сижу под колпаком? Тогда неосторожный разговор мог привлечь внимание и создать проблемы. Я отправился в соседний корпус и там с телефона-автомата, в конце концов, разыскал Бориса, который, по счастью, не поехал в Африку ни на какое сафари.

Как смог, я обиняками и намеками, не называя имен, постарался объяснить ситуацию, после этого позвонил Хачилаеву в Дагестан и передал, по какому телефону он может связаться с Борисом. На этом мое активное участие в предполагаемой операции закончилось, и оставалось только внимательно следить за новостями, ожидая развязки.

Перестрелка

Развязка не заставила себя долго ждать. Через несколько дней по телевизору я наблюдал, что именно случилось в Дагестане, в его столице Махачкале. Как выяснилось, Надыр Хачилаев на двух джипах ночью возвращался откуда-то к себе домой. Хотя его машину хорошо знали, тем не менее, местные милиционеры по какой-то причине остановили колонну и попытались обыскать оба джипа. Охрана из второго джипа тут же открыла стрельбу, подстрелила кого-то из милиции и удрала. Обе машины подъехали к дому Хачилаева и пассажиры укрылись внутри. Через некоторое время милиция окружила дом (заметим себе, дом депутата Государственной думы, защищенного

иммунитетом!) и начала самую настоящую осаду. После перестрелки Хачилаев согласился разрешить обыскать дом. Обыск ничего не дал. А возмущенный Хачилаев, поддерживаемый своими сородичами, пошел во главе демонстрации к дому Госсовета. Демонстрация легко переросла пусть в кратковременный, но захват здания Госсовета.

Именно все это я и увидел по телевизору. И многое меня в этой истории удивило. Его, если быть честным, то удивило все. Хачилаева более чем хорошо знали в Махачкале. И вдруг решили проверить его машины! С какой стати? Что хотели найти в его машинах местные милиционеры? Да и имели ли они право проверять личный автомобиль депутата Государственной думы? Ну, проверили бы, увидели там уставшие лица его охранников. А еще что? Оружие? Для этого региона оружие не было чем-то сильно необычным.

Но реакция людей Хачилаева также была неадекватной. Зачем надо было стрелять, тем более на поражение? Заглянули бы милиционеры в машину, убедились, что все в порядке, и отпустили бы всех на все четыре стороны! Вот и нет никакого конфликта. Но охрана Хачилаева почему-то сразу же применила оружие!

Вся эта ситуация говорила только об одном: в машинах был какой-то исключительно ценный груз. Милиция знала о грузе и попыталась его перехватить. А Хачилаев не желал этот груз отдавать и пошел на стрельбу и в итоге на большой конфликт.

Дальше Хачилаев и его охрана скрылись в доме депутата. Несомненно, что в этой суматохе кто-то из этой группы мог отколоться и увести "груз" в ином направлении. Однако основная группа засела именно в доме. И милиция начала штурмовать этот дом! Началась перестрелка. Зачем штурмовать? Как можно определить, кто стрелял из машины? Или милиция все-таки подозревала наличие необычного и очень ценного "груза" и желала заполучить его любой ценой, даже путем штурма дома депутата? Очень на то похоже.

Более того, люди, засевшие в доме Хачилаева, а может быть, и лично он, начали отстреливаться. Зачем? Зачем надо было усугублять конфликт? Пустили бы милицию в дом, пусть ищут, что им надо. Найдут – молодцы. Всегда можно было сказать, что охранник, который стрелял, куда-то скрылся. Ищите, где хотите! Но Хачилаев и его сторонники начали ответную стрельбу, причем, заметим себе, против законных представителей правоохранительных органов. Похоже, люди Хачилаева совсем не хотели никого пускать в дом, даже рискуя при этом погибнуть. Хачилаев явно не хотел, чтобы милиция быстро зашла в его жилище. Может быть, надо было выиграть время, чтобы что-то уничтожить, перепрятать, вытащить по тайному подземному лазу?

В конце концов, штурм прекратился, стороны вступили в переговоры и в конечном итоге Хачилаев разрешил обыскать свое жилище. Милиция ринулась внутрь, но ничего криминального не нашла. Более того, милиция не попыталась задержать кого-либо, кого она подозревала в применении оружия из джипа. Милиционеры вышли из дома несолоно хлебавши и убрались восвояси. Вот и все! Казалось бы, инцидент был исчерпан к удовольствию всех сторон.

Захват здания Госсовета

Но Надыр Хачилаев считал иначе! Он собрал своих сторонников и направился к дому Госсовета. Все дело закончилось захватом этого дома, пусть и кратковременным. Получалось, что операция милиции не просто разозлила Хачилаева. Он воспринял ее как попытку полностью отстранить его от власти. Получалось, что в джипах было что-то такое, что могло его сильно скомпрометировать. Во всяком случае, Хачилаев счел разумным не отсиживаться, а пойти ва-банк и отправиться к дому Госсовета во главе толпы своих сторонников. А те либо по его команде, либо вопреки, но начали штурм здания Госсовета, что формально могло быть

квалифицировано даже как мятеж и попытка насильственного захвата власти.

Остается только гадать, что именно находилось в этих злополучных джипах. Собственно говоря, версий тут было немного: либо деньги, причем большие, может быть, предназначавшиеся для выкупа заложника, либо криминальный груз, например, наркотики. Или даже сам заложник Валентин Власов? А может быть, и то, и другое: и заложник, и выкуп? В любом случае Надыру как-то удалось так распорядиться этим "грузом", что в результате дагестанские милиционеры остались с носом, ничего не смогли найти и ничего не смогли народному депутату инкриминировать. Либо милиция плохо обыскивала дом Хачилаева и не смогла обнаружить хорошо замаскированный тайный лаз, либо "груз" вообще сразу повезли в другом направлении, а Надыр организовал ответную стрельбу, чтобы отвлечь внимание милиции и дать время своим сторонникам уйти подальше от погони. Не в аварские ли села был увезен этот таинственный "груз"? Те самые высокогорные села, которые в следующем году штурмовали федеральные войска? Ведь именно тогда Дагестан был объявлен независимым исламским государством.

Самое интересное, что согласно официальным сообщениям, Хачилаев действительно занимался освобождением Валентина Власова. Но, согласно версии журналистов, он стал предпринимать эти попытки уже после захвата здания Госсовета в Махачкале. Журналисты полагали, что, пытаясь освободить Власова, Хачилаев набирал положительные очки и старался сгладить неприятный эффект от своих действий, которые можно было интерпретировать как попытку захвата власти. На самом же деле Хачилаев сначала каким-то боком влез в историю с похищением Власова. А уж потом случилась перестрелка в Махачкале и штурм дома депутата. И очень вероятно, что изначально эти события были связаны между собой.

Нервная реакция

Длинные майские праздники, в конце концов, закончились. А еще через какое-то время я, наконец, завершил курс своего лечения в загородном санатории и вернулся назад в Думу. Бумаг за время моего отсутствия собралось не так много, но все равно с ними надо было разбираться. Пока я рылся в этой бумажной куче, в дверь служебного кабинета кто-то осторожно постучал. Даже скорее не постучал, а осторожно стукнул и сразу же вошел внутрь. Я поднял голову и увидел, что это был Хачилаев собственной персоной. Выглядел он как обычно молодцевато и даже, наверное, лихо. Одет с иголочки, холеное лицо, руки. Единственно, что сразу обращало на себя внимание, это то, что Надыр как бы отводил взгляд, старался смотреть не прямо в глаза, как он обычно это делал, а как бы немного в сторону. Был он какой-то слегка взъерошенный. Да и зашел он, будто украдкой, осторожно. Впрочем, это было и неудивительно, ему после захвата здания Госсовета стали вменять чуть ли не попытку государственного переворота. Будешь тут отводить глаза и ходить украдкой!

Я, однако, не полез к нему с расспросами, если захочет, то сам все изложит! И начал рассказывать о ситуации в комитете, о предстоящей повестке дня, о текущих думских интригах. Надыр сидел и внимательно слушал. Но было видно, что у него на уме какие-то свои вопросы. Однако он не торопился их задавать.

Наконец я выдохся, и чтобы перевести разговор, спросил, как бы между прочим, как успехи в деле освобождения заложников. Казалось бы, самый обычный вопрос. Если ты не занимаешься никакими освобождениями, то так и скажешь. А если занимаешься, то расскажешь, если захочешь.

Но реакция Хачилаева была неожиданной. Он аж подскочил:

- Почему ты спросил про заложников? Что ты про это знаешь? Кто тебе что сказал?

Я миг понял, что невольно затронул горячую тему, да и вопрос на самом деле вырвался как-то произвольно. Видимо,

подсознательно я никак не мог отвязаться от ночного звонка Надыра, от похищения Валентина Власова и от перестрелки у дома Хачилаева. Однако реакция Хачилаева показала, что я не напрасно связывал все эти вопросы.

Тема была не просто горячей, а очень горячей. Не по своей же инициативе махачкалинские милиционеры остановили ночью кортеж Хачилаева и так лезли его обыскивать, что нарвались на пулю! Понятное дело, что милиционеров навели. Более того, пытались выдать все это за случайную проверку на дороге. Наводка на Хачилаева, судя по всему, была достоверной, иначе там не случилось бы кровопролития. Однако возникал законный вопрос, кто именно навел. Может, именно я, который из ночного звонка сделал далеко идущие выводы? Если Хачилаев сочтет стукачом меня, то кончится все это плохо! Для меня, конечно.

Выводы из того звонка я, конечно, сделал, но, понятное дело, ни с кем ими не делился. Впрочем, если я смог сопоставить некоторые события, то это с таким же успехом мог сделать кто угодно. Любой человек из спецслужб, кто внимательно следил за Хачилаевым и его контактами, мог сообразить, что речь, скорее всего, шла о выкупе за Валентина Власова.

Почувствовав такой горячий интерес Хачилаева, я стал оправдываться, что ничего такого особенного не имел в виду. Просто на ум пришла недавняя громкая история с Власовым, а Хачилаев в каких-то своих предыдущих беседах упоминал, что он помогал освобождать заложников.

Надыр слушал довольно недоверчиво и даже не скрывал этого. Но потом он, судя по всему, смекнул, что если бы я на него "стучал", тем более о своих подозрениях по части Власова, то уж никак бы сам не завел разговор на эту тему. И Хачилаев, наконец, отстал со своими расспросами. А я для себя отметил, что реакция Хачилаева была и болезненной, и просто неадекватной. Видимо, он действительно имел отношение к истории с Валентином Власовым. И очень может быть, что

именно поэтому и возникла вся недавняя стрельба в Махачкале вокруг его кортежа.

Обращение генпрокуратуры

А через некоторое время в Думу обратилась Генеральная прокуратура с просьбой снять с Хачилаева депутатскую неприкосновенность. Надыр по телефону, а его помощники лично стали непрерывно советоваться со мной, что ему делать. Прокуроры пытались инкриминировать Хачилаеву захват здания Госсовета. В сущности, роль Хачилаева в этих событиях в Махачкале была далека от криминальной. В Дагестане шла определенная политическая борьба. Какие-то ее участники проявили в определенный момент некоторую несдержанность. Ну, разбили пару окон, захватили служебные кабинеты, а потом вышли вон и извинились. Какая уж тут попытка захвата власти?! Речь скорее шла о серьезном предупреждении местным властям, чтобы они знали меру в политической борьбе, вот и все. Если бы Хачилаев вышел на думскую трибуну и все связанно разъяснил депутатам, он бы имел, по моему мнению, хороший шанс вызвать к себе всеобщее сочувствие. В конце концов, в той Думе было полным-полно оппозиционных Кремлю депутатов, которые и сами время от времени попадали в сложные ситуации. В результате Дума, скорее всего, не набрала бы двухсот двадцати шести необходимых голосов, иммунитет бы не сняли. И в итоге Хачилаев бы имел шанс посрамить всех своих дагестанский врагов, воспользовавшись федеральными рычагами власти. Как я считал, этот план имел преимущество: привязывал Хачилаева к Думе, заставлял его больше считаться с тем, какой эффект на думских депутатов производят те или иные его инициативы. Попадая в зависимость от Думы, Надыр волей – неволей немного осторожней стал бы вести себя в вопросе о независимости Дагестана. Подчас по этой теме он высказывался уж слишком круто! Скорее всего, в переговорах с

Москвой относительно Хачилаева его враги не преминули бы обыграть этот вопрос.

Со всеми этими соображениями я отправился советоваться к председателю мандатной комиссии, дважды Герою Советского Союза, космонавту Виталию Ивановичу Севастьянову. Формально считалось, что мандатная комиссия является временным органом Государственной думы, поэтому ее председатель одновременно состоял членом одного из комитетов Думы. Виталий Иванович был членом Комитета по международным делам. Я поддерживал с ним хорошие отношения не только в силу близких политических взглядов, мой отец тоже был Героем Советского Союза, воздушным асом Великой Отечественной войны ("сталинский сокол"). Севастьянов это знал и стремился мне как бы покровительствовать.

Виталий Иванович сидел в отдельном кабинете в конце коридора седьмого этажа. Это был просторный кабинет, такой, какие полагались председателям комитетов. В сущности, Севастьянов пользовался всеми преимуществами и благами, которыми пользовались председатели комитетов: помимо кабинета он имел и небольшой аппарат сотрудников, секретаря, телефоны АТС-1 и АТС-2, персональную машину. Все это было, конечно, не принципиальным. Но и не лишним.

Виталий Иванович внимательно меня выслушал. Разговор получался совсем даже не праздный, а служебный. Через какое-то время мандатная комиссия должна была вынести свой вердикт по части Хачилаева. Она должна была либо рекомендовать снять с него иммунитет, либо отказать прокуратуре. И в данном случае получалось, что лучше было как раз отказать. Никакой попытки захвата власти в Махачкале не было, а была просто разборка между местными лидерами. Причем в ее основе лежали либо политические интересы, либо экономические, либо просто личные амбиции. Хачилаев был не просто религиозным лидером. Он имел очень даже существенные экономические интересы в рыбном и икорном

бизнесе, учитывая наличие в Дагестане берега Каспийского моря. Понятное дело, что прокуратура в своем обращении в Думу никак этих вопросов не касалась, а просто высказывала суждения по формальному признаку. Был несанкционированный митинг? Был. Часть его участников ворвалась в дом Госсовета? Ворвалась. На митинг кто людей организовал? Хачилаев. Вот пусть и отвечает по закону! И не важно, что люди, захватившие дом Госсовета, через час его добровольно покинули. Формально их действия можно было трактовать как попытку захвата объекта, где располагался орган местной власти.

Напомню, что в то время это была не просто Дума, а "красная" Дума. То есть орган, вовсе не стоявший по стойке "смирно" перед президентом и правительством. Депутаты "красной" Думы вполне могли себе позволить и не согласиться с исполнительной властью, особенно по такому щекотливому вопросу, как уголовное преследование одного из депутатов за действия, которые как минимум имели политический оттенок.

Виталий Иванович внимательно меня слушал, задавал уточняющие вопросы и время от времени в знак согласия кивал головой. Получалось, что со снятием иммунитета с Хачилаева не стоило спешить. В конце концов, можно было направить в Дагестан группу депутатов, которые встретились бы со всеми участниками конфликта и раскопали всю подноготную этой зловещей истории. И потом доложили бы о результатах. А то получалось, что руками прокуратуры решались серьезные политические вопросы, о сути которых никто Думе и не собирался докладывать.

Более того, речь ведь шла не просто о каком-то провинциальном депутате. Речь шла о формальном лидере второй по значимости религиозной мусульманской организации России. За ней стояли даже не тысячи, а миллионы мусульман, которые тоже при определенных условиях могли выйти на улицы в знак протеста. А тут вдруг их лидера хотят посадить в тюрьму по какому-то довольно шаткому обвинению,

вытекающему из-за непонятно какого конфликта с тогдашним руководителем Дагестана.

Конечно, этот мой разговор с Севастьяновым был очень предварительным. Если все то, что я говорил, действительно имело место, требовалось послушать и самого Хачилаева. Но для этого он должен был прибыть в Москву. А что, если его тут немедленно и арестуют, не дожидаясь голосования на пленарном заседании?

Предложение воспользоваться туннелем

Казалось бы, все шло к тому, чтобы порекомендовать Хачилаеву приехать в Москву и здесь основательно объясниться со всеми заинтересованными сторонами. Но тут произошло одно событие, которое заронило серьезные сомнения в мою душу. Вдруг ко мне заявился один из сотрудников охраны Думы. Я хорошо его знал и даже поддерживал более или менее приятельские отношения. Этот человек зашел ко мне в кабинет в тот же день, когда состоялась беседа с Севастьяновым.

- Володя! Послушай меня! Я знаю, что прокуратура обратилась в Думу с просьбой о снятии иммунитета с Хачилаева. Ты ведь с ним дружишь?- последнее предложение товарищ произнес не вопросительно, а скорее утвердительно.- Так вот, есть один интересный вариант. Допустим, Дума проголосует за снятие иммунитета. Но я понимаю, что весь конфликт вокруг Надыра надуманный, нет оснований его сажать в тюрьму. Пусть он приедет и выступит на пленарке. Он всех убедит, это точно! Но если все равно Дума проголосует за снятие иммунитета, то тогда есть вот какой вариант. Я готов провести его одним из туннелей под зданием Думы. И никто не сможет его арестовать! Я его выведу в безопасное место, и пусть едет, куда ему надо. А эта прокуратура совсем уж не в свои дела лезет!

- Хорошо! Я передам это Хачилаеву,- я отреагировал просто мгновенно, при этом постарался придать своему лицу как можно более лояльное выражение.

Товарищ удовлетворенно кивнул в ответ и немедленно вышел вон.

А я в очередной раз очень сильно задумался. Отношения с этим товарищем были почти приятельские. Но формально служба охраны Думы была частью службы охраны президента. Если этот разговор не был самодеятельностью, то получалось, что дело Хачилаева замыкалось вовсе даже не на губернаторе Дагестана, а на самых приближенных к Ельцину политиках. И тогда получалось, что обвинения в штурме здания Госсовета, а также все то, что этому предшествовало, было не случайным совпадением обстоятельств, а частью большой игры на федеральном уровне. Именно на федеральном! А Хачилаев был мишенью всей этой игры.

В общем, предложение товарища из охраны выглядело скорее как попытка заманить Хачилаева в ловушку. Тоннелем-то его, может быть, и проведут. А потом за первым же углом и арестуют! А заманить Хачилаева в эту ловушку предлагалось Володе Трофимову. За такие дела радикальные мусульмане могли не просто снести башку. Скорее всего, они предварительно зажарили бы меня на большой сковороде, а потом еще и скушали с маслом.

Нет, судя по всему, за этой просьбой прокуратуры стояло нечто большее, чем просто разборки Хачилаева с местными властями! Не вздумал ли кто-то в Кремле или на площади Дзержинского (кстати, возглавлял тогда эту структуру и был, вероятно, моим оппонентом по Хачилаеву В.В.Путин) обезглавить Союз мусульман России? Упрятать Хачилаева за решетку, вот и все? Если речь шла именно об этом, то затея выглядела довольно корявой. Хачилаева можно было, конечно, и арестовать, и даже убить. А дальше-то что? Рядовые мусульмане-то ведь никуда не денутся! Если не будет Хачилаева, то возникнет вопрос о новом руководстве Союза

мусульман России. Может быть, у доблестных российских чекистов есть в запасе кандидатура, которая фактически находится под их контролем и одновременно столь авторитетна, что сможет повести за собой эту часть мусульман?

В общем, я тогда сразу прикинул, о ком именно могла идти речь. Вида этот товарищ был, действительно, очень грозного, даже зверского. Но ведь о людях судят не только по виду, но и по делам! Как только он своими делами начнет вызывать сомнения у других членов Союза мусульман России, организация тут же превратится в формальную структуру. А реальные активисты создадут свои собственные тайные ячейки, не контролируемые в России никем. Забегая вперед, отметим, что так оно в конечном итоге и получилось.

Собственно говоря, точно такая же ситуация уже сложилась и в Чечне. Проще простого было организовать покушение на Масхадова. Но толку-то?! Какой будет результат? Бандиты никуда не денутся, только разобьются на мелкие отряды. И тогда будут утрачены последние возможности хоть как-то держать их всех в поле зрения. Уж про контроль и влияние можно будет сразу забыть!

Я не спешил звонить Хачилаеву, а ходил туда и сюда по своему кабинету и прикидывал варианты. Нет, действительно, в этом деле было многовато неизвестных величин! Что там на самом деле произошло с похищением Валентина Власова? Конечно, организовать и конкретно руководить похищением мог только реальный полевой командир. Хачилаев таковым не являлся. Но вести переговоры о выкупе через него было очень даже удобно. Хачилаев одновременно пользовался определенным авторитетом и у мусульманских радикалов, и имел доступ к высшим чиновникам федеральной власти. У одних возьмет деньги и передаст кому надо. При этом заберет Власова и вернет федералам. Вся операция – на честном слове.

Очень было похоже, что Хачилаев пытался в одно движение освободить Валентина Власова. Из контекста ночной телефонной беседы Хачилаева со мной явно следовало, что

прорабатывался механизм передачи денег. А ведь с момента похищения Власова прошло совсем мало времени!

Получалось, что кто-то на федеральном уровне прознал про эти приготовления Хачилаева и попытался его перехватить. Либо это была попытка немедленно задержать Власова, вырвав его без уплаты выкупа, либо попытка отнять сам выкуп. При этом Хачилаеву явно отводилась роль дурака, который должен был таскать для кого-то каштаны из огня. Кого именно? А кто в нашей стране занимается такими, мягко скажем, скользкими делами?! Выше его фамилия уже разок упоминалась.

Может быть, все эти мои рассуждения были далеки от реального положения событий, а может, и нет. И чем больше я раздумывал надо всей сложившейся ситуацией, тем меньше и меньше мне нравился вариант с приездом Хачилаева в Москву. Конечно, тот мог приехать в Думу и честно объясниться перед коллегами. Но это только в том случае, если вообще вся игра вокруг него была честной, а реальные претензии совпадали с претензиями прокуратуры. А если нет? Если все эти прокурорские ходатайства являлись лишь прикрытием, чтобы выбить Хачилаева из игры вокруг Власова, или вовсе убрать с поста председателя Союза мусульман России? Если так, то с такими игроками следовало вести себя поосторожней!

Заседание фракции КПРФ

Однако тем временем состоялось заседание фракции коммунистов в Госдуме. Доброхоты тут же сообщили мне, что в повестке дня коммунистов будет и вопрос о снятии иммунитета с Хачилаева. Очень интересно! Я понимал, что Севастьянов как председатель мандатной комиссии сможет честно рассказать обо всей этой возне вокруг Хачилаева. Но достаточно ли будет этого для его соратников по партии?

Ответа ждать долго не пришлось. Я увидел в коридоре Севастьянова, который возвращался с заседания фракции. Тот довольно решительно шагнул от лифта к своему кабинету.

- Виталий Иванович! Как прошла фракция? Что решили по Хачилаеву?

Севастьянов глянул на меня через плечо, чуть замедлил шаг, но не остановился, а продолжал идти к кабинету. И это был плохой признак. Виталий Иванович не считал зазорным при случае зайти ко мне в кабинет и что-то обсудить. Если он не сделал этого сейчас, значит, тому были веские основания.

Я догнал Севастьянова, пошел с ним рядом. Виталий Иванович какое-то время шел молча, не отвечая на мой вопрос. Потом просто взорвался.

- Этот чертов Хачилаев! Делает там не пойми что, а мы тут все должны с ним возиться!

Больше Севастьянов ничего не сказал, а только прибавил шаг, давая понять, что дальше обсуждать эту тему не намерен. А я и не собирался настаивать. Все и так было предельно ясно. Судя по всему, Севастьянов на заседании фракции изложил свои соображения. Обязательно изложил, иного варианта тут не было! Но ему, видимо, стали возражать. Причем возражали в том ключе, что выставили космонавта в качестве аполгета сомнительной северокавказской личности.

Севастьянов пользовался немалым авторитетом у коммунистов. Сразу после расстрела Белого дома он входил в тройку лидеров коммунистов, которые представляли КПРФ на выборах в Думу. Многие не без оснований полагали, что во многом именно благодаря Севастьянову коммунисты набрали так много голосов избирателей. Потому мнение Виталия Ивановича чего-то да значило среди его товарищей по партии. А уж если он высказывался непосредственно по вопросам своей компетенции, то есть по части мандатной комиссии, то тут ему можно было возражать только в одном случае: если это была позиция руководства партии. То есть позиция лично Зюганова.

Получалось, что на фракции Севастьянов попал под критику именно Зюганова. И это значило, что кто-то предварительно с Зюгановым переговорил. Это могли быть только кремлевские чиновники, кто-то близкий к Ельцину. Или лично какой-то

руководитель российских спецслужб (не будем от греха все еще раз упоминать его фамилию). Во аж на каком уровне решался вопрос с Хачилаевым! Впрочем, чего удивляться?! Валентин Власов был представителем Ельцина. А Хачилаев возглавлял религиозный союз, который мог стать основой консолидации всех российских мусульман, недовольных политикой центральных властей.

Итак, подтверждалась версия, что события в Махачкале не были случайным стечением обстоятельств. Видимо, кто-то из Москвы хотел представить все, как случайность, но перестарался и не обеспечил операцию необходимой поддержкой. В результате взять Хачилаева на чем-то "горячем" не удалось. И теперь приходилось прикрывать свою собственную некомпетентность, выдавливая Хачилаева с политического поля с помощью прокуратуры и липовых формальных оснований.

Кто все-таки стоял за всей этой травлей Хачилаева? Уж не ближайšie ли его сподвижники, которые сами претендовали на лидерство в Союзе мусульман России и которые были тесно связаны с российскими спецслужбами? Не буду ничего дальше домысливать, на сегодняшний день рассуждения на эту тему могут быть опасными. А потомки уж как-нибудь, авось, поймут мой иносказательный язык и нежелание называть конкретные фамилии. Слишком горячо!

Наконец я позвонил Хачилаеву в Дагестан, подробно изложил свои соображения и не стал отговаривать Надыра от поездки в Москву и от выступления на пленарном заседании. Но честно рассказал, чем может быть чревата такая поездка, если Дума все-таки снимет с него иммунитет. Хачилаев сказал, что пока еще не решил, приезжать ему, или нет. Однако по тону его ответов я безошибочно определил, что Надыр решил не играть в сомнительные игры с федеральными властями.

Это решение оказалось правильным. Хачилаев в Москву не приехал, и Дума рассмотрела вопрос о нем в его отсутствие. Никакой дискуссии при этом не получилось. Депутаты

полагали, что все тут и так ясно и 11 сентября 1998 года дружно проголосовали за снятие иммунитета. Это означало, что против Хачилаева будет возбуждено уголовное дело, а если он будет скрываться, то будет объявлен в розыск.

"Пирамида" Мавроди

Кстати, тут я лишний раз убедился, что трудно предвидеть все зигзаги судьбы. Дело в том, что изначально для того, чтобы лишить депутата иммунитета, требовалось набрать две трети голосов от общего числа депутатов. То есть лишение иммунитета рассматривалось как достаточно исключительная ситуация. Две трети надо набирать, например, для преодоления "вето" президента или для принятия конституционного закона. Однако сама процедура снятия иммунитета была записана не в законе, а в регламенте Государственной думы. А регламент утверждался не квалифицированным, а простым большинством депутатов Думы.

В один прекрасный день за несколько лет до описываемых событий возник вопрос о снятии иммунитета с одного из депутатов. Это был небезызвестный Сергей Мавроди со своей "пирамидой". Понятно, что делишки Мавроди к этому времени прогремели на всю страну. И когда прокуратура попросила

снять с него иммунитет, чтобы возбудить уголовное дело, депутаты сильно зашевелились. С одной стороны, покрывать Мавроди было совсем не с руки, такой депутат только компрометировал Думу. С другой стороны, далеко не всем хотелось превращать процедуру лишения иммунитета в рутинное дело. А то сегодня Мавроди привлекут за дело, а завтра и до тебя доберутся, и повод к тому найдут!

Более того, какие-то депутаты сомневались в справедливости выдвинутых против Мавроди обвинений. Или Мавроди им вульгарно проплатил, чтобы сохранить иммунитет? А только предварительные прикидки показывали, что Дума может и не набрать по этому вопросу две трети голосов.

Понятное дело, Севастьянов как председатель мандатной комиссии решил посоветоваться с опытным юристом. То есть со мной, тем более что я был одним из соавторов регламента Думы. Было видно, что Виталий Иванович вовсе не сочувствовал Мавроди, а как раз наоборот, очень желал с ним расправиться. Но как? Откуда взять эти две трети? А если не наберешь? То есть получалось, что докладывать на пленарном заседании должен был именно Севастьянов. И если после этого голосов не набиралось, всякий мог сказать, что Виталий Иванович – плохой председатель мандатной комиссии, небрежно проработал вопрос и неубедительно его доложил депутатам.

- Виталий Иванович, не надо волноваться! Просто голосование по Мавроди надо провести в два этапа,- я и сам не очень-то симпатизировал этому аферисту с греческой фамилией и вполне горел желанием помочь с ним расправиться.- Надо предварительно от имени мандатной комиссии вынести на голосование Думы вопрос о внесении изменений в регламент. И изменить две трети на простое большинство. А когда постановление будет подписано председателем Думы, выносить уже и сам вопрос о Мавроди. Двести двадцать пять голосов, я полагаю, Дума по Мавроди наберет!

- Володя! А такой вариант возможен?– Севастьянов просто не мог поверить в свое счастье.– А ты можешь подготовить проект такого постановления по изменению регламента?

Виталий Иванович радовался не напрасно. С одной стороны, Мавроди лишался мандата почти гарантированно. С другой стороны, все увидели бы, что работа в мандатной комиссии, это не просто штамповать решения. Все-таки тут требовались и какие-то особые юридические ухищрения.

Я достаточно легко подготовил искомый проект постановления. Севастьянов все довольно культурно объяснил депутатам и те без возражений проголосовали "за". А еще через какое-то время они точно так же проголосовали и по Мавроди, который в результате с моей легкой руки успешно отправился в тюрьму.

Однако упрощение процедуры привело к тому, что лишить депутата иммунитета стало довольно-таки просто. И эта простота очень быстро сказалась. Теперь по довольно спорному вопросу о Хачилаеве депутаты легко набрали простое большинство. А если бы требовалось квалифицированное большинство, то еще неизвестно, чем бы все это голосование закончилось. Сказать честно, я тогда пожалел, что из-за этого Мавроди вылез со своими предложениями по изменению регламента Думы. Я своими руками ослабил защиту депутатов от происков исполнительной власти, которая контролировала силовиков и могла запросто организовать уголовное дело против депутата, придумав какой-нибудь формальный повод, а по сути, сфабриковав уголовное дело.

В бегах

После потери депутатского иммунитета Хачилаев, понятное дело, в Москве больше не появлялся. Но он обозначился в публичном поле, что довольно широко освещалось в СМИ. Точнее, он публично предложил свои услуги по освобождению Власова. Самое интересное, что эти попытки были, в общем,

поддержаны в Москве. Надыр даже смог встретиться с Власовым, сидевшим в плену, переговорить с ним. Потом попытался договориться, чтобы федеральные власти дали ему миллионы, которые требовали похитители за своего заложника. Якобы, Степашин дал понять Хачилаеву, что денег выделять не будет. И если Надыр хочет, чтобы уголовное дело против него и его брата было прекращено, то пусть сам собирает и выплачивает выкуп. После этого Хачилаев постепенно отошел от дела Власова. И тот, отсидев в плену более полугода, наконец был освобожден. Причем, судя по всему, деньги за него все-таки были заплачены. Так почему же Степашин не согласился заплатить эти деньги намного раньше, когда это предлагал сделать Хачилаев? Похоже, в Москве испытывали какую-то особую неприязнь к этому деятелю. В результате отдуваться за эту неприязнь и сидеть в зиндане пришлось Валентину Власову.

Надо отдать должное Хачилаеву, он участвовал в успешном освобождении около полусотни заложников, включая Виталия Козьменко. С одной стороны, это было, несомненно, благое дело. С другой стороны, видимо, это говорило о том, что он не просто имел хорошие связи с полевыми командирами, но пользовался у них значительным авторитетом. Вряд ли простой депутат Думы или даже лидер религиозной организации мог претендовать на столь влиятельное положение. Может быть, у Хачилаева была какая-то другая, тайная жизнь? Может, я далеко не все знал о каких-то тайных похождениях своего товарища?

Арест

В октябре 1999 года Хачилаев все-таки попал в лапы правосудия. Официально силовики утверждали, что провели сложную операцию, в результате которой удалось вычислить местоположение Хачилаева, а потом и арестовать его. Злые языки говорили, однако, что Хачилаева заманили в ловушку. Пригласили в Москву по линии ФСБ (опять упоминаю эту организацию и ее руководителя!), чтобы поговорить об

освобождении генерала МВД Шпигуна, и вопреки обещаниям обеспечить безопасность тут же его и сдавали.

Однако Хачилаев провел в тюрьме совсем недолго. Верховный суд Дагестана осудил его всего на полтора года. А тут и вовсе подошла амнистия по случаю 55-летия Победы. Видимо, существовали разные силы, которые влияли на судьбу Надыра. Кто-то страстно хотел от него избавиться. А кто-то, наоборот, его поддерживал и вытаскивал из сложных ситуаций. И в любом случае это были силы, близкие к Кремлю. Не всякий обладал возможностями освободить от уголовного наказания за организацию массовых беспорядков! Очень похоже, что это было соперничество руководителей ФСБ и МВД.

Убийства

Итак, одни отпустили Хачилаева восвояси. А другие не успокоились и приписали ему организацию подрыва грузовика 102-ой бригады внутренних войск МВД. Больше нечего было делать лидеру Союза мусульман России, как только лично организовывать подрывы милицейских грузовиков! Кстати, представитель ФСБ по Дагестану публично (в интервью газете "Известия") высказал мнение, что Хачилаев к этому подрыву никакого отношения не имел. Нечасто можно увидеть пример такого публичного противостояния по линии ФСБ!

Я внимательно следил за всеми этими перипетиями и вдруг почувствовал, что Хачилаев широкими шагами идет к возврату в большую российскую политику. Об этом говорило и его удивительное освобождение от ответственности за штурм здания Госсовета в Махачкале, и широкое освещение его деятельности в прессе, и позиция представителя ФСБ по вопросу о подрыве милицейского грузовика. Однако, похоже, не один я почувствовал, что Хачилаев может вернуться на политическую сцену. 11 августа 2003 года автомобиль Хачилаева обстреляли. Надиршах сидел на пассажирском сидении и был убит на месте. Официальная версия сводилась к

тому, что объектом покушения был не Хачилаев, а его водитель. А Надыру якобы досталась случайная пуля. При этом машина, из которой стреляли, была найдена рядом с домом мэра Махачкалы.

По моему мнению, все эти официальные версии были явно шиты белыми нитками. Стреляли якобы в водителя. А убили-то кого надо! Машину могли бросить где угодно, а бросили рядом с особняком мэра Махачкалы, тем самым довольно неуклюже намекая на какие-то внутридагестанские разборки. На самом деле, похоже на то, что стоявшие на вершине российской федеральной власти и считавшие, что Хачилаев вот-вот выскользнет из их рук и опять выйдет на высокую орбиту, решили дальше не прикрываться статьями уголовного кодекса, а просто "замочили" его, более или менее ловко при этом запутав следы. Как говорится, нет человека, нет и проблемы. Кстати, к моменту покушения на Хачилаева два его родных брата уже были убиты.

Рыжий Абдулла

Осколки этой кровавой истории с Хачилаевым через какое-то время еще раз задели меня. Работал в Москве адвокат по имени Евгений Борисович Замосковичев, возглавлявший коллегия адвокатов под громким названием "Гильдия московских адвокатов". Контора эта располагалась на западе Москвы, недалеко от МКАД, в довольно глухом закоулке. Сам Замосковичев в прошлом был довольно проворным милицейским оперативником. Впрочем, он и на адвокатской работе не чурался своих сомнительных милицейских навыков. Во всяком случае, подчас он так рисковал, как будто в его кармане все еще лежало милицейское удостоверение.

Я в то время уже ушел из Думы и общался с Замосковичевым на юридической почве. А если быть точным, сотрудничал с ним по сложным и запутанным юридическим делам. Замосковичев не претендовал на особые способности как юрист, но отчаянно

торговался за гонорары и выискивал таких клиентов, которые действительно могли заплатить. А для солидности он ссылался на то, что в его команде работает известный доктор юридических наук. Я не возражал, тем более что действительно помогал Замосковичеву по юридической части, а тот не жадничал по части оплаты услуг.

Время от времени я встречал в конторе Замосковичева Рыжего Абдуллу. Так звали одного из бывших помощников Хачилаева в Думе. Абдулла был приятным парнем средних лет, веселым и общительным. Звали его Абдуллой, но рыжеватый оттенок волос не мог не сказаться. В результате просто Абдулла превратился в Рыжего Абдуллу.

Хачилаева год назад уже убили. И Рыжий Абдулла отправился в самостоятельное плавание, переквалифицировавшись из помощника депутата в успешного бизнесмена. Занимался он рекламным бизнесом, собрал вокруг себя группу дагестанцев из бывшего окружения шефа и, судя по всему, совсем не бедствовал. Кто-то даже говорил, что Рыжий Абдулла контролирует в Москве заметную часть уличной рекламы.

Я и в Думе поддерживал достаточно приятельские отношения с Абдуллой, поэтому в конторе Замосковичева тоже не стал пренебрегать прежним другом. А тот и вовсе бросился ко мне с распростертыми объятиями.

Замосковичев пытался помогать Абдулле не столько по адвокатской части, сколько выполнял посредническую миссию между этим новоявленным дагестанским бизнесменом и московскими милиционерами. Судя по всему, сотрудничество процветало, Абдулла часто торчал в кабинете у Замосковичева, при этом, как и в Думе, не страдал по части отсутствия хорошего юмора.

Однажды я решил заехать в офис к Замосковичеву по какому-то малозначительному текущему вопросу. Дело было днем, ближе к двенадцати. Перед входом в адвокатское бюро я увидел довольно потрепанный "опель-кадет". За рулем сидел худой,

достаточно неброско одетый молодой человек. Что меня удивило, этот человек бросил на меня откровенно злобный взгляд.

Все это было как минимум странно. Человека я не знал, а злобный взгляд означал, что тот считал меня вовлеченным в какую-то историю, причем с негативным оттенком. А иначе, откуда злоба, причем адресованная конкретно мне?

Мало того, у входа в контору Замосковичева вообще никогда не стояли случайные машины. Контора располагалась на первом этаже студенческого общежития, в самом его конце. Это был обычный блочный дом, но исключительно длинный. На его торце, в тупике и находился вход в адвокатское бюро. В результате тут могли находиться только люди, которые приехали к Замосковичеву. Случайному человеку и случайной машине в этом тупике точно нечего было делать.

В конторе, однако, никто никаких переговоров с клиентами не вел, и соответствующая комната была пуста. И вообще адвокатов в этот раз там было раз, два - и обчелся, видимо, разбежались по своим делам. Что тогда делал этот человек у входа в бюро? И в связи с чем он наградил меня столь злобным взглядом?

Замосковичев, однако, был на своем месте. Мне сразу бросилось в глаза, что был он сильно возбужден, при этом явно скрывал свои чувства, старался выглядеть невозмутимым. Но это у него плохо получалось: Замосковичев время от времени бесцельно хватал какие-то бумаги и предметы со стола, тут же переставлял их с места на место и бросал, а через минуту хватал опять. Наконец он просто вскочил и стал бегать туда-сюда по кабинету. Я наблюдал все это представление с удивлением. Беседа у нас была самая что ни на есть заурядная. Да и Замосковичев не особенно обращал внимание на мои слова, он явно был чем-то предельно озабочен.

И что самое удивительное, я вдруг отметил, что Замосковичев был не просто взволновал, он несомненно был радостно взволнован. Что-то такое произошло, что заставило его

с одной стороны, волноваться, а с другой стороны, стараться скрыть от меня и свое волнение, и свою радость.

"Деньги! Где-то, дружок, ты только что заработал приличные деньги. Или собираешься заработать. Ни по какому другому поводу ты не будешь так волноваться и радоваться!" - отметил я про себя наконец.

- Евгений Борисович! Что-то у вас случилось! Какие-то неприятности? Или, наоборот, что-то очень приятное? Вы ведь не очень-то меня и слушаете.

- Нет, ничего не случилось! Все в полном порядке!— почти выкрикнул в ответ Замосковичев, который, видно, уже и сам понял, что ведет себя аномально, и приготовился отвечать, но так, чтобы ничего не объяснять.- Ничего не случилось,— еще раз повторил он,— просто дела всякие... Владимир! Не обращайтесь внимания, никаких проблем!

Минут через пять я закончил свою речь и передал Замосковичеву подготовленные бумаги. Говорить было больше не о чем. Да и в любом случае было видно, что Евгений был не намерен поддерживать обычную светскую беседу. Что-то его очень сильно занимало. Настолько сильно, что он, похоже, враз забыл все обычные стандартные слова, которые надо было говорить в подобных случаях.

Я вышел из конторы и обнаружил, что человек со злобным лицом куда-то исчез вместе со своей затрепанной машиной. У входа никого не было. Я огляделся, но так никого и ничего подозрительного не обнаружил. Собственно говоря, вокруг негде было и спрятаться. Этот тупик был окружен довольно широким газоном, переходящим в редкие кусты и деревья. Общежитие было расположено даже не просто в тупике, а в самом конце жилой застройки. Дальше не было никаких домов, только хаотично заросшая местность, похоже, скрывавшая бывший овраг.

"Хвост"

Я сел в свою машину и отправился восвояси. А если точнее, то я собирался посетить два места. Первое – магазин, который был расположен на МКАД. А второе – брата Рыжего Абдуллы. Это был его младший брат. Он прочно обосновался в Москве, но так и не смог раскрутить свой бизнес до уровня старшего брата. Два салона красоты, ресторан и магазин – это не в счет! Я помогал ему кое в чем по просьбе Абдуллы, но совсем по мелочи.

Через полчаса я доехал до загородного магазина, прошелся по отделам, кое-что купил для дома. Вышел, сел в свою машину, отправился на разворот. И в какой-то момент вдруг засомневался, в нужном ли направлении я выезжаю на МКАД. Я затормозил, потянулся за картой и вдруг боковым зрением в зеркало увидел, что сзади, метрах в ста, остановилась еще одна машина. Мое внимание она привлекла потому, что остановилась совершенно в нелепом месте. Если водитель хотел притормозить, кому-то позвонить, глянуть все ту же карту, для этого надо было проехать чуть дальше и встать там, где стоял я, на специальном островке.

- "Хвост"! Еще только этого не хватало!

Это была не та машина, которая стояла у входа в офис Замосковичева. Но это тоже был довольно потрепанный автомобиль, маленький, выкрашенный в какой-то невзрачный землисто-коричневый цвет. Уж не связаны ли все эти события? Сначала непонятно зачем стоявшая у входа машина с человеком, который не смог скрыть свое злобное отношение ко мне. Потом непонятное волнение Замосковичева. Теперь еще этот "хвост"! Явно что-то происходило, и, судя по всему, я невольно тоже стал участником всех этих событий.

Конечно, я не поленился и проверил, не ошибся ли по части "хвоста". Поехал не быстро и не медленно по МКАДу, приближаясь к району Люблино, где и обитал младший брат Абдуллы. Да, землистый автомобиль тоже тронулся и честно

доехал почти до самого салона красоты, где и была назначена встреча. Потом куда-то свернул и исчез.

Все это не было похоже на слежку сотрудников правоохранительных органов. Слишком грубо! Профессионалы никогда не будут садиться совсем на "хвост" объекта, будут держать дистанцию. И никогда не остановятся, если остановился объект, проедут дальше. Тут явно было что-то другое! И это другое не предвещало ничего хорошего. Бандиты?

На следующий день, посмотрев утренние новости, я смог понять странные происшествия предыдущего дня. Пока я катался туда и сюда, встречался с владельцем салона красоты, в это самое время был расстрелян автомобиль Рыжего Абдуллы. Тот погиб на месте. Стрелявшие, понятное дело, скрылись, никого поймать не удалось.

Так кто же заказчик?

Еще интереснее была статья, опубликованная на следующий день в "Коммерсанте". По поводу покушения на Рыжего Абдуллу дал обширнейшее интервью не кто иной, как шеф "Гильдии московских адвокатов" Евгений Замосковичев. Каким-то образом он вышел на корреспондента газеты и изложил ему свое видение причин убийства Абдуллы.

Я почитал пространное интервью и только покачал головой. Замосковичев излагал там какие-то запутанные финансовые схемы, без каких-либо четких ориентиров. Одни намеки и предположения. Если бы я не знал Замосковичева, я бы, может быть, и поверил в эти рассказы. Очень было это не похоже на Замосковичева, вылезать в прессу и высказывать какие-то путанные и сомнительные версии. Он был все-таки бывший милиционер и уж что-что, а версии и подозрения явно был способен изложить в более четком виде. Да и зачем вообще надо было обозначать какие-то свои познания по части Абдуллы?

Все это тянуло скорее не на попытку внести ясность в мотивы и цели покушения, а как раз наоборот, подбросить следствию

версии, которые надо было распутывать сто лет. И, что самое главное, я и сам был немного в курсе дел Абдуллы. То, что наговорил корреспонденту Замосковичев, было очень далеко от реального расклада. Но ведь Замосковичев не хуже меня знал этот расклад! Ох, нехорошо все это пахло! И совсем нехорошо во все это дело ложилась и неуклюжая слежка за мной. Видимо, кто-то считал меня близким соратником Абдуллы и на всякий случай держал в поле зрения, чтобы я невзначай не вмешался и не сорвал операцию. Эдак было недалеко и самому схватить пулю, если вдруг кому-то там покажется, что я что-то слишком много знаю или даже просто слишком о многом догадываюсь!

Еще через пару дней я как бы невзначай зашел в бюро. Замосковичев просто сиял, все у него было хорошо и даже замечательно. Он бросился ко мне, стал трясти руку, начал рассказывать о больших перспективах своего бюро. Я молча наблюдал за этим фейерверком чувств. Видимо, у шефа адвокатского бюро был хороший повод, чтобы так веселиться.

Заговорили и о гибели Рыжего Абдуллы. Замосковичев зорко глянул на меня и тут же стал скороговоркой излагать текст, с которым я уже успел ознакомиться в газете "Коммерсантъ". Мне не хотелось обозначать свою позицию, и потому я предпочел промолчать. А Замосковичев все тараторил и тараторил. Потом

вдруг понял, что диалога не получается. Но почему-то не стал спрашивать меня о возможных версиях убийства, хотя такой вопрос напрашивался, я много чего знал из внутренней кухни Рыжего Абдуллы, даже кое в чем побольше, чем сам Замосковичев.

Беседа прервалась, я отправился пообщаться с рядовыми адвокатами, членами конторы Замосковичева. Это в любом случае было полезно, некоторые из них были довольно-таки информированными, поскольку пришли в адвокатуру из милиции, где служили вместе с Замосковичевым. Общение не прошло даром, я узнал, что Замосковичев вдруг откуда-то раздобыл значительную сумму денег и теперь собирался поставить свой адвокатский бизнес на широкую ногу. Для начала у него возник план перенести офис из студенческого общежития в центр города, прямо к Бутырке.

Откуда же денежки? Вскоре выяснилось и это. Младший брат Рыжего Абдуллы очень подробно расспрашивал меня обо всем, что могло пролить хоть какой-то свет на покушение. Я был не склонен слишком уж философствовать и строить какие-то версии, особенно в подобной компании. Было ясно, что за всеми этими расспросами могут последовать какие-то действия. А какие могут быть действия у дагестанцев, когда убили их сородича?! Только месть, уничтожение всех, кто причастен к расправе.

Однако братец, закончив свои расспросы, сообщил и кое-что интересное. Как выяснилось, Замосковичев не так давно одолжил у Рыжего Абдуллы довольно значительную сумму денег. Понятное дело, никаких расписок никто никому не давал. И теперь возник вопрос, как вернуть эти деньги. Я ответил на этот вопрос очень четко: "Формально - никак!". В подобной ситуации так: что с возу упало, то пропало. Ни конкретные условия долга, ни сроки, ни сумма не были известны. То есть суд исключался. Оставалось только угрожать Замосковичеву расправой. Но в такие игры я точно не собирался играть. Пусть дагестанцы сами решают свои проблемы! А я – просто юрист,

который в лучшем случае может дать грамотный совет, и только.

Я не удивился концовке этой истории. Деньги Рыжего Абдуллы не пошли Замосковичеву впрок. В декабре 2004 года его убили в Астрахани, где он вел дело по террористическому акту на местном рынке, а также защищал нескольких местных криминальных авторитетов. Подстерегли у дома, где он жил, и выпустили несколько пуль из Макарова, не забыв и про контрольный выстрел в голову.

Понятное дело, тогда никаких убийц найти не удалось, тем более что версий, кому это выгодно, было хоть отбавляй. И только в 2010 году выяснилось, что непосредственными исполнителями этого убийства были члены банды, которую возглавлял бывший начальник областного УБОПа Ринат Салехов. А кто был заказчиком? Это осталось неизвестно...

Глава 14. Прибалтика

Секретные архивные материалы

Прибалтийские государства с особой охотой воспользовались предательской политикой Горбачева и при первой же возможности взяли курс на отделение от СССР. Конечно, тогда прибалтийские лидеры полагали, что поступают очень умно: забирают с собой все то, что вложил в них Советский Союз, не выплачивая за это ничего и, наоборот, требуя компенсацию за "оккупацию". Но, похоже, они тогда не совсем понимали, что на самом деле отсоединяются не столько от ненавистной им империи, сколько от несметных запасов углеводородов, а взамен получают лишь безвизовый въезд на территорию Европейского Союза. Впрочем, во-первых, каждый сам выбирает свою судьбу. И, во-вторых, если бы было так просто заглянуть вперед лет на десять, то на Земле не было бы войн, кризисов и прочих катаклизмов, а было бы только всеобщее благоденствие и процветание.

Я в ту пору работал еще в договорно-правовом отделе МИДа и очень даже интересовался прибалтийскими делами. Как-то раз мне по служебной надобности пришлось отправиться в архив министерства. Ходить в архив было непрестижно. Если ты идешь в архив, значит, что-то не знаешь? Да и вообще рыться в пыльных старых бумажках было не с руки. Уважающий себя дипломат, который уже сделал карьеру и посещает в ходе служебных командировок Нью-Йорк или на худой конец Париж и Лондон, не пойдет рыться в архивных бумагах как простой дипломат-неудачник, которого выпускают только в Африку или Азию.

Однако я не боялся замарать репутацию и с удовольствием заходил в здание, где располагался архив внешней политики СССР. Рыться в старых официальных бумагах - на самом деле

исключительно интересное и увлекательное дело! Передо мной оживали уже давно ушедшие в небытие исторические персонажи, раскрывались картины жестоких межгосударственных битв. Архивные бумаги, в отличие от СМИ, не врали, в них было записано именно то, что на самом деле происходило с людьми и с целыми государствами. Конечно, и тут примешивался человеческий фактор, но в любом случае это были внутренние бумаги министерства, не предназначенные для публичного использования. А от сотрудников посольств во все времена требовалось точно и без прикрас описывать то, что происходило в стране их пребывания.

Очень любопытные бумаги хранились в той части архива, который был посвящен прибалтийским государствам в период до начала Великой Отечественной войны. Это были подборки официальных документов, а также сообщения советских дипломатов и обращения и письма собственно прибалтийских политиков. Изо всех этих документов складывалась интересная картина. Все три прибалтийских государства в те времена изрядно опасались нападения Германии и в качестве гарантии своей безопасности сами, добровольно(!), без какого-либо принуждения, пригласили Советский Союз создать на их территории военные базы. Если будут базы, то немцы авось не нападут! О, какая знакомая логика! На дворе уж двадцать первый век, но и теперь прибалты вовсю приглашают на свою территорию иностранные войска – теперь уже для защиты от "агрессии" России.

Базы были открыты, и на них стали нести службу несколько тысяч советских солдат и офицеров. А потом прибалтийские республики вошли в состав СССР. По советской версии, официальные власти трех прибалтийских республик сами попросили об этом. По нынешней прибалтийской версии - Советский Союз оккупировал их территории. Что же произошло на самом деле?

Из архивных документов следовало, что за советской стороной действительно числилась парочка достаточно

незамысловатых провокаций, которые, среди прочих причин, были использованы для оправдания действий СССР. Но провокации провокациями, а в основе действий прибалтийских государств и Советского Союза лежали все-таки решения самих прибалтийских политиков, находившихся у власти. Именно эти политики вместо того, чтобы протестовать, объявлять голодовки, проводить митинги, отправились в свои парламенты и дружно проголосовали там за присоединение к СССР. Собственно так все и было: прибалтийские депутаты не разбежались, не прикинулись больными, не пошли партизанить, а просто проголосовали за то, чтобы их страны стали частью Советского Союза. При этом никто их под дулом пистолета не держал. А настоящие патриоты, кстати, в любом случае никакого дула бояться не должны, если они действительно хотят, чтобы их страна была независимой.

Наверное, нынешние прибалты меж собой называют действия тех своих соотечественников самым настоящим предательством. Может быть, с позиции нынешних независимых прибалтийских государств - это самый подходящий термин, спорить не будем. Но причём тут разговоры про "оккупацию" со стороны СССР? Разберитесь сначала с собственными предателями или непредателями, а потом уже пытайтесь обвинять Советский Союз!

Я был твердо уверен, что все эти архивные документы следовало рассекретить и предать гласности. Там не было ничего такого особо позорного для СССР. Как раз наоборот: там честно излагались события, которые происходили на самом деле. Пусть прибалты утрутся и помалкивают насчёт "оккупации" и "агрессии"!

Агрессивная статья

В общем, я не стал ограничиваться изучением архивных материалов и решил написать статью. Никто меня об этом, понятное дело, не просил и никто подобных поручений мне не

давал. Более того, подобной статьей я, по сути, совершал должностное преступление, ведь речь шла о том, чтобы, пусть хоть и в косвенной форме, но все-таки придать огласке еще не рассекреченные документы архива. Кстати, мое собственное государство в ту пору было согласно с отделением прибалтов и не сильно спорило с обвинениями в оккупации. Получалось, что я в очередной раз пытался действовать вразрез с официальной линией своей страны, по сути, при этом злоупотребляя своим служебным положением и занимаясь саботажем.

Однако мало написать статью по секретным материалам из архива внешней политики СССР! Эту статью еще надо где-то опубликовать. И тут мне пришла в голову мысль обратиться к своему хорошему приятелю Диме Ежову. Мы нередко сражались в теннис, а подчас вместе и развлекались. Дима работал в отделе печати министерства и курировал выпуск официального сборника МИДа.

Это было издание особого свойства. В то время существовало правило, что издание должно было быть зарегистрировано только в том случае, если его тираж составлял не менее тысячи экземпляров в месяц. Руководство министерства, кажется, не без участия все того же Димы Ежова, решило не заморачиваться официальными процедурами регистрации и просто проставило в сборнике тираж – 999 экземпляров. На самом деле типография была своя, и экземпляров печаталось столько, сколько надо. Сборник был официальным изданием, в нем публиковались те или иные документы, а также выступления или статьи высокого руководства. На последних страницах для соблюдения хоть какой-то демократии можно было опубликовать пару статей, где авторами выступали простые дипломаты.

Нормальные люди этот сборник не читали, и правильно делали. Зачем тратить время на прочтение стандартных официальных речей, а тем более каких-то документов? Читали, надо полагать, только в иностранных посольствах и, отработывая зарплату, писали какие-то обзоры или отчеты, вот и все.

Дима был очень нормальным парнем: любил свою Родину, не любил за границу, не гонялся за карьерой, деньгами и командировками. В общем, я решил воспользоваться знакомством и показал ему свою статью. Дмитрий почитал и скривил лицо. С первого взгляда было понятно, что это очень резкая писанина, никак не подходящая для официального издания министерства иностранных дел. Но, похоже, мой жалкий вид все-таки растопил Ежовское холодное сопротивление, и тот, в конце концов, сжалился и согласился рискнуть. Единственно, в паре мест он попросил снять слишком уж жесткие высказывания. Спорить я не стал, тем более что в статье остался, например, кусок про то, что советский истребитель может долететь до территории Прибалтики за несколько минут.

Конечно, Дима сильно рисковал, давая согласие на публикацию подобной статьи, ведь он лично отвечал за содержание этого сборника. Но, с другой стороны, он хорошо понимал, что это издание никто из нормальных людей не читает. А в чужих посольствах пусть почитают, чтобы знали, что в России все-таки есть кто-то, кто понимает, где должны начинаться и кончаться национальные интересы! Вообще, если быть до конца честным, в это время в стране царил такой бардак, что никому никакого дела не было до какого-то там министерского сборника.

Этой своей сомнительной статьей я собирался добиться следующих результатов. Текст был по своей сути предельно агрессивный. Помимо экскурса в историю и многочисленных юридических аргументов статья изобиловала различными вариантами, как Россия могла бы создать проблемы для прибалтийских государств. Моя цель при этом была довольно проста: не дать Западу принять какую-либо крупную программу стратегической экономической помощи прибалтийским государствам и тем самым не позволить создать тут витрину Европы по типу Западного Берлина. Как известно, любые крупные финансовые инвестиции сначала внимательно

просчитываются. Крайне нежелательно, если географическая зона инвестиций будет подвержена каким-либо рискам. Если существует угроза войны, гражданской нестабильности, экспроприации, то страховка возрастает настолько, что вложение денег становится просто нецелесообразным.

Именно эту цель я и преследовал: показать, что Прибалтика – это крайне рискованная зона. Уж больно нахально в тот период вели себя прибалты, обзывали Россию всяческими словами, требовали каких-то компенсаций. И вполне естественно, что мне захотелось укунить их в ответ, чтобы знали своё место.

Казалось бы, ну что может решить какая-то жалкая статья в каком-то непонятном сборнике? На самом деле кое-что все-таки может, если всё грамотно рассчитать. Во-первых, я в этой статье изложил соответствующие фактические обстоятельства точно и правдиво, от юридических аргументов до политических и военных рисков. Во-вторых, статья была в то время единственной в своём роде: отношение Запада к Прибалтике ещё только формировалось, а российские политики и журналисты высказывались по поводу отделения прибалтов предельно сдержанно. А тут такая резкая статья, да еще не абы где, а в официальном ежемесячном издании МИД! Вдруг в России стала формироваться новая внешнеполитическая линия?

Статья была опубликована достаточно быстро. Я сидел весь сжавшись, ожидая, что меня вызовут к начальству и вышибут к чертовой матери из министерства. Время от времени я заходил к Ежову, но тот вел себя совершенно спокойно. Конечно, он понимал, что влез в сомнительную аферу и в результате может пострадать. Наверное, Дима просто не очень цеплялся за работу в МИДе, особенно в те времена, когда сотрудникам приходилось выполнять заведомо предательские указания начальства. Время шло, но никто никого никуда не вызывал и никаких претензий не предъявлял. Наконец мы сочли, что наша гнусная затея сошла нам с рук.

На самом деле, по моему мнению, прибалты после

публикации статьи совершили две достаточно грубые ошибки. Для начала им надо было проверить, насколько статья действительно совпадает с официальной позицией России. Они этого не сделали и даже не попытались сделать, видимо, даже не допуская мысли, что в подобном издании может быть опубликовано что-то, не санкционированное самым высоким начальством. Если бы они обратились даже на самом низшем дипломатическом уровне за разъяснениями, это обязательно вызвало бы цепную реакцию, и в итоге начальство непременно бы хорошенько дало мне "по шапке". Ничего подобного, однако, так и не произошло. Видимо, мое сочинение никто из ответственных лиц в России так и не прочитал ни по собственной инициативе, ни по просьбе из-за рубежа.

Второй ошибкой прибалтийских стран было то, что они не сообразили просто "замолчать" статью, как бы не заметить её. Ну, мало ли кто что-то там напишет! Вместо этого прибалтийские политики подняли на Западе приличный шум. А выяснилось это следующим образом. Я как-то между делом слушал какую-то вражескую радиоволну. И вдруг там началось обсуждение моей собственной статьи! Оказалось, три государства подняли по ней вопрос аж в Совете Европы, затеяли изрядную дискуссию и широко склоняли имя автора. Я слушал все это с похолодевшим сердцем. Вот уж теперь точно не отвертеться от неприятностей!

Но никаких, решительно никаких последствий для меня даже эта история не повлекла. Время было такое, что никто в России не то, что не читал официальные сборники, но и вовсе не следил за деятельностью какого-то там непонятого Совета Европы. Кажется совершенно невероятным, чтобы два младших дипломата по собственной инициативе без санкции руководства, злоупотребляя должностными полномочиями, опубликовали статью с угрозами для трех соседних государств, при этом обнародовали секретные материалы из архива. Все это официально обсуждалось в европейской авторитетнейшей международной организации, и никто из этой парочки даже не

пострадал! В наших действиях только с точки зрения уголовного кодекса было несколько составов преступлений. Но факт остается фактом: ни у кого никаких вопросов к нам не возникло. Везение? Может быть.

Шум прибалтам поднимать было никак нельзя, это было большой ошибкой, они своими руками не позволили превратить свою территорию в образцово-показательный рай, типа уже упомянутого выше Западного Берлина. Вместо этого они, конечно, получили сиюминутные политические дивиденды и выставили себя в виде объекта потенциальной агрессии. Это помогло получить статус форпоста Запада, сдерживающего агрессивного соседа. Но статус этот не принес главного - денег. Прибалты серьезно напугали Запад, заставили задуматься о рискованных перспективах этого региона. То есть, как минимум, снизили свою собственную инвестиционную привлекательность.

Конечно, я был не единственным, кто в то время ставил палки в колёса прибалтийским "друзьям", наверняка так поступали многие. И в результате, как известно, Запад так и не принял в отношении этих государств никакого нового "плана Маршалла". Наверное, в это был и мой скромный вклад. Будьте форпостом, сдерживайте Россию, выступайте в роли цепной собаки. Но серьезных инвестиций не будет: слишком рискованно! Хотя такие инвестиции, конечно, напрашивались. Страны небольшие, расположены очень удобно, много денег тратить не надо, несколько крупных проектов и весь мир увидел бы, что дружить надо именно с Европой и Америкой, а коммунизм – это вселенское зло и беспрсветная нищета.

Кстати, моя публикация в какой-то мере повредила прибалтийским государствам и в военном плане. В Североатлантический альянс их, конечно, в конце концов, приняли. Но одно дело принять, и другое дело - активно использовать как элемент военного давления на Россию. Вот в этом втором элементе Запад тогда точно повел себя достаточно сдержанно. Оно и понятно: зачем без нужды устраивать балансирование на грани большого военного конфликта?

Я справедливо полагал и полагаю, что вся история с отделением прибалтийских республик от СССР была одним сплошным предательством. События в Вильнюсе были остановлены в самый решающий момент. Именно лично Михаил Горбачёв велел дать задний ход. Между тем, как не без оснований полагали многие, силовая линия имела хорошие перспективы, прибалтов вполне можно было обуздать без серьезного кровопролития. Любой военный человек скажет, что начать какую-то операцию с применением оружия, а потом трусливо уползти – это самый худший вариант из всех возможных. Лучше вообще в таком случае ничего не начинать. Мало того, что терпишь поражение, а отступление в середине наступления – это сильнейший деморализующий фактор. Как известно, враг побеждён только тогда, когда он не только проиграл военную кампанию, но и окончательно деморализован.

Помимо вильнюсских событий, которые были всецело на совести Горбачёва, было еще и принятие решения в парламенте СССР о выходе прибалтийских республик из состава страны. Как известно, решение было принято с грубым нарушением советского законодательства. Лучше было вообще ничего не делать, чем юридически оправдывать действия прибалтов! Этим решением парламента страна сама из собственных рук выбивала сильный рычаг давления на прибалтийские государства. Всё-таки интересная личность этот Горбачёв! Как самое тяжёлое поражение, так он тут как тут!

Переговоры о компенсации за "оккупацию"

Вскоре меня по непонятной причине включили в состав российской делегации, которая вела с литовцами переговоры о различных видах компенсаций. В первую очередь речь шла о компенсациях, которые должна была выплатить Россия. Я в делегации представлял интересы договорно-правового отдела

министерства. А в целом делегацию возглавлял Исаков, посол по особым поручениям (если быть точным, то Виктор Федорович Исаков, но просто именовать этого типа по имени-отчеству у меня как-то не поворачивается язык, не заслужил он такой чести).

Меня, как всегда, толкнули на такой участок, который считался совершенно безнадёжным. Дело в том, что в рамках общих переговоров была официально создана рабочая группа, в рамках которой литовцы требовали выплаты им возмещения за экологический ущерб, нанесённый за сорок лет "оккупационными" войсками. Литовцы на этой группе выступали очень активно: "клевали" российскую делегацию, что называется, "на полную катушку", а в дополнение ко всему сразу же передавали информацию о ходе переговоров в средства массовой информации. В общем, полный букет. Главная же опасность заключалась в том, что по итогам этого обсуждения надо было дать совместную рекомендацию. И российская делегация уже длительное время никак не могла аргументировать, почему компенсацию не надо платить. Еще чуть-чуть и Россию дожали бы до нужного официального документа.

Исаков направил меня в рабочую группу: "Вы там попытайтесь им все объяснить на основе международного права!". Сам он участвовать в этом обсуждении не желал, хотя вопрос решался самый что ни на есть ключевой: признание необходимости выплатить компенсацию за "оккупацию". Возможно, Исаков не знал, как именно аргументировать свою позицию, и просто не хотел лишний раз позориться. А скорее всего он был готов "слить" любые государственные интересы, но хотел сделать это руками другого человека.

Зря он послал туда меня! Я действительно разобрался в международном праве, а также в технике международных переговоров и, в конце концов, нашел способ поставить литовцев на место. Для начала я предложил им согласиться с некоторыми общими принципами международного права.

Деваться некуда, не будешь же на корню отрицать международное право! Литовцы чувствовали подвох, но ничего поделаться не могли. Пришлось подтвердить, что они не против международного права и его основополагающих принципов. А дальше слово за слово, аргумент за аргументом, и, в конце концов, я поставил их в положение, когда не СССР им был должен, а они сами - Советскому Союзу и России. Существуют или нет юридические правила компенсации в случае конфискации имущества? Существуют, еще как существуют: сумма компенсации должна быть полной, быстрой и эффективной! Вкладывал СССР средства в строительство дорог, инфраструктуры, в недвижимость в Прибалтике? Строил заводы? Ах, вам все это не нужно? Тогда мы все вывезем! Или разрушим, если нельзя вывезти!

А как начет куска территории площадью почти в две тысячи квадратных километров? Эта территория никогда не принадлежала Литве ни в какие времена. Ее СССР выкупил у Германии, заплатив полноценной валютой. Нет желания вернуть эти земли?

В довершение переговоров уже к вечеру я подарил своим оппонентам еще и свою книжку по вопросам применения силы. И тут, судя по всему, делегаты из Литвы вдруг ясно осознали, что если по-настоящему копаться в международном праве, то ещё неизвестно, кто кому будет должен. А это значило, что рабочая группа не сможет дать общую официальную рекомендацию о необходимости выплаты какой-либо компенсации. Когда участники выходили из зала заседаний, один из членов российской делегации, представитель Генштаба, подошёл ко мне и честно признался, что он уже давно участвует в этих переговорах, но впервые видел литовцев такими растерянными.

На следующий день история получила интересное продолжение. На совместном заседании обеих делегаций подводились итоги работы всех рабочих групп. На этой основе надо было сформулировать какие-то общие договорённости. В

зале было человек по сорок с каждой стороны из самых разнообразных ведомств. С советской стороны важно выступал посол Исаков. Вдруг литовцы, которые в предыдущий день переговаривались со мной, нагло заявили, что группа пришла к однозначному выводу о необходимости экологической компенсации. А Исаков, услышав эти слова, продолжал сидеть на своем месте и ничего не возразил, хотя я еще в предыдущий день доложил о результатах своей работы! Надулся, как индюк. Но молчал! Разве можно было тут молчать? Если не будешь возражать, тебе тут же под нос положат проект рекомендации, которую надо будет подписывать!

Я как самый младший по чину сотрудник сидел с самого края стола, и никто мне, понятное дело, слова предоставлять и не собирался. Исаков в мою сторону даже башку свою не повернул. Но литовцы повели себя слишком беспардонно, поэтому я поперек всего дипломатического протокола вскочил и, перебивая литовского представителя, заорал, что это ложь и что группа ни к каким выводам не пришла. Весь зал повернулся в

мою сторону. Полсотни разинутых ртов. Выходка эта, хотя она и являлась грубым нарушением дипломатического протокола и субординации, тем не менее, сошла мне с рук. Своей же цели я достиг: никаких рекомендаций по выплате компенсаций выработано не было. Хотя больше в состав этой делегации меня уже никогда не включали. Возможно, определенную роль тут сыграл посол Исаков. В ходе переговоров он вел себя очень определенно, с литовцами не спорил, больше отмалчивался. Но и меня тогда оборвать тоже не посмел. Надо полагать, его не зря назначили главой делегации по такому вопросу. Конечно же, он действовал умышленно и вполне осознанно, при этом недорабатывал как бы невзначай, а по сути тихо "сливал" интересы своей страны. Самый обычный агент влияния, маскирующийся под недотепу.

А тогда, еще чуть-чуть, и была бы принята официальная рекомендация совместной рабочей группы, обязывающая СССР, а потом и Россию выплачивать Литве компенсации за "оккупацию". Несомненно, что потом такой документ использовался бы в качестве весомого доказательства как "оккупации", так и необходимости выплачивать компенсации всех видов.

Знак судьбы

В конце лета 1992 года я ещё раз соприкоснулся с прибалтийскими проблемами. Меня как представителя МИДа отрядили на переговоры по созданию Межпарламентской ассамблеи СНГ. Переговоры проходили в Алма-Ате, в Казахстане. Потому, наверное, и назвали, что это был не Париж и не Женева!

Российская делегация была парламентской, её возглавлял Руслан Хасбулатов. Я легко сочинил проект правил процедуры ассамблеи и ещё какие-то учредительные документы. Но все это происходило вдали от делегации по поручению каких-то помощников Хасбулатова. По сути, я официальную делегацию и

не видел.

Однако, уже на второй, а то и на третий день мне удалось, наконец, добраться до комнаты, выделенной для российских депутатов. Там было пусто, все куда-то разбежались. В углу спиной к двери сиротливо сидел лишь какой-то незнакомый мне старикан, который рылся в своих документах. Был он довольно крупный, с глазами навывкате. Седина была похожа скорее на гриву. То ли еврей, то ли грузин?

- Добрый день! – вежливо обратился я к старичку.

Тот обернулся, оглядел меня с головы до ног, видимо, счел, что никогда раньше не видел, и, вновь уткнувшись в свои документы, что-то буркнул в ответ.

Я покрутился туда и сюда, присел на стул, стал листать брошенные на столе бумаги. Было очевидно, что это какой-то депутат из Верховного Совета. А в ту пору в Верховном Совете уже зазвучали голоса отдельных политиков, которые публично стали сомневаться в правильности политики Ельцина. Верховный Совет превращался в оппозиционный орган. Очень интересно! А еще более интересно было пообщаться вживую с кем-нибудь из депутатов! Вдруг получится интересная дискуссия? Может, даже удастся чем-нибудь помочь кому-то из этих оппозиционеров?

- Скажите, пожалуйста, – опять подобрался я к старику, – а вы не видели тут Амбарцумова?

Я не напрасно спросил про Амбарцумова. Дело в том, что только что в Верховном Совете произошла смена руководства: председатель Комитета по международным делам Владимир Лукин уехал в США в качестве посла, а вместо него председателем комитета избрали некоего Амбарцумова. Что он был за человек, я не знал. Но уже при нем в комитете по международным делам были сделаны кое-какие заявления критического характера. Что-то там было сказано про разоружение, а также про вывод войск из Германии.

Старичок опять оторвался от своих бумаг и на этот раз стал разглядывать меня совсем внимательно. Что-то было в этом

взгляде необычное, какая-то искра задора. У меня дрогнуло сердце, я почувствовал, что сморозил какую-то несуряницу.

- Я и есть Амбарцумов, – промолвил наконец старик, при этом его лицо растянулось в радостной улыбке. Ситуация действительно получилась смешная. Приходит какой-то парень, крутится туда-сюда. Наконец начинает искать Амбарцумова. А тот - тут как тут, сидит в той же самой комнате!

Я замер на месте. Конечно, любой человек может попасть в такое смешное положение. Но я был не просто любым человеком, у меня за плечами было уже пятнадцать лет дипломатического стажа. А для дипломата недопустимо не знать начальство в лицо! Тем более руководителя Комитета по международным делам. Однако, судя по всему, Амбарцумов и не думал насмеяться надо мной. Поняв это, я осмелел:

- Так вы и есть Амбарцумов? Евгений Аршакович? Я, к сожалению, не знал вас в лицо. Извините! Но я уже слышал про вас!

- Надеюсь, только хорошее? – ухмыльнулся в ответ

Амбарцумов.– А вы откуда? Тоже в нашей делегации?

- Я из МИДа, из договорно-правового отдела. Сочиняю регламент Межпарламентской ассамблеи.

- Вы разбираетесь в международном праве?– заинтересовался Евгений Аршакович.

- Да, конечно! Я в разных вопросах разбираюсь.

Тут я почти автоматически полез в свой портфель и выудил оттуда экземпляр официального вестника МИД. Того самого экземпляра, где была опубликована моя злобная статья по Прибалтике.

- Вот, почитайте! Это моя статья! По Прибалтике!

- По Прибалтике?– в голосе у Амбарцумова зазвучал неподдельный интерес.- Можно глянуть?

Он взял в руки сборник и впился глазами в текст, а через минуту оторвался от журнала и с некоторым удивлением глянул на меня. Потом продолжил чтение. Я торжествовал, наконец-то хоть кто-то прочтет мой опус! Да не абы кто, а сам председатель Комитета по международным делам. Почти министр иностранных дел! При этом я совсем не думал, что статья могла не понравиться. А на самом деле такой риск очень даже присутствовал. Вдруг этот Амбарцумов очень любит Америку? Сейчас прочтает статью, потом пожалуется руководству МИДа, и я могу искать себе новое место работы!

- Интересная статья,- проговорил наконец Амбарцумов.- Я и не думал, что в официальном сборнике могут быть такие публикации. Я ее не видел. А вы не хотите выступить у нас в комитете по вопросам Прибалтики?– вдруг без какой-либо паузы добавил он.

Тут же выяснилось, что у Амбарцумова в комитете лежали на ратификации шесть новых договоров о выводе российских войск из Литвы. Евгений Аршакович, а именно так звали Амбарцумова, хотел, чтобы я как специалист по международному праву выступил на заседании комитета с оценкой этих договоров. При этом я очень быстро понял, что речь идет не просто об оценке договоров, а об их отрицательной

оценке.

Для меня согласие на такое выступление совершенно однозначно грозило прощанием с родным МИДом. Пожалуй, изгнание было даже гарантировано! Ведь речь шла о том, чтобы формально осудить официальную линию президента и правительства страны. Это тянуло уже даже не на тайный, а на вполне открытый саботаж политики собственных властей! Я заколебался. С одной стороны, слишком велико было желание пойти на сотрудничество с депутатами. Причем не абы с какими, а с настоящими оппозиционерами!

С другой стороны, как в известном кинофильме, ставка была больше чем жизнь. Все-таки речь шла почти о гарантированном расставании с дипломатическим ведомством. А работа там с материальной точки зрения была очень даже привлекательная. В худшем случае, посидел в Москве пару-тройку лет – и, будь любезен, поезжай в какое-нибудь посольство. Для человека, умеющего писать, работы в посольстве с гулькин нос. А зарплата от тысячи долларов в месяц и выше. Машина, квартира, мебель – все казённое. Кругом всякие льготы. В общем, одно слова - синекюра. И подобным образом совершенно безбедно жили и продолжают жить несколько тысяч российских дипломатов. Хотя если попытаетесь спросить хоть кого, пусть хоть посла, хоть советника, о его материальном положении, они, скорее всего, станут жаловаться. Хвалиться деньгами в МИДе не очень принято. А вот для того, чтобы дипломата выгнали из этой синекюры, нужно отколоть действительно что-то особое. Например, устроить пьяную драку или спутаться с иностранными шпионами. Или вот так выступить в Комитете по международным делам, как это сейчас предлагал сделать мне Амбарцумов.

- Евгений Аршакович! Ваше предложение исключительно интересное. И мне очень хочется с вами сотрудничать. Тем более что я хорошо знаю вопросы, по которым вы предлагаете мне выступить. Однако можно чуть-чуть подумать, посоветоваться с друзьями?

- Владимир, посоветуйтесь, я вас понимаю. Кстати, как вы смотрите на то, чтобы перейти из МИДа к нам - в аппарат Комитета по международным делам?

Предложение перейти на работу значило больше, чем предложение выступить на заседании в качестве эксперта. Амбарцумов хорошо понимал, чем могло закончиться для меня такое выступление, и потому сразу предложил подстраховку – работу в Верховном Совете. К тому же это очень даже совпадало с его собственными планами. Лукин уехал в США и забрал с собой часть сотрудников. А кто теперь будет работать? А тут прямо сам в руки лезет подготовленный кадр! Да еще какой, специалист по международному праву! Повесим на него всю ратификацию!

- Евгений Аршакович! Такое предложение - еще интереснее! Дайте мне денек, чтобы все обдумать. Все-таки речь идет о серьезном шаге, о смене места работы. Один денек!

Амбарцумов кивнул головой в знак согласия. И я вдруг уловил в этом жесте исключительно доброжелательное отношение. Конечно, МИД, это гарантированный кусок хлеба. Но нельзя же все измерять только куском хлеба и бутылкой пива! Тем более в такой исторический момент, когда только что рухнула империя и на ее месте формируется новое государство.

Посоветоваться было с кем. Весь предыдущий день я просидел с членом российской делегации бывшим депутатом Верховного Совета СССР Костей Лубенченко. Тем самым Лубенченко, который на выборах Лукьянова на пост председателя Верховного Совета был альтернативной кандидатурой и даже набрал несколько сотен голосов. Кажется, Костя был из межрегионалов, но к особым либералам его точно нельзя было отнести. С кем, как не с ним, посоветоваться по вопросу о работе в Верховном Совете?!

Константин Лубенченко был примерно моим одногодком. Он был пониже ростом, широк в плечах, лицо круглое и даже как будто безмятежно-безразличное. Но на самом деле, Костя был очень даже острый на язык. Соображал он точно быстрее

обычного человека. И по части эрудиции у него было все в полном порядке. В общем, было понятно, что он не случайно попал в депутаты.

- Володя, пойми одну вещь!– произнес Костя в ответ на мой вопрос.- Верховный Совет – это своеобразный трамплин. Хватит ума – выскочишь наверх, может быть, даже высоко. Не хватит – свернешь шею или просто канешь в небытие. Вот и решай, что тебе надо!

Конечно, это был не просто ответ, а провокационный ответ. Во-первых, из него следовало, что у самого Лубенченко ума как раз хватало (хотя почему теперь не депутат?). Во-вторых, эти слова означали, что у Кости были сомнения по части моей сообразительности. Ведь мог же сказать иначе: "Володя, с твоими способностями нечего даже и сомневаться!". Но так Костя не сказал, и это предполагало, что теперь я должен был

доказывать, насколько считаю себя умным и достойным более престижной судьбы.

Кстати, на этом мероприятии в Алма-Ате я впервые близко познакомился с Хасбулатовым. Даже слишком близко! А дело было так: очередное пленарное заседание закончилось, был объявлен перерыв на пятнадцать минут. Все члены делегаций выбрались в достаточно просторный предбанник, где и толкались, коротая время за чашкой кофе. А Руслан Имранович вышел вон и отправился на какую-то встречу. Пятнадцать минут пролетели как одна. Я давно допил свой кофе и бесцельно прохаживался туда-сюда по переполненному предбаннику.

Вдруг за моей спиной послышался какой-то посторонний шум. Причем в этом шуме было что-то совсем необычное. Настолько необычное, что я не просто оглянулся, а круто развернулся всем телом. В результате моя правая рука по инерции довольно резко полетела назад. И ударилась во что-то мягкое... В ту же секунду я осознал, что заехал кулаком в пах

человеку, находившемуся позади меня. А еще через мгновение я понял, кто именно был этот человек. Шум подняла охрана Хасбулатова, прокладывая ему путь через толпу. А сам Руслан Имранович, как выяснилось, решил поиграть в демократию и, оторвавшись от охраны вперед на несколько метров, сам продирался между делегатами. За что и был наказан ударом в причинное место, нанесенным многоопытным дипломатом Володей Трофимовым.

Как оказалось, Хасбулатов был довольно-таки худосочного телосложения, и, по всей видимости, не злоупотреблял занятиями спортом. Мой кулак ясно ощутил его дряблую плоть. "Все! Сейчас охрана меня скрутит!" - промелькнуло в голове. Но Хасбулатов только поморщился от полученной травмы, немного согнулся вперед, но тут же распрямился и, не унижая себя мелкой мстительной разборкой, стал продираться дальше. При этом он тыльной стороной ладони лишь презрительно отстранил меня со своего пути. За ним в зал заседаний тут же рванулась охрана, которая по счастью ничего не заметила. А я вдруг понял, что только что получил знак сверху: надо переходить в Верховный Совет! Тут действительно большие возможности!

Срыв ратификации

Как только делегация вернулась в Москву, я тотчас же раздобыл тексты шести соглашений, вынесенных на ратификацию. Действительно, качества они были омерзительного! Юристу, который согласовывал их с российской стороны, надо было оторвать голову. Почти в каждой статье было какое-то скрытое, но невыгодное для России условие.

Всю субботу и воскресенье я писал заключение. Когда распечатал, оказалось около двадцати страниц. Работал с подъёмом, писалось легко. Еще бы, ведь речь шла о критике соглашений, которые сочинили в администрации президента

России! Нанести удар по предательской политике президента – что могло быть приятнее?! Саботаж с большой буквы.

В понедельник я уже с утра был у Амбарцумова, сжимая в руках свое творение. Тот попросил Владлена Сироткина, доктора исторических наук из дипломатической академии, высказать своё мнение. Что мог сказать этот самый Сироткин, ничего не понимая в международном праве? Он глянул на меня, понял, что я - работник квалифицированный. И не стал менять ни запятой! Для удобства договорились, что под этим заключением будет стоять именно его подпись, а не моя.

Заседание комитета было назначено на следующий день. Я под каким-то предлогом удрал с работы и явился в Верховный Совет. Сначала выступали представители МИДа – заместитель министра Колоколов и всё тот же уже упомянутый посол по особым поручениям Исаков. Они с пеной у рта хвалили соглашения. Казалось, чаша весов склоняется в пользу ратификации. Но тут депутат Иона Андронов вдруг сказал:

- А я вот тут вижу среди документов заключение профессора Сироткина. В нём говорится совсем об ином!

Дискуссия повернула в другое русло, а после нескольких выступлений ратификация и вовсе зашаталась.

В конце концов Амбарцумов дал на пять минут слово и мне. Я встал, вышел на трибуну и высказал все, что мог! Говорил я не просто жестко, а даже издевательски. И оспорить мои слова было невозможно, ведь я числился сотрудником договорно-правового отдела МИДа, то есть по определению считался специалистом по международному праву. Исаков сидел красный как рак. Я мельком подумал, что того, пожалуй, может даже хватить кондрашка. Исаков был просто в бешенстве! У Колоколова было иное, очень задумчивое выражение лица. Явно он оценил мое мужество, при этом осознавая двусмысленность своего собственного положения. Разве приятно быть предателем, агитируя тут за сомнительные договоры? И вдвойне неприятно выступать в такой роли, когда тебе об этом говорят прямо в лицо.

Уход из министерства

Заседание закончилось. Исаков выскочил из зала, как пробка. Ох, каким же он злобным взглядом ожег меня! Нетрудно было догадаться, что он сделает первым делом, когда добежит до здания МИДа. Сядет сочинять докладную записку. Да такую, чтобы этого Володьку, предателя интересов собственного ведомства и отступника, посмеявшего поднять руку на курс президента, вышибли из министерства с треском в самые же кратчайшие сроки!

Я все это понимал и даром времени не терял, а тоже быстрее лани побежал в МИД. Но не для того, чтобы сочинять жалобы на кого бы то ни было. У меня был совсем другой план. Я в мгновение ока подошел к своему заведующему отделом и без труда подписал у него заявление на отпуск. Сначала надо было погулять, отдохнуть, а уж потом переходить в Верховный Совет. К тому же и полагававшиеся мне отпускные тоже были совсем не лишними. В случае увольнения за плохое поведение я не получил бы ничего.

Подписав заявление и оформив его в отделе кадров, я прямиком отправился домой. Вскоре раздался телефонный звонок. Я услышал в трубке голос своего непосредственного начальника, заведующего сектором.

Это был довольно-таки живописный молодой человек по имени Саша. Он пришел в МИД на волне распада СССР. Откуда его выудили демократы - неизвестно. Кажется, он занимался какой-то наукой, о которой никто нигде никогда не слышал. Это был парень лет тридцати пяти, среднего телосложения. Впрочем, телосложение было в нем не главное. Главным была борода! Эдакая черная, лопатой, нечесаная. Такие бороды носили пару веков назад ученые мужи, двигавшие вперед алхимию.

В целом Саша выглядел в этой бороде очень солидно. Взгляд у него был прямой и уверенный. Именно так должны выглядеть

ученые, которые знают все секреты природы. Поскольку Саша был демократом, его тут же назначили заведующим сектором, а в подчинение дали меня. Для справки: в советское время не всякий дипломат успевал до пенсии дослужиться до завсектором, это была должность человека, который досконально знал свой предмет и мог научить подчиненных всем тонкостям своего дела.

Саша никогда ни на какой дипломатической службе не служил и про дипломатию просто ни черта не знал, а с международным правом был знаком в общих чертах по учебникам. Но вот такое было тогда время, как в Октябрьскую революцию, когда во главе любого дела мог встать балтийский матрос, который якобы владел секретами классово-борьбы, а потому мог руководить хоть министерством, хоть заводом. Без проблем!

Вот по всем этим причинам Сашу и назначили руководить мной. Черная окладистая борода выглядела в МИДе примерно так же, как и перья в голове папуаса. Борода была верным признаком того, что ее обладатель никогда советским дипломатом не был. В советское время даже усы не очень-то приветствовались, не то что борода. Старые кадровые сотрудники это понимали. И лишь вздыхали, сочувствуя мне. Ничего не поделаешь, такие времена!

Бородатый Саша говорил в трубку твердо и с раздражением. Он требовал, чтобы я немедленно явился на работу и объяснился. Вот чудак! Он считал, что после такого моего выступления можно было рассчитывать остаться в МИДе. Я с удовольствием послал его на три буквы и повесил трубку.

Через несколько минут телефон опять зазвонил. Это был Женя Прохоров. Он был заведующим отделом (Потом он, к сожалению, плохо кончил: уехал в Страсбург, там покатав на своей машине генпрокурора Юрия Скуратова, видимо, понервничал и по дороге домой разбился насмерть). Женя не стал ничего требовать, а просто сказал, что дела у меня плохи. Наверное, он даже пытался защищать меня, но, судя по всему,

безуспешно. Я ему не стал грубить, но очень четко ответил, что понимаю, что делаю, и какие могут быть последствия.

В результате всей этой моей подрывной деятельности правительство России само сняло все шесть соглашений с ратификации. Войска из Прибалтики вывели просто так, без договоров. Наверное, это было всё равно лучше, чем на бумаге признать за прибалтами целый ряд преимуществ с далеко идущими юридическими последствиями.

Я формально перешел на работу в Верховный Совет лишь через пару месяцев, отгуляв отпуск. Когда в МИДе разобрались, куда именно я уйду, то на Амбарцумова обрушился шквал звонков. Меня ругали как могли, уговаривали Амбарцумова отказаться от этой затеи. По счастью, он не послушался. Видимо, сообразил, что если так ругают, то сильно опасаются, что депутаты заполучат действительно дельного работника.

Глава 15. Европейская энергетическая безопасность

Конечно, на госслужбе, хоть в МИДе или в парламенте, я был всего лишь винтиком в огромной государственной машине. Но подчас, если удавалось проявить сообразительность и хитрость, возникала возможность существенно повлиять на внешнюю политику России. Эта история - про нанесение достаточно неприятного удара по системе энергетической безопасности Европы. А начиналась она следующим образом. После распада Советского Союза, а особенно после расстрела Белого дома, европейские государства приложили значительные усилия для того, чтобы интегрировать Россию в свою экономическую и политическую систему. Собственно говоря, такие попытки, и небезуспешные, предпринимались еще в советское время. В политической области можно упомянуть все ту же ОБСЕ (изначально она называлась не организацией, а Сопещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе). В экономической же области речь могла идти о тех или иных стандартах, например в области телевидения. В свое время СССР, как известно, принял вполне определенные европейские, если быть точным, французские стандарты. Кто-то считает их самыми худшими и наиболее невыгодными для Советского Союза из всех возможных вариантов.

Надо честно сказать, нельзя осуждать европейцев за то, что они теми или иными способами пытались сделать Советский Союз, а потом и Россию более интегрированной частью Европы. Понятно, что использование одинаковых стандартов, устойчивость экономических связей, взаимодополнение экономик должно было приносить дивиденды каждой из сторон такого интеграционного процесса. Другое дело, что руководство России, а до этого СССР, должно было предварительно хорошо просчитать, на каких именно условиях сближаться с Европой и в

каких областях. Мало того, надо было также посчитать, с кем вообще было более выгодно сближение: с Европой или, например, с Китаем и Индией, причем как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане. Почему не с Европой? Возможно, в силу некоторых объективных причин: если выбирать Европу, то это - быстро заработанные доллары и евро. Но очень может так случиться, что в конце концов именно Китай станет самой развитой экономикой мира, займется всеобщим переделом сфер влияния и изменением структуры международных экономических связей. Для России будет совсем не все равно, в каком лагере она будет находиться к этому моменту. Надо ли в таком случае сближаться с Европой? Получить сиюминутные выгоды, но при этом превратиться для Китая в форпост Запада, который надо сокрушить любой ценой? Может, лучше вообще не попадать китайцам под горячую руку ни за какие нефтедоллары?

Европейцы в ту пору резонно полагали (может быть, и до сих пор полагают), что отношения с Россией должны строиться на прочной основе и должны носить стабильный и долгосрочный характер. Поскольку Россия являлась и является поставщиком углеводородов в Европу, то европейцы хотели, чтобы эти поставки также были стабильными и к тому же еще и контролируемые. Значит, нужен международный договор, устанавливающий подобные правила.

Европейская энергетическая хартия

В 1991 году была принята так называемая Европейская энергетическая хартия. А в 1994 году был принят Договор к Энергетической хартии. Разрабатывался ли его текст с участием российской стороны, автору этих строк неизвестно. Ни в МИДе, ни в Верховном Совете никаких бумаг на этот счет я ни в каком виде не встречал. Но вот что известно, так это то, что в Кремле решили, что Россия всенепременнейше должна стать стороной этого договора. В результате в Думу было направлено

подписанное Ельциным официальное обращение о необходимости его ратификации.

Ратифицировать, значит, принять закон о ратификации договора. Все необходимые бумаги попали в Думу и, в конце концов, понятно, у кого они очутились на столе – у меня. Пакет с бумагами выглядел достаточно внушительно, но лениться было никак нельзя – надо изучать! Вопросы нефти и газа всегда означали большие, очень большие деньги.

В общем, полистав присланные от президента бумаги, я только покачал головой. Ничего другого от компрадорских властей нельзя было и ожидать. Договор содержал некоторые, мягко скажем, интересные положения. Например, статья 6 обязывала бороться с монополизмом. А ведь в России экспортер углеводородов как раз и был монополистом – Газпром. Выходило, что Россия должна была по этому договору принять меры к своему Газпрому, чтобы европейские страны не страдали от "монополизма". Видимо, пришлось бы раздробить Газпром на несколько компаний поменьше и стимулировать между ними конкуренцию, чтобы цена продаваемых европейцам нефти и газа не оказалась для них высокой. Соответственно и Европа как импортер получала законное право принимать меры против "монополиста". Кстати, именно это она и делает в настоящее время со всеми ее так называемыми "энергопакетами". И ее по большому счету нельзя за это осуждать: продавец стремится повысить цену на свой товар, а покупатель стремится ее любым способом сбить, так было испокон веков и так будет всегда.

Статья 10 говорила о том, что каждая договаривающаяся сторона (то есть, в том числе и Россия) должна предоставлять инвесторам других стран "справедливый и одинаковый режим". Разве такое правило выгодно России? Нужно ли нам самим добровольно отказываться от права выбирать, какого инвестора поощрять, а какого придержать? Если кто-то из инвесторов добьется для себя какой-то льготы, то ее на основе такого договора пришлось бы предоставлять всем остальным инвесторам: хорошим и плохим. Зачем России своими же

руками лишать себя возможности, грубо говоря, шантажировать инвесторов или хотя бы выбирать из них лучших?

Статья 13 запрещала национализацию и экспроприацию. При этом было ясно, что Газпром-то вряд ли сможет сделать серьезные инвестиции в Европу. А вот Европа в российский рынок – вполне, причем в том числе и в виде пакетов акций. И все это - нельзя национализировать? Многие развивающиеся страны именно так поступали и поступают в отношении иностранных инвестиций. При этом национализировать, не значит конфисковать! На самом деле национализация предполагает адекватную, быструю и эффективную компенсацию. А нам, соответственно, национализировать нельзя?

Говорилось в договоре и о репатриации прибыли. То есть если на территории России работает иностранная нефтедобывающая компания, Россия не может принимать никаких законов, которые ограничивали бы эту компанию в выводе своих прибылей за рубеж. Иными словами, Россия лишалась любых рычагов воздействия на таких иностранцев, чтобы побудить их инвестировать прибыли именно в российскую экономику. Что заработал, можешь вывезти до последнего цента! Вот он - вывоз капитала в чистом виде.

Был в договоре еще и раздел по экологии. Россия, если она ссылалась, что продает нефть и газ по высоким ценам из-за издержек на охрану окружающей среды, обязана была до последней копейки отчитаться, о какой именно охране среды шла речь, и что конкретно на это было потрачено. Понятно, что такое положение договора было направлено на то, чтобы сбивать цену у экспортеров (у России в первую очередь), не давая им находить благовидные предлоги для повышения цены.

Имелись там и положения, прямо затрагивающие ценообразование, например: "цены на энергию должны максимально отражать условия конкурентного рынка, обеспечивая ценообразование, ориентированное на рынок". Что

в переводе на простой язык означало, что продавцы нефти и газа не должны были задира́ть цены, не должны были умышленно создавать условия для роста цен. То есть политика, которую проводят, например страны ОПЕК, ограничивая производство, была прямо запрещена. Иными словами, по договору Россия должна была поставлять энергоносители в Европу по минимальным ценам.

По сути, Хартия предполагала следующий механизм: когда цены на нефть вырастут, Россия не должна автоматически повышать их для Европы, обеспечивая "стабильность" поставок. Через годик – другой можно и повысить, но не раньше и не слишком! А если высокие цены упадут? С трудом верилось, что Европа будет продолжать год за годом платить России высокую цену за нефть, когда она в целом подешевела на мировых рынках. Как говорится, держи карман шире!

Были в этом договоре и другие, бесконечно детализированные "интересные" положения, в частности, говорившие о доступе к кредитам, к современным технологиям, об урегулировании споров. Разобраться во всем этом было, конечно, можно. Но уж точно не за минуту.

Переговоры и разработка всех этих документов, как я уже упоминал, проводились в самом начале девяностых годов. Почему это произошло – понятно. Одним из основных поставщиков углеводородов для Европы был Советский Союз. А тут он вдруг развалился! Самое время установить правила, по которым эти ресурсы будут стабильно поставляться на все будущие времена и по низкой цене. Тем более что и руководители в России были что надо: пришедшие к власти либералы, жестко ориентированные на Запад и хорошо устроившиеся под крылом ельцинской семьи. Одно слово – компрадоры.

Но какой толк обвинять Западную Европу в том, что она придумала подобный кабальный договор? Европейцы заботились о своих интересах, и это было вполне естественно. С одной стороны, они были готовы платить за энергоресурсы, но с

другой, хотели за свои деньги получить от объекта притязаний все соответствующие удовольствия. Именно поэтому Европа и придумала все эти драконовские условия по ценам на энергоносители, по инвестициям, по экспроприации, по равным условиям доступа.

Понятное дело, что Ельцин и его правительство изначально были согласны играть роль бессловесного и бесправного поставщика нефти и газа по самым дешевым ценам, то есть превратить Россию в полную колонию, и потому-то подписали все документы без каких-либо существенных условий и оговорок и быстро вынесли на ратификацию в Государственную думу. Президент страны хотел, чтобы Россия сотрудничала с Европой по вопросам поставок нефти и газа именно на тех условиях, которые были записаны в Европейской энергетической хартии. Такой подход был частью российской государственной политики. И было ясно, что все, кто мешает ее проведению, занимаются саботажем и автоматически приобретают статус врага государства.

Михеев

Я все читал и читал лежавшие передо мной документы. Можно ли меня винить за то, что мне очень хотелось воспрепятствовать такой внешней политике президента страны? При этом подобное желание вполне совпадало с моими возможностями. Собственно говоря, для этого надо было просто сорвать ратификацию Хартии. Однако как именно это лучше сделать? Казалось бы, можно было просто пойти к председателю комитета Лукину и для начала объяснить ему, что договор противоречит интересам России. Но что будет дальше? Лукин запросто мог начать лоббировать интересы как раз Евросоюза. И если он поймет, что критические замечания придумал именно Володя Трофимов, то итог будет, скорее всего, предсказуем. Лукин для начала вообще ототрет меня от

процесса ратификации, а уж потом будет ее продавливать всеми допустимыми и недопустимыми средствами.

Нет, такой способ явно не подходил! С такими людьми как Владимир Петрович подобные игры могли закончиться плохо. Был и другой вариант: пойти не к Лукину, а к нормальным членам комитета, все к тому же космонавту Севастьянову. Объяснить ему, что к чему. Потом, не вдаваясь в детали, предложить уже Лукину вынести вопрос о договоре на рассмотрение комитета. На заседании выступят Севастьянов и другие депутаты и предложат отложить ратификацию. Поскольку в комитете депутаты предательской ориентации были тогда в меньшинстве, такой вариант в принципе был возможен, однако и он имел недостатки. Лукин был не дурак: запросто мог догадаться, что депутаты дошли до этого не своим умом, а с чужой подсказки. То есть с подсказки Трофимова! И опять я попадал под удар, а ратификация ускользала из рук.

Прикинув в ту и в другую сторону, я, наконец, решил посоветоваться с Михеевым. Юрий Яковлевич формально был простым сотрудником аппарата комитета, хотя на самом деле являлся вполне выдающейся личностью. Он пришел в аппарат комитета сразу после расстрела Белого дома, когда Дума только-только заняла здание бывшего СЭВа. На мою просьбу рассказать о себе и о своем опыте в международных отношениях Михеев молча распахнул свой атташе-кейс. В нем лежало штук пять или шесть разных книжек по международной тематике. Оказалось, что Юрий Яковлевич был их автором. А до этого работал послом в Лаосе. А еще ранее работал в международном отделе ЦК КПСС. В общем, он оказался не только опытным, но и проверенным товарищем и с того времени бессменно работал в аппарате Комитета по международным делам.

- Юрий Яковлевич! Вот мы получили на ратификацию договор к Европейской энергетической хартии,— тут я кивнул на толстую пачку бумаг, которую только что положил на край стола Михеева.— Что-то мне текст этого договора совсем не нравится!

Михеев в ответ на это ничего не сказал, но по его лицу пробежала еле заметная тень. Будучи человеком опытным, он сразу понял, что речь сейчас пойдет о серьезном деле. Причем, похоже, ему в этом деле отводилась чуть ли не центральная роль. Наверное, с одной стороны, ему было приятно играть важную роль в большом государственном вопросе и к тому же делать что-то такое, что было полезно для России. С другой стороны, однако, все это могло означать активное участие в саботаже той линии, которая формально считалась государственной. А за подрыв государственной линии, если, не дай Бог, случится разоблачение, предусматривалось и формальное наказание. В лучшем случае, увольнение.

Но ничего такого Михеев тогда вслух не произнес. И он, и я были люди опытные и с полуслова понимали друг друга. Уж такая тогда сложилась ситуация, что надо было делать выбор:

либо помогать компрадорам, либо мешать им, но в последнем случае рисковать своей головой.

Михеев внимательно слушал мои сомнения и замечания по Хартии. При этом он взял в руку пачку бумаг и стал их перелистывать и мельком разглядывать. В одном месте он остановился, вчитался в текст и только покачал головой.

Мой план сводился к следующему: избегать прямого столкновения с Лукиным, но при этом предложить ему проделать достаточно обычную формальную процедуру: разослать пакет документов, представленных на ратификацию, на заключение в профильные комитеты Государственной думы. Вряд ли Лукин станет этому противиться, без таких заключений можно было запросто нарваться на неприятность: вынесешь договор на ратификацию на пленарное заседание, а тут вдруг в зале встанет с места какой-нибудь депутат и начнет критиковать. Если есть заключения других комитетов, всегда можно будет возразить: "У нас имеется мнение комитета, членом которого вы являетесь. А вам надо было не прогуливать заседания собственного комитета, а высказывать свои замечания там, а не тут!".

В общем, можно было надеяться, что Лукин не будет артачиться и сопротивляться предложению направить текст на заключение в другие комитеты. Но это было еще полдела. Надо было организовать соответствующие заключения этих "других комитетов". Если просто разослать, то запросто можно было получить одни положительные заключения. Увидит там сотрудник такую толстенную пачку бумаг и скажет: "Какого черта я должен все это читать и во все это вникать? А потом, если что-нибудь раскопаю, становиться объектом давления и шантажа? Один против всех? Пусть в Комитете по международным делам сами и вникают в эту галиматью!".

Нет, явно нельзя было пускать дело на самотек! Следовало пойти к соответствующим депутатам из других комитетов и все им растолковать. А может быть, даже и написать проект отрицательного отзыва.

- Юрий Яковлевич! А ведь у вас есть хороший знакомый - председатель Комитета по промышленности Гусев. Может, поговорить прямо с ним? Вопрос-то прямо по его профилю!

Михеев с пониманием кивнул в ответ, но радости на его лице заметно не было. Ведь речь шла, между прочим, о нешуточной услуге. Владимир Кузьмич Гусев действительно был в приятельских отношениях с Михеевым. Они дружили еще со времен работы Михеева в аппарате ЦК КПСС. Но это была дружба большого начальника с простым сотрудником. Гусев был первым секретарем Саратовского обкома КПСС, а потом и первым заместителем председателя совета министров РСФСР, заместителем председателя совета министров правительства СССР. А Михеев в лучшие свои годы был просто послом СССР в Лаосе или сотрудником аппарата ЦК КПСС, вот и все.

Все это значило, что Михеев не мог вот так запросто напрягать свои дружеские отношения с Гусевым. Дружба дружбой, а надоедать тоже не хотелось, всякой доброте тоже есть свой предел. И тут могло выйти так, что попросишь помочь по этой злополучной Хартии и ее ратификации, а потом трудно будет просить по какому-то другому вопросу, который тебе нужен уже лично. То есть могла возникнуть альтернатива: можно было что-то попросить у Гусева для защиты интересов

Родины от ее же президента. А можно было потратить просьбу на какие-то свои личные блага. Вот и выбирай, что тебе ближе.

Но Юрий Яковлевич ничего такого не сказал. Да в этом и не было никакой нужды, я и так все понимал и не осудил бы его, если бы Михеев попросил не втягивать в это дело его дружбу с Гусевым. Ведь все мы люди. Может, этот контакт был более нужен, например, для того, чтобы организовать нормальную медицинскую помощь жене Михеева, кстати, имевшей серьезные проблемы со здоровьем?

Уж неизвестно, в силу каких соображений, а только Юрий Яковлевич все-таки согласился и вместе с пачкой бумаг, полученных от меня, вскоре отправился на прием к председателю Комитета по промышленности Владимиру Гусеву. Через часок он вернулся.

- Владимир Николаевич!– тут Михеев помедлил, глянул на меня и после соответствующей паузы, которая должна была подчеркнуть значение сделанного им дела, закончил.- Все в порядке!

- Очень хорошо!– вот и все, что я тогда сказал ему в ответ.

Дальше мы оба присели за небольшой столик, находившийся в углу кабинета. Там же, у столика, стояли два массивных черных кожаных кресла. Я в свое время отказался от дивана и попросил поставить именно кресла. На диване можно было иногда разлечься и даже поспать. Но за столиком с двумя креслами можно было посидеть с посетителем и тем самым перевести отношения в неформальные. Мне казалось, что правильные отношения с людьми важнее возможности поспать в рабочее время. За этим столиком было выпито большое количество спиртных напитков и съедено несметное количество закуски. В результате люди от меня уходили довольные. А моя деятельность по саботажу политики собственного президента и правительства, как правило, получала дополнительный положительный импульс.

В этот раз мы с Юрием Яковлевичем посидели за этим столиком, пожалуй, с полчаса. Никакие спиртные напитки мы не

пили, а разговаривали на самые разные темы, но вопроса об Европейской энергетической хартии уже больше не касались. Тема была вполне исчерпана короткой фразой Михеева: "Все в порядке". Больше добавлять было нечего. И я, и Юрий Яковлевич прекрасно поднимали, что именно мы делали. Мы, по сути, объединились в организованную шайку и, злоупотребляя своим служебным положением и втянув в свою преступную деятельность уважаемого и заслуженного человека – председателя комитета Владимира Гусева, совместными усилиями разрушали с таким трудом построенный европейскими государствами международный порядок взаимоотношений между потребителями и производителями нефти и газа. Европейские политики и юристы потратили огромное количество сил и времени, провели сотни и тысячи часов в напряженных переговорах, чтобы выработать тончайшую ткань нового международного договора. Этот договор должен был создать в Европе условия для многолетнего гармоничного и спокойного процветания на импортируемых нефти и газе. И вот все эти усилия могли рухнуть в тартарары из-за того, что какому-то сотруднику аппарата Госдумы текст договора не очень понравился. Кстати, куда смотрела служба, которая должна была обеспечивать безопасность страны? Неизвестно! Нефтяные магнаты тратили миллиарды на безопасность своего бизнеса. А тут они проглядели какого-то Володю Трофимова! Очень неосмотрительно!

На следующий день, как всегда к половине десятого утра, я отправился на доклад к Лукину. При этом сначала показывал ему всякие разные бумажки, но, наконец, дошел и до Хартии.

- Владимир Петрович, – тут мой голос зазвучал как можно более нейтрально и незаинтересованно, – вот нам из секретариата Думы прислали документы на ратификацию. Европейская энергетическая хартия. Я почитал, посмотрел. Тут, конечно, много технических вопросов, но есть и политические, касающиеся нас. Наверное, надо разослать на заключение в

другие комитеты Думы? Соберем их мнение, а там и решим, когда выносить на ратификацию.

Лукин, конечно, понимал, кто перед ним сидит, и очень внимательно следил за тем, что именно и как именно делает его руководитель аппарата. Если тот вдруг по какому-то вопросу давал основание усомниться в своем полном политическом нейтралитете, Лукин тут же вносил свои коррективы и мог даже вовсе отстранить меня от подготовки того или иного документа. Но тут придрачься было, вроде бы, не к чему. Ничего такого не было сказано, что могло быть истолковано как тенденциозное отношение к присланному на ратификацию договору. В предложении разослать документ на заключение был свой резон, поскольку Хартия действительно касалась технических вопросов, и тут без мнения специалистов и профильных комитетов было никак не обойтись. В общем, Лукин не заметил никакого подвоха и утвердительно кивнул в ответ, чем, сам того не сознавая, забил в крышу гроба Хартии важный гвоздь. Но не самому же ему заниматься всеми этими вопросами и читать какую-то там непонятную Хартию?! Тогда не будет времени сходить на прием к послу США, а потом еще к послу Франции. А после этого встретиться с людьми от Гусинского и обсудить, как обстоят дела с финансированием партии "ЯБЛОКО". А совсем поздно вечером надо будет еще встретиться и выпить по старой дружбе с кем-то из бывших товарищей. Какая уж тут вам еще Европейская энергетическая хартия?!

Отрицательное заключение

Пришлось мне засесть за написание отрицательного заключения на Хартию. Надо было передать его Гусеву, чтобы тот подписал и направил назад, в Комитет по международным делам как свое собственное. Через пару дней работа была готова. Я еще раз перечитал текст и, скажу честно, при этом довольно зловредно ухмыльнулся. С таким отзывом Хартия

имела мало шансов на успешную ратификацию в "красной" Думе.

Наконец "отзыв" от Гусева пришел к Лукину. Надо было делать следующий шаг: "Владимир Петрович! У нас с вами нет никакой спешки! Давайте отложим этот договор, пусть отлежится. Глядишь, со временем возражения сами по себе и исчезнут".

Лукину совсем не хотелось ругаться с членами собственного комитета по поводу этой злополучной Хартии. Ведь непременно привяжутся к этому отрицательному отзыву! Начнут говорить про какие-то там "национальные интересы"! Будут всячески намекать, что Лукин – американский агент влияния. Ну их всех к черту! Пусть эта Хартия лежит хоть до посинения!

Лоббист Валодя Рыжков

Однако "до посинения" Хартия полежать не успела. Вскоре в моем кабинете тревожно зазвенел зуммер. По селектору звонил сам Лукин: "Владимир Николаевич, соберите все договоры, которые у нас не прошли ратификацию. Нас просит подойти Владимир Рыжков".

Конечно, Владимир Рыжков, первый заместитель председателя Госдумы, просил подойти не "нас", а только Лукина. Рыжков как представитель либерального сообщества хотел услышать отчет, почему Лукин не выносит на ратификацию такие важные для США и Западной Европы договоры. Что еще за своеволие?

Лукин был бы и сам рад сходить к товарищу по оружию. Но на свою беду Владимир Петрович за всеми этими приемами, раутами и попойками вовсе не знал, почему тот или иной договор не подходил для ратификации, а потому предусмотрительно взял с собой своего руководителя аппарата. Пусть тот сам отдувается за свое желание защищать какие-то там национальные интересы.

Володя Рыжков важно восседал в своем кресле за столом. Кабинет у него был огромный, как и положено первому заму. Вида он был при этом совсем смехотворного: мальчишка по возрасту, ухмылочка, которую он никак не мог согнать с лица. А тут Лукин, уже пенсионер, прошел огонь, воду и медные трубы. Но Лукин никак не стал подчеркивать разницу в возрасте. И никакие такие предварительные беседы с Рыжковым вести тоже не стал, а просто сел и кивнул на меня: "Вот у меня руководитель аппарата. Он вполне владеет предметом. Он пояснит, какие у нас тут имеются проблемы". Рыжков при этих словах уставился на меня и еще раз ухмыльнулся, прямо как кот, который только что слизал у хозяйки сметану. Пришлось положить перед собой на стол здоровенную стопку папок и начать пояснять, открывая их одну за другой. Договоров, которые застряли в Комитете по международным делам и которые, по моим меркам, были предательскими, было около двух десятков.

Через полчаса папка уменьшилась уже вдвое. Лукин отстраненно смотрел в окно. А Рыжков смотрел на меня уже не с ухмылочкой, а с удивлением. Он даже где-то немного потерял контроль над собой и удивленно приоткрыл рот. Выражение лица у него при этом стало, так скажем, совсем малоинтеллектуальное. И было от чего разевать рот. Я кругом

обложился заключениями комитетов, министерств и ведомств. Приятно было спокойно, с расстановкой зачитывать, например заключение ФСБ о том, что Соглашение о международном научно-техническом центре противоречит интересам России и, по сути, легализует тут иностранный промышленный шпионаж. Другие заключения были подстать. И все они в той или иной мере были предварительно мной организованы, как и в случае с Хартией. С ФСБ не поспоришь, даже если ты первый заместитель председателя Госдумы!

Рыжков, наконец, устал слушать и перебил меня: "А почему бы просто не вынести эти соглашения на ратификацию? Как можно держать без движения такой важный договор как Европейская энергетическая хартия?".

Да, первый зам был, видимо, не гигантского ума, если не понимал таких простых процедурных вопросов! Пришлось, не подавая вида, терпеливо ему объяснять, что в Комитете по международным делам большинство депутатов согласны с этими отрицательными заключениями, и они ни за что не будут голосовать за ратификацию. А выносить на пленарное заседание договор, по которому Комитет по международным делам проголосовал против ратификации, это верный способ ее провалить. Тем более что и депутаты в зале наверняка обратят внимание на отрицательные отзывы. А для провала ратификации надо всего ничего: не набрать простого большинства. Вот и все! После моих слов Лукин пожал плечами, как бы говоря, что вот такая уж сложилась ситуация в комитете. Что я могу поделаться!?

- А что же теперь делать?– наконец промолвил первый заместитель председателя Госдумы.– Как же нам теперь быть?

Тут я счел, что ничего отвечать не надо, а достаточно просто скривить лицо, что должно было означать только одно: "А никак!".

Рыжков остался в своем кабинете, продолжая удивляться, какая же это странная штука – демократия. Зачем нужна вся эта демократия, если нельзя ратифицировать такие важные для

Запада договоры? В посольствах США и Германии такой подход не поймут! Выйдя от Рыжкова, Лукин сразу же сослался на занятость и куда-то убежал. А я отправился назад в свой кабинет, размышляя по дороге, что еще может придумать Рыжков и его покровители. Ведь, шельма, наверняка будет искать способ протащить ратификацию Хартии и прочих договоров! Вдруг он додумается, что для этого надо вывести именно меня из игры?

Попытка реванша

Прошло несколько месяцев. И опять Владимир Рыжков вызвал Лукина "на ковер". Опять мне пришлось выкладывать на стол толстые папки и объяснять, почему то или иное соглашение ни в каком виде ратификацию не пройдет. В этот раз Рыжков уже не ухмылялся, а только кусал губы и злился, но ничего путного возразить так и не смог. Дальше пары-тройки общих вопросов дело не пошло, хотя Хартию Рыжков опять упомянул. В результате никакие ратификации никак с места не сдвинулись.

Однако эта попытка реванша показала, что враг не дремлет, а интенсивно ищет пути выхода из тупика. Более того, я вдруг почувствовал, что смысл этой повторной беседы был особый: не столько найти формальный выход, сколько разобраться, кто персонально тормозит ратификацию важных договоров. Уж не замешан ли в саботаже сам руководитель аппарата Комитета по международным делам? Ишь, с каким удовольствием зачитывает все эти заключения! Если у Рыжкова появились какие-то такие мысли, то вскоре можно было ожидать и попытки выбить меня из "обоймы". Как именно - неизвестно. Могли хулиганы на улице напасть и ударить обрезком трубы по голове. Могли милиционеры "найти" в кармане пакет с наркотиками. Могла случиться и любая другая подобная штука.

По всему выходило, что мне пора выходить из игры по Хартии, тем более что имелся и вариант отхода. Ведь не

"сливать" же ее! Нет, надо было и самому выйти из-под удара и на Хартии поставить крест.

- Владимир Петрович!– хитрым голосом начал я очередным утром свой доклад по бумагам.– А зачем нам надо связываться с этой Европейской энергетической хартией? Вот нас и Рыжков за это критикует. Но ведь возражения-то против нее не у нас, а у Гусева! Может, отдадим им все материалы? Пусть не мы, а они будут головным комитетом, отвечающим за ратификацию!

Лукин удивленно вскинул голову. С какой это стати этот хитрый жучила Трофимов вдруг выпускает из своих цепких лап такой важный документ? Неужели испугался? С другой стороны, а почему бы и не отдать? Пусть дальше Гусев объясняется с начальством. А мне портить отношения с европейцами и американцами точно не резон.

- А согласится ли Гусев?

- Думаю, согласится. Я попробую в рабочем порядке договориться с его руководителем аппарата.

- Хорошо!

Произнеся эти слова, Лукин с удовлетворением откинулся в своем кресле. У него как гора с плеч свалилась. Черт с ней с этой Хартией и всеми этими колониальными интересами Европы и Америки! Никакая Хартия не стоит хорошей рюмки водки с соответствующей закуской (с селедкой, как обычно пояснял Владимир Петрович) да еще в приятной компании!

Я через Михеева действительно договорился с Гусевым, чтобы Комитет по промышленности считался ведущим по вопросу о ратификации Хартии. Это значило, что Рыжков должен был трамбовать уже не меня, а известного политика, защищенного депутатским иммунитетом. Тут особо не разгуляешься!

Так оно на деле и вышло. Гусев слал на три буквы всех лоббистов и толкачей, как из рядов отечественных либералов, так и из посольств соответствующих стран. Мы же со своей стороны время от времени помогали ему с аргументацией,

готовя соответствующие тексты писем и выступлений. Впрочем, Гусев и сам более чем прилично владел предметом.

Время шло. И отложенная на время ратификация превратилась уже в отложенную навсегда ратификацию. Более того, со временем стало даже неприлично агитировать в пользу этого документа. А в 2006 году, "всего" через десять лет после внесения на ратификацию в Думу, уже и Владимир Владимирович Путин дозрел до того, чтобы заявить о невыгодности для России этой Хартии. В результате европейский мегапроект опутать Россию колониальными договорами по энергетическим вопросам окончательно пошел ко дну, пуская пузыри.

Впрочем, Хартия и ее лоббисты все-таки смогли нанести определенный удар по России. До момента, когда Путин ее осудил, Хартия применялась на так называемой временной основе. Для временного применения никакой ратификации не требовалось, все, вроде бы, делалось лишь "на время". В результате небезызвестный Ходорковский подал на Россию в суд и выиграл там 50 миллиардов долларов. Причем выиграл именно потому, что суд учел положения этой самой злополучной Хартии, ведь она к моменту разгрома ЮКОСа все еще применялась, хотя и "на временной основе". Вот такой это был зловерный документ: одно неверное движение - и 50 миллиардов долдой! По счастью Россия потом как-то смогла вывернуться из этой ситуации. Но ведь ее, этой ситуации, могло в принципе не быть, если бы не Хартия и игры российских компрадоров и либералов вокруг нее!

Тщеславие и благодарность

Давайте тут пощекочем собственное тщеславие и немного посчитаем. Допустим, что эта злополучная Хартия все-таки была бы ратифицирована. И вот, наконец, после двухтысячного года цены на нефть пошли вверх (именно так оно и было). А Россия по Хартии не имеет права их быстро повышать! Нельзя!

Иначе подрывается стабильность торговых отношений с Европой! Однако, что значит: годик-другой продавать нефть и газ просто по низким ценам? А потом еще несколько лет по заниженным? В результате Россия недополучила бы десятки, а, может быть, и сотни миллиардов долларов. И, скорее всего, не было бы у нее никаких особых резервных фондов, не было бы никаких майских указов Путина, согласно которым многие россияне получили достаточно приличные деньги. Не было бы ничего этого, ни фондов, ни достойных зарплат, ни пенсий, потому как в эти годы основным источником всех благ у России были как раз именно нефть и газ, которые в основном продавались в Европу. Вот какова была цена того, что была разрушена Европейская энергетическая хартия. Странная мысль при этом приходит мне в голову: "Неужели я оказался тем единственным человеком на всю огромную страну, который смог встать между предателями-либералами и Европой и не дал им сговориться? А если бы я не сделал этого, что тогда было бы?".

Ничего хорошего точно не было бы. Как известно, ни один комитет тогда не прислал отрицательного отзыва, за исключением отзыва, подписанного Гусевым, а на самом деле сочиненного лично мной. И не было никаких других протестов, возражений, альтернативных мнений. Это значит, что если бы не мои зловерные происки и саботаж, Хартия была бы совершенно точно ратифицирована. И для того, чтобы ее когда-нибудь денонсировать, пришлось бы приложить огромные усилия. А скорее всего, никакие усилия не помогли бы. Это, как с ВТО: вход - рубль, выход - сто рублей.

Посещает меня и еще одна тщеславная мысль, пусть читатели и потомки простят мне эту маленькую слабость: допустим, взять да и отлить из чистого золота статую в человеческий рост. Веса она будет в полторы тонны, если я правильно помню школьные уроки по физике (мой вес – восемьдесят килограммов - умножить на удельный вес золота). То есть примерно одна тысяча пятьсот килограммов. Это полтора миллиона граммов.

Каждый грамм стоит примерно сорок долларов. Сорок умножить на полтора миллиона получается всего ничего – шестьдесят миллионов долларов. По сравнению со спасенной мной для Родины суммой – просто пустяк. А за миллиард долларов можно отлить статую уже не в два метра, а, пожалуй, аж в десять.

Но нет, не отольют мне потомки такую статую! Не поставят на Красной площади у Кремлевской стены. Не напишут внизу: "От благодарных потомков". И не потому, что неблагодарные. А просто потому, что такой объект будет трудно охранять. А из гипса, может, и поставят. По крайней мере, на кладбище.

Глава 16. Крым

Территориальные споры

Конечно, Крым уже вернулся в состав России. Но для истории все-таки лучше упомянуть, как именно крымский вопрос рассматривался в Верховном Совете России, а потом и в Государственной думе.

Мне легко писать на эту тему, в МИДе я довольно много занимался вопросами так называемых территориальных претензий. В мире полным-полно государств, имеющих территориальные споры. Как правило, такие дела тянутся десятилетиями: спорящие государства ведут бесконечные переговоры, собирают сторонников среди других стран, устраивают громкие акции и демарши, переходящие в провокации и демонстрации силы. Индия конфликтует с Китаем по поводу горных районов Тибета, Япония с Россией по поводу части Курильских островов, Ирак с Ираном по поводу Шат-эль-Араба. Этот список можно продолжать долго. То есть предметом таких споров является как суша, так и море, а также реки, озера и горы. Существуют даже притязания на геостационарную орбиту вокруг Земли.

Конечно же, в результате в международной практике уже давно сложились соответствующие политические, юридические и дипломатические подходы. Тут, как в шахматах: есть свои стандартные ситуации и соответствующие им стандартные ходы. В этих ситуациях надо действовать четко и вполне определенно, а иначе спорную территорию можно просто потерять. Вот, собственно говоря, этими спорами, помимо прочих важных вопросов, мне и довелось заниматься в МИДе. В частности, я вел Антарктику и Арктику, Дунай (там до распада СССР были спорные вопросы канала Рейн-Майн-Дунай),

Каспийское море, а также разграничение морских пространств с Норвегией и США.

Суть подобных стандартных ходов, как правило, сводится к тому, чтобы никакими формальными шагами не ослаблять свои притязания и тем более не подтверждать позицию противоположной стороны. А как только представляется удобный случай, немедленно его использовать для обоснования своей аргументации. Хороший пример – Шпицберген. Как известно, по договору 1936 года СССР признал суверенитет Норвегии над этим архипелагом. Но одновременно договор разрешил Советскому Союзу вести там разработку полезных ископаемых, в частности, угля. И за все прошедшие годы Норвегия, пользуясь каждым удобным случаем, понемногу, шаг за шагом, но вытесняла СССР с архипелага. Там действительно имелись хорошие залежи качественного угля, и Советский Союз многие годы вел его добычу. Но все хорошее, как известно, когда-нибудь заканчивается: стали подходить к концу и запасы этого угля, тем более что добыча его была там очень недешевой, а может быть, даже и нерентабельной. Норвегия постепенно то там, то сям, но ограничивала деятельность СССР на архипелаге: то примет правила охраны окружающей среды, то запретит промысел рыбы в водах Шпицбергена, то создаст проблемы с пограничным режимом. И можно не сомневаться, что в один прекрасный день Россия уйдет с архипелага, а суверенитет Норвегии над ним превратится из договорного в самый настоящий, полноценный, без каких-либо ограничений. Не исключено, что точно так же, постепенно, шаг за шагом, Россию выпрут и с Курильских островов.

Отдать или забрать?

Что касается Крыма, то общая бестолковость российской внешней политики проявилась здесь во всей своей красе. Наверное, крымская проблема – это один из самых показательных примеров в международной практике, как не

надо себя вести в случае территориального спора. Здесь ошибки и промахи наслаивались друг на друга без ограничений.

Позиция Бориса Ельцина по вопросу об этом полуострове была донельзя простой: СССР в результате Беловежских соглашений распался, Украина превратилась в независимое государство, Крым раньше входил в ее состав как одной из республик Советского Союза. Значит, эта территория является неотъемлемой частью нового государства под названием "Украина". Как говорится, что с воза упало, то пропало. Соответственно, и вся внешняя политика России строилась из этого как бы уже свершившегося факта.

Конечно же, такой подход можно смело называть глупым или даже предательским. Крым, как известно из истории, вошел в свое время в состав Украины по решению Никиты Сергеевича Хрущева, который и думать не думал, что его преемники на посту руководителя государства ухитрятся страну развалить на отдельные куски. Полуостров никогда до этого не был украинской территорией. Более того, Россия еще при царях бесконечно воевала с османами, а также с их европейскими союзниками за контроль над полуостровом. Так что исторически связь Крыма и России, а до этого СССР, была бесспорной.

Иными словами, у России было более чем достаточно оснований, чтобы говорить о своих претензиях на Крым. Как минимум это было выгодно для того, чтобы создать дополнительный фактор давления на Украину. А при хорошем стечении обстоятельств можно было и вовсе претендовать на присоединение полуострова к России (что, между прочим, в конце концов и случилось, правда, не благодаря каким-либо особо умным действиям, а вопреки всей совокупности российской бестолковщины и предательства).

Конечно, разыгрывать карту Крыма надо было с умом. Если бы Россия слишком надавила на Украину, то могла в результате лишиться Севастополя как базы черноморского флота. Но при грамотной внешней политике одно не исключало другого, была возможность и базу сохранить на условиях аренды, и не

слишком подрывать свои позиции в отношении претензий на полуостров. Найти баланс тут можно было безо всяких сомнений. В любом случае следовало, по крайней мере, не усугублять ситуацию и не допускать действий, которые в корне подрывали притязания России на Крым.

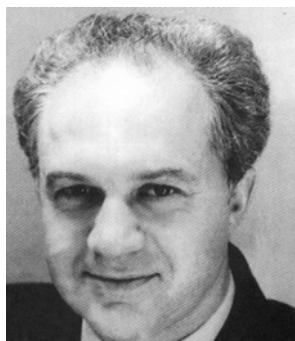
"Локамотив"

Депутаты Верховного Совета России, понятное дело, очень интересовались Крымом. Но одно дело – интересоваться, и совсем другое – предпринимать грамотные формальные шаги, чтобы хотя бы не потерять его окончательно. Ясно, что по части формальных действий депутатам помощи было ждать неоткуда, Ельцин и его друзья рассматривали любые поползновения в отношении Крыма как открытый вызов своей политике. Дипломаты из МИДа в такой ситуации, понятное дело, были на стороне Ельцина. И несомненно, что люди, которые пытались поднять вопрос о возврате полуострова, рисковали своей головой. Кое-кто, кстати, и поплатился...

Как только в 1992 году судьба занесла меня в аппарат Комитета по международным делам Верховного Совета России, я тут же включился в борьбу за Крым, хотя начальство меня об этом не просило. Но как можно не ввязаться в такой интересный вопрос?! Конечно же, именно это я и сделал. Впрочем, ввязался не напрасно, мои знания и опыт, приобретенные в МИДе, очень даже пригодились. Откуда депутатам, приехавшим из российской глубинки, было знать тонкости политики при территориальных спорах? Тем более что представители министерства иностранных дел им прямо в лицо официально заявляли, что оснований претендовать на Крым нет никаких, и вообще не надо поднимать этот вопрос в каком-либо виде, а то будут испорчены отношения с "братским народом".

По Крыму я попробовал сделать ставку на депутата Евгения Пудовкина. Тот избирался от Ленинграда, даже пытался играть роль представителя балтийских военных моряков и с охотой

взялся выступать по крымскому вопросу в качестве своеобразного локомотива.

Как и многие депутаты в составе того Верховного Совета, Евгений Константинович Пудовкин был незаурядной личностью. Правда, эта незаурядность не очень отражалась на его внешнем виде. Средних лет и среднего же возраста, он имел вид довольно-таки невзрачный, таких тысячи на городских улицах. Пудовкин, однако, от всех остальных простых людей отличался своей особой активностью: пронзительный взгляд, резкая жестикуляция, стремительные движения. А уж про ораторские способности Пудовкина и говорить было нечего, при каждом удобном случае и перед любым слушателем он разражался красочной и, как правило, содержательной речью.

Почему Евгений Пудовкин взялся за тему Крыма, сказать сложно. Сам он ссылался на свои военно-морские корни и на балтийских моряков. Каковы же были истинные причины, это знал только он сам. Кто-то подозревал в Пудовкине еврея, замаскировавшегося под морского офицера. Мол, нашел благодатную тему и хочет теперь на ней сделать политическую карьеру. Волосы у Пудовкина были действительно более кучерявые, чем у обычного деревенского мужика. Но тут надо быть справедливым: на крымской теме можно было скорее свернуть шею, чем сделать карьеру.

Образ жизни у Евгения Пудовкина был совсем не аскетический: вокруг него все время крутились какие-то веселые

дамочки, вино лилось, если не рекой, то уж хорошим потоком, это точно. Кабинет у него был на зависть всем: угловой, площадью метров под сорок. В нем умещался не только сам Пудовкин, но также и его многочисленные помощники. По большому счету, в такой огромной комнате можно было проводить совещания, встречи, "круглые столы" как минимум с полусотней участников.

Собственно говоря, там и без формальных совещаний и так крутилось огромное количество народа. В любой момент в комнате заседало не менее десятка человек, частично – помощники, а по большей части какие-то непонятные ходоки, представители Крыма, моряки Балтийского и Черноморского флотов. Все это нередко заканчивалось хорошим загулом с распитием большого количества спиртного, громкими тостами и вываливающимися из кабинета лицами мужского и женского пола с ошалевшими глазами, еле державшимися на ногах.

Никто Пудовкина за такое поведение не осуждал. Понятно, что многие вопросы решались тут неформально, а для неформальных решений необходимо доверие. Однако какое может быть у русского человека доверие, если не было хорошей попойки?! Этот своеобразный штаб бати Махно функционировал день и ночь. И этот штаб порождал не только бесконечные батареи пустых бутылок, но также и важные внешнеполитические и прочие инициативы.

Проект постановления и умные юристы

Для начала я насоветовал Евгению Пудовкину принять постановление Верховного Совета по Крыму. Смысл этой затеи был следующий: понятно, что Ельцин не хотел бороться за Крым, а Украина даже и не думала его возвращать. Точно так же было понятно, что Ельцин не даст воевать за Крым. Кроме того, бытовало расхожее мнение про украинцев как "братьев", а если "братья", то, как же можно поступать не по-братски? Однако и просто сидеть, сложа руки, тоже было нельзя! Значит,

напрашивалось постановление парламента, где просто фиксировалось бы, что Россия все-таки имеет какие-то права в отношении полуострова.

Тут было удобным именно постановление Верховного Совета. Парламент – это не исполнительная власть, не президент страны, в парламенте сидят простые люди из деревни, ну, какой с них спрос?! Они запросто могут проголосовать за постановление по Крыму! Если президент страны не согласен с претензиями на Крым, он может устно отмежеваться от парламента, и никакой особой ссоры с Украиной не получится, но зато останется формальный документ, в котором зафиксированы права на эту территорию. А когда представится удобный момент, эту бумажку можно будет вытащить из архива. Мало того, постановление превращалось в рычаг давления на Украину: будете плохо себя вести - отберем полуостров!

Именно так я и рассуждал и примерно так и изложил свое мнение Евгению Пудовкину. Тот быстро сообразил, что к чему, и взялся протолкнуть подобное постановление. Написать текст для меня было делом пары часов. И вот уже проект лежит на столе перед Пудовкиным. Текст был предельно кратким и констатировал только одно: Россия не отказывается от своих притязаний на Крым.

Пудовкин, конечно, был хорошим человеком и действительно хотел вернуть Крым России. Но одного хотения мало, для начала надо иметь какой-то минимум знаний, чтобы хотя бы понимать, что именно тебе советуют умные люди. А Пудовкин так и не смог осознать, что в тот момент в крымском вопросе не было никакой необходимости накручивать сложную аргументацию и писать какие-то заумные обоснования. Надо было действовать просто и кратко: зафиксировать в документе, что у России есть притязания на Крым. А уж потом можешь сколько угодно аргументировать в своих речах и научных работах, откуда именно взялись права, чтобы предъявлять такие

претензии. В конце концов, если уж так хотелось, в тот момент аргументы можно было изложить в пояснительной записке.

В общем, Пудовкин отверг мой простой вариант и взялся сочинять проект постановления, не просто констатировавший факт претензий, а также содержащий их обоснование. Но такие обоснования были довольно-таки расплывчатыми: можно было ссылаться на волюнтаризм Никиты Сергеевича Хрущева, можно было построить аргументацию на том, что передача Крыма Украине в свое время была проведена с серьезными нарушениями советских законов. Можно было также ставить под сомнение легитимность самих Беловежских соглашений.

Короче, Пудовкин копнул эту тему и тут же в ней увяз. Он стал советоваться с юристами, историками, политиками и дипломатами. Каждый говорил ему свое, а Пудовкин, в конце концов, схватился за голову, которая у него пошла кругом: свести все эти разговоры в текст постановления Верховного Совета не было совершенно никакой возможности. Евгений Константинович, как это свойственно дилетантам, искренне верил, что у юристов есть в заглавнике какой-то такой неведомый простым людям аргумент, который надо просто вытащить из анналов и положить на стол как козырную карту, вот и все! Эх, если бы все было так просто!

Очередь "специалистов" по Крымскому вопросу с каждым днем только росла. Кто-то действительно немного понимал в территориальных спорах, а большинство просто размахивало руками и требовало немедленного возврата Крыма любой ценой. Наконец заявился и Олег Николаевич Хлестов. Казалось бы, вот Пудовкину повезло, к нему пришел, действительно, опытный человек! Олег Хлестов в свое время был заведующим договорно-правовым отделом МИД СССР, и именно он меня и взял туда на работу. Конечно же, Хлестов блестяще знал теорию и практику разрешения территориальных споров и не один год готовил советские делегации для участия в таких переговорах. Но вот тут сплеховал даже он...

Трудно сказать, почему, но Олег Хлестов не смог понять ситуации с Крымом. Может, сказался возраст, ведь с годами люди теряют гибкость восприятия и склонны упорно талдычить что-то свое, что прочно засело в их седой башке. А может, Хлестов всегда что-то немного недопонимал в этой жизни. Но только на государственном посту все это сходило ему с рук: мол, что ни скажет заведующий отделом, все – правильно, а то ведь, как иначе он попал на такой ответственный пост?!

Короче, Хлестов тоже не понял специфики ситуации. Не понял, что против любых поползновений депутатов по Крыму выступают грозные силы. И президент был против, и его сторонники в парламенте были против. Были также против дипломаты в МИДе. И, конечно же, были против все те силы, которые лоббировали в России интересы Украины. Все это значило, что сложный текст было немыслимо протащить через процедуру голосования, на каждый сложный тезис нашлось бы свое возражение, и документ совершенно точно постоянно возвращался бы на доработку.

Хлестов приволок целое научное исследование по Крыму, страниц эдак на сорок, а то и на пятьдесят. В общем, это была маленькая кандидатская диссертация. Я с интересом полистал

сей труд. Нельзя сказать, чтобы Хлестов был рад этому, но обойти меня как сотрудника аппарата комитета было никак нельзя.

- Олег Николаевич! Очень хорошее исследование. Оно очень пригодится потом. А сейчас нужен текст постановления парламента. У вас текста нет. И лично мне непонятно, как можно трансформировать ваше исследование в текст такого постановления. У вас есть какой-то вариант? Кроме того в Верховном Совете сложилась довольно сложная ситуация, против постановления по Крыму выступает даже сам Хасбулатов. Если затащить в текст постановления всевозможные юридические детали, это даст основание противникам придраться к каждому слову, втянуть депутатов в сложное обсуждение теории международного права. И результат предскажем: никакого постановления не будет вообще!

Я произносил эти слова, а сам внимательно смотрел на своего бывшего босса. Что тот возразит? Но Хлестов не стал унижать себя дискуссией с бывшим подчиненным, он только презрительно скривил губы, протянул руку за своим трудом и резко развернувшись, вышел вон из кабинета, не проронив ни слова. Сказать честно, я тогда только пожал плечами, я не считал, что заслужил такой объем презрения. Даже "до свидания" Хлестов не произнес. Откуда такой снобизм, такое самомнение? Кстати, к этому моменту я уже защитил свою докторскую диссертацию.

Дальнейшая судьба Хлестовского труда была легко предсказуемой. Олег Хлестов в тот же день добился аудиенции у самого Евгения Пудовкина, и вот там уж он снизошел до какого-то обоснования своей позиции. Но проекта постановления он так и не предложил, а только стал щеголять всевозможными фактами из своей биографии, тем самым как бы добавляя весу своему исследованию. Пудовкин кивал-кивал в ответ, в конце концов поблагодарил известного ученого за проделанный труд и положил Хлестовский опус в толстую стопку подобных же трудов, лежавших даже не на столе, а на

полу (на столе они уже не помещались). На этом аудиенция и закончилась.

Вообще, это азы азов: если идешь к начальству с каким-то предложением, а то и просьбой, надо не только подобрать хорошую аргументацию, но и заранее подготовить проект решения. Это должен быть проект указа, постановления, распоряжения, какого-то письма. Но в любом случае это должно быть какое-то готовое решение, которое начальник, если его удалось уговорить, просто подпишет, вот и все. Недопустимо заставлять руководство само формулировать вариант окончательного документа. А то это будет либо бестолковое решение (и начальству не объяснишь, что оно – малограмотное), либо руководитель будет злиться, что его заставили напрягать голову вместо подчиненного.

Чехарда со всеми этими юридическими аргументами кончилась для крымской затеи довольно печально. В целом аргументов по Крыму было вполне достаточно, но с юридической точки зрения их было все-таки больше по Севастополю. Пудовкину хотелось понадежнее подкрепить свою позицию, поэтому он свёл весь вопрос только к Севастополю. В результате проект постановления оказался посвященным Севастополю, а не Крыму, что было явно не одно и то же.

"Журналистское" голосование

Само принятие постановления сопровождалось достаточно забавными обстоятельствами. Руслан Хасбулатов, пользуясь полномочиями председателя Верховного Совета, яростно сопротивлялся принятию постановления, ему неохота было ссориться с Ельциным из-за какого-то там непонятого полуострова. Делал он это довольно просто: не ставил проект в повестку дня пленарного заседания, вот и все. Наконец Пудовкин понял, что честными методами тут ничего не

добиться, и пошёл на хитрость. Он подготовил проект вполне лояльного постановления, которое Хасбулатов одобрил.

Итак, началось пленарное заседание, на трибуну вышел Пудовкин и неожиданно заявил следующее: "Товарищи депутаты! Перед вами лежит проект постановления. Но это не тот вариант, который я хотел бы вам предложить. Сейчас вам раздадут другой, мой вариант!". Помощники Пудовкина вмиг передали в зал пачку размноженного текста другого проекта, который тут же и был роздан депутатам. Я сидел на балконе и с большим интересом следил за происходящим.

Было хорошо видно, как покраснел от ярости Хасбулатов, ведь его провели, как мальчишку. Но что можно было тут поделать? Снять вопрос с повестки дня? Лишить Пудовкина слова? За что? За обман председателя Верховного Совета? Пока Хасбулатов раздумывал, текст был роздан, депутаты наперебой потребовали его проголосовать. И Руслан Имранович вынужден был уступить, постановление было принято. А парламент сделал еще один шаг к тому, чтобы побудить Ельцина выкатить танки на прямую наводку.

Попытка сунуться в Конституционный суд

Конечно же, вопрос о Крыме поднимался потом и в Государственной думе. Тут локомотивом выступил уже Константин Затулин, тогдашний председатель Комитета Думы по делам СНГ. У него возникла "светлая" мысль решить вопрос с Крымом через Конституционный суд России. Якобы, если этот суд признает действия Хрущева по передаче Украине Крыма незаконными, то возникнет формальная возможность требовать его возврата. Костя Затулин сочинил довольно толстое обращение в Конституционный суд, в котором привел все аргументы, какие только можно было приплести к этой теме, включая несоблюдение Хрущевым формальной процедуры в Верховном Совете СССР. Была и привязка к тексту современной конституции, иначе Конституционный суд вообще не имел права рассматривать подобное заявление.

Понятное дело, Затулин, как в свое время и Пудовкин, пытался привлечь к этой работе всех, кого мог. Попросил он посмотреть все эти документы и меня. Я посмотрел... А что можно было сказать Затулину? Понятно, что весь набор аргументов и доказательств имел какое-то отношение к Крыму. Тут весь вопрос заключался не в бесспорности и юридической чистоте доказательств, а в самом Конституционном суде. Если судьи отважатся на вынесение решения, то все будет хорошо. Но надежды на это было мало. Конечно, когда Ельцин расстреливал парламент, тогда Валерий Зорькин решил пойти на конфликт и признал действия президента неконституционными. За это, как известно, его отстранили от руководства судом. Потом он опять смог восстановить свой статус, насколько я знаю, всецело благодаря В.В.Путину. Но станет ли он после таких приключений еще раз испытывать судьбу, ставить на кон свое положение? Это было более чем сомнительно.

В общем, я тогда прямо высказал все свои сомнения Константину Затулину. По моему мнению, шансов было совсем мало, но формальные основания для обращения в Конституционный суд все-таки имелись. Попробовать можно, хуже не будет.

Затулин выслушал, но от своей идеи отказываться не стал, и в результате назначил меня одним из своих представителей в Конституционном суде. Я дал свое согласие, хотя это было рискованно: Лукину вся затея с Крымом наверняка не понравилась бы. А тут вдруг его руководитель аппарата защищает в Конституционном суде интересы председателя другого комитета Думы, какого-то там Затулина!

Однако до разбирательства в Конституционном суде дело не дошло, люди в мантиях решили, что если кто-то хочет вернуть Крым России, то пусть это делает, но только без помощи его членов. Формально было принято решение о том, что обращение Затулина вообще нельзя принять к производству.

Договор о дружбе. Тихонов "сливает" Крым

Наконец, в Думу поступил для ратификации договор о дружбе с Украиной, который на долгое время ставил крест на севастопольской затее. К этому моменту председателем Комитета по делам СНГ был уже не Затулин, а Георгий Иванович Тихонов. Понятно, что головным по подготовке договора к ратификации был определен именно Комитет по делам СНГ.

На первом же заседании комитета его члены дружно выступили против ратификации. Заметим себе, в состав комитета входили не только оппозиционные Ельцину депутаты, но и его пусть малочисленные, но все-таки сторонники. Кстати, тут при обсуждении всплыл и еще один аргумент "против". Якобы, возникла угроза, что Украину могут принять в НАТО. Но, как известно, в эту организацию не принимают государства, у которых имеются серьезные территориальные споры. Оно и понятно: где спор, там и угроза применения силы, а то, может быть, и война. Альянсу придется в таком случае вмешиваться. Получится, что государство, вступая в НАТО, решает за счет организации свои территориальные споры. Но члены НАТО - не из таких, они сами горазды решать за чужой счет свои проблемы, но уж никак не наоборот!

Применительно к Украине все это означало, что если Россия будет претендовать на Крым, то никто никогда Украину ни в какие НАТО не примет. Выгодно это России? Еще как! В результате Комитет по делам СНГ в предварительном плане выступил против ратификации, но договор не стали выносить на пленарное заседание и проваливать, а просто отложили в долгий ящик. Если бы ратификация провалилась, это был бы серьезный плевок в лицо Ельцину. Но в памяти еще были свежи воспоминания о расстрелянном Верховном Совете. Ну его к

черту, этого ненормального президента! Лучше отложить, чем провалить!

Закончилось это противостояние с Ельциным довольно-таки позорным образом. Позорным - для депутатов. Владимир Рыжков, который был в то время первым заместителем председателя Госдумы, стал вызывать Лукина и Тихонова, что называется, "на ковер". У вас, мол, полным-полно договоров, которые не выносятся на ратификацию. Будьте добры, объясните, почему вы не выполняете свои конституционные обязанности! Кстати, Рыжков несколько раз практиковал это дело, вызывая к себе Лукина. Тот брал с собой меня, а уж я популярно объяснял Рыжкову, что формально вынести на ратификацию, конечно, можно. Но тот или иной договор имеет серьезные огрехи, депутаты непременно к этому придерутся, и ратификация провалится с треском. Вы именно этого хотите? А если не хотите, то тогда потерпите, мы еще посоветуемся со специалистами и проведем парламентские слушания.

Вот и в очередной раз Рыжков затребовал к себе Лукина, а заодно еще и Георгия Тихонова. Худо-бедно, но мне тогда удалось отбиться от назойливого Рыжкова. И тот направил всю свою ярость против Тихонова.

- Георгий Иванович! У вас в комитете застрял договор с Украиной! Это важнейший государственный документ, в нем выражается суть политики нашего государства к соседней братской Украине! Президенту нашей страны пришлось приложить огромные усилия, чтобы добиться подписания этого договора. Вы ведь понимаете, что договор обеспечивает нейтралитет Украины, удерживает ее от сползания в сторону американцев?— последнюю фразу Рыжков произнес с коварной полуулыбкой, которая должна была, видимо, означать, что он раскрывает огромную тайну и делает это только с одной единственной целью: наставить на путь истинный этого неразумного депутата, не пойми каким образом попавшего на пост председателя Комитета по делам СНГ.

- Да мы работаем с этим договором!– стал оправдываться Тихонов.– Еще как работаем! Но это ведь документ особой важности, мы не можем вот так, с кондачка, выносить его на ратификацию! Надо еще с ним поработать, узнать мнение специалистов, подготовить все документы.

Конечно, Тихонов мог изначально защищаться иначе. Мог сказать Рыжкову, что весь комитет "против" и для этого есть весомые основания. Мог поднять тему Крыма, Севастополя. Но ничего этого Тихонов по непонятной причине делать не стал. Также можно было сказать, что он сам депутат, что предполагает определенный независимый статус. И все члены его комитета – точно такие же депутаты. У них есть своя политическая позиция, которая не совпадает с позицией Ельцина и Рыжкова по Украине и по Крыму. И члены комитета не считают уместным выносить договор на ратификацию, причем по одной единственной причине: они сами будут на пленарном заседании выступать против ратификации.

Георгий Тихонов мог еще много чего такого сказать. Но он вдруг весь как-то съезжился, как нашкодивший школьник. Вид у него стал одновременно жалкий и омерзительный. Сказать честно, я даже сам не понял, что именно вызывало у меня

чувство отторжения: вид трясущегося от страха Тихонова или злорадство Рыжкова, вдруг почувствовавшего легкую добычу.

Тихонов еще какое-то время блял что-то довольно невнятное, но, в конце концов, пообещал, что вынесет договор с Украиной на ратификацию, причем без критических замечаний. Рыжков сразу успокоился, лицо его озарила счастливая улыбка. Похоже, в этот раз он смог оправдать свой хлеб.

Конечно, Тихонов мог обойтись без обещаний протолкнуть договор. Он был точно таким же депутатом, как и Рыжков, и ни перед кем не должен был оправдываться. Он вообще мог не ходить ни к какому Рыжкову, и никто бы его это не заставил сделать. Нет, и все тут! Но, видно, в душе у Тихонова были еще живы воспоминания об СССР, о руководящей роли партии, о разносах в райкомах и обкомах. И он сделал то, что делать не должен был ни в каком виде. Впрочем, не исключено, что на самом деле Тихонов был больше связан с Кремлем, чем это можно было предположить, потому-то он так и блял, и юлил.

"Украинские коммунисты"

А через несколько дней произошло и вовсе удивительное событие. Зюганов заставил свою фракцию проголосовать за ратификацию этого гнилого договора. Голосов у него для этого было много, и ратификация состоялась вопреки всем разумным доводам и аргументам. Я спрашивал об этом членов фракции КПРФ, те только пожимали плечами и ссылались на партийную дисциплину: если босс велел, значит, так и надо голосовать. При этом говорили, что якобы к Зюганову обратились с соответствующей просьбой украинские коммунисты. Ну и что, что обратились? Мало ли что они могут попросить из соображений коммунистической солидарности?! В вопросе о Крыме интересы России и Украины были явно противоположными. Как можно разменивать позицию своего государства на какие-то эфемерные просьбы коммунистов другой страны?

На самом деле, не исключено, что ссылка на украинских коммунистов просто была благовидным предлогом. А на самом деле Зюганову дали команду из Кремля или еще откуда-то и напомнили обо всем, о чем надо было напомнить. И лидер российских коммунистов спорить не стал, раз кому-то надо, значит, надо.

Как известно, договор с Украиной на какое-то время застрял в Совете Федерации. Даже там поняли, насколько он не соответствует российским интересам. Якобы, Юрий Лужков попытался что-то там такое предпринять, чтобы сорвать ратификацию и вернуть договор в Думу. Собственно говоря, формально это сделать было проще простого. Но, в конце концов, на сенаторов надавили из Кремля, и они тоже не рискнули связываться с Ельциным.

Конечно, как известно, теперь Крым вернулся в состав России. Но это произошло не благодаря усилиям России. Просто потому, что вопреки всему именно так сложились соответствующие обстоятельства. Важнейшую роль тут сыграло то, что Севастополь был сохранен как база черноморского флота России. Это не удалось поломать даже Ельцину. Но все предыдущие просчеты с юридической борьбой за права на Крым не замедлили сказаться, весь западный мир хором обвинил Россию в нарушении международного права.

Самнительная аргументация России

Кстати, и аргументация России по присоединению Крыма была, как я полагаю, далека от идеала. Где ее придумали? Во все том же правовом департаменте МИДа России, где в свое время сочиняли Беловежские соглашения? Да-да, их именно там и сочиняли!

Зачем надо было ссылаться на право нации на самоопределение? Пусть даже в международном праве не сложилось единого понимания, что такое "нация", все равно было понятно, что Крым населяли русские, украинцы и в

довершение ко всему еще и крымские татары. Какая уж тут нация?! Тут, скорее, по куску от каждой нации!

Мне казалось, что грамотнее было сослаться на то, что международное право пока еще никак прямо не регулирует вопрос отделения части от целого государства. Практика какая-то есть, имеется прецедент с Косово. Но твердых и ясных международных норм по этой части нет никаких. Есть только попытки как-то толковать имеющиеся правила, в частности, принцип территориальной целостности государства. Но ведь международное право – это особая штука, это не внутригосударственное право. Во внутригосударственном праве всегда есть орган власти, который имеет право заниматься толкованием и делать соответствующие выводы. Если такой орган, к примеру, решил, что вы нарушили уголовный кодекс и должны сидеть в тюрьме, то так тому и быть! А в международном праве такого верховного органа-толкователя нет. Там разные государства толкуют международное право так, как им кажется выгоднее. Как Робинзон и Пятница на необитаемом острове, кто сможет навязать свои правила, тот и прав.

Вот и получается, что в международных отношениях сначала потихоньку складывается новая практика, а те или иные государства могут с ней соглашаться или не соглашаться. В результате в конечном итоге либо возникнет какая-то новая норма права, либо нет. Так обычно в международной практике и бывает: сначала возникает конкретная ситуация, а потом международное сообщество пытается выработать новое общее правило для подобных случаев. Ссылаться же на явно неприменимое к Крыму "право нации на самоопределение" – это заведомо подставлять себя под огонь обоснованной критики.

Конечно, тут можно подойти и с иной логикой: если речь идет именно о праве нации на самоопределение, то тогда нельзя считать аннексию актом агрессии. А Россию стали обвинять именно в аннексии. Но мало ли кто кого в чем обвиняет? Если речь идет об агрессии, то возникает право на индивидуальную и

коллективную самооборону. Что касается коллективной, то в СБ ООН у России есть право "вето". Если речь идет об индивидуальной самообороне, то никакие ухищрения по части квалификации собственных действий тут не будут гарантией против нападения Украины. По этой части есть только одна гарантия: собственная сильная армия и флот. Нужно ли было прибегать к сомнительным аргументам в виде права нации на самоопределение, чтобы предотвратить по сути несуществующую угрозу?

В общем, слава Богу, что головоуятие на Украине оказалось еще круче, чем в России, в результате Крым уплыл к другим берегам. Будем надеяться, что теперь уже навсегда.

Глава 17. Парламентская ассамблея Совета Европы

Нужно признать, что мои усилия воспрепятствовать членству России в Совете Европы оказались совершенно тщетными. Полное фиаско! Никакой саботаж не помог. Однако эта история все-таки представляет определенный интерес, главным образом, в связи с той ролью, которую сыграл в ней лидер коммунистов Геннадий Андреевич Зюганов.

Совет Европы - это европейская международная организация. Основной её орган - Парламентская ассамблея, схожая с ассамблеей в ОБСЕ. В ней тоже собираются депутаты из национальных парламентов, тоже принимаются рекомендации, которые потом являются моральными ориентирами для государств-участников. Парламентская ассамблея Совета Европы, или, если сокращенно, ПАСЕ, особо подчеркивает, что она не занимается вопросами обороны и безопасности. В повестке дня только права человека, региональное и приграничное сотрудничество, некоторые экономические вопросы типа трансъвропейской транспортной магистрали. Так же, как и ОБСЕ, ПАСЕ является политической кухней, где обкатываются и проговариваются всевозможные политические начинания. В рамках Совета Европы существует небезызвестный Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ).

Плюсы и минусы

Если быть объективным, то участие нашей страны в Совете Европы имело не только минусы, но и плюсы, и надо честно их тут перечислить. Сначала скажем о плюсах: российские граждане получили возможность жаловаться на ущемление своих прав в вышеупомянутый суд. Конечно, это не панацея,

ведь обиженных в России - море, а Европейский суд по правам человека способен рассмотреть лишь сотни, в лучшем случае тысячи дел. Мало того, этот суд не может отменить неправильный приговор. Теоретически, если он решит, что в каком-то деле действительно были нарушены права человека, то выносит решение о выплате пострадавшему компенсации. При этом суд может только порекомендовать национальному правительству как-то изменить вынесенный судебный вердикт.

Как потом выяснилось, на практике компенсация российским гражданам присуждалась вовсе даже не по европейским стандартам, а всего лишь в размере нескольких тысяч евро. И все! У этого суда нет даже механизма, чтобы обязать заплатить эти жалкие гроши, вовсе не компенсирующие, например, многолетнее незаконное содержание человека в тюрьме. Государства-участники вроде бы приняли на себя обязательство выплачивать такие суммы, но если они не хотят это делать, то нет никакого способа, чтобы к этому принудить. Забегая вперед, отметим, что Европейский суд по правам человека по части размеров компенсации сделал тут лишь одно исключение: присудил аж два миллиарда долларов в пользу одного скромного российского гражданина, права которого, по мнению суда, были нарушены – миллиардера Ходорковского. По искам иностранцев к России такие выплаты тоже нередко бывали значительными, например, до полумиллиона евро. А что касается простых россиян, то доброта суда оказалась довольно ограниченной: в лучшем случае до двадцати тысяч евро, и никак не больше.

Конечно, жалоба в такой суд, это все равно рычаг давления на российскую правоохранительную систему. Ведь ЕСПЧ предварительно, до вынесения своего решения, высылает назад в Россию полученную жалобу и предлагает предоставить свои комментарии. То есть российским властям все равно приходится разбираться с такими делами. А вдруг там действительно имело место грубое нарушение прав человека, а то и, страшно сказать, пытки?

В общем, повторимся, этот самый Европейский суд по правам человека не являлся и не является какой-то панацеей, но это дополнительное средство, чтобы побудить российские власти более внимательно относиться к собственным гражданам и не слишком часто допускать принятие совсем уж одиозных судебных решений.

Еще один плюс, это то, что российская парламентская делегация получила возможность с короткого расстояния наблюдать, как разрабатываются те или иные политические инициативы. Наблюдать – да! А влиять на их выработку – нет! Такова уж процедура принятия решений в этой европейской организации, и дальше мы остановимся на этом вопросе чуть подробнее.

Кроме того в Совете Европы вырабатываются и совершенствуются разные стандарты цивилизованного образа жизни. Это касается самых различных областей: прав человека, компетенции судов, прокуратуры, коммунальных хозяйств, наконец, правил содержания заключённых. Если Россия под воздействием Совета Европы будет хоть чуть-чуть двигаться в каком-то положительном направлении, то это тоже, в общем, плюс, пусть и небольшой.

Помимо перечисленных плюсов членство нашей страны в Парламентской ассамблее Совета Европы также создавало для отечественных парламентариев дополнительные возможности пообщаться со своими европейскими коллегами. Нельзя сказать, чтобы российские депутаты раньше были лишены такой возможности. Нет, конечно. В Москву бесконечно приезжали и приезжают иностранные делегации всех мастей, в том числе и парламентские. Они с удовольствием общаются с российскими депутатами и при этом, если они из Европы, не забывают пропагандировать во всех видах свои ценности. Но, несмотря на это, проезд в Страсбург и встреча с европейцами все равно предоставляла какие-то дополнительные возможности.

Членство России в ПАСЕ означало также, что наша страна становилась участницей целой группы договоров, в том числе

Европейской конвенции по правам человека. Конечно, в Конституции России права человека прописаны достаточно подробно, но международный договор тут тоже не помешает. Одно дело – собственная конституция, и совсем другое – международное обязательство: ведь в таком случае с России уже могут спросить за нарушение прав человека на международном уровне.

Вхождение в Парламентскую ассамблею Совета Европы предполагает отмену смертной казни. Хорошо это или плохо? Трудно сказать. С одной стороны, отмена смертной казни, это европейская ценность. Отменив казнь, можно сослаться на это, как на доказательство, что Россия – "цивилизованная страна", а не абы что. За отмену смертной казни также выступают те, кто считает, что жизнь человеку дал бог, а потому только он и имеет право ее забрать. Кроме того против смертной казни выступают те, кто боится судебной ошибки. Мол, казнят человека за преступление, которое он не совершал, а потом это уже не исправить!

Противники отмены смертной казни на все эти аргументы возражали и возражают, что не надо гоняться за какими-то там признаками цивилизованности, а надо исходить из сути дела. Например, в США во многих штатах смертная казнь не отменена, и ничего, никто не обвиняет американцев в нецивилизованности. Мало того, ведь в России порядок во многом опирается на политику страха, запугивания. И смертная казнь – это сильнейший элемент такой политики. А тут вдруг своими же руками ее отменить? А как быть с мерзкими изменниками родины? А с серийными убийцами? Если они будут знать, что им смертная казнь не грозит, то они вовсе облаглют и распоясаются!

В общем, вопрос о смертной казни был довольно-таки спорным. Его нельзя было отнести ни к безусловным плюсам членства в ПАСЕ, ни к очевидным минусам. Как летнее и зимнее время – можно переводить, а можно и не переводить.

Всегда будут как противники, так и сторонники и того, и другого.

Был, конечно, и еще один определенный плюс от участия в ПАСЕ – это работа российских чиновников в аппарате Парламентской ассамблеи. Для России выделялась определенная квота. И это были очень даже высокооплачиваемые чиновники. Кто-то в России не без оснований считал такую работу исключительно блатной. А работа в консульстве России в Страсбурге?! Ведь членство в ПАСЕ вело к открытию такого дополнительного консульства. А это – тоже более или менее хорошо оплачиваемая и совсем непыльная работа за рубежом. Мало того, и в секретариат ПАСЕ, и в консульство в Страсбурге можно было направить тайных российских шпионов. Это плюс? Конечно! Но только при условии, если такие шпионы действительно смогут что-то там нашпионить или действительно кого-то завербовать.

А безусловные минусы членства в ПАСЕ? Вот в них недостатка точно не было! Парламентская ассамблея Совета Европы – это очень специфичная организация с уникальными правилами. В отличие от любой международной организации системы ООН, национальные делегации тут почти не имеют никаких прав. Например, в других международных организациях признается как самое элементарное и обычное право – изложить свою позицию по тому или иному вопросу на бумаге и раздать ее другим делегациям. Это обычное и очень разумное правило. Но в ПАСЕ это запрещено! Тут как будто существует один большой европейский парламент. Если набрал большинство голосов, вот тогда можешь раздавать свои бумажки! А нет такого большинства – сиди и молчи.

Но откуда там у России взяться большинству?! Подавляющее число делегаций из стран – членов Европейского союза. У них есть общие интересы, хорошо налажено взаимопонимание. И по важнейшим вопросам они очень солидарны. Важнейшие же вопросы – это взаимоотношения со странами, окружающими Европейский Союз и снабжающими ее нефтью, газом и дешевой

рабочей силой. То есть априори это взаимоотношения колонизаторов с туземцами. Колонизаторам не надо как-то специально сговариваться против туземцев, тут и так все понятно: купить нефть и газ подешевле, при этом по возможности расплатиться стеклянными бусами и зеркальцами.

Конечно, в ПАСЕ обсуждались и обсуждаются всевозможные западноевропейские проекты, например: строительство туннеля из Швейцарии в Италию или полномочия местных органов власти. Но разве такие вопросы интересны для россиян? Участие в обсуждении таких проблем теоретически, конечно, возможно, но особого интереса не представляет.

Еще у российских депутатов имеется возможность выступить на пленарном заседании и хотя бы устно выкрикнуть свою позицию по тем или иным вопросам. Но и тут возможности очень ограничены. Выступить могут всего двадцать человек от всех делегаций и лишь по несколько минут. Формально считается, что слово дают тем, кто успел записаться первым. Но кто это проверит? Забегая в очередной раз вперед, отметим, что большинство российских парламентариев выступить там так и не смогли, им просто не давали слова, ссылаясь на то, что они "опоздали записаться". При этом неизменно давали слово такому члену российской делегации, который изначально играл роль диссидента, как "правозащитник" Сергей Адамович Ковалев. Вот он постоянно "успевал записаться" и неизменно получал возможность выступить и с удовольствием обливал грязью Россию в течение всего отведенного ему времени.

Может быть, в ПАСЕ были какие-то особые условия для общения с депутатами из других стран? Какие-то круглые столы, неформальные обсуждения? Ничего подобного! Поговорить с другими парламентариями можно было только одним единственным способом: поймать кого-нибудь в холле за пуговицу, и, не давая ему вырваться, что-то выкрикнуть в лицо. Никаких других хороших способов привлечь к себе внимание там не было и нет. Все бегут по коридорам по своим делам и

вовсе не собираются тратить свое драгоценное время на пустопорожние беседы с россиянами, приехавшими в Страсбург из какой-то немыслимой глубинки. Примерно с таким же успехом ходок из Сибири, прорвавшийся в здание Государственной думы, может попытаться вылавливать депутатов в коридоре для своей задушевной беседы.

За все вышеперечисленные "права" надо платить членский взнос: сначала двадцать, а потом уже тридцать миллионов евро ежегодно. Конечно, для большой страны это не слишком обременительная сумма. Но все равно жалко, если за такие деньги не имеешь права ни распространить свой проект среди делегатов, ни тем более поставить его на голосование. И даже не имеешь права выступить и хотя бы устно изложить свои взгляды. Кому нужна такая международная организация? Чтобы безмолвно сидеть и выслушивать бесконечные нравоучения "цивилизованных" прибалтов или поляков?

Вообще, большой вопрос, нужно ли участвовать в международной организации только с той целью, чтобы она подталкивала тебя на цивилизованный путь? А самому без понуканий никак нельзя стать цивилизованным? Нельзя просто взять и ввести в собственной стране такие стандарты, к которым тебя призывает эта международная организация? Или цивилизованным можно стать только из-под палки?

Сказать честно, многие не без оснований считают, что Парламентская ассамблея Совета Европы применительно к России не столько занимается миссионерством и продвижением своих ценностей, сколько пытается поставить зарвавшихся и много думающих о себе россиян на место, утереть им нос. А подчас и просто ослабить Россию и поставить ее в более зависимое от Западной Европы положение. И вот именно за это "удовольствие" надо ежегодно платить взнос в тридцать миллионов евро, отняв их у собственных граждан?

Посещение Курцова

В силу всех вышеизложенных обстоятельств я твердо полагал, что России нечего делать в ПАСЕ, минусов было явно больше, чем плюсов. Но что может сделать сотрудник аппарата Госдумы, чтобы поломать линию президента страны на присоединение к Парламентской ассамблее Совета Европы? Для начала пришлось написать в прессу целую серию статей с критикой ПАСЕ. Они вышли под псевдонимами, так что никто никаких претензий ко мне не предъявил. Наверное, эти статьи как-то повлияли на общественное мнение. Но что значит общественное мнение, когда злоупотребляющий спиртным президент, что называется, закусил удила?

Однако для принятия окончательного решения было необходимо провести голосование в Государственной думе. Может, есть шанс как-то повлиять на депутатов? В конце концов, это была все-таки "красная" Дума, тут у пропрезидентских сил не было большинства. Может, как-то удастся уговорить ключевых игроков? У меня были хорошие отношения со вторым человеком в КПРФ, с Валентином

Купцовым. Надо предварительно все ему объяснить! А он поговорит с Зюгановым, и там, глядишь, никакого членства в ПАСЕ и не будет!

Прямо перед голосованием я заявился к Купцову и приготовился произнести длинную речь. Но никакой речи не получилось, тот все понял с полуслова: "Давай не будем тратить время, пошли к Зюганову!". Купцов произнес эти слова и тут же энергично встал с места.

Вообще-то, реакцию Валентина Купцова понять было можно: через три часа фракция коммунистов должна была принять участие в голосовании на пленарном заседании Думы по вопросу участия или неучастия России в ПАСЕ. Так что времени оставалось совсем немного.

Геннадий Зюганов сидел в своем необъятном кабинете и беседовал с помощником. Купцов вошел в кабинет решительно и без колебаний. Помощник сразу понял, что он тут лишний и, прервавшись, что называется, на полуслове, тут же выскочил за дверь.

- Геннадий! Вот тут к нам зашел руководитель аппарата Комитета по международным делам, он у Лукина работает. У него есть кое-какие дельные соображения по предстоящему голосованию по Парламентской ассамблее Совета Европы.

Зюганов, ни слова не говоря в ответ, кивнул мне, предлагая присесть, и приготовился слушать. Я тут же стал излагать свои соображения. Говорил я четко и предельно понятно, сравнивал ПАСЕ с другими международными организациями, обозначал плюсы и минусы, причем так, чтобы это было ясно даже неподготовленному слушателю.

Когда я заговорил про смертную казнь и упомянул статьи уголовного кодекса, Зюганов меня перебил. Даже не перебил, а просто произнес целую ответную речь. Как выяснилось, руководитель коммунистов обладал замечательной памятью, он без запинки точно назвал статьи УК, которые предусматривали смертную казнь. Мало того, что произнес! Геннадий Андреевич говорил жестко и бескомпромиссно: "Смертную казнь отменять нельзя никак!".

Я выскочил из кабинета окрыленный. Ну, если Зюганов так хорошо знает этот вопрос и так жестко высказывается, значит, предстоящее голосование точно будет провалено! Мне не составило труда в пару минут добраться до своего этажа, зайти в кабинет и взяться за текущие бумаги. При этом я вполглаза наблюдал за трансляцией из зала заседаний Думы, там шло обсуждение очередного законопроекта. Скоро и голосование по ПАСЕ!

Визит американского посла

Однако все случилось вовсе даже не так, как я предполагал. Обсуждение вопроса о ПАСЕ шло своим чередом. Дошла очередь и до коммунистов. И вдруг Зюганов, который выбрался на трибуну, стал агитировать за вступление в ПАСЕ! Он выступал довольно блекло, явно не стремился блеснуть красноречием (хотя за два часа до этого в собственном кабинете явно не испытывал трудностей по этой части). А закончил он свою речь довольно определенно: Россия должна вступить в ПАСЕ!

Голосов коммунистов вместе с голосами пропрезидентских депутатов вполне хватило для принятия решения. Я сидел с открытым ртом... Как такое могло случиться? Зюганов был явно достаточно искренен, когда несколько часов назад беседовал со мной. Ему совершенно не было никакого резона врать какому-то сотруднику аппарата. Мог бы, в крайнем случае, просто отмолчаться. Выслушал бы, сказал, что подумает, вот и все. Но нет, Зюганов очень определенно высказывался по поводу ПАСЕ! Получалось, что за ту пару часов, которые прошли с момента моего посещения до голосования, произошло что-то такое, что радикально изменило позицию Геннадия Андреевича! Но что именно: звонок из Кремля, от самого Ельцина?

Еще через несколько часов я уже знал, что именно произошло с Зюгановым, мне об этом рассказали в управлении межпарламентских связей. Вдруг ни с того ни с сего на встречу с Зюгановым срочно попросился американский посол. Его Зюганов принял сразу после меня, и беседа продолжалась аж до обеда. О чем говорил лидер коммунистов с представителем самого большого и влиятельного капиталистического государства – неизвестно. А только итог был налицо: Зюганов радикально поменял свою позицию и коммунисты проголосовали за членство России в ПАСЕ.

Вообще-то эпизод с моим походом к Геннадию Зюганову стоит разобрать подробнее. Многие говорили о двойственной роли Зюганова. Якобы он играет провокационную роль в коммунистическом движении: на словах радикален, а как до дела, то в кусты. И делается это якобы для того, чтобы обуздать коммунистов советских времен. Они могут не принять капитализм, организовать и жестко выступить против. Так вот для того, чтобы не состоялся реванш коммунизма, и существует Зюганов. Власть давит все остальные коммунистические движения, а для КПРФ под предводительством Зюганова дорога в Думу широко открыта. В результате все недовольные и прокоммунистически настроенные граждане вынуждены идти под крышу КПРФ. А Зюганов жестко следит, чтобы

недовольство не переросло в протест, который может привести к смене общественного строя.

Те же злые языки утверждали, что Зюганову отведено не так много времени - до 2020 года. Якобы к этому сроку все старые коммунисты перемрут, а молодежь будет столь восхищена триумфом капитализма в России, что даже и думать не будет про Советский Союз и про какие-то там коммунистические правила.

Мне были хорошо знакомы все эти разговоры и аргументы, с чем-то можно было согласиться, некоторые представлялись спорными. Например, мне представлялось сомнительным, что российская молодежь будет пренебрегать коммунистическими идеями. Однако в истории с голосованием по ПАСЕ эти соображения о провокационной роли Зюганова в коммунистическом движении не очень подходили. И вот почему: Валентин Купцов был в тот момент вторым человеком в КПРФ, и он, несомненно, был против членства России в ПАСЕ. Никакого резона разыгрывать спектакль передо мной у него не было. Сказал бы в крайнем случае, что занят, а через три часа уже было бы поздно "пить боржоми", ведь на подходе было голосование на пленарном заседании.

Но нет, Купцов не поленился зайти со мной аж к Зюганову. И тот тоже был против членства в ПАСЕ! Получалось, что даже если Ельцин и его команда и были заинтересованы в таком членстве, они не смогли убедить в этом Зюганова. Не за три же часа до голосования поднимать об этом вопрос!

По всему получалось, что у Зюганова были тесные связи не столько с администрацией президента или даже с самим Ельциным, сколько с Соединенными Штатами Америки. Заявился американский посол, о чем-то там поговорил с Геннадием Андреевичем по душам, и результат стал очевидным через час после его ухода! Очень показательная ситуация, ничего не скажешь.

Однако о чем именно могла идти речь? Если бы Зюганов был штатным американским агентом, не нужно было бы никаких

визитов по линии посла. В таком случае агенту просто отдали бы команду по соответствующему каналу, вот и все, будь любезен выполнять! Нет, тут было нечто иное. Не исключено, что посол произнес примерно следующую речь: "Геннадий Андреевич, мы понимаем, какую важную роль вы играете, контролируя коммунистическое движение и, главное, сдерживая его в разумных рамках. Мы также понимаем, что вы при этом не можете совершать шагов, которые будут вас компрометировать, выставляя в роли союзника Ельцина, а тем более Соединенных Штатов Америки. Мы понимаем, что для администрации Ельцина больше важен контроль над ситуацией в стране, возможность спокойно приватизировать государственную собственность и зарабатывать на этом хорошие деньги. Для Ельцина и его команды какая-то там далекая Парламентская ассамблея Совета Европы вообще не представляет интереса. Но для США очень важно, чтобы Россия стала членом этой организации. И это сейчас зависит от позиции вашей фракции в Государственной думе. Поэтому я прошу вас дать указание вашим депутатам проголосовать за вступление России в Совет Европы. И прошу при этом найти какую-то форму, чтобы это решение не слишком вас компрометировало. А мы со своей стороны тоже приложим усилия, чтобы вы и ваша фракция извлекли из этого определенную пользу. Мы повлияем на Ельцина, чтобы он не препятствовал вашей деятельности, чтобы выделял необходимые денежные средства, чтобы обеспечивал победу части ваших кандидатов на парламентских выборах. Мы попросим наших друзей в российском бизнесе оказывать вам нужную финансовую помощь. В конце концов, вы можете в любое время прямо обращаться ко мне с соответствующими просьбами, и я обещаю, что приложу максимум сил, чтобы ваши проблемы были успешно решены".

Может быть, американский посол произнес именно эти слова, а может быть, он был более откровенен и конкретен - это неизвестно. Но точно можно констатировать, что его слова возымели эффект: фракция КПРФ действительно проголосовала

за вступление в Совет Европы. Зюганов не отказался беседовать с послом, мало того, он согласился с его аргументами и радикально, за час до голосования поменял свою позицию. При этом, надо полагать, променял интересы государства на какую-то выгоду для своей партии, а, может быть, и для себя лично.

Первое знакомство. Дудаев

Итак, после описанного голосования и оформления членства России в ПАСЕ делегация российских парламентариев наконец поехала в Страсбург для участия в работе Парламентской ассамблеи. Меня тоже включили в состав делегации, рассчитывая, что я как знаток международных организаций помогу выжать из поездки как можно больше пользы. Но выжимать было не из чего. Для начала депутаты, которые до этого не верили мне на слово, самолично убедились, что российская делегация не имеет права распространять в письменной форме проекты своих документов среди других участников. Совершенно невыносимое ограничение в правах! В лучшем случае можно было отдать свой проект для рассмотрения одной из комиссий. В таком случае в одной из комнат собиралось человек тридцать, по паре от каждой делегации. Решение принималось простым большинством. От России – тоже только два голоса. Итог такого голосования было нетрудно предугадать: два – "за", двадцать восемь – "против". То есть совершенно непробиваемая стена!

Очередной сюрприз ждал россиян на пленарном заседании. Выступали представители разных делегаций. Я перед этим позаимствовал пропуск у одного из российских депутатов, который не пошел на заседание, пробрался в зал и уселся на его место. Вдруг слово попросил Ландсбергис из Литвы. Он встал и заявил торжественным тоном: "Я прошу членов Парламентской ассамблеи стоя почтить память известного борца за национальную независимость Чечни Джохара Дудаева!". Дудаев за месяц до этого погиб, а война в Чечне была в самом разгаре.

Депутаты, которые находились в зале, сначала выслушали перевод. А потом все как один встали. Члены российской делегации сидели не в одном месте, а были разбросаны по всему залу. Я окинул их взглядом. Надо было видеть их страдания! Остаться сидеть? Очень трудно – весь зал стоит, а ты сидишь! Это вызов! Не всякий выдержит такое моральное давление. Встать? А вдруг этот кадр попадет в эфир? Вся страна воюет с сепаратистами, а ты стоишь в честь "борца за национальную независимость"? Это тоже довольно рискованное дело, можно запросто поплатиться политической репутацией. Момент был критический. И надо сказать честно, что в результате большинство членов делегации России, трусливо озираясь, тоже встали вместе со всем залом. Мне было очень трудно усидеть на месте. Было чувство, что пятьсот человек смотрят только на меня одного. Давление было столь велико, что я почти дрогнул. Но всё-таки усидел! И до сих пор считаю этот эпизод небольшим подарком, который тогда сделал самому себе.

Есть ли выход? Амнистия и свой суд

Можно ли выйти из ПАСЕ? Формально это проще простого, но в результате возникнут политические последствия. Весь "демократический" мир завоет и заголосит, что Россия отвергает общеевропейские ценности и скатывается на путь авторитаризма и удушения прав человека. Но весь этот вой еще можно пережить. Совсем другое дело, это членство в Европейском суде по правам человека. Ведь туда подали жалобы десятки тысяч россиян. И нередко вполне обоснованно подали. Как быть с ними? Лишить своих граждан возможности пожаловаться на беспредел чиновников, милиции и судей? Это, действительно, было бы не слишком хорошо. Но и тут имелся и имеется выход. Даже два выхода.

Никто не мешает создать свой собственный международный суд по правам человека, например, между Россией и Белоруссией. Впрочем, Россия может создать такой суд с

любым другим государством, хоть признанным, хоть не признанным, пусть хоть с Абхазией. Тут важен именно международный статус суда. Зачем? В соответствии со статьей 15 Конституции РФ международные обязательства России могут стоять выше национального закона. То есть такой международный суд будет иметь полное законное право отменять национальные приговоры. Как вы думаете, что больше понравится российским гражданам: компенсация в пять тысяч евро, присужденная ЕСПЧ, или отмена приговора? Пусть даже не отмена, а лишь сокращение срока.

Есть и другой путь, тоже вполне легальный и эффективный. Государственная дума по Конституции имеет право объявлять амнистию. Сейчас Дума фактически не использует это право, а ждет, когда исполнительная власть пришлет на утверждение подготовленный проект постановления об амнистии. Но право на амнистию можно использовать и иначе. Например, создать при Государственной думе орган, рассматривающий жалобы россиян на нарушения прав человека. Такой орган мог бы на регулярной основе готовить для Думы проект постановления, содержащий конкретные фамилии лиц, чей приговор должен был быть изменен в порядке амнистии в связи с существенным нарушением прав человека. Конечно, в таком случае речь шла бы лишь об уголовных делах. Но для России и это немало. Принимай такое постановление с поименным списком раз в месяц, вот и решение проблемы! Конечно, для этого надо отменить положение в законе, что в акте амнистии не могут быть упомянуты конкретные личности (Кто только придумал такое ограничение конституционных прав Думы?).

На момент написания этих строк Россия все еще продолжает оставаться членом Совета Европы. Государство так пока и не смогло преодолеть зловещее совместное наследие Зюганова и Ельцина. Российские политики все еще опасливо переминаются с ноги на ногу, руководствуясь в основном соображениями "как бы чего не вышло" и "а что на это скажет Запад?". И продолжают кротко выслушивать нотации вконец обнаглевших

членов ПАСЕ, выставя себя при этом в качестве полных недоумков, а заодно позоря и унижая весь российский народ.

Глава 18. СНВ-2

В конце 1992 года случилось мое расставание с министерством иностранных дел и переход в Верховный Совет, в Комитет по международным делам. В состав комитета в те времена входили разные люди, были среди них и исключительно достойные персоны: например, популярный журналист Иона Андронов, дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Виталий Севастьянов, а также такие известные в то время депутаты как Сергей Михайлов, Александр Соколов, Виталий Уражцев. Понятное дело, меня сразу же по уши загрузили самыми разными поручениями. Как правило, они касались оценки тех или иных действий исполнительной власти, а также самого Бориса Ельцина по части международных отношений. Но, несмотря на всю занятость, мне удалось в порядке самодеятельности дотянуться и до вопросов разоружения. В частности, по неформальным каналам ко мне попала информация, что в родном министерстве иностранных дел вдруг, откуда ни возьмись, появился проект договора с США об ограничении стратегических наступательных вооружений.

"Утечка"

Собственно говоря, "утечка" информации получилась случайно. В Комитете по международным делам в те времена обязанности помощника у депутата Андропова выполняла Ирина Викторовна Пасенчук, жена дипломата Валентина Пасенчука. Она не являлась каким-либо сотрудником спецслужб, более того, до парламента работала простой школьной учительницей. Но как это нередко бывает, в жизни эта дама отличалась особой цепкостью и предприимчивостью, а в

некоторых ситуациях подчас могла, наверное, перещеголять даже и кое-кого из спецслужб.

В общем, как-то раз какая-то нелегкая понесла ее в здание министерства иностранных дел. Кажется, она решила заглянуть в отдел кадров, пообщаться со старыми знакомыми своего мужа. Пропуск сотрудника Верховного Совета позволял зайти в МИД без посещения бюро пропусков. Заходит она в здание, подходит к группе лифтов и ждет своей очереди. Народу тут много, в лифты набиваются как селедки в бочку. И вот, наконец, едет она наверх, вся такая прижатая к стене кадровыми дипломатами, и вдруг один из них как бы между прочим говорит своему товарищу:

- Я слышал, вы там опять разоруженческую тематику двигаете?

А тот ему в ответ:

- Да, имеется один проектик, амеры загнали, совсем теперь без оружия останемся!

На этом дипломаты дальше тему обсуждать не стали, а каждый просто вышел из лифта на своем этаже. Ирина Викторовна же как опытный человек тут же сообразила, что речь идет о какой-то ценной информации, и постаралась дословно запомнить разговор. После посещения здания МИДа она рысью отправилась в родные пенаты (то есть в парламент) и пересказала мне слово в слово то, что услышала в лифте.

Я призадумался. Похоже, вырисовывалась следующая картина: речь шла о каком-то договоре в области разоружения, его проект подготовили американцы, причем положения договора были очевидно невыгодными для России. По всему выходило, что американцы замахивались на ядерное оружие. Момент был предельно удобный: страной командовал безумный алкоголик, американцев в Кремле воспринимали, как друзей и старших наставников. Почему бы под сурдинку и не ликвидировать у этих туземцев ядерное оружие, которое на костях и крови создало предыдущее поколение советских людей?!

Получалось, что еще чуть-чуть и Ельцин подпишет с американцами неизвестно что, а потом договор загонят в Верховный Совет на ратификацию, поставив парламент перед свершившимся фактом. А до этого момента, как, видимо, рассуждали в Кремле, лучше депутатам ничего не говорить, а то еще влезут со своими идеями защиты каких-то там национальных интересов и все испортят.

Пере проверка

Надо было попытаться это дело поломать! Для начала я решил пере проверить информацию и позвонил в МИД заместителю начальника управления США и Канады, с которым до этого общался по другим служебным вопросам. Говорил я на отвлеченные темы, но в беседе как бы между прочим упомянул об американском проекте. Собеседник счел, что я и так все знаю, и косвенно подтвердил, что речь идет об ограничении стратегических наступательных вооружений.

В общем, даже простому человеку было понятно, что когда страна после распада СССР находится в кризисном, даже можно сказать, разоренном и разгромленном состоянии, то другие государства постараются этим воспользоваться и каким-либо способом выторговать себе соответствующие преимущества. Было также ясно, что США были заинтересованы в том, чтобы Россия, в конце концов, утратила свой ядерный статус. Пусть не сразу, пусть постепенно, но цель была именно такая. Ведь Россия в любом случае была единственной страной в мире, способной в случае ядерного нападения нанести такой ответный удар, что причиненный при этом ущерб становился неприемлемым. Зачем Соединенным Штатам такая страна? Конечно, лучше, если каким-либо способом ее ядерный потенциал будет ослаблен, а то и вовсе ликвидирован.

Кстати, для истории тут вполне уместно отметить, что со стороны МИДа за заключение и ратификацию этого договора особо ратовал товарищ Кисляк. Да, да, тот самый Сергей

Иванович Кисляк, который потом многие годы работал послом России в США. Я имел "счастье" не раз общаться с ним лично, и позволю себе предположить, что этот персонаж очень даже хорошо понимал, какие договоры выгодны для России, а какие - нет. Выводы делайте сами...

Первое письмо

Однако вернемся к нашему повествованию. "Хорошо бы заполучить этот проект и как-нибудь воспрепятствовать заключению договора!" – с этой светлой мыслью в голове я отправился прямиком к председателю Комитета по международным делам Евгению Аршаковичу Амбарцумову. В руке я держал заранее заготовленное письмо в МИД. Что уж тут врать самому себе, к этому моменту я уже определился, что намерен делать дальше. Я еще в глаза не видел проект договора, но уже изначально настроился саботировать политику собственного президента, вознамерившегося устроить ядерное разоружение страны.

- Евгений Аршакович! Можно вас побеспокоить? – вкрадчиво спросил я своего руководителя, приоткрыв дверь кабинета и просунувшись внутрь наполовину. При этом я всем своим видом показывал, что готов мгновенно исчезнуть, если явился не вовремя. Конечно, можно было войти к нему и более решительно, мой статус это вполне позволял, тем более что шеф славился своими либеральными взглядами и поведением. Но зачем действовать так прямолинейно?! Евгений Аршакович был армянином и в силу этого обстоятельства или по каким-то другим причинам, но любил проявлять особую любезность к людям, с которыми общался. Уж он и вскочит с места, чтобы поздороваться, а то и вовсе выбежит на середину кабинета, при этом то одни комплименты скажет, то другие, еще и поклонится...

Конечно, в таком стиле общения не было ничего плохого, разве что все это пахло излишней провинциальностью. Но

факт оставался фактом: председатель комитета уделял всевозможным реверансам повышенное внимание. И я решил это использовать. Именно потому-то я и попытался перещеголять своего руководителя в любезности, может быть, даже до степени, когда она переходит в определенное подобострастие. Расчет был простой: я работал в комитете совсем немного, а потому начальство относилось ко мне с особым вниманием, все-таки человек бросил хорошую жизнь в МИДе ради депутатов... Поэтому я в данном случае и попытался быть чрезмерно любезным. Если удастся, то Амбарцумову будет психологически труднее придраться к моему проекту письма и вообще ко всей этой инициативе по СНВ.

Кстати, Евгений Аршакович был достаточно незаурядным персонажем, не зря его выбрали в председатели комитета. До него председательствовал Владимир Петрович Лукин, но его назначили послом в США, и должность освободилась. Возник вопрос: кто должен занять место Лукина? К этому моменту депутаты Верховного Совета уже немного осмотрелись, освоились со своей ролью и вдруг поняли, что политика страны, в том числе международная, мягко сказать, очень далека от идеала. В результате многие депутаты избавились от полудетских иллюзий и стали относиться к Ельцину и его клике более критично. Конкретно это выразилось в том, что в Комитете по международным делам резко усилилась

группировка патриотично настроенных депутатов. На роль лидера невольно претендовали многие, но жестче и грамотнее других был настроен Иона Андронов, бывший корреспондент "Литературной газеты" в США. Он набрался приличного опыта в международных делах и на примере США составил себе какое-то представление о том, как именно надо действовать, чтобы защищать интересы своей страны.

Именно Андронов и был наиболее подходящей фигурой на пост председателя комитета. Но тут воспротивился председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов. Чеченец вдруг испугался, что Андронов будет проводить слишком независимую политику, не будет его слушаться. И Хасбулатов предложил на эту вакансию Амбарцумова. При этом Руслан Имранович честно сказал прямо в лицо Андронову: "Иона Ионович! Ну, не мог я дать согласия на вашу кандидатуру! Вы – слишком неуправляемый!".

В отличие от Андропова Амбарцумов, действительно, был очень даже не склонен вступать в конфликты. Он готов был лавировать до посинения, но только чтобы все было мирно и тихо. А такая политика означала, что Евгений Аршакович всегда уступал тому, кто оказывал на него максимальное давление. Понятно, что чемпионом по такому давлению был именно Хасбулатов.

Внешне Амбарцумов выглядел вполне эффектно: крупный, высокий старик с гривой седых волос. Причем эта грива придавала ему эдакий профессорский вид. Настоящий светский лев с налетом научного деятеля, никак не меньше!

Депутатом Амбарцумов стал случайно. Как-то на него положила глаз одна активная дама, которая решила привлечь к себе внимание своего избранника тем, что организовала предвыборную компанию и, по сути, сделала его депутатом. Цель дамы была очевидна: потеснить Амбарцумовскую жену и занять ее место в качестве приза за все свои усилия и старания. Но Евгений Аршакович повел себя вовсе не как герой-любовник, а именно: ни в какие жены он эту даму не взял, а

всего лишь принял на работу своим помощником. Дама усердно пользовалась расположением своего шефа и всячески старалась вести себя в комитете как некоронованная королева. Но додаться хитрого армянина до женитьбы так и не смогла.

Чтобы портрет нашего героя был законченным, опишем один из его любимых приемов. Например, заходит к нему человек, в том числе и депутат, и приносит какое-то свое письмо на подпись. Амбарцумов читает и приходит к выводу, что письмо подписывать никак нельзя. И, тем не менее, тут же ставит на письме свою подпись! Но ставит довольно хитро. Подписав письмо, он его не выпускает из рук, а цепко держит, чтобы не выхватили. И при этом начинает перечитывать текст еще раз, особо внимательно. Наконец он находит какую-нибудь мелочь, к которой можно формально придраться, и тут же ручкой это место исправляет. Все: такое исправленное от руки письмо отправлять нельзя - надо перепечатывать! А Амбарцумов торжествует: он и письмо вроде как подписал и избежал ссоры с посетителем, который обозлился бы на твердое "нет". А текст письма безнадежно испорчен, его никуда не пошлешь.

- Евгений Аршакович!- еще раз произнес я, подкравшись поближе к столу.- Мне мои коллеги из МИДа сказали, что там уже готов проект договора о разоружении с США. А ведь нам его придется потом ратифицировать! Что если попросить прислать нам проект уже сейчас? Посмотрим его и заранее будем знать, что это за договор такой.

Произнеся эти слова, я одновременно осторожно положил перед Амбарцумовым проект письма в МИД. Тот внимательно посмотрел на меня, нет ли тут какого подвоха? Но через пару мгновений, поддавшись, видимо, на простецки-деревенское выражение моего лица, отбросил эту мысль. Почему бы и не подписать? Такой проект действительно будет полезным. Как только депутаты из газет узнают, что договор заключен, они все тут же скопом прибегут к Амбарцумову и спросят, что это за штука такая, и с чем ее едят. А текст тут как тут, лежит на столе. Вот вам, пожалуйста, смотрите, читайте, знакомьтесь! И не

говорите потом, что у вас плохой председатель комитета. Все заранее запросил и все заранее получил...

Уж так думал Евгений Аршакович или иначе, кто его знает. Но, скорее всего, его мысли бежали примерно в этом направлении. В общем, Амбарцумов отвел взгляд от меня и принялся разглядывать само письмо. Но текст был предельно лаконичный и вежливый. Никакого вызова, никаких излишних эмоций. Просим прислать проект такого-то договора. Предварительное ознакомление с ним было бы полезным для подготовки к ратификации. Вот и все.

Амбарцумов все еще раздумывал. Но, в конце концов, решил, что тут нет никаких подводных камней, и решительно поставил свою подпись. После этого глянул мне прямо в глаза: "Считай мою подпись личным тебе подарком!". Конечно, этих слов Амбарцумов не произнес, но его взгляд был вполне красноречивым. Я схватил письмо, очень выразительно произнес "спасибо" и в мгновение ока растворился за дверью.

Вообще-то, по всем чиновничьим правилам приносить руководителю такие проекты было не положено. Не должен был я ходить к высокому начальству и приносить на подпись подобные письма, если к тому не было предварительного, причем прямого и ясного указания этого самого начальства. В лучшем случае, я мог бы в удобный момент спросить, нет ли резона попросить прислать нам проект договора. И только при положительном решении начальства можно было готовить письмо и нести его на подпись. А так получалось, что я сам без предварительной санкции проявлял инициативу и фактически выкручивал руки своему руководителю, заставляя его совершить поступок с неопределенными для всех последствиями.

Секретный ответ из МЦДА

В то время исполнительная власть еще не набралась опыта общения с депутатами, которые считались чем-то вроде особого

рода чиновников. В министерствах еще не понимали, что это пусть маленькие, но все-таки самостоятельные политические фигуры, которые запросто могут устроить большие проблемы. Поэтому в то время министерство иностранных дел относилось к парламенту как к такой же части государственного аппарата, как и оно само, как обычно это было в советское время, а потому там решили, что письмо нельзя игнорировать или саботировать. И проект прислали! Именно на такую реакцию я и рассчитывал.

Прислали, конечно, не просто так. В министерстве иностранных дел тоже сидели не полные дураки. Отказать они депутатам не посмели, но сопроводили проект договора письмом, в котором особо подчеркивали, что текст еще не окончательный. Но при этом очень, очень секретный! Поэтому его абы кому показывать совсем не надо.

Служебное расследование

Кстати, этот запрос от Амбарцумова произвел в МИДе небольшую, но как бы революцию. Как эти проклятые депутаты прознали про американский проект? В результате было назначено служебное расследование. И кто-то особо умный решил, что "утечка" случилась потому, что один из сотрудников не уничтожил на своем компьютере соответствующий черновик. В результате всех в министерстве обязали регулярно проверять свои компьютеры и очищать от всех проектов и черновиков. В общем, "враг не дремлет"! Прежние коллеги по работе рассказывали мне про все эти нововведения, чертыхаясь на новую власть. А я только усмехался себе под нос: "Другой раз не будете лишнего болтать в лифтах!". Но ничего такого вслух я, понятное дело, не говорил, а только сочувствовал и выражал свои, можно сказать, искренние соболезнования.

Итак, прочитав сопроводительное письмо из МИДа, я только хмыкнул: "Как же! Никому не показывать! Больше ничего не хотите?!". И уселся за изучение текста будущего договора.

Идеология разоружения

В общем, содержание было предсказуемо: серьезно сократить ядерный потенциал России. Но надо отметить, что в России среди политиков и экспертов не было и до сих пор нет единой позиции по поводу того, каковы должны быть на самом деле размеры ядерного потенциала страны. Кто-то вполне разумно полагает, что от устаревших боеприпасов вовсе нет никакой пользы. А если удастся найти способ финансировать утилизацию старья за счет американцев, то и слава Богу! Другие занимаются подсчетами, сколько раз может быть уничтожена жизнь на Земле, если одновременно взорвать все ядерные бомбы, имеющиеся в запасе.

Еще кто-то высчитывает, чтобы у США и России было примерное равенство по количеству боеголовок. И если это равенство можно обеспечить на пониженном уровне, то это просто замечательно! Имеются также расчеты по поводу ответного удара. Согласно им Россия должна обладать таким потенциалом, чтобы в случае агрессии она в любом случае могла нанести врагу неприемлемый ущерб. Пока есть такая возможность, Россия не будет объектом агрессии! Часть экспертов также ссылается на то, что если ядерных боеприпасов у России будет слишком много, то повышается риск, что они могут попасть в руки террористов. Короче, сколько экспертов по ядерному оружию, столько и мнений.

У меня по поводу ядерного оружия и разоружения была своя позиция. Почему договоренности по разоружению касаются только России (СССР) и США? Почему в этих переговорах не участвуют другие ядерные страны? Почему вообще надо сокращать свое ядерное оружие на основе международных договоров? Ведь если потенциал гарантированного возмездия достаточен, можно не обращать внимания на количество американских ядерных боеголовок. Мало того, если на территории страны будет много складов ядерного оружия,

другие государства будут воздерживаться поощрять в России сепаратизм. А то вместо ослабления большого противника получишь много мелких, но неуправляемых режимов с ядерной дубиной в руке! В общем, я был и остаюсь твердым противником каких-либо сокращений и разоруженческих договоров с США.

Второе письмо

Итак, надо было что-то делать, чтобы не допустить подписание. Иными словами, я вознамерился сорвать важную внешнеполитическую инициативу, которую продвигал аж сам президент Российской Федерации. Как можно квалифицировать такие действия? Чего уж тут кривить душой, такое называется простым и достаточно емким словом - "саботаж".

После некоторых размышлений я придумал следующее: сочинить письмо, в котором поставить под сомнение этот договор, подписать его у депутатов и послать в Кремль. Пусть Ельцин знает, что парламент против его инициативы! Не будет тогда особо спешить! Если быть точным, то согласно моему плану это письмо должны были подписать четыре председателя разных комитетов Верховного Совета, а именно: Комитета по международным делам, по обороне, по безопасности и даже по бюджету. А в качестве адресата был прямо указан президент России Борис Николаевич Ельцин.

Содержание, которое придумал я, было достаточно простым: разоружение – дело хорошее, но заключение такого договора с США – слишком важный вопрос. Поэтому желательно отложить подписание и более внимательно просчитать политические, военные и финансовые последствия. Иными словами, я решил порекомендовать президенту страны не спешить заключать этот договор, вот и все. Замечу, я только месяц как работал в Верховном Совете и уже вздумал пустить под откос важнейший разоруженческий договор! Куда только смотрела ФСБ?

Сочинить текст письма в Кремль было относительно несложно, в конце концов, я уже отработал семнадцать лет в министерстве иностранных дел и был способен сочинить письмо на любой вкус. Поэтому мне достаточно легко удалось придумать вежливое по форме содержание, но фактически создающее серьезные проблемы с подписанием договора. А вот как подписать письмо?

Серьезным преимуществом того Верховного Совета было то, что там действительно царили демократические правила. Если ты не дурак и у тебя есть хорошие идеи, с ними можно было более или менее свободно подойти к знакомым депутатам и заручиться их поддержкой. В результате можно было найти депутатов в соответствующем комитете и уже вместе с ними идти к председателю комитета за подписью. При этом было понятно, что речь не идет о какой-то личной корысти. Ясно, что письмо было направлено на защиту национальных интересов.

Да, это было именно так: письмо, как считал я, было выгодно для России и ее обороноспособности. Но формально оно было направлено против политики, которую проводил президент страны. Странная ситуация? Конечно, странная. Но такое тогда было время: президент торговал национальными интересами, а все, кто мог, пытались ему в этом помешать. Формально все они выглядели, как враги государства. Ведь президент – это государство или как?

С письмом самое трудное было – заполучить первую подпись. И она, конечно же, должна была быть подписью председателя Комитета по международным делам. А этим председателем был Амбарцумов, который ни в каком виде не собирался портить отношения с кремлевской администрацией, не говоря уж о самом президенте.

Я еще раз подумал над своим планом действий. И получалось, что даже появляться у Амбарцумова с этим письмом было опасно. Мало того, что Евгений Аршакович был предельно осторожным человеком и ни с кем не хотел ссориться, тем более с Ельциным. Ко всему к этому

Амбарцумов несомненно был грамотной личностью. И увидев такое письмо, он запросто мог понять суть сплетенной мной паутины, в которую должна была попасть американская затея. Был очень большой шанс, что он не только возразил бы против такого документа, но и прямо запретил бы мне заниматься этим вопросом. Впрочем, тут тоже был выход: зайти к нему не самостоятельно, а вместе с группой депутатов. Тогда получалось бы, что бумага исходит от них. В таком случае запретить сочинять и двигать такое письмо было бы нельзя. Но при подобном варианте я автоматически превращался в личность, которая действует вопреки интересам председателя комитета. А это означало только одно – отстранение от каких-либо важных вопросов.

В общем, я уже дозрел до того, чтобы все равно попытаться нажать на Амбарцумова через депутатов. Будь что будет: все-таки на кону стояли важные государственные интересы! Но тут помог случай: Амбарцумов состоял на хорошем счету и в МИДе, и в администрации президента, и там решили его поощрить важной зарубежной командировкой на пару недель. Понятное дело, Евгений Аршакович не колебался ни минуты и тут же укатил восвояси. А место председателя временно занял его заместитель Иона Андронов.

Андронов был, пожалуй, еще более колоритной личностью, чем Амбарцумов. Жизненный путь его был удивителен и необычен. Наверное, есть смысл описать его в общих чертах, чтобы у читателя имелось представление о том, какими в то время были некоторые из лидеров Верховного Совета.

Приехал Иона Андронов в Москву из провинции и поступил, что называется, в первый попавшийся институт. Точнее сказать, в институт востоковедения, где начал изучать язык урду. А тут вдруг преобразование, и этот самый институт влился в состав МГУ. Андронов автоматически стал студентом МГУ! Закончил учебу ни хорошо, ни плохо, женился на хорошей девушке, студентке, но тоже из провинции. Девушку звали Валентиной. А тут – распределение! И записали Андронova в пограничники,

причем на южную границу страны, туда, где расположена небезызвестная Кушка ("Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют"). А куда еще с языком урду?! Валентина не против! Она сама примерно оттуда и приехала. Но что-то вдруг на площади Дзержинского приключилось, и Андропова оставили в Москве для обеспечения пограничного контроля одного из аэропортов. Когда служба в аэропорту закончилась, ему без обиняков предложили пойти дальше в разведшколу. А он и согласен, в разведку, значит, в разведку! Но на комиссии он что-то такое неудачно сказанул вопреки всякой субординации, поэтому прием в разведчики решили отложить на год. И чтобы скоротать этот год, Иона по небольшой протекции попал на работу в журнал "Новое время". Никому он там особо нужен не был, но пригрел его один старый журналист по фамилии Седин.

Этот самый Седин, стал помогать Ионе писать очерки о заграничных путешествиях. Садись и пиши, как будто ты побывал где-то в экзотических местах! Андронов уселся за непривычную работу. Слушал рассказы старых журналистов, объехавших весь свет, читал чужие статьи. И с грехом пополам сочинял описание мест, где он никогда не бывал. Получалось, конечно, плохо, но Седин кое-что изменял, кое-что переписывал и отправлял в очередной номер. Получался гонорар, небольшой, но Андропову на жизнь хватало.

А тут как раз прошел год, опять пора проходить комиссию в разведчики! Но Ионе уже совсем не хотелось нигде служить. В журнале была вольготная жизнь: хочешь – работай, а хочешь – отдыхай. Зачем менять ее на военную службу, погоны, сапоги? И тут ему помогла главный редактор Наталья Сергеевна Сергеева. Когда ей для проформы позвонили из КГБ и спросили, как справляется с работой молодой специалист, она его охарактеризовала как полного растеряху, бездельника и гуляку. И на этом карьере новоявленного Джеймса Бонда оборвалась, так и не успев начаться...

Прошло еще немного времени, и Иону вдруг вызвала главный редактор: "Поедешь в командировку во Вьетнам?".

"Конечно, поеду!".

А во Вьетнаме, между прочим, уже всюду шла война против американского империализма, вся страна ждала новостей с этого фронта. Андронов тут же согласился. Однако вдруг в кабинете главреда нарисовался старый журналист, который в "Новом времени" вел этот самый Вьетнам: "Какой еще Андронов, в какой еще Вьетнам?? Это моя тема, именно я веду Вьетнам в "Новом времени"!".

Но тут Сергеева эдак особо проникновенно глянула на нового претендента на командировку и не менее проникновенно молвила: "Вообще-то, там бомбят. Ты хочешь съездить туда и описать, как падают бомбы?".

Аргумент оказался козырным. Старый журналист тут же стушевался и исчез за дверью. Ехать в далекую страну и описывать свист падающих бомб он почему-то вдруг расхотел. А Иона отправился вместо него под эти самые бомбы и с большим удовольствием описывал все, что видел. При этом по молодости и бесшабашности лез туда, куда лезть ему точно не следовало. В том числе забрался и в Лаос, откуда привез сувенир – осколок, который пробил термос, висевший у него на боку.

Благодаря Вьетнаму Андронов переместился по карьерной журналистской лестнице немного вверх. И отправился в командировку на Кавказ писать статьи про ветеранов и Великую Отечественную войну. Вдруг в каком-то архиве он наткнулся на старую фотографию. А на той – сам Брежнев, только молодой! А был в тот момент Леонид Ильич просто генеральным секретарем ЦК КПСС. Иона начал копать архив. И выкопал, что Брежнев именно здесь и воевал. Конечно, он был не на передовой. Но однажды немцы прорвались к штабу, и будущему генсеку пришлось лично заменить убитого бойца и строчить по ним из "Максима".

Героический эпизод? Еще какой! И Андронов безо всякой задней мысли набросал небольшую заметочку обо всем об этом и отправил в свой родной журнал. А там – встали на дыбы:

"Разве можно публиковать какие-то материалы о первом человеке в стране? Нет, такое возможно только с санкции секретариата ЦК!". И статью положили "под сукно".

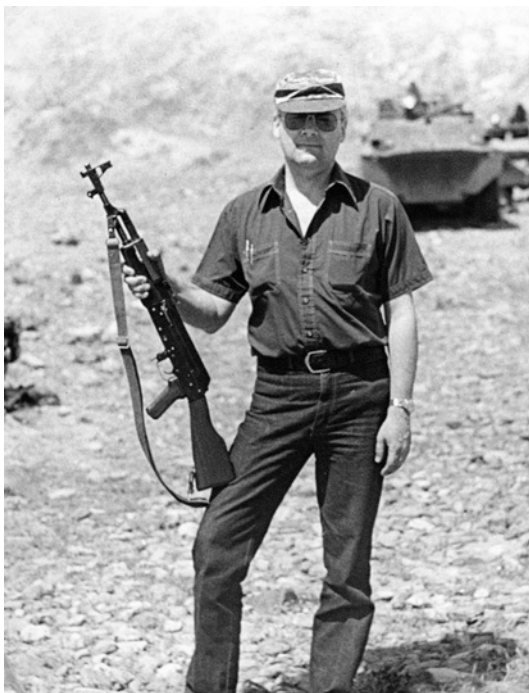
Иона и думать забыл про эту свою заметку. Но вдруг через год главного редактора вздумали снимать с должности. А как спастись? Может, подлизаться и опубликовать что-то ударное, например, про руководителя коммунистической партии? Авось, отстанут? И Андроновская статья пошла в номер.

Главреда все равно сняли, но статью заметил сам Леонид Ильич. Понятное дело, такая статья ему понравилась. И Андронов в одночасье из простого журналиста для разъездных непопулярных командировок превратился аж в биографа генерального секретаря. Тема была развита, было написано еще несколько статей. В конце концов Брежнев пригласил Андропова на свой день рождения. А после этого руководители журнала вдруг заволновались: "Как бы этого выскочку не назначили на должность главного редактора!". А что?! Леониду Ильичу ведь все равно, обратит внимание и назначит, вот и весь сказ.

Но на такую должность Андропова не назначили, не успели, поскольку не без помощи главного редактора его стали выдвигать для участия во всяких интересных мероприятиях. Например, ездить по всей Европе и расследовать неудавшееся

покушение на Папу Римского. Или писать об афганской войне. Или на долгие годы отправиться в служебную командировку в Нью-Йорк, откуда разоблачать происки американских агрессоров.

Афганский военкор "Литературной газеты" Иона Андронов после боя южнее Джелалабада. Апрель 1981 года.

Нью-Йорк для Андропова окончился неприятным конфликтом с представителями советской власти. Брежнев уже не было, поэтому злопыхатели и завистники совсем обнаглели и накатали на Андропова гнусную жалобу. Все закончилось жестким разругом и уходом из "Литературки" с "волчьим билетом".

А тут закончилась афганская война, и вдруг выяснилось, что советская армия ушла с чужой территории, забыв в плену собственных солдат. Уж как-то так получилось, что Андронов по старой памяти взялся за это дело. Образовалась публичная

деятельность, борьба за возвращение этих военнопленных. На этой волне Андронova уговорили баллотироваться в Верховный Совет.

Он с успехом избрался и уже в Верховном Совете в качестве депутата продолжил заниматься военнопленными в Афганистане, в результате оказался в близком контакте с вице-президентом Руцким. Ельцин включил его в список своих доверенных лиц, а Андронов, вопреки всему, вдруг отверг такое благорасположение самого президента и отказался его поддерживать.

Вот таков был этот самый Иона Ионович Андронов, журналист и друг Руцкого. А также большой знаток США. Кстати, хоть Андронов и проработал в Нью-Йорке много лет, он в результате не только не полюбил США, а как раз наоборот, стал относиться к этой стране достаточно критически.

Однако вернемся к нашим баранам. Напомним читателю, что когда я сочинил свое письмо Ельцину про договор по СНВ, в этот самый момент председатель комитета Амбарцумов польстился на какую-то особо интересную заграничную командировку и укатил восвояси, а его место занял его заместитель – Иона Андронов. Лучшего варианта и придумать было нельзя.

С Андроновым не надо было хитрить и притворяться. Я честно изложил свой план: подписать письмо и оправить его прямым путем Ельцину. Позиция парламента по такому вопросу, конечно же, должна была повлиять на президента и его окружение и охладить их пыл! Андронов почитал проект, задал несколько вопросов. И подписал.

Дальше были комитеты по обороне, по безопасности и по бюджету. Удивительное дело, но я ухитрился собрать подписи всех оставшихся председателей, в том числе и Починка, возглавлявшего Комитет по бюджету и явно не настроенного конфликтовать с Ельциным. Тем не менее, подписал и он. Я улучил такой момент, когда Починок рысью бежал по каким-то делам. Вчитываться ему времени не было никакого. Увидев три

подписи, он не стал тратить время на чтение, а просто подмахнул, вот и все. И побежал дальше. А я бросился отправлять письмо Борису Николаевичу. Кстати, на носу был самый конец декабря 1992 года, мой день рождения. Получалось, что я сам себе сделал замечательный подарок.

Сочинить такое письмо и подписать его у высоких руководителей было очень непростое дело. Тут я, это надо честно признать, проявил определенную хитрость и проворство. Но не менее удивительно было и то, что подписать письмо решились депутаты. Ведь они, по сути, шли на конфликт с самим президентом страны! А вдруг он разозлится? В таком случае все может кончиться довольно плохо для подписанта.

По моим меркам, такое письмо точно должно было возыметь какой-то эффект. Все-таки его подписали председатели четырех ведущих комитетов парламента. Это означало, что при ратификации точно возникнут проблемы. Значит, спешить с заключением договора никак нельзя!

Скажите "спасибо" Диме

Письмо ушло в администрацию президента. А в газетах вдруг появилось сообщение, что договор с американцами будет вскоре подписан. Как так? Письмо не подействовало? Я взялся за телефон и позвонил в экспедицию администрации президента, назвал номер письма и спросил, какова его судьба.

Подобный звонок – обычное дело для чиновничьей работы. Отправил письмо, а ответа нет. Тогда через канцелярию или экспедицию можно выяснить судьбу бумаги. Находишь человека, у которого она лежит. Звонишь и выясняешь, в чем проблемы.

Я именно так и поступил. В экспедиции меня переадресовали в канцелярию. А там дали довольно простой ответ: письмо передано помощнику президента Дмитрию Борисовичу Рюрикову.

Услышав о Рюрикове, я даже охнул. Я хорошо его знал, мы вместе работали в договорно-правовом отделе МИДа СССР. А потом Дима пошел на повышение и стал помощником президента, ни больше ни меньше.

То, что письмо было у него, означало только одно: Дима получил документ и решил не докладывать его Ельцину. Если бы доложил, непременно была бы какая-то реакция. К депутатам обязательно обратились бы кто-то из администрации президента, стали бы уговаривать или хотя бы выяснять основания возражений. Но ничего подобного в Верховном Совете не произошло.

Может быть, Рюриков поступил хитрее: не просто скрыл от Ельцина наличие плохого письма, а, наоборот, что-то такое сказал вскользь. Например, так: "Борис Николаевич, тут депутаты сомневаются, что вы приготовили отличный договор с американцами. Я думаю, с ними не надо вступать в дискуссию. Просто надо подписать договор, и все тогда увидят, что он очень выгоден для России".

Так сказал Рюриков или иначе, знает только он. Но в чиновничьих кругах подобный трюк – обычное дело. После таких слов невозможно обвинить чиновника в том, что он скрыл

важную информацию. Нет, конечно, не скрыл! Но доложил так, что превратил эту информацию в ноль.

Однако стало понятно, что все мои усилия идут насмарку. В МИДе, где получили копию письма, на него никак не отреагировали. В администрации президента мнение депутатов тоже пропустили мимо ушей. Конечно, было понятно, что Ельцин и его команда так просто не отступятся от своих замыслов угодить американцам и уничтожить хотя бы часть российского ядерного потенциала. Но угроза публичного скандала все-таки могла возыметь какой-то эффект. Именно так и получилось с планами отдать японцам южные Курильские острова. В те же времена уже упомянутый депутат Иона Андронов поднял шум, и ельцинские приспешники вынуждены были пересмотреть свои планы. С Курилами – получилось (правда, ненадолго, только до 2016 года). А с СНВ, к сожалению, так не получалось.

Звонок в "Правду"

Наверное, если бы это письмо за четырьмя подписями было сразу опубликовано или хотя бы просто упомянуто в прессе, то результат был бы другой. Но тогда я еще не слишком поднаторел в саботаже против президента и в целом исполнительной власти с использованием возможностей парламента. Одно дело – вредить, работая в МИДе, и другое – действовать, привлекая депутатов. Во втором случае сильное средство – это именно угроза публичного скандала. А в МИДе, как правило, подобные действия носят скрытый характер. В общем, было понятно, что я просто переоценил значение своего письма. Счел, что достаточно отправить по почте, а в прессу передавать ничего не надо.

Я кинулся исправлять свою ошибку. Но какую газету выбрать? Может, "Правда"? Все-таки коммунистическое издание, критикует политику Ельцина. А дело между тем уже

совсем шло к Новому году. Времени оставалось в обрез. Еще чуть-чуть, и договор будет подписан.

Кстати, а кому звонить в газете? Кому-нибудь из известных журналистов? Я подумал и решил, что значение вопроса позволяет побеспокоить главного редактора "Правды" Виктора Алексеевича Линника. Да, надо было звонить именно ему! Но тут я почувствовал в груди какой-то холодок. Вообще-то, по советским временам главный редактор "Правды" был одновременно одним из высших партийных руководителей страны. Конечно, после разрушения СССР статус этой газеты снизился. Тем не менее, она была одним из центральных изданий в стране, а главред все равно числился большой величиной. А я был всего лишь рядовым чиновником аппарата одного из комитетов парламента страны. То есть величиной, стремящейся к нулю.

Холодок появился и еще по одной причине: одно дело - проявлять самостоятельность по подготовке письма, и совсем другое - передавать его в прессу. За такое своеволие можно было запросто лишиться работы. Конечно, в Комитете по международным делам Верховного Совета имелись патриотично настроенные депутаты. Но было полным полно и других, которые, не моргнув глазом, могли продать любые государственные интересы. Для них такие, как я, были, словно кость в горле. И еще неизвестно, какой была бы моя судьба, если бы с публикацией письма возник хороший скандал.

Тем не менее, дальше тянуть было совершенно невозможно. Еще чуть-чуть, и вообще все газеты закроются на новогодние каникулы! И я, в конце концов, отбросив все сомнения, позвонил в приемную Линника. Секретарша уточнила, кто именно звонит. И через минуту в трубке послышался уверенный мужской голос. Я не стал терять время на детали, а просто выпалил следующее:

- Виктор Алексеевич! К Ельцину ушло письмо из Верховного Совета, четыре председателя комитетов просят отложить подписание СНВ-2. Но, похоже, в администрации президента

решили замять эти возражения. Письмо лежит у Рюрикова, а судя по сообщениям прессы, подписание не откладывается. Может, упомянуть в вашей газете о факте такого письма?

Линник помолчал, переваривая полученную информацию:

- А откуда вы знаете о письме?

Я объяснил, что именно я и был его автором.

- Вам не трудно будет перебросить копию этого письма мне по факсу?

Я не очень обрадовался такому повороту дел. До последнего я надеялся, что Линник ограничится устной информацией. Перезвонит, например, тому же Амбарцумову, поинтересуется, было такое письмо или нет. И тогда получится, что Линник получил информацию не от меня.

А копия письма в руках Линника означала только одно: передать эту копию мог только исполнитель, то есть я. Дальше – нехорошая перспектива служебного расследования. Но сказать Линнику "нет" в подобной ситуации было совершенно невозможно. Как говорится, назвался груздем – полезай в кузов.

- Виктор Алексеевич! Хорошо, я передам вам копию письма. Только, если возможно, вы его опубликуйте в пересказе. А иначе меня очень легко вычислят и просто уволят.

- Хорошо. Номер факса возьмите у моей секретарши.

Поговорив таким образом по телефону, я еще раз призадумался. Получалось, что для того, чтобы помешать собственному президенту, надо было совершать должностное

нарушение, а может быть, и преступление: передавать в прессу служебные документы. Такое явно выходило за пределы должностных обязанностей скромного чиновника. Диверсия против властей, подрывная деятельность, саботаж? Очень на то похоже. Если подойти к оценке этого эпизода по-хорошему, то меня за все эти потуги вполне можно было оформить в места лишения свободы.

Однако делать было нечего, если уж пообещал, надо было доводить дело до конца. И я отправился к служебному факсу. Конечно, факс я нашел на стороне, но суть дела это не очень меняло. Ясно было, что письмо мог передать только исполнитель, а также пара человек, которые его отправляли и получали в администрации президента. То есть круг подозреваемых в случае расследования был бы предельно узким.

Отправив факс, я еще раз удивился расторопности американцев. Ведь как красиво организовали! Пара сообщений в прессе, никакого особого обсуждения в российском обществе. И подписание накануне длинных праздников. Никакая пресса в России в праздники выходить не будет. То есть критиковать заключение договора никто не сможет. И получается, что договор заключен, а критикам-то и сказать нечего! Выходит, хороший договор, раз критики молчат.

Американцы все хорошо рассчитали, договор был подписан. А вся Россия в это время пила и гуляла, не задумываясь о своем ядерном оружии. Никаких, понятное дело, критических программ по телевидению не шло. А те, кто выступал, хвалили Ельцина очень активно. Вот, мол, какой молодец, вот как хорошо борется за дело мира во всем мире!

Только девятого, или даже десятого января 1993 года вышел очередной номер газеты "Правда". На первой странице в левом верхнем углу, действительно, кратко сообщалось о возражениях четырех комитетов Верховного Совета против СНВ-2. Текст письма не приводился, но и так было понятно, что с этим договором что-то не в порядке.

Не исключено, что это была первая публикация в российской прессе, в которой содержалась критика договора СНВ-2. Во всяком случае, сам я очень склонен считать, что именно мне принадлежит пальма первенства по части первых серьезных возражений против СНВ-2, в том числе и в СМИ.

По поводу этой публикации в "Правде" и "утечки" информации о крамольном письме Ельцину, вопреки моим опасениям, никто никакого служебного расследования не затеял. После новогоднего запоя всем, видимо, было совсем не до того. Однако первый шаг был сделан, а дальше критика договора стала только набирать обороты.

Третье письмо. Словные модели

Как всегда, где подписание договора, там недалеко и до ратификации. А на ратификацию СНВ-2 надо было нести только в одно место: в Верховный Совет России. Только парламент мог совершить акт ратификации.

Ждать долго не пришлось, достаточно быстро все документы, касавшиеся ратификации, действительно, были присланы в Верховный Совет. Хотя договор был разоруженческий, тем не менее никто не стал оспаривать ключевую роль Комитета по международным делам. Без нашего положительного заключения ратификация была явно невозможна.

Понятно, что я не остался в стороне и тут же предложил депутатам свои услуги по части оценки как самого СНВ-2, так и внешнеполитических последствий его ратификации. Не будем скрывать, что при этом у меня на уме была только мысль, как затормозить ратификацию, а то и вовсе ее сорвать. Но как именно? А что, если послать в МИД еще одно письмо, в котором задать дополнительные вопросы? Пока нет ответа на эти вопросы, не будет и согласия на ратификацию!

В общем-то, хоть тут я и действовал со злым умыслом, однако на самом деле, действительно, существовали вопросы, на которые до ратификации было бы интересно услышать

соответствующие разъяснения. То есть придуманные мной вопросы были вполне справедливыми.

Дело в том, что я защитил свою докторскую диссертацию по международной безопасности и знал эту тему не просто хорошо, а очень хорошо. Мало того, я понимал западные концепции, которые лежали в основе моделей по поддержанию международной безопасности. И этого всего мало! Я также имел представление, что именно из всего этого знали или не знали сотрудники российского МИДа, которые занимались разоружением. И самое удивительное, что они знали далеко не все из того, что должны были знать по долгу службы. Странное дело, но это было именно так.

Этот удивительный феномен я раскопал за много лет до описываемых событий, еще тогда, когда только сел за написание докторской диссертации. Прочитав в какой-то западной статье про силовые модели поддержания международной безопасности, я попытался получить в библиотеке МИДа книжку западного автора, который упоминался в статье. Но этой книжки в библиотеке не было! И это было очень необычно. Как может отсутствовать в библиотеке внешнеполитического министерства одна из центральных западных работ по теме международной безопасности?!

Я заинтересовался и стал искать в библиотеке другие подобные же книги. И – ничего, полный ноль! В иностранных статьях было полным-полно ссылок на самые разнообразные работы на тему международной безопасности. На Западе, особенно в США, на эту тему писали много и подробно. А в библиотеке министерства иностранных дел СССР этих книг не было даже в помине. Я не верил своим глазам, и все рылся, и рылся в картотеке. Ничего! Там было полным-полно мемуаров дипломатов со всего света. Но не было концептуальных работ западных политиков и ученых по международной безопасности.

Конечно, я тут же отправился в Ленинку. Диссертацию-то писать надо! Однако и там нужных книг не оказалось, в том числе и в спецхране, куда надо было получать специальный

допуск. Не было их и в библиотеке ИНИОНа. Их не было нигде в столице великой ядерной державы. Как будто какой-то волшебник взмахнул своей палочкой и лишил советскую науку доступа к важнейшим работам, где подробно описывался подход западных стран к ключевым международным вопросам. Соответственно, советские юристы и международники тоже не могли ничего написать на эту тему. Работ по силовым моделям поддержания международной безопасности в Москве не было никаких: ни зарубежных, ни отечественных. И при этом страна уже много лет занималась разоружением! Как можно разоружаться, не понимая концептуальных подходов западных стран к этой проблеме?!

Конечно, я, в конце концов, выкрутился из этой ситуации, причем просто анекдотичным способом: поехал в очередную зарубежную командировку и решил в свободное время вместо того чтобы пить и гулять, посетить городскую библиотеку. И там без труда получил все необходимые книги. Все до единой! Несколько дней работы, пара сотен скопированных страниц, и дело было сделано. И где бы, вы думали, была эта библиотека? В центре Африки, в Танзании! В захолустной африканской стране в самой обычной городской библиотеке были в наличии все необходимые книги западных стран по международной безопасности. А в ядерной стране их не было ни в каком виде. Особо изощренная диверсия? Может быть...

Итак, в МИДе явно не знали теоретической подоплеки разоруженческой политики США. Простому человеку невозможно в это поверить, но вот уж что было, то было (Не уверен, что и сейчас многое поменялось). В российском МИДе знали всевозможные детали процесса разоружения, знали все марки ракет и их основных компонентов. Знали основы деятельности Совета Безопасности ООН. Знали историю всевозможных конфликтов. Но не знали разницы между международным правом и международным порядком. А разница очень существенная. В основе международного права лежит международное право и международные

организации, занимающиеся безопасностью. А в основе международного порядка лежат силовые модели поддержания безопасности, а также всевозможные комбинации, связанные с балансом сил. И все это реализуется, в том числе через силовое противостояние и через пробы сил, через мелкие конфликты самого разного свойства.

Вот всех этих теоретических тонкостей российские дипломаты, которые занимались разоружением, не знали. Не знали, потому, что не интересовались этим вопросом. А как интересоваться, если не знаешь, что такой вопрос в принципе существует? Ведь их этому не учили в институте. Не знали они и потому, что в библиотеку не поступали соответствующие публикации на эту тему. А знать, конечно же, следовало!

В общем, имелся смысл задать российскому МИДу несколько вопросов. Если ответят как надо, тогда депутаты увидят, что договор с США по поводу сокращения ракет надо формулировать совсем иначе. Или вообще не заключать! Если же из МИДа не ответят, будет основание не давать согласия на ратификацию. Какие тут вам ратификации, если дипломаты не отвечают на важные вопросы депутатов?

А вдруг депутаты во главе с Амбарцумовым набросятся на меня, обвинят в том, что я со своими письмами необоснованно придираюсь к лучшим дипломатам страны? Такой вариант тоже был возможен. Но тут у меня был даже не просто хороший, а железобетонный тыл. Если уж я смог на эту тему защитить диссертацию, то от зловредных вопросов как-нибудь отобьюсь!

И я направился к Амбарцумову с проектом сочиненного мной самим письма. Оно было довольно длинным, но из текста следовало, что в США имеются некоторые теоретические разработки по вопросам безопасности и разоружения. И дипломатов просили разъяснить, как эти теоретические разработки сопрягаются с моделью нового договора с США. Вот и все. Внешне более или менее благопристойный текст.

Как и в прошлый раз, я осторожно постучался в дверь и заглянул внутрь. Амбарцумов был на месте. Однако никакие

посетители в этот раз ему не досаждали. Евгений Аршакович, похоже, даже немного скучал, не получая необходимой дозы внимания. Во всяком случае, взор его, обращенный в окно, был затуманен какой-то скрытой тоской.

- Евгений Аршакович! Я тут подготовил запрос в МИД, в связи с СНВ-2, который мы получили для ратификации. Как вы считаете, может быть, следовало бы попросить их дать кое-какие пояснения? Ведь у депутатов явно много вопросов. А так мы получим официальные разъяснения, которые помогут ратификации. Вот посмотрите, что я подготовил.

С этими словами я протянул руководителю свой нетленный опус. Тот взял в руки письмо и углубился в чтение. Тоска в его глазах постепенно улетучилась. Я же напряженно ждал, что он решит. Вдруг откажет? Вдруг раскритичится и запретит впредь лезть без спроса со всякими подобными инициативами?

Но к моему удивлению, Амбарцумов даже не задал простейших вопросов. По какой-то непонятной причине он в этот раз был особо благодушен. И, взмахнув пером, поставил в самом конце письма свою размашистую подпись.

- Давайте, действительно, кое-что у них уточним. Пусть не думают, что только они понимают в вопросах разоружения (Как раз они-то и не понимали!) А вы, Владимир Николаевич, как я вижу, хорошо знаете эту тему?

Лучше бы он не произносил такие слова! Я тут же принялся рассказывать все, что знал. А знал я ровно столько, сколько было необходимо для того, чтобы написать хорошую монографию и также защитить докторскую диссертацию. Наконец Амбарцумов замахал обеими руками:

- Ну, хватит, хватит! У меня уже голова пошла кругом ото всех этих деталей! Вы правильно сделали, что подготовили это письмо. Отправьте его побыстрее, и будем ждать ответа!

Я выскочил от Евгения Аршаковича окрыленный: "Ну, теперь мы покажем этим разоруженцам! Будет им и ратификация договора с американцами, и уничтожение российских ракет!". И

полетел напрямиком в канцелярию отправлять свое произведение в министерство иностранных дел.

Прошла неделя, потом другая, а из МИДа никаких ответов не поступало. Я позвонил в отдел, занимавшийся США, и попытался осторожно выведать, что там думают по поводу этого письма. Про письмо там знали. И, в общем, понимали, что речь идет о моделях применения силы, к которым США всегда были очень склонны. Кому-то даже поручили подумать, что именно ответить депутатам. Но на том дело и сдохло, никакого ответа, хотя бы для приличия, хваленые российские дипломаты-разоруженцы так и не смогли сочинить...

В феврале 1993 года, то есть менее чем через два месяца после подписания договора в Верховном совете были организованы парламентские слушания по СНВ-2. Я, понятное дело, снабдил депутатов аргументами против ратификации. Соответствующие вопросы были на слушаниях заданы, а ответов, конечно же, не было. Не было ответов и на уже упомянутое мое письмо в МИД. И ратификация, что называется, подвисла. Администрация президента засомневалась, что этот состав депутатов проголосует за ратификацию, и договор отложили в долгий ящик, чего я всеми силами и добивался.

Кстати, договор был, действительно, особо "выдающийся". В соответствии с ним должны были быть сокращены в основном наземные ракеты. Но тут был полный дисбаланс с США. У них, в отличие от России, стратегические ракеты были морского базирования.

После расстрела

А дальше случился военный переворот и расстрел парламента из танков. И вроде как бы само собой получилось, что СНВ-2 на ратификацию никуда и не вносился. "Плохих" депутатов расстреляли. И в июне 1995 года договор был заново внесен на ратификацию, на этот раз уже в Государственную думу к "хорошим" депутатам.

Но и в Думе депутаты совсем не рвались в бой, чтобы ударными темпами обеспечить ратификацию и "выдернуть ядерное жало у России". Однако тут вопрос встал в формальную плоскость: нельзя же возражать против ратификации без весомых аргументов!

По части аргументов, как всегда, я проявил соответствующую инициативу, хотя при этом опять поймал себя на мысли, что тем самым занимаюсь, по сути, саботажем, подрывая официальный внешнеполитический курс страны. За ратификацию, само собой, выступал сам Ельцин и его администрация. Но не только. Ратификации также требовал и Евгений Максимович Примаков, находившийся в должности министра иностранных дел. Не отставал от него и министр обороны. А тут вдруг непонятно откуда взявшийся какой-то руководитель аппарата Комитета по международным делам по фамилии Трофимов лезет поперек генеральной линии руководства страны и мешает ратификации!

Несмотря на эти свои сомнения, я все-таки полез со своими идеями, направленными на срыв ратификации СНВ-2. А идеи появились после общения с американскими дипломатами. С их слов я понял, что Конгресс США будет ратифицировать договор в том же виде, как он будет ратифицирован в Думе. Если Дума ратифицирует без оговорок и поправок, то точно так же поступят и американские конгрессмены. А если Дума при ратификации все-таки оговорит какие-то особые условия, то и американцы ратифицируют с учетом этих условий.

Американцы придерживались вполне разумной линии. Текст договора, выносимый на ратификацию, должен быть одинаковым как в США, так и в России. Иначе получится, что США ратифицировали один договор, а Россия – немного другой. Потому-то американцы и ждали ратификации в Думе. Если Дума сделает какие-то оговорки, то точно то же самое должны сделать и в Конгрессе США.

Однако подобная позиция американцев создавала хороший простор для саботажа и подрывной деятельности таких персонажей, как я. Достаточно было придумать такие поправки

к СНВ-2, которые американцы не смогли бы проглотить. Вот вам и нет никакой ратификации!

По части "придумать" у меня было все в порядке. Сначала я подготовил предложения, которые выглядели разумно и могли быть защищены даже каким-нибудь малоискушенным в международных делах депутатом. А потом составил список депутатов, которые критически относились к СНВ-2. И пошел прямо по списку, со своими поправками в руке. Депутаты, как правило, были даже благодарны, что такой опытный юрист-международник, занимавший к тому же важную должность в Комитете по международным делам, нашел время и помог им грамотно сформулировать свои предложения.

Вскоре придуманные мной поправки вошли в официальный оборот в Думе в виде предложений соответствующих парламентариев. Их уже нельзя было просто не заметить или отместить. На них надо было искать какие-то возражения, собирать аргументы. Представители из МИДа и министерства обороны пытели и как могли пытались что-то там возражать, но получалось это у них плохо. Оно и понятно: им все-таки противостоял хорошо подготовленный грамотный противник в виде вашего покорного слуги. В результате процесс ратификации растянулся на годы. А тут стала меняться международная обстановка: американцы влезли в Югославию, мало того, вышли из договора по ПРО. И СНВ-2 в результате, просуществовав некоторое время, в конце концов успешно "сдох".

Конечно, кто-то может сказать, что я никаким саботажем не занимался. Ведь я прятался за спины депутатов, а они по своему статусу имеют право критически относиться к политике исполнительной власти. Мало того, депутаты могут на полном законном основании противодействовать политике как исполнительной власти, так и действиям своих собственных коллег. Все это, действительно так и есть. Наверное, я даже не очень-то и скрывал свои истинные намерения перед некоторыми особо оппозиционными членами Думы. И к тому же я

действовал не по заказу какой-нибудь другой страны, а по велению души, стараясь при этом защищать интересы собственной страны так, как понимал их.

Мало того, я был совсем не одинок в своих попытках сорвать подписание, а потом и ратификацию договора СНВ-2. Многие противодействовали этому. Как, например, оценить позицию представителя министерства обороны, который, внешне агитируя за ратификацию, при этом назвал огромную цифру предполагаемых расходов? Он, что, не понимал, какой это эффект произведет на членов Думы?

С другой стороны, я все-таки был не депутат, а просто государственный служащий. А такой служащий должен делать то, что ему велит начальство. Если же он начинает проводить какую-то свою самостоятельную линию, тем более противоречащую политике президента, то такого служащего, конечно же, уволят, а может быть, и привлекут к ответственности. Если, конечно, хватит ума разоблачить. Это только разоруженческие договоры можно заключать, имея дефицит серого вещества в голове...

Глава 19. Химическое оружие

Конвенция

Как только Михаил Сергеевич Горбачев стал генеральным секретарем ЦК КПСС, так, случайно или нет, а только одновременно с этим событием по инициативе США активизировались переговоры по ликвидации советского ядерного и химического оружия. Наверное, все-таки это произошло не случайно, поскольку Горбачев своими последующими действиями четко обозначил себя как прожженный коллаборационист. Полагаю, что это ясно показано и доказано в моей книге о коллаборационистах.

Не успел распасться СССР, как враз как по волшебству указанные переговоры вошли в финальную стадию и материализовались в виде соответствующих международных соглашений. Конвенция о запрещении химического оружия была подписана Россией в начале 1993 года сразу после СНВ-2.

Конечно, указанная конвенция - это многостороннее соглашение, и создавалась она не один год, тем не менее, этот документ был явно ориентирован именно на СССР, а потом и на Россию. Дело в том, что к моменту, когда конвенция была открыта для подписания, лишь две страны официально объявили, что обладают химическим оружием: США и Советский Союз. Наверняка, и другие страны имели и продолжают иметь такое оружие, например, оно было в Сирии. Но только Соединенные Штаты и СССР тогда официально подтвердили, что у них действительно имеются вооружения подобного рода.

Что касается американцев, то там к моменту описываемых событий сложилась следующая ситуация: все сроки хранения этой "химии" уже вышли или подходили к концу, а потому в любом случае ее надо было уничтожать хоть по конвенции, хоть

без нее. Ведь американцы в свое время изготавливали свои химические боеприпасы как следует, аккуратно и экономично. "Экономично", значит, боеприпасы были тонкостенные, в результате отравляющего вещества в каждом из них было больше, чем в таких же советских, но с толстыми стенками. Однако время шло, и однажды наступил день, когда пришёл конец гарантийного срока хранения американского химического оружия. Ведь стенки бомб и снарядов были тонкие, а вещество то агрессивное! Они, конечно, сразу не "потекли", но опасность аварии существенно возросла. Что делать? Продлять гарантийные сроки хранения? А вдруг действительно случится беда? И, в конце концов, перед США замаячила следующая перспектива: они будут вынуждены уничтожить свое химическое оружие, а Советский Союз – нет. Получался дисбаланс, нарушение военного паритета. Вот и пришлось американцам придумывать конвенцию по уничтожению химического оружия. Горбачёв, понятное дело, не возражал. А пьяница Ельцин со своими либеральными советниками довершил дело, эту конвенцию подписав.

Если бы не конвенция, Россия, конечно же, не стала бы форсировать процесс уничтожения своей "химии". Боеприпасы надежные, с толстыми стенками, даже и не думают протекать. А какие выглядят сомнительно, вот те - немедленно на уничтожение! Так потихоньку, без спешки и ажиотажа, это оружие и было бы утилизировано, причем только в той мере, в какой это было необходимо. Что-то можно было и оставить. Но подписание конвенции создало атмосферу информационного и политического давления на Россию. Газеты и телевидение в ажиотаже просто захлебывались на тему о химических боеприпасах. Можно было подумать, что не сегодня, так завтра они точно все разом взорвутся и отравят всю территорию страны. В реальности, конечно же, никакой угрозы аварий даже близко не было. Все эти запасы хранились как надо, средства защиты надежные, персонал хорошо подготовленный.

Ратификация. Гарантии целостности

Подписать конвенцию мало, ее надо было еще и ратифицировать. Вопрос о ратификации всплыл уже после расстрела парламента и ельцинского государственного военного переворота. Конвенция была внесена на ратификацию во вновь избранную Думу в 1994 году. Похоже, ельцинская команда поначалу не сознавала, что депутаты могут помешать химическому разоружению, потому документы в парламент были внесены достаточно буднично. Мало того, представители президента сами предложили провести парламентские слушания, мол, там выступят специалисты, выскажут свое авторитетное мнение, ответят на все каверзные вопросы, и депутатам не останется ничего другого, как проголосовать за ратификацию.

По моим меркам, не было никакой нужды форсировать уничтожение "химии", и вот почему: такое оружие - штука, конечно, неизбирательная, оно, точно так же, как и ядерная бомба, убивает всех подряд, в том числе мирное население. Так что нет сомнений, что химическое оружие – негуманное и аморальное, как и ядерное. Но оно не просто средство ведения боя, его совсем не обязательно где-то применять, достаточно просто иметь. Сам факт его наличия создает для страны определенные преимущества. Это оружие превращается в фактор сдерживания. И не только сдерживания. Для России это также и фактор обеспечения целостности своей территории.

Что касается целостности, то на этом вопросе имеет смысл остановиться чуть подробнее. Как известно, после распада СССР американцы декларировали новые цели своей внешней политики в области безопасности. Была провозглашена борьба с терроризмом, а также с распространением оружия массового уничтожения. Эти цели были обозначены, в частности, в очередном послании американского президента Конгрессу. Противостояние с Россией уже считалось не слишком актуальным.

Российское химическое оружие частично оказалось предметом этой новой американской политики. Вдруг оно попадет в руки террористов? Конечно, российские склады охранялись вполне надежно, но все равно теоретически угроза, что оно попадет в плохие руки, оставалась.

Мало того, возник еще один вопрос: а вдруг Россия подобно СССР тоже развалится на отдельные куски? Какие это будут новые государства? А кто знает! Запросто могло случиться, что некоторые из них будут настроены антиамерикански, как КНДР или Иран, например. А что, если на территории таких государств вдруг окажется склад с "химией"? Для американцев такая перспектива представлялась крайне нежелательной. Конечно, не факт, что такое государство, даже если оно будет обладать ядерным и химическим оружием, тут же попытается нанести удар по Вашингтону или Нью-Йорку. Но и напасть на такую страну будет уже рискованно. "Буря в пустыне" уже не выйдет, запросто можно в ответ получить такой удар, что мало не покажется. А ведь Россия – это источник различного сырья, в частности углеводородов. Если хочешь получать нефть из России по дешевке, надо эту страну контролировать. Придется контролировать и мелкие государства, если Россия на них развалится. А как их контролировать, если нельзя разбомбить?

Вся эта логика означала, что, прежде чем делить Россию на отдельные куски, надо было предварительно очистить ее территорию от химического оружия. А ядерное оружие если и не уничтожить до конца, то по крайней мере заставить Россию хотя бы хранить его в каких-то строго ограниченных, определенных местах. Если же ядерные и химические боеприпасы были бы распределены по всей территории страны, то от подрывных планов по расчленению совершенно точно пришлось бы отказаться (кстати, и пришлось). Вот и получалось, что "негуманное" химическое оружие играло очень даже гуманную роль: оно являлось гарантией целостности России.

Итак, как мне тогда представлялось, наличие "химии" гарантировало России суверенитет и сильно ограничивало другие государства от попыток вмешательства в наши внутренние дела. Важный фактор? Еще какой важный! Однако противники химического оружия, которых было не так мало среди российских специалистов, напирали на то, что боеприпасы хранятся плохо, они сильно устарели, а значит, не сегодня, так завтра "потекут". Значит, могут быть человеческие жертвы.

Для чистоты наших рассуждений допустим на миг маловероятное: вдруг, вопреки всему, боеприпасы действительно в массовом порядке "потекли". Но разве это равноценные вопросы: обеспечение целостности страны и гипотетическая угроза отдельных относительно мелких аварий? Разговоры про то, что химический боеприпас "потечёт" - этот аргумент явно слабоват против перспективы распада страны. Значит, получалось, что спешить с уничтожением химического оружия было нельзя ни в каком варианте. Чем медленнее будет идти процесс, тем лучше для страны.

"Хитрые" слушания

Вот именно такие мысли и посещали тогда мою голову (я и до сих пор так считаю). Но рассуждать было мало, следовало разработать какой-то более или менее реальный план, чтобы действительно воспрепятствовать химическому разоружению. А что, если на парламентских слушаниях направить дискуссию в такое русло, чтобы убедить депутатов в необходимости не спешить с ратификацией? Значит, надо было организовать это мероприятие так, чтобы там могли выступить и противники химического разоружения. Но как? Можно ли было рассчитывать, что депутат, который будет вести слушания, даст выступить всем без ограничений? Таким ведущим, скорее всего, назначил бы сам себя все тот же Лукин, председатель Комитета по международным делам. А уж он, будучи большим мастером

манипуляций, запросто мог скомкать выступление противников ратификации и, наоборот, дать возможность хорошо выступить сторонникам уничтожения "химии". Нет, такой вариант представлялся мне скользким и ненадежным. Кроме того, кто будет выступать первым? Понятное дело, вперед вылезут представители президента и их дружки. Попросят разрешить им выступить подробно, без ограничений, и в результате на всех остальных просто не хватит времени.

Конечно, в регламенте Государственной думы вопрос о порядке проведения парламентских слушаний был достаточно подробно описан. Но не настолько подробно, чтобы нельзя было придумать вариант повлиять на их результаты. На самом деле, мне в свое время удалось принять самое активное участие в написании проекта этого регламента, а международный раздел был написан мной чуть ли не полностью. Так что мне лучше кого бы то ни было件нятно, что тут можно было сделать, а что – никак нельзя.

Прием, который был взят мной на вооружение, был прост и эффективен. Теоретически предполагалось, что депутаты приглашают кого-то на свои слушания, а те перед микрофоном озвучивают свои откровения. Все это записывается на магнитофон и стенографируется. Затем кто-то пишет черновик рекомендаций. Этот черновик обсуждают депутаты и своей депутатской волей что-то из проекта выкидывают, а что-то добавляют. Потом документ голосуется, и вот вам уже готовы рекомендации парламентских слушаний, которые можно рассылать в министерства, ведомства и даже самому президенту страны.

Собственно говоря, обычно так парламентские слушания в Государственной думе и проходят до сих пор. Но зачем идти по стандартной схеме и отдавать все на откуп случая, по воле которого кто-то сможет озвучить свое мнение, а кто-то нет? Мало ли кто тут еще чего наговорит! К тому же, как известно, и ораторы бывают разные. Кое-кто из них по части красноречия может сто очков вперед дать некоторым профессионалам.

В общем, моя схема предполагала исключение случайного фактора в лице приглашенных специалистов - химиков и даже самих депутатов. Технически это выглядело следующим образом: в письмах-приглашениях было написано, что Дума предлагает соответствующему товарищу принять участие в слушаниях на тему о химическом разоружении. Но к этой стандартной фразе был дописан еще дополнительный текст, где предлагалось в порядке подготовки к слушаниям в письменном виде ответить на некоторые вопросы, например такие: играет ли химическое оружие роль сдерживания, подобно ядерному? Насколько велика опасность аварий на российских складах химического оружия? Существуют ли отечественные технологии уничтожения химического оружия, и чем они лучше или хуже иностранных?

Были там и другие, более детальные вопросы. Как я не без оснований полагал, Лукин плохо знал тему химического разоружения и не мог предвидеть, какие именно ответы будут получены (если бы понимал, то не подписал бы указанные письма-запросы ни за какие деньги!). В общем, мне оставалось выбрать момент, когда Владимир Петрович будет в благодушном настроении, и подсунуть ему зловердные письма на подпись.

- А зачем нужны такие вопросы? Это не противоречит регламенту Государственной думы?— Лукин грозно сдвинул брови и впился в меня своими глазищами, увеличенными раза в два стеклами его немислимых очков.

- Владимир Петрович! Можно, конечно, и без вопросов. Но потом будет труднее готовить рекомендации. Кто-то не успеет выступить на слушаниях, кто-то скомкает свое выступление. А потом у нас с вами будет свара на заседании комитета. Депутаты будут спорить из-за каждой фразы, будут доказывать свое. Нужен ли нам с вами такой балаган? А так у нас будут формальные ответы. Депутаты полезут со своими идеями, а мы им сунем в лицо официальное мнение специалистов, к тому же в письменной форме.

Лицо Лукина смягчилось. Он, видимо, представил себе, как спорят и ругаются депутаты, как лезут друг на друга чуть ли не с кулаками. А ведь ему придется принимать чью-то сторону! А тут можно будет передать слово этому несносному Трофимову. Тот вытащит все эти письма, полученные из министерств и ведомств, и погасит свару.

И Лукин, решив не напрягать свою голову дальнейшими рассуждениями на тему о химическом разоружении, размашисто поставил свою подпись под письмом. Потом покряхтел и минут за пять подписал всю пачку писем. Моя роль при этом сводилась к тому, чтобы быстро подкладывать ему очередное еще неподписанное письмо.

- Владимир Николаевич, уж очень много писем на подпись! Давайте на будущее сделаем так: вы готовьте одно письмо без адреса, и вот именно его я и подписываю. А вы потом его размножаете и сами подпечатываете сверху все адреса. А то так руку можно отмотать, подписывая всю эту кучу!

Выдав эту замечательную идею, Лукин тут же засобирался. Кажется, его ждал немецкий посол. Никаких проблем между Германией и Россией Владимир Петрович, понятное дело, решать не собирался. Просто хотелось посидеть в ресторане, поболтать, хорошо выпить и плотно закусить за чужой счет, при этом немного насладиться видом немецкого посла, который заискивающе что-то просит. Заодно можно поразглагольствовать перед немцем на тему международной политики.

Мы с Лукиным через минуту разбежались в разные стороны, Лукин – к немцу на попойку, а я – в свой кабинет, пытаться повлиять на судьбу химического разоружения Российской Федерации. Конечно, выпить и закусить - дело приятное. Но подчас возиться с бумажками тоже не менее приятно, хотя это достаточно специфичное удовольствие. Впрочем, каждому свое.

Технологии

Ответы из министерств и ведомств пришли примерно те, которые и ожидалось. Никакой угрозы крупных аварий не было и в помине, то есть устраивать какие-то гонки с уничтожением химического оружия было совершенно ни к чему. При этом некоторые российские технологии уничтожения были намного дешевле западных и не менее безопасны. Имелось и соответствующее оборудование для таких работ. Мало того, отдельные варианты уничтожения были просто гениальны. Например, хранится где-то на складе огромная цистерна с отравляющим веществом. В нее добавляется очень хитрый химикат, играющий роль катализатора, и через несколько месяцев отравляющее вещество в цистерне теряет токсичные свойства и к тому же превращается в монолит, похожий на бетон. Лизать его языком, конечно, не надо, но разбить на куски и вывезти куда-нибудь подальше или просто закопать можно запросто. Для этого уже не нужно ни специального оборудования, ни защитных костюмов, потому как этот монолит вообще больше не является отравляющим веществом. Он уже не опаснее стирального порошка.

На самом деле, такой универсальной технологии уничтожения, которая была бы очевидно самой выгодной, вообще не существовало. А были разные технологии. Американцы предлагали использовать в России так называемую одностадийную технологию. То есть химическое оружие уничтожалось в результате одной единственной операции – сжигания. Технология эта была не идеальная: если сжигать неаккуратно, существует угроза неполного сгорания и, соответственно, заражения. А если аккуратно, то будет слишком дорого. Почему американцы предлагали именно сжигать, было понятно: они свое химическое оружие именно сжигали. Оборудование у них осталось, и без России его надо было просто отнести на свалку. Но практичные американцы захотели

заработать на простодушных россиянах, потому и агитировали за свои методы уничтожения.

Существовала еще и двустадийная технология, например, уже описанный выше способ: добавить в отравляющее вещество катализатор, а потом через некоторое время, когда оно утратит токсичность, переработать. Конечно же, сторонники сжигания как могли, критиковали эту технологию. В основном они напирали на то, что бывшее отравляющее вещество будет вызывать у людей опасения: вдруг что-то там не потеряло токсичность?

Любопытно, что в тот момент в России нашлись сторонники ядерного взрыва. Это был технологически очень простой вариант: вывезти куда-нибудь подальше, например, на Новую Землю, все запасы отравляющего вещества. Собрать там его в одну кучу в какой-нибудь глубокой шахте, а потом взорвать с помощью ядерного боеприпаса. В результате все химическое оружие вмиг превратилось бы в раскаленную плазму, которая, остыв, уже никакой опасности не представляла.

Конечно, и тут критиков было сколько угодно. Во-первых, опасно перевозить такие огромные запасы химического оружия на столь большие расстояния. А вдруг судно с ними утонет? А вдруг вагон сойдет с рельс? Кроме того, нехорошо проводить ядерные взрывы, мировая общественность будет волноваться.

Не было ясности и с тем, какое именно российское ведомство будет уничтожать "химию" – министерство обороны или специально созданная для этого структура. Поскольку речь шла о выделении довольно значительных средств, борьба мнений была особо яростная.

Мне было хорошо понятно, что прямо выступать против уничтожения химического оружия было нельзя. Американцы уже успели раскрутить в российских СМИ кампанию за химическое разоружение, потому и общественность, и многие депутаты были настроены решительно. К тому же локомотивом процесса уничтожения выступала администрация президента. Нет, противостояние в лоб было явно неперспективным!

Поэтому мне пришлось действовать иначе: сравнить между собой сторонников разных вариантов и технологий. С каждой стороны лоббисты были довольно-таки мощные. А речь шла о выделении очень значительных денег. Поэтому схватка между ними предстояла нешуточная, и она явно заняла бы значительное время.

Конечно, теоретически, я мог поступить следующим образом: по результатам слушаний порекомендовать наиболее дешевые и практичные варианты. Частично уступить американцам и дать им возможность применить в России сжигание, но не забывать и про использование российской двустадийной технологии с катализаторами. При этом сказать твердое "нет" сторонникам ядерного оружия и предложить уполномочить на уничтожение именно министерство обороны, ведь химические войска подчинялись именно ему, там были и технологии, и подготовленные кадры. Можно было также предложить перерабатывать отравляющие вещества, содержащие мышьяк, на коммерческой основе. Ведь мышьяк можно было продавать на международных рынках и зарабатывать на этом деньги, оправдывая расходы на уничтожение химоружия. Но если бы я пошел по такому пути, все российские запасы "химии" были бы быстро уничтожены. А это в мои планы совсем не входило.

Конечно, мне пришлось посидеть и хорошо поломать голову, как построить рекомендации так, чтобы они не вызвали отторжения и одновременно создавали нерешенные вопросы, которые пришлось бы распутывать долгие годы. Однако, в конце концов, текст получился. Что-то в нем было из министерских ответов на вопросы, что-то было использовано из стенограммы самих слушаний. А что-то мне пришлось сочинить самому.

Разделить на две части

Но сравнить сторонников разных подходов - мало, надо было еще как-то снять и информационное давление, раскрученное с

помощью американцев. Мне пришла в голову следующая идея: разделить все запасы российского химического оружия на две части. Первая часть, это давно изготовленные отравляющие вещества, которые хранились в больших емкостях. Их было около семи тысяч тонн, то есть менее четверти от общего количества. Теоретически именно они и могли "потечь". Их можно было уничтожить в первую очередь. А все остальные химические боеприпасы были поновее и могли лежать на складах неопределенно долгое время. Их можно было пока не трогать, а тем временем определиться с технологиями и головными ведомствами.

Такое разделение "химикатов" на две части позволяло не только снять информационное давление. В результате часть специалистов-химиков оказывалась как бы при деле, у них появлялась пусть хоть какая-то, но практическая работа. Однако самым важным было то, что теперь не было нужды немедленно ратифицировать химическую конвенцию. Которая, кстати сказать, предусматривала уничтожение всего химического оружия без деления на какие бы то ни было части и без каких-либо неопределенных отсрочек и проволочек. Отсрочка ратификации была самой важной целью, которой на том этапе я добивался.

Однако затея с разделением химического оружия на две части вдруг наткнулась на сопротивление. Лукин отдал подготовленный мной проект рекомендаций парламентских слушаний "на доработку" Вячеславу Алексеевичу Никонову, депутату и члену Комитета по международным делам. Почему Лукин так сделал, он пояснять не стал. Не исключено, что не хотел "светиться" со своей политической позицией, ведь в таком случае даже невооруженным глазом было бы видно, чьи интересы он на самом деле защищает, российские или американские. А скорее всего, Никонов, понимая важность вопроса и не доверяя Лукину - любителю приятного времяпрепровождения, сам попросил отдать ему проект документа.

Как бы там ни было, а только Вячеслав быстро понял смысл моей затеи и ее негативные для США последствия. Он не стал придираться к остальным частям рекомендаций, но поставил жесткое условие: никакого деления химического оружия на старое и новое! Такая позиция означала, что процесс уничтожения касался всех видов химического оружия без каких-либо отсрочек. Собственно говоря, именно этого американцы и добивались.

Казалось бы, ситуация сложилась абсолютно безвыходная, но она в конце концов разрешилась самым необычным образом. Я нашел удобный момент, заявился к Славе в кабинет и затеял довольно-таки двусмысленную беседу. Мое предложение сводилось к следующему: Никонов уступает по вопросу о разделении химического оружия, а я в свою очередь беру на себя джентльменское обязательство уступить ему по какому-нибудь другому вопросу, который тот сочтет для себя важным. Как я и рассчитывал, такой подход Вячеславу понравился. Он с интересом выслушал мою речь, улыбнулся, помолчал и, наконец, произнес только одно слово: "Хорошо". На что именно он собирался меняться со мной, было неизвестно. Но само такое согласие явно означало, что Вячеслав Алексеевич не исключал возможность какого-то размена.

*Разведчики обмениваются опытом.
"Вилтон Парк"*

Согласитесь, внешне моя затея предложить размен выглядела совсем нелепо. Какой-то непонятный сотрудник аппарата заявляется аж к самому депутату и известному политику и предлагает какие-то там "размены". Этот сотрудник что, не в своем уме?

Тут для того чтобы понять логику моего поступка, надо сделать небольшое отступление. Понятно, что обычно политики, дипломаты, разведчики защищают интересы именно своего

государства и ни на какие сговоры с другой стороной не идут. Но это не всегда так. Иногда между этими людьми, обычно стоящими по разную сторону идеологических баррикад, все-таки складываются более или менее доверительные и неформальные отношения. Иногда речь идет о взаимных обязательствах, а иногда – это обмен опытом или просто приятное времяпровождение.

Хорошо это или плохо? Во время Великой Отечественной войны попытки брататься с немцами карались очень просто – расстрел. В мирное время порядки, конечно, не такие жесткие. Но в любом случае, надо полагать, высшее руководство далеко не всегда склонно одобрять подобные доверительные контакты. Однако не исключено, что работники низшего звена, которые время от времени позволяют себе неформальное общение через линию фронта, не очень-то об этом наверх и докладывают.

Есть в Великобритании такое местечко под названием "Вилтон Парк". Это старинный замок в предместьях Лондона. Формально он относится к британской дипломатической службе, но не исключено, что на самом деле мероприятия там организованы вовсе даже не дипломатами, а спецслужбами. Если быть точным, то "Вилтон Парк" - это название агентства, которое управляет замком. Сам замок называют по-разному. Но для целостности изложения будем дальше оперировать только термином "Вилтон Парк".

Один из видов использования замка это проведение встреч и обмен мнениями с представителями других стран. При этом англичане сразу предупреждают, что все, что там будет сказано кем бы то ни было, никогда не будет опубликовано или иным образом использовано в публичном обороте. То есть англичане пытаются изначально создать там достаточно доверительную обстановку обмена мнениями.

Но пообещать ничего не публиковать и не рассказывать – мало. Поэтому для того, чтобы побудить приглашенных гостей к откровенности, британцы приглашают туда и своих людей. И те достаточно правдиво рассказывают, как именно они работают на

территории другого государства, как добывают информацию или обеспечивают продвижение своих интересов. Конечно, они при этом не выдают серьезных государственных секретов, но, тем не менее, кое-что интересное все-таки выкладывают.

Понятное дело, что все это мероприятие длится несколько дней и сопровождается обжорством и обильным пьянством. В результате между приглашенными гостями и хозяевами действительно нередко получается честный и доверительный обмен мнениями. Кто из этого извлекает больше пользы, трудно сказать. Возможно, британцы. Но и гости тоже могут там почерпнуть что-то полезное, если хватает на это ума.

Однажды британцы пригласили и меня посетить это интересное место. Повестка дня формально была самая обычная: политическая ситуация в России, привлечение новых инвестиций, развитие демократии, деятельность Думы, сотрудничество с НАТО. Центральным считался, однако, вопрос коррупции в российском обществе. По каждому пункту были и свои докладчики, согласованные заранее. После доклада предполагалось, что гости примут участие в обсуждении, где и выскажут свое откровенное мнение по тому или иному вопросу.

Поездка из Лондона до "Вилтон Парка" заняла какое-то время. Аккуратная, но узкая асфальтовая дорога все вилась и вилась по местности сквозь поля и поселки. Наконец впереди показалось свободное пространство. Оно выглядело бесконечным до самого горизонта. На самом деле это был оптический обман: поле, покрытое стриженной зеленой травкой, к середине становилось чуть выше. В результате казалось, что в верхней точке была видна линия горизонта.

В общем, это был даже не холм, а скорее взгорок. А на самой вершине красовался замок, который выглядел достаточно древним. Серый цвет камней, явно старинная архитектура, башни, стрельчатые окна. Мы подъехали поближе. Да, это был самый настоящий средневековый замок.

Мы, группа приглашенных иностранцев, зашли внутрь. Без сомнения замок был выстроен давно, но какое-то время назад

частично переоборудован. В результате некоторые комнаты выглядели вполне современно, однако в целом внутренняя обстановка была оставлена без изменений и создавала необычайный средневековый колорит. Центральной достопримечательностью несомненно был огромный внутренний зал. Сводчатый потолок было трудно разглядеть, для этого надо было запрокинуть голову. Впрочем, детали все равно оставались неразличимыми, их скрывал полумрак, который не могли разогнать даже современные лампы, которые горели внизу.

Видимо, именно в таких залах средневековые обитатели подобных замков устраивали шумные трапезы. Нынешние хозяева решили не отступать от старинных традиций. В зале во всю его длину ровно посередине стоял огромный стол под старину. Конечно, трудно было полностью выдержать стиль средневековья: стол был застелен вполне современной белоснежной скатертью и заставлен современной же посудой, что, однако, не сильно смазывало общий древний колорит.

Вдоль одной из стен расположились повара и официанты. Часть блюд была приготовлена заранее, но мясо и кое-что из овощей жарилось тут же, на открытом огне или на гриле. Понятно, что аромат, который они издавали, мог смутить душу даже самого изысканного гурмана.

Гости расселись за столом, а проворные слуги тут же наполнили бокалы отличным сухим вином. Представитель британцев произнес приличествующую случаю вступительную речь. Ему поаплодировали, чокнулись и опрокинули по первой. Тут же на столе появились салаты и закуски. Гости расслабились, весело заговорили. Кто-то рассказывал, что уже бывал в подобных местах. Другие просто восхищались стариной. Нашлись и остряки. Впрочем, насмешки над британскими порядками общей атмосферы не испортили.

Вскоре салаты закончились, их сменили мясные и рыбные блюда. Кто мог, тот выступал с локальными тостами. Вино, что называется, лилось рекой, и вскоре все участники этой огромной

средневековой трапезы захмелели, лица покраснели. Вилки и ножи стучали по тарелкам, мясо запивалось вином, все это чередовалось с приятной беседой, которая становилась все более и более громкой и непринужденной. Это было верным признаком, что гости уже порядком поднабрались спиртного и дошли до соответствующей кондиции.

Впрочем, до падений в пьяном виде лицом в тарелку или под стол дело не дошло. В какой-то момент хозяева вдруг провозгласили завершающий тост. Тут же набежали официанты и убрали все со стола. Гости разбрелись по углам огромного зала. Все завершилось чашкой хорошего кофе.

Как выяснилось, далеко не все из приглашенных должны были расселиться по комнатам замка. Собственно говоря, таких комнат было совсем немного. Вида они были довольно мрачного, низкие нависающие потолки, серые безрадостные стены. Да и сами комнаты, скорее, походили на какие-то небольшие кельи. Неужели те, кто строил эти замки, не могли предусмотреть для себя более просторные помещения? В общем, часть участников этого гулянья уехала в современную комфортабельную гостиницу и славно провела там ночь. А вот те, кто остался в замке, наутро высказывали недовольство отсутствием должного комфорта. Зато какое погружение в атмосферу средних веков!

На следующее утро начались заседания. Послушать доклады о коррупции в российском обществе было интересно. Конечно, мне и самому было много чего известно на эту тему, может быть, даже такое, что не знали и сами организаторы мероприятия. Но тут любопытнее было послушать других, чем самому лезть в выступающие. Впрочем, даже если бы мне и захотелось, то все равно вряд ли получилось бы отсидеться и отмолчаться. Дискуссия завязалась довольно оживленная и интересная, и, в конце концов, она приняла такую форму, что промолчать было просто невозможно.

Один из докладов был особо примечательным. Британцы смогли уговорить одного из своих бизнесменов, который

успешно работал на российском рынке, рассказать, как именно это ему удавалось. Ведь обычно от иностранных инвесторов можно услышать только жалобы на то, что вкладывать деньги в российскую экономику трудно, что тут кругом косность чиновников, нечестность партнеров по бизнесу, отсутствие юридических гарантий, непонятные законы и несправедливые суды. И вдруг появляется британский предприниматель, который говорит, что его на российском рынке все вполне устраивает, и он очень даже доволен царящей там обстановкой.

Бизнесмен честно рассказал, как именно он, а также некоторые его коллеги действовали и продолжают действовать на российской территории. Схема была простой и одновременно, как говорится, гениальной. Пытаясь зайти на рынок, бизнесмен в первую очередь старался наладить неформальный контакт с кем-нибудь из российских чиновников, который имел хоть отдаленное отношение к его роду деятельности. В данном случае речь шла о нефтепродуктах. На налаживание такого контакта выделялись хорошие деньги. При этом было, в общем, неважно, был ли чиновник высокопоставленным, или занимал какую-то младшую должность.

Как только контакт был установлен, от чиновника просили оказать услугу. Нет, от него не требовали продавать государственные интересы, не просили оказывать протекцию при заключении контракта. Ему не предлагали закрыть глаза на какое-либо нарушение. Короче, к нему не лезли с просьбами, с которыми обычно обращались российские деятели от бизнеса. Его просили только об одном: познакомить с вышестоящим начальником и помочь наладить с ним неформальные отношения.

Вот за эту услугу британец не жалел ни денег, ни подарков. И просил, подчеркнем, только одного: вывести на начальника. Никаких других услуг или протекций британцу нужно не было.

Надо отметить, что такая просьба вряд ли носила криминальный характер. Не носили криминального характера и

деньги, которые уплачивались за эту услугу. Ведь для того, чтобы считать эти деньги взяткой, надо было доказать, что оказанная услуга входила в служебные полномочия соответствующего чиновника. Но тут можно с уверенностью утверждать, что вряд ли хоть какие должностные инструкции предусматривали обязанность знакомить иностранцев с собственным начальником. То есть такая услуга формально не тянула на взятку и тюрьму. Злоупотребление служебным положением? Тоже вряд ли. По сути, речь шла о неформальных отношениях с иностранцем за деньги. Все это выглядело в лучшем случае как нарушение служебной этики.

Как только британский бизнесмен налаживал контакт с вышестоящим начальником, он повторял всю схему с самого начала: просил познакомить его с еще более высоким руководством. И опять не жалел на это никаких подарков и денег. Учитывая, что его бизнес имел отношение к нефти, денег, как правило, хватало на то, чтобы сбить с панталыку любого российского чиновника.

Наконец в результате многократного повторения этой операции британцу удалось выйти на очень высокого начальника. Критерием достаточности служило то, мог ли он помочь разобраться с любыми силовыми структурами и правоохранительными органами, или нет. Если мог, то дальше бизнесмен уже не напрягался, а сосредоточивал все усилия именно на этом человеке. Его опять-таки задаривали и заваливали деньгами почти без ограничений. Но просьбы к нему были уже иными.

Дело в том, что, действительно, иностранцам на российском рынке было совсем не просто обосноваться и закрепиться. Многие хотели заработать на них, и налоговики, и милиционеры, и пожарники, и представители местных органов власти. И каждый пытался тем или иным способом "наехать" на иностранного бизнесмена, создать ему какие-нибудь препятствия. Если "наезд" получался удачным, можно было рассчитывать, что иностранец будет щедро откупаться.

Но наш британец и не думал откупаться ото всех этих любителей легкой поживы. Он вообще не вступал с ними ни в какие контакты и разговоры. Однако если случался "наезд", бизнесмен снимал трубку телефона и звонил тому самому высокому чиновнику, на которого вышел по цепочке нижестоящих начальников. И просил оградить его от "наезда". Тот в свою очередь тоже снимал трубку телефона, произносил несколько грозных слов. И на этом незадачливые организаторы "наезда" убирались восвояси, поджав хвост.

У меня эта история вызвала, наверное, даже восхищение: на словах иностранные инвесторы жаловались на все и вся в России, а на самом деле, как выяснялось, были очень даже довольны российскими порядками - просто апофеоз двойных стандартов. Сказать честно, в конце концов, выступил и я и как опытный чиновник и юрист, дал некоторые полезные советы по затронутой теме.

В конечном итоге британцы не ограничились общими словами, а рассказали много чего интересного про Виктора Черномырдина, а также и.о. генпрокурора Скуратова. Из этих рассказов ясно следовало, что обе эти персоны в той или иной форме, но проявляли благосклонность к представителям Туманного Альбиона. Оставалось только поражаться осведомленности британцев. Ведь кое-что про этих российских руководителей было известно и мне. И можно было смело констатировать: совпадение информации было полным, хозяева старинного замка не врали. Может, все это рассказывалось для того, чтобы склонить таких гостей, как я, к сотрудничеству, завербовать их? Мол, даже ваши высокие начальники не гнушаются с нами сотрудничать. Может, и вы попробуете? Может, и так, но лично мне никаких таких предложений не поступало. Возможно, моя персона числилась как неперспективная для вербовки: слишком "твердолобый" и "негибкий".

Вся эта история с "Вилтон Парком" рассказана, как понимает читатель, для того, чтобы объяснить логику моего предложения

на размен с Никоновым. И логику его рассуждений, когда он согласился на такой размен.

Рекомендации

Однако оставим старинные замки и вернемся к рассказу о моих попытках затормозить химическое разоружение России. Все мои усилия и маневры вокруг проекта рекомендаций, а также переговоры с Лукиным и Никоновым, в конце концов, не пропали зря. Конечно же, на заседании Комитета по международным делам сторонники разных подходов схлестнулись между собой еще круче, чем на слушаниях. Но в результате всех обсуждений депутаты пришли к выводу, что предложенный мной компромиссный вариант – самый подходящий. Кое-что по мелочи, конечно, поправили, но идеологию проекта поддержали и оправили в правительство. Пусть выполняют рекомендации парламента! Ратификацию отложили. Что было просто замечательно!

Самое удивительное, что в правительстве ухватились за рекомендации как за спасательный круг и действительно стали действовать в их духе. Работа закипела. Споры разгорались и затухали, сторонники и противники разных подходов ругались до хрипоты. Ведь теоретически речь шла о больших деньгах. О валюте! А время-то все шло и шло...

Мирзаянов

Было, однако, понятно, что мне не следует ограничиваться одними лишь рекомендациями парламентских слушаний. В то время в российских СМИ за уничтожение химического оружия очень активно выступал некто Вил Султанович Мирзаянов. Ему легко предоставляли телевизионный эфир, а уж про газеты и говорить было нечего. Грубо говоря, информационное давление

на Россию во многом строилось именно вокруг этой авторитетной фигуры.

В общем, явно стоило внимательнее приглядеться к этому деятелю, кстати, достаточно известному ученому. В конечном итоге я пришел к выводу, что на самом деле Вил Мирзаянов был вполне искренней личностью и действительно верил, что интересам России соответствует немедленное уничтожение всех запасов химического оружия. Похоже, его западные покровители использовали известного ученого, что называется, "в темную", не вербуя открыто, но злоупотребляя его простодушием и доверчивостью. Но все это означало, что Мирзаянов был, что называется, небезнадежен, и то, что удалось иностранцам, могло получиться и у меня. Иными словами, разговор по душам мог принести определенный результат. В конце концов мне удалось подловить момент, когда указанный персонаж лично заявился в Думу.

- Вил Султанович, меня зовут Владимир Николаевич, я работаю в Думе, отвечаю за химическое разоружение. Вы не найдете немного времени, чтобы со мной поговорить?

Мирзаянов уставился на меня. Какое-то время он молчал, видимо, решая, заслуживаю я его внимания или нет. Было, однако, понятно, что поскольку я находился в стенах Государственной думы, следовательно, был фигурой не случайной. Наконец он счел, что я стою того, чтобы потратить на меня часть своего драгоценного времени, и кивнул в знак согласия.

- Только мне надо сейчас закончить здесь, – тут известный химик жестом руки обозначил, что мероприятие еще не до конца завершилось (это был небольшой круглый стол на тему химического разоружения). – Минут пять подождете?

Можно было подождать даже не пять, а все двадцать пять минут, дело того стоило. Я отошел в сторонку и стал незаметно разглядывать объект своих посягательств. А тот о чем-то довольно оживленно беседовал с участниками мероприятия, вышедшими, как и он, из помещения. По виду Вил Султанович был старше меня лет на двадцать, при этом выглядел очень презентабельно: костюм с иголочки светло-бежевого цвета, исключительно модный бордовый галстук со светлыми пятнами. Большие овальные очки добавляли в облик Мирзаянова что-то современно американское. Да и весь он просто светился, эдакий успешный то ли бизнесмен, то ли политик.

- Так вы хотели со мной поговорить? О чем пойдет речь?

- Вил Султанович, речь пойдет о химическом разоружении. Я – руководитель аппарата Комитета по международным делам, доктор юридических наук. Именно в нашем комитете решается вопрос, когда и в каком виде выносить конвенцию на ратификацию. Мне бы очень хотелось уточнить у вас кое-какие детали, ведь вы – ведущий специалист в этой области.

Услышав эти слова, Мирзаянов согласно закивал головой. Он был согласен с тем, что его считают ведущим специалистом. Одновременно он стал еще внимательнее меня разглядывать.

Что тут еще за доктор наук такой выискался, который без ведома Мирзаянова собирается повлиять на ратификацию важной конвенции?

- Можно, конечно, пройти ко мне в кабинет. Но, может быть, проще зайти в буфет? Мне кажется, что так будет удобнее, – я взмахнул рукой в сторону лестницы, которая вела вниз. Мой визави возражать не стал и, следуя моему жесту, двинулся в означенном направлении. Мне оставалось последовать за ним, время от времени немного его обгоняя и предупредительно указывая рукой, куда нужно сейчас повернуть и пройти. В конце концов мы спустились в буфет, который находился даже не на первом этаже, а, по сути, в подвале здания. Устроен буфет был своеобразно, он располагался во всю длину бесконечного коридора, в торце которого и была лестница, спускавшаяся с первого этажа. Вдоль стены находился один длинный прилавок со стеклянной выпуклой витриной, за которой на расстоянии в несколько метров друг от друга стояли и обслуживали посетителей чуть ли не десяток буфетчиц. Напротив прилавка вдоль другой стены были расставлены круглые столики. Именно за ними посетители и поглощали свои булочки, запивая их кофе и чаем и по случаю развлекая себя приятной беседой.

Конечно же, в мои планы вовсе не входило вести беседу за этими столиками. Стоя обсуждать такие вопросы? Никогда! В результате моих усилий удалось "зарулить" ученого-химика под лестницу, где в небольшой нише располагался журнальный столик, окруженный мягкими креслами. Тут обычно сидели либо депутаты, либо журналисты, аккредитованные при Думе. Но в этот час, как я и рассчитывал, кресла были свободны.

Мирзаянов расселся в кресле, а я отлучился на минуту, купил ему чашку кофе, и, в конце концов, тоже удобно расположился за столиком, готовясь начать душевную беседу.

- Так о чем вы хотели со мной поговорить?– еще раз спросил Мирзаянов, взяв кофе и слегка его прихлебнув.

- Вил Султанович! Я, конечно, не депутат. Но депутаты считаются с моим мнением. Во всяком случае, до сих пор считались. Я хочу вам изложить это самое мое мнение. Оно не во всем совпадает с вашей позицией. И давайте обсудим спорные моменты. Может быть, нам с вами сейчас удастся сблизить наши подходы. В таком случае я буду рекомендовать депутатам нечто иное, нежели я рекомендовал до сих пор.

Мирзаянов сидел, откинувшись на спинку кресла и внимательно слушал, но по его взгляду было видно, что он готовится дать отпор любым поползновениям его переубедить.

- Я полагаю,- продолжил свою речь я,- что ратификация конвенции влечет для России самые разные последствия. Нет сомнений, что химическое оружие надо уничтожать. Часть этого оружия безнадежна устарела. Никто и никогда не будет его использовать в боевых действиях. Это оружие может создать только одно последствие: оно может "потечь" и отравить неизвестно какое количество наших с вами сограждан. Чем быстрее будет уничтожено это оружие, тем больше будет пользы всем: и государству, и нашему населению.

Тут Мирзаянов согласно кивнул головой и, как показалось, уже с интересом глянул на меня. Получалось, что я даже и не особо стремился его переубеждать, а и сам понимал, что химическое оружие - это зло и плохое наследие прошлого, которое было создано неразумными советскими руководителями, и которое надо уничтожить, причем, чем быстрее, тем лучше. Для меня не осталась незамеченной эта незначительная перемена в настроении собеседника, оставалось продолжить речь, придавая голосу максимально проникновенный характер.

- Остальное химическое оружие тоже надо уничтожать, тут нет никаких сомнений. Но в этом вопросе есть некоторые нюансы. Американцы нам, что называется, "впаривают" свои технологии и методы уничтожения - в основном путем сжигания. Но у нас тоже есть очень грамотные специалисты в этой области...

Тут я сделал небольшую паузу и со значением глянул на своего собеседника, как бы всемерно намекая именно на него. Тот не стал спорить и даже немного приосанился, насколько это позволяла его поза в кресле.

- Эти наши специалисты, – продолжил я, – предлагают свои технологии. И это очень интересные технологии. Уничтожить химоружие будет проще и быстрее. Американцы пусть дают деньги на уничтожение, тут никто не спорит. Как говорится, дают – бери, а бьют – беги! Но мы на эти деньги сделаем всю работу по уничтожению еще лучше.

Тут Мирзаянов не выдержал, перебил меня и стал самым подробным образом рассказывать про российских специалистов-химиков и их изобретения. Наверное, при этом он старался упоминать в первую очередь своих друзей и придуманные ими технологии. Я его не прерывал, а даже полез в карман, вытащил предусмотрительно запасенный заранее блокнот и стал записывать фамилии и краткое содержание этих изобретений. Известный ученый, увидев, что его слова записывают, продолжил свою речь с еще большим пылом. Когда он исчерпал свое красноречие, я продолжил агитацию.

- Несомненно, что от химического оружия надо избавляться. Это людоедский реликт, придуманный какими-то нелюдьми.

Мирзаянов уже даже не кивал, и так было понятно, что он согласен с каждым моим словом. Он просто покачивал головой в такт моим словам. Выражение его глаз потеряло напряженный оттенок. Похоже, под мое воркование химик погружался в какие-то свои дремы.

Однако пора уже было переходить к внедрению в неразумную Мирзаяновскую голову каких-то более конструктивных идей, нежели имевшиеся там отдельные слова и словосочетания: "уничтожить", "немедленно уничтожить", "полностью уничтожить". Я еще раз незаметно, но внимательно глянул на собеседника. Пора или еще рано?

- Вил Султанович! С химическим разоружением связан еще один политический вопрос. Мы его тут учитываем, когда

решаем вопрос о ратификации. Интересно было бы услышать и ваше мнение,— тут я слегка помедлил, а Мирзаянов вдруг встрепенулся.

Он почувствовал, что сейчас получит возможность еще раз выступить. Аудитория была маленькая, всего в лице одного сотрудника Думы. Но ведь этот Трофимов утверждает, что дает советы неразумным депутатам! Значит, выступление перед ним тоже имеет смысл!

- Вы же понимаете, страна сейчас переживает не лучшие времена,— с выражением сказал я.— Только что распался СССР, экономическое и политическое положение сложное. Как бы от России не откололись еще какие куски! Со всех сторон лезут всякие экстремисты, так и норовят расшатать единство страны. Один из факторов, который сдерживает такие поползновения - это ядерное оружие. Пока оно есть в запасе, сюда не очень-то лезут сепаратисты из-за рубежа. Химическое оружие, это, конечно, не ядерное. Но и оно тоже обладает какими-то свойствами сдерживания.

Я замолчал и посмотрел на Мирзаянова. Тот просто хлопал ресницами, не зная, что сказать. Не будешь же спорить, что ядерное оружие сдерживает внешнего агрессора. Не будешь также утверждать, что если разделить Россию на куски, то все заживут хорошо и счастливо.

- Я вам еще вот что скажу,— тут мне пришлось сделать особо многозначительную паузу.— Химическое оружие надо обязательно и полностью уничтожить. Но перед этим надо чуть-чуть подождать. Ведь пока оно лежит на складах, другие государства не спешат засылать сюда экстремистов и сепаратистов. Вдруг эти химикаты попадут им в руки?! Поэтому химоружие пока играет и еще одну важную роль: сдерживает другие страны в их желании раздробить Россию на мелкие куски.

Дальше оставалось подробно развить этот свой тезис, при этом не забыть упомянуть дискуссию в Конгрессе США, а также некоторые высказывания европейских политиков. Потом сама

собой всплыла тема Чечни и Северного Кавказа, а также Уральской республики. В общем, на тему сепаратизма можно было много чего сказать с целью подкрепить идею не спешить с химическим разоружением. Наконец мое красноречие стало иссякать, Мирзаянов почувствовал это и решил как-то отреагировать.

- Владимир Николаевич! Мне трудно рассуждать на такие темы! Ведь я всего лишь ученый-химик. Я далек от таких тонкостей внешней политики. Я вижу проблемы с химическими боеприпасами, поэтому и выступаю за их уничтожение. А какая-то там политическая роль ядерного и химического оружия – мне все это не очень понятно. Наверное, в чем-то вы правы, тут мне с вами спорить сложно.

Дальше Мирзаянов разразился длинным выступлением на тему, какое у России имеется химическое оружие, где оно хранится, как его надо перевозить и как уничтожать. Мне оставалось слушать, не перебивая и всячески демонстрируя интерес и внимание, хотя все это мне было известно, пожалуй, не хуже моего визави. Но важно было сохранить доверительную атмосферу и сложившийся личный контакт. Кто знает, может, в результате всей этой буфетной пропаганды Мирзаянов где-то будет выступать чуть более сдержанно.

Если бы мой собеседник был записным агентом ЦРУ, вся эта агитация была бы точно бесполезна. Но я чувствовал, что известный ученый был, скорее, игрушкой в руках иностранцев, нежели осознанным агентом. Он жил в своем иллюзорном мире химических дел и был счастлив, когда его слушали, куда-то приглашали, а тем более, когда давали какие-то деньги. Он просто хотел быть важным и находиться в центре внимания. А то, что он при этом играл на руку каким-то враждебным России силам, эта мысль его вряд ли вообще посещала. А если посещала, то он наверняка гнал ее подальше.

Однако беседу уже было пора закруглять:

- Вил Султанович! Мне кажется, что мы с вами стали лучше понимать друг друга. Мне было очень интересно вас послушать.

Одно дело - газетные статьи и совсем другое – живое общение. У вас - очень много полезных идей. Я их непременно буду продвигать среди депутатов. И вы можете ко мне обращаться в любое время с любыми просьбами. Я если и не сам помогу, то обязательно подключу депутатов, они подчас очень пробивные личности, особенно, если захотят. Ну, и если вы будете немного учитывать и политическую сторону всей этой проблемы химического разоружения, то это будет просто прекрасно.

Произнеся эти слова, я встал с кресла, демонстрируя, что беседа закончена. Мирзаянов был, наверное, склонен и еще поговорить. Но вряд ли это было полезно для дела, выгоднее было показать химику, что он общался все-таки не абы с кем, а с важным сотрудником Думы, у которого время расписано по минутам.

Подействовала ли эта беседа на взгляды Вила Мирзаянова или нет, трудно сказать. Однако достоверно известно следующее. Через некоторое время он должен был ехать на какое-то мероприятие в США, посвященное как раз уничтожению химического оружия. Упомянул ли он там политические аспекты проблемы уничтожения российского химического оружия? Не исключено. Во всяком случае, вскоре Мирзаянов исчез со страниц российской прессы и с экранов телевизоров. Переехал в США? Вряд ли это событие помешало бы американцам использовать его в информационной войне. Если не использовали, значит, человек утратил доверие. Известно также, что Мирзаянов после описываемых событий перенес свою активность на вопросы политической самоидентификации татарских народов.

Публикация

Однако нельзя было останавливаться на рекомендациях парламентских слушаний и на душевспасительных беседах с разными деятелями. Напрашивалась хорошая дискуссионная статья по химическому оружию в какой-нибудь приличной

газете. Текст у меня получился довольно быстро. Но разумно ли публиковать в обход Лукина? В конце концов, именно он подписал рекомендации парламентских слушаний и ко всему прочему был моим непосредственным начальником.

- Владимир Петрович, – завел я через пару дней беседу с Лукиным, – я тут статью сочинил, в поддержку наших рекомендаций парламентских слушаний. Вы не посмотрите ее? Если считаете, что в ней нет необходимости, я не буду ее публиковать. Но мне кажется, было бы неплохо немного поддержать наши подходы, которые записаны в рекомендациях.

И с этими словами я протянул Лукину несколько листков с напечатанным на них текстом. Лукин взял статью в руки, положил перед собой на стол и уставился на нее. Но вопрос для него возник столь неожиданно, что он не успел взять себя в руки. Во всяком случае, на его лице на мгновение появилась такая гримаса, что я тут же пожалел, что обратился к нему.

Собственно говоря, появление гримасы было понятно и объяснимо. Одно дело – работать под руководством Лукина как простой сотрудник аппарата и тупо выполнять его гениальные поручения. И совсем другое – выступать в прессе под своим именем по острому политическому вопросу. В результате таких публикаций я невольно превращался в пусть небольшую, но самостоятельную политическую фигуру. А это влекло определенные нехорошие последствия для Лукина. Например, к нему могли обратиться журналисты с просьбой прокомментировать мою статью. И это стало бы нестерпимым унижением для Лукина – комментировать статью какого-то там сотрудника аппарата!

Но "Петрович" довольно быстро взял себя в руки, отодвинул листки и лишь коротко ответил: "Посмотрю". Мне пришлось довольствоваться столь неопределенным ответом. А что еще мне оставалось делать? Конечно, теперь был риск, что Лукин никогда не отдаст статью. Идти к нему ругаться, спрашивать, куда он задевал текст? Почему тянет с ответом? Все это была совсем нехорошая перспектива. При этом мой шеф запросто мог

поступить именно подобным образом, уж я-то хорошо знал его повадки.

Но, судя по всему, статья была написана мной довольно аккуратно, придаться было особо не к чему. И вскоре мой руководитель протянул мне назад мои листки со словами: "Держите, я посмотрел...".

-Есть какие-нибудь замечания?

- Вы же подписываетесь собственной фамилией. Значит, сами отвечаете за то, что написано. Я же не редактор, чтобы править ваш текст, – с плохо скрытым раздражением ответил Лукин. Судя по всему, при этом он подумал: "И чего не сидится на месте этому чертову Трофимову? Вечно лезет с какими-то статьями или инициативами! Хороший работник тот, кто просто выполняет поручения, вот все!". Но вслух Лукин больше ничего не сказал.

"Так я же – умный!"

Нужно отметить, что Владимир Петрович столь ревностно относился только ко мне, а другим сотрудникам аппарата комитета он разрешал писать статьи сколько угодно и не препятствовал, если они подписывались не только своей фамилией, но и должностью. В этих случаях аргумент, что по статьям сотрудника аппарата будут судить обо всем комитете, "почему-то" не действовал. А я уже не раз слышал эти слова в свой адрес. Простое объяснение этому феномену двойственного отношения, в конце концов, дал пресс-секретарь Лукина Витя Паршуткин. Он как-то сидел в моем кабинете, был уже поздний час, шум в коридорах стих. Витек удобно устроился в кожаном кресле у журнального столика, на его лице отражалось предельно благодушное настроение. Было, отчего такому настроению появиться – на столике была разложена приличная закуска, а всю эту картину венчала бутылка водки "Абсолют". Впереди же маячила вполне реальная перспектива эту бутылку тут же и прикончить. Почему бы по этому поводу и не разлечься

в удобном кресле и не поразглагольствовать на самые разные темы с интересным собеседником?! Тем более что Витя уже успел "принять на грудь".

- Володя!– неожиданно резко произнес вдруг Паршуткин. Я даже слегка напрягся от такой смены характера беседы.– Володя,– продолжил Паршуткин,– я одного не могу понять... И ты сейчас же мне должен это дело объяснить! Тут же, сейчас же, вот прямо на этом месте!

Витя произнес эти слова, но одновременно не забыл подцепить вилкой жирный кусок семги. При этом в левой руке он цепко держал небольшой стаканчик грамм эдак в сто. У меня имелись и небольшие рюмки для водки, но Паршуткин их презирал за недостойный размер. А вот стаканчик был в самый раз, тем более что на его боку красовался золотой государственный герб России. Стаканчики были подарочными.

- Так вот, Володя, объясни мне один фокус. Как только ты напишешь – сразу по твоей статье дискуссия в прессе. А мы пишем-пишем, выступаем-выступаем – и всё без толку.

Под словом "мы" Паршуткин, ясное дело, имел в виду даже не столько себя, сколько своего шефа - Владимира Петровича Лукина. И, судя по всему, эти слова были произнесены только по одной единственной причине: он уже оприходовал два таких стограммовых стаканчика со шведской водкой и потому честно поступил по известной русской пословице: "Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке".

Я тут же оценил всю деликатность момента и с некоторым усилием заставил себя не сказать: "Так ведь я же – умный!". Точнее, я уже почти сказал эти слова, но в последний момент успел ухватить такой нехороший ответ за самый хвост, когда предательская фраза уже совсем было собралась сорваться с языка. Нет, вместо этих плохих слов я все-таки смог выдать:

- Витя! Ты наговариваешь и на себя, и на шефа! Он классно выступает по телевидению. И ты классно организуешь эти интервью. А по моим статьям нет никаких особых дискуссий, просто завистники меня ругают, вот и все.

Конечно, даже в таком контексте не следовало произносить слово "завистники". Но я тоже любил шведскую водку и означенную выше закуску. И передо мной тоже красовался стаканчик из того же набора. Конечно, я не глушил горькую так же, как Паршуткин, но тоже что-то уже успел проглотить.

Витя, однако, никак не среагировал на слово "завистники". Он только уставился на меня, переваривая только что услышанную фразу. Потом, видимо, счел, что слишком уж разоткровенничался и, закрывая тему, просто произнес:

-За все хорошее!

После этого поставил уже пустой стаканчик на столик, а вилкой, на которой перед этим висела семга, подцепил замечательный соленый грибок из породы груздей...

"Бронтозавр"

Статья вышла в "Независимой газете". И, как уже не раз бывало, получилась неплохая дискуссия. Были ответы прямо в "Независимую", но лучше всего было то, что в газете "Сегодня" был опубликован особо пространный комментарий к моей статье, при этом в дополнение ко всей критике автор называл меня "отсталым человеком" и "бронтозавром".

"Сегодня" была антиподом "Независимой". Когда в "НГ" произошел раскол, от Третьякова откололась наиболее компрадорски настроенная часть журналистов, которые ушли и создали газету "Сегодня". Деньги на газету дал Гусинский, что само по себе говорило о политической ориентации этого издания. Вот в этой газетке и была опубликована статья, которая, судя по всему, планировалась как разгромная.

Конечно, ко мне тут же подскочили доброхоты, которые стали советовать обратиться в суд. Мол, автор ни за что не сможет доказать, что я – бронтозавр. Но меня такой вариант вовсе даже не устраивал. Зачем мне это? Допустим, суд вынесет решение в мою пользу. В решении будет написано: "Ответчики не смогли доказать, что Трофимов – бронтозавр". Материальная

компенсация будет три рубля, тут можно было не сомневаться. И в довершение ко всему в "Сегодня" опубликуют по решению суда заметочку, в которой будет написано, что руководитель аппарата Комитета по международным делам через суд доказал, что он не бронтозавр.

Зачем выставлять себя подобным дураком? То, что меня обозвали доисторическим животным, было очень хорошо, это означало, что газета теперь никуда не денется и за милую душу опубликует мою ответную статью, причем даже большого объема. Что мне и было нужно. Текст сочинился очень быстро, слова так и слетали с кончика пера. Ответ получился не просто аргументированным, мне удалось изложить свои взгляды в довольно-таки юмористическом виде. А высмеять соперника, это даже больше, чем просто победить.

Дело в том, что российские военные пожадничали и предложили выделить им такие же суммы на уничтожение, которые до этого были потрачены американцами на ликвидацию своего собственного химического оружия. Небольшой расчет с калькулятором показывал, что на уничтожение тонны отравляющего вещества требовалось полмиллиона долларов... Ясно, что тонну, и даже десять и больше тонн можно уничтожить сто и одним способом. Например, найти заброшенную шахту, свезти туда все эти тонны, обложить тротилом и взорвать. А шахту – завалить. Все эти операции не будут стоить ничего, их выполнят военнослужащие, которым это положено по штату. А денежки будут "распилены" и распределены по карманам. В общем, дайте и мне пару тонн на уничтожение, а то совсем жить не на что!

Моя ответная статья в "Сегодня" была довольно быстро опубликована. Читалась она легко. Моему злорадству не было предела. Если бы статья вышла в каком-нибудь другом издании типа "Правды", эффект от нее был бы существенно меньше. А тут газета самого Гусинского!

Лоббисты среди депутатов. ОЗХО

Парламентские слушания, статьи, беседы с активистами - все это создавало определенную атмосферу. И вопрос о ратификации конвенции в Думе как бы сам собой стал неактуальным. Сказать честно, тогда про эту злополучную конвенцию забыли достаточно надолго.

Однако, как я уже не раз отмечал в этой книге, все хорошее когда-нибудь кончается. Закончилась и эта пауза, и в 1997 году администрация президента вновь навалилась на депутатов, требуя, чтобы конвенция была ратифицирована. И к декабрю того же года Дума все-таки ратифицировала этот злополучный документ.

Как это получилось? Американцы не просто разработали конвенцию, они придумали, что на её основе должна была быть создана международная организация, в которой сидела бы куча чиновников из разных стран и следила за химическим разоружением. То есть следить надо было в основном за нашим разоружением, поскольку в тот момент только США и Россия заявили о наличии этого оружия.

Организация получила краткое название ОЗХО. И сотрудники этой организации стали получать довольно большие зарплаты. Рядовые инспекторы - около 5 тысяч долларов в месяц. Без налогов, заметим себе, налоги платить не надо, ведь формально это международные чиновники. А делать тоже ничего не надо! Знай иногда отправляйся в командировку, инспектируй те или иные склады на территории России. После инспекции – небольшой отчет. Вот и вся работа. Одно слово - синекура.

Смысл же этой затеи с ОЗХО заключался в том числе и в том, что и России в этой организации тоже давали определённую квоту: от 50 до 100 мест. Естественно, все эти места уже заранее распределялись между претендентами в Минобороны и МИДе. И с этого момента все эти люди превращались в яростных лоббистов конвенции. Таких, что глотку перегрызут. Оно и

понятно: из Москвы да в Гаагу на 5 лет с зарплатой от 5 до 10 тысяч долларов в месяц. Особая прелесть тут заключалась в том, что зарплата этих господ бралась не из воздуха, а из российского взноса в бюджет этой организации. То есть государство отнимало деньги у учителей и врачей и давало этим дармоедам, чтобы они "пробивали" абсолютно невыгодную для России конвенцию, а потом ещё ездили домой из Гааги за валютные суточные и проверяли, как идёт уничтожение. Очень изощрённое самоедство. Ну, разве можно после этого презрительно относиться к американцам? Они придумывают такую замечательную схему, согласно которой туземцы сами же становятся противниками собственной страны и наносят ей ущерб, причем за деньги из собственного государственного бюджета.

В общем, эти лоббисты нашли в Думе пару известных депутатов и пообещали им места в этой самой ОЗХО. И депутаты тут же сами превратились в лоббистов, выступавших за ратификацию. Как потом выяснилось, депутатов обманули, как детей, и ни в какую Гаагу так и не послали.

За ратификацию вдруг выступила и одна из думских фракций - КПРФ. Как это произошло – неизвестно. Скорее всего, администрация президента смогла сделать это непосредственно через Зюганова. Но не исключено, что и американцы постарались. Что ему при этом сказали и что посулили, никто не знал. Но факт оставался фактом: коммунисты вдруг радикально поменяли свое отношение к уничтожению химического оружия.

Двадцать миллиардов сюда

В какой-то момент стало понятно, что ратификации не избежать. Тогда мне в голову пришел следующий вариант: ратифицировать конвенцию с оговоркой. Конечно, формально конвенция запрещала оговорки. Но на это можно было спокойно наплевать. Ведь это американцам надо было уничтожить российское химическое оружие, а не наоборот. Значит, они были

бы вынуждены согласиться и на ратификацию с оговоркой. А не хочешь соглашаться, тогда конец и конвенции, и всему химическому разоружению. Кроме того, не следовало забывать, что в ОЗХО должны были работать чиновники из очень многих стран, в том числе из Африки и Азии, и все они хотели ничего не делать, но получать хорошие деньги. Им эта российская ратификация была нужна как воздух, с оговорками или без них, это неважно.

Да и в самих США соответствующие люди в ЦРУ, Минобороны и Госдепе уже получили свои медали за то, что смогли заставить Россию подписать конвенцию. Они тоже выступили бы за то, чтобы не реагировать на российские оговорки. А иначе конвенция разваливалась, и все они со своими медалями и орденами оказывались не у дел.

Моя задумка была простой, но изящной. Суть оговорок сводилась к одному: будем выполнять конвенцию, если будут деньги... Было понятно, что лишних денег в российском бюджете не было и не предвиделось. Значит, если Запад хочет, чтобы Россия уничтожила свои запасы химического оружия, пусть платит за это по полмиллиона долларов за тонну, причем не в виде своего оборудования, а в виде зарплаты российским специалистам.

Всего у России было сорок тысяч тонн химических боеприпасов. Если умножить, то получалась солидная сумма в двадцать миллиардов долларов. Вполне посильно для бюджета США. Забегая вперед, отметим, однако, что вместо этой суммы Россия получила из-за рубежа в виде помощи на уничтожение своих химических боеприпасов всего два миллиарда долларов, и вовсе не в виде зарплаты, и произошло все это из-за моего недосмотра.

Я был уверен: такие оговорки можно было запросто навязать как американцам, так и всей прочей шатии-братии, им просто деваться было некуда. Хотите, чтобы Россия уничтожила свое химическое оружие, – платите по полной программе!

И тут надо честно признать, что я тогда совершил ошибку, которая в дальнейшем стоила России недополученных восемнадцати миллиардов долларов. Конечно, с этой идеей об оговорках надо было сначала идти к своим депутатам левой ориентации: к космонавту Севастьянову, к Глотову, к другим членам комитета, и предварительно договориться, чтобы это предложение формально внесли они. Но я вдруг засомневался. Такой вариант окончательно испортил бы мои отношения с Лукиным: тот вмиг бы понял, кто на самом деле придумал эти оговорки. "Так вы, Владимир Николаевич, решили работать за спиной председателя комитета: интриговать, пропихивать свои сомнительные идеи? Вы именно так понимаете свои служебные обязанности?"

Конечно, Лукин вряд ли произнес бы эти слова. Но все это выглядело бы именно так, и никак иначе. Кроме меня никто в Думе ничего подобного придумать не мог. А из МИДа или из администрации президента никто и вовсе не стремился помогать депутатам (а заодно и собственной стране). В общем, тут я по какой-то необъяснимой причине дрогнул и решил действовать не через своих депутатов, а непосредственно через Лукина.

Собственно говоря, поначалу все выглядело как нельзя лучше. Как говорится, в один прекрасный день, когда я зашел к Лукину с пачкой документов на подпись, тот вдруг вздумал завести неформальную беседу. Такое случалось не часто, но все-таки иногда случалось. Лукин вдруг сказал, что он хотел бы посоветоваться со мной по поводу конвенции:

- Что вы думаете, Владимир Николаевич, по поводу перспектив ратификации конвенции об уничтожении химического оружия? Вы ведь у нас очень хорошо разбираетесь в этом вопросе!

Такое начало не предвещало ничего плохого. И я позволил себе немного порассуждать. Если уж Лукин так хочет знать мое мнение, можно кое-что и сказать. Я говорил и говорил, а председатель комитета терпеливо слушал и только кивал в знак согласия.

- Владимир Николаевич,- наконец прервал мое красноречие он,- посоветуйте, как нам вынести конвенцию на ратификацию? Ведь вы все-таки доктор юридических наук, пользуетесь в Думе заслуженным авторитетом, депутаты с вами советуются. Как вы считаете, что можно было бы сделать, чтобы ратифицировать эту конвенцию?

Конечно, такие речи выглядели немного странно. С чего это вдруг спесивый Лукин так ласково со мной заговорил? Даже просит посоветовать! С другой стороны, иногда шеф, действительно, мог снизойти до своих сотрудников и поговорить с ними на равных. В общем, я тогда не усмотрел в этих словах никакого подвоха. Если хочет услышать совет умного человека, то он его получит!

- Владимир Петрович, на самом деле есть хороший вариант ратифицировать конвенцию. Надо такую ратификацию провести с оговоркой.

- Это невозможно!– аж подпрыгнул в кресле Лукин. - В тексте прямо сказано, что оговорки запрещены. Вы что, этого не знаете?

- Знаю. И что с того? Что будет, если Россия все равно ратифицирует конвенцию с оговорками?

Я вопросительно посмотрел на Лукина. Тот молча раздумывал. Было видно, что такой вариант ему в голову даже близко не приходил.

- Ничего не будет,– продолжал я.– Теоретически такие оговорки должны разрушить конвенцию. Но только теоретически. Американцы треснут, чтобы упустить такой шикарный шанс уничтожить российское химическое оружие. Они будут вынуждены согласиться с такой оговоркой. Причем надо не абы какую оговорку сделать.

- А какую?

- Надо завязать уничтожение химического оружия на наличие денег. Всем понятно, что в нашем бюджете почти ничего нет. Как мы будем выполнять конвенцию? Откуда брать деньги? Не платить зарплату учителям и врачам?

- Так, а что даст такая оговорка? Что, от нее появятся деньги в бюджете?– тут Лукин пренебрежительно ухмыльнулся, упиваясь своим остроумием. Но быстро спохватился, подобные шуточки явно разрушали доверительный тон беседы.

- Представьте себя на месте американцев. Столько усилий было потрачено на разработку конвенции и на то, чтобы уговорить Россию ее подписать! Теперь цель совсем близка. Вот она, совсем, считай, в кармане! А тут вдруг вылезают какие-то деньги. Все бросить и разругаться? Я думаю, для начала американцы начнут возмущаться, слать ноты протеста, угрожать, стыдить. А потом, если мы сможем устоять, просто дадут деньги из своего собственного бюджета. Дадут, как миленькие дадут, куда им деваться! Для них, кстати, сумма не бешеная. Бюджет – пара триллионов долларов. Тем более что давать надо будет не одновременно, а лет десять, а то и больше. То есть по два миллиарда в год.

Выражение лица Лукина изменилось. Еще чуть-чуть и он разинул бы рот от удивления. От пренебрежительной насмешливости не осталось и следа. До него вдруг дошло, что речь идет о действительно реальном варианте. Причем не просто реальном, а очень привлекательном для депутатов. Не надо брать деньги из бюджета, не надо отбирать их у врачей и учителей. Достаточно просто сочинить пару абзацев текста и дружно за них проголосовать. Вот и все!

- Да, действительно, наверное, вы правы,– наконец пробормотал он.– Это интересный вариант... Знаете что, надо посоветоваться. Вы пока не запускайте его в оборот. Давайте подождем, несколько лет лежала эта конвенция без движения, и еще немного полежит!

С этими словами Лукин встал из-за стола, давая понять, что разговор закончен. Я тоже встал и двинулся к двери. А Лукин никуда не пошел, а так и продолжал стоять, провожая меня взглядом...

Что потом произошло, и с кем Лукин советовался – неизвестно. А только через неделю он опять завел со мной

разговор о химической конвенции. Опять Лукин был ласков и предупредителен, явно подчеркивал, что разговор идет на равных.

- Владимир Николаевич! Вот в прошлый раз вы предложили интересный вариант ратификации конвенции об уничтожении химического оружия. Я тут подумал. А что если нам действительно так поступить? Пусть американцы заплатят за все это дело. Экономия будет огромная!

Я выслушал эту тираду молча. Единственно, изобразил на лице выражение, которое должно было означать что-то вроде заинтересованности. Ласковый тон Лукина меня насторожил. Почему старикан опять вернулся к вопросу о ратификации? Не задумал ли он какой-нибудь трюк?

Старый лис, увидев, что я не возражаю, продолжал, придав своему голосу еще более проникновенное звучание:

- А что если вы набросаете текст таких оговорок? Не трудно? И покажите мне. А там решим, что дальше делать.

Я спорить не стал. Текст таких оговорок в любом случае не составлял какой-то государственной тайны. По большому счету, их мог сочинить любой более или менее грамотный специалист. Тут ценность представляла сама идея, а не конкретный текст оговорок.

Через пару дней текст лежал перед Лукиным на столе. Тот внимательно читал, а я краем глаза следил за ним, откинувшись на спинку стула. Было понятно, что Лукин вряд ли способен внести какие-то изменения в написанное. "Ну, и пусть себе читает на здоровье!" - только и подумал тогда я.

- Владимир Николаевич! Мне все понятно. Я возьму это с собой, еще подумаю, покажу специалистам. Наверное, такой вариант действительно может устроить всех.

Я только пожал плечами: пусть покажет, кому хочет. Что это меняет? Есть идея ратифицировать с оговорками. Оговорки должны касаться финансирования и быть так сформулированы, чтобы за химическое разоружение России платили другие страны. Идея - хорошая. Хотя еще лучше вообще не трогать

химическое оружие. Лежит себе на складе, хлеба, как говориться, не просит. Пусть так и дальше себе лежит.

Еще через несколько дней Лукин опять вернулся к этому вопросу:

- Владимир Николаевич! Вы придумали очень хороший вариант. Давайте двигать его вперед! Давайте вынесем его на заседание комитета, обсудим, утвердим. Вы выступите, выскажете свое мнение. Хорошо?

У меня, понятное дело, никаких возражений не было, хотя энтузиазм Лукина вызывал у меня все большее чувство настороженности. То тот выступал за безоговорочную ратификацию, агитировал за немедленное уничтожение химического оружия. А то вдруг согласился с вариантом, который наверняка очень не понравится американцам и который будет означать, что российское химическое оружие еще очень не скоро дождется своего часа. С другой стороны, было ясно, что агитация за ратификацию достигает своих целей. Не сегодня, так завтра все равно придется в Думе рассматривать этот вопрос. Так уж лучше подойти к этому со своим хорошим вариантом, чем дожидаться, когда тебе навяжут чужой, плохой.

Вынесение на ратификацию предполагало подготовку ряда дополнительных документов, проекта постановления Государственной думы, сопроводительной записки, подборки заключений специалистов, текста рекомендаций парламентских слушаний. Добавил к ним я и свой текст оговорок, сопроводив его соответствующим комментарием. Наконец все было готово. И тут произошло удивительное. Лукин взял всю подборку, взвесил рукой:

- Да, солидный труд! Вы хорошо постарались!

Потом вдруг замолчал. И уставился на меня. Все это не предвещало ничего хорошего. Такая пауза могла предшествовать только каким-то неприятным сообщениям. Они и не заставили себя долго ждать:

- Владимир Николаевич, вы так много тратите своего времени на технические вопросы. Для этого у вас есть большой

аппарат. Ну, зачем вы лично занимаетесь этой конвенцией? Она того не стоит! Я решил, что лучше поручить дальнейшую работу с этим вопросом не вам. У меня тут есть специалисты, они во всем очень хорошо разбираются и доведут это дело до конца. А вам – большое спасибо за проделанную работу.

Я молчал, не зная, что на это сказать. Спорить со старым хрычом было невозможно, тот формально вполне был вправе поручить работу с тем или иным вопросом кому угодно. Другое дело, что обычно так не делалось: кто вел какой-то вопрос, тот его и доводил до конца. Совсем нечасто Лукин вот так забирал у меня важнейший вопрос и передавал его неизвестно кому.

Мне стало понятно, что шеф решил просто отстранить меня от этого дела. Но зачем? Обо всем, вроде бы, договорились, все он одобрил, со всеми моими предложениями согласился. Все документы уже были готовы. Зачем вдруг такие финты?

Я, в конце концов, лишь пожал плечами и вздохнул. Спорить совсем не хотелось, ругаться – тем более. К тому же все это было бесполезно. Однако что же задумал этот коварный старикан? И ведь как поначалу ласково зашел, как вкрадчиво говорил! Кого хочешь обманет, старая лиса!

При этом по большому счету я не волновался. Идея с оговорками не могла никуда деться. Ее все равно надо было выносить на заседание комитета на одобрение. А тут – целая группа депутатов, которые пользовались моими советами и не допустили бы никаких фокусов.

Однако время шло, а таинственные помощники Лукина все продолжали изучать бумаги, подготовленные мной. Он сам также ничего по этому поводу не говорил, как будто забыл, что собирался выносить вопрос на заседание комитета. Время все шло и шло, и я стал уже забывать обо всем этом происшествии.

Резюме: двадцать миллиардов туда

Как говорится, в один прекрасный день ситуация резко изменилась. А этому изменению предшествовали некоторые

интересные события. Обычно шеф с неохотой отпускал меня в заграничные командировки, разве что брал с собой. Оно и понятно: укатит этот Трофимов за границу, а кто тут за него будет работать? Кто тут разбирается во всех этих тонкостях ратификации? Никто? Тогда и ему нечего кататься по заграницам!

Вот однажды этот порядок вдруг изменился.

- Владимир Николаевич, ну что вы тут все сидите со своими бумагами! Съездили бы куда-нибудь, проветрились!

Лукин произнес эти слова и замолчал, разглядывая меня и пытаюсь понять, какой эффект они произвели. А слова эти, действительно, произвели эффект. Я просто онемел от такой доброты. То никуда не пускает, только работа, да работа. А то вдруг такая щедрость!

- Вот тут у меня есть одна интересная командировка, – продолжал Лукин, – американцы приглашают, по линии ЮСИА. Просят кого-нибудь выделить, чтобы поговорить на тему расширения НАТО на восток. Там у них обширная программа, на две недели. Первая неделя – в Европе, в штаб-квартире НАТО и в секретариате ЕС, в Брюсселе. Вторая неделя – в США. Заедете в Вашингтон, в Нью-Йорк, познакомитесь там с разными людьми...

Лукин, наконец, замолк и с хитрецей уставился на меня. Я же с удивлением выслушал всю эту тираду. Однако надо было что-то все-таки отвечать.

- Спасибо, конечно, Владимир Петрович. Наверное, очень интересная поездка. Я и не мечтал съездить в такую. Спасибо, что не забываете обо мне. А когда выезжать? Полагаете, что в мое отсутствие в комитете не возникнет проблем?

- Поезжайте, поезжайте, чего тут сидеть! Нечего тут высидивать! И без вас прекрасно сотрудники обойдутся. Вы хорошо наладили дело, все идет в автоматическом режиме. А ехать надо через пару недель. Вполне сможете все срочные дела доделать. А мы тут без вас как-нибудь уж перекрутимся.

Командировка, действительно, выглядела прекрасно, лучше туристической поездки. Делать ничего не надо, просто сидеть и слушать, что тебе говорят. Если хочешь, можешь высказать свое мнение. А если не хочешь, можешь и промолчать или задать какой-нибудь ничего не значащий вопрос. Посмотришь разные интересные места, пообщаешься с разными интересными людьми. Красота, а не командировка!

Сокращение "ЮСИА" расшифровывалось как "Юнайтед Стейтс Информейшн Эдженси", то есть "Информационное агентство Соединенных Штатов". Формально это было что-то вроде государственного информационного агентства. Фактически – организация, где во многом орудовали сотрудники американских спецслужб. Ведь речь шла не просто об информационной работе, а о пропаганде, направленной на определенные страны. Помимо пропаганды тут еще занимались и работой с перспективными кадрами в соответствующей стране. Вдруг удастся кого-то завербовать? Вот в рамках такой работы с местными кадрами и была организована программа мероприятия, в котором мне предлагалось принять участие.

Поездка, действительно, оказалась очень интересной. А когда я вернулся, то услышал удивительные новости. Без меня на заседание комитета на утверждение был представлен пакет документов по ратификации конвенции об уничтожении химического оружия. Причем был представлен в несколько измененном варианте. Я-то готовил пакет с оговорками при ратификации. А в документах, которые были вынесены на утверждение депутатов, никаких оговорок уже не было. Точнее, при ратификации предполагалось сделать заявление. В нем ничего не говорилось о финансовых расходах на уничтожение химического оружия. Но зато содержалось "очень грозное" указание правительству России ежегодно отчитываться в Думе о ходе выполнения конвенции.

Я бросился к космонавту Севастьянову:

- Виталий Иванович! Я же перед отъездом подробно рассказывал вам, в чем суть этих оговорок! Надо было, во-

первых, не дать рассмотреть этот вопрос на комитете без меня. И, во-вторых, если уж так случилось, то надо было настаивать на оговорках! А вы что утвердили?!

Севастьянов, член Комитета по международным делам, одновременно был председателем мандатной комиссии. Поначалу комиссия была создана как временный орган. Но потом оказалось, что нет ничего более постоянного, чем временное. В результате за Виталием Ивановичем осталась огромная комната в конце коридора восьмого этажа, свой аппарат сотрудников, кремлевские телефоны, а также автомобиль. По сути, он пользовался всеми правами председателя комитета Думы.

Виталий Иванович сидел за своим огромным столом и виновато на меня поглядывал. Ведь я действительно перед своим отъездом все ему растолковал и разъяснил. Было проще простого перенести рассмотрение вопроса на комитете на одну неделю позже. И можно было также сказать, что первоначальный вариант документов для ратификации предполагал оговорки. Так давайте этот вариант и обсуждать! Но по какой-то причине Виталий Иванович все это не сделал и не сказал.

- Володя! Все не так плохо! Сам посмотри, что именно мы утвердили! Там есть регулярный отчет правительства перед парламентом. Это очень важно, это укрепляет позиции депутатов, создает важный прецедент. А что касается оговорок, то там ведь предусмотрено заявление при ратификации. Оговорки или заявление – какая, в сущности, разница?

Я, услышав эти слова, лишь тяжело вздохнул. И перевел беседу на другую тему. Как можно объяснить известному космонавту разницу между оговорками и заявлением? Тем более, что тот, похоже, и сам понимал эту разницу, но никак не хотел признавать свою оплошность. "Черт бы ее побрал, эту командировку!– только и подумал я.– Нельзя на неделю отлучиться, обязательно что-нибудь такое произойдет!".

"А, может, еще не все потеряно?"- с этой мыслью я рванул к Макашову, члену фракции КПРФ. Беседа получилась очень милой. Макашов был и сам не против как-нибудь поломать конвенцию. Идея с оговорками ему очень понравилась. Но, в конце концов, он честно мне сказал:

- Понимаешь, все это хорошо. И я лучше тебя понимаю, что уничтожение российского химического оружия не надо форсировать. А если уж и уничтожать, то не за свои, а за американские деньги. Но я – член фракции. И у нас существует партийная дисциплина. Руководство решило ратификацию поддержать. Я, конечно, попытаюсь что-то там такое еще сказать. Но думаю, что меня не послушают. А ставить вопрос ребром я тоже не могу. Так что ты уж меня прости...

Понять и простить! Как все это знакомо русскому человеку! Я все, конечно же, понял. И простил. Конечно, партийная дисциплина важнее. А что еще было ему делать?! К тому же именно я сам и был виноват: не надо было кататься по брюсселям и вашингтонам, участвовать в пустопорожних дискуссиях с американскими экспертами. Тогда не возникло бы этой дурацкой ситуации с ратификацией.

Дума конвенцию ратифицировала. И правительство бросилось ее выполнять. При этом я с удивлением обнаружил, что в федеральном бюджете на очередной год была предусмотрена отдельная статья под названием: "Уничтожение химического оружия". Чудеса, да и только! Страна в кризисе, нет денег на учителей, врачей, милиционеров и пенсионеров. А на уничтожение химоружия вдруг деньги нашлись! Какая трогательная забота об американских интересах!

Однако все мои вышеперечисленные старания, а по сути, самый настоящий саботаж, все-таки не совсем пропали даром. Затяжка с ратификацией получилась очень значительная. Чем это обернулось, я вскоре узнал от одного высокого военного человека, зашедшего по случаю в Думу. А получилось вот что: поскольку в стране был кризис, следовательно, зарплаты упали у всех категорий специалистов, в том числе и тех, кто работал с химическим оружием. Но они, в отличие от других профессий, были очень даже востребованы в других отраслях. Кончилось все тем, что эти специалисты так и не дождались выделения денег на уничтожение и просто разбежались.

- Владимир Николаевич, – с горечью в голосе говорил мне этот военный чин, – люди разбежались кто куда! У нас теперь практически нет специалистов по химическому оружию! Теперь можно выделять какие угодно деньги, все равно это не поможет. Нельзя допускать к химическому оружию неподготовленных людей. А подготовленных у нас больше нет! Где их теперь искать? В общем, Россия не сможет в установленные сроки выполнить свои обязательства по этой конвенции, так и знайте!

Я слушал эти слова и сочувственно кивал головой, хотя на самом деле испытывал, скорее, чувство радости и удовлетворения. По сути, я единственный в парламенте, а может, и в стране, ставил палки в колеса этой конвенции. Конечно, меня поддерживали некоторые депутаты, но роль локомотива играл именно я. И в результате смог затянуть процесс настолько, что уничтожение химического оружия растянулось на долгие годы. А эти годы были очень нужны

России, чтобы оправиться от ужасных последствий распада и последующего вхождения во власть так называемых либералов, а по сути "пятой колонны".

Кому все это нужно?

Возникает хороший вопрос: а нужно ли было вылезать на баррикады и так рисковать собственным благополучием, а возможно и головой? Ведь, по сути, за уничтожение химического, да и ядерного оружия выступали сам президент, его аппарат, ключевые министерства и ведомства, в том числе МИД и Минобороны. Надо ли было мне в одиночку бодаться со всем этим огромным скопищем людей? Вряд ли они не понимали, что именно делают, действуя по указке из-за океана. Но все-таки действовали. А я? Один, рискуя собственной шкурой, пытался противостоять этой огромной силе? Кто-нибудь сказал мне за это хотя бы "спасибо"? Нет, конечно! Мне оставалось довольствоваться только осознанием того, что я повлиял на большие международные процессы и пусть хоть немного, но изменил ход мировой истории по части России. Но денег или славы ото всех этих своих действий не обрел, скорее, даже потерял. Зачем тогда было нужно все это? Один близкий мне человек, хорошо знавший обо всех этих моих похождениях, когда эпопея закончилась, коротко, но емко подытожил: "Ты вел себя, как полный дурак! Мог бы озолотиться! А вместо этого защищал интересы людей, которым все это не очень-то и нужно! Никто даже в морду не плюнул! Если очень хотят жить, как плебеи и туземцы, пусть и живут, а мой тебе хороший совет: не лезь больше в такие дела!".

Глава 20. Некоторые итоги визита Ельцина в США в 1992 году. Хранение и уничтожение ядерного оружия. Защита капиталовложений

Любитель подписывать договоры

Не прошло и нескольких месяцев после распада Советского Союза, как уже в июне 1992 года Ельцин засобирался за рубеж. Поехать он вознамерился прямо в гости к американскому президенту. При этом у Бориса Николаевича обнаружилась одна специфическая слабость. Нет, даже не пьянство, а еще хуже. Конечно, Ельцин был пьяницей и дебоширом, этого не отнимешь. Но это еще ничего! Как оказалось, полюбил он обставлять свои зарубежные поездки определенными атрибутами. По его мнению, для того чтобы визит выглядел действительно солидным, в ходе его надо было подписать как можно больше международных соглашений. Вот приезжает Борис Николаевич в другую страну. Ходит, гуляет, осматривает достопримечательности, поет "Калинку", дирижирует оркестром, при этом не забывает и выпить. А потом садится за длинный стол. Напротив него – пресса, журналисты, фотовспышки, телевидение. Перед носом у нашего президента – стопка международных договоров. Берет Ельцин в руку авторучку, демонстративно так прицеливается, и – бац, поставил свою размашистую подпись. Поставил и озирается, весь прямо светится, рад как ребенок. Мол, вот какой я герой: взмахнул рукой, и есть – международное соглашение! И продолжает в том же духе со всей стопкой документов.

Конечно, так поступать могут только совсем умственно отсталые люди. Международные соглашения вырабатываются

годами, юристы и политики до хрипоты спорят за каждую букву. Торг идет по всем положениям от начала и до конца текста. Нередко представители одной из сторон демонстративно встают из-за стола и уходят вон. А другие за ними бегут и просят вернуться и еще раз подумать над компромиссом. Вот как торгуются за подобные документы! И, конечно же, такие договоры нельзя сочинять по заказу для украшения визита. А Борис Николаевич хотел именно по заказу, чтобы к его визиту была целая пачка для подписания. Но сделать это можно было только одним единственным способом: подготовить проект договора, который отвечал интересам другой стороны, а не России. Только в этом случае другое государство давало согласие на его заключение. А не хочешь – и не будет ничего. Но как же без упомянутой стопки?! И российские представители вынуждены были соглашаться на соглашения, за которые в сталинские времена без разговоров поставили бы к стенке.

Американцы быстро сообразили, как можно использовать эту ситуацию к своей выгоде, и к указанному визиту Ельцина в США сами предложили ему несколько таких международных соглашений. Понятное дело, американцы – люди деловые, и они не стали ждать, пока российские юристы и дипломаты выработают нужный текст. Нет, американцы пошли по более быстрому пути: они сами сочинили соответствующие договоры для Ельцина. А тот и рад: есть что подписать! Неизвестно, возражали или нет советники Ельцина по поводу содержания этих договоров. Скорее всего, нет. Понятно, какие были советники у Бориса Николаевича, тем более в первый год его правления, по-собачьи заглядывали ему в глаза снизу вверх, а был бы хвост, виляли бы и хвостом, на том и кончались их "советы".

В США Ельцин, не глядя, подписал все договоры и был счастлив так, как может быть счастлив только человек, не отягощенный никакими заботами, в том числе и государственными.

Защита капиталовложений по-американски

Итак, пройдемся по итогам этого эпохального визита президента России в США. При этом расскажем только о двух соглашениях из этого пакета: Соглашение с Россией о взаимной защите капиталовложений и Соглашение об оказании России помощи в транспортировке, хранении и уничтожении ядерного оружия.

Соглашение о взаимной защите капиталовложений предусматривало процедуру ратификации, но в 1993 году отношения Ельцина и Верховного Совета по понятным причинам начали портиться, в результате оно было внесено на ратификацию лишь в Государственную думу в 1994 году после расстрела парламента. Очень быстро текст соглашения лег на мой стол.

Вообще-то, ответственным за этот документ должен был быть другой комитет Госдумы, например Комитет по бюджету и налогам. Но уж как-то так получилось, что весь пакет подписанных Ельциным договоров отправился в Комитет по международным делам. Видимо, руководство Думы сочло, что сам факт визита на высшем уровне придавал делу особое политическое значение.

Такая ситуация создавала для меня определенную свободу рук: не хочешь заниматься каким-нибудь соглашением из пакета - напиши в секретариат председателя Думы и почти наверняка спихнешь его в другой комитет. Но я, понятное дело, сидел на своем месте не для того, чтобы заниматься подобной "спихотехникой" (есть такое словцо в лексиконе закоренелых бюрократов), а для того, чтобы помешать президенту страны проводить политику, которая, по моему мнению, не соответствовала национальным интересам России. То есть президент Ельцин и его помощники, а также МИД считали, что проводят правильную внешнюю политику. А какой-то там

чиновник, засевший в аппарате Думы, считал иначе. И не только считал, а активно вредил Ельцину, не давая ему заниматься прямой конституционной обязанностью, а именно: формированием внешней политики России.

Я полистал соглашение, попробовал вникнуть в его содержание, но это оказалось совсем не просто. Формулировки были там такие, что, как говорится, без поллитры не разберешься. Было заметно, что текст изначально был написан на английском языке и затем переведен на русский. А перевод уже устоявшихся оборотов американского прецедентного права по части налогов звучал на русском языке просто за пределами.

Тогда я сравнил это соглашение с другими подобными же, но ранее заключенными Россией с другими странами. Таких соглашений оказалось много, даже очень много, при этом все они были написаны по определенному единому шаблону. И совпадений по тексту с американским вариантом не было просто никакого!

И как же теперь определить, выгодно для России это соглашение с США или нет? По самой ситуации было понятно, что американцы наверняка включили туда положения, выгодные им и невыгодные России. Но кто в России может теперь это определить? Я почесал голову и решил отправить текст на заключение во все места, в какие только было возможно. Нашел известных ученых-налоговиков, отправил текст также в несколько научных институтов. И в дополнение к этому направил соглашение в несколько министерств и ведомств. Последнее выглядело немного нелепо: конечно же, министры никогда не дадут отрицательный отзыв по соглашению, которое подписал их президент. А вдруг дадут? И я решил рискнуть.

Ответы пришли разные. Часть министерств действительно защищала Ельцина и написала, что лучше соглашения и быть не могло. Но не все поступили так: нашлась пара ответов, которые были подписаны не министрами, а начальниками управлений. И в этих ответах честно говорилось о том, что соглашение не отвечает интересам России: если оно будет ратифицировано, то

это приведет не к защите капиталовложений, а к массивированному оттоку капиталов из страны.

Люди, подписавшие такие письма, несомненно, рисковали если не головой, то должностью, это уж точно. Но, видимо, к подобным заключениям были свои формальные основания. Похоже, что текст документа вообще не был предварительно согласован с этими министерствами, что было грубейшим нарушением внутригосударственных процедур. А это в какой-то мере позволяло министерствам высказывать критические замечания.

Научные институты тоже высказались примерно в том же духе. То есть недостатки соглашения были объективными, о них говорилось сразу в нескольких отзывах, и это означало, что ратификацию можно было затормозить, а при возможности и провалить.

Лукин, увидев заключения, весь просто перекосялся:

- Как такое может быть? Что эти министры себе думают? Они не согласны с президентом страны? С его политикой?

Владимир Петрович еще минуты две поупражнялся в красноречии. Даже в какой-то момент потянулся к телефону кремлевской связи, как бы собираясь дозвониться до соответствующих министров и урезонить их. Но рука его застыла на полдороги. Он еще раз полистал заключения и наконец понял, что противников соглашения много, все они возражают примерно одно и то же, то есть недостатки существуют на самом деле. А то, что возразили даже министерства, означало, что там могут встать и в принципиальную позицию. Похоже, до визита Ельцина в США уже был довольно жесткий спор внутри России на эту тему, и мои запросы от имени Комитета по международным делам упали на благодатную почву.

- Ладно, что будем делать?— Лукин уронил руки и беспомощно взглянул на меня. Ох, как не хотелось ему никого огорчать: ни американцев, ни Ельцина! Но деваться было явно некуда.

- Давайте доложим на заседании комитета и отложим до лучших времен! Поговорим с администрацией президента, может, они предложат какой-то вариант. В конце концов, можно заключить дополнительный протокол и снять нежелательные моменты.

- Да никогда американцы не пойдут ни на какие дополнительные протоколы! – вспыхнул вдруг Лукин. – С кем они будут заключать такие протоколы, с нами, что ли?

Тут Владимир Петрович махнул рукой, что означало крайнюю степень огорчения и отчаяния. Но я в ответ просто промолчал. Да и что тут можно было сказать? Понятно, что американцы относились (и продолжают относиться) к России, как к сборищу туземцев, случайно оказавшихся владельцами большой территории и природных ресурсов. Какие могут быть еще изменения к уже подписанным договорам? Понятно, что никаких!

На ближайшем заседании комитета Лукин предложил заслушать мой доклад о подготовке к ратификации соглашения с США о взаимной защите капиталовложений. Я не без внутреннего злорадства сообщил о полученных отрицательных заключениях. Обсуждать тут было нечего, и соглашение было единогласно отложено в долгий ящик. Конечно, и представители МИДа, и администрации президента время от времени делали поползновения как-нибудь уговорить депутатов, но быстро скисали. Собственно говоря, способ ратифицировать соглашение теоретически существовал: не давать депутатам полученные мной из министерств отрицательные заключения. Но для этого надо было куда-нибудь меня деть. Вариантов тут было немного: на чем-нибудь подловить, вовлечь во что-нибудь противоправное. А потом: либо уволить, либо шантажировать, либо посадить в тюрьму, либо просто пробить голову у подъезда. Какой из них будет реализован?

- Зачем тебе все это нужно? Неужели не хочется бросить все это и устроиться на какое-нибудь тепленькое местечко? – не раз и не два обращались с этим вопросом ко мне, иногда с

любопытством, а иногда и с угрозой. Я пытался что-то объяснить, а чаще просто отшучивался. А действительно, зачем все это было мне нужно? Нужно ли было бодаться с президентом и МИДом, зачем было нужно мешать им играть в свои большие политические игры? Ведь народ не протестовал, на улицы не выходил, хотя разоблачений в газетах было полным-полно. Народ газеты читал, но безмолвствовал. А интеллигенция (так и хочется написать это слово в кавычках!) и вовсе чаще всего стояла на стороне Ельцина. А вот мне почему-то было больше всех надо, мне было не все равно.

Уничтожение российского ядерного оружия

Однако соглашение о взаимной защите капиталовложений было не единственным в пакете подписанных договоров, которое вызывало большие вопросы. Было там еще и упомянутое выше Соглашение об оказании России помощи в транспортировке, хранении и уничтожении ядерного оружия. Казалось бы, вот уж благородное дело – оказать помощь другому государству в ликвидации оружия, которое угрожает миру во всем мире!

Мое мнение, однако, было иным. Сама затея уничтожить российское ядерное оружие, пусть даже и за американские деньги, мне совсем не нравилась. Да, действительно, часть ядерных боезарядов безнадежно устарела, их было сложно и накладно хранить. Однако речь шла об утилизации не только подобного старья, но и вполне современных видов ядерного оружия. Нужно ли вообще с этим торопиться, даже и за чужие деньги? Я полагал, что торопиться было совершенно некуда.

Мне пришлось топить соглашение об уничтожении ядерного оружия не в лоб, и понятно почему: начнешь агитировать в пользу того, что ядерное оружие – это нужная штука, которую можно не спешить отправлять на свалку, и тебе сразу же найдут сто и один аргумент в пользу того, что атомная бомба – это дестабилизирующий фактор в международных отношениях, она

может попасть в руки террористов, все это дело негде хранить, специалисты по обслуживанию такого оружия разбежались кто куда, американцы тоже уничтожают свое ядерное оружие. Короче, начнется бесконечная, а по большому счету бессмысленная дискуссия без начала и без конца.

Солдаты с дипломатическим иммунитетом

Нет, мой план заключался в другом: в попытке зайти совсем с другой стороны. Американцы в рамках этого соглашения не просто выделяли свои доллары на ликвидацию российского ядерного оружия, они собирались привлечь к этому делу и свой военный персонал, то есть как офицеров, так и простых солдат. И вот тут-то как раз и заключалась сложная закавыка, за которую можно было зацепиться. Дело в том, что у американцев была уже сложившаяся практика. Военных баз у них по всему миру много, везде полным-полно американских военнослужащих, и повсюду возникали и возникают одни и те же проблемы: американские военнослужащие после трудового дня идут расслабляться в местный бар, там немного перебирают спиртного, потом начинают приставать к местным дамочкам или садятся за руль своего авто и едут на прогулку. В результате дамочка изнасилована, а кто-то из местных жителей погиб под колесами автомобиля, которым управлял пьяный янки.

Местные власти начинают возмущаться и требуют посадить солдата в тюрьму. Подобные ситуации обычны и повсеместны. Так вот, американские власти предвидят это и, как правило, заблаговременно заключают со страной пребывания соглашение, согласно которому американские военные любого ранга, в том числе и рядовые, не отвечают за свои преступления по местным законам и не сидят в местных тюрьмах. Согласно таким соглашениям они имеют статус, похожий на дипломатический иммунитет.

Конечно же, США не стали делать исключений для Ельцина и предусмотрели такие же дипломатические иммунитеты для своих солдат и офицеров, которые должны были прибыть на российскую территорию для оказания помощи в утилизации ядерных боеприпасов. Положения о таком иммунитете были стандартными для американцев и в стандартной же форме были включены в текст. Но то, что было стандартно для американцев и привычно для японцев, проигравших войну, выглядело немного дико для России. На этом я и решил сыграть.

Тут самое время уточнить, что это соглашение ни в Верховный Совет, ни в Государственную думу не вносилось. Почему? Да потому, что в тексте ратификация не была предусмотрена! Для юриста это звучит совершенно за пределами, но Ельцин и его помощники, в том числе в МИДе, решили, что можно освободить иностранцев от уголовной ответственности на территории России, не прибегая к ратификации. Не поверишь, если не увидишь собственными глазами!

Я, еще работая в Верховном Совете, раздобыл текст из неформальных источников. Почитал его. Для начала решил найти депутата, который выступил бы в качестве "локомотива" в деле разрушения этого зловредного документа. Искать долго не пришлось, в качестве такового сам охотно вызвался депутат Михайлов, заместитель председателя Комитета по международным делам Верховного Совета.

Как можно разрушить соглашение, которое не предусматривает ратификации, не вносится на рассмотрение парламента и исполняется в силу самого факта его подписания? Это еще предстояло решить. А для начала надо было собрать заключения специалистов. Был составлен список известных юристов, уточнены адреса. Среди них фигурировал, например Олег Николаевич Хлестов, доктор юридических наук, бывший заведующий договорно-правовым отделом МИД СССР. И, кстати, ярый противник привилегий и иммунитетов для иностранцев. Другие в списке были ему подстать, тут уж я постарался как следует!

Ответы, как и предполагалось, пришли совершенно зубодробительные. Люди из моего списка не просто высказались против соглашения. Они подобрали соответствующую аргументацию, привели конкретные примеры. Спорить с этой подборкой заключений было совершенно невозможно.

Схватка на Съезде народных депутатов

Итак, отрицательные отзывы есть. Что дальше? А что, если организовать постановление съезда народных депутатов, осуждающее это соглашение? С мнением съезда Ельцину будет сложно спорить! Эта идея Михайлову понравилась. Евгений Амбарцумов как председатель комитета пытался что-то возразить, но потом решил не рисковать, слишком уж одиозным выглядел этот договор. Защищать подобное – себе дороже!

Я быстро сочинил проект постановления съезда. Поскольку съезд проходил в Кремле, я отправился туда, в секретариат, оказывать помощь депутатам, если по проекту постановления возникнут возражения.

И они, эти возражения, еще как возникли! У американцев оказалось более чем достаточно сторонников среди депутатов съезда. Заявился в секретариат и сам Дима Рюриков, помощник Ельцина по международным делам. Он хорошо знал меня по прежней совместной работе в договорно-правовом отделе МИДа, но тут вдруг решил "не узнавать", отвернулся, важно прошел мимо. Что он этим хотел сказать? Что он теперь такая важная персона, что даже кивнуть в знак приветствия может не каждому? Впрочем, в качестве отступления можно отметить, что Дима потом исправился и больше такого невоспитанного поведения не допускал, а исправно здоровался, когда встречал меня на тех или иных мероприятиях.

Итак, в зале началось обсуждение проекта придуманного мной постановления. Поначалу оно шло неформально. Однако вскоре в секретариат съезда, в подвал, прибежал сам

Амбарцумов и принес первые замечания. Я тут же исправил текст. Евгений Аршакович убежал. Но через некоторое время опять появился уже с новыми замечаниями и предложениями. Потом эта процедура повторилась еще раз десять, никак не меньше. Откуда только брались все эти замечания?! Впрочем, понятно, откуда: "пятая колонна" всячески отрабатывала свои сребреники и исправно защищала интересы США. Замечания и поправки становились все более изощренными. Они противоречили друг другу: то прямо, то косвенно искажали суть проекта постановления. Были видно, что наверху с этими поправками кто-то изрядно напрягал свою голову. Но все было напрасно! Я учитывал все поправки, но не механически, иначе от проекта остались бы рожки да ножки. Я принимал во внимание стилистическую или формальную сторону предложенных поправок, но одновременно корректировал и основной текст, да так, чтобы сохранить основную идею: осудить соглашение как противоречащее интересам России.

В конце концов, фантазия противников постановления иссякла. Все их замечания были, по сути, учтены, но направленность проекта постановления сохранена. Оставалось вынести его на голосование и принять. Что через некоторое время и было сделано. Я откинулся на спинку своего кресла и наконец-то вздохнул с облегчением, при этом ощутил огромное удовлетворение от того, что смог помочь забить гвоздь в крышку гроба этого соглашения, а также помешать президенту страны организовать процесс ликвидации ядерных боеголовок.

В общем, если по уму, то надо было критиковать не только привилегии и иммунитеты американских военнослужащих, но и еще одно положение: освобождение США от ответственности в случае аварии с ядерным оружием. Такое положение тоже было включено в то самое соглашение. Как можно освободить от такой ответственности?! Если уж ты берешься за проведение каких-то работ, то как можно не отвечать за качество этих работ, а тем более за ущерб, который может возникнуть в результате твоих действий? Но вот американцы вопреки всей этой логике

все-таки предусмотрели в тексте освобождение от гражданской ответственности за ущерб в случае ядерной аварии. К сожалению, у меня тогда просто не хватило сил, чтобы разрушить и это положение. А жаль.

Если не ошибаюсь, в дальнейшем оба эти соглашения так и канули в небытие, первого отрицательного импульса оказалось достаточно. Впрочем, не исключаю, что при Ельцине некоторые их положения все равно какое-то время применялись явочным порядком, несмотря на возражения парламента.

Глава 21. Чеченская Республика

Делегаты из ПАСЕ

*Ш*ел 1996 год. Ближе к осени выяснилось, что в Чеченскую республику решила навеститься делегация Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). В общем, понятно, что ПАСЕ занимается во многом именно правами человека, а в Чечне до этого не так давно шли настоящие боевые действия с сепаратистами. Вдруг там до сих пор не все в порядке с этими самыми правами? То есть формальный повод направить туда делегацию у ПАСЕ, конечно, имелся. Другое дело, что европейских депутатов не столько беспокоила ситуация с правами человека, сколько одолевало желание вмешаться во внутренние дела России, и тут все методы были хороши. Можно, например, было шантажировать тем, что права человека плохо соблюдаются применительно к чеченцам. Глядишь, можно заставить Россию поддаться на этот шантаж и сделать какую-то важную уступку в другой области, например по части торговли нефтью и газом.

Однако нельзя было исключить и другой важный мотив: похоже, что депутаты из ПАСЕ решили заодно устроить себе небольшую бесплатную экзотическую поездку в бывшую "горячую точку". О таком путешествии можно потом с особым шиком рассказать своим друзьям за бокалом хорошего вина у потрескивающего жаром камина. Формально делегация собиралась своими глазами увидеть разрушенную Чечню и пообщаться с кем-нибудь из лидеров сепаратистов, а потом доложить о своих наблюдениях и выводах на Парламентской ассамблее Совета Европы. Вот так, ни больше ни меньше. Делегацию возглавил отставной швейцарский генерал Эрнст Мюллеман, который был в то время докладчиком по России в

Совете Европы. Вошли туда и еще несколько депутатов из этой организации.

Обычно моя супруга старалась не пускать меня в сомнительные командировки подобного рода. Но тут я проявил особое красноречие, и согласие было получено. Я особо напирал на то, что едет иностранная делегация на высоком политическом уровне, и уже хотя бы только по одной этой причине с ней не может приключиться ничего плохого (как потом выяснилось, с делегацией как раз могло много чего приключиться).

Поскольку в работе Парламентской ассамблеи Совета Европы со стороны России участвовали депутаты Государственной думы и Совета федерации, то вполне естественным было послать вместе с делегацией ПАСЕ также еще и руководителя аппарата Комитета по международным делам из Госдумы, который знал и понимал все детали и особенности участия России в этой довольно специфичной международной организации. Именно поэтому выбор руководства Думы и пал на меня. К тому же за мое участие высказался и Юров, исключительно опытный и авторитетный сотрудник, заместитель начальника управления международных связей Госдумы. Человек с легендарным стажем работы в представительных органах власти.

"Чкаловский"

Делегация ПАСЕ вылетела ранним утром спецрейсом с аэродрома "Чкаловский". Все было очень красиво и романтично. За мной, как и за другими членами делегации, еще ночью заехала черная "Волга". Час езды по Щелковскому шоссе - вот уже и аэродром. Кто только сюда не прилетал и отсюда не вылетал! Военные самолеты в Афганистан и из Афганистана, всевозможные группы антитеррора и спецназа, служебные рейсы с начальниками всех видов и рангов. Тайные миссии дипломатов и торжественные прибытия космонавтов.

Понятное дело, что аэродром был лучшим образом оборудован под такие мероприятия. Удобный зал ожиданий, минимум формальностей. Неудивительно, что через эти воздушные ворота в свое время из Афганистана было завезено очень много всяких сомнительных грузов: драгоценные камни, наркотики, оружие. Прилетел, разгрузился, при этом обошелся безо всяких ненужных проверок, и растворился без следа в окружающей аэродром темноте. То еще место!

Скорее всего, иностранцы не знали всех этих деталей из славной истории аэродрома "Чкаловский". Внешне заурядный полувоенный подмосковный аэродром, вылет на обычном гражданском самолете, ничего странного для постороннего человека. Однако было заметно, что представители ПАСЕ все-таки испытывали определенное беспокойство: сидели молча, не шутили, переговаривались, как правило, шепотом. Оно и понятно – впереди загадочная Чечня. А там могут выстрелить из-за любого угла. Разбирайся потом, в кого стреляли. Горячая точка, она и есть горячая точка, и там можно лишиться жизни без каких-либо особых сложностей. Просто оказался не в то время и не в том месте, вот и нет головы.

Мюллеман

Эрнст Мюллеман, глава делегации, бригадный генерал, вел себя более свободно. Разумеется, военная среда для него была более понятна, чем для других. Считалось, что Мюллеман даже

чуть ли не симпатизирует России, потому я стал повнимательнее приглядываться к этому уже достаточно пожилому человеку. Грузный, малоподвижный, с безразличным лицом, но ведет себя не заносчиво, а очень даже демократично. Одет в гражданскую форму. По манере двигаться и говорить никогда и не скажешь, что это кадровый военный. Больше похож на профессора, сильно уставшего от жизни. И никакой особой доброжелательности я у него тоже не заметил.

Понятное дело, что из "Чкаловского" прямого рейса до Грозного не было, и самолет после часового с небольшим перелета совершил посадку в Моздоке. Кстати, никто делегатам заранее не рассказывал, каким именно будет маршрут и где придется совершать пересадки. Я тоже не знал всех деталей. Поездка строилась как достаточно загадочное и таинственное мероприятие. Наверное, так и надо было делать: нагнать на иностранцев побольше страха, чтобы знали свое место и не слишком капризничали. Как говорится, назвался груздем – полезай в кузов. Решил съездить в Чечню с "инспекцией" - не жалуясь на невзгоды, секретность и прочие неприятные обстоятельства.

Моздок. "Гроб"

Моздок встретил нас довольно пасмурной погодой, разве что только не шел дождь, но все было на самой грани. Однако в любом случае экскурсия по городу не планировалась, так что погода не была помехой. Примерно в двух сотнях метров от нашего самолета уже стоял наготове вертолет МИ-8, весь такой камуфляжный, армейский. На нем надо было пролететь остаток пути до Грозного. Делегаты, собрав свои пожитки, побрели по полю к винтокрылой машине. Моздок уже был полностью военным аэродромом. Москва осталась позади, а впереди любителей путешествовать за государственный счет ждал город Грозный, где жили чеченцы, еще совсем недавно встречавшие гостей автоматными очередями.

Я пригляделся к вертолету и с удивлением обнаружил, что тот был не то что не новый, а совсем не новый. Краска облупилась, корпус был сплошь покрыт маленькими и большими вмятинами. Впрочем, выбирать не приходилось, уж какой транспорт дали, за такой и спасибо. Но неужели тут не нашлось вертолета поновее? А на чем, интересно, летали местные генералы? Наверное, себя-то не обижали? А тут вдруг не нашлось приличного летательного аппарата для иностранных гостей? Впрочем, потом я понял смысл этой странности, а в тот момент эти мысли просто промелькнули в моей голове, не сильно там задержавшись. Какая, в конце концов, разница, на чем лететь? Я оглядел делегатов. Те расселись внутри на места по кругу и тоже, как и я, с любопытством озирались. Впрочем, в салоне вертолета не было ничего особенного: обычный алюминий, весь в заклепках, покрашен в темно-зеленый цвет. Во многих местах краска облупилась, кое-где были заметны следы довольно небрежного ремонта.

Вслед за делегатами внутрь забрался местный военный, судя по погонам - полковник, который тут же произнес небольшую речь. Оказалось, что вылет немного откладывается, но всего минут на пятнадцать. По его словам, для сопровождения МИ-8 выделялось два боевых вертолета. Они сейчас готовились к вылету. Как только они взлетят - сразу же стартует и МИ-8.

Делегаты между собой переглянулись. С одной стороны, было хорошо, что выделялись какие-то боевые вертолеты для прикрытия. С другой стороны, сам факт такого прикрытия означал, что вертолет нуждался в защите. Получалось, что с земли по нему могли и ударить. И даже сбить? По лицам иностранцев пробежала тень. Они стали ерзать, даже как бы сжались. Но никто не проронил ни слова. А что тут скажешь?! Чечня есть Чечня. На войне как на войне.

Я полагал, что вертолет будет взлетать вертикально. Раскрутит свои лопасти, потом изменит угол атаки и взмоет вверх. Но вертолетчики применили иной метод взлета. Лопасти действительно развернулись, но потом машина не взлетела

вверх, а побежала по дорожке, как самолет. Взлетел МИ-8 только после метров ста такого разбега.

Как только вертолет оторвался от земли, я сразу понял, почему он имел такой потрепанный вид. Несомненно, военные нарочно подсунули эту машину. Если они хотели как-то нагнать страху на иностранцев, то это им очень удалось. Где они только раздобыли этот экспонат?! На самом деле это был не летательный аппарат, а просто летающий гроб. Вибрация была совершенно чудовищная! В корпусе все отчаянно скрипело, брэнчало, трещало и вибрировало. Очень сомнительно, что именно так в нормальном состоянии и летают вертолеты. Было понятно, что источником вибрации могли быть только лопасти. Точно так же было ясно, что должна существовать какая-то система их балансировки, хотя бы грубая. Тут же трясло так, что было совершенно очевидно, что разбалансировка составляла, наверное, не граммы, а целые килограммы.

На делегатов было жалко смотреть. Такого полета они явно не ожидали. Просто сидеть на лавках было невозможно, надо было обязательно за что-то держаться и время от времени подтягиваться и занимать прежнюю позицию. Без этого за пару минут можно было запросто сползти прямо на пол.

Эрнст Мюллеман сидел рядом со мной. Он выпрямил спину и схватился за лавку двумя руками справа и слева от себя. Голову он немного запрокинул. И закрыл глаза! Нет, Мюллеман, конечно же, вовсе не заснул. Наверное, так ему было легче переносить тряску. Конечно же, генерал летал раньше на вертолетах. Надо полагать, что швейцарские машины были вполне комфортабельными. То есть Мюллеман сразу понял, что все это значит, и решил стоически перенести это испытание. Впрочем, не исключено, что, закрыв глаза, он хотел скрыть свои чувства. Страх? Очень даже может быть. Как человек военный он, наверное, лучше других мог оценить, насколько велики были шансы, что летательное устройство развалится на куски прямо в воздухе.

Я оглядел и других представителей Парламентской ассамблеи и встретился глазами с дамочкой из Эстонии. Вот уж злобная была персона, так и источала яд, упоминая Россию! Но тут в ее глазах читалась вовсе не злоба, а самый настоящий ужас. Она впилась взглядом в меня, видимо, желая понять, насколько вся эта катавасия была подстроена. Я ощутил изрядное злорадство, и, наверное, не смог скрыть это чувство. Во всяком случае, дамочка резко отвернулась и уставилась в противоположную стенку. При этом ее маленькие ручки, которыми она вцепилась в лавку, даже побелели. Так тебе и надо! Поменьше будешь твякать!

Я тоже вцепился одной рукой в лавку, а другой – в стойку. Трясло меня так же, как и остальных. Так развалится эта старая калоша или нет? Вряд ли местные военные допустят такое! Такой скандал вряд ли возможен! Как только я пришел к этому малообоснованному выводу, сразу же успокоился. Пусть боятся другие! А я буду рассматривать все это как особое экзотическое приключение. Я так и не смог избавиться от чувства злорадства, как будто это сам подстроил представителям из ПАСЕ такую вертолетную пакость.

Машина уже набрала высоту. Я глянул в иллюминатор: до земли было километра полтора, не больше. Вполне можно достать из крупнокалиберного пулемета. Впрочем, внизу тянулись бесконечные квадраты земельных участков. Людей на них почти не было, лишь кое-где трудились какие-то местные крестьяне. Или это на самом деле были бандиты? Сейчас услышат шум винтов, распрямятся, оглядятся, кинут лопату в сторону, вытащат что-то побольше калибром, а то и переносную зенитную ракету. И вот она - смерть в пылающей машине, стремительно несущейся вниз!

А можно ли с вертолета вести ответный огонь по земле? Я прикинул себя на месте стрелка: открытая дверь, в руках пулемет, держаться не за что. При такой тряске прицелиться будет совершенно невозможно. А скорее всего, тут же

потеряешь равновесие и улетишь наружу вместе со своим пулеметом.

На живца

А как же вертолеты прикрытия? Где же они? Я прильнул к иллюминатору и с удивлением обнаружил оба военных вертолета, которые летели выше МИ-8, наверное, на километр. Это было странно! Допустим, на земле сидит злой чеченец, ждет свою жертву. Маршрут известен – именно здесь регулярно пролетают вертолеты из Моздока в Грозный. Если вертолет с боевым сопровождением, значит, на борту важная птица.

На плече у чеченца переносной зенитно-ракетный комплекс. Вот послышался шум винтов. Наконец показались и вертолеты. Боевые – повыше и немного сзади, а МИ-8 - пониже и впереди. Ясно, что важная птица сидит именно в МИ-8. Что будет делать боевик? Ясно что: ударит по МИ-8! А что будут после этого делать вертолеты прикрытия? Они, конечно же, заметят, откуда велась стрельба, и откроют ответный огонь. Если стрелок не дурак, то он тут же нырнет в какую-нибудь нору и вылезет наружу совсем в другом месте. Возьмет в руки лопату и начнет как ни в чем ни бывало копать картошку. А МИ-8? Он, весь объятый пламенем, камнем полетит к земле. Внутри будет с хрустом и копотью гореть мясо уже безжизненных тел европейских депутатов, приехавших позаботиться о соблюдении прав человека среди местного населения.

Итак, вертолеты прикрытия, если они действительно собирались кого-то прикрывать, должны были лететь ниже МИ-8 и впереди, собой закрывая нас от ударов с земли. А они летели выше и сзади. Вряд ли это было случайностью. Неужели военные не знали, как надо прикрывать те или иные цели? Конечно, знали! Получалось, что они нарочно провоцировали местных бандитов сбить этот самый злосчастный вертолет. МИ-8 по сути выступал в роли приманки. Как только я это понял, у меня внутри все похолодело. Вот гады! Нет, я был вполне

согласен с военными, что иностранных визитеров можно было скормить местным бандитам, чтобы неповадно было сюда лезть со всяческими инспекциями. Но зачем же добавлять до кучи еще и меня?

В общем, логика военных была при этом довольно понятна. Что, депутаты Совета Европы вздумали посетить Чечню? Вступиться за террористов – сепаратистов? Ну, вступайтесь–вступайтесь! А мы вас так повезем на вертолете, чтобы эти сепаратисты, интересы которых вы так горячо защищаете, вас же самих и сбили. Вот тогда будете знать, как поощрять терроризм на Северном Кавказе! Да и в других местах.

Если подобные планы и были в головах российских военных, то в любом случае они не были согласованы с Государственной думой. Никто из военных в Думу не обращался и не предлагал маленько поугатать иностранных визитеров. Иначе я об этом непременно бы знал. Получалось, что военные действовали на свой страх и риск, причем не абы в каком вопросе. Так недолго и спровоцировать крупный международный конфликт! И ведь не бояться никого из Москвы!

Прекрасная мишень

Наконец вертолет дотрясся до Грозного, так и не развалившись по дороге. МИ-8 приземлился на небольшом аэродроме на окраине города. Делегаты выпрыгивали в открытую дверь и, пошатываясь, поспешно отходили подальше от машины, которая чуть не отняла у них жизнь. Но здоровье и нервы точно отняла, тут никаких сомнений быть не могло. Наверняка этот полет стоил европейцам не одной погибшей нервной клетки.

Тут же неподалеку стоял автобус, что-то типа старогостарого ПАЗика, битком набитый вооруженной охраной. Это были бравого вида ребята, сжимавшие в руках какие-то здоровенные ружья. Некоторые винтовки были нормального калибра – 7,62. Но некоторые – намного более крупного, что

было видно даже невооруженным глазом. Снайперские винтовки для стрельбы на особо дальние расстояния? Видимо, да.

Делегаты забрались в автобус. Им пришлось распределиться по всему салону, по местам, еще не занятым бойцами. Однако те в основном скопились в голове и хвосте автобуса. Середина полностью досталась иностранным гостям. Снайперы стояли лишь в проходе.

Похоже, речь шла об очередном испытании. Вся обстановка со всей очевидностью наводила на мысль, что дело может кончиться хорошим обстрелом. Действительно, за версту было видно, что в автобусе везут кого-то особо важного. Опять машины сопровождения. И совершенно беззащитный автобус! Пострадают бойцы сопровождения? Может быть. Для убедительности, и лишь кое-кто. В любом случае, вряд ли кто из них погибнет: в середине автобуса они спрячутся за делегатов, все в бронежилетах, в касках, чуть что, сразу попадают на пол, откроют ответный огонь. А вот судьба пассажиров в таком случае будет незавидной.

Автобус, а за ним вся кавалькада сопровождения, включая два бронетранспортера, двинулись в сторону города. Дорога была узкая, только-только разминуться двум встречным машинам. Кругом бесчисленные лачуги, от края дороги до горизонта. Не было никакого сомнения, что автобус представлял собой прекрасную мишень. Среди этих жалких построек мог спрятаться не то что террорист, а целый отряд террористов. Опять всю делегацию (заметим себе, включая не только сотрудников, но и депутатов Думы!) выставляли в качестве приманки. Впрочем, не исключено, что другой дороги тут и не было. Но обязательно ли было использовать автобус? Нельзя ли было рассадить всех в одинаковые легковые автомобили и провезти побыстрее? Наверняка это было бы более безопасно. А так было похоже, что всю компанию заезжих гостей выставляли в качестве легкой мишени. А потом с нападавшими охрана, конечно же, героически расправилась бы, отомстив за гибель

депутатов. А может, и не расправилась бы, в таком бесчисленном количестве частных домиков можно было спокойно спрятать целую армию.

Вообще, было понятно, что если тактика приманки не сработает и чеченцы так и не совершат нападения, то все равно вся эта охрана и прикрытие, что на вертолетах, что на автобусе сделают свое дело: внушат заезжим визитерам мысль, что тут очень страшно. Впрочем, и без этого цирка было понятно, что тут, несмотря на то, что активные боевые действия прекратились, все равно можно было без труда расстаться с жизнью.

Автобус медленно полз по петляющей дороге. Бескрайнее море лачуг все не кончалось. Охранники угрожающе поглядывали в окна, крепко сжимая в своих руках винтовки и автоматы. Я тоже внимательно всматривался через окно, пытаюсь увидеть следы боев, о которых так много говорили и писали. Но что-то никаких таких следов заметно не было. По обе стороны от дороги тянулись все те же невзрачные домишки. Все абсолютно целые. Случись тут хоть один пожар - все эти строения, несомненно, сгорели бы дотла. Значит, тут пожаров не было. И не было заметно никаких разрушений, а также следов обстрелов.

Следы боев

Только когда кавалькада добралась до центра города, появились следы боев. В самом центре стояло с десятков многоэтажных кирпичных домов, которые обычно принято называть "сталинками". Вот они действительно были испещрены пулями и снарядами. Однако даже тут не было разрушенных дотла зданий, только щербинки на стенах от попаданий всех калибров. Однако "сталинки" занимали пространство в лучшем случае километр на километр, а скорее всего, даже меньше. И это все? На разрушенный Сталинград все это было мало похоже...

Вообще, насколько можно было судить из окна автобуса, на улицах Грозного жизнь текла своим чередом. Никаких особых признаков войны. Самый обычный городок из российской глубинки. И ведь боевые действия в Грозном шли совсем недавно! Где только киношники насобирали свои кадры о жутких развалинах? Наверное, пришлось для этого изрядно попотеть, выбирая удачный ракурс.

Напомним себе, ведь это была парламентская делегация Совета Европы, которая заявила в Чечню именно для того, чтобы ознакомиться с ужасными последствиями гражданской войны, с нарушениями прав человека, особенно права на жилище, да и на саму жизнь.

Доку Завгаев

Для начала делегатов привезли на встречу с местным правителем Чечни, ее тогдашним президентом Доку Завгаевым. Тем самым, который после захвата Грозного боевиками удрал из города и вскоре стал послом России в Танзании.

Доку Завгаев был личностью промосковской ориентации. Его резиденцию, трехэтажный кирпичный дом, охраняли ребята вполне бравого вида, подстать тем, что ехали с нами в автобусе. Депутаты ПАСЕ, а вместе с ними и я, зашли в кабинет Завгаева

на втором этаже. Окна не были закрыты ни жалюзи, ни шторами. В них был прекрасно виден жилой дом на противоположной стороне улицы. Там сушились какие-то простыни и наволочки на балконах, туда-сюда сновали дети и женщины. То есть напротив был обычный жилой дом. "Что же нам вешают на уши "лапшу" по поводу угрозы безопасности? - невольно подумал я. - Любой дурак из этого дома выстрелит из гранатомета прямо в открытое окно – вот и нет ставленника Москвы Доку Завгаева! А заодно и нашей делегации. Значит, не очень боевики хотят устраивать покушение, если не стреляют. Значит, не очень Завгаев боится покушения, если даже окна не зашторены".

Делегаты расселись, ожидая, что вот теперь начнется обстоятельная и детальная беседа. Мюллерман как руководитель делегации уселся совсем рядом с Завгаевым и стал того совершенно беспардонно разглядывать. Примерно так, как зоолог рассматривает только что пойманного жучка. Но Доку Завгаев не смутился от такого внимания, более того, он, похоже, вообще относился к этой встрече как к самому обычному рутинному мероприятию. А ведь перед ним сидели европейские политики, которые собирались озвучить на всю Европу результаты своей поездки. Конечно, если они смогли бы раскопать что-то сенсационное. Вдруг что-то такое сейчас им скажет президент Чечни?

Очень скоро стало понятно, почему Доку Завгаев был так спокоен. Он не собирался участвовать ни в каких дискуссиях. И он не собирался сообщать никаких сенсаций. Надо отдать ему должное, никакой бумажки Завгаев из кармана не вытащил. Но и без бумажки он говорил предельно четко. Очень было похоже, что эту речь Завгаев произносил уже не раз и потому смог хорошо ее заучить.

Это была бесконечная череда стандартных, ничего не значивших фраз. Завгаев говорил, а выражение его лица было предельно нейтральным, даже безразличным. Ему было явно все равно, кто перед ним сидел и кто его слушал, поскольку никто

не смог бы извлечь из этой речи не то что сенсационное, а даже просто полезное. Это был абсолютный образец пустопорожнего монолога. Прервать Завгаева было нельзя, все-таки президент. Но и слушать его было трудно. Я заметил, как вскоре некоторые члены делегации стали незаметно отворачиваться от говорившего Завгаева и смотреть в свои бумаги. Кто-то даже стал что-то там чертить.

Минут через тридцать Завгаев закончил говорить. Точнее, он сделал небольшую паузу, а потом произнес, что делегатов ждет хороший обед. С этими словами он встал со своего места и жестом предложил всем остальным сделать то же самое. Российские участники не стали спорить и тотчас же поднялись со своих мест. Иностранцы чуть помедлили, стали между собой переговариваться. Суть их вопроса была понятна: "И это все?".

Да, это было все! Завгаев не собирался устраивать никаких дискуссий. Не собирался он и отвечать ни на какие вопросы. "Вы хотели со мной встретиться? Вы встретились. Вы хотели меня услышать? Вы услышали. Что вам еще от меня нужно? Вы хотите выудить у меня какие-то факты, услышать какие-то комментарии, которые потом обернете против меня? Нет, уж увольте!". Конечно, этих слов Завгаев вслух не произнес. Но это было понятно и без слов.

Итак, следующим пунктом программы был обед. Завгаев не стал утруждать себя участием в трапезе, что было вполне понятно и объяснимо. Нет, конечно же, он уважал иностранных визитеров и, конечно же, мог с ними и отобедать. Но ведь они обязательно начнут там задавать вопросы! А на них достойных ответов нет. Поэтому придется извиниться и от участия в обеде отказаться.

Анатолий Романов

Обед был организован в том же здании этажом ниже. Я про себя отметил, что стол не страдал от изобилия. Можно даже сказать, что стол был скромным. Но водка была хорошего

качества. Однако не бывает, чтобы в подобном дипломатическом мероприятии не было руководителя с принимающей стороны. На роль такого руководителя вызвался генерал Анатолий Романов. Тот самый, который руководил расстрелом российского парламента из танков и который получил за это звание Героя России. Тот самый, который впоследствии был взорван неизвестно кем в городе Грозном, получил травму головы и был обречен провести остаток своей жизни прикованным к постели, не сильно отличаясь от растения.

Именно генерал Романов и взял слово. Лучше бы он этого не делал! Его выступление было еще хуже, чем у Завгаева. Тоже одни клише и штампы. Вообще-то, это было странно. Конечно, Романову, как и Завгаеву, надо было стараться не сказать ничего лишнего. Но не до такой же степени! Тем более что теперь речь шла не об официальной встрече, а о чем-то, отдаленно напоминавшем прием. Неужели для такого случая у генерала не имелось в запасе пары нестандартных фраз? Как он, интересно, выпивал в компании своих же военных? В российской армии, как известно, невозможно обойтись без пьянки и застолья. А там обязательно что-то говорят.

Но генерал явно не был склонен тратить свое красноречие и остроумие на каких-то там заезжих иностранцев. Он произнес по содержанию примерно то же, что и Завгаев, только в пределах не тридцати, а всего десяти минут. Потом довольно неожиданно закончил и предложил тост за международное

сотрудничество. Чуть пригубил свою рюмку, сел на место. И дальше не произнес ни слова.

Конечно, иностранным гостям все это не понравилось. Причем даже не потому, что их лишили возможности задать вопросы и что-то там такое "секретное" раскопать, а потому, что все это было просто невежливо. В конце концов, грамотный и воспитанный человек, если он хочет скрыть свои мысли, все равно найдет, как что-то сказать, чтобы не выглядеть совсем уж неотесанным чурбаном. Но я не стал заикливаться на таких мелочах как полное отсутствие у хозяев способности к социальному общению. Еда была приличная, хоть и простая. Компания малообщительная, но все равно достаточно интересная.

Раманов и Масхадов

Наконец обед закончился, и вся честная компания отправилась к "гвоздю" всей программы визита – к самому Аслану Масхадову. Он тогда еще не был президентом Чеченской Республики. Вместе с Масхадовым в переговорах формально участвовал и Мовлади Удугов. Тот самый, который теперь сидит в Великобритании и которого англичане отказываются выдавать, несмотря на то, что Россия предоставила достаточные доказательства его террористической деятельности. В момент описываемых переговоров Удугов еще не стал министром информации в правительстве Чечни.

Масхадов всех довольно прилично удивил. Для начала - своим абсолютно жалким видом. Это был совершенно маленького росточка человечек в изрядно помятой полковничьей форме, на вид предельно запуганный. Никто его не слушался, и никто ему не подчинялся. Просто человек, от которого явно ничего не зависело.

Встреча проходила в небольшом одноэтажном домике на окраине Грозного, известного как местная штаб-квартира ОБСЕ. Ворота с надписью "ОБСЕ" в то время регулярно показывали по

телевидению. Делегация зашла внутрь, все расселись за длинным столом. Иностранцы наострили уши. Вот теперь-то они услышат всю правду про Чечню и гражданскую войну!

Но ничего подобного, вопреки всеобщим ожиданиям, не произошло и тут. Почему – неизвестно. А только и Аслан Масхадов произнес такую же заученную и бессодержательную речь, как и его предшественники в этот день. При этом у него не обнаружилось никакого желания хоть что-то обсуждать, выяснять позицию ПАСЕ. Ведь перед ним сидели не абы кто, а довольно-таки представительная делегация Парламентской ассамблеи Совета Европы, то есть организации, которая могла выступить в роли по крайней мере политической опоры за рубежом для всех сепаратистов. Можно было хотя бы попытаться заручиться их политической поддержкой, договориться о том, как сделать гласными ситуации, которыми чеченцы были недовольны. В конце концов, можно было хотя бы порасспросить о настроениях в Совете Европы в отношении

Чечни и России. Ничего! Масхадов не проявил никакого интереса и не задал ни одного вопроса.

Вообще-то, у меня есть версия, почему Аслан Масхадов так странно себя повел. Очень было похоже, что этот "полевой командир" находился в контакте с российскими спецслужбами. Российские СМИ представляли Масхадова как одного из популярных лидеров сепаратистов, а на самом деле, надо полагать, он исполнял роль подсадной утки, а заодно и свечки, на которую должны были слетаться мотыльки-сепаратисты, вздумавшие поиграть в независимость. Эдакая операция "Трест" в чеченском разливе.

Пока делегаты ПАСЕ сидели в домике и слушали выступление известного чеченского командира, земля вдруг задрожала. Как при землетрясении! Что такое? Я быстро сообразил, что за воротами мимо домика проходила колонна танков. Постепенно лязгающие звуки стали удаляться, но земля продолжала заметно дрожать. Через некоторое время, однако, опять послышалось лязганье танков. И опять вся постройка стала довольно прилично шататься и вибрировать. Можно даже сказать, что весь домик, выполнявший роль местного штаба ОБСЕ, просто ходил ходуном. Опять танки ушли, но через некоторое время появились вновь. Надо полагать, что мимо ворот никакая бронетанковая дивизия не проходила, а просто вокруг квартала, где располагался этот дом, по кругу каталась группа все одних и тех же танков. Зачем? Да, все за тем же! Чтобы продемонстрировать иностранцам, что броня крепка и танки наши быстры, и наши люди мужества полны. При этом я для себя отметил, что демонстрация силы удалась в полной мере. В какой-то момент стало понятно, что еще чуть-чуть, и вся эта хата просто развалится, погребя под собой всех прогрессивных представителей Западной Европы. А заодно и меня...

Через достаточно короткий промежуток времени в "переговорах" был объявлен перерыв. Кажется, применительно к тому, что происходило, это слово можно было писать только в

кавычках, потому что никаких переговоров в полном значении этого слова там не было. Монологи – да. Но при этом каждый говорил о своем. Причем Масхадов явно не желал вступать ни в какие обсуждения никаких вопросов.

Перерыв, значит, перерыв! Все дружно встали и вышли на свежий воздух. Кто-то закурил. Романов и Масхадов как старые добрые знакомые отошли немного в сторонку и что-то там довольно лениво обсуждали. И это были антагонисты по разную сторону идеологических баррикад? Я не удержался и сделал снимок этой "сладкой парочки", себе на память. Да, похоже, Масхадов в достаточной степени сотрудничал с московскими властями. Потому и не пошел на сотрудничество с Советом Европы. В любом случае он как-то заигрывал с федеральным центром, это уж точно. А был ли формально завербован, являлся ли агентом, внедренным в ряды чеченских сепаратистов, это знали только люди с площади Дзержинского. Впрочем, может быть, Аслан вел двойную игру, реально подыгрывая сепаратистам, не желая выступать в роли дешевого провокатора. Этого не могли наверняка знать и доблестные чекисты. Потому как влезть в голову человека без его спроса хотя и можно, но с серьезными ограничениями.

Ядерные ракетносцы

Наконец, делегаты наслушались казенных бессмысленных речей под полную завязку и отправились назад в аэропорт. Опять всю компанию вез все тот же автобус, набитый охранниками со своими драматическими ружьями нечеловеческих калибров, которые больше глазели на иностранцев, нежели на проплывавшие за окном бесконечные лачуги. В аэропорту делегатов ждал все тот же трясущийся и вибрирующий вертолет. А к вечеру вся компания успешно долетела до Моздока и пересела в свой самолет. Казалось, все приключения уже позади! Однако самолет, подрулив к взлетно-посадочной полосе, тем не менее, не выкатился на нее и не

начал разбег. Похоже, диспетчеры по какой-то причине решили его задержать. Через несколько минут выяснилось, что именно это была за причина.

Пока самолет стоял у взлетно-посадочной полосы, на нее стали выруливать и взлетать какие-то военные самолеты. Судя по всему, это были стратегические бомбардировщики: носы заостренные, явно рассчитанные на сверхзвуковые скорости. А размеры, пожалуй, не меньше хорошего пассажирского лайнера.

Эти бомбардировщики все взлетали и взлетали, и конца им, кажется, не было. Моторы ревели, боевые машины рвались в темнеющую небесную синеву. Откуда и куда они летели? И почему именно сейчас, когда подошла очередь вылета самолета с делегацией ПАСЕ? В общем, догадаться, что это было не случайное совпадение, было несложно. Военные решили продемонстрировать иностранным гостям всю боевую мощь вооруженных сил России. Откуда, однако, они насобирали такое количество боевых машин? В это время никакие боевые действия в самой Чечне не велись, держать тут такое количество бомбардировщиков, тем более предназначенных для ядерного оружия, было явно не резон. Получалось, что вояки жгли казенное топливо и расходовали самолетный ресурс, а по большому счету рисковали и человеческими жизнями (вдруг авария?) только для того, чтобы произвести минутное впечатление на иностранцев, которые уже выпили свою суточную порцию водки, дважды протряслись в вертолете, отсидели в домике, шатавшемся от проходивших рядом танков, и теперь плохо что соображали. Впрочем, может быть, я был и не прав в своей оценке происходившего. Я глянул искоса на Мюллемана, швейцарского бригадного генерала, который возглавлял делегацию, а сейчас сидел и смотрел в иллюминатор на взлетавшие с жутким ревом ядерные монстры. И надо признать, выражение лица у него было вовсе не безразличное. Все-таки он испытывал какое-то определенное потрясение. Вся эта военная мощь явно вызвала у него подавленное настроение.

Так что, может быть, все это была и не напрасная трата авиационного керосина и дизтоплива для танков.

В ходе этой поездки я познакомился поближе с руководителем управления в администрации президента РФ, который отвечал за работу с регионами. Впечатление он произвел на меня самое удручающее: вел себя надменно, ни с кем подчеркнуто не общался. Это было странно! У него была возможность поговорить с людьми, "пощупать" ситуацию. Мог поговорить и со мной. Во всяком случае, я на его месте непременно воспользовался бы ситуацией, чтобы получить самую свежую информацию о внутренней думской "кухне". Я в подобных ситуациях всегда пытался собрать максимум полезной информации. Может, этот кремлевский деятель и так все знал? Куда там! Прямо на моих глазах он за столом у военных познакомился с представителем президента по Чечне! Получалось, что он раньше и в глаза не видел этого человека. Ничего себе специалист по региональным проблемам! Приехал в Чеченскую республику, никого не знает, ничем не интересуется, только расхаживает, задрал нос. В общем, все признаки недалекого, малограмотного человека. Нужно отметить, что в последующем этот деятель еще выше поднялся по служебной лестнице, стал отвечать за еще более серьезные и крупные проблемы. И вот такая публика определяет внутреннюю политику ядерной страны? Ну-ну!

По закону подлости...

Казалось бы, все, что могло приключиться с этой многострадальной делегацией ПАСЕ, уже приключилось в Чечне. И полеты на вертолетах, которые чуть не разваливаются в воздухе. И поездки в автобусе в качестве мишени для местных боевиков. И демонстрация военной мощи. Даже встреча с лидером боевиков. Чего уж больше?! Но оказалось, что апофеоз всей этой эпопеи случился как раз не в Чечне, а в Москве. Дело в том, что делегаты вдруг пожелали встретиться с

представителем президента России, который занимался Чеченской республикой. То есть с Эмилем Паиным, помощником Ельцина. Но Паин, понятное дело, человек занятой, и у него нет времени готовиться к большой встрече, чуть ли даже не пресс-конференции с такой многочисленной делегацией. Мало ли какие там могут задать вопросы?! С другой стороны, как можно обойтись без администрации президента России? Ведь все, что есть в чеченской кухне, варится именно там. И тут был найден компромисс: Эмиль Паин соглашается встретиться и ответить на вопросы. Но встретиться не со всей делегацией, а только с ее руководителем - Мюллеманом. И не в Кремле, а на нейтральной территории. А если быть до конца точным, то в кабинете Лукина. То есть предполагалось, что встреча будет носить менее официальный характер, и если вдруг Паин не найдется, что ответить, то ему может помочь Владимир Петрович Лукин. К тому же такой свидетель встречи - дело не лишнее. Если возникнут потом вопросы, что Паин наговорил чего-то лишнего, то Лукин всегда твердо и ясно скажет: "Такого никогда не было!".

Однако и Лукин понимал скользкий характер такой беседы. Запросто может потом получиться международный скандал, ведь слово не воробей, вылетит – не поймаешь. И Владимир Петрович тоже решил подстраховаться, для этого он решил пригласить на встречу меня, тем более что я сопровождал делегацию и был в курсе того, что увидели и услышали делегаты в Грозном. Я тоже мог вмешаться в беседу и заявить, что никто ничего такого в Чечне не говорил и не видел.

Беседа, значит, беседа! Я захватил блокнотик и отправился в кабинет к Лукину. Тот, однако, увидев блокнот, замахал руками: "Ничего не надо записывать! Если будет надо, потом восстановим по памяти!". Я пожал плечами, но блокнот отложил. Вообще-то, по чиновничьим правилам беседы с иностранцами положено записывать. Тут дело даже не в доверии к своим людям, а в том, чтобы максимально широкий круг лиц был знаком с вопросами, которые поднимались на

беседе. А в беседе Мюллемана и Паина такие вопросы еще как могли возникнуть! Но если не хочет, значит, ничего писать не будем. Впрочем, я понимал озабоченность Лукина. Паин или Лукин что-нибудь брякнут, я – запишу. А потом надо унижаться передо мной и просить эти слова убрать. Кому это надо?

Паин пришел довольно быстро, бегом поздоровался со мной и подсел к Лукину. Разговор между ними был совершенно светский и ничего не значивший, но было понятно, что они друг друга хорошо знают. Я сидел себе в сторонке и ждал, когда приведут Мюллемана. За ним уже послали. Иностранцам не положено шляться без сопровождения по зданию Государственной думы, поэтому у входа швейцарского генерала встречал сотрудник Комитета по международным делам, который и должен был проводить его до кабинета Лукина.

Мюллеман, наконец, дошел до кабинета, вошел, широко улыбнулся и бросился навстречу Лукину. Тот бросился навстречу Мюллеману. Оба рассыпались в любезностях. Мюллеман кивнул и мне и устремился к Паину. Тот встал, поздоровался, но особых любезностей произносить не стал. И особой радости тоже не выказал.

Более того, как только Мюллеман зашел в кабинет, с Эмилем Паиным случилась разительная перемена. Из эдакого небрежного лондонского денди он вдруг превратился в низкорослого сгорбившегося карлика, одетого в плохо сидевший на нем костюм. Куда только делся весь его лоск и вальяжность! При этом на лице Паина явно проступил самый настоящий страх! Да и весь Эмиль как-то вдруг чуть ли не затрясся. Вид у него стал именно такой: трясущийся. Глаза забегали. Как будто что-то только что украл с прилавка, и теперь его застукали.

Преобразование вальяжного Эмиля Паина в трясущегося то ли воришку, то ли убогого попрошайку было и удивительным и, в общем, понятным. Паин карьерным чиновником никогда не был и попал в Кремль на волне демократических перемен. То есть, выражаясь простым языком, случайно. И поэтому он хорошо

понимал, что сегодня он в Кремле, а завтра, если совершит неверный шаг, то еще неизвестно где. И хорошо еще, если голова останется на плечах. Потому-то он так и трясся при виде Мюллемана. Что-нибудь тут скажешь сгоряча, этот чертов генерал даст интервью какой-нибудь своей желтой газетке, та раструбит на всю Европу. И вот уже и нет никакого Паина ни в каком Кремле!

Самое удивительное и смешное заключалось в том, что хотя Паин так трясся и боялся, тем не менее по закону подлости он сморозил именно то, что говорить ему совсем даже и не следовало... Впрочем, рассказ будет хорош, если излагать все по порядку.

Итак, все расположились за столом в кабинете Лукина. С одной стороны Мюллеман - лицом к окну, с другой стороны –

хозяева - спиной к окну. Свет им падает в спину, в результате лиц не видно. Это – стандартный дипломатический трюк.

Не успели все еще толком рассестись, а Лукин – заказать чай с печеньем, как Мюллеман набросился на несчастного Паина:

- Расскажите, пожалуйста, какой план у администрации Ельцина по дальнейшему урегулированию чеченской проблемы?

Паин пустился в пространные рассуждения по поводу целостности государства, недопустимости сепаратизма, тем более с использованием оружия и преследованием инакомыслящих:

- У нас там ограниченный воинский контингент и, по сути, мы все поставленные задачи решили. Боевые действия уже не ведутся, боевики в основном разгромлены. Республика возвращается к миру и спокойствию. А мы тут из Москвы помогаем наладить мирную жизнь, – завершил свое выступление Паин.

Но Мюллемана такое объяснение вовсе даже не устроило:

- Нет, в Чечне еще далеко до состояния мира! Там до сих пор раздаются выстрелы. Мы, наша делегация, конечно, ни под какие обстрелы не попадали. Но европейская пресса хорошо нас информирует о настоящем состоянии дел. Насколько нам известно, Россия применяет для подавления протестов регулярную армию, что совершенно недопустимо. Да, мы понимаем, что сепаратисты подчас склонны применять оружие. Но регулярная армия, тяжелое оружие, неизбирательные обстрелы по площадям – это совершенно недопустимо! Что вы собираетесь сделать, чтобы это прекратить?

Паин опять пустился в пространные объяснения, что боевые действия закончились, а армия там стоит просто так, как в любой другой части страны. Непосредственно же в боевых столкновениях участвуют только милицейские формирования и отряды спецслужб, что вполне допустимо по любым демократическим меркам.

Но Мюллемана было непросто сбить с толку. Он открыл папку, которую захватил с собой, и я тотчас же понял, что этот швейцарец хорошо подготовился к беседе. Мюллеман брал в руки один листок за другим и зачитывал текст. Это были сообщения разных информагентств, а также газет. Попадались там и статьи независимых журналистов. Из всей этой подборки следовало, что боевые столкновения продолжаются, хотя и в меньшей степени, чем раньше. И в этих перестрелках всюду используется и тяжелое оружие, и регулярные воинские части. Мюллеман без стеснения зачитывал номера этих частей, называл даты, количество погибших и раненых. Казалось, этим цитатам и комментариям не будет конца.

Паин слушал и время от времени кивал головой. А глаза его при этом становились все более и более грустными. Разок он даже глянул искоса на Лукина. Наверное, этот взгляд должен был означать: "Куда же ты меня пригласил? Ты что, не знал, что представляет собой этот господин? Что я ему теперь должен сказать?".

Тут Лукин, судя по всему, понял этот тайный сигнал и вступил в беседу. О, Владимир Петрович был большой мастак заморочить хоть кому голову! Он не пошел по пути Завгаева, Романова и Масхадова и не стал бормотать бесконечные казенные фразы. Лукин заговорил красочно и нестандартно. О чем он только ни сказал! Но в конечном итоге получалось, что армия все-таки в боевых действиях не участвует. По крайней мере, сейчас не участвует. А что там было давно, это уже никто и не помнит, и не знает.

Мюллеман терпеливо выслушал и Лукина. И понял, что на этот свой вопрос он ответ не получит.

- А как у вас обстоят дела с соблюдением прав человека в отношении местного населения?- решил он зайти с другой стороны.- Например, речь идет о праве на жилище. Как планируется восстанавливать то жилье жителей Чечни, которое было разрушено в результате неизбирательных обстрелов?

Паин слегка оживился и начал произносить разные известные ему цифры. Действительно, какие-то деньги на восстановление были выделены, так что тут можно было сказать хоть что-то. Паин рассказывал про текущий год, жаловался на сложную экономическую обстановку и с вдохновением говорил о планах на будущие годы. Вот уж тогда точно все будет восстановлено, а все пострадавшие получают достойную компенсацию!

Мюллеман какие-то цифры записал, но было видно, что все это его не очень устраивало. Цифры были, конечно, вполне скромные. И никаких конкретных планов восстановления Паин так и не озвучил. Да их и не было, этих планов, что было ясно и без каких-либо дополнительных пояснений.

- А как вы собираетесь реагировать на то, что Европейский суд по правам человека, скорее всего, удовлетворит иски чеченцев, пострадавших от незаконных силовых акций, проводившихся регулярной армией?

- Решения суда мы будем выполнять. А что, уже есть какие-то цифры по количеству обращений? – спросил в ответ Паин.

Мюллеман полез в свои бумажки, порылся в них и, наконец, выудил искомую справку. Оказалось, что пока обратившихся мало. Но еще не все обращения рассмотрены. Суд будет прилагать дополнительные усилия, чтобы тут не было необоснованных задержек.

Дискуссия в том же духе продолжалась еще хороших минут пятнадцать. Мюллеман все наседавал с фактами из своей папочки. Фактов было много, спорить с ними было все сложнее и сложнее. Нередко речь шла о достаточно общеизвестных эпизодах. Наконец, Паин не выдержал и брякнул:

- Да, что мы тут из Москвы можем сделать?! Мы не контролируем ситуацию в Чечне. Отдаем приказы, а генералы нас там просто не слушаются!

Когда до Мюллемана дошел смысл произнесенной фразы, он тут же напрочь замолк. Сказанное означало, что Кремль не контролирует ситуацию в Чечне, а всем там заправляют генералы, которые не слушаются никаких приказов.

Получалось, что там возникла какая-то параллельная власть во главе с военными, которые еще неизвестно что выкинут завтра.

Мало того, эти слова произнес не абы кто, а человек, который, судя по всему, был следующим за Ельциным в великой ядерной державе, кто отвечал за Северный Кавказ. В воздухе повисла очень длинная пауза. Главу делегации Совета Европы явно потрясла эта откровенность. Похоже, в его голове вдруг все сразу встало на свои места. "Ничего себе Верховный Главнокомандующий!" - скорее всего, в конце концов подумал он.

После этого беседа с Паиным быстро завершилась, у Мюллемана все вопросы как бы сами собой исчерпались. Правда, надо отдать должное швейцарцу, ни в какие желтые газеты он не пошел и никаких интервью по итогам беседы с Паиным давать не стал. Мало того, в дальнейшем в своем докладе в Совете Европы по итогам визита в Чечню он довольно обтекаемо обрисовал все увиденное и ни словом не обмолвился о неспособности Москвы руководить собственными вооруженными силами на Северном Кавказе.

Хасавюртовские соглашения

Я оказался причастен к чеченским событиям и еще раз все в том же 1996 году. И вот тут уже я смог выйти за пределы роли пассивного наблюдателя. Можно даже сказать, что наконец-то мне удалось как-то повлиять на события. А если быть точным, мне удалось помочь сорвать вариант разрешения чеченского кризиса, который был разработан в Кремле, одобрен Черномырдиным, а также генералом Лебедем. Можно ли считать, что мне удалось помешать президенту страны проводить определенную внутреннюю политику? Наверное, да. Вот он, саботаж!

А дело было так: в какой-то момент всплыл вопрос о подписании с чеченцами так называемых Хасавюртовских соглашений. Подписание было уже на носу, но проекта этих

соглашений никто в Думе еще и в глаза не видел. Я говорю об этом так уверенно по очень простой причине: тема Чечни все время поворачивалась таким образом, что соглашение с этой республикой легко могло приобрести характер международного. Это значило, что, как только появился бы проект соглашения, его немедленно принесли бы именно ко мне в Комитет по международным делам, а также в правовое управление Госдумы на экспертизу. Однако время шло, а никто ничего не приносил. И никто ничего не знал о конкретном содержании этого проекта. Решалась судьба целостности большой страны, а в парламент никто не собирался передавать никакие проекты. Все это было странно как минимум. А на самом деле сильно пахло предательством и изменой Родине.

Вдруг как-то в обеденное время ко мне в кабинет зашел один из членов Комитета по международным делам депутат Алексей Подберезкин. Зашел и без обиняков и лишних слов протянул мне какие-то листки. Ба! Да это же переданный по факсу черновик проекта тех самых Хасавюртовских договоренностей!

- Володя! Попробуй быстренько написать заключение. Хоть от руки. Но у тебя есть только один час!- сказав это, Подберезкин вышел вон, ничего более не пояснив. Впрочем, в пояснениях не было никакой необходимости, мы с ним и так понимали друг друга с полуслова.

Я, понятное дело, немедленно отложил все бумаги и сел за работу. Без слов было понятно, что речь шла о больших интересах государства. Я при этом не стал спрашивать, откуда взялся текст. Впрочем, из последующих событий это стало и так ясно. Либо из Кремля, либо из канцелярии Черномырдина, текст был передан Лужкову. Парламенту его никто и не думал показывать. Причем текст был передан Лужкову не официально, с сопроводительным письмом, а полулегально - по факсу.

Я внимательно вчитался в переданные мне листки. Сомнений никаких не было: передо мной лежал проект самого настоящего международного соглашения. Элементов межгосударственной договоренности было много. Наиболее же впечатляющей была статья по вопросам обороны. Стороны соглашения признавали взаимное право обеспечивать свою оборону. Если Россия признает за Чеченской Республикой право на свою армию, то дальше ехать было совершенно точно уже некуда. Кстати, в Конституции РФ, которая действовала и тогда, а также действует и поныне, в статье 71 абсолютно ясно сказано, что вопросы обороны отнесены к исключительной компетенции федерального центра и не являются предметом даже хотя бы совместного ведения с субъектами Федерации.

Тут, забегаая вперед, следует сразу рассказать, как именно оправдывался потом представитель Кремля перед депутатами по этому пункту. Он сослался на Закон об обороне, согласно одной из статей которого местные власти по мелочи помогают Центру организовать призыв молодежи в армию. Ничего себе объяснение! Якобы, речь идет о помощи при призыве в армию. А в соглашении это было сформулировано как право на оборону! За такие проекты можно сразу без разговоров отправлять на нары в "Лефортово". В качестве отступления нужно признать, однако, что потом на эти самые нары отправился вовсе не представитель Кремля, сочинивший проект, а как раз составитель критического заключения по проекту. Но это уже совсем другая история. Тогда мне, конечно, было не до шуток, а теперь по прошествии многих лет вполне уместно

вспомнить с определенной долей юмора эти своеобразные зигзаги и парадоксы судьбы.

В общем, возвращаясь к тому злополучному проекту, можете меня перепроверить у любого приличного юриста. Если в подобном соглашении допускается двусмысленность, которая может толковаться как признание независимости и суверенитета субъекта РФ, и эту двусмысленность объясняют тем, что, якобы, речь идет о призыве чеченцев в российскую армию, то можно ли авторов такого проекта без зазрения совести вешать на крюк за одно место или нет?

Заключение я подготовил быстро. Сразу написал его на компьютере, вышло четыре страницы достаточно плотного текста. Все замечания были хорошо расписаны, везде надежная аргументация. Можно хоть кому на стол положить! Единственно, в конце не было подписи и имени составителя заключения.

Заказчик, вышеупомянутый депутат Подберезкин, зашел ко мне тогда, когда с принтера сходила последняя страница. Он почитал и сразу оценил, что бумага вышла качественная, аргументированная. Потом не удержался и похвалился, что сей труд он сейчас отдаст прямо в белые руки Юрия Михайловича Лужкова.

Ах, вот оно что! Это была интересная информация. Выходит, в процесс урегулирования в Чечне вмешался сам мэр города Москвы. Решил заняться большой федеральной политикой!

Дальше события развивались следующим образом. Буквально через пару часов собрался Совет Думы и принял решение о внеочередном пленарном заседании, которое должно было быть посвящено именно этому соглашению. По сути, речь шла о том, чтобы фактически публично осудить Черномырдина. Так оно и вышло: на пленарке было принято решение об осуждении Хасавюртовских соглашений.

Видимо, за кулисами произошло следующее. Лужков почитал подготовленное мной заключение и понял, что Черномырдин и Лебедь, а также безвестные составители проекта в Кремле перешли красную черту, причем это можно было доказать. Он тотчас же связался с руководством Думы и попросил осудить проект. Председатель Думы созвал внеочередное срочное заседание Совета. А дальше все было делом техники. То есть Лужков и интересы государства защитил, и на Черномырдина и иже с ним чужими руками наехал. И сам не "засветился".

Конечно, соглашения с чеченцами все равно подписали. С российской стороны – генерал Лебедь, а не Черномырдин. Но уже не в таком зверском варианте, как было запланировано первоначально, а все-таки поумереннее. Как теперь известно, к этому делу помимо Черномырдина был причастен и Владимир Петрович Лукин. Ясно, что он не сам все придумал, куда уж там! Хотел услужить своим заокеанским дружкам? Не исключено, что он действовал при этом по собственной инициативе и в силу собственного разумения, а не по прямой указке из Вашингтона.

Признание независимости и целостность России

Надо отдать должное американцам, они не выступали за выделение Чечни из России. И не то, чтобы они уж очень заботились о целостности Российской Федерации. Они скорее о своих собственных интересах заботились. По этому поводу как раз в то время на пресс-конференции госсекретарю США Уоррену Кристоферу задали прямой вопрос о признании независимости Чечни. И Кристофер честно признался, что сделать Чечню независимой проще простого, надо просто признать ее независимость, вот и все. И будет точно так же, как и с СССР: весь мир признает чеченцев независимым государством, а России придется смириться с этим фактом. Но, как при этом пояснил госсекретарь, делать это никак нельзя, иначе начнется неконтролируемый распад России на несколько государств поменьше, и они могут претендовать на обладание ядерным оружием. А вот возникновение таких ядерных стран противоречит интересам Америки, поскольку будет означать неконтролируемое распространение ядерного оружия.

Эта пресс-конференция была хорошо описана в западной прессе (но только не в российской). Не правда ли, сильное заявление госсекретаря США? Я был с этим заявлением полностью согласен. Трудно сказать, что было бы сейчас, если бы какое-то государство признало независимость одной из республик России, а вот тогда именно все подобным образом и произошло бы: страна развалилась бы быстрее, чем СССР.

Глава 22. Государственный военный переворот

- Владимир Николаевич! Вы за последний год много участвовали в переговорах со странами СНГ, ездили в командировки в Среднюю Азию. В общем, обстановку вы понимаете! Так вот, в Москве запланировано проведение встречи представителей СНГ на уровне президентов. От нас просят выделить сотрудника для участия. Делать там ничего не надо, памятки уже подготовлены, от других отделов люди выделены. Но вдруг там возникнет что-то такое международно-правовое? Ну, тогда вы им подскажите, что надо... Совещание будет проходить в Президент-отеле, через неделю. Все, что надо по организационной стороне, вам расскажет Валерий Васильевич Цыбуков. Знаете такого?

Валерий

Я очень хорошо знал, кто такой Цыбуков, но без комментариев выслушал эту речь Лёни Скотникова, заведующего договорно-правовым отделом министерства. Если надо поучаствовать, можно и поучаствовать, нет проблем.

По дороге в свой кабинет я еще раз подивился, как странно распоряжаются высшие божественные силы судьбами людей. Еще совсем недавно Валерий Васильевич Цыбуков был всесильным начальником управления кадров всего МИДа. Он очень быстро сделал карьеру, кажется, благодаря какому-то отношению к клану Громыко. Мы с Цыбуковым пересекались по теннису, тот играл слабовато, но любил теннис самозабвенно. А я играл получше, при этом компании Цыбукова не чурался. Тот же в свою очередь ценил возможность поиграть с сильным партнером. Сказать честно, мои отношения с Валерием

Васильевичем даже выходили за пределы теннисного корта, что и неудивительно: Валерий Цыбуков был исключительно доброжелательным и умным человеком.

Казалось, все складывалось хорошо и для меня, и для Цыбукова. Но тут вдруг грянул 1991 год, и СССР распался. МИД СССР был объединен с МИДом России, при этом начальниками стали все те, кто до этого сидел именно в республиканском министерстве. Но объединение не прошло без скандала: мало того, что бывших начальников рассовали кого куда, кое-кого из бывшего руководства не просто разжаловали, а еще и обвинили в участии в антигосударственном "заговоре". Короче, у кого-то из ельцинских прихвостней возникло желание разоблачить "клику Громыко". Разоблачение прошло достаточно гладко: кого надо облили грязью и уволили. Самое удивительное, что к этой "кликке" причислили и несчастного Валеру Цыбукова. Его тоже как следует измазали в грязи, а кто-то даже заговорил о реальном тюремном сроке. Но через какое-то время либералы угомонились и про тюрьму забыли.

Уж как-то так получилось, что Цыбуков после всех этих приключений не стал увольняться и уходить из МИДа. В результате ему нашли самую заштатную должность рядового советника в отделе, занимавшимся СНГ. Пересадка из кресла начальника управления кадров на стул простого советника в комнате, где сидело еще несколько человек, конечно же, было достаточно болезненной и обидной операцией. Не всякий бы выдержал такое испытание, но по какой-то причине Валерий Васильевич все-таки согласился на такое понижение в должности. Наверное, ему просто было жалко расставаться с родными пенатами.

Как-то я по старой памяти зашел его проведать. Цыбуков сидел спиной ко всем остальным сотрудникам, лицом в окно, и читал какую-то бумажку. Глянув на него, я поразился переменам. В былые времена Валерий Васильевич выглядел как преуспевающий генерал, эдакий фронт с холемым интеллектуальным лицом и не очень характерной для

дипломатов офицерской выправкой. А теперь передо мной сидел сгорбившийся и весь какой-то поникший почти старик с потухшим взором. Если уж он так сильно переживал свое падение, то надо ли вообще было оставаться в министерстве?

Разговор в тот раз не очень получился. Что-то мы, конечно, по старой памяти обсудили. Но Цыбуков явно тяготился беседой. Неужели, переживал, как он выглядит в глазах своего партнера по теннису? Если так, то это было совсем уж напрасно, Я вообще в жизни не очень обращал внимание на статус своих спортивных партнеров, а теперь был скорее склонен поддержать Валерия Васильевича.

А вот теперь мне надо было вместе с Цыбуковым отправиться в Президент-отель и посидеть там для подстраховки все то время, пока шло совещание президентов. Мы быстро созвонились и договорились поехать на одной машине. По дороге Валерий Васильевич по большей части молчал и только в конце поездки промолвил:

- Ты видел хоть какие-нибудь документы к этой встрече?

- Видел, – я не выдержал и скривился. – Кажется, кто-то собирается "слить" все, что только можно...

Цыбуков на это ничего не ответил, а только вздохнул и опять отвернулся к окну. Похоже, его собственная оценка предстоящей встречи не сильно отличалась от моей.

На самом деле я немного драматизировал ситуацию. Для переговоров готовили так называемые памятки. С помощью такого документа даже человек с умеренными умственными способностями, ничего не понимающий в международных делах, мог прилично отстаивать позиции своего государства. Механизм этих памяток был за многие годы отработан до совершенства. Памятка писалась на одной – двух страницах. Вначале кратко излагалась суть спорного вопроса, а потом шел текст с вариантами: если на переговорах будет предложено то-то, то на это надо отвечать следующим образом (далее шла прямая речь, что именно надо сказать). А если возразят так-то, то на это надо ответить вот так.

Обычно рядом с лицом, которое вело переговоры, сидел кто-то из помощников, кто знал эти памятки назубок. Пока другая сторона по переговорам только начинала что-то говорить, помощник уже пролистывал свою толстую папку, находил нужную памятку и клал ее на стол перед своим руководителем, а перед собой раскрывал второй экземпляр. Руководитель смотрел краем глаза в памятку. И просто пересказывал, а то и зачитывал ответ. В крайнем случае, он мог посоветоваться с помощником по каким-то деталям. Но, как правило, это было уже излишним, памятки писались так подробно и четко, что для того, чтобы правильно и красиво ответить, было достаточно просто уметь читать по-русски.

Имея такие памятки под рукой, надо быть особо тупой личностью, чтобы что-то сказать неправильно. Нередко в папке лежало до пяти сотен таких памяток. Именно столько, хотя на самих переговорах поднималось всего несколько вопросов. Делалось это для того, чтобы противник не мог тебя застать врасплох ни по одному нюансу. Впрочем, всегда можно было сказать, что поднятый другой стороной вопрос – сложный и нам нужно время, чтобы его изучить.

Так вот, как и обычно, в тот раз памятки для Ельцина составляли рядовые сотрудники министерства. Конечно, их потом немного правили начальники, которые пришли на волне развала СССР и пытались изобразить из себя что-то такое особо демократичное и либеральное. Но все равно они не могли слишком испортить текст или слишком явно "слить" российские интересы. Поэтому изначально эти памятки являлись определенной гарантией того, что Ельцин на переговорах не будет слишком уж заниматься самодеятельностью или говорить глупости.

А надо отметить, что повестка дня того заседания была очень даже чувствительной. Предполагалось решать спорные вопросы раздела зарубежного имущества с бывшими союзными республиками (зарубежного – для России). Речь при этом шла об имуществе, принадлежавшем дипломатам, военным и

пограничникам. Это было очень многочисленное и ценное имущество, как правило, служебные и жилые здания, сооружения, склады и офисы. И все это, конечно же, стоило многие миллиарды долларов.

Общая линия, которая содержалась в памятках, сводилась к тому, что отдавать надо по самому минимуму. Если имелось формальное основание для того, чтобы не отдавать, надо было на это основание напирать. И если другая сторона не соглашалась, надо было предложить отложить решение вопроса до лучших времен. Основания не отдавать недвижимость были самые разные. У военных были определенные обязательства по международным соглашениям. А поскольку Россия являлась продолжателем СССР, все эти обязательства ложились именно на нее, а не на другие страны СНГ. Такие обязательства были связаны, например, с имуществом на тех или иных полигонах.

В некоторых случаях имущество можно было постепенно вывезти. В таком случае памятки содержали четкую рекомендацию не передавать такое имущество, а договариваться о его вывозе, пусть даже за какую-то компенсацию.

Что касается дипломатических зданий, то там ссылка шла на так называемые референтуры, то есть помещения, специально оборудованные для шифропереписки. Мол, специфика этой работы такова, что здание никак нельзя разделить. Впрочем, ссылок на те или иные якобы исключительные обстоятельства было предостаточно. От Ельцина требовалось только одно: озвучить их, стараясь не перепутать текст.

Мало того, по некоторым вопросам предстоящей повестки дня уже были достигнуты договоренности на рабочем уровне. Те, кто готовили памятки, предварительно успели переговорить со своими партнерами в бывших советских республиках, и те согласились на предлагаемые варианты раздела. То есть от Бориса Ельцина требовалось только одно: не наговорить полных глупостей, а лишь зачитать то, что ему положат под нос.

Конечно, по моим меркам, даже эти памятки были слишком либеральными. Я считал, что другие страны СНГ находились в

зависимом положении от России, ведь реально та или иная недвижимость находилась именно под российским контролем. И этот контроль можно было уступать многие годы. Или вообще не уступать! Ведь Россия объявила себя продолжателем СССР и приняла на себя все обязательства Советского Союза. Речь шла о многих миллиардах долларов долгов. А бывшие республики СССР никаких долгов на себя не приняли. Так если вы претендуете на часть заграничной собственности Советского Союза за рубежом, примите на себя и часть его долгов! А если не хотите принимать долги, то тогда сидите и помалкивайте насчет этой собственности! И такая позиция была бы логичной и разумной. Ее бы понял и поддержал весь остальной мир...

Мы с Цыбуковым выбрались из служебной "Волги" и зашли в холл Президент-отеля. Здание было построено как следует, тут, несомненно, можно было проводить даже встречи президентов. Впрочем, я был не склонен осматривать достопримечательности этого места. Конечно, тут был хороший бильярд, приличные буфеты, просторные, со вкусом отделанные холлы. Но все это я уже видел. А сейчас было интереснее посмотреть, как пройдет встреча на высшем уровне с участием Ельцина. Одно дело - видеть своего президента на экране телевизора, и совсем другое - понаблюдать, как он на самом деле ведет переговоры.

Президентская встреча должна была пройти в одном из больших залов отеля, там для таких случаев стоял довольно большой круглый стол, украшенный цветами. Впрочем, ни Цыбукова, ни меня туда не пустили. Для всей сопровождавшей Ельцина команды была выделена огромная комната в левом крыле. Там стояли не меньше трех десятков столов со стульями. За парой столов у стены разместились представители МИДа. Часть остальных заняли пограничники и представители министерства обороны. И те, и другие были в форме. У всех портфели и папочки с бумагами. Документы переключали из портфелей на столы, участники заняли свои места и приготовились смотреть и слушать.

Дело в том, что в этой комнате велась прямая трансляция из зала заседаний. То есть я мог, что называется, в прямом эфире слышать и видеть все, что происходило в зале заседаний. Лучшего варианта и придумать было сложно. Я расположился поудобнее за своим столом и уставился на экран. Рядом присел и Цыбуков, но все происходившее его явно мало интересовало. Может быть, даже тяготило. Но он как дисциплинированный дипломат все равно был готов принять участие в решении какого-то вопроса, если таковой мог появиться.

В общем, изначально было ясно, что никакие такие вопросы не должны были возникнуть. Все, что надо, было заранее записано в памятках. А если бы даже и возникла какая-то проблема, то вряд ли ее стали бы решать на ходу. Так что мы с Валерием Васильевичем изначально приготовились играть роль пассивных наблюдателей и статистов.

Буйнопамешанский

Наконец, началось заседание. Вошли президенты, появился и сам Ельцин. После нескольких протокольных фраз участники перешли к рассмотрению повестки дня. И тут я стал свидетелем небывалого зрелища. Такое невозможно было себе представить даже в страшном сне. Конечно, я, как и прочие российские граждане, знал, что Борис Николаевич злоупотребляет спиртным и не отличается особым умом. Всем также было известно, что Ельцин особо склонен к разным эпатажным выходкам и волюнтаристским решениям. Но то, что я увидел своими глазами, выходило за все рамки разумного... Сказать честно, у меня не без оснований возникли сомнения, был ли Ельцин вообще вменяемой личностью.

А в зале заседаний происходило вот что: согласно повестке дня была обозначена зарубежная собственность, которую предлагалось как-то разделить. Но не успевали участники даже устно озвучить свою позицию, как со своего места вылезал Ельцин и тут же предлагал отдать эту собственность целиком и

без какого-либо раздела другой стране. При этом Борис Ельцин и выглядел не вполне адекватно: он размахивал руками, говорил так громко, как будто страдал глухотой. Трудно сказать, принял ли перед этим заседанием Борис Николаевич "на грудь" свой граненый стакан, или нет. Но совершенно точно выглядел он как пьяный в дрезину барин, заказывавший цыган и забрасывавший окружающих деньгами.

Конечно, принято считать, что Андрей Козырев, министр иностранных дел, занимал проамериканскую позицию. Может быть, так оно и было. Но в тот раз он никакой особой позиции не занимал, а просто сидел позади Ельцина с пачкой памяток в руке, и как только началась дискуссия, попытался подсунуть Ельцину на стол соответствующую памятку. Но реакция того была моментальной и неумолимой: Ельцин не глядя в листки, которые оказались у него под носом, одним движением руки смахнул их в сторону. Тем самым "царь Борис" показал Козыреву, что вообще не желает знать, что там написано.

Надо было видеть Андрея Владимировича! Козырев вжался в свое кресло и превратился во что-то очень небольшое, но явно дрожащее. Он уже не пытался подсовывать никаких памяток и, видимо, думал только об одном: как не попасть Ельцину под горячую руку.

А Борис Николаевич продолжал раздачу собственности! Президента, что называется, понесло. Нет, вменяемый человек совершенно точно не мог так себя вести! Ведь другие президенты ничего от Ельцина и не просили. Позиции по тем или иным вопросам были уже проговорены на рабочем уровне с российскими пограничниками, военными или дипломатами. В лучшем случае речь могла пойти о том, чтобы немного отступить от этих рабочих договоренностей, вот и все. Но никто, конечно, даже и не рассчитывал, что Ельцин не будет настаивать ни на каком разделе, а вот так - широкой рукой будет раздавать все направо и налево. Его никто не просил раздавать. А он раздавал!

Реакция

Необычайное зрелище я увидел и в зале, в котором сидел сам. Когда Ельцин широким жестом отдавал очередную собственность, группа людей рядом со мной не выдерживала сумасбродного действия и вскакивала со своих мест. Именно так все и происходило! Ельцин отдавал какую-то недвижимость, а пограничники или военные, которые на этот объект претендовали, не могли усидеть на своем месте и непроизвольно дружно вскакивали! При этом они неизменно издавали и какой-то звук, что-то похожее на сдавленное "ах!" или "ох!".

И пока шли переговоры, группы людей в комнате так по очереди и вскакивали со своих мест. Это были уже маститые, подчас, седые специалисты, майоры и полковники. Наверное, кто-то в гражданской одежде был и генералом. Это были и военные, и пограничники. Но эти солидные и уже выдавшие виды люди не выдерживали сумасшедшей выходки - разбрасывания миллиардов долларов. И оттого зрелище вскакивающих и падающих в изнеможении назад на свои места людей выглядело совершенно фантастическим. Такого не могло быть в принципе! Но такое происходило в реальности.

Наверное, в какой-нибудь более вменяемой стране нашелся бы человек, который при виде подобных выкрутасов зашел бы в комнату для переговоров, расстегнул кобуру и просто пристрелил такого президента на месте. Но в тот раз таких героев там не нашлось. Впрочем, наверняка, Ельцинская охрана предполагала, что поведение их руководителя вызовет у людей подобную реакцию, и потому охраняла его особо тщательно.

Апофеоз

Однако безумная раздача иностранной собственности России на том не закончилась. Я думал, что увидел уже все, что только

можно было увидеть. Но нет! Ельцин под конец заготовил особый финт, который должен был добить до конца любого.

А произошло вот что: киргизский президент Аскар Акаев вдруг решил по какой-то причине заартачиться. Что-то ему показалось мало, да не так, как хотелось. И что тут вдруг началось за столом! Все остальные президенты, перебивая друг друга и пренебрегая протоколом, кинулись его уговаривать не артачиться! Они ему прямо в лицо на хорошем русском языке разъясняли, что он должен немедленно отказаться от своих претензий. При этом добавляли, что он должен это сделать потому, что вот сейчас Ельцин настроен всю собственность раздать, а если отложить раздел собственности, как того просил Акаев, то тогда придется встречаться через месяц. И еще неизвестно, как тогда поведет себя Ельцин. А сегодня Ельцин - добрый и надо, что называется, ковать железо, пока оно горячо.

Я просто впился глазами в экран. Люди, сидевшие с Ельциным за одним столом, прямо перед ним уговаривали одного из участников не возражать, а то сорвется столь бесшабашная раздача имущества. Может, хоть тут Ельцин очнется и поймет, что он делает что-то не то? Ведь ему, считай, в глаза и совершенно открытым текстом говорили, что считают его полным дураком.

Видимо, Ельцин понял, насколько обидным было это обсуждение. Он замолчал, насупился, немного подался вперед и наклонился над столом. Вот сейчас он скажет, что, действительно, наверное, погорячился, и все обсуждение надо перенести! Достаточно было произнести эти слова, и миллиарды долларов вернулись бы назад в Россию. Но Ельцин сидел в своем кресле и продолжал молчать, глядя прямо перед собой. Может, он не понимал, о чем идет речь? Нет, еще как понимал! Понимал и всем своим видом давал понять, как он сильно недоволен тем, что кто-то вздумал вдруг мешать ему швырять имущество своего народа направо и налево! Наверное, Ельцин в этот момент был особо раздосадован именно тем, что мешал ему чужой президент, а не кто-то из своих. Если бы это был свой, его можно было бы вмиг уволить, а то еще и посадить в тюрьму. А с президентом Киргизии этот фокус никак нельзя было проделать. И это, судя по всему, злило Бориса Николаевича больше всего.

Акаева, хотя и с трудом, но общими усилиями все-таки уломали. Он взмахнул рукой и дал понять, что больше не настаивает на переносе обсуждения. Все остальные участники вздохнули с облегчением. Ельцин понял, что ему никто больше не будет мешать, приободрился и продолжил расшвыривать государственное имущество в прежнем духе...

Я краем глаза глянул на Цыбукова, когда обсуждался раздел собственности российских посольств за рубежом. Тот, в отличие от пограничников и военных, вскакивать с места не стал, а только еще больше наклонил голову к столу и даже немного отвернулся от меня. Цыбуков всем своим видом давал понять, что он уже видел весь этот сумасшедший дом и не намерен никак реагировать. Ну, что поделаешь, если к власти в стране пришел буйно помешанный? Как известно, каждый народ заслуживает именно того президента, которого имеет.

В конце концов безумное заседание закончилось. Началась пресс-конференция. И это тоже было особое зрелище. Все президенты уселись рядом на трибуне и начали рассказывать

про разные проблемы, которые возникали в текущей жизни. Но при этом никто ни слова не произнес про раздел имущества! Если бы я всего час назад своими глазами не видел всего этого балагана, то на этой пресс-конференции ни за что бы не догадался, о чем на самом деле шла речь на заседании.

Посещение Президент-отеля не прошло для меня даром. Нет, меня никто не ругал. Начальство вообще не поинтересовалось, как там все прошло. Но что-то в моей голове перевернулось. Я вдруг ясно понял, что не могу дальше оставаться в МИДе и продолжать по мелочи мешать собственному правительству делать не то, что надо. Нет, тут уже нельзя было обойтись "по мелочи". Надо было находить какой-то такой вариант, чтобы действовать по-крупному.

Кто ищет, то всегда найдет. Вскоре мне действительно представилась возможность перейти в Верховный Совет России, в Комитет по международным делам. На межпарламентской встрече я смог познакомиться с новым председателем этого комитета Евгением Аршаковичем Амбарцумовым, который сменил Лукина, уехавшего послом в Вашингтон. Верховный Совет в то время еще не окончательно превратился в оппозиционный Ельцину орган, но с его трибуны все чаще и чаще звучали крамольные речи. И я решил, что это как раз то самое место, где можно в полной мере развернуться.

Мои надежды оправдались в полной мере. Действительно, в Верховном Совете было где разгуляться. Специалистов по международному праву, да и вообще по международным делам там было немного. Сами депутаты так и рвались вставить Ельцину палки в колеса, тем более что оснований так поступать было больше чем достаточно. Но как это сделать? И вот тут им очень пригодился мой опыт.

Начало пути

Впрочем, как я уже не раз отмечал в этой книге, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Очень быстро конфликт

парламента и президента стал перерастать в открытое противостояние. Был первый месяц осени 1993 года, а если быть точным, то 21 сентября. Уже прошел слух, что Ельцин решил разогнать Верховный Совет. В общем, народ об этом говорил достаточно уверенно. Ко мне в это время в кабинет заглянула какая-то иностранка, она занималась наукой, собирала данные для своей книги. Я ей в разговоре так тогда прямо и сказал: "Если сегодня Верховный Совет не закроют...". Вечером я уехал домой. Только приехал – а по телевизору зачитывают небезызвестный указ президента. Что делать? Я тут же развернулся и отправился назад в Белый дом.

Приехал я туда около девяти часов вечера. Комитет по международным делам располагался с обратной стороны здания парламента, на третьем этаже, прямо над двадцатым подъездом с окнами на стадион. Сразу на площадке третьего этажа находился зал, где обычно проходили заседания. Но сейчас там было пусто. Неужели, депутаты разбежались, испугались ельцинского указа? Я прошел дальше по коридору, к своему кабинету. Он был прямо напротив кабинета Амбарцумова. Дверь туда была открыта. Значит, кто-то сидел внутри. Сам Амбарцумов?

Конечно, никакого Амбарцумова внутри не было. Евгений Аршакович был человек осторожный и не склонный конфликтовать с кем бы то ни было. А тут речь шла о конфликте аж с самим президентом страны.

Однако в председательском кабинете шло самое настоящее заседание. Там были космонавт Виталий Севастьянов, Сергей Михайлов, журналист Иона Андронов, ленинградец Евгений Пудовкин, Александр Соколов, еще несколько человек. В общем, все те, кто не особо ограничивал себя по части критики Ельцина. Вся эта компания что-то бурно обсуждала. Сидевшие за столом были одеты неформально, кое-кто даже в джинсах, что было необычно. С другой стороны, было понятно, что они не готовились к этому заседанию и точно так же, как и я,

приняли решение срочно приехать сюда в силу понятных обстоятельств.

*Александр Сергеевич
Соколов*

*Сергей Андреевич
Михайлов*

Все на мгновение замолчали и, повернув головы, стали довольно-таки пристально меня разглядывать. Но это длилось всего лишь мгновение. На лице говорившего, это был Михайлов, поначалу промелькнуло какое-то сомнение, но потом он отвернулся и продолжил свое выступление. Другие тоже отвернулись. Это означало, что меня приняли за своего и без слов включили в группу сопротивления. Уже по этой первой настороженной реакции было понятно, что депутаты обсуждали чувствительные вопросы. Кстати сказать, я оказался тогда единственным из многочисленного аппарата комитета, кто вернулся в осажденный Белый дом. И единственным, кто там сидел вплоть до 4 октября, до самого расстрела.

Виталий Иванович Севастьянов

Члены комитета обсуждали сложившуюся после ельцинского указа ситуацию. Но каких-то радикальных контрходов никто не предлагал. Просто каждый высказывал свое мнение. Было понятно, что Ельцин вышел за пределы своих полномочий, четко определенных Конституцией. В ней было яснее ясного записано следующее:

"Статья 104. Высшим органом государственной власти Российской Федерации является Съезд народных депутатов Российской Федерации."

Съезд народных депутатов Российской Федерации правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации."

Ну, какие тут могли быть толкования? Очень четко и ясно. Более того, дальше в тексте Конституции полномочия парламента были прописаны предельно подробно и ясно, и из них следовало только одно: президент в полной мере подчиняется парламенту.

А в другой статье Конституции было сказано буквально следующее:

"Статья 121-6. Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно."

И тут текст был предельно ясен. Неужели в этом случае могли быть хоть какие-то толкования или недопонимание? Кстати, конечно же, нигде в той Конституции не говорилось, что президент был каким-то ее гарантом. Такое положение вошло лишь в следующую Конституцию, которая действует и поныне.

Собственно говоря, ситуация насильственного разгона парламента обсуждалась довольно долго и подробно и в предыдущие месяцы. Более того, этот вопрос стоял в повестке дня двух съездов подряд. Именно поэтому вышеупомянутая

статья 121-6 сначала должна была вступать в силу только после общероссийского референдума. Но в связи с тем, что угроза государственного переворота стала выглядеть вполне нешуточной, очередной съезд ввел эту статью в действие, отменив условие о референдуме.

Короче, эта тема была раньше уже сто раз проговорена на всех уровнях. Но теперь-то наступило время, когда Ельцин своими практическими действиями нарушал Конституцию. На столе лежал текст его указа с крайне недвусмысленным содержанием. То есть надо было обсуждать уже не гипотетическую, а вполне реальную ситуацию.

То, что действия Ельцина незаконны и антиконституционны – было понятно. Но что этому противопоставить? Все-таки ельцинский указ прямо не предполагал применение силы. То есть, получалось, будто орган исполнительной власти вдруг ни с того ни с сего заявил, что он распускает высший орган власти страны. Но из этого следовало, что Ельцин должен был автоматически утратить свои полномочия. И все остальные органы власти должны были именно из этого и исходить. То есть не выполнять его указаний.

Однако если не выполнять указаний Ельцина, то чьи указания выполнять? Если Ельцин утратил полномочия, в таком случае у подъезда парламента уже должны были стоять представители всех министерств с двумя вопросами: что им делать дальше, и кто теперь их непосредственный начальник. Однако очереди явно не наблюдалось. Даже в тот первый вечер было понятно, что органы исполнительной власти не сочли, что у них теперь есть новое руководство в лице Верховного Совета или даже Съезда. Хотя, может быть, по крайней мере, силовики не были готовы в тот момент выполнять и указания Ельцина по расстрелу парламента.

В любом случае, из простой логики следовало, что этот указ можно было как минимум просто проигнорировать и продолжать работать дальше. Если другие высшие органы власти будут слушаться Верховного Совета, то тогда и говорить

будет не о чем. Ельцин сам увидит, что он поставил себя вне закона. Можно было также передать указ на проверку в Конституционный суд.

А если вдруг силовые ведомства все-таки встанут на сторону Ельцина? В конечном итоге они непосредственно были подчинены все-таки ему, а не парламенту. Что тогда? Применение силы против депутатов? Аресты? Как в восемнадцатом: "Караул устал"? Тут нужно отметить, что за полгода до описываемых событий, еще в начале 1993 года Ельцин уже склонялся к мысли разогнать парламент. Более того, активно к этому готовился. Его аппарат сочинял проекты соответствующих указов. Сам же Ельцин пытался найти союзников в лице руководителей силовых министерств. Но тогда не нашел. Может быть, именно потому-то в первой половине 1993 года переворот и не удался.

А теперь как? Если силовики не изменили своих взглядов, то и теперь можно было рассчитывать, что все закончится пусть и противостоянием, но все-таки без применения насилия, без стрельбы и убийств. Кстати, тут, немного забегаая вперед, нужно отметить, что практически сразу после объявления этого указа собрался Конституционный суд, который объявил действия Ельцина неконституционными. А после этого собрался не только Верховный Совет, но и Съезд народных депутатов. И на съезд прибыло достаточное для кворума количество депутатов. Поэтому Съезд на полной законной основе принял вполне недвусмысленные решения по Ельцину и назначил Руцкого исполнять обязанности президента страны. То есть формальных оснований для силовиков, чтобы отказать Ельцину в применении силы в отношении депутатов было предостаточно. Но они, как известно, в конце концов, решили действовать вопреки Конституции, решению Конституционного суда и Съезда. То есть вместе с Ельциным превратились в заговорщиков и уголовников, предпринявших попытку вооруженного мятежа – статья 279 УК РФ. Сюда также просятся

как статья 278 "Насильственный захват власти", так и статья 277 "Посягательство на жизнь государственного деятеля".

Однако в тот момент, когда я вошел в кабинет Амбарцумова, еще было далеко до всех этих решений Конституционного суда и Съезда. Члены комитета тогда лишь пытались предварительно определиться, что делать дальше. А о кровавом варианте никто из них тогда не хотел и думать. Совершенно диким казалось, что разногласия по конкретным направлениям внутренней и внешней политики могли быть разрешены с помощью оружия. Если применение силы, то это просто государственный переворот, вооруженный мятеж, и никак иначе.

Именно потому-то все депутаты, участвовавшие в том заседании Комитета по международным делам, сходились во мнении, что такие насильственные действия были совершенно немыслимы. Силовой разгон парламента в ядерной стране представлялся невероятным вариантом. Конечно же, на сторону парламента должны были встать все другие государства, особенно западные! Ведь они так агитировали за установление истинной демократии в России! И они, конечно же, должны были помочь принудить Ельцина отказаться от власти.

Депутаты горячо обсуждали все эти темы. А я сидел в сторонке и, сказать честно, был в некоторой задумчивости. В отличие от многих членов парламента я давно занимался международными делами. При этом меня учили в МГИМО не пустословию, а реальному пониманию внешней политики и международных отношений. А за годы работы в МИДе у меня появился и немалый практический опыт, в том числе в рамках сложных международных переговоров. К этому моменту мне уже не раз пришлось столкнуться с тем, что на словах страны Запада выступали за демократию, за права человека, за международную справедливость, а на деле использовали эти разговоры лишь как орудие, позволявшее получить доступ к ценным ресурсам, а также взять под контроль политические процессы в той или иной стране.

В общем, уже в тот момент я был настроен достаточно скептически в отношении позиции других государств. Хотя и мне в голову не шел вариант, чтобы депутатов, избранных народом, можно было безнаказанно разогнать, арестовать, а то и убить. Даже по моим, намного более реалистичным меркам такое тянуло как минимум на международный бойкот. Невозможно было себе представить, чтобы в такой очевидной ситуации публичная позиция стран Европы, а тем более США, столь существенно разошлась с их конкретными делами.

Цена западной демократии

Все-таки, почему Запад поддержал именно Ельцина, наплевав на собственные рассуждения о демократии? За прошедший до описываемых событий год парламент довольно много усилий предпринял для того, чтобы защитить национальные интересы России. Именно через Комитет по международным делам решались вопросы иностранных инвестиций в добычу нефти, газа и других природных ресурсов. И условия конкретных соглашений далеко не всегда находили понимание у депутатов.

Именно Комитет по международным делам активнейшим образом пытался строго контролировать процесс двустороннего разоружения с США. Ельцин же и его сторонники были готовы чуть ли не на любое разоружение. Надо отметить, что и МИД, особенно в лице ставшего потом послом России в США Сергея Кисляка, тоже вовсю старался протолкнуть сомнительные варианты сокращения ядерного оружия. И только парламент тормозил излишнюю ретивость ельцинистов.

Именно парламент поднял в тот же период вопрос о финансовых последствиях вывода советских войск из ГДР. Так получалось, что Горбачев там проявил непонятную щедрость и просто подарил немцам несколько миллиардов долларов. Мало кто знает, что тогда на рабочем уровне уже была согласована и даже парафирована(!) с немцами договоренность о выплате нам компенсации в несколько миллиардов долларов за оставленное

имущество. А тут вдруг Горбачев объявил о нулевом варианте! Так вот, даже спустя годы существовала юридическая возможность поставить вопрос о возврате России этих денег, несмотря ни на какие "нулевые варианты". Для начала надо было объявить, что Горбачев действовал как предатель своей страны. В Венской конвенции о праве международных договоров такая ситуация прямо оговорена.

В общем, парламент тогда довольно активно боролся за интересы России, за то, чтобы не делать другим странам слишком уж широких подарков. Понятно, что это не очень нравилось за рубежом. Но, как казалось тогда нам, не поддерживать же из-за этого заведомо антиконституционные действия Ельцина! Ведь он наносил удар в самое сердце демократических процессов в России. Мало ли какие страны пытаются защищать свои интересы. Не повод же поддерживать по этой причине антиконституционный переворот, тем более в виде вооруженного мятежа!

В общем, ни я, ни члены Комитета по международным делам в тот далекий вечер не слишком допускали мысль, что Запад может открыто встать на сторону путчистов во главе с Ельциным. Всем нам казалось, что если мировое сообщество узнает, что тут на самом деле происходит, то непременно осудит антиконституционные действия и тем самым поможет парламенту восстановить в стране законность и порядок. Надо просто довести до сведения других парламентов соответствующие положения российской конституции, и все станет на свои места! Не будут же депутаты других стран выступать на стороне Ельцина против законно избранного парламента!

Вот именно эти вопросы тогда и обсуждались на заседании комитета. Депутаты давали свои оценки действиям Ельцина, предлагали прогнозы дальнейшего развития ситуации, прикидывали, насколько реально силовое продолжение антиконституционных действий.

Голосование по кадровым вопросам

Решались и организационные вопросы. Хоть и не сразу, но я понял, что заседание не зря проводилось не в общем зале, а именно в кабинете Амбарцумова. Дело было даже не в какой-то особой секретности. Это скорее означало, если выразиться фигурально, что Амбарцумов уже получил свою черную метку с роковым словом "низложен".

Впрочем, похоже, что остальные депутаты оценивали ситуацию, не только опираясь на свои логические умозаключения. Видимо, личную позицию Амбарцумова к этому моменту уже успели выяснить и формально. Во всяком случае, после общего обсуждения без какой-либо особой паузы был поставлен вопрос и о том, продолжать ли дальше считать Амбарцумова председателем комитета, или нет. И никакого особого обсуждения не последовало. Обсуждения, сказать честно, вообще не было. Всем все было понятно без слов. Стали обсуждать кандидатуру нового председателя. И тут тоже никакого спора или борьбы мнений не последовало. Видимо, еще раньше все эти вопросы уже были как-то проговорены.

Иона Ионович Андронов

Конечно, новую кандидатуру должен был утвердить съезд. Но ведь надо было кого-то рекомендовать для этого. Остановились на Ионе Андронове, который до этого был

заместителем Амбарцумова. Все проголосовали "за", ни воздержавшихся, ни голосовавших "против" не было. Впрочем, было понятно, что все те, кто мог бы проголосовать "против", уже проголосовали ногами, не явившись в парламент и тем самым подчинившись незаконному указу Ельцина.

После голосования взгляды депутатов вдруг обратились ко мне: "А кто будет обеспечивать работу комитета? Как у нас с аппаратом?". Весь аппарат в единственном числе в виде моей скромной персоны сидел тут же, на стуле у стены. "Вы согласны дальше работать с нами?". В общем-то, этот вопрос был излишним, если бы я не был согласен, то просто остался бы сидеть дома, и никто бы меня не осудил. Но я не остался, а вопреки ясно выраженной воле своего президента явился в Белый дом.

Короче, тут же за меня тоже проголосовали. И я с того самого момента стал руководителем аппарата комитета. Так что на должности руководителя аппарата внешнеполитического комитета парламента я на самом деле был не с февраля 1994 по 1999 год, как написано в официальной анкете, а еще с сентября 1993 года.

Мне отдали ключи от всех служебных комнат, попросили обеспечить сохранность имущества, взять на себя функции обеспечить режим. А главное, как профессиональному дипломату поручили сочинять проекты обращений и заявлений Верховного Совета на международные темы. В результате такие обращения, а их за те дни было принято немало, так все и были написаны моей рукой. Правки в них, конечно же, вносились, но основное содержание сочинялось именно мной.

К сожалению, толку от тех воззваний и постановлений было не слишком много. В конечном итоге из всех стран мира формально так никто и не поддержал российский парламент. Просто никто! Не поддержали и в ООН, куда депутаты обратились с просьбой направить в Россию наблюдателей. Кто-то говорил, что в защиту Верховного Совета выступили сорок членов нижней палаты парламента Великобритании. Но про это

я слышал только с чужих слов и так и не смог найти тому подтверждения в документах. То есть российских депутатов не поддержал никто, никакие депутаты парламентов других стран. В этом смысле положение Верховного Совета было даже хуже, чем у Милошевича, которого во время натовской агрессии все-таки поддержал целый ряд стран, не говоря уж об общественности.

"Туземцы"

Кстати, а почему никто в мире не осудил расстрел Белого дома? Ведь на самом деле это очень интересный вопрос. Никто и нигде! Вроде ведь это не очень частая практика – расстреливать собственный парламент из пушек. Тем более, в ядерной державе, постоянном члене Совета Безопасности ООН. Тут уже не надо разбираться в тонкостях российской конституции, и так все понятно!

У меня есть свое объяснение этому удивительному феномену. Дело явно не в том, что все страны мира и все парламенты решили не вступать в конфликт с Соединенными Штатами, которые поддержали действия Ельцина. Похоже, на самом деле все происходившее тогда в России выглядело со стороны вполне определенным образом. Сначала распался Варшавский договор. Потом распался Советский Союз. К власти пришел Ельцин, который выглядел совершенно неменяемой личностью. И все равно население России не восстало против этого. Дальше президент страны в совершенно незаконной форме запретил деятельность парламента. И опять население России фактически никак не протестовало, в лучшем случае ограничившись бухтением на кухне.

Как должен был весь мир на это реагировать? Вполне определенным образом: имеется очень большая территория, ее длительное время занимало относительно малочисленное население. И вот наступил момент, когда оказалось, что государственные институты легко распадаются, а это население

никак не пытается самоорганизоваться и спасти свою страну. Получается, что на планете образовалось огромное пространство, которое занято, по сути, какими-то случайными людьми. Что-то вроде Америки, занятой индейцами. Пространство – есть, а общности людей, сознающих себя как цивилизованное государство – нет. То есть получается, что завтра наступит окончательный распад России, а все остальные страны в зависимости от возможностей будут участвовать в дележе этой территории.

Насколько я знаю своих соотечественников, они сами себя туземцами не считают. И даже обижаются, когда слышат подобные рассуждения. Но со стороны мы в то время выглядели именно так: как огромный торт, лежавший на столе. А вокруг стола собралась толпа, которая готовится этот торт разделить и сожрать. Кто же будет выражать какое-то сочувствие или осуждение по поводу того, что над тортом уже занесли нож и даже уже отхватили от него хороший кусок?!

Насколько я понимаю, в какой-то мере весь мир до сих пор подобным образом относится к России, вне зависимости от того, кто является обитателем Кремля. Дело в том, что слишком большая территория занята относительно малочисленным населением. И это население, в общем, эту территорию не использует так, как это можно было бы делать. И само не использует, и другим не дает, просто собака на сене. Вот весь мир сидит вокруг и ждет, когда же, наконец, представится удобный случай приступить к дележу? Когда же, наконец, тут вновь воцарит какой-нибудь новый балбес вроде Ельцина, или предатель вроде Горбачева, который не сможет или не захочет организовать защиту всех этих богатств?

Вернемся, однако, к описываемым трагическим событиям. Поначалу, как известно, никакой блокады Белого дома не было. Ельцин и его команда явно рассчитывали на то, что после указа все депутаты разбегутся по домам, как крысы. Часть и разбежалась, но далеко не все.

А я в тот первый день уехал на ночь домой, потом на следующий день приехал назад в Белый дом. Ко мне, надо отметить, в дальнейшем присоединился уже не раз упомянутый в этой книге Саша Одинцов. Он не входил в состав аппарата комитета, а оформлялся к одному из депутатов Верховного Совета в качестве помощника. Но не успел.

Вообще, из всего многочисленного состава МИДа потом к Верховному Совету подошел только еще один сотрудник – Олег Зиборов. И он не просто сочувствовал восставшим депутатам, а серьезно им помогал. Кстати, когда все закончилось, через несколько лет Олег сильно подрос по должности, стал постоянно работать с Путиным в качестве переводчика.

Других сотрудников министерства иностранных дел я в Белом доме в те дни так и не увидел. Вот такое у них оказалось отношение к законности, порядку, уважению конституции и российских законов. Главное, отсидеться и никуда не лезть. Правда, потом в личных разговорах то один, то другой утверждал, что вот он-то точно там был и очень даже помогал бороться против военного путча. Только что-то никто из них мне там не попался на глаза.

Реакция населения

Надо честно признать, что российское население тогда не слишком-то и поддержало депутатов Верховного Совета. Около Белого дома ходили, конечно, какие-то люди, но их было немного. Может быть, в лучшем случае пара-тройка тысяч. Более того, по внешнему виду они явно не тянули на настоящих бойцов. Это были казаки, студенты, бывшие военные. Часть из них ночевала в Белом доме или где-то рядом. После того, как здание окружили колючей проволокой, именно они и остались внутри.

Но до колючей проволоки в тот момент было еще далеко. Поначалу никто не мешал входить в здание на Краснопресненской набережной и выходить из него. На

подъездах, как всегда, стояла милиция, проверяла документы. Все буфеты и столовая работали в обычном режиме. В этот период я пару раз оставался в здании на ночевку. Мне выдали раскладушку с постельным бельем, которая прекрасно уместилась в кабинете. Это были дни, когда проходили заседания Верховного Совета, а потом и десятого Съезда народных депутатов.

Сказать честно, меня очень угнетало, что население не поддерживает Верховный Совет и депутатов. Несколько тысяч человек вокруг Белого дома были, конечно, просто каплей в море. Вообще-то, если покопаться в мировой истории, то народ во все времена относился к своим парламентам, как правило, с сомнением и недоверием. Люди ведь любят видеть быстрый результат работы. И искренне верят, что хороший руководитель может в одно движение решить любую проблему. Просто надо отдать решительное указание, вот и все. Рубануть, и все дела! Потому-то бывших военных нередко охотно выбирают на политические должности. А тут какие-то разговоры, обсуждения, бесконечные заседания и голосования. Причем кто-то всегда почему-то выступает "против". Ну, как тут разобраться в такой мутной материи? В общем, простое население, похоже, никогда не будет любить парламент. И дело тут не в том, что депутатами руководил чеченец Хасбулатов вместе с нерешительным Руцким. Коренные причины – в отторжении института парламентаризма, в неприятии сложного и непонятного механизма выработки парламентских решений.

Наступила суббота. Погода была яркой и солнечной. Я ехал на своем стареньком жигуленке в Белый дом. А там в тот день собралось народа побольше, чем обычно. Может быть, тысяча пятьдесят, или даже сто. Шел митинг. Пришедшая публика была довольно приличного, не бомжиного вида. Конечно, и это количество не означало поддержки большинством населения. Не могу тут удержаться от одного довольно неприятного сравнения. Как-то в будний день довольно поздно вечером я проезжал мимо стадиона "Динамо". Шел дождь. Не то чтобы

проливной, но довольно-таки противный. Но народу было много, очень много, десятки тысяч. Все они, невзирая на поздний час, на то, что завтра рабочий день, на дождь, шли на какой-то футбольный матч. Стадион был забит до отказа.

Иными словами, если российским гражданам захочется, то они в любой день, даже заплатив, заметим себе, какие-то свои собственные деньги, готовы сидеть полтора, а то и два часа под дождем на ледяном стадионе. А к парламенту они не приходили даже бесплатно и в воскресенье, когда ярко и приветливо светило солнце. Значит, выходит, не очень хотелось.

В этой связи мне на ум шел и еще один эпизод. Как-то судьба занесла меня по работе в довольно-таки заштатный французский городок Страсбург. А там – по улице идет толпа людей, и конца-края ей не видно. При этом понятно, что все это – демонстрация. Я взял да и подошел к одному из участников и попытался выяснить, чего же хотят демонстранты, почему чуть ли не половина города вышла протестовать. Против чего? Что такое ужасное случилось в их жизни? Мне на плохом английском, но охотно объяснили, что местные власти на какие-то доли процента увеличили пенсионные отчисления, или что-то в этом роде. И все жители города тут же вышли на демонстрацию.

Прорыв

Однако надо признать, что эти митинги в субботу и воскресенье у Белого дома вызвали двойственный результат. С одной стороны, вроде бы они продемонстрировали какую-то поддержку со стороны населения. Но, с другой стороны, ельцинисты, видимо, испугались, что действительно депутатов может кто-то и поддержать. В результате, на следующий день здание парламента окружили милицией и опутали колючей проволокой. Всех выпускали, но никого не впускали. Я было попытался силой прорваться в переулке около посольства США. Меня схватили и довольно-таки больно помяли. Подействовали только аргументы о том, что я - доктор наук. Милиционеры чуть

поостыли и, в конце концов, через какое-то время отпустили меня восвояси.

Тогда я решил спуститься к Белому дому уже по Калининскому проспекту. Между мэрией и Белым домом собралась толпа таких же, вроде меня, энтузиастов. Милиция никого в Белый дом не пропускала. Народ ругался, совал милиционерам в нос книжечки Конституции. Те были слегка смущены, но все равно никого не пускали. Так продолжалось, наверное, полчаса. Неожиданно я увидел, что изнутри к милиции подходит Иона Андронов. Я стоял в первом ряду, и уж как-то так получилось, что стал нажимать на милицию. Толпа и еще нескольких человек поддержали, усердно пихая меня в спину. Милиция такого поворота дел не ожидала, и целостная линия защиты вдруг распалась. Милиционерам уже пришлось поодиночке биться с толпой. Передняя линия нашей группы, по сути, перемешалась с милиционерами. При других обстоятельствах это можно было бы считать переходом в рукопашный бой, где все смешалось.

Получилась настоящая сумятица: милиционеры хватили меня, валили на брусчатку, я вырывался. В результате из моего ядовито-зеленого плаща вырвали здоровенный клочок. Так до сих пор этот порванный плащ и висит в шкафу как напоминание о тех событиях.

Наконец какой-то молодой здоровенный детина из милиционеров обхватил меня сзади, а я умышленно повалился на него спиной, оказавшись в конечном итоге сверху. В момент падения я незаметным, но резким движением головы ударил его затылком прямо по носу. Так уж получилось, что удар совпал с его приземлением на асфальт. То есть этот милиционеришка ударился и собственным затылком, да еще и я как следует добавил по носу.

Похоже, никто из других милиционеров этого удара не заметил. Не будем забывать, что речь шла об активном сопротивлении представителю власти. Более того, даже о нанесении удара представителю власти. Вообще-то, за такое -

тюрьма по всем уголовным законам. Короче, этот схвативший меня милиционер не выдержал боли и тут же разжал руки. Видимо, боль была сильнее служебного долга. Я тут же вскочил и оказался уже внутри ограждения вокруг Белого дома. Со мной туда же внутрь прорвались еще несколько человек. Но милиция тут же восстановила кольцо и оттерла остальную толпу прочь.

Все прорвавшиеся вместе с Андроновым пошли к зданию парламента. Он некоторое время молчал, но потом как-то похвалил меня за развязанную драку с милицией. А я, честно скажу, почувствовал тогда себя настоящим героем!

В осаде

Потянулись длинные дни осады в кольце из колючей проволоки. Я писал проекты постановлений Верховного Совета. Ночевал с Сашей Одинцовым в своем кабинете. Когда отключили электричество и горячую воду, мы стали греться свечами. Зажигали их на ночь около раскладушек, в результате становилось немного теплее. В конце концов, я сжег кусок своего матраса на раскладушке, но настоящего пожара так и не получилось. И слава Богу!

Надо сказать, что обстановка внутри Белого дома была удивительной. Там царил необычайный подъем, энтузиазм. Постоянно возникали какие-то публичные дискуссии с большим количеством участников. Всяк мог высказать свое мнение. И все друг друга выслушивали охотно и с большим вниманием.

Даже буфетчицы остались на своих местах и всеми силами старались как-то получше накормить людей, восставших против произвола Ельцина и его клики. Наверное, те же чувства испытывала и милиция, которая стояла на проверке пропусков внизу каждого подъезда.

В самом начале осады я своими глазами видел, как к Белому дому несколько раз подъезжали черные "Волги", тяжело осевшие из-за перегрузки. Как оказалось, это было оружие, но самое простецкое, какое только можно было придумать:

пистолеты ПМ и автоматы АКСУ-74, такие короткоствольные, которыми вооружена милиция. Как потом выяснилось, пуля, выпущенная из этих автоматов, не могла даже пробить двойное оконное стекло в кабинетах Белого дома.

Другого оружия я не видел. Вообще-то я, находясь в Комитете по международным делам, был хорошо информирован. Если бы были запасы какого-то серьезного вооружения, я бы знал. По сути дела, защитники Белого дома были вооружены пугачами. Это совпадало с идеологией самого протеста: с голыми руками против вооруженных до зубов силовиков-путчистов.

Источники информации у меня были разные. Кое-что рассказывали сами депутаты, кое-что рассказывал помощник депутата Евгения Пудовкина по имени Вениамин. Частично полезные сведения можно было почерпнуть из разговоров с ребятами, которые охраняли Комитет по международным делам. Вообще-то, Вениамин был не последней фигурой во всем этом противостоянии с ельцинской сворой. Средних лет и среднего роста, весь такой округлый, даже почти толстый. Лицо тоже круглое, полное, подчас красное. Весь он при этом так и искрился жизнерадостностью и оптимизмом. Активнее его надо было поискать. Вениамин смотрел прямо в глаза своему собеседнику, а его собственные глаза при этом неизменно горели, как два огонька.

Так как Вениамин был отставным военным, то именно в этом направлении и проявлял свою активность. В первую очередь он ездил по гарнизонам и налаживал неформальные контакты. Можно сказать, что речь при этом шла о том, кому должны подчиняться военные: Ельцину или Верховному Совету. При других обстоятельствах такая работа запросто могла быть квалифицирована как подстрекательство к вооруженному мятежу. Но тут мятежником был сам Ельцин, так что квалифицировать переговоры, которые вел Вениамин, можно было по-разному.

Охрана

Ребята из охраны нашего комитета были из отставных военных. Было их, как правило, трое, но иногда к ним присоединялись и их коллеги с других этажей. Все одеты в камуфляж, вооружены уже упомянутыми милицейскими автоматами. Один – красивый мужественный шатен, таких любят женщины. Другой – низкого роста, а в глазах – желание порвать врага на куски. Третий, похоже, романтик, задумчивый, с длинными ресницами, как у женщин.

Я общался с ними достаточно часто. То они расспрашивали о международной обстановке, то я интересовался деталями организации обороны парламента. Но какой бы непринужденной не была беседа, я никак не мог избавиться от неприятного чувства. Понятное дело, что сам я был чуть ли не профессиональный оппозиционер, а то и диверсант. Саботажник, это уж само собой! Вот теперь пришел в Верховный Совет, мучу тут воду, подстрекаю депутатов жестче отвечать Ельцину. Я сам выбрал себе такой путь и сам отвечаю за возможные неприятные последствия. А как насчет этих ребят из охраны? Ведь они были на своей заслуженной военной пенсии, жили в Москве, при этом, видимо, достаточно безбедно. И вот теперь они бросили свой дом и семьи и явились сюда. С оружием в руках сидят и по большому счету готовы отдать свою жизнь, в том числе и за меня. При этом они искренне верят, что я и депутаты делают такое дело, которое стоит их жизней.

От этих мыслей мне становилось совсем нехорошо. Что я такое необыкновенное делаю, чтобы ради этого подвергать угрозе чужие жизни? Жизни людей, которые мне поверили? Одно дело, самому играть в свои игры и совсем другое – рисковать чужой головой ради своих идей. Действительно ли все то, что я тогда делал, стоило так дорого? А может быть, все

это ерунда, глупости, пустые амбиции, скрытая борьба за власть, вот и все?

В общем, было тут от чего испытывать неприятные чувства. Я, конечно, старался не подавать виду, вел себя с ребятами внешне достаточно непринужденно. Вроде как все взрослые люди и сами должны понимать, что они делают. Но совершенно точно груз ответственности за судьбы других людей давил на меня просто невыносимо.

Диверсант

Однако, похоже, ребята совсем не зря охраняли Комитет по международным делам. Как-то раз ближе к вечеру на третий этаж забрел какой-то детина. Здоровенный, лицо какое-то неопределенное, вроде даже как-то смотрит в сторону.

- А где тут кабинет Уражцева?

Детина задал этот вопрос как бы проходя, не очень даже и останавливаясь. Я был занят с ребятами беседой, те кивком показали на конец коридора и продолжили свои дискуссии. Спрашивавший повернулся и быстрым шагом исчез в темноте.

Я и думать забыл про этого человека. Вдруг тот вновь появился из ниоткуда и мгновенно прошмыгнул в обратном направлении в коридор, а дальше к лестнице у лифта, и исчез, как будто его и не было тут никогда. Охранники замолчали и уставились друг на друга, а потом уставились и на меня. Ситуация, действительно, складывалась как минимум сомнительная. В тупике, где находился кабинет депутата Виталия Уражцева, никого не было. Там был погашен свет, все кабинеты - пустые. Что там делал этот незнакомец? Ведь он там пробыл минуты две, а то и три. В темноте, среди пустых, неосвещенных комнат? Для того чтобы понять, что там никого нет, достаточно было нескольких секунд. А потом, когда этот тип вышел оттуда, он должен был подойти к охране и спросить, где этот Уражцев и почему кабинеты пустые. Впрочем, так должен был поступить человек, который действительно искал

Уражцева. Получалось, что незнакомец никого не искал. Что же он тогда на самом деле делал в тупике?

Пауза затягивалась. Я первый нарушил молчание: "Что он там делал? Кто это был?". По всему получалось, что этот человек действительно чем-то был занят в темных пустых кабинетах. Но что можно было делать столько времени в полной темноте? Учитывая всю ситуацию вокруг Верховного Совета, логично было предположить, что только что в тупике у Уражцева побывал какой-то разведчик или даже диверсант, которого мы прошляпили. Впрочем, что там было разведывать? Никаких тайных ходов в этот тупик не шло, никакого особого стратегического положения кабинеты не занимали.

А может быть, этот тип подложил взрывное или зажигательное устройство? Такое предположение показалось нам достаточно логичным: начнется пожар, возникнет паника. Если не потушат сразу, здание разгорится. Значит, депутатам придется выйти наружу, прямо в лапы милиционеров, преступно поддержавших пугачиста Ельцина. В общем, стало понятно, что кому-то теперь надо идти и проверять все помещения в тупике. Всем вместе идти туда смысла не было никакого, если там, не дай Бог, сработает взрывное или зажигательное устройство, то тогда пострадают не все, а только один человек, который занят осмотром. Но кто именно должен идти? По логике вещей туда должен был пойти кто-то из ребят, охранявших этаж. Но уж никак не я, занимавшийся обеспечением работы депутатов.

Однако пойти и проверить комнаты у Виталия Уражцева вызвался именно я. Почему? Потому, что очень не хотелось мне выглядеть какой-то особой "белой костью", которая не желает рисковать своей драгоценной шкурой, а норовит подставить под удар других. Вот передо мной сидят три человека, которые пришли в Верховный Совет защищать законность и порядок, восстали против военного мятежа, организованного Ельциным. Они готовы ради этого пожертвовать своей жизнью. Ну а что же я? Пытаюсь отсидеться за их спинами? Нет, с моральной точки зрения я в той ситуации должен был пойти и проверить

комнаты! Хотя, если рассуждать рационально, это было, конечно же, не мое дело...

Электричество было отключено, света не было, в комнатах была куча шкафов, так что операция по тщательной проверке заняла не менее часа. Я медленно, по сути, на брюхе, полз от ящика к ящику и, пользуясь свечкой, проверял все углы. Действовал я при этом неспешно и предельно осторожно. Ведь если действительно в шкафах было что-то заложено, оно могло быть снабжено часовым механизмом или устройством неизвлекаемости. Открываешь дверку шкафчика, а к ней с другой стороны прикреплена растяжка. Она тянет спусковое устройство. И двухлитровая бутылка из-под кока-колы, например, наполненная горючей смесью, тут же разрывается и вспыхивает. И что в таком случае будет со мной? Понятно что – "сгорел на работе". Именно поэтому я и действовал так осторожно.

Несмотря на такой тщательный осмотр, ничего обнаружить так и не удалось. Я вздохнул с облегчением. При этом испытал удовлетворение, ведь, по сути, я совершил свой пусть маленький, но подвиг. Наверное, ребята из охраны оценили это мое геройство, но виду никто не подал. Я после осмотра комнат вновь присоединился к их компании, и беседа продолжилась дальше, как будто ничего и не произошло.

Должны ли были мои добровольные охранники вместо меня пойти и проверить комнаты Уражцева? Может быть... Но обстановка в окруженном Белом доме была такая, что деления на хитреньких и глупеньких вообще-то не было. Раз уж ты в такой ситуации остался там, значит, в любом случае был готов к тому, что милиция, окружившая здание, при удобном случае всадит в тебя пулю. Так что деления на "белую" и "черную кость", вообще говоря, не было. Я вызвался провести ту проверку, хотя это было явно рискованное дело. И это точно не входило в мои обязанности, я же все-таки не был взрывотехником или минером.

Буфетчицы

Однако, похоже, Белый дом просто кишел засланными шпионами, диверсантами и провокаторами. Блокада только началась, ее последствия еще не успели толком сказаться. Все службы парламента работали в обычном режиме, в том числе и общая столовая. Чем я в очередной раз и не преминул воспользоваться, отправившись туда на обед. Столовая была огромная, столы стояли стройными рядами, застеленные белыми скатертями. Официанты деловитые и быстрые, без развязности, которой они подчас грешат в коммерческих ресторанах. В общем, все в духе крепких столовых госаппарата времен Советского Союза.

Кстати, о столовых и официантах. В Белом доме я столкнулся с удивительным явлением. Казалось бы, в парламенте должны сидеть парламентарии. Именно они являлись движущей силой антиельцинского протеста. Они, в конце концов, были защищены, пусть и формально, но иммунитетом. Они именно для того и пришли во власть, чтобы участвовать в политической жизни, даже если это грозило им материальными потерями, личной дискредитацией или даже было связано с угрозой для жизни. Так сказать, своеобразный профессиональный риск.

Вместе с депутатами можно было ожидать встретить в осажденном парламенте их помощников, а также сотрудников аппарата, которые работали за идею, а не за зарплату. Там же могли оказаться службы безопасности, сотрудники охраны, им по должности положено рисковать. Но должны ли были сидеть в осажденном парламенте буфетчицы и официантки? Казалось бы, их дело – продавать булочки и чай, и получать за это деньги. Но уж никак в их обязанности не входило кормить этими булочками людей, которые не подчинились милиции, ФСБ и даже самому президенту страны!

Как это ни удивительно, буфетчицы не просто остались в Белом доме. Надо было видеть, как они разговаривали с защитниками парламента, как они были счастливы, что находились рядом с такими мужественными и смелыми людьми и могли им помочь хотя бы тем, что сварить вкусный суп или поджарить пирожок к чаю.

Так оно и было, без какого-либо преувеличения. Именно так себя буфетчицы и вели. Не просто продавали пирожки (потом давали бесплатно), а всячески пытались поддержать защитников Белого дома как добрым словом, так и улыбкой. Они пользовались случаем и пытались заговорить с "клиентами", и, если предоставлялась возможность, даже давали советы, как именно противостоять штурму! Вот такая обстановка царила в здании, окруженном со всех сторон колючей проволокой и рядами вооруженных до зубов милиционеров.

Маски и разговоры

Итак, занятый своими мыслями, я один сидел за столом и спокойно поглощал обед. Чем же закончится все это противостояние? Отступит ли Ельцин? Да и куда он теперь отступит? Разве что будет заключен какой-то компромисс с депутатами. Кажется, какие-то переговоры на эту тему велись. Во всяком случае, до меня доходили какие-то слухи о таких контактах.

Народу в столовке было совсем немного: то ли все уже пообедали, то ли многим было не до обеда. Вдруг ко мне за стол подсел какой-то человек. Вида он был вполне заурядного, среднего роста и среднего возраста. Комплекции, пожалуй, хлипкой. Эдакий обычный аспирант, которому все никак не удается защититься. Но я сразу обратил внимание на его глаза - бегающие, какие-то испуганные.

"Аспирант" подсел именно поговорить, никакой еды он и не думал заказывать. Он представился. По его словам выходило, что он работает в дипломатической академии, в качестве

преподавателя. То есть я не очень ошибся, приписав его к аспирантам. По словам этого преподавателя, он хорошо меня знал. Настолько хорошо, что назвал мои имя и фамилию. Впрочем, дипломаты, действительно, друг друга знали нередко и по имени, а уж в лицо-то и подавно. Министерство небольшое, обязательно где-нибудь, да и пересечешься.

Однако этот преподаватель был все-таки не сотрудником министерства. Неужели я стал такой известной и популярной личностью, что теперь меня узнавали и люди из учебных заведений системы МИДа? Впрочем, эта мысль промелькнула в моей голове настолько быстро, что я даже и не успел толком ее осознать.

Я взгляделся в лицо незнакомца. Если тот знал меня даже по имени-отчеству, значит, и я мог его знать. Но нет, этот человек был мне незнаком. А тот тем временем сделал паузу и вдруг выпалил:

- Мы все погибнем тут!

Интересное начало! Приглядевшись к этому "преподавателю из дипломатической академии", я вдруг понял, что тот дрожит всем телом. "Чего это он так трясется? Действительно, боится, что Ельцин расстреляет депутатов? Или боится, что его разоблачат, как провокатора? Если уж так трясется, то шел бы себе домой, вот и все, а не искал союзников по своей трусости!"

Я еще раз глянул на пришельца. На ум невольно пришло сравнение с сусликом, трепетно высунувшимся из норы.

Я молчал, ожидая продолжения. Незнакомец, видимо, воспринял это молчание как знак одобрения или согласия. И горячо зашептал, подавшись ко мне всем телом:

- Нам надо уходить отсюда! Ясно же, что всех тут убьют! И вам обязательно надо уходить! Вам тут не место!

Помолчав немного и не получив в ответ ни "да", ни "нет", он осторожно оглянулся и продолжил:

- Зачем вам, известному дипломату и ученому, рисковать тут своей жизнью? В этом нет никакого смысла. Давайте вместе уйдем из Белого дома!

Я все молчал. Появление этого человека и его слова были не просто странными. Удивительно было, что какой-то неизвестный преподаватель дипломатической академии знает меня в лицо. Мало того, знает по имени и отчеству. Станным было и то, что он предлагал вместе уйти из здания парламента. Зачем ему нужна именно моя компания? Хочешь уйти – уходи, никаких проблем не было. Выходишь из здания и идешь себе восвосяи через кордоны милиции. Все легко и просто.

А его слова о том, что всех тут убьют? Откуда он это взял? Если бы Ельцин хотел штурмовать парламент, он бы уже давно это сделал. Но ведь не штурмует же! И не обстреливает. А просто окружил кордонами милиции. Значит, вряд ли штурм состоится неожиданно, если вообще состоится. Получается, никакой особой угрозы жизни обитателей Белого дома пока нет.

По всему выходило, что этот человек был не просто заслан в здание парламента с определенной задачей, он должен был склонить к предательству определенных людей, кто защищал Белый дом. И я тоже, судя по всему, числился в этом списке, если уж путчисты снарядили отдельного человека, чтобы попытаться меня обработать. А может, этот человек действительно из академии и действительно меня знает? Сначала забрался в здание парламента, понадеялся, что тем самым окажется среди будущих победителей, а когда увидел, что дело плохо, решил удрать, но для храбрости заодно прихватить с собой еще кого-то?

В общем, ситуация была такая, что я не счел нужным выкрикнуть в лицо этому человеку "провокаатор!" и вытащить его за шиворот из столовой. В конце концов, каждый сам хозяин своей судьбы. Этот весь трясется от страха и хочет сбежать. Ну и беги себе восвосяи, скатертью дорога!

Наконец "преподаватель" счел, что пауза приобретает опасный характер:

- Могу ли я вам оставить свой номер телефона? Если вдруг что со мной случится, вы позвоните и расскажите про все...

Он нацарапал на бумажке телефон и осторожно пододвинул его в мою сторону. Сам снизу вверх глянул мне в лицо. И тут я совершенно точно понял, что незваный гость боится вовсе не смерти от рук ельцинских милиционеров. Нет! Он боится именно меня!

Неужели у путчистов я числился таким уж мясником и головорезом? Вроде ни в каких таких уж особых расправах не участвовал. Да, высказывал свое мнение, да, придерживался жесткой позиции. Но не настолько же все это было страшно, чтобы вот так трястись передо мной, как осиновый лист?

Человек исчез за дверью столовой, даже не оглянувшись по дороге. Он кинулся к ней, наверное, так, как спасается от каннибалов легкомысленный путешественник, попавший по ошибке в самое их логово. А я взял клочок бумажки с телефоном и положил в кошелек. Там уже было несколько таких же листков. Правда, их происхождение было несколько иным: их передали мне ребята из охраны. Но они-то, действительно, могли опасаться страшной участи.

Делая небольшое отступление, отмечу, что я сохранил этот телефон, и когда все закончилось, позвонил по нему. Позвонил с дрожью в груди. А вдруг тот человек действительно погиб при штурме? Вдруг телефон снимет его безутешная вдова?

Трубку подняла женщина, видимо, жена. Надо было просто попросить позвать к телефону этого товарища. Но я не нашел ничего умнее, чем спросить, все ли с ним в порядке. Женщина на том конце провода так удивилась, что никаких вопросов у меня больше не осталось. По ее реакции было видно, что этот деятель ни в каких "сомнительных" делах типа защиты парламента от путчистов не участвовал ни в каком виде.

Инфракрит

Случались в Белом доме и другие удивительные случаи. Как-то раз я обсуждал с Ионой Андроновым текущие вопросы. Собственно говоря, в тот момент все они сводились к одному:

удастся как-то повлиять на международное общественное мнение и склонить его на сторону депутатов или нет. Пока явной поддержки не просматривалось. Конечно, иногда в зарубежной прессе проскакивали сочувственные статьи, но и только. Мы ожидали, что будут заявления парламентов, запросы в международные организации, демонстрации, демарши. Все-таки речь шла о фундаментальных основах демократии, о правах парламента, причем не абы где, а в стране - постоянном члене Совета Безопасности ООН, о ядерной державе. Перед этим на Западе было сказано столько замечательных слов о народовластии, о необходимости развития и укрепления в России институтов демократии. И вот путчисты подняли руку на один из этих институтов. Казалось, западные страны должны были наперебой броситься доказывать, что так действовать нельзя, категорически недопустимо!

Однако на Западе все больше помалкивали. Может, надо как-то иначе сформулировать позицию Верховного Совета, сослаться как-то яснее и четче на юридические аспекты проблемы? Вот именно это мы тогда с Андроновым и обсуждали. Однако все это было уже не раз до того проговорено и переговорено. Невозможно было поверить, чтобы за рубежом не понимали сущности происходящего, не видели, что речь идет о применении силы против парламента. Но никаких официальных заявлений с осуждением Ельцина все не было.

Вдруг в комнату к Андронову зашел депутат Михайлов. Вид у него был такой, что мы с Андроновым тут же замолчали. Что-то случилось? Ни слова не говоря, Михайлов протянул мне записку. И вдруг сочувственно произнес:

- Вот, передали оттуда...

Откуда записку передали, было понятно – из-за милицейского кордона. Но что же в ней было такого, чтобы надо было мне сочувствовать?

Я развернул записку и прочел: "У Николая Леонтьевича инфаркт. Он хочет поговорить с сыном". Ого! Я тут же почувствовал в груди исключительно неприятный холод.

Получалось, что я влез в защиту Белого дома, стал рисковать своей жизнью, а отец воспринял это слишком эмоционально. И вот теперь умирает по моей вине.

Я без слов протянул записку Андронову. Тот прочитал и вернул ее назад:

- Сочувствую! Иди, тут ничего не поделаешь!

Михайлов тоже с пониманием кивнул головой. И отвернулся. Мне было очень понятно, почему отвернулся Михайлов. Ясно, что все защитники Белого дома сидели тут по идейным соображениям. Шла борьба сторонников закона и справедливости с бандитами и путчистами. В здании парламента при этом остались только те, кто не струсил против путчистов, прятавшихся за спины милиции. Поэтому всякая ситуация, когда защитник Белого дома уходил из здания, вызывала определенное напряжение. И уходивший, несомненно, испытывал неприятные чувства, какие бы оправдательные причины у него ни имелись.

Я сжал записку в кулаке. Помолчал и, наконец, вполголоса произнес:

- Я остаюсь!

Михайлов не поверил своим ушам.

- Ты не уходишь???

Для него мое решение остаться было совсем неожиданным. По его меркам, по такому поводу как инфаркт отца, следовало, несомненно, покинуть здание.

Я еще раз произнес:

- Я остаюсь!

Михайлов, наконец, осознал суть сказанного. И с удивленным лицом повернулся и вышел вон из комнаты. Я попытался продолжить беседу с Андроновым, но мысли уже куда-то совсем разбежались, в конце концов, я извинился и отправился в свой кабинет.

Мне не хотелось вступать в объяснения ни с Михайловым, ни Андроновым, хотя, наверное, это надо было сделать. Иначе в их глазах я стал выглядеть, как человек, пренебрегающий отцом и

матерью. А от такого пренебрежения один шаг до предательства. На самом деле у меня появились сомнения в том, что записка была написана моими родственниками. Если бы там действительно случился инфаркт, текст, скорее всего, был бы иной. Вообще, вся эта история с запиской выглядела как попытка ельцинских прихвостней выманить меня из здания парламента любой ценой. Не лень же было придумать такую историю с инфарктом!

Дефиле

Я сидел в своем кабинете, свет сочился только через окно. Уже смеркалось. Да, как все это теперь было не похоже на начало протеста! Мне вспомнилось, как еще до колючей проволоки в Белый дом заявился Сергей Кургинян. Он выступал в холле, забравшись на какое-то возвышение. Его слушала пара депутатов, а в основном простые зеваки. Кургинян всех очень твердо убеждал, что расстрел немислим, невозможен. Все охотно ему поддакивали, в том числе и я. Надо сказать, что у меня тогда сложилось твердое убеждение, что расстрел, если таковой случится, неизбежно приведет к падению режима Ельцина. Растоптать конституцию, применить вооруженную силу против избранного народом парламента – да кто же такое будет терпеть? Ельцин горько пожалеет, если так поступит! Именно так мы все и думали. Что случилось на самом деле – известно. Как выяснилось, народ отнесся к расстрельному мероприятию довольно спокойно. Ну, расстреляли и расстреляли. Бывает. Выберем новых депутатов.

Так депутаты, а вместе с ними и мы, сотрудники аппарата, сидели в осаде путчистов и милиционеров не один день. В хорошую погоду мы вместе с Шурой Одинцовым гуляли по площадке прямо позади Белого дома. Конечно, при желании можно было найти более спокойное место для прогулок. В конце концов, можно было погулять внутри здания, по его бесконечным коридорам. Но мы были не из таких! Ведь вокруг

здания стояли бойцы в милицейской форме, эдакими грозными шеренгами, прикрывшись щитами. Время от времени они ритмично стучали по щитам своими резиновыми дубинками. Все это, видимо, должно было символизировать строгость закона, неотвратимость наказания, законность осады. Но какого такого закона? Постоянно гремела агитмашина, предлагая депутатам "сдаться". Сдаться? Даже буфетчицы и уборщицы остались в Белом доме.

В общем, я надевал свой уже упомянутый ярко зеленый плащ и демонстративно безразлично прогуливался по площадке у Белого дома. До шеренги милиционеров оставалось метров сто. Получалось, что это была не просто прогулка, а демонстративный вызов как милиции, так и вообще путчистам. Если вы такие сильные, так схватите меня! Ах, не можете! Ну, тогда и не пытайтесь нас запугать!

В качестве альтернативы этому мероприятию я находил какое-нибудь свободное окно и в том же ярко-зеленом и потому хорошо узнаваемом плаще торчал в нем во весь рост, небрежно засунув руки в карманы. Смысл был все тот же: бросить вызов силам правопорядка, осадившим парламент, и показать им, что их не боятся. А себя тем самым приободрить и обнадежить. Интересно, сколько за это время моя персона побывала на мушке у снайперов? Ох, как, наверное, чесался у них указательный палец на спусковом крючке! Может, не стоило так рисковать?

Макашов

В один прекрасный день, когда я вернулся с подобной прогулки к себе на этаж, вдруг где-то наверху послышался глухой, но все нарастающий грохот. Можно было подумать, что где-то недалеко с горы сыпались камни. Но никакой горы и никаких камней, понятное дело, в Белом доме не было. Впрочем, через минуту источник шума стал ясен. Сверху по лестнице спускалась группа людей. Да не просто людей, а

людей в камуфляже, все как один с оружием. Спускались они, действительно, как лавина с горы, производя своими башмаками тот самый шум и грохот. Язык лавины вдруг завернул на наш этаж и притормозил прямо напротив меня, как будто ударившись в невидимое препятствие. Я пригляделся. Ба, да это сам генерал Макашов собственной персоной!

Альберт Михайлович был в генеральской форме. Он прямо лучился уверенностью и непоколебимой твердостью. Лицо его сияло, он бросал направо и налево острые взгляды. Макашов остановился в середине небольшого холла, сразу после лестничных проемов. Количество сопровождавших его лиц было столь велико, что они не уместились сзади, а частично остались стоять на лестнице. Но никто не напирал, ни-ни! Все замерли за спиной своего генерала.

Конечно, вся ситуация выглядела немного странной. Сиять и излучать уверенность было явно пока рановато. Здание находилось в осаде, никто извне депутатов активно не поддерживал, тем более российская армия. В лучшем случае можно было быть уверенным в том, что оборона здания налажена более или менее надежно, да и только. В любом случае было понятно, что Белый дом, это не подземный военный бункер, а всего лишь гражданское здание. И с помощью тяжелого оружия его ничего не стоит тут же разрушить.

Немного неуместной выглядела и эта толпа сопровождавших Макашова лиц. Ну, можно было понять, если там было бы человек десять охраны. Но куда такая толпа народа, человек в пятьдесят, если не больше?! Все это выглядело, как свита короля, которая пользуется случаем, что ей разрешили немного постоять рядом с монархом.

Но в тот момент я не обратил внимания ни на странность ситуации, ни на неуместность этой немислимой свиты. Я видел в Макашове какую-то гарантию, что силой парламент не возьмешь, и торжественно-уверенное поведение Макашова воспринял как должное. Наоборот, такой вид генерала меня

только приободрил и заставил поверить, что дело противостояния путчистам – не безнадежное.

Макашов же, остановившись, начал оглядываться вокруг. Наверное, это был обход всех будущих огневых позиций и попытка оценить, насколько тут можно держать оборону. В общем-то, все эти лестничные пролеты и площадки были в здании одинаково типовые, особо смотреть было не на что. Разве что оценить, насколько выделенная охрана была достаточной. Не добавить ли сюда еще бойцов?

На площадке рядом со мной оказалось еще несколько человек из гражданских, которые помогали депутатам. Все они двинулись к генералу, явно собираясь задать какие-то вопросы. Охрана тут же грозно шагнула нам навстречу, но Макашов движением руки их остановил. Наверное, он, действительно, хотел посмотреть не столько на лестницы и окна, сколько на самих людей, которые держали в руках оружие. Готовы ли они к обороне? И беседа с присутствующими вполне могла дополнить всю картину.

- Альберт Михайлович! Не собирается ли наше руководство идти на попятную перед Ельциным?

Я воспользовался тем, что стоял ближе других к Макашову и первый выпалил этот вопрос. Вообще-то, мне и так было известно, что наверху - у Руцкого и Хасбулатова - витают идеи

найти какой-то компромиссный вариант. Смысл этого вопроса был вовсе не в том, чтобы убедиться в наличии таких идей. Я хотел показать, что люди на местах рвутся в бой, настроены бескомпромиссно и готовы стоять до конца. Макашов что-то бросил в ответ типа "Нет, это невозможно!" и стал отвечать на другие вопросы. А я радостный и удовлетворенный отошел в сторонку.

С тех пор прошло уже много времени. Вполне можно оценить без эмоций все то, что тогда происходило. Несомненно, что я был тогда одним из генераторов бескомпромиссных настроений и всей душой желал дать самый яростный и жестокий бой путчистам. Несомненно, что если бы сложилась ситуация, когда и мне надо было взять в руки оружие, я бы его взял и без колебаний стрелял бы во врага.

Будни

Однако мало того, что сам я был настроен бескомпромиссно, я еще и других настраивал именно на такую бескомпромиссную борьбу: до конца, до последнего патрона. Ходил по этажам и, как агитбригада, убеждал стоять до конца. Наверное, только с таким настроением и можно вообще побеждать! Но тут-то получилось по-другому. Белый дом был расстрелян, его защитники сдались. Но при этом много, очень много людей было убито. И частично они были убиты именно потому, что я, и подобные мне, вздумали стоять насмерть. Было бы понятно, если бы и я сам погиб в первых рядах. Но все получилось иначе, я-то остался жив. А погибли те, кого я подстрекал выйти на баррикады защищать Конституцию. Мысль о том, что моя бескомпромиссность обрекла людей на смерть, никогда после тех событий меня не оставляла. Тяжело сознавать, что я причастен к гибели людей. За это, конечно, никакого наказания не последовало, но собственная совесть – тяжелее любого наказания.

В дни, предшествовавшие расстрелу, другие особо приятные события трудно и припомнить. Таскали какие-то спортивные сумки с деньгами, поддерживая осажденных. Говорили, что это помогают некие известные бизнесмены. Мне и другим ребятам действительно выплачивали не только зарплату, но и премию, хотя и относительно незначительную. Я по-прежнему сочинял проекты международных заявлений. Поскольку в розетках электричества не было, я в кабинете бывшего председателя Амбарцумова забрался на стол, вскрыл на потолке защитный колпак лампы аварийного освещения, которая все-таки работала, и с помощью каких-то хитроумных проводков все-таки подключил компьютер. Понятно, что в этой сети мощности были никакие, только чтобы лампочка горела. Но для компьютера этого было достаточно. Вот на нем я и сочинял свои проекты разных документов в основном международного характера.

Спиртного у сидящих в осаде депутатов и их помощников, к сожалению, почти не было. Мы с Сашей Одинцовым его просто не держали. Иностранные журналисты (а это были только западные журналисты) имели выпивку, но с другими не делились. У них же были и спутниковые телефоны, по которым они непрерывно болтали. Но тем, кто защищал парламент, звонить не давали, ссылаясь на то, что "аккумулятор садится". Или ссылались на то, что если по телефонам будут вестись переговоры, касающиеся осады, сторонники Ельцина узнают об этом и перекроют связь. Вообще, иностранные корреспонденты держались особняком и были настроены враждебно, хотя старались это тщательно скрывать. Но мне не раз в той или иной ситуации случалось участвовать в каких-то дискуссиях, где присутствовали иностранные журналисты, и не раз я поражался, как они сквозь зубы с явной злобой и даже ненавистью отзывались о Верховном Совете и его депутатах. Почему? Какая им была разница, кто руководит страной, Ельцин или парламент? Видимо, разница была очень существенная. Парламент пусть робко, но пытался защищать национальные

интересы. А Ельцин и его команда делали ровно противоположное.

Сотрудничество

Наконец наступило третье октября 1993 года. Я не мог знать, что развязка близка, и в этот день отправился по каким-то мелким делам в другую часть здания. По дороге попытался заглянуть в импровизированную церковь, сооруженную в одной из комнат над третьим подъездом. В комнату занесли разные атрибуты, иконы, все то, что и должно быть в церкви. Там же находился и священник. Уже издали было заметно, что в помещение не войти, довольно большая толпа людей стояла даже снаружи, у открытых дверей. Внутри же шла служба. В толпе стояли самые разные люди: частично сотрудники аппарата, частично добровольцы в камуфляже, женщины из буфета или столовой.

Казалось бы, что может быть такого особенного в богослужении, которое проводилось в наспех переоборудованной для этого комнате? Но мне сразу стало понятно, что тут происходит нечто особенное. Я это даже, скорее, ощутил. В воздухе ощущалась такая энергия, что не передать никакими словами. Это была прямая связь с Господом Богом, и никак иначе это нельзя описать. Я вдруг почувствовал, как и меня как бы подхватило и куда-то понесло. Бог заметил и меня! Именно это чувство у меня тогда и возникло. И что-то еще пришло ко мне, как импульс: "Ты делаешь богоугодное дело!".

Мне в своей жизни не раз приходилось заходить в церковь. Хоть и крещеный, православный, но я по поводу Бога всегда считал, что тот имеет какую-то более обобщенную универсальную форму, которую не сведешь к Иисусу Христу или Аллаху. Наверное, если строго подходить, такое отношение можно считать ересью. Как бы то ни было, но в критические

моменты своей жизни я все-таки заходил в храм и при этом ощущал то, что называется одухотворением.

Но тогда, в церкви в осажденном парламенте это было нечто большее. Никогда ни до того, ни после я не испытывал такого глубокого и сильного чувства. Именно тогда Бог снизошел до всех нас и одобрил то дело, которое мы делали.

Да, часть этих людей в последующие дни погибла, а часть была покалечена. Но, наверное, как никогда, эти жертвы были не напрасны. Наверное, именно в те дни произошел пусть внешне незаметный, но перелом в судьбах всех людей, живших в России. Именно тогда их жизненный путь сделал небольшой поворот. Но этот небольшой поворот со временем перерос в нечто большее, может быть, даже в иное историческое предназначение. Бог отметил не только защитников Белого дома. Он отметил тогда особым знаком всех россиян.

Прорыв блокады. Урашцев

В тот же день, где-то в районе пополудни, вдруг стала слышна стрельба в районе мэрии, здания бывшего СЭВа. Все кинулись к окнам. Стало ясно, что сторонники Белого дома, которые находились снаружи, прорывали кольцо блокады. Наверное, в тот момент сидевшие в осажденном здании люди испытали чувства, отдаленно похожие на то, что ощущали ленинградцы после прорыва фашистской блокады.

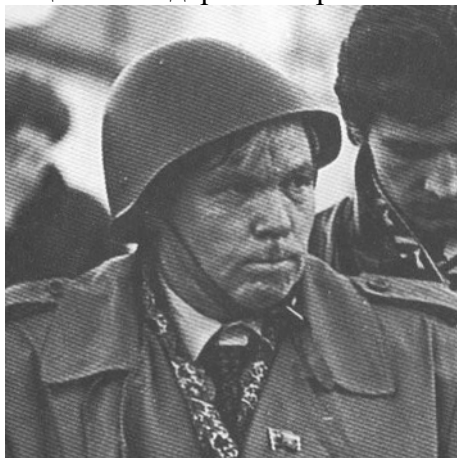
Мы с Ионой Андроновым тут же выскочили наружу. Со стороны мэрии вдоль Белого дома вели огромную колонну милиции. У них были понурые испуганные лица, и брели они точно, как пленные фашисты. Оружия, понятное дело, у них уже не было. Кто-то усиленно кричал по громкоговорителю, что это не пленные, что милиция перешла на сторону парламента.

Как же не пленные! Все было ясно написано на их мордах. Тоже мне вояки! Чуть топнули ногой, чуть стрельнули, они сразу лапы кверху подняли. Как шакалы. Смелые только тогда,

когда их много, а жертва беззащитная. Они вызвали только чувство гадливости и отвращения. Блюстители закона хр---вы!

Тут же, напротив третьего подъезда, нам встретился депутат Виталий Уражцев, который был членом нашего Комитета по международным делам. Откуда он взялся? Ведь в Белом доме его не было. С его слов следовало, что он и его сторонники арендовали рядом с Белым домом одну из квартир в жилом доме. Ожидали, чем дело кончится?

Впрочем, справедливости ради отметим, что, судя по свидетельствам очевидцев, в том числе моей супруги Веры, в тот день прорыва блокады Виталий Уражцев вовсе даже не отсиживался в упомянутой арендованной квартире, а был на улице, в толпе, на митинге, который собрался на Октябрьской площади. В какой-то момент Виталий как единственный(!) депутат, который там присутствовал, вызвался вести переговоры с милицией, одел бронежилет, каску и двинулся в сторону милицейского кордона. Неожиданно за ним пошла вся толпа. И вся эта бурлящая масса просто смела милицию. Внешне все выглядело именно так: толпа стихийно пошла за Уражцевым, а милиция не выдержала и разбежалась.

Виталий Уражцев несомненно был далеко не худшим из депутатов. Другие вообще ни в каких арендованных квартирах

не сидели, а просто перешли на сторону путчистов и поддержали осаду и расстрел парламента.

Тут же мое внимание переключилось на баркашевцев, которые пробегали мимо. Они во время осады тоже находились в Белом доме, носили военизированную черную форму. Но где именно в здании они находились, было неизвестно. Их редко можно было увидеть в коридорах. Выучка у них была классная, это было хорошо заметно. Тут им дали команду, и они побежали вперед, в переулок между американским посольством и гостиницей "Мир". Бежали они цепочкой один за другим, с довольно коротким интервалом, причем очень быстро, лавируя при этом в густой толпе. Зачем они туда побежали, было неясно. Но тут я сам себе честно признался, что не хотел бы иметь таких бойцов в качестве противников. Справедливости ради надо отметить, что, как известно, после расстрела парламента баркашевцев вывели из здания вместе со всеми, но потом отпустили без избиения. Что было довольно странно, ведь избивали даже депутатов. Так что не исключено, что их присутствие в Белом доме было санкционировано в Кремле, чтобы попытаться скомпрометировать парламент.

БТР

Мы с Андроновым подбежали к углу гостиницы "Мир". Тут стоял один из БТРов, который не успел удрать. Внутри него, однако, сидел водитель, который в последний момент туда заскочил. Он заперся и судорожно крутил перископ, разглядывая все вокруг. БТР был окружен плотной толпой. Было такое впечатление, что машина попала в ловушку. Она стояла немного наискось и упиралась задом в ступени подъезда гостиницы. С другой стороны ее блокировал тяжелый автомобиль с баком воды, такой, который обычно поливает улицы.

Андронов подбежал к машине, встал перед перископом и прокричал, что он – депутат Верховного Совета, что он

гарантирует водителю безопасность и предлагает добровольно сдаться. Тот, однако, сидел внутри и не собирался сдаваться ни в какой плен. Мне казалось, что все это тянется довольно долго, хотя на самом деле, надо полагать, прошла лишь пара минут. Тем временем на броню забрались какие-то ребята, которые держали в руках бутылки с бензином. Они намеревались вылить бензин на люк. Тот протек бы в щели внутрь БТРа. А после этого его бы подожгли. Андронов ни в какую не давал им это сделать и пытался путем переговоров выманить водителя наружу. Наконец мне все это совершенно надоело, и, перебив Андронova, я решительно командовал ребятам: "Наливай!" Те только этого и ждали. Бензина вылили, в общем, немного, всего-то полбутылки. Но он быстро исчезал с поверхности люка. То есть явно стал затекать через щель внутрь.

Водитель БТРа наконец сообразил, что именно происходит. Но сообразил с запозданием, видимо, только тогда, когда основная часть бензина уже затекла. Он тут же завел двигатель. Мотор взревел так, что стало ясно: эта штука сможет уехать без проблем, бронетранспортер не находится ни в ловушке, ни в западне.

Так оно и случилось. Все полетели с брони, стараясь при этом не попасть под страшные колеса. БТР двинулся туда-сюда и потом довольно легко отодвинул блокировавшую его поливальную машину. Просто отодвинул и покатил прочь.

Поначалу казалось, что бензин поджечь не смогли. Но БТР не успел отъехать далеко. Наверху, на башне, вдруг вспыхнуло, даже, скорее, ударило пламя. Видимо, ребята все-таки успели чиркнуть зажигалкой. Коктейлей Молотова в БТР точно никто не бросал.

Бронемашина полетела к пожарникам, которые стояли метрах в ста, ближе к стене американского посольства в сторону высотки на площади Восстания. Один из пожарных схватил рукав и явно вознамерился сбить пламя. Но тут по нему ударили из автомата, кажется, даже попали в пожарный рукав. Пожарник

закувыркался, как сумасшедший, бросил свой рукав, который стал вертеться по асфальту, поливая все вокруг без разбора.

В ту же секунду в БТР открылся люк и наружу выскочил наш герой. Горел он сам, или нет, этого я уже не видел. Было ясно, что машина теперь в руках защитников. Интересно только, куда она потом делась? Я ее больше нигде ни в каком виде не встречал.

CNN

Тут Иона Андронов стал оглядываться вокруг. И его взгляд упал на окно третьего этажа гостинцы "Мир". Из этого окна виднелся объектив видеокамеры. А может быть, это оптический прицел? Надо проверить! Он махнул рукой, и все гурьбой повалили внутрь гостиницы. Я при этом почувствовал, что к этому моменту уже приобрел в глазах толпы ореол героя и командира. Несколько довольно крепких мужчин бежали за мной и спрашивали, что им делать. Мой взгляд упал на штабные машины, которые стояли за зданием гостиницы. Почти мгновенно я скомандовал: "Перегоните их к Белому дому!". Ребята бросились к ним.

Вот тут надо приостановить повествование. Почему надо было перегонять эти машины именно к Белому дому? Зачем это было нужно? Наверное, я почти автоматически скомандовал таким образом в силу следующих причин. Ведь до этого момента штаб всего сопротивления Ельцину находился именно в здании парламента. Именно там заседали депутаты, и там же они принимали свои решения. Именно Белый дом стоял окруженный милицией и прочими силовиками.

Но теперь-то блокада была прорвана! Надо ли было и дальше там оставаться? Ведь уже через сутки это здание подверглось жестокому и безжалостному обстрелу и штурму. Там погибли люди. А если бы депутаты переместились в другое место? Якобы история не знает сослагательного наклонения. Но позволю тут себе все-таки немного порассуждать. Совсем не

очевидно, что надо было и дальше сидеть в здании парламента. Можно было оставить его с минимальной охраной, чтобы иметь запасное место, где можно собраться и проголосовать за какое-то важное решение. А сами депутаты могли и разойтись, пойти в массы, объяснить свою позицию, в конце концов, отправиться по домам слегка передохнуть. Ведь парламент – это не исполнительная власть, он не слишком приспособлен для принятия оперативных решений. В конце концов можно было перебраться в расположение какой-то дружественной воинской части.

Не стоит также забывать, что к этому времени были уже назначены все лица, которые могли и должны были заниматься оперативным руководством. Сам Руцкой, наконец. Исполняет он обязанности президента или нет? Были назначены министр обороны, министр безопасности, министр внутренних дел. Все они должны были заниматься руководством тех сил, которые были им подведомственны. Причем из каких-то таких мест, которые были неизвестны или недоступны путчистам.

Получилось же, что перед лицом расправы депутаты собрались вместе в одном здании, как в мышеловке, и представляли собой довольно легкую добычу. Для чего? Для того, чтобы своей гибелью заклеить Ельцина и его приспешников? Как выяснилось, эти приспешники не очень-то потом и тяготились своей причастностью к кровавой расправе.

Впрочем, это были бы хорошие рассуждения к концу того дня, когда стало ясно, что будет кровавая бойня. А днем всем защитникам парламента все еще казалось, что они побеждают, а ельцинисты уже поджали хвост и добровольно сдались на милость победителей.

В общем, в тот момент я своими распоряжениями тоже внес лепту в то, что Белый дом остался центром сопротивления военному мятежу. Я тогда тоже, скорее инстинктивно, рассматривал его и как надежное убежище, и как подходящий центр для дальнейшего руководства разгромом мятежников. А в результате получилось, что все сторонники парламента

оказались собраны в достаточно уязвимом месте. И многие погибли. А если бы остались живы, могли бы продолжить борьбу с мятежниками в иной форме.

Действительно, чего уж депутаты тогда так пристали к этому зданию, когда кольцо блокады было уже прорвано? Наверное, у всех сработала инерция мышления, как и у меня. Может, после снятия блокады надо было уйти куда-нибудь еще, например, к военным? Это было бы очень неплохое решение. Ельцинисты тогда поостереглись бы столь нагло прибегать к вооруженной силе, а то можно было получить и сдачи.

Но все эти размышления посетили мою мятежную голову лишь потом. А в тот момент я вместе с толпой, не очень-то задумываясь над стратегическими вопросами, летел вверх по лестничным пролетам гостиницы "Мир" на ее третий этаж. Около соответствующей двери толпа притормозила. А вдруг там вооруженные люди? Сейчас как раз и схлопочешь пулю в брюхо! Может, у кого-нибудь есть граната? Сначала взорвать дверь, а потом уж разбираться?

Однако граната не понадобилась. Видя всеобщее замешательство, я тут же выскочил вперед и ударом ноги выбил дверь. Как выяснилось, в комнате сидела самая обычная команда киношников, которая снимала хронику. Я крайне грозно заорал: "Кто такие? Что тут делаете?". Вся эта компания - человек семь, затряслись, как зайцы. В отличие от меня, у них, надо полагать, все было в порядке с чувством самосохранения и страха. Они, судя по всему, только что видели, как публика внизу без особых угрызений совести давила на спусковой крючок. Разбирайся потом, кто был виноват, когда запакуют в черный полиэтиленовый мешок! Всегда ведь можно сказать, что группа оказала вооруженное сопротивление и поэтому была уничтожена на месте.

Ко мне бросилось сразу три человека из этой киногруппы. Они истошно верещали по-английски, что снимают хронику. Одновременно они совали мне свои пластиковые удостоверения, из которых следовало, что это группа CNN. Не буду тут

утрировать ситуацию, но честное слово, она тогда была довольно комичная. Вся эта тройка, которая трясла в воздухе своими удостоверениями, подбиралась ко мне не прямо, а по дуге. Наверное, чтобы не разозлить. К тому же люди передвигались довольно своеобразно: не прямо, а немного присев, бочком и на полусогнутых ножках. Шажки у них были из-за этого маленькими и очень осторожными. Так движется человек, попавший на тонкий лед, который под ним трещит. Остороженько, бочком, мало-помалу, чтобы, не дай Бог, лед вовсе не треснул! Картина в результате получилась неопишуемая. Я сделал над собой усилие, чтобы не расхохотаться, момент все-таки был серьезный. Кстати, вся эта группа выглядела довольно однородно, там не было каких-то затесавшихся посторонних лиц. А даже если бы и были, что с того?

Я скомандовал своим, что это хроникеры, и черт с ними. Вся толпа развернулась и двинулась назад по лестнице вниз. Киногруппа, надо полагать, после этого перекрестилась и выдохнула с облегчением. Кстати, мне потом ни разу, ни в одной хронике не встречались кадры, снятые с этой точки. Так что еще неизвестно, что за господа там на самом деле сидели с удостоверениями CNN.

Пленный полковник милиции

Что-то обсуждая, мы с Андроновым направились назад в сторону Белого дома. Неожиданно к Ионе Ионовичу сзади подволокли какого-то полковника милиции, достаточно симпатичного на вид. Люди, однако, в один голос утверждали, что этот тип во время осады зверствовал особо рьяно. И все окружающие были, честно скажем, готовы к немедленной расправе. Одно движение рукой, и его бы там просто разорвали на куски. Но Андронов закричал, что самосуд устраивать не надо, он сам отведет пленного в подвал. Там, мол, с ним разберутся. Андронов, кстати, хорошо знал, что это за тип. Он за

время осады уже успел раньше пообщаться с этим полковником и натерпеться от него и унижений, и оскорблений.

По команде Андропова пленника повели к третьему подъезду. Неожиданно из толпы выскочила какая-то тетка и вцепилась в Андропова, сорвав с него очки. Тот еле вырвался и сильно занервничал. Тетка обвиняла Иону, что он покрывает палачей. Что отчасти действительно было правдой. От дамы удалось, в конце концов, отбиться, и Андронов увел полковника в казематы. Я был уверен, что того вскоре отпустят.

А если бы расстреляли? Если бы победил Белый дом, никто об этом негодяе и не вспомнил, ясное дело. Разве что медаль кому-то дали бы за правильную линию. А при ином раскладе расстрел могли использовать против защитников парламента. Сказали бы, что депутаты чинят самосуд над представителями власти.

Вообще, вопрос о подобных пленниках и об их казни - сложный и неоднозначный. Вот попался в плен, как в этом случае, вроде бы представитель государства: в погонах и фуражке. Но он совершенно очевидно участвовал в самой активной форме в вооруженном мятеже против законной власти. И в конце концов угодил в плен к депутатам, которые представляют настоящую законную власть. Я полагаю, что в подобной ситуации было бы справедливо решить дело так: с мятежниками можно после короткого разбирательства расправляться и на месте, если нет возможности организовать законный суд. Расстреливали же на месте паникеров и диверсантов в окруженной Москве в 1941 году.

Я хорошо запомнил этого полковника и потом подробно описал своей жене Вере. Та совершенно безапелляционно заявила, что этого типа видела в оцеплении неоднократно. Он действительно вел себя как последняя мразь, и если бы его казнили, потеря для милиции да и в целом для страны была бы небольшая. Пока длилась осада, Вера успела с ним пообщаться и вспоминала об этом типе только с омерзением.

Балкон

В тот же день, немного позже описываемых событий, перед Белым домом состоялся большой митинг. Он проходил на участке между третьим и двадцатым подъездами со стороны стадиона. С балкона выступали все желающие. И на балконе, и внизу было не протолкнуться. Люди стояли так плотно, как, наверное, не стоят даже с утра в московском метро.

Я тоже был на этом балконе и, в сущности, тоже мог бы выступить. Меня так и подмывало, но что-то я так и не отважился. Уж больно крупные персоны тогда там выступали, явно не чета простому сотруднику аппарата. Впрочем, как потом выяснилось, во все хроники я попал, поскольку стоял от микрофона очень близко. Наверное, я где-то этого и хотел. Выступал и Руцкой, наговорил неизвестно что. Его слова хорошо известны, и почему-то считается, что именно они привели к кровопролитию. Наверное, Руцкого охватил в тот момент тот же порыв, что и меня, когда я командовал поджогом БТР или передислокацией штабных машин. Давление момента было столь велико, что можно было запросто наговорить Бог знает что. Хотя, с другой стороны, если ты берешься командовать всей страной, то можно уж было, наверное, за все время сидения в Белом доме проработать те или иные варианты выступлений и действий, чтобы не изобретать сомнительные экспромты.

Кстати, о Руцком. Еще во время осады ко мне подошли какие-то товарищи и предложили организовать выступление Руцкого в эфире. Они говорили, что могут с помощью каких-то ловких технических средств выйти в общероссийский эфир, на время вытеснив вещание с "Останкино". Было ли это возможно или нет - судить трудно. Не исключено, что на самом деле это была ловушка с целью выманить Руцкого и либо захватить в плен, либо просто убить. Очень даже может быть! Но тут интересно другое. Я через депутатов довел этот вопрос до самого верха. Со мной, в конце концов, встретился пресс-

секретарь Хасбулатова. И что же, вы думаете, он сказал? Я вполне искренне ожидал, что Рущкой выступит с каким-нибудь свежим обращением к нации, а я буду потом пристраивать записанную пленку. Я предполагал, что на крайний случай у Рущкого уже имелось несколько записанных обращений на разные темы. Да ничего подобного! Оказалось, что в наличии имелась только одна единственная старая пленка его первого выступления. И все! Ничего себе претендент в президенты! А чем он тогда там занимался? Даже больной, старый и не всегда трезвый Ельцин понимал, что такие обращения есть одна из его основных функций, и пытался что-то говорить и объяснять в эфире. А тут ведь ситуация контрреволюционного военного переворота, против которого выступили депутаты! Конечно же, Рущкой не должен был тогда сидеть сложа руки, а всячески готовить самые разные обращения к населению. Тем более что для опытного политика выступить на запись – плевое дело. Во всяком случае, такие деятели как, например, Жириновский, могут десяток подобных обращений к народу записать без подготовки. В общем, Рущкой тогда меня довольно-таки огорчил. Тоже мне, вызвался выполнять функции президента в условиях военного переворота и двух слов связать не может! Или не хочет?

Пленарное заседание. Победители

После балконного митинга состоялось пленарное заседание Верховного Совета. Оно началось, чтобы не ошибиться, часов в шесть вечера. Самое интересное, что и меня пустили внутрь, хотя я не был никаким депутатом. Андронов завел меня в зал буквально за рукав, приговаривая при этом, что депутатов мало и нехорошо, когда в такой исторический момент в зале пустые места. Я уселся справа в середине, если смотреть на трибуну. Были всякие выступления, всех бесконечно снимали на видеокамеры. Пленарное заседание победителей! Я тогда был

безмерно счастлив. Может быть, на самом деле это был самый счастливый момент в моей жизни...

Под самый конец заседания, где-то около часов семи, слово взял сам Руслан Хасбулатов и как бы без нажима сообщил, что по имеющейся у него информации к Москве двинулись воинские части. Что и зачем – он не знает. На этих словах все и разошлись.

Предлодия

Слова Хасбулатова заставили меня изрядно насторожиться. Если бы воинские части перемещались для защиты парламента, то в таком случае уж кто-кто, а Руслан Имранович точно бы знал об этом. Получалось, что войска двинулись в Москву по указанию Ельцина. Зачем?

Я вернулся в свой кабинет. И тотчас же меня позвали вниз на вход двадцатого подъезда. Я спустился со своего третьего этажа. Так иногда случалось, что звали именно меня. Например, кто-то приходил с разными серьезными вопросами, и чтобы не звать по каждому случаю депутатов, приглашали меня или еще кого-то, кто был в курсе всех дел и мог либо решить проблему на месте, либо довести ее до сведения соответствующих руководителей.

Я вышел из подъезда. Снаружи стояла группа довольно молодых и крайне возбужденных ребят. Они срывающимися голосами наперебой говорили, что около телецентра "Останкино" началась стрельба, многих убили, войска стреляют в толпу без разбора. К сожалению, эти слова меня уже не удивили. Выходит, я понял Хасбулатова совершенно правильно...

Тем не менее, я побежал к депутатам. На кого-то я сразу же наскочил сгоряча и тут же пересказал то, что только что услышал. Но депутат воспринял информацию сдержанно и к ребятам спускаться вниз не стал. Однако сказал, что, мол, не надо волноваться, во всем разберемся, все под контролем. Слова ребят и депутата окончательно убедили меня, что я сделал

правильные выводы из внешне скромного заявления Руслана Имрановича. Дело шло к кровавой развязке.

Через какое-то время режим охраны здания стал почему-то предельно либеральным. Милиция продолжала стоять в подъездах, но при этом уже не требовала предъявлять пропуска. В здание могли проникнуть люди, которых раньше не пускали. Около восьми часов вечера я вдруг обнаружил, что в наш зал заседаний Комитета по международным делам кто-то заселился. Кто такие? В комнате было около тридцати совсем юных девчонок и мальчишек. Лет по пятнадцать-семнадцать, никак не больше. Одеты они были довольно-таки своеобразно: какие-то короткие штанишки, шлейки на спине накрест. В общем, детский сад. Они сустились, бегали, что-то таскали, хохотали. Выяснилось, что это группа украинских комсомольцев. Приехали защищать российский Верховный Совет. И вот пробрались через милицию на входе и самовольно заселились в зале заседаний комитета.

Ну, что тут было делать? Единственно, я по инерции попросил их не прикреплять свои плакаты кнопками к двери. Дверь была из хорошего дерева, а они уже нацелились на нее. На том и расстались. Надо ли было их предупредить, что тут становится опасно? Наверное, да. Но я, хотя и понимал это, но еще не дозрел сообщить свои выводы другим людям. Еще надеялся, что все обойдется? Может быть.

В общем, я так и не узнал, что с этими детьми случилось дальше. Может быть, охрана их заблаговременно предупредила, и они успели покинуть здание. Потом после штурма я смог побеседовать лишь с уборщицей с третьего этажа. Она рассказала, что эти дети предварительно оставили у нее самые ценные вещи, чтобы не пропали. После расстрела никто за этими вещами не пришел.

Я часто вспоминал этот эпизод, когда заходила речь о количестве жертв в ходе тех событий. Ясное дело, можно посчитать людей, которые жили в Москве, которые ушли к Белому дому и не вернулись домой, и о них заявили

родственники. А если не было родственников? А если эти родственники не знали, куда на самом деле ушел человек? А если это были люди из другого города? Другой страны, наконец? Кто считал их трупы? Сгребли, сожгли в крематории, и концов никаких.

Вряд ли вообще о жертвах этих дней мы когда-либо будем располагать достоверной информацией. Я в этой связи припоминаю еще один случай, участником которого явился. И тогда власть пыталась спрятать концы в воду. Дело в том, что я для того, чтобы быть лучше информированным, ходил на различные политические митинги и другие подобные мероприятия. При этом, понятное дело, старался не выделяться и "косил" под простого гражданина: брал с собой жену, ребенка, тащил за собой на поводке собаку, в общем, пытался изображать из себя случайного прохожего. Вряд ли это было лишней перестраховкой.

Так вот, еще до осады Белого дома случилась следующая история: коммунисты или еще какие-то левые организовали палаточный городок у телецентра "Останкино". Этот городок просуществовал, наверное, не меньше месяца. Потом властями была проведена силовая акция по разгону "палаточников". Я прибыл на место событий достаточно оперативно, сразу после применения силы. Повсюду стояли группы людей, которые были свидетелями произошедшего. С их слов следовало, что несколько человек при разгоне этого городка были убиты. Масла в огонь подливало и то, что вышел номер "Советской России", в котором говорилось об этих погибших. Газетчики сработали супероперативно, при этом газетный номер был датирован следующим, еще не наступившим числом.

Участники палаточного лагеря горячо рассказывали о разгоне. Они в один голос излагали все подробности, и с их слов следовало, что было убито шесть человек. Но интересно себя вела милиция. Ее сотрудники старались захватить говоривших. С чего бы это, если никого не убивали? Ликвидировать нежелательных свидетелей? Очень может быть. Однако толпа

была многочисленная, настроена крайне решительно, и милиционеров оттесняли живой стеной. Те не решались применить оружие.

Я внимательно слушал выступавших, переспрашивал и уточнял детали. И у меня сложилось совершенно твердое мнение, что трупы действительно были. Однако власти, несмотря на всю огласку, как-то тогда замяли инцидент, видимо, смогли договориться с родственниками. А скорее всего, просто запугали их. Но для себя я уже тогда сделал однозначный вывод: власть не только готова идти на кровопролитие, она нашла и уже отработала методы, чтобы надежно заметать следы.

"Останкино"

Однако вернемся назад в Белый дом. Время шло. Было около двенадцати часов ночи между третьим и четвертым октября. Я понимал, что уже в полночь вполне может начаться штурм, и морально готовился к этому. Неожиданно в мой кабинет вошла, точнее, влетела моя Вера со своим сыном Сергеем.

А действительно, что в эти дни делала жена человека, не желавшего подчиниться требованиям органов милиции, других силовых ведомств, а также самого Ельцина, президента России? Человека, отметьте себе, не просто не подчинявшегося, но оказывавшего активное противодействие сторонникам Ельцина и поддерживавшего людей, которые держали в своих руках оружие. Что должна делать жена такой "сомнительной" персоны? Надо отметить, что она не сидела дома, хотя вполне могла это сделать – в семье достаточно и одного диверсанта и саботажника, не подчиняющегося требованиям властей. Она участвовала во всех демонстрациях, постоянно находилась с внешней стороны милицейского кольца вокруг парламента. Третьего октября она шла в колонне, которая прорвала блокаду. После этого вместе со всеми пошла дальше по Садовому кольцу к телецентру "Останкино". Однако тут правильно было бы

предоставить слово ей самой. Кто как не она сможет точнее рассказать о том, что наблюдала в этот день?

- Я пошла вместе со всеми в сторону "Останкино". Идти было далеко: по Садовому кольцу, а дальше по проспекту Мира. Но люди шагали с каким-то особенно приподнятым настроением. Настроение было просто праздничное, никакими иными словами это и не опишешь. Прорвали милицейскую блокаду вокруг парламента и вот теперь радуются этой своей победе! По сути, все считали, что Ельцин потерпел поражение, и теперь в стране начнется нормальная жизнь. Когда колонна пошла по проспекту Мира, ей уже не было видно конца-края. Присоединялись все, кто только мог. Люди стекались со всех сторон. Такого огромного скопления демонстрантов я никогда еще в своей жизни не видела. И тут мне представилась возможность подойти к голове колонны. Там в качестве одного из лидеров шел и Илья Константинов, сопредседатель Фронта национального спасения. Он охотно отвечал на все вопросы, а они сыпались со всех сторон. "Мы победили Ельцина?" - "Да, победили!" А когда потом колонна подошла к телецентру, начались какие-то переговоры. А потом последовала стрельба. И все люди бросились врассыпную. Кто-то упал, кричал от боли, видимо, раненый. Кто-то падал на землю безмолвно. Ближе к проспекту Мира я увидела, как какие-то ребята яростно терзали огромный плакат, который до этого несли демонстранты. И тут я поняла, что все еще только начинается...

Трудное решение

Однако вернемся в Белый дом. Был поздний вечер четвертого октября. К этому моменту уже стало известно, что у телецентра "Останкино" были расстреляны мирные демонстранты. Надо было решать, что делать дальше. Я зашел к Андронову. Тот сидел в кабинете председателя комитета. В общем, стало понятно, что дальше сидеть в этом здании ни мне, ни ему не было резона. Впрочем, Андронов испытывал большее давление

момента, чем я: он как депутат был официальным лицом и был все время на виду, при этом, в отличие от меня, давал советы высшему руководству не в частном порядке, а по должности, официально. Он, в конце концов, голосовал на заседаниях Верховного Совета и Съезда, потому на нем лежал немалый груз ответственности.

На самом деле, фактически такая же ответственность лежала и на мне. Я, конечно, нигде не голосовал, но, тем не менее, формально был руководителем аппарата комитета, давал те или иные рекомендации как эксперт. И часто позволял себе вести агитацию и давать неформальные советы, которые в итоге и привели к кровавому концу. По совести, конечно, и я должен был оставаться с защитниками Белого дома до самого конца. Если втянул других людей в кровавую разборку, то и сам должен до конца испить из общей чаши.

Но Андронов решил иначе:

- Володя, вам здесь больше нечего делать. Тут теперь будет неизвестно что...

Андронов помолчал. Было ясно, что дело шло не к "неизвестно чему", а к самой настоящей резне. Это понимал и он, и я.

- Вам, наверное, лучше уйти,- повторил Андронов.- Вы и так много чего сделали. Но вы не депутат, на вас нет политической ответственности, вам нет необходимости дальше рисковать своей жизнью. Я вам, конечно, не могу приказать, но мой дружеский совет: уходите, пока не поздно!

Я молча выслушал эти слова. Момент был совершенно отчаянный. Конечно, по совести надо было остаться. Но я лучше кого бы то ни было понимал, что при этом речь не идет о дальнейшей защите парламента. Уже все, что надо было сделать для защиты, было сделано. Речь идет о том, чтобы просто остаться стоять у белой стены. И ждать, расстреляют тебя на месте здесь же или просто искалечат и отправят в тюрьму.

Наконец я решился. Сказать честно, при этом чувствовал себя препогано, почти предателем. Я уходил, а Андронов оставался.

Мало того, в Белом доме оставались другие люди, которые тоже рисковали своими жизнями. И часть из них никакими депутатами тоже не была.

Американское посольство. Чуркин

- Володя!— вдруг вновь заговорил Андронов,— не могли бы вы, однако, перед уходом еще немного задержаться и сходить со мной в американское посольство? Я хочу попробовать отговорить их поддерживать Ельцина в кровавой бойне.

И у меня, и у Андропова не было никаких сомнений, что в принципе американцы могли решить этот вопрос. Другое дело, что они никогда не согласились бы это сделать. Поход Андропова к этим господам явно был жестом отчаяния. Но поддержать его в такой момент было крайне важно.

Я вышел из кабинета Андропова и тут же обратил внимание на довольно необычное зрелище. В приемной кабинетов депутатов Михайлова и Гуревича толпилось довольно много людей, но было темно, горела всего лишь одна свеча на столе. Я пригляделся. И вдруг понял, что именно там происходило: человек за столом раздавал пистолеты! Кажется, это были ПМ. Он брал паспорт стоявшего перед ним человека, тщательно переписывал из него все данные, а потом вручал оружие. К нему стояла очередь самой разношерстной публики. Все это выглядело, как раздача оружия всем желающим. Наверное, мог подойти и получить свой пистолет и я, даже без очереди. Но к чему оружие, если под расписку? Кстати, насколько мне известно, все эти списки потом удалось уничтожить, и они не попали в руки путчистов.

Итак, мы с Андроновым отправились к американскому посольству, благо, что оно было совсем рядом. Снаружи было тихо и малоллюдно, лишь там и сям сновали отдельные люди в камуфляже. Тишина была зловещей. Пройдет еще несколько часов, здесь прогремят выстрелы и оборвутся многие жизни.

Собственно говоря, выстрелы могли загреметь и тогда, когда мы шли к посольству. Запросто могли загреметь! Единственно, я надеялся, что штурм начнется не с таких отдельных выстрелов, а с выдвижения тяжелой техники. Пока ее видно не было, значит, можно было рискнуть и выйти наружу.

Мы, наконец, подошли к американскому посольству, но не к центральному входу, а со стороны переулка к боковому подъезду. Надо признать, что американцы встретили Андропова очень любезно. Даже предупредительно. Тот зашел внутрь, а я остался снаружи подождать, чем же дело закончится. Ждать пришлось довольно долго. Когда он, наконец, вышел, на нем не было лица. Ни на один вопрос он не ответил, а только с отчаянием махнул рукой. Стало понятно, что американцы определились окончательно, и вскоре неизбежно последует вооруженный штурм парламента. Да иначе и не могло быть, если уж Ельцин дал указание двинуть вооруженные части к Москве. Рядом с ним было достаточно советчиков, они бы обязательно отговорили Ельцина, если бы все это не было предварительно согласовано с американскими покровителями.

В посольстве Андронов общался не с послом, а с американским резидентом. Они были более или менее знакомы, может быть даже до степени определенной доверительности. Иона, в конце концов, связался по телефону с Виталием Чуркиным, который и был координатором и связующим звеном между американцами и ельцинистами. С тем самым Чуркиным, который потом был назначен представителем России в ООН. Чуркин говорил с Андроновым в крайне оскорбительной форме. При том, что нужды хамить у него, у профессионального дипломата, в той ситуации точно не было. Мог бы просто формально ответить отказом, и все. Но, видимо, эти оскорбления шли от души, от самых сокровенных внутренних убеждений. Уж очень Виталий Иванович Чуркин любил Америку и ее "ценности". В общем, переговоры с ним закончились ничем. Договориться, чтобы дальше как-то

избежать ненужного кровопролития, не удалось. Виталий Чуркин желал видеть только кровь.

Телецентр "Останкино" после стрельбы

Тут мы разделились: Андронов вернулся в Белый дом, а я вместе с Сашей Одинцовым, а также с Верой решил проехаться по ночной Москве и посмотреть своими глазами, что и где на самом деле творится.

Моя машина все дни осады простояла в том самом переулке напротив посольства США. Это был простенький жигуленок. Поначалу решили поехать к телецентру: все-таки туда пошла вся масса демонстрантов и именно оттуда пришла весть о расстреле мирных граждан.

Было уже совсем темно. Понятно, что по пустой Москве наша компания долетела до телецентра в одно мгновение. Но не до самого "Останкино", а до поворота на бульвар с проспекта Мира. Там мы бросили машину и дальше пошли пешком.

Основание выйти из машины так далеко от телецентра имело очень даже основательное. Уже на повороте на бульвар можно было заметить многочисленных людей, стоявших на газоне. Это были остатки той самой миллионной демонстрации. Несмотря на то, что часть людей уже была убита, не все участники демонстрации разбежались. Пожалуй, несколько тысяч человек там точно остались. Они стояли в темноте небольшими группками, переговаривались и очевидно ждали, чем все это дело окончится. Надо полагать, эти люди воспринимали судьбу страны не абстрактно, а вполне конкретно, не сильно отделяя ее от своей собственной. Они оставались там, несмотря на явную угрозу их жизни.

В общем-то, все эти люди стояли довольно рассредоточено. А в радиусе метров пятисот от самого здания телецентра и вовсе никого не было. Я и все, кто был со мной, подошли по улице Королева до пересечения с улицей Новомосковской, почти к той границе, за которой уже никто не стоял. Какие-то ребята

достаточно подробно рассказали, что именно здесь произошло за последние часы. Дело было так: демонстрация подошла к зданию, остановилась. Сзади не было видно, что именно случилось у входа. Но вдруг раздалась стрельба. Стреляли снайперы с самой телебашни. Открыли огонь и БТРы, которые через некоторое время прибыли к зданию. Стреляли прямо по безоружной толпе. Стали падать раненые и убитые. Началась паника, народ стал разбегаться. Никто, понятное дело, такого зверства не ожидал. Можно же было выйти к людям, обсудить, что и как. Можно было, в конце концов, заблокировать вход в здание. Если бы начался какой-то штурм, то, по крайней мере, стреляли бы уже в тех, кто пытался ворваться в здание. Несомненно, что услышав перестрелку, толпа, конечно же, разбежалась бы.

А тут стреляли прямо по людям без разбора. Да, конечно, были командиры и начальники, которые отдавали приказы. Но ведь у снайперов и своя голова была на плечах. Ведь никто же не мог заставить стрелять прямо по безоружной толпе. Можно было выстрелить рядом. Если цель – разогнать людей, то, конечно же, этого было бы достаточно. Кстати, БТРы тоже открыли огонь, но все-таки поверх голов. Там, видимо, все-таки сидели не полные нелюди.

Нет, эти снайперы стреляли вполне определенно, прямо по людям. И ведь они до сих пор живут среди нас с вами! Очень было бы интересно докопаться до этих людишек. Наверняка они получили какие-то медали, денежные премии за свое преступление. Что-то должно было остаться в архиве.

А теперь снайперы больше не стреляли. Несколько БТРов безмолвно стояли у здания телецентра. Но было понятно, что они готовы опять открыть огонь. Однако стрелять было не по кому. Никто ни на какой штурм явно не собирался идти. Но люди, тем не менее, не расходились, и это были вовсе не боевики, а явно простые москвичи. Были юноши и девушки. Можно было увидеть и людей пожилого возраста. Ясное дело, ни у кого никакого оружия не было. Да и по характеру бесед

было понятно, что это обычные мирные граждане, которых поразило зверство, которое они тут увидели. Я переходил от группы к группе и спрашивал об обстановке. Но все рассказывали примерно одно и то же. Были не только раненые, но и убитые. И это были самые обычные демонстранты без оружия.

Многие предупреждали, что не нужно собираться слишком многочисленной группой и оттого заметной. Несмотря на темноту, группу могут разглядеть снайперы. И расстрелять. Если до этого стреляли на поражение, то и теперь могут. Резон в этих советах явно был. То, что все мы находились на прицеле, я и не сомневался. Но где-то внутри на подсознательном уровне я все никак не мог поверить, что можно вот так, без причины стрелять в безоружных людей, в мирную демонстрацию. Ведь люди не просто так вышли на улицу. Они торжествовали, что ненавистный Ельцин свергнут. А в ответ – пули.

Неожиданно ситуация изменилась. На перекрестке немного левее меня на пересечении с Новомосковской и ближе к телецентру, вдруг кто-то перевернул грузовик. Я даже не успел рассмотреть участников. Наверное, их было немало. Видимо, они хотели соорудить что-то вроде баррикады. Перевернутый грузовик вдруг загорелся. Подожгли? Кто?

Все это не осталось незамеченным: один из БТРов вдруг взревел мотором и двинулся по улице Королева в сторону грузовика. Далее, он, не останавливаясь, протаранил горящий грузовик, отбросив его в сторону, как спичечную коробку. Затем уже на уровне группы людей, рядом с которыми стоял я, совсем близко от меня, вдруг выстрелил в воздух из пушки.

Было темно. Конечно, я немного разбираюсь в боевой технике. По внешнему виду это был БТР. Но они обычно оборудованы крупнокалиберным пулеметом, а не пушкой. Ее устанавливают, скорее, на боевую машину пехоты. Но вот там был именно бронетранспортер с пушкой. И это был, несомненно, выстрел из пушки, скорее всего, из двадцатимиллиметровой. Звук был исключительно громкий.

Где-то в городе этот снаряд приземлится. Хорошо, если никого не заденет.

Мы все тут же попадали на землю. Машина тем временем повернула, съехала с асфальтированной дороги на газон и покатила почти прямо на меня. Машина ехала ко мне, и я вдруг очень ясно понял, что еще чуть-чуть, и окажусь под этими огромными резиновыми колесами. Но БТР проехал рядом, метрах в сорока. Кажется, он при этом все-таки никого не задавил, хотя катил довольно быстро, а люди-то лежали на земле, совсем незаметные в темноте!

В этот момент я испытал необычное чувство, которое не посещало меня никогда ни до того, ни после. Я вдруг явственно ощутил, что остался один на один со стальным монстром. Другие люди, в том числе моя жена, которая лежала тут же рядом на земле – все они отошли куда-то на второй план. Это чувство посетило меня лишь на мгновение, но оно запомнилось очень ясно. То есть инстинкт самосохранения вдруг взял на себя руководство моим телом, напрочь отключив все прочие соображения. Я даже и не подозревал до этого момента, что со мной может приключиться что-то подобное. Нет, я, конечно, не трусил. Если бы трусил, не сидел бы в Белом доме и не шлялся под прицелами снайперов. Нет, просто в критический момент произошло разделение личности: я со всеми своими политическими и моральными убеждениями оказался по одну сторону сознания, а инстинкт самосохранения – по другую.

В общем, ситуация вокруг телецентра "Останкино" была понятная: ельцинисты отдали команду разгонять демонстрантов, даже если для этого придется применить оружие на поражение. И их приспешники не замедлили это сделать. Пролилась невинная кровь, и стало понятно, что если здесь была отдана такая команда и она выполнялась именно таким образом, то и с Белым домом и депутатами дальше церемониться никто не станет.

Улица Горького

Больше тут делать было нечего. БТР проехал по кругу, вернулся и встал чуть подальше горевшего грузовика, а мы с нелегким сердцем отправились к машине, чтобы продолжить поездку по Москве. Но куда дальше? Вспомнили, что в этот день по телевидению показывали улицу Горького (ныне - Тверская). Может, туда? Так мы и сделали. Почти доехали до Пушкинской площади, бросили машину в переулке и дальше под видом простых гуляк пошли на разведку.

Удивительно, но улица Горького на пересечении с Бульварным кольцом была перегорожена какой-то баррикадой. На краю баррикады стояла бронемашина, но без пушки. Вид у нее был довольно-таки своеобразный, какой-то не боевой, не армейский. Частная собственность? Похоже, что это именно так и было.

На баррикаде было полно народа, в основном это были молодые ребята довольно плотного телосложения. Тут же еще одна группа молодых парней строилась в шеренгу. Их было человек двадцать. Они повернулись и куда-то пошли организованной колонной. Одеты они были кто во что, явно не военнослужащие. Более того, вид у них был, как у народного ополчения - выправки никакой. Но примечательно было другое. У каждого из этой разноперой ватаги через плечо в чехле висело по винтовке. Я все-таки немного разбираюсь в оружии. Чехлы у винтовок были все разные, подстать самой этой группе. Но некоторые были довольно длинные и слишком широкие в середине. Снайперские винтовки? Скорее всего. Сейчас принято считать, что огонь по Белому дому вели снайперы из "Альфы". А так ли это было на самом деле? Например, Иона Андронов в своей книге "Моя война" ("Под огнем. От Афгана до Москвы") рассказывает, что в расстреле Белого дома участвовали иностранные снайперы по линии "МОССАДа". Очень даже может быть, спорить не станем. Но те, кого я там видел, вряд ли были тайными зарубежными боевиками, хотя бы по одной той

простой причине, что если бы они прибыли из-за рубежа, то сохраняли бы режим секретности и не дефилировали перед многотысячной толпой на Пушкинской площади. Нет, то были, скорее всего, волонтеры отечественного пошиба.

Здесь же, рядом с баррикадой шел митинг. Я стал вслушиваться в выступления. И стало ясно, что только что ушедшие ребята с винтовками вызвались воевать с Белым домом. Народное ополчение? Из кого? Охрана либеральных капиталистов? Афганцы? Нет, тут было что-то другое. Не выглядели эти снайперы ни охраной при бизнесменах, ни бойцами, прошедшими Афганистан. Иначе они себя держали. Скорее, они выглядели добровольцами из этих самых бизнесменов. Самоуверенный вид. При этом они точно знали, за какие интересы шли проливать чужую кровь. К тому же явно не были знакомы с армейскими строевыми порядками. Что-то вроде Бейтара?

Вдруг мы стали свидетелями нового представления: большая группа молодежи выстроилась в длинную шеренгу во всю ширину улицы Горького поближе к зданию мэрии и неожиданно с диким криком побежала в сторону баррикады. Это было что-то типа репетиции штурма. В этой шеренге было довольно много народа - человек пятьсот, по самым скромным подсчетам. Зрелище было совершенно жуткое.

Тут к нам подошел какой-то старичок и крайне недружелюбно сказал, почти прошипел буквально следующее: "Шпионы могут и жизнью поплатиться!". Сказать честно, одного брошенного на него взгляда было достаточно, чтобы определить, что это за персонаж. Да и говорок у него был, прямо скажем, хорош, не ошибешься по части национальной принадлежности. Но как он определил, кто мы такие? Видимо, что-то в нас выдавало чужаков. Ну, не одежда, мы все были одеты неприметно, как обычные жители. Значит, он во мне определил то же, что и я в нем. Речь явно шла об этническом признаке. Он там был как свой. Причем явно не

праздношатающийся. Оружие в руки уже не мог взять, но помогал, чем мог.

Угроза выглядела не праздной, без сомнения. Мы не стали дальше испытывать судьбу и ретировались с этой сходки чуть ли не бегом. Видимо, там действительно можно было лишиться жизни, попав под горячую руку. Не исключено, что если бы рядом со мной не было женщины, я бы оттуда и не ушел живой. А так, надо полагать, старичок все-таки не был на сто процентов уверен, с кем имеет дело. Уж слишком Вера не была похожа на боевого защитника Белого дома.

Штурм здания "Правды"

Избежав самосуда и расправы, я счел, что уже увидел все самое существенное, и решил еще раз проехаться к Белому дому. Поехали по переулкам параллельно Бульварному кольцу в сторону Калининского проспекта. Но выскочив на Садовое кольцо в районе площади Восстания, увидели на асфальте ясно различимые следы гусениц. Прошли три машины, но след был поуже, чем у танка. Боевые машины пехоты? И куда же, интересно, они направились в столь критический момент? Вообще, в какую сторону они поехали? Это были не автомобили, и их водители явно не собирались считаться с правилами дорожного движения: следы тянулись примерно посередине дороги.

Наверное, тут можно было остановиться, внимательнее изучить след, посмотреть, куда была выброшена асфальтовая крошка, и стало бы ясно направление движения. Но я к этому моменту все еще был под впечатлением от увиденного на улице Горького и почему-то решил проехаться в сторону Смоленской площади.

Но на ней следы не кончались, никуда не сворачивали, а тянулись дальше, к метро "Парк культуры", и дальше, через мост к Октябрьской площади. Никаких автомобилей в это время на Садовом кольце не было, так что мой жигуленок долетел до

этого места просто в пару минут. И без труда обнаружилось, что следы вели во двор министерства внутренних дел.

Вели внутрь? Нет, получалось, что не внутрь. А наоборот, машины выехали оттуда и отправились в сторону площади Маяковского.

Нам ничего другого не оставалось, как развернуться и помчаться в противоположном направлении. И опять мы почти не встречали никаких других машин. Я не стал себя утруждать остановками перед светофорами, но, похоже, никого в городе уже не волновало соблюдение каких-либо правил дорожного движения.

На площади Маяковского следы дружно повернули налево, в сторону Белорусского вокзала и Ленинградского шоссе. Мы последовали по ним в том же направлении и, наконец, настигли свою цель именно там, за вокзалом, но метров четыреста не доезжая до гостиницы "Советская".

Да, действительно, я не ошибся. Это были именно боевые машины пехоты. Они развернулись и стояли на шоссе носом к центру города. А их окружала большая толпа галдящих ребят, по виду из той же компании, которая собралась на Пушкинской площади. Возрастом все, пожалуй, лет до тридцати, одеты, как правило, в черное, в кожу. Но явно не военнослужащие. Никакие не афганцы. И не бандюги. Они там то ли активно митинговали, то ли к чему-то призывали. Я проскочил БМП и развернувшись носом к центру города, остановился, не глуша двигатель, неподалеку от гостиницы "Советская". От боевых машин пехоты нас отделяло метров сто, не больше. Чуть в стороне на боковой дорожке я заметил еще один автомобиль, тоже "жигули". Сидевшие в ней люди занимались тем же, чем и я, то есть внимательно наблюдали за происходящим. Скорее всего, это были сотрудники спецслужб, уж очень удобно для наблюдения их машина стояла. Чувствовалось, что там сидели неслучайные пассажиры.

А молодчики в кожаных куртках вдруг от слов перешли к действиям, залезли на броню, начали колотить в люк. При этом

непрерывно орали, но что именно, слышно не было. По виду было похоже, что они что-то там требовали. Нет, это явно были не афганцы. Те не стали бы так горячиться и вести себя подобным образом.

Неожиданно одна из машин выстрелила из пушки. Дуло было направлено в сторону домов в район крыши. Звук выстрела был просто оглушительным в безмолвном городе. Мне даже показалось, что я услышал свист снаряда, рассекавшего воздух. Куда же он попал? Вряд ли в близлежащий дом, это было бы заметно. Но пушка была ориентирована точно на уровне дома. Видимо, выстрел был произведен в просвет между домами.

Вся шатия-братия вмиг полетела кувырком с брони. Я и другой упомянутый выше жигуленок ударили по газам и "полетели" в сторону стадиона "Динамо". Но на маневры и развороты явно не было времени. И я, и другой автомобиль, не сговариваясь, погнались туда задним ходом на предельной скорости. Лишь бы быстрее отойти на безопасное расстояние и не хлопотать следующий снаряд!

Отъехав метров двести, я притормозил. Другая машина сманеврировала и встала за угол дома, чуть высунув нос, откуда ее пассажиры и продолжили свое наблюдение за последующими событиями. А нам все стало предельно ясно: дело шло к началу штурма здания "Правды". И в этом мероприятии собирались принять участие указанные боевые машины пехоты, явно подведомственные МВД. А также уже упомянутые многочисленные волонтеры, которые, судя по всему, требовали не тянуть и начать немедленно. Но бойцы, сидевшие в бронемашинах, не спешили, очевидно, ждали приказа. И было понятно, какой именно это будет приказ. Если был произведен выстрел, это означало только одно – уже заранее у бойцов имелось разрешение применять оружие. Скорее всего, на поражение, иначе они так смело не начали бы стрельбу из пушки в центре города.

Если готовился штурм здания издательства "Правда", причем с участием боевых машин пехоты, имевшихся в распоряжении

МВД, это означало, что имеется и общий приказ на штурм Белого дома. Если здесь, а также у телецентра "Останкино" были боевые машины, которые, не стесняясь, стреляли даже не из пулеметов, а из пушек направо и налево, значит, примерно то же самое должно было произойти и у Белого дома. И до момента, когда должен был быть отдан приказ на штурм, оставалось совсем немного. Во всяком случае, на этом месте, на Ленинградском шоссе, эти БМП уже явно вышли на исходные боевые позиции и ждали только команды действовать.

А эта публика на Пушкинской, а также здесь? Они уже знали, что произойдет дальше и были уверены, что никто на них не нападет, а наоборот, именно они будут на стороне нападавших. Вооружились, репетировали штурм каких-то баррикад. Кстати, так баррикады не берут. Во всяком случае, не тогда, когда их защитники вооружены автоматическим оружием. Видимо, предполагалось, что вооруженное сопротивление будет уже сломлено, а эти бандиты будут доканчивать начатое. Добивать защитников Белого дома? Все было очень похоже именно на это. Вроде не власть расстреляла депутатов, а их "растерзал разгневанный народ". Нам было предельно ясно, что это был за "народ".

После расстрела

Тут мы между собой стали советоваться, что же делать дальше. Ситуация была и так яснее некуда, явно готовился общий штурм, причем с применением тяжелого оружия и сразу по нескольким направлениям. Может быть, депутаты уже вышли из здания, чтобы не превращаться в беззащитный объект для кровавой расправы? Наконец дискуссия была прервана четко различимыми звуками стрельбы. Стреляли из автоматического оружия, причем огонь велся сразу из многих стволов. Я опустил стекло и прислушался. Было где-то около семи утра. Сомнений не оставалось, начался штурм Белого дома. Значит, ехать туда было уже поздно.

Итак, Ельцин отдал приказ стрелять как по депутатам, так и по тем своим согражданам, которые пытались защищать Конституцию и сделали попытку остановить беспредел власти. Им ответили пулями. Все маски были сброшены, президент ясно показал, что он не намерен считаться с какими-либо законами. Вооруженный мятеж Ельцина перешел в свою завершающую фазу – физическое уничтожение своих политических оппонентов - депутатов. Народ их избрал, а Ельцин решил расстрелять. Американцы поддержали. Все очень в духе западной демократии.

А что должен был дальше делать я? Написание воззваний к мировой общественности явно закончилось, теперь надо было ждать только расправы. Ясно, что ельцинисты знали про мою роль в защите Белого дома. Несомненно, что все соответствующие поименные списки были давно уже составлены. Но я также понимал, что в момент штурма парламента путчистам будет не до меня. Вряд ли сторонники Ельцина все так тщательно спланировали, что уже выставили посты около всех мест проживания защитников парламента. Тем более, предполагалось, что я буду находиться в Белом доме, а не где-то еще. В общем, я решил рискнуть заехать на минуту домой в район Сущевского вала. Это был оправданный риск: надо было взять кое-какие вещи, прежде чем искать место, где дальше скрываться, оставить письма и записки, которые мне передали другие защитники парламента на случай своей гибели. Далее держать записки при себе было неразумно: в случае ареста их, конечно же, отняли бы. К тому же их наличие доказывало, что я – не просто праздношатающийся москвич, а причастен к защите парламента от мятежников. А так все эти письма должны были отлежаться среди других бумаг в квартире. Авось даже в случае обыска на них не обратят внимания.

Зашли в дом, я тут же включил телевизор. Шла прямая трансляция по CNN. Штурм парламента с помощью танков и пушек транслировался на весь мир. Зрелище было ужасное! Но

сторонники Ельцина в России и за рубежом, надо полагать, смотрели эту передачу с большим удовольствием.

Медлить было нельзя, несколько минут на сборы, и мы опять покатали по утренним улицам столицы. Надо было найти место, где жить на период, пока все не успокоится. Находиться дома было очевидно опасно...

Конечно, если бы было выдано указание арестовать персонально меня, то конспиративные квартиры могли и не спасти. Но, скорее всего, такая персональная охота была бы организована лишь за публичными лидерами сопротивления. Хотя я и принимал активное участие в обороне, все-таки был не на переднем плане. За мной могли заскочить лишь сгоряча, сразу после расстрела парламента. Никого нет дома? Ну и черт с ним, с этим Трофимовым, пусть дальше прячется по подвалам и чердакам! Надо будет – найдем!

Итак, я сидел в укромном месте и наблюдал за развитием ситуации по телевизору. А там все повторяли и повторяли кадры расстрела. Поразительное бесстыдство – не только расстрелять парламент, но и транслировать это по телевидению! По всем телеканалам также показывали, как торжествуют ельцинисты, а заодно с ними и вся западная демократия. По Москве то тут, то там случались инциденты, подчас и со стрельбой. Это особо рьяные защитники Ельцина из числа милиции пытались на корню пресечь хоть какие-то попытки митингов или иного общественного протеста.

Через день после расстрела я решил подъехать к зданию парламента. Вряд ли кто там выискивает в толпе зевак вчерашних защитников Белого дома. Подошел к зданию со стороны мэрии. Белый дом был оцеплен, никого близко не подпускали. Даже издалека было видно, что охрана сожженного здания парламента была пьяна вдрызг. И вели себя эти люди, как ошалевшие от крови скоты. Они могли запросто открыть стрельбу и по небольшой группе москвичей, к которой подошел я, и которая находилась прямо у ограждения.

За ограждением, метрах в тридцати, прямо на газоне лежало два трупа. Это были защитники Белого дома. Люди где-то прятались, но, в конце концов, решили выбраться, полагая, что все уже кончено, и под пули они не попадут. Как рассказывали очевидцы, защитники выскочили из своего укрытия и побежали прочь, но тут же были убиты выстрелами в спину этой самой охраны. Зрелище было жуткое. Ведь уже не было никакой осады Белого дома. Все лидеры парламента и сам Руцкой сидели в тюрьме. Всех, кого надо было убить или арестовать, уже были убиты или арестованы. То есть не было абсолютно никакой необходимости забирать жизнь у этих несчастных людей, пришедших к своему парламенту защищать Конституцию. Но их все-таки убили просто потому, что они убегали. Картина трупов этих несчастных, лежавших неподалеку, запомнилась мне навсегда.

Случайно или нет, но когда я стоял у ограды вокруг здания парламента, мимо по Калининскому проспекту из центра промчался грузовой автомобиль. В кузове сидела какая-то молодежь, которая явно справляла религиозный праздник. Из кузова в изобилии торчали зеленые ветки, а молодые люди что-то радостно выкрикивали. Впрочем, как я уже неоднократно убеждался за свою жизнь, очень многое вокруг нас происходит неслучайно.

Внутри Белого дома

Где-то через неделю я всеми правдами и неправдами, но раздобыл пропуск на посещение Белого дома. Мне разрешили вынести личные вещи. Отдельная история, как именно удалось заполучить пропуск. Но вот удалось. Помог Шелов-Коведяев, первый заместитель министра иностранных дел. Я с ним случайно встретился на Новом Арбате. Тот бросился ко мне обниматься, как к старому знакомому. Я тоже изобразил предельную радость и повел себя, как человек, ни сном, ни духом не причастный к сопротивлению против Ельцина. Шелов-

Коведяев тут же организовал, чтобы я мог зайти в сожженное здание парламента и забрать свои вещи из кабинета.

Зрелище внутри здания было, конечно же, чудовищное. Особенно пострадало крыло в районе третьего подъезда, то есть угол, обращенный в сторону мэрии и посольства США. Кажется, в подъезде даже случился пожар. В районе двадцатого подъезда, где находился Комитет по международным делам, то есть на другом углу здания, тоже были разрушения, но поменьше. Тут тоже шел бой, но, судя по всему, не такой разрушительный.

Я сначала зашел в центральный подъезд, находившийся ровно посередине между третьим и двадцатым. До штурма этот подъезд представлял собой что-то похожее на витрину большого магазина шириной метров семьдесят. Теперь все стекла снаружи были усеяны дырками от пуль. Я шагнул внутрь, и тут к своему удивлению обнаружил, что внутри, в холле, совершенно отсутствуют пулевые пробоины на стенах и потолке. Успели отремонтировать за десять дней? Не похоже. Я внимательнее пригляделся к стеклам.

Удивительное дело, но пули, похоже, не пробили двойное, а то и тройное стекло. Первое стекло они, конечно же, прошивали, но, судя по всему, в результате деформировались. Уже в таком виде, потеряв значительную часть энергии, пули разбивали второе стекло, причем дырки были большие, в кулак, и падали, ударившись о третье стекло.

Я обратил внимание на заметно более крупные пробоины, шедшие цепочкой в наружном остеклении на высоте двух или даже двух с половиной метров. Похоже, это были следы очередей из крупнокалиберного пулемета с башни БТР. Самое интересное, что и эти пули не смогли оставить даже самых малых повреждений на стенах, хотя прошли все три стекла навывлет. Видимо, закаленные стекла Белого дома спасли в тот день немало жизней.

Внутри центрального подъезда все-таки была какая-то перестрелка. Похоже, кто-то бежал вверх по ступеням, а его пытались подстрелить. Цепочки выбоин от пуль тянулись вверх

вдоль лестницы, при этом попали в межэтажные зеркала. Видимо, защитников парламента здесь не смогли перестрелять, по крайней мере, сразу.

Я поспешил в район двадцатого подъезда на свой третий этаж. Надо ли говорить, что именно я при этом ощущал?! Там обнаружилось следующее: дверь кабинета Юрова, находившаяся почти напротив моей комнаты и выходящая окнами на стадион, была выбита, причем, похоже, ударом ноги. На окне вверху слева виднелись две пулевые пробоины. Я мельком осмотрелся, пытаюсь обнаружить следы крови. Однако, приглядевшись, понял, что стреляли не снаружи, а изнутри. Очевидно, кто-то из защищавшихся выбил дверь, вбежал в комнату, вскочил на стол и попытался по кривой, сквозь стекло, выстрелить наружу. Обе пули пробиты первое стекло в оконной раме, но при этом деформировались и потеряли энергию. Настолько потеряли, что уже не пробиты второе стекло, а только оставили на нем хорошо различимый след. Я пригляделся еще внимательнее. Обе искореженные пули лежали внизу рамы, между стеклами. Получалось, что милицкий автомат не смог прострелить навывлет даже двойное оконное стекло. Кстати, может быть, это было и лучше для стрелка, иначе его бы обнаружили и тут же пристрелили бы. Но этого не произошло. Во всяком случае, в этом окне не было пробоин от пуль, летевших снаружи.

В другом месте, однако, бой все-таки состоялся. На лестнице, которая вела с третьего этажа на четвертый, было разбито окно. Вся внутренняя стена была при этом испещрена следами от пуль. Большинство пулевых попаданий были сравнительно неглубокими. Но часть пуль выбила в стене довольно глубокие дырки. Это были следы от пуль, выпущенных соответственно из автомата и из снайперской винтовки.

Судя по всему, тут разыгрался настоящий бой. Кто-то из бойцов вел огонь через окно непосредственно с лестничной площадки. Окно здесь было расположено несколько своеобразно: если находиться на площадке между лестничными

пролетами, то верх окна едва доставал до уровня площадки. То есть если на нее лечь и стрелять наружу, межэтажное окно находилось чуть ниже. Достаточно было чуть отодвинуться вглубь, и стрелявший становился недосягаемым для пуль, летевших снаружи.

Остался ли стрелявший отсюда человек жив? Этого я так и не узнал. Кое-что было уже прибрано. Не было видно ни стреляных гильз, ни деформированных пуль, отскочивших от стен. Значит, уже была проведена уборка. Могли стереть и следы крови. Весь лестничный марш, однако, был залит какой-то жидкостью темного цвета. Я поднялся наверх. Жидкость лилась с самого последнего этажа. Было такое чувство, что в емкость литров в сто кто-то набросал сигарет, хорошенько их настоял, а потом все это перевернул прямо на лестницу. На следы крови это было не похоже. Скорее всего, оказалась перевернутой урна с водой, в которую бросали недокуренные сигареты. И эту жидкость оттереть или даже просто смыть не смогли. Выходит, влажной уборки не было? Значит, и следы крови не затирали?

В любом случае до меня кто-то уже тщательно прошелся по всем кабинетам. Ни компьютеров, ни других дорогостоящих предметов видно не было. Наверное, были уничтожены и явные следы боевых действий.

Я потом поинтересовался, что стало с документами, захваченными в Белом доме. Оказалось, что таких набралось около пятидесяти тонн. Их все свалили навалом в каком-то помещении размером со школьный зал для занятий физкультурой, и один архивный работник разбирает всю эту кучу. Такими темпами работы лет на двести вполне хватит.

Американец в форме "Альфы"

В связи с расстрелом парламента нужно рассказать и еще об одном эпизоде. Я услышал о нем со слов Ионы Андропова. Как известно, в ночь перед штурмом он остался внутри здания парламента и потом предпринял серьезные усилия, чтобы не

допустить кровопролития. Когда их выводили, Андронов вдруг обратил внимание на одного из бойцов "Альфы". В альфовскую одежду был одет один из сотрудников посольства США в Москве, которого Андронов хорошо знал лично! Они встретились глазами. Американец тоже узнал Андронova! "Ну, все, теперь я – не жилец! Американцы не будут оставлять в живых таких свидетелей!" Но все, к его удивлению обошлось, его не тронули.

Похоже, что американец в этой ситуации проявил благородство и отнесся к Йоне не как к противнику, который мог его потом разоблачить, а как профессионал к профессионалу. Неизвестно, доложил ли он своему американскому начальству об этом эпизоде или нет. Но понятно, что достаточно было ему даже устно обратиться к ельцинистам, и Андронova, конечно же, быстро бы "убрали". И никаких концов потом не нашли бы.

Что там делал этот американец? Вряд ли он лично участвовал в штурме, даже наверняка нет. Скорее, он должен был своими глазами увидеть все, что там происходило, и подробно доложить начальству. На всякий случай. Другое дело, что этот эпизод показывал связи Ельцина и остальных путчистов с Вашингтоном. Если уж было решено разрешить сотруднику посольства надеть форму бойца "Альфы" и присутствовать при штурме, значит, там было полное доверие и взаимопонимание. Со всеми вытекавшими из этого последствиями.

Поиски Ильи Константинова. Предатель

Недели через две после расстрела случился еще один примечательный эпизод. Вся страна в лице ельцинских преспешников, как известно, искала одного из лидеров парламента Илью Константинова. Я его, конечно, знал, но где он тогда отсиживался, понятия не имел. Прошло какое-то время, стало ясно, что меня не разыскивали. Жизнь стала налаживаться, и я вернулся к своим обыденным занятиям. В один из дней, уже

ближе к вечеру решил съездить на корты в Филях, поиграть в теннис. А на самом деле просто пообщаться с людьми, послушать их мнения и настроения. Игра, однако, не получилась, никого на кортах уже не было. Пришлось одному побить минут двадцать в стенку и несолоно хлебавши отправиться назад. Но на следующее утро я вновь поехал туда же, уже поточнее рассчитав свое появление и надеясь застать там всю знакомую мне теннисную команду. Однако там за ночь произошло нечто необычное: кто-то орудием типа лома пытался сломать подвесной замок на двери при входе на корты. Это не удалось - замок выстоял. Петли, однако, были закручены, как будто они были из пластилина.

Понятно, что через эту дверь было совершенно невозможно зайти. Но на кортах все-таки играли. Присмотревшись, я обнаружил, что в дальнем конце спортивной площадки одна из секций была снята. Именно через нее и можно было теперь проникнуть внутрь.

Но сюрпризы на этом не кончились. Внутри кортов стоял небольшой деревянный домик, там спортсмены обычно переодевались. Там же стоял весь немудреный инвентарь для ухода за спортивной площадкой. Так вот, дверь у домика была довольно грубо выломана.

Все теннисисты дико ругались, но при этом совершенно не понимали, зачем надо было скручивать замок, а затем выламывать секцию в ограде, а также и дверь в домик, в котором стояли только метлы и ведра. Причем было ясно, что это произошло ночью. Бомжи? Не похоже. Если так крутить и ломать замки, а потом выбивать секцию забора и дверь, это могло привлечь внимание. Нет, совершенно ясно, что ломавшие не боялись привлечь ничье внимание.

Глянув на все это разорение, я вдруг понял, что на самом деле здесь произошло. Дело в том, что за день до этого я ездил к зданию парламента. Там было достаточно много людей, жгли свечи по убитым, молились. Я рассчитывал встретить кого-либо

из знакомых, обсудить ситуацию, выяснить детали произошедшей трагедии.

И действительно, там мне встретился один из молодых людей, который сидел вместе с нами в осаде внутри парламента. Мы поздоровались, однако не успели перекинуться даже парой слов, как этот человек вдруг так пристально глянул на меня, как будто его осенила какая-то догадка. И тут же, на что-то сославшись, бочком-бочком, кинулся прочь - к своей машине, которая стояла поодаль.

Я тогда не придавал значения этому странному бегству. Но теперь, сопоставив с не менее странным разгромом кортов, пришел к следующим выводам. Этот парень хоть и сидел в Белом доме, но, похоже, работал не на осажденных, а на осаждавших. А увидев меня, вдруг решил, что Константинова можно поискать, в том числе и через мою персону.

Как уже было описано выше, вечером следующего дня после встречи я поехал на корты поиграть. И вел себя с точки зрения следивших за мной, если таковые имелись, довольно подозрительно: отправился на спортивное мероприятие через весь город. Пришел, когда на кортах уже никого не было. Зашел в домик на несколько минут (я там переодевался в спортивную форму). При этом затащил туда довольно большую теннисную сумку. Потом вышел, побил минут двадцать мячом в стенку и уехал домой.

Подозрительно? Еще как! Разве так в теннис играют? А может быть, он на самом деле привозил еду Константинову, который сидел в этом самом домике? Сумка-то была огромная! А корты были достаточно близко от Белого дома.

Наверное, наблюдавшие за мной решили проверить свою версию: после моего ухода попытались сломать замок на двери, потом просто вышибли секцию ограды и грубо выломали дверь в домик. Ясное дело, ничего там они не нашли и убрались восвояси, несолоно хлебавши. Иного объяснения у меня не было. Кто еще будет ночью ломать замки на железных воротах и крушить двери в домик для спортсменов? Ведь в городе было

введено чрезвычайное положение, кругом ходили патрули, особенно поблизости от Краснопресненской набережной. Сомнительно, что в подобной ситуации какой-то жулик полез бы подобным образом в одинокий домик на теннисном корте. Это же все-таки не ювелирный магазин или банк с деньгами! К тому же, было ясно, что жулики не стали бы ломать замок на воротах. Конечно же, они предпочли бы не шуметь, а просто перелезли через забор.

Кстати, когда я зашел на разгромленные корты в то утро, то обратил внимание на гражданина, одетого в светлый костюм, который одиноко стоял за оградой и наблюдал за игроками. Вид при этом у него никак не соответствовал ситуации. Выглядел он явно огорченным или даже обескураженным. И стоял он в те утренние часы в совершенно неудобном месте, откуда игра была видна довольно плохо. Постояв минут двадцать, он, наконец, ушел восвояси. Наверное, пошел искать Константинова на другом корте.

"Над всей Испанией летает небо"

Часто от людей я слышал мнение, что прорыв блокады вокруг парламента был хорошо спланированной провокацией. Что все было продумано ельцинистами и американцами заранее, и Белый дом никогда не мог бы победить Ельцина, ни при каком раскладе. Я так не считал и не считаю, и вот почему. Как уже упоминалось, перед самым штурмом защитники парламента, сидевшие внутри здания, передавали друг другу записки для родственников на случай своей гибели. Отдали довольно много таких записок и мне. Я оставил их все у себя дома до лучших времен. Там они и пролежали какое-то время. Затем я их взял и стал разбираться, кому звонить, а кому – нет. По счастью, те люди, которые передавали эти записки, все остались живы.

Однако одна записка не предполагала никаких звонков. Это не было письмо к родственникам. Там были записаны числа, фамилии, а также фразы, на первый взгляд не имевшие смысла.

На самом деле цифры были номерами воинских частей. А связники и руководители частей были обозначены пофамильно. Имели определенный тайный смысл и внешне бессвязные фразы, написанные напротив номеров частей. Это были пароли, которые означали, что наступил момент выступить на стороне Верховного Совета против ельцинистов. "Над всей Испанией чистое небо".

На самом деле мне не следовало брать эту записку с собой и выносить ее из Белого дома, она, по здравому рассуждению, подлежала уничтожению. Точно так же, как, например, списки людей, получивших в Белом доме оружие.

Конечно, надо было ее уничтожить, а не таскать с собой, особенно после того, как начался расстрел Белого дома! Если бы я попался в лапы пугачистов с такой запиской, мало мне не показалось бы, это уж точно! Ведь она означала, что я являлся не абы кем, а самым настоящим активным участником организации именно вооруженного сопротивления. Да еще в какой-то форме участвовал в налаживании контактов с боевыми частями. Надо полагать, что в случае поимки от меня потребовали бы, чтобы я рассказал обо всех людях, вовлеченных в договоренности с воинскими частями. Очень может быть, что в таком случае последовали бы и пытки...

На самом деле в парламенте было несколько самостоятельных направлений по налаживанию контактов с военными в соответствующих частях. Один уровень – это Руцкой, Хасбулатов, Баранников, Ачалов, Макашов. Результат этих договоренностей известен: никто депутатов не поддержал.

Был и другой уровень контактов и договоренностей. Тут действовали люди попроще, которым было легче не попасть в поле зрения спецслужб. Они налаживали связь с конкретными воинскими частями и их командирами. Если командир соглашался на сотрудничество, определялись каналы связи. И определялись пароли, по которым эта часть должна была выступить против Ельцина в поддержку депутатов.

Договоренности на этом уровне были хороши тем, что о них наверх никому не докладывалось. Об этих переговорах был осведомлен достаточно узкий круг лиц. Почему все это не сработало? Видимо, на каком-то этапе что-то дало сбой.

Конечно же, был реальный шанс, что эти договоренности сработают. Ведь точно те же самые люди, которые занимались этим в Белом доме, в последующем, уже после расстрела, договорились с руководством Черноморского флота. И в результате, как известно, на всех кораблях Черноморского флота в один день были подняты Андреевские флаги. Эти флаги были подняты именно по договоренности, достигнутой с участием тех же людей, кто защищал в свое время Белый дом. Одного из них звали Вениамин. Наверное, для истории надо упомянуть это имя. Ему помогал его товарищ, тоже бывший военный, и тоже числившийся в команде помощников депутата Пудовкина. Был он поменьше размером, чем Вениамин, и отличался особой скромностью. К сожалению, я не запомнил его имени. Оба закончили плохо, даже трагически.

У меня имеется предположение, почему вариант с договоренностями на рабочем уровне все-таки не сработал и армия не выступила в защиту депутатов. В ряды защитников затесался предатель, и я, в общем, представлял, о ком именно шла речь. Надо было еще жестче обеспечить секретность всех этих переговоров, и не исключено, что в результате история России развивалась бы дальше совсем по другому сценарию.

Действительно, если бы на стороне парламента выступили хоть какие-то воинские части, это точно предотвратило бы расстрел, ведь в нем участвовало всего несколько танков, а регулярные части в штурме фактически не принимали участия. Да и у телецентра "Останкино", насколько известно, по безоружным демонстрантам стреляли не солдаты, а бойцы ОМОНа. Гражданская война? Эти слова очень любят повторять ельцинисты и либералы. Мол, они предотвратили всеобщую бойню. Ерунда все это, никакой гражданской войны, конечно же, не было бы. Все эти ельцинские защитнички и нувориши тут

же разбежались бы по углам, если бы им дали отпор. А точнее, все бы вмиг удрали за границу к своим хозяевам и покровителям, а также в дружественные страны - в США и на Ближний Восток.

Я уничтожил злосчастную записку. В тот момент обладание подобными бумагами могло запросто стоить жизни, и не только мне. Хотя уничтожать ее было очень жалко, она бесспорно украсила бы экспозицию будущего музея, посвященного расстрелу Белого дома. Без сомнения когда-нибудь наши с вами потомки отважатся на создание такого музея. И в достойном месте, например на Поклонной горе, недалеко от синагоги и мечети.

А пока ясно, что последняя точка в истории расстрела Белого дома еще не поставлена. Многие участники этих событий пока предусмотрительно помалкивают, понимая, что они участвовали в вооруженном мятеже и государственном перевороте. По той же причине до сих пор закрыты многие архивы, содержащие документальные свидетельства о событиях 1993 года. Да и сама власть не слишком склонна поощрять изыскания в этой области. Ведь в результате разгона парламента кремлевские заправилы смогли всеми правдами и неправдами протащить принятие конституции, по которой и поныне живет вся Россия. Если публично признать, что Ельцин совершил антиконституционный переворот, возникает и вопрос о законности этой нынешней конституции, а заодно и о законности всех кремлевских властей. Однако не сомневаюсь, что время сказать всю правду о кровавой осени 1993 года еще придет.

Индекс имен

- Аверчев В.П. стр. 106, 107, 112-115, 284-286, 407
Адамишин А.Л. стр. 101-104
Акаев А. стр. 680-681
Алферов А. стр. 352-356
Амбарцумов Е.А. стр. 100, 101, 105, 473-477, 481, 484, 547-552, 555-556, 561, 566, 571-572, 635-636, 682-683, 688, 691-692, 716
Андронов И.И. стр. 374, 377, 379-380, 481, 544, 549, 556-561, 564, 683, 691, 698-699, 709-711, 719-723, 726-727, 729, 734-737, 742, 753-754
Андропов Ю.В. стр. 58
Ачалов В.А. стр. 758
Бабурин С. стр. 281
Бакатин В. стр. 32, 33
Безниско О. стр. 114
Баранников В.П. стр. 758
Березовский Б.А. стр. 396-398, 404, 414-415
Бессмертных А.А. стр. 375
Бобков Ф.Д. стр. 57-64, 76, 118-120
Болдырев Ю.Ю. стр. 52
Брежнев Л.И. стр. 170, 558-560
Бурбулис Г. стр. 376
Буров В. стр. 352
Валуев Н. стр. 311, 313
Ватанабэ М. стр. 376
Венгеровский А.Д. стр. 121-123, 127-129
Власов В.С. стр. 428-431, 434, 436, 442-443, 445, 448-449
Власов Ю. стр. 104
Гайнутдин Р. стр.
Героев П.Э. стр. 185, 186, 226-231
Глотов С. стр. 281-284, 286-287, 292, 408, 614
Глумов И.Ф. стр. 172
Гольдберг С. стр. 362-368
Горбачев М.С. стр. 32, 49, 58, 374-375, 460, 468, 577-578, 689-690, 694
Городецкий Л. стр. 356-357
Громов Б.В. стр. 408

Громыко А. стр. 671-672
Грузинов А. стр. 172
Гурджиянц В. стр. 241, 242
Гуревич Л.Б. стр. 736
Гусев В.К. стр. 494-498, 502-504
Гусинский В.В. стр. 53, 55- 63, 119, 497, 609-610
Дзасохов А.С. стр. 107, 408
Дьяченко Т. стр. 398, 415
Дудаев Д. стр. 540-541
Ежов Д.В. стр. 463-465
Ельцин Б.Н. стр. 19, 21-23, 25, 30, 33, 43, 80, 100, 111, 112, 116-118, 142-144, 281, 282, 289, 292, 297, 299, 375-377, 379-380, 387-388, 398, 400-404, 415-416, 418, 444, 487, 490, 508-509, 516-518, 521-522, 524, 537-539, 543-544, 546, 548, 554-555, 561-565, 567-568, 574, 578, 626-630, 632, 634-635, 637, 659, 665, 674-692, 693-694, 700-703, 706-708, 712, 714, 716-718, 723-724, 727, 730, 733-734, 736-737, 740, 748-750, 754, 757-758, 760
Жак Ив Кусто стр. 265
Жириновский В.В. стр. 26-28, 33, 38, 39, 41, 121, 123-128, 381, 729
Завгаев Д. стр. 649-652, 663
Замосковичев Е.Б. стр. 451-459
Затулин К.Ф. стр. 518-520
Зенков Б.Г. стр. 429-431
Зиборов О. стр. 695
Зиланов В. стр. 251, 261, 262, 264, 265
Золотоверхий Б. стр. 353
Зорькин В.Д. стр. 518
Зыскинд стр. 350, 369
Зюганов Г.А. стр. 444, 523, 527, 535-540, 543
Исаков В.Ф. стр. 469, 471-472, 481-482
Калугин О. стр. 32
Карпов М. стр. 392-394, 396, 405, 409
Кашпировский А.М. стр. 123
Кисляк С.И. стр. 546-547, 689
Кобелев В.В. стр. 122
Ковалев С.А. стр. 72, 74, 407-408, 532
Козлов Л. стр. 359
Козьменко В. стр. 449

Козырев А.В. стр. 20, 22, 23, 376, 379, 392, 399-405, 409, 414-417, 678
Колоколов Б.Л. стр. 481-482
Колосовский И.К. стр. 168-170, 184, 186, 191-193, 195, 206, 207, 221
Константинов И. стр. 734, 754, 756-757
Коржаков А.В. стр. 142-144, 147
Котов Ю. стр. 242, 244
Котляр В.С. стр. 172, 174-182, 184
Кристофер У. стр. 670
Крутских А.В. стр. 223
Кунадзе Г. стр. 376
Кущов В.А. стр. 534-536, 538
Кургинян С. стр. 712
Ландсбергис В. стр. 541
Лебедь А.И. стр. 665, 669
Лездиньш А.Я. стр. 107
Лимонов Э.В. стр. 123
Линник В.А. стр. 565-566
Ломако А. стр. 353
Лубенченко К. стр. 477-478
Лужков Ю.М. стр. 121, 523, 667-669
Лукашенко А. стр. 301-302
Лукин В.П. стр. 25, 33, 46, 48-52, 55, 63-66, 70-76, 82-86, 89-92, 96-99, 101, 103-109, 111-115, 128, 141, 143, 147, 148, 284, 286-287, 293, 296, 376, 379-380, 383-386, 390, 398, 400-409, 414-416, 473, 477, 490-491, 493, 496-502, 519, 521, 536, 548, 581, 583-584, 588, 597, 606-608, 614-620, 630-631, 659-663, 669, 682
Лукьянов А.И. стр. 477
Лысенко Н.Н. стр. 129-140
Мавроди С. стр. 446-448
Макашов А.М. стр. 622, 713-716, 758
Мартынов С. стр. 301-302
Масхадов А. стр. 653-656, 663
Мелков Г.М. стр. 382, 386-387
Меремянин К.Г. стр. 408
Мидон Ше стр. 148-150
Милошевич С. стр. 693
Мирза Н. стр. 284-286
Мирзаянов В.С. стр. 597-605

Митрофанов А.В. стр. 109-111, 113, 114, 123, 381-387, 390-391
Митрофанова Э. стр. 382
Митюков М. стр. 381-382
Михайлов С. стр. 544, 634-635, 683-684, 710-711, 736
Михеев Ю.Я. стр. 490-496, 502
Миядзава К. стр. 376
Молотов В.М. стр. 32
Мохнач С. стр. 362-369
Мюллеман Э. стр. 638, 640, 643, 650, 657, 659-664
Накаяма Т. стр. 376
Никонов В.А. стр. 30-37, 132, 588-589, 597
Новгородская Н. стр. 149-150
Обути К. стр. 377
Одзава И. стр. 374
Одинцов А.А. стр. 53-57, 59-64, 142, 695, 699, 712, 717, 738
Олегов А. стр. 141-143
Павлов Ю.И. стр. 250, 260-264, 268, 275, 276, 279, 280
Паин Э. стр. 659-665
Паршуткин В.В. стр. 141-147, 607-609
Пасенчук В. стр. 544
Пасенчук И.В. стр. 112, 544
Подберезкин А. стр. 666, 668
Покрышкин А.И. стр. 333
Покровский Э. стр. 352-353, 361
Полищук Н. стр. 352, 353
Пономарев А.М. стр. 408
Починок А. стр. 561
Примаков Е.М. стр. 47, 48, 388, 574
Прохоров Е. стр. 484
Пудовкин Е.К. стр. 509-513, 515-518, 683, 700, 759
Путин В.В. стр. 441, 443, 445, 449-451, 503-504, 518, 694
Пушков А. стр. 313
Романов А. стр. 651-653, 656, 663
Рыбкин И.П. стр. 21-23, 25-30, 32, 38, 39, 41, 102-104, 127, 381, 408,
418
Рудович А. стр. 352, 353
Румянцев О.Г. стр. 105
Руцкой А.В. стр. 561, 687, 696, 715, 724, 728-729, 750, 758
Рыжков В.А. стр. 498-502, 521-523

Рюриков Д.Б. стр. 562-563, 566, 635
Салехов Р. стр. 459
Сальников Т. стр. 352
Самотейкин Е.М. стр. 170
Севастьянов В.И. стр. 73, 82, 84, 86, 91, 131, 137, 138, 390, 408, 438-440, 443-444, 447-448, 491, 544, 614, 621-622, 683-684
Седин Л. стр. 557
Селезнев Г.Н. стр. 293, 295-297
Семижон М.М. стр. 350-351, 353-356, 369-371
Сергеева Н.С. стр. 557-558
Сироткин В. стр. 481
Скотников Л. стр. 671
Скуратов Ю. стр. 484, 596
Соколов А. стр. 544, 683-684
Сталин И.В. стр. 77, 78
Станкевич С.Б. стр. 116-121
Степашин С.В. стр. 449-450
Столяров Н. стр. 390
Суэтин А.С. стр. 338-341
Тихонов Г.И. стр. 520-523
Третьяков В.Т. стр. 392-393, 396, 405, 609
Трофимова В.А. стр. 413-414, 720, 727, 733-734, 738, 741, 744
Трофимова В.В. стр. 330-332, 336-337, 360
Трофимов Н.Л. стр. 238-239, 333, 438, 710
Удугов М. стр. 653
Уражцев В. стр. 544, 702-704, 720
Ушакевич Е. стр. 353-355
Фатин С. стр. 733
Фесенко В. стр. 170-172
Флеминг Я. стр. 37
Хакамада И. стр. 376
Хасбулатов Р.И. стр. 102, 376, 379, 472, 479-480, 515-517, 549, 696, 715, 729-731, 758
Хасимото Р. стр. 377
Хачилаев Н. стр. 150, 418-446, 448-450
Хлестов О.Н. стр. 513-515, 634
Ходорковский М. стр. 44, 45, 528
Хрущев Н.С. стр. 508, 513, 518
Цыбуков В.В. стр. 671-673, 676-677, 681

Черномырдин В.С. стр. 77, 80-82, 89, 93, 95, 388, 596, 665, 667, 669
Чубайс А. стр. 393-395
Чубайс И. стр. 393-395
Чуркин В.И. стр. 736-738
Шабанов А.А. стр. 408
Шеварднадзе Э.А. стр. 134, 375
Шелов-Коведяев стр. 750-751
Шерварлы Ф.Г. стр. 307-310
Шпигун Г.Н. стр. 450
Элькин В. стр. 352-353, 356, 361
Юров Ю.И. стр. 24, 25, 29, 30, 31, 34, 39, 99, 411-412, 639, 752
Явлинский Г.А. стр. 52

Другие книги автора:

Трофимов В.Н. Международно-правовой статус Антарктики, М., Прометей, 1990, 153 с. - ISBN 5-7042-0339-6

Трофимов В.Н. Военная и экологическая безопасность. Международное право и сила. М., Прометей, 1991, 131 с. - ISBN 5-7042-0552-6

Трофимов В.Н. Международное право. Словарь - справочник. М., 1998, 363 с.

Большой юридический словарь (в соавторстве), М., 1997, 790 с.

Трофимов В.Н. Применение антимонопольного законодательства: Сборник судебной практики с комментариями, М., Wolters Kluwer, 2006, 505 с.

Трофимов В.Н. Недействительность сделок. Сборник судебной практики с комментариями, М., Wolters Kluwer, 2008, 340 с..

Трофимов В.Н., Трофимова Е.В. Искусственный интеллект: добро и зло как запретный плод. М., Дашков и Ко, 2011, 441 с. - ISBN 978-5-394-01580-9

Трофимов В.Н., Трофимова Е.В. Похождения молодого охотника и его друзей. М., "ИТК "Дашков и Ко", 2014, 256 с. - ISBN 978-5-394-02410-8

Трофимов В.Н. Коллаборационисты: мнимые и настоящие. Субхас Чандра Бос, Махатма Ганди, Шарль де Голль, Андрей Власов, Михаил Горбачев. М., Отпечатано в типографии "Ваш Формат", 2015, 198 с. - ISBN 978-5-9905971-9-8

Литературно-художественное издание

Трофимов Владимир Николаевич

САБОТАЖ

Редакторы: Оксана Глуховская,

Елена Студителева

16+

Знак информационной поддержки согласно Федеральному
закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Подписано в печать: 00.10.2018. Формат 60x90/16

Печать цифровая. Усл.-печ. л. 48.

Тираж по требованию

Отпечатано: ООО "Т8 Издательские технологии"
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

www.8group.ru; info@t8group.ru

тел.: 8 (499) 332-38-30